B 76666

~~303~~

U-131
310

45555

В2 76666.
РЕКАТ.
132
Проверено 1949 г.
ПРОВЕРЕНО 2006 г.
Научная библиотека ТР при КГУ
Прокурорскаго надзора Библиотека Казанск. Военно-Окружн. Суда

Мысли и воспоминанія Оттона фонъ-Бисмарка.

(Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismark. Stuttgart. 1898).

Издатель помѣщаемыхъ ниже воспоминаній германскаго канцлера въ своемъ предисловіи говоритъ, что князь Бисмаркъ началъ писать свои «Мысли и воспоминанія» вскорѣ послѣ того какъ былъ уволенъ въ отставку и когда у него была отнята, какъ онъ самъ неоднократно выражался, та поддержка, за которую онъ цѣплялся всю жизнь. Первую мысль къ составленію этихъ записокъ подалъ книгопродавецъ Коттъ, предложившій князю Бисмарку издать его воспоминанія, если таковыя имъ написаны, вслѣдствіе чего 6-го іюля 1890 г. было заключено княземъ Бисмаркомъ съ представителемъ этой фирмы условіе, по которому князь предоставлялъ ей право изданія своихъ воспоминаній, если таковыя будутъ когда-либо имъ написаны. Дипломату и историку Л. Бухеру, который послѣ отставки князя съ небольшими перерывами гостилъ много лѣтъ въ Фридрихсруэ и Варцинѣ, принадлежитъ заслуга, что онъ поддерживалъ князя Бисмарка въ его намѣреніи изложить свои воспоминанія и политическія мысли и своими ежедневными бесѣдами не давалъ ему охладѣть къ начатому дѣлу. Стенографически записанный имъ разсказъ князя составилъ главную основу этихъ записокъ въ ихъ первоначальной редакціи. Надъ исправленіемъ своихъ записокъ Бисмаркъ трудился нѣсколько лѣтъ, раздѣлилъ ихъ на главы и дополнялъ ихъ собственноручными своими замѣтками. Для облегченія работы, «Мысли и воспоминанія» были набраны еще въ 1893 г. и князь Бисмаркъ имѣлъ возможность, исправивъ раза два или три свой разсказъ, довести его до конца.

На обязанности издателя лежало возстановить въ точности по оригиналамъ нѣкоторые документы, помѣщенные въ текстѣ, которые были

3-2239
5285

21

приведены не по точнымъ печатнымъ экземплярамъ, исправить нѣкоторыя мелкія погрѣшности въ числахъ и правописаніи именъ собственныхъ, происшедшія отъ недостатка оффиціальныхъ матеріаловъ, и наконецъ дать нѣкоторыя поясненія литературнаго свойства. Но самый текстъ нигдѣ не измѣненъ и не сокращенъ.

Желая познакомить читателей съ воспоминаніямъ Бисмарка редакція помѣщаетъ ихъ въ переводѣ за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя не представляютъ интереса ни для Россіи, ни для политической жизни Европы.

I.

Школьные годы.—Вліяніе Гамбахскаго праздника и франкфуртскаго возстанія на національное нѣмецкое сознаніе и на либерализмъ Бисмарка.—Склонность его къ дипломатической части.—Идеалъ дипломата по мнѣнію Ансильона.—Иностранцы въ тогдашней прусской дипломатіи и въ войскѣ.—Служба по министерству юстиціи и занятія въ отдѣленіи гражданскихъ дѣлъ.—Антипатія Бисмарка къ тогдашней бюрократіи.—Оставленіе государственной службы.—Столкновеніе съ бюрократіей и оппозиціей.—Рѣчь его и отношеніе къ нему Фридриха-Вильгельма IV.

Я окончилъ школу къ Пасхѣ 1832 г., и, какъ естественный результатъ нашей государственной системы преподаванія, вышелъ изъ нея пантеистомъ, и если не республиканцемъ, то по крайней мѣрѣ съ убѣжденіемъ, что республика есть самая разумная форма правленія. Я вынесъ изъ нея также наклонность размышлять о причинахъ, заставляющихъ милліоны людей повиноваться одному человѣку, хотя мнѣ приходилось слышать отъ взрослыхъ довольно рѣзкіе и не слишкомъ уважительные отзывы о правителяхъ. При этомъ приготовительная школа Пламанна, устроенная по образцу гимнастическихъ заведеній Яна [1]),

---

[1]) Фридрихъ-Людвигъ Янъ (Jahn), „отецъ“ гимнастики, какъ называютъ его нѣмцы, р. 1778 г. † 1852 г. Пораженіе, нанесенное Германіи Наполеономъ, произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ на всю жизнь затаилъ къ французамъ непримиримую ненависть. Въ 1810 г. появилось его сочиненіе „Deutsches Volkstum“, въ которомъ онъ доказываетъ, что спасеніе Германіи заключается въ ея объединеніи, въ развитіи чувства національнаго самосознанія и въ созданіи арміи изъ бодрыхъ духомъ и крѣпкихъ тѣломъ гражданъ. Поступивъ въ томъ же году преподавателемъ въ одно изъ учебныхъ заведеній въ Берлинѣ, Янъ организовалъ здѣсь для дѣтей гимнастическія упражненія. Занятія эти своею новизною обратили на себя всеобщее вниманіе. На его упражненія стали являться и взрослые люди, и такимъ образомъ неважная на первый взглядъ затѣя быстро превратилась въ самостоятельное правильно организованное учрежденіе, по образцу котораго стали образовываться такія же организаціи и въ другихъ мѣстахъ. В. В.

въ которой я воспитывался съ шести до двѣнадцатилѣтняго возраста, дала мнѣ понятіе о нѣмецкомъ національномъ единствѣ. Но это понятіе не выходило изъ рамокъ теоретическихъ разсужденій и было не настолько сильно, чтобы искоренить во мнѣ преданность къ Пруссіи и монархіи.

Въ области исторіи всѣ мои симпатіи были на сторонѣ власти. Съ точки зрѣнія моихъ дѣтскихъ понятій о правѣ, Гармодій и Аристогитонъ были преступники, точно такъ-же какъ Брутъ, а Телль былъ бунтовщикомъ и убійцею.

Меня раздражали нѣмецкіе принцы, начиная съ великаго курфюрста, которые дѣйствовали передъ Тридцатилѣтней войною противъ императора, но при этомъ я былъ настолько пристрастенъ, что осуждалъ мысленно императора и находилъ естественнымъ возникновеніе Семилѣтней войны. Тѣмъ не менѣе, нѣмецкое національное чувство было во мнѣ такъ сильно развито, что въ первое время моего пребыванія въ университетѣ я сошелся съ кружкомъ тѣхъ студентовъ, которые ставили себѣ цѣлью заботиться о развитіи этого чувства. Но при личномъ знакомствѣ мнѣ не понравилось отсутствіе въ нихъ внѣшней благовоспитанности и манеръ, свойственныхъ порядочному обществу. Когда я узналъ ихъ ближе, то не могъ одобрить и ихъ крайніе политическіе взгляды, обусловливавшіеся недостаткомъ образованія и знакомства съ существующими, исторически развившимися условіями жизни, которыя мнѣ, въ 17 лѣтъ, приходилось чаще наблюдать нежели большинству этихъ студентовъ, хотя многіе изъ нихъ были старше меня. Въ глубинѣ души у меня сохранилось національное чувство и убѣжденіе, что въ близкомъ будущемъ событія приведутъ насъ къ германскому единству; я даже держалъ пари съ моимъ другомъ, американцемъ Коффиномъ, что эта цѣль будетъ достигнута лѣтъ черезъ двадцать.

27-го мая 1832 года былъ устроенъ Гамбахскій праздникъ [1]), коего пѣсни запали мнѣ въ душу; 3-го апрѣля 1833 г. произошли безпорядки во Франкфуртѣ. Эти манифестаціи произвели на меня отталкивающее впечатлѣніе; мнѣ, воспитанному въ прусскомъ духѣ, было противно слишкомъ стремительное вмѣшательство въ государственный строй. Я возвратился въ Берлинъ не столь либерально настроенный чѣмъ до моего отъѣзда оттуда. Но эта реакція ослабѣла послѣ того какъ я вошелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ государственнымъ механизмомъ. Мои взгляды на внѣшнюю политику, которою публика весьма мало, въ то время, интересовалась, были въ духѣ войнъ за освобожденіе, на которыя я смотрѣлъ съ точки зрѣнія прусскаго офицера. При взглядѣ на

[1]) Такъ называлось происходившее въ Гамабхѣ въ 1832 г. многочисленное народное собраніе, для пропаганды республики. В. В.

географическую карту меня бѣсило, что Страсбургомъ владѣли французы, а мое посѣщеніе Гейдельберга, Шпейера и Пфальца возбудило во мнѣ чувство мести и настроило весьма воинственно.

Серьезно подумывая о служебной карьерѣ, я всегда останавливался мысленно на дипломатическомъ поприщѣ, даже и послѣ того какъ я не встрѣтилъ къ этому особаго поощренія со стороны министра Ансильона, которому я представлялся. Говоря о недостаткахъ, присущихъ нашимъ дипломатамъ, онъ указалъ на князя Феликса Лихновскаго [1]), какъ на образецъ тѣхъ качествъ, которыхъ имъ недоставало, хотя можно было предположить, что эта личность, какъ она заявила себя въ Берлинѣ, не могла вызвать особеннаго сочувствія со стороны министра, происходившаго изъ среды евангелическаго духовенства.

Министръ находилъ, что наше доморощенное прусское провинціальное дворянство не могло дать дипломатіи необходимыхъ для нея людей, что оно не въ состояніи было пополнить недостатокъ въ дарованіяхъ, который онъ замѣчалъ въ личномъ составѣ этой отрасли администраціи. Этотъ взглядъ имѣлъ свое основаніе. Будучи министромъ, я питалъ сегда къ кореннымъ прусскимъ дипломатамъ, какъ къ своимъ землякамъ, особую симпатію, но долгъ службы рѣдко позволялъ мнѣ проявлять эти симпатіи на дѣлѣ. Въ прусскихъ дипломатахъ изъ статскихъ, которые вовсе не были знакомы съ военной дисциплиной или были знакомы съ нею недостаточно, я находилъ обыкновенно слишкомъ большую склонность къ критикѣ, къ претензіи будто они знаютъ лучше другихъ, къ оппозиціи и къ обидчивости. Прусскій дворянинъ стараго закала, проникнутый идеями равенства, испытываетъ обыкновенно недовольство, когда сослуживецъ переростетъ его головою или является его начальникомъ внѣ сферы военной службы. Въ арміи эти господа издавна привыкли къ подобнымъ случайностямъ. При томъ, въ дипломатіи, тѣ личности, которыя имѣютъ собственное состояніе или случайно владѣютъ иностранными языками, въ особенности французскимъ, видятъ въ этомъ особый поводъ къ тому, чтобы имъ было оказано предпочтеніе, и относятся поэтому къ высшему начальству еще требовательнѣе и гораздо болѣе склонны къ критикѣ, нежели другіе. Знаніе языковъ, хотя бы по стольку, какъ ими владѣетъ порядочный кельнеръ, зачастую давало у насъ людямъ поводъ считать себя призванными къ дипломатической карьерѣ. Такъ было до тѣхъ поръ, пока существовало требованіе, чтобы донесенія на-

---

[1]) Князь Феликсъ Лихновскій р. 1814 г. † 1840 г. Избранный въ 1848 г. въ національное собраніе онъ явился однимъ изъ значительнѣйшихъ ораторовъ правой стороны. Какъ горячій защитникъ легитимизма и почти фанатическій католикъ вызвалъ ожесточеніе радикаловъ и палъ жертвой франкфуртскаго возстанія. В. В.

шихъ посланниковъ, въ особенности посылаемыя ad Regem, писались на французскомъ языкѣ; хотя это не всегда исполнялось, но предписаніе это было въ силѣ до моего назначенія министромъ. Изъ числа нашихъ престарѣлыхъ дипломатовъ я зналъ нѣсколькихъ лицъ, которые, не имѣя понятія о политикѣ, дошли до высшихъ должностей единственно благодаря тому, что они прекрасно владѣли французскимъ языкомъ; но зато они сообщали въ своихъ донесеніяхъ только то, что могли свободно изложить на этомъ языкѣ. Мнѣ приходилось еще въ 1862 году писать свои донесенія изъ Петербурга по-французски; посланники, которые писали министру и частныя письма на этомъ языкѣ, считались въ силу этого одаренными особымъ призваніемъ къ карьерѣ дипломата, хотя бы про нихъ было извѣстно, что они не имѣютъ въ политикѣ своихъ собственныхъ мнѣній.

Я не могу поставить въ вину Ансильону, что говоря о нашемъ провинціальномъ дворянствѣ, онъ находилъ, что дворяне съ трудомъ отрѣшались отъ узкаго круга своихъ тогдашнихъ берлинскихъ или, если можно такъ выразиться, провинціальныхъ взглядовъ, и вступивъ на дипломатическое поприще, не легко отполировывались на европейскій ладъ Этотъ взглядъ отразился весьма чувствительно на тогдашнемъ составѣ нашего дипломатическаго корпуса. Просматривая списокъ дипломатовъ, удивляешься встрѣчая въ немъ такъ мало настоящихъ пруссаковъ.

Когда я былъ назначенъ во Франкфуртъ, то кромѣ меня, барона Карла фонъ-Вертера, Каница и графа Макса Гацфельдта, женатаго на француженкѣ, я не могу припомнить изъ пруссаковъ ни одной личности, занимавшей сколько-нибудь видный дипломатическій постъ.

Точно также лучшіе наши полководцы, Блюхеръ, Гнейзенау, Мольтке, Гебенъ (Goeben) были не прусскіе уроженцы, точно такъ-же, какъ Штейнъ, Гарденбергъ, Моцъ и Грольманъ на поприщѣ гражданской службы. Выходитъ, какъ будто наши государственные люди, подобно деревьямъ въ питомникѣ для полнаго развитія своихъ силъ требуютъ пересадки.

Ансильонъ совѣтывалъ мнѣ прежде всего выдержать экзаменъ на чинъ ассессора, а затѣмъ искать доступа въ нѣмецкую дипломатію Пруссіи окольнымъ путемъ, чрезъ Таможенный союзъ.

Я принялъ его совѣтъ къ свѣдѣнію и рѣшилъ держать въ скоромъ времени экзаменъ на чинъ ассессора.

Учрежденія нашего министерства юстиціи, въ которомъ началась моя дѣятельность, и люди въ нихъ служившіе давали моему юношескому уму скорѣе пищу къ критикѣ, нежели къ назиданію. Практическое образованіе аудитора началось съ составленія протоколовъ уголовнаго суда. Къ этому занятію опредѣлилъ меня совѣтникъ фонъ-Браунчъ, подъ начальство котораго я былъ назначенъ; онъ навалилъ на меня массу дѣла, такъ какъ я писалъ въ то время очень быстро и четко. Изъ «розысковъ»,

какъ назывались уголовныя дѣла при тогдашнемъ инквизиціонномъ порядкѣ судопроизводства, на меня произвелъ особенно сильное впечатлѣніе процессъ о существовавшемъ въ то время и весьма распространенномъ въ Берлинѣ обществѣ приверженцевъ противуестественнаго порока. Общество это имѣло сторонниковъ и въ высшихъ слояхъ. Судебные акты, касавшіеся этого дѣла, были вытребованы изъ министерства юстиціи, какъ говорили, по настоянію князя Витгенштейна и не были возвращены, по крайней мѣрѣ, за все время моей службы въ уголовномъ судѣ.

Пробывъ четыре мѣсяца въ должности протоколиста, я былъ перемѣщенъ въ городской судъ, гдѣ разбирались гражданскія дѣла; это было повышеніе, такъ какъ я перешелъ при этомъ отъ механическаго писанія подъ диктовку къ самостоятельной работѣ, исполненіе которой затруднялось для меня моей неопытностью и моими личными взглядами. Бракоразводныя дѣла были пробнымъ камнемъ дѣятельности новичка въ юриспруденціи, и такъ какъ имъ придавалось не особенно важное значеніе, то они были поручены самому бездарному совѣтнику по фамиліи Преторіусу и производились, подъ его наблюденіемъ, самыми юными аудиторами. Онъ никогда не присутствовалъ при разбирательствѣ этихъ дѣлъ и намъ разсказывали, что разбуженный во время засѣданій изъ сладкой дремоты, для подачи голоса, Преторіусъ говорилъ обыкновенно: «Я присоединяюсь къ мнѣнію моего коллеги Темпельгофа», при чемъ иной разъ приходилось ему замѣтить, что г. Темпельгофа вовсе не было въ засѣданіи.

Я обратился къ нему однажды въ затруднительномъ случаѣ, когда мнѣ, двадцатилѣтнему юношѣ, пришлось сдѣлать попытку къ примиренію супружеской четы,—обстоятельство, представлявшее для моего ума нѣкотораго рода религіозную и нравственную загадку, которую я не былъ въ состояніи разрѣшить самъ. Я засталъ г. Преторіуса въ томъ не особенно пріятномъ настроеніи, въ какомъ бываетъ пожилой господинъ, несвоевременно разбуженный отъ сна и вдобавокъ настроенный, какъ многіе чиновники стараго закала, не слишкомъ доброжелательно къ молодому дворянину. Онъ сказалъ съ презрительной улыбкою: «Какъ досадно, когда человѣкъ не умѣетъ хоть чуточку самъ справиться съ дѣломъ. Я вамъ покажу, какъ это дѣлается». Мы вернулись въ зало засѣданія. Дѣло заключалось въ томъ, что мужъ желалъ развода, а жена на это не соглашалась; мужъ обвинялъ ее въ нарушеніи супружеской вѣрности, а жена, обливаясь слезами, доказывала свою невинность и, несмотря на худое обращеніе мужа, хотѣла по прежнему жить вмѣстѣ съ нимъ. Шепелявя г. Преторіусъ обратился къ женѣ: «Не будь же такой дурой. Что тебѣ отъ него за корысть? Вѣдь прійдя домой, мужъ изобьетъ тебя. Скажи, что ты согласна: васъ тотчасъ раз-

ведутъ». Женщина плакала и кричала: «Я честная женщина, я не могу взять на себя вину, я не хочу развода». Послѣ неоднократныхъ увѣщаній и возраженій въ этомъ родѣ, г. Преторіусъ обратился ко мнѣ со словами: «Такъ какъ она не хочетъ внять голосу благоразумія, то напишите...» и затѣмъ продиктовалъ мнѣ заключеніе, которое произвело на меня столь сильное впечатлѣніе, что я и посейчасъ помню его отъ слова до слова. «Послѣ того какъ была сдѣлана попытка къ примиренію сторонъ, и когда всѣ убѣжденія, основанныя на доводахъ нравственности и религіи, остались безуспѣшны, а по сему было приступлено какъ ниже слѣдуетъ». Мой начальникъ всталъ, сказавъ: «Замѣтьте себѣ какъ это дѣлается и впредь не безпокойте меня подобными пустяками». Я занимался бракоразводными дѣлами, сколько помнится отъ 4—6 недѣль, но мнѣ не пришлось болѣе мирить сторонъ.

Болѣе интереса представляло мнѣ рѣшеніе дѣлъ по гражданскимъ искамъ. Но помѣщеніе суда и судебное производство этихъ дѣлъ напоминало нѣсколько суетню, происходящую у желѣзнодорожной кассы. Пространство, гдѣ засѣдали, спиною къ публикѣ, предсѣдательствующій совѣтникъ и три или четыре аудитора, было обнесено деревянной рѣшеткою, и передъ образовавшимся такимъ образомъ четыреугольникомъ толпились стороны, смѣняя другъ друга и болѣе или менѣе шумя и галдя.

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ знакомства съ существующими учрежденіями и со служащимъ въ нихъ персоналомъ, не измѣнилось существеннымъ образомъ, когда я перешелъ къ службѣ въ администраціи. Чтобы сократить путь, который долженъ былъ привести меня къ дипломатической карьерѣ, я обратился къ одному изъ правительствъ Рейнскаго Союза, именно къ Аахенскому, гдѣ можно было пройти практическій курсъ службы въ два года, тогда какъ въ старо-германскихъ учрежденіяхъ на это требовалось не менѣе трехъ лѣтъ.

Уѣзжая изъ Аахена, я составилъ себѣ довольно жалкое мнѣніе о нашей бюрократіи въ общемъ и въ частности, за исключеніемъ даровитаго президента графа Арнима Бойценбурга. Но относительно нѣкоторыхъ лицъ это мнѣніе измѣнилось въ болѣе благопріятномъ для нихъ смыслѣ, когда я познакомился съ административными учрежденіями Потсдама, куда я былъ переведенъ, по собственному моему желанію, въ 1837 году.

Чины администраціи произвели на меня болѣе выгодное впечатлѣніе, нежели члены суда въ Аахенѣ, но, въ общемъ, они все-таки казались мнѣ порядочными колпаками.

Ходъ дѣлъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ Потсдама и Аахена не могъ особенно поощрить меня къ дальнѣйшей служебной дѣятельности. Предоставленный мнѣ кругъ дѣятельности казался мнѣ слишкомъ скучнымъ и ограниченнымъ; взысканіе пошлинъ за ввозъ зерно-

ваго хлѣба и участіе мое въ дѣлѣ постройки плотины въ Ростицѣ, близъ Вюстергаузена, не заставили меня пожалѣть объ оставленной службѣ. Отказавшись отъ честолюбивой мечты о чиновничьей карьерѣ, я охотно послѣдовалъ желанію монхъ родителей и занялся управленіемъ нашихъ помѣстій въ Помераніи. Я разсчитывалъ жить и умереть въ имѣніи, потрудившись на поприщѣ сельскаго хозяйства и, быть можетъ, отличиться на войнѣ, если-бы къ этому представился случай. Если я чему-нибудь завидовалъ еще на свѣтѣ, такъ это чину поручика ландвера.

Идеи, усвоенныя мною въ дѣтствѣ, не могли внушить мнѣ призванія къ военному дѣлу. Въ учебномъ заведеніи Пламанна, основанномъ по принципамъ Песталоцци и Яна, частичка «фонъ», стоявшая передъ моей фамиліей, мѣшала мнѣ чувствовать себя вполнѣ привольно въ обществѣ монхъ сверстниковъ и учителей. Точно также и въ гимназіи «Сѣраго Монастыря» (Grauer-Kloster) мнѣ пришлось испытать на себѣ ту ненависть нѣкоторыхъ учителей, которую питало къ дворянству большинство интеллигентныхъ бюргеровъ подъ вліяніемъ воспоминаній объ эпохѣ, предшествовавшей 1806 г. Это враждебное настроеніе, которое проявлялось, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ бюргерскихъ кружкахъ, никогда не вызывало во мнѣ желанія отвѣтить имъ тѣмъ же.

Отецъ мой былъ чуждъ аристократическихъ предразсудковъ, и если его взгляды относительно равенства людей съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнились, то это слѣдуетъ приписать исключительно убѣжденіямъ, вынесеннымъ имъ въ молодости изъ военной службы, а отнюдь не преувеличенному мнѣнію о преимуществахъ происхожденія. Мать моя была дочерью профессора Менкена, личнаго секретаря Фридриха Великаго, Фридриха-Вильгельма II и III, который пользовался въ то время, при дворѣ, репутаціей большого либерала; въ семействѣ Менкенъ было нѣсколько выдающихся профессоровъ, занимавшихъ каѳедры въ Лейпцигѣ, а представители ближайшаго ко мнѣ поколѣнія этой семьи поступили на службу Пруссіи ко двору и по министерству иностранныхъ дѣлъ. Баронъ фонъ-Штейнъ отзывался о моемъ дѣдѣ, Менкенѣ, какъ о человѣкѣ честномъ и яромъ либералѣ. Такимъ образомъ, идеи, всосанныя мною съ молокомъ матери, были скорѣе либеральныя, нежели реакціонерныя, и если бы мать моя дожила до того времени, когда я былъ назначенъ министромъ, то врядъ ли она одобрила бы направленіе моей министерской дѣятельности, хотя внѣшній успѣхъ, сопровождавшій мою служебную карьеру, конечно, чрезвычайно порадовалъ бы ее. Она выросла въ бюрократической и придворной сферѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, вспоминая о своихъ дѣтскихъ играхъ съ нею, называлъ ее не иначе, какъ «Минхенъ» [1]). Поэтому я рѣшительно протестую про-

[1]) Мать канцлера князя Бисмарка звали Вильгельминою, род. 1790 г., † 1838 г. В. В.

тивъ ошибочной оцѣнки моихъ юношескихъ взглядовъ, когда мнѣ приписываютъ «предразсудки моего сословія» и высказываютъ догадку, будто идея о прерогативахъ дворянства послужила исходнымъ пунктомъ моей внутренней политики.

Мною руководила исключительно забота о пользѣ государства, и я признаю клеветою обвиненіе, которое возводили на меня даже доброжелательные мнѣ публицисты, утверждая, что я дѣйствовалъ когда-либо исключительно въ интересахъ дворянскаго сословія. Защищая землевладѣніе я не имѣлъ въ виду интересы землевладѣльцевъ дворянъ, людей одного со мною сословія; я поступалъ такъ потому, что видѣлъ въ упадкѣ сельскаго хозяйства величайшую опасность, угрожающую нашему государственному благосостоянію.

Въ Помераніи я не пользовался сочувствіемъ за мои сословно-либеральные взгляды, а въ Шенгаузенѣ они снискали мнѣ сочувствіе землевладѣльцевъ моего округа. Мои тогдашнія убѣжденія нѣсколько измѣнились вслѣдствіе крайне несимпатичнаго мнѣ способа оппозиціи перваго (въ 1847 г.) соединеннаго ландтага, въ засѣданіяхъ котораго я принялъ участіе въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, вмѣсто заболѣвшаго депутата фонъ-Браунгича. Рѣчи депутатовъ Восточной Пруссіи возбуждали во мнѣ отвращеніе; даже и теперь, когда я перечитываю протоколы засѣданій, всѣ эти рѣчи производятъ на меня впечатлѣніе шаблонныхъ и заимствованныхъ фразъ. Я чувствовалъ, что король стоялъ на истинномъ пути, и что ему надобно было дать время, чтобы справиться со своей задачей.

Я имѣлъ крупное столкновеніе съ оппозиціей, когда я произнесъ, 17-го мая 1847 года, свою первую пространную рѣчь, въ которой я оспаривалъ существовавшее мнѣніе, будто бы Пруссія воевала, въ 1813 году, для того, чтобы получить конституцію, и выразилъ весьма понятное негодованіе по поводу высказаннаго въ ландтагѣ мнѣнія, будто иноземное владычество не было достаточнымъ поводомъ для войны [1]). Мнѣ казалось недостойнымъ, со стороны націи, предъявлять королю требованіе о вознагражденіи народа конституціей за то, что нація боролась за свое собственное освобожденіе.

Мои слова вызвали цѣлую бурю. Я не сошелъ съ трибуны, началъ перелистывать лежавшую на ней газету, и когда шумъ умолкъ, я докончилъ свою рѣчь.

На придворныхъ празднествахъ, происходившихъ во время соединеннаго ландтага, король и принцесса прусская замѣтнымъ образомъ избѣгали меня по разнымъ причинамъ; принцесса потому, что я не былъ либераломъ и не пользовался популярностью, а король по при-

[1]) Politische Reden. Изд. Котта. I, стр. 9. Прим. издателя.

чинѣ, которая выяснилась мнѣ позднѣе. Когда онъ избѣгалъ говорить со мною при пріемѣ членовъ ландтага, или когда въ кругу придворныхъ, сказавъ каждому, по очереди, нѣсколько словъ, онъ смолкалъ, подойдя ко мнѣ или направлялся на противоположный конецъ зала, тогда у меня невольно являлось подозрѣніе, что я переступилъ, въ своемъ увлеченіи реализмомъ, границы, которыя были имъ намѣчены въ его видахъ. Неосновательность этого предположенія выяснилась только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда я посѣтилъ Венецію во время своего свадебнаго путешествія. Король, увидавъ меня въ театрѣ, назначилъ мнѣ на другой день аудіенцію и пригласилъ меня къ обѣду; это было для меня такой неожиданностью, что я не имѣлъ возможности явиться въ должномъ парадѣ, такъ какъ захватилъ съ собою лишь самый легкій багажъ, а мѣстные портные не были достаточно умѣлы, чтобы помочь моей бѣдѣ. Король принялъ меня такъ милостиво и бесѣдовалъ со мною въ такомъ духѣ о вопросахъ политики, что я могъ видѣть въ этомъ только лестное для меня одобреніе всего, высказаннаго мною на ландтагѣ. Король приказалъ мнѣ явиться къ нему зимою, что и было мною исполнено. На этомъ пріемѣ и на маленькихъ обѣдахъ въ замкѣ, на которыхъ я присутствовалъ, я убѣдился въ благоволеніи ко мнѣ обоихъ царственныхъ особъ и въ томъ, что король, избѣгая говорить со мною при всѣхъ, во время ландтага, не хотѣлъ выразить этимъ неодобренія моему образу дѣйствій въ политикѣ, но не желалъ показать въ то время другимъ, что онъ меня одобряетъ.

II.

Событія 18-го и 19-го марта 1848 года въ Берлинѣ.—Участіе въ нихъ Бисмарка.—Свиданіе его съ принцессою прусскою и принцемъ Фридрихомъ-Карломъ.—Неудачная попытка Бисмарка проникнуть во дворецъ.—Письмо его къ королю.—На улицахъ Берлина.—Бесѣда Бисмарка съ Приттвицемъ и Мелендорфомъ.—Депутація шенгаузенскихъ крестьянъ.—Рѣчь короля офицерамъ гвардейскаго корпуса.—Письма Бисмарка генералу Приттвицу и въ Магдебургскую газету.—Противодѣйствіе Бисмарка отказу короля отъ престола.—Отношеніе къ принцессѣ прусской и къ принцу Фридриху-Вильгельму.—Разговоръ съ королемъ.—Братья Леопольдъ и Людвигъ фонъ-Герлахъ.—Генералъ фонъ-Раухъ.—Новое министерство, съ графомъ Бранденбургомъ во главѣ.—Мѣры, принятыя для безопасности министровъ въ національномъ собраніи.—Поведеніе Врангеля.

Я получилъ первое извѣстіе о событіяхъ 18-го и 19-го марта 1848 г. въ домѣ моего сосѣда по имѣнію, графа фонъ-Вартенслебенъ-Карова, у котораго искали убѣжища берлинскія дамы. Въ первый моментъ я

не столько оцѣнилъ политическое значеніе этихъ событій, какъ меня возмутило убійство нашихъ солдатъ на улицахъ города. Король быстро подавитъ возстаніе, думалъ я, если только онъ будетъ свободенъ. Поэтому объ освобожденіи короля, который былъ, какъ говорили, во власти мятежниковъ, слѣдовало, по моему мнѣнію, и озаботиться прежде всего.

20-го числа, шенгаузенскіе крестьяне донесли мнѣ, что къ нимъ явились депутаты изъ г. Тангермюнде [1]), лежащаго въ разстояніи трехъ четвертей мили отъ ихъ села, съ требованіемъ поднять, по примѣру города, на башнѣ трехцвѣтный черно-красно-желтый флагъ, угрожая, въ случаѣ отказа, придти съ вооруженной силой. Я спросилъ крестьянъ, желаютъ ли вооружиться, и когда они единогласно выразили къ тому полную готовность, то я посовѣтовалъ имъ прогнать горожанъ, что и было исполнено при дѣятельномъ участіи женщинъ. Затѣмъ я приказалъ поднять на башнѣ взятую изъ церкви бѣлую хоругвь съ чернымъ крестомъ, напоминавшимъ желѣзный крестъ, и привелъ въ извѣстность сколько ружей и боевыхъ припасовъ можно было найти въ деревнѣ; оказалось, что у крестьянъ было до пятидесяти охотничьихъ ружей. У меня ихъ нашлось также штукъ двадцать, считая въ томъ числѣ и старинныя ружья, и я послалъ верховыхъ за порохомъ въ Іерихонъ [2]) и Ратеновъ [3]).

Затѣмъ я объѣхалъ съ женою сосѣднія деревни; крестьяне вездѣ выражали полную готовность идти въ Берлинъ, выручать короля. Съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ объ этомъ старикъ Краузе изъ Нейермарка, служившій нѣкогда вахмистромъ въ полку «карабинеровъ», коимъ командовалъ мой отецъ. Ближайшій мой сосѣдъ сочувствовалъ событіямъ, происшедшимъ въ Берлинѣ, обвинялъ меня въ подстрекательствѣ мѣстныхъ жителей и заявилъ, что ежели крестьяне въ самомъ дѣлѣ вздумаютъ идти въ Берлинъ, то онъ вмѣшается въ это дѣло и отговоритъ ихъ. Я возразилъ на это:

— Вы знаете, что я человѣкъ миролюбивый, но если вы это сдѣлаете, то я васъ убью.

— Конечно вы этого не сдѣлаете,—сказалъ онъ.

— Даю вамъ честное слово,—продолжалъ я,—вы знаете, что я его держу, поэтому лучше оставьте это дѣло.

Затѣмъ я поѣхалъ одинъ въ Потсдамъ, гдѣ встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги г. фонъ Бодельшвинга, бывшаго до 19 марта мини-

---

[1]) Прусскій городъ Тангермюнде лежитъ при сліяніи рѣкъ Тангера и Эльбы. В. В.

[2]) Іерихонъ (Jerichow) маленькій городокъ, лежащій недалеко отъ Магдебурга.

[3]) Ратеновъ (Rathenow) уѣздный городъ при рѣкѣ Гавелѣ. В. В.

стромъ внутреннихъ дѣлъ. По всей вѣроятности ему не хотѣлось, чтобы его видѣли бесѣдующимъ со мною, съ «реакціонеромъ»; онъ отвѣтилъ на мое привѣтствіе:

— Ne me parlez pas [1]).

— Les paysans se lèvent chez nous,—возразилъ я [2]).

— Pour le Roi? [3]).

Oui [4]).

— Это канатный плясунъ,—сказалъ онъ,—закрывая руками глаза, въ которыхъ виднѣлись слезы.

Въ городѣ я увидѣлъ пѣхотныхъ солдатъ гвардіи, стоявшихъ бивуакомъ въ скверѣ возлѣ полковой церкви; я поговорилъ съ солдатами, которые были недовольны полученнымъ приказаніемъ вернуться и желали снова идти въ бой. Когда я пошелъ отъ нихъ вдоль набережной канала, за мною шли слѣдомъ какія то подозрительныя статскія личности, походившія на шпіоновъ, которые старались вступить въ разговоръ съ войскомъ и произносили по моему адресу угрозы. У меня было четыре заряда въ карманѣ, но мнѣ не пришлось пустить ихъ въ дѣло. Я зашелъ къ моему другу Роону (Roon), которому, какъ воспитателю принца Фридриха-Карла, было отведено въ городскомъ замкѣ нѣсколько комнатъ, посѣтилъ также въ «Нѣмецкомъ домѣ» генерала Моллендорфа, еще совершенно разбитаго отъ побоевъ, нанесенныхъ ему, когда онъ велъ переговоры съ мятежниками, и генерала Притвица, командовавшаго войскомъ въ Берлинѣ. Я описалъ имъ настроеніе сельскаго населенія, а они сообщили мнѣ нѣкоторыя подробности событій вплоть до утра 19-го числа. Все то, что они могли сообщить мнѣ и что мы узнали позднѣе изъ извѣстій, полученныхъ изъ Берлина, еще болѣе убѣдило меня въ томъ, что король не былъ свободенъ.

Притвицъ, который былъ старше меня и судилъ спокойнѣе, сказалъ:

— Не присылайте намъ крестьянъ, мы въ нихъ не нуждаемся, у насъ довольно солдатъ; пришлите намъ лучше картофеля и хлѣба, да пожалуй и денегъ, такъ какъ я не знаю, приняты ли всѣ нужныя мѣры для продовольствія солдатъ и уплаты имъ жаловьнья. Если бы ко мнѣ пришло подкрѣпленіе, то я получилъ бы изъ Берлина приказаніе отпустить его, что я и долженъ былъ бы исполнить.

— Такъ освободите же короля изъ Берлина!—сказалъ я.

— Это не представило бы особенной трудности,—отвѣчалъ онъ. Съ

---

[1]) — Не говорите со мною.

[2]) — У насъ крестьяне берутся за оружіе.

[3]) — За короля?

[4]) — Да.

моими силами я могу взять Берлинъ, но въ такомъ случаѣ придется сражаться. Что же намъ дѣлать, когда король приказалъ намъ принять на себя роль побѣжденныхъ? Не получивъ приказанія я не могу атаковать города.

При этихъ обстоятельствахъ мнѣ пришло на умъ получить инымъ путемъ приказаніе дѣйствовать, такъ какъ его нельзя было ожидать отъ короля, лишеннаго свободы. Я постарался найти доступъ къ королевскому принцу. Когда мнѣ сказали, что для этого необходимо имѣть согласіе принцессы, то я явился къ ней, чтобы узнать отъ нея о мѣстопребываніи ея супруга (онъ находился, какъ я узналъ впослѣдствіи, на Павлиньемъ островѣ [1]). Она приняла меня въ комнатѣ для служителей, находившейся въ антресолѣ, сидя на простомъ сосновомъ стулѣ, отказала мнѣ въ моей просьбѣ, сказавъ въ сильномъ возбужденіи, что она обязана охранять права своего сына. Какъ можно было судить по ея словамъ, она видимо предполагала, что король и ея супругъ не будутъ въ состояніи удержать власть и что ей придется быть регентшей во время малолѣтства ея сына. Такъ какъ мнѣ не удалось добиться свиданія съ прусскимъ принцемъ, то я попытался подѣйствовать на принца Фридриха-Карла; я представилъ ему, какъ важно было для королевской фамиліи сохранить сочувствіе арміи и дѣйствовать въ пользу короля хотя бы безъ его приказанія, такъ какъ его величество лишенъ свободы. Онъ отвѣчалъ мнѣ, глубоко тронутый, что хотя вполнѣ сочувствуетъ моей мысли, но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы взять на себя ея исполненіе, что не можетъ подражать студентамъ, которые будучи однихъ лѣтъ съ нимъ вмѣшиваются въ политику. Я рѣшился тогда сдѣлать попытку проникнуть къ королю.

Принцъ Карлъ далъ мнѣ въ Потсдамскомъ дворцѣ слѣдующее открытое предписаніе, которое должно было служить мнѣ удостовѣреніемъ личности и паспортомъ:

«Податель сего—лично мнѣ извѣстный—имѣетъ порученіе, л и ч н о освѣдомиться у его величества, всемилостивѣйшаго брата моего, о высочайшемъ его здоровьи и доставить мнѣ извѣстіе, по какой причинѣ я не получаю, въ теченіе 30 часовъ, н и к а к о г о отвѣта на мои неоднократные, собственноручные запросы о томъ, могу ли я пріѣхать въ Берлинъ. Карлъ принцъ прусскій».

Потсдамъ, 21-го марта 1848 г.

Я отправился въ Берлинъ. Будучи со времени соединеннаго ландтага лично извѣстенъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, я счелъ нуж-

---

[1]) Pfaueninsel—островъ на Гавелѣ, притокѣ Эльбы, въ окрестностяхъ Потсдама. В. В.

нымъ сбрить бороду и надѣть широкополую шляпу съ пестрой кокардой. Надѣясь получить аудіенцію у короля, я былъ во фракѣ. Въ концѣ желѣзнодорожной станціи стояла тарелка съ приглашеніемъ жертвовать въ пользу сражавшихся на баррикадахъ, а возлѣ нея стоялъ долговязый городовой стражъ съ мушкетомъ за плечомъ. Мой двоюродный братъ, съ которымъ я встрѣтился, выходя изъ вагона, досталъ изъ кармана кошелекъ.

— Неужели ты намѣренъ дать что-нибудь этимъ убійцамъ?—сказалъ я, но, замѣтивъ его взглядъ, коимъ онъ меня предостерегалъ, я прибавилъ: «а ты не боишься солдатской пули?»

Я еще раньше замѣтилъ тутъ моего добраго пріятеля, совѣтника высшаго суда Мейера, который, услыхавъ мои послѣднія слова, съ гнѣвомъ обернулся и, узнавъ меня, воскликнулъ:

— Чортъ побери, да это Бисмаркъ! на кого это вы похожи! Что за свинство тутъ творится!

Городовая стража, стоявшая во дворцѣ, освѣдомилась что мнѣ нужно. Когда я отвѣчалъ, что долженъ вручить королю письмо отъ принца Карла, то караульный сказалъ, подозрительно оглядывая меня, что этого быть не можетъ, такъ какъ принцъ находится въ настоящее время у короля, и слѣдовательно онъ выѣхалъ изъ Потсдама ранѣе меня. Стража потребовала, чтобы я показалъ письмо; такъ какъ оно было открыто и невиннаго содержанія, то меня отпустили, но во дворецъ я все-таки не попалъ. Въ гостинницѣ Мейнгарда, въ нижнемъ этажѣ я увидѣлъ знакомаго мнѣ доктора, который смотрѣлъ въ окно; я зашелъ къ нему и у него же изложилъ королю письменно все то, что я былъ намѣренъ сказать ему лично. Съ этимъ письмомъ я отправился къ князю Богуславу Радзивиллу, который имѣлъ свободный доступъ во дворецъ и могъ передать его королю. Я говорилъ въ этомъ письмѣ, между прочимъ, что революція ограничивается большими городами, и что страна будетъ въ рукахъ короля, если только онъ уѣдетъ изъ Берлина. Король ничего не отвѣтилъ мнѣ, но говорилъ впослѣдствіи, что онъ тщательно сохранилъ это плохо написанное и на плохой бумагѣ письмо, которое было первымъ знакомъ сочувствія, въ то время имъ полученнымъ.

Когда я расхаживалъ по улицамъ, желая увидѣть слѣды бывшаго сраженія, ко мнѣ подбѣжалъ незнакомецъ.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ,—что васъ преслѣдуютъ?

Другой неизвѣстный шепнулъ мнѣ:

— Идите за мной.

Я послѣдовалъ за нимъ въ маленькій переулокъ.

— Уѣзжайте, иначе васъ арестуютъ.

— Вы меня знаете?—спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—«вы господинъ Бисмаркъ».

Съ какой стороны мнѣ угрожала опасность и откуда я получилъ предостереженіе, такъ и осталось для меня тайною. Незнакомецъ поспѣшно скрылся. Уличный мальчишка закричалъ мнѣ вслѣдъ «Э! да это французъ»,—слова, которыя мнѣ припомнились впослѣдствіи, при одномъ случайномъ сопоставленіи. Оставшаяся у меня небритою эспаньолка, широкополая шляпа и фракъ произвели на мальчишку впечатлѣніе чего то иностраннаго. Улицы были пусты, нигдѣ не виднѣлось ни одного экипажа; мимо меня прошло только нѣсколько группъ въ блузахъ со знаменами; одна изъ нихъ вела по Фридрихштрассе какого то героя баррикадъ, увѣнчаннаго лаврами, которому готовили овацію.

Я возвратился въ тотъ же день въ Потсдамъ, не потому, чтобы я испугался сдѣланнаго мнѣ предостереженія, а потому, что я не нашелъ въ Берлинѣ почвы для дѣятельности; мы совѣщались вторично съ генералами Моллендорфомъ и Приттвицомъ о томъ, какимъ путемъ было бы возможно дѣйствовать самостоятельно.

— Какъ намъ взяться за это дѣло?—сказалъ Приттвицъ.

Я бренчалъ на открытомъ фортепіано, возлѣ котораго я сидѣлъ, пѣхотный маршъ къ атакѣ. Моллендорфъ, весь въ слезахъ, обнялъ меня, не будучи еще въ состояніи согнуться отъ боли, которую причиняли ему полученныя имъ раны.

— Если бы вы это намъ устроили!

— Я не могу этого сдѣлать,—возразилъ я,—но чѣмъ же вы рискуете, сдѣлавъ это безъ приказанія? Страна поблагодаритъ васъ, а въ концѣ концовъ и король будетъ вамъ благодаренъ.

— Ручаетесь ли вы,—сказалъ Приттвицъ,—что Врангель и Гедеманъ пойдутъ съ нами? Поступая самовольно, мы не можемъ, вдобавокъ, внести разладъ въ армію.

Я обѣщалъ выяснить этотъ вопросъ, съѣздить въ Магдебургъ, а въ Штетинъ послать довѣреннаго человѣка и зондировать почву. Изъ Штетина былъ полученъ отвѣтъ отъ генерала фонъ-Врангеля: «какъ поступитъ Приттвицъ, такъ поступлю и я». Мнѣ же самому не посчастливилось въ Магдебургѣ. Я отправился сначала къ адъютанту генерала фонъ-Гедемана, молодому маіору, которому я высказалъ все откровенно и который выразилъ мнѣ свое сочувствіе. Но нѣсколько времени спустя онъ пришелъ ко мнѣ въ гостиницу и просилъ меня немедленно уѣхать, чтобы не подвергать себя непріятности и не ставить въ смѣшное положеніе генерала, который намѣревался арестовать меня какъ государственнаго преступника. Тогдашній оберъ-президентъ фонъ-Боninъ, который былъ высшей политической властью въ провинціи, обнародовалъ прокламацію слѣдующаго содержанія: «Въ Берлинѣ совершилась революція; я намѣренъ стать во главѣ партій». И это была «опора престола»! Онъ былъ впослѣдствіи министромъ и занималъ вы-

сокія и вліятельныя должности. Генералъ Гедеманъ принадлежалъ къ кружку Гумбольдта.

Вернувшись въ Шенгаузенъ, я старался разъяснить крестьянамъ, что имъ нельзя идти вооруженнымъ въ Берлинъ, но этимъ я навлекъ на себя подозрѣніе, что заразился въ Берлинѣ революціоннымъ духомъ. Тогда я предложилъ, чтобы депутаты изъ Шенгаузена и другихъ деревень отправились вмѣстѣ со мною въ Потсдамъ, дабы лично въ этомъ убѣдиться, переговорить съ генераломъ фонъ-Приттвицемъ и можетъ быть съ самимъ прусскимъ принцемъ, что и было рѣшено.

Когда мы пріѣхали 25-го числа на станцію желѣзной дороги въ Потсдамъ, король только-что прибылъ туда и былъ встрѣченъ огромной толпою народа весьма сочувственно. Я сказалъ крестьянамъ, которые были со мною:

— Вотъ король, я васъ представлю ему, поговорите съ нимъ.

Но они со страхомъ отклонили это предложеніе и поспѣшно отошли въ задніе ряды. Я почтительно поклонился королю, но онъ, не узнавъ меня, отвѣтилъ тоже поклономъ и поѣхалъ во дворецъ. Я послѣдовалъ за нимъ и слышалъ рѣчь, произнесенную имъ въ мраморномъ залѣ, съ которой онъ обратился къ офицерамъ гвардейскаго корпуса [1]). При словахъ: «Я никогда не былъ свободнѣе и безопаснѣе какъ подъ охраною моихъ бюргеровъ», поднялся такой ропотъ и такъ загремѣли ножны сабель, что врядъ ли прусскому королю когда-либо доводилось слышать что-либо подобное среди своихъ офицеровъ; и надобно надѣяться, что это болѣе не повторится [2]).

Съ горькимъ чувствомъ вернулся я обратно въ Шенгаузенъ.

Воспоминаніе о разговорѣ, который я имѣлъ въ Потсдамѣ съ генералъ-лейтенантомъ фонъ-Приттвицемъ, побудило меня написать ему, въ маѣ мѣсяцѣ того же года, слѣдующее письмо, которое было подписано мною и моими друзьями, изъ окрестныхъ жителей Шенгаузена:

«Всякій, у кого бьется въ груди прусское сердце, безъ сомнѣнія, читалъ съ такимъ же негодованіемъ, какъ и мы, нижеподписавшіеся, тѣ нападки, которымъ подвергались со стороны прессы королевскія войска первое время послѣ событій 19-го марта, въ награду за то, что они честно исполнили свой долгъ въ бою и, получивъ приказаніе уйти обратно, показали безподобный примѣръ военной дисциплины и самоотверженія. Если пресса соблюдаетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, болѣе при-

---

[1]) Напечатана со словъ одного офицера въ „Denkwürdigkeiten“ Герлаха, т. I, стр. 148.

[2]) Передо мною лежатъ противорѣчивые и несогласные съ моими личными воспоминаніями разсказы объ этомъ событіи, напечатанные въ газетахъ: Allgemeine Preussische, Vossische и Schlessische Zeitungen (Wolff, Berliner Revolutions-Chronik, I, 424). Примѣч. О. Бисмарка.

личный тонъ, то это надобно приписать со стороны руководящей ею партіи не тому, что она стала держаться болѣе правильнаго взгляда на вещи, а скорѣе тому обстоятельству, что стремительный ходъ событій оттѣсняетъ впечатлѣніе предыдущихъ событій на задній планъ; нѣкоторые даже дѣлаютъ видъ, будто войскамъ надобно простить ихъ прошлыя дѣла въ награду за то, что ими совершено вновь [1]). Превратныя толкованія, распространяемыя со всѣхъ сторонъ отчасти прессою, отчасти эмиссарами, подстрекающими народъ по случаю происходящихъ выборовъ, и которыя всѣ между собою болѣе или менѣе согласны, пріобрѣтаютъ уже вѣру даже среди сельскаго населенія, которое встрѣтило первыя извѣстія о берлинскихъ событіяхъ съ такимъ озлобленіемъ, что его съ трудомъ можно было сдержать; благомыслящіе изъ крестьянъ начинаютъ думать, что врядъ ли безъ всякой причины была умышленно произведена войсками берлинская рѣзня, съ вѣдома или желанія наслѣднаго принца, на котораго уже много клевещатъ, или даже безъ его вѣдома и желанія, чтобы отнять у народа тѣ уступки, которыя были сдѣланы ему королемъ. Въ посторонніе пропски, въ систематическое подстрекательство народа теперь почти никто не вѣритъ. Мы опасаемся, чтобы эта ложь, проникнувъ въ сознаніе низшихъ классовъ, не была принята ими, по крайней мѣрѣ, на долгое время за истину, если ей не будетъ противопоставлено подробное и подкрѣпленное доказательствами изложеніе этого событія въ томъ видѣ, какъ оно на самомъ дѣлѣ происходило, и притомъ какъ можно скорѣе, такъ какъ въ будущемъ, которое никто не въ состояніи предвидѣть, не сегодня, завтра могутъ совершиться новыя событія, которыя своею важностью до того поглотятъ вниманіе публики, что разъясненіе прошлыхъ событій ни въ комъ не вызоветъ сочувствія.

«Мы полагаемъ, что если бы народу хоть отчасти были разъяснены гнусныя причины берлинской революціи, а равно и то, что героямъ мартовскихъ событій не было никакой надобности сражаться для достиженія мнимой цѣли, т. е. для защиты обѣщанныхъ его величествомъ конституціонныхъ учрежденій, то это могло бы имѣть весьма важное вліяніе на политическіе взгляды населенія. Ваше превосходительство, какъ командовавшій достославными войсками, которыя дѣйствовали въ этомъ событіи, болѣе чѣмъ кто-либо другой имѣете, по нашему мнѣнію, возможность исполнить это и можете вполнѣ точно выяснить истину объ этихъ событіяхъ.

«Убѣжденіе въ томъ, насколько это важно для нашего отечества и какъ много выиграетъ отъ этого слава нашей арміи, послужитъ намъ извиненіемъ, что мы обращаемся къ вашему превосходительству съ все-

[1]) 23-го апрѣля былъ занятъ войсками Шлезвигъ. Прим. Бисмарка.

покорной и убѣдительной просьбой, обнародовать какъ можно скорѣе, насколько позволятъ это соображенія служебнаго характера, обстоятельное и подкрѣпленное доказательствами описаніе берлинскихъ событій, съ военной точки зрѣнія» [1]).

Генералъ фонъ-Притвицъ не исполнилъ этой просьбы. Только 18-го марта 1891 г. генералъ-лейтенантъ фонъ-Мейеринкъ (v. Meyerinck) напечаталъ въ приложеніи къ военному журналу «Militär-Wochenblatt» статью, имѣвшую указанную мною цѣль; къ сожалѣнію, она появилась такъ поздно, что самые важные свидѣтели тѣхъ событій, а именно флигель-адъютантъ Эдвинъ фонъ-Мантейфель и графъ Оріола въ то время уже скончались.

Въ дополненіе къ исторіи мартовскихъ событій я привожу здѣсь разговоры, которые я имѣлъ съ нѣкоторыми лицами, пожелавшими видѣть меня, одни—потому что считали меня довѣреннымъ лицомъ консерваторовъ и вслѣдствіе этого хотѣли оправдаться въ своемъ поведеніи до и послѣ событій 18-го марта, другіе—для того, чтобы передать мнѣ свои наблюденія. Президентъ полиціи фонъ-Минутоли жаловался, что его упрекали въ томъ, будто онъ предвидѣлъ революцію и ничего не сдѣлалъ, чтобы предупредить ее. Онъ отрицалъ, что ему были извѣстны какіе-либо тревожные признаки. На мое возраженіе, что я слышалъ въ Гентинѣ отъ очевидцевъ, будто за нѣсколько дней передъ 18-мъ марта по направленію къ Берлину проѣхали какія-то личности, походившія на иностранцевъ, которые говорили по-польски, и что одни изъ нихъ открыто везли съ собою оружіе, а другіе имѣли при себѣ большую поклажу,—Минутоли отвѣчалъ, что министръ фонъ-Бодельшвингъ призывалъ его въ половинѣ марта къ себѣ и выражалъ ему свои опасенія по поводу происходившаго броженія умовъ; тогда Минутоли свелъ его въ одно собраніе, происходившее въ лагерѣ. Послушавъ рѣчи, говорившіяся тамъ, Бодельшвингъ сказалъ:

— Люди говорятъ вполнѣ разумно, благодарю васъ, вы спасли меня отъ глупости.

По мнѣнію Минутоли, его популярность въ первые дни послѣ уличнаго боя была подозрительна.

Меня посѣтилъ также генералъ фонъ-Притвицъ, командовавшій войсками около дворца. По его словамъ, онѣ были удалены слѣдующимъ образомъ: когда ему сдѣлалась извѣстна прокламація «Къ моимъ любезнымъ берлинцамъ», онъ прекратилъ сраженіе, но продолжалъ занимать войскомъ дворцовую площадь, цейхгаузъ и прилегавшія улицы для защиты дворца. Тогда Бодельшвингъ потребовалъ удаленія войска.

— Дворцовая площадь должна быть очищена,—сказалъ онъ.

---

[1]) Bismarck-Jahrbuch, VI, 8.

— Это немыслимо,—отвѣчалъ Приттвицъ,—этимъ я подвергну короля опасности.

— Король повелѣлъ въ своей прокламаціи, чтобы всѣ «площади» [1]) были очищены,—сказалъ Бодельшвингъ. Дворцовая площадь—площадь она или нѣтъ? Я пока еще министръ и знаю какъ нельзя лучше, что мнѣ надо дѣлать. Я требую, чтобы вы очистили дворцовую площадь.

— Что оставалось мнѣ дѣлать послѣ этого, какъ не увести войска, такъ закончилъ Приттвицъ свой разсказъ.

— А я счелъ бы болѣе цѣлесообразнымъ, отвѣчалъ я, скомандовать унтеръ-офицеру: «возьмите этого статскаго подъ стражу».

— Издали всегда виднѣе какъ поступить, замѣтилъ Пріттвицъ. Вы разсуждаете какъ политикъ; я поступилъ какъ подобаетъ военному, исполняя приказаніе министра, опиравшагося на высочайшую прокламацію.

Я слышалъ изъ другого источника, что Приттвицъ прекратилъ этотъ разговоръ съ Бодельшвингомъ, происходившій на улицѣ, тѣмъ, что побагровѣвъ отъ злости, вложилъ саблю въ ножны, пробормотавъ тотъ вызовъ, который Гецъ фонъ-Берлихингенскій [2]) бросаетъ правительственному комисару. Затѣмъ онъ повернулъ лошадь налѣво и молча отъѣхалъ шагомъ. Когда посланный къ нему изъ дворца офицеръ спросилъ его, почему войска уходятъ, онъ отвѣчалъ рѣзко: Die sind mir durch die Finger gegangen, wo Alle mitreden [3]).

Офицеры, бывшіе въ свитѣ короля, передавали мнѣ, что они искали короля, но не могли сразу найти его, такъ какъ онъ скрылся по весьма понятнымъ причинамъ. Когда онъ появился вновь, они спросили его.

— Ваше величество приказали войскамъ уйти?

— Нѣтъ, отвѣчалъ король.

— Однако онѣ уходятъ, сказалъ адъютантъ и подвелъ короля къ окну.

Дворцовая площадь кишѣла статскими, позади которыхъ виднѣлись послѣдніе штыки уходившихъ солдатъ.

— Я этого не приказывалъ, это быть не можетъ, воскликнулъ король, при этомъ лицо его выражало удивленіе и негодованіе.

О князѣ Лихновскомъ мнѣ разсказывали, что онъ распространялъ наверху, во дворцѣ, слухъ о слабости войска, о недостаткѣ провіанта и патроновъ, чѣмъ нагонялъ на всѣхъ страхъ, а внизу, на площади, со-

---

[1]) Въ прокламаціи было сказано: „всѣ улицы и площади". Пр. Бисмарка.

[2]) Въ романѣ Гете „Гецъ фонъ-Берлихингенъ", написанномъ въ 1773 г. В. В.

[3]) Они мнѣ проскочили между пальцевъ въ то время, какъ шла общая болтовня.

вѣтовалъ нѣмецкимъ и польскимъ революціонерамъ потерпѣть, говоря что на верху упали духомъ.

Въ краткую сессію второго соединеннаго ландтага я сказалъ въ своей рѣчи, произнесенной 2-го апрѣля [1]):

«Я принадлежу къ числу немногихъ лицъ, которые подадутъ голосъ противъ адреса; я просилъ слова только для того, чтобы мотивировать это рѣшеніе и сказать вамъ, что на сколько адресъ этотъ является программою будущаго, я приму его безъ дальнѣйшихъ объясненій, но сдѣлаю это единственно потому, что я не могу поступить иначе.—Я дѣлаю это не добровольно, но побуждаемый къ тому силою обстоятельствъ, ибо я не измѣнилъ своихъ взглядовъ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ; я полагаю, что это министерство единственное, которое можетъ вывести насъ изъ настоящаго положенія и привести къ порядку и законности; поэтому я буду поддерживать его насколько позволятъ мои слабыя силы вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ. Но выраженія радости и признательности, которыя мы слышали по поводу того, что совершилось въ послѣдніе дни, побуждаютъ меня вотировать противъ адреса. Прошлое погребено, и я скорблю, болѣе нежели многіе изъ васъ, о томъ, что никакія человѣческія силы не въ состояніи воскресить его, такъ какъ правительство само бросило горсть земли на свою могилу. Но, соглашаясь на это подъ давленіемъ обстоятельствъ, не могу же я закончить свою дѣятельность въ соединенномъ ландтагѣ ложью, не долженъ же я благодарить и выражать свою радость по поводу того, что я признаю, по меньшей мѣрѣ, вступленіемъ на ложный путь. Когда новый путь, на который мы теперь вступили, приведетъ насъ дѣйствительно къ объединенному нѣмецкому отечеству, когда мы будемъ пользоваться счастливымъ или хотя бы только законнымъ состояніемъ, тогда настанетъ моментъ, когда я выскажу свою благодарность тому, кто былъ виновникомъ новаго порядка вещей; въ настоящее время сдѣлать этого я не могу».

Я хотѣлъ сказать больше, но волненіе не позволило мнѣ продолжать, я зарыдалъ истерически и долженъ былъ оставить трибуну.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ, нападеніе, которому я подвергся со стороны Магдебургской газеты, вынудило меня послать въ редакцію слѣдующую замѣтку, въ которой я воспользовался новымъ пріобрѣтеніемъ, котораго народъ настойчиво добивался и которое онъ получилъ вслѣдствіе отмѣны цензуры, именно «правомъ свободно высказывать свое мнѣніе», не подозрѣвая, что его станутъ у меня оспарить 42 года спустя [2]).

[1]) Politische Reden т. I, стр. 45.

[2]) Вслѣдствіе распоряженія Каприви отъ 23-го мая 1890 г. Прим. Бисм.

«Милостивый государь, въ сегодняшнемъ нумерѣ вашей газеты помѣщена статья изъ Альтмарка, которая бросаетъ тѣнь на нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и на меня; поэтому я полагаю, что вы сочтете справедливымъ помѣстить нижеслѣдующее возраженіе. Хотя я и не тотъ господинъ, указанный въ статьѣ, который пріѣхалъ будто бы изъ Потсдама въ Стендаль, но я точно также заявилъ на прошедшей недѣлѣ моимъ сосѣдямъ крестьянамъ, что король лишенъ, какъ мнѣ извѣстно, свободы, и предлагалъ имъ послать куда слѣдуетъ депутацію, но при этомъ я не желалъ бы, чтобы мнѣ приписывали тѣ эгоистичные мотивы, которые указаны вашимъ корреспондентомъ: 1) весьма естественно, что всякій, кому были извѣстны событія, совершившіяся съ королемъ послѣ удаленія войска, могъ думать, что король не былъ властенъ дѣлать и предпринимать то, что онъ хотѣлъ; 2) я считаю каждаго гражданина свободнаго государства въ правѣ лично высказывать согражданамъ свое мнѣніе въ томъ случаѣ, когда оно не согласуется въ тотъ моментъ съ общепринятымъ мнѣніемъ общества, тѣмъ болѣе послѣ только что пережитыхъ событій было бы трудно оспаривать у кого нибудь право поддерживать свои политическіе взгляды при помощи народнаго возстанія; 3) если всѣ дѣйствія его величества въ послѣдніе 14 дней были совершены имъ вполнѣ добровольно, чего ни вашъ корреспондентъ, ни я не можемъ сказать съ увѣренностью, то ради чего же сражались берлинцы? Въ такомъ случаѣ сраженіе 18 и 19 числа было бы по меньшей мѣрѣ дѣломъ безцѣльнымъ и излишнимъ и все кровопролитіе не имѣло бы ни повода, ни послѣдствій; 4) я полагаю, и вѣроятно мнѣніе мое согласуется въ этомъ случаѣ со взглядомъ большинства дворянства, что въ такое время, когда идетъ рѣчь о соціальномъ и политическомъ существованіи Пруссіи, когда Германіи со всѣхъ сторонъ угрожаютъ раздоры, у насъ не можетъ быть ни времени, ни охоты тратить силы на реакціонерныя попытки или на защиту тѣхъ незначительныхъ помѣстныхъ правъ, которыя мы еще сохранили. Находя этотъ вопросъ второстепеннымъ, мы готовы употребить наши силы на дѣло болѣе достойное, считая возстановленіе въ Германіи законнаго порядка и сохраненіе чести и цѣлости нашего отечества единственной, въ настоящее время, задачей, достойной человѣка, коего взгляды на наше политическое положеніе не затемнены партійными интересами.

«Если вы примете вышеприведенное объясненіе, то я не буду ни чего имѣть противъ преданія имени моего гласности. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ я имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь покорнымъ слугою. Бисмаркъ».

Шенгаузенъ близъ Іерихова, 30-го марта 1848 года.

Считаю нужнымъ замѣтить, что я съ молодыхъ лѣтъ подписывалъ свою фамилію безъ частицы «фонъ» и сталъ подписываться въ настоящее время фонъ-Бисмаркъ лишь въ видѣ протеста противъ проекта 1848 года объ упраздненіи дворянства.

Слѣдующая статья, которая сохранилась у меня, набросанная мною собственноручно, была написана, какъ показываетъ ея содержаніе, въ промежутокъ времени между вторымъ соединеннымъ ландтагомъ и выборами въ національное собраніе. Я не могъ дознаться, въ какой газетѣ она была напечатана [1]).

«Изъ Альтмарка.

«Тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые при существовавшей системѣ сословной отчужденности, пользовались большимъ представительствомъ, а именно жители городовъ, начинаютъ чувствовать, что при новой системѣ выборовъ, когда городскому населенію почти всѣхъ округовъ приходится конкурировать съ значительно превышающимъ его численностью сельскимъ населеніемъ, интересы ихъ должны будутъ уступить передъ нуждами огромной массы сельскихъ жителей. Мы живемъ въ эпоху матеріальныхъ интересовъ и когда новая конституція упрочится, когда успокоится нынѣшнее броженіе умовъ, борьба партій будетъ направлена къ рѣшенію вопроса, какимъ образомъ должны быть распредѣлены государственные налоги, соразмѣрно личному имуществу или соразмѣрно съ цѣнностью земли, которая представляетъ самый вѣрный и удобный предметъ обложенія, малѣйшая часть котораго никогда не можетъ быть скрыта. Вполнѣ естественно, что горожане стремятся освободить, какъ можно болѣе, отъ обложенія фабричную промышленность, городское имущество, рантьеровъ и капиталистовъ и распредѣлить налоги предпочтительно на поля, луга и ихъ произведенія. Начало этому уже положено тѣмъ, что въ городахъ, въ которыхъ до сихъ поръ существовалъ налогъ на ввозъ зернового хлѣба, низшій классъ освобожденъ отъ введеннаго нынѣ прямого налога, тогда какъ въ деревнѣ крестьяне теперь, какъ и прежде, платятъ подушную подать. Мы слышимъ также, что принимаются мѣры для поддержки казною промышленности, но что-то не слышно о томъ, чтобы хотѣли помочь сельскому жителю, который не можетъ продать свои произведенія по причинѣ угрожающей морской войны, а по недостатку средствъ въ наше бѣдное деньгами время, вынужденъ продать свой дворъ. Точно также когда говорятъ о косвенныхъ налогахъ, намъ приходится болѣе слышать о покровительственной таможенной системѣ для развитія мѣстныхъ произведеній фабричной промышленности и ремеслъ, нежели о свободѣ торговли, столь необходимой для сельскаго

[1]) Bismarck-Jahrbuch, VI, стр. 10.

населенія. Повторяемъ, вполнѣ естественно, что часть городского населенія, ради выше упомянутыхъ спорныхъ вопросовъ, не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы выставить на предстоящихъ выборахъ свои собственные интересы и ослабить число представителей сельскаго населенія. Чрезвычайно дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли является стремленіе набросить тѣнь подозрѣнія на тѣхъ представителей сельскаго населенія, которые по своему образованію и развитію съ успѣхомъ могутъ защищать въ національномъ собраніи интересы земельной собственности; съ этой цѣлью стараются искусственно возбудить недовольство противъ землевладѣльцевъ дворянъ, полагая, что если этотъ классъ удастся устранить, то сельскому населенію придется брать адвокатовъ или ходатаевъ изъ горожанъ, которые не особенно заботятся о деревенскихъ интересахъ, или же въ собраніе явятся въ большинствѣ простые деревенскіе люди, которыми надѣются руководить незамѣтнымъ образомъ, пуская въ ходъ краснорѣчіе и ловкую политику главарей партій. Въ этихъ видахъ дворянъ стараются представить людьми, поддерживающими старый порядокъ, тогда какъ землевладѣльцы дворяне, также какъ всѣ благомыслящіе люди, полагаютъ, что было бы неблагоразумно и даже невозможно задержать ходъ событій или заставить ихъ вернуться вспять.

«Въ деревняхъ стараются также распространить мысль, что пришло время освободиться безъ всякихъ потерь отъ всѣхъ платежей, причитающихся дворянамъ по имперскимъ протоколамъ объ отчужденіи земель, но при этомъ умалчиваютъ, что правительство, охраняющее право и порядокъ, не можетъ начать съ того, чтобы ограбить одинъ классъ гражданъ въ пользу другого, иначе всѣ права, основанныя на законѣ или взаимныхъ договорахъ, всѣ требованія, которыя одинъ человѣкъ можетъ предъявить къ другому, всѣ права на ипотечные доходы и на капиталъ, могутъ быть отняты у тѣхъ, кто ими владѣетъ, съ такимъ же правомъ, съ какимъ у дворянъ могли бы отнять ихъ доходы, не выдавъ имъ за это полнаго вознагражденія. Крестьянина обманываютъ, будто землевладѣлецъ-дворянинъ не имѣетъ одинакіе съ нимъ интересы, какъ землевладѣлецъ и одного врага въ преобладаніи промышленной системы, которая претендуетъ на господство въ прусскомъ государствѣ. Если удастся этимъ обмануть крестьянъ, то будемъ надѣяться, что не надолго, и что этотъ обманъ будетъ обнаруженъ отмѣною въ законномъ порядкѣ прежнихъ политическихъ привилегій аграрныхъ дворянскихъ имуществъ, и что глаза сельскаго населенія откроются, когда дѣло дойдетъ до платежа и когда будетъ уже поздно, и когда оно пойметъ, какъ тонко его перехитрилъ умный горожанинъ».

Въ то время когда долженъ былъ открыться второй соединенный ландтагъ, Георгъ фонъ-Финкъ, отъ имени своей партіи и, надо пола-

гать, по порученію лицъ болѣе высокопоставленныхъ, старался заручиться моимъ содѣйствіемъ для осуществленія проекта, имѣвшаго цѣлью побудить короля отказаться отъ престола, передавъ его помимо прусскаго принца, но съ его вѣдома и согласія, его малолѣтнему сыну и назначивъ принцессу регентшей. Я сразу отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что отвѣчу на него обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ. Финкъ защищалъ свое предложеніе, называя это мѣрой обдуманной и вызванной политической необходимостью. Онъ считалъ совершенно невозможнымъ вступленіе на престолъ принца, котораго обвиняли, впрочемъ совершенно несправедливо, въ участіи въ послѣднихъ событіяхъ, и высказалъ предположеніе, что принцъ уже далъ вѣроятно на это свое письменное согласіе.

Видя, что попытка не удалась, фонъ-Финкъ прекратилъ разговоръ, холодно замѣтивъ, что безъ содѣйствія крайней правой, которой онъ считалъ меня представителемъ, не удастся убѣдить короля отказаться отъ престола. Этотъ разговоръ происходилъ у меня, въ нижнемъ этажѣ Hôtel des Princes.

Я никогда не передавалъ этого императору Вильгельму, равно и того, что мнѣ говорила его супруга въ мартѣ мѣсяцѣ въ Потсдамскомъ дворцѣ; не знаю слышалъ ли онъ объ этомъ отъ кого-либо другого. Я умолчалъ объ этихъ фактахъ даже въ такіе важные моменты, каковыми были четырехлѣтній конфликтъ [1]), война съ Австріей и Культуркампфъ [2]), когда я встрѣтилъ въ лицѣ королевы Августы противника, мѣшавшаго мнѣ исполнить то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ,—обстоятельство, которое подвергло меня самымъ тяжелымъ испытаніямъ.

Зато принцесса написала вѣроятно своему супругу въ Англію, что я старался проникнуть къ нему, чтобы заручиться его содѣйствіемъ и произвести съ его помощью контръ-революцію для освобожденія короля; ибо, когда принцъ, на обратномъ пути изъ Англіи, остановился на нѣсколько минутъ на станціи желѣзной дороги въ Гентинѣ, то узнавъ меня, стоявшаго позади прочей публики, онъ подошелъ ко мнѣ сквозь толпу, протянулъ руку и сказалъ:

---

[1]) Разногласіе между прусскимъ правительствомъ и народными представителями въ 1861 г., возникшее по поводу отказа ландтага вотировать необходимыя средства для предпринятой правительствомъ по собственной иниціативѣ реорганизаціи арміи. Конфликтъ повелъ къ распущенію ландтага, назначенію Бисмарка главой министерства и взиманію налоговъ безъ утвержденія бюджета палатою. В. В.

[2]) Впервые введенное Рудольфомъ Вирховымъ обозначеніе борьбы, которая велась со времени послѣдней франко-прусской войны между прусскимъ правительствомъ и католическимъ духовенствомъ. В. В.

— Я знаю, что вы дѣйствовали въ мою пользу и никогда этого не забуду.

Первый разъ я встрѣтился съ нимъ зимою 1834—1835 года на придворномъ балу. Я стоялъ рядомъ съ г. фонъ-Шакомъ, изъ Мекленбурга, который былъ такого же высокаго роста какъ я и также носилъ мундиръ министерства юстиціи, что подало принцу поводъ сказать въ шутку, что это министерство нынѣ выбираетъ себѣ служащихъ какъ въ гвардію, по росту. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ, почему я не поступилъ въ военную службу.

Я отвѣчалъ,—что таково было мое желаніе, но что родители мои были противъ военной карьеры, находя ее слишкомъ мало обѣщающей.

— Карьера дѣйствительно не блестящая,—отвѣчалъ принцъ,—но и служба въ министерствѣ юстиціи также не блестяща.

Во время перваго соединеннаго ландтага, въ которомъ онъ участвовалъ какъ членъ куріи господъ, принцъ неоднократно бесѣдовалъ со мною, въ такомъ тонѣ, который свидѣтельствовалъ, что онъ одобрялъ мое тогдашнее политическое поведеніе.

Вскорѣ послѣ нашей встрѣчи въ Гентинѣ, онъ пригласилъ меня въ Бабельсбергъ. Я сообщилъ нѣкоторыя подробности мартовскихъ событій, именно о настроеніи войскъ при выступленіи изъ Берлина, которое выразилось въ стихахъ очень язвительнаго содержанія.

Прослушавъ это стихотвореніе [1]), принцъ такъ горько заплакалъ, что я видѣлъ его плачущимъ только еще разъ въ жизни, въ Никольсбургѣ, когда я доказывалъ ему необходимость прекратить войну (о чемъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ).

Принцесса, его супруга, отнеслась ко мнѣ, до назначенія моего во Франкфуртъ, настолько милостиво, что я приглашался иногда въ Бабельсбергъ, чтобы выслушать ея политическіе взгляды и желанія, изложеніе которыхъ заканчивалось обыкновенно словами: «Мнѣ было очень пріятно слышать ваше мнѣніе», хотя при этомъ я рѣшительно не имѣлъ случая что-либо высказать. Будущій императоръ Фридрихъ, которому было въ то время лѣтъ 18 или 19, но который казался моложе, выражалъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ свою симпатію моимъ политиче-

[1]) Въ этомъ стихотвореніи, весьма характерно рисующемъ въ тотъ моментъ настроеніе пруссаковъ, выражается ихъ преданность королю, готовность войскъ сражаться и умирать за него, ихъ грусть по поводу того, что имъ пришлось замѣнить свой прусскій черный съ бѣлымъ флагъ общегерманскимъ знаменемъ, перестать быть пруссаками, и быть только нѣмцами; ихъ негодованіе по поводу позорныхъ дѣйствій черни и предостереженіе принцу, что онъ пожалѣетъ со-временемъ о случившемся, такъ какъ въ преданности престолу никто не сравняется съ ними, съ пруссаками.

скимъ взглядамъ тѣмъ, что провожая меня онъ крѣпко сжималъ мнѣ руку, когда я садился въ карету, какъ будто ему не было позволено выражать мнѣ свое сочувствіе при всѣхъ.

Въ послѣдніе двадцать лѣтъ царствованія Фридриха-Вильгельма III, стремленіе къ объединенію Германіи выражалось исключительно студенческими манифестаціями, которыя прекращались полицейскими мѣрами. Фридрихъ-Вильгельмъ IV относился къ нѣмецкому національному движенію болѣе добродушно и сочувственно нежели его отецъ, но осуществленію его нѣмецко-національныхъ идей на практикѣ мѣшалъ остатокъ средневѣковыхъ традицій и его не любовь къ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Это было причиною того, что онъ пропустилъ благопріятный моментъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. и нѣкоторые другіе случаи, когда можно было воспользоваться. Въ промежутокъ времени, протекшій между возстаніями въ южной Германіи, въ томъ числѣ и въ Вѣнѣ, и событіями 18-го марта, когда было очевидно, что изъ всѣхъ германскихъ государствъ, революція не коснулась только одной Пруссіи, нѣмецкіе принцы были готовы искать въ Берлинѣ покровительства и защиты, подъ условіемъ исполненія ихъ объединительныхъ стремленій, которыя были гораздо шире того, что было осуществлено впослѣдствіи. Баварія также была готова примкнуть къ этому движенію. Если бы состоялся конгрессъ нѣмецкихъ принцевъ, который согласно заявленію, сдѣланному 10-го марта прусскимъ и австрійскимъ правительствами, долженъ былъ собраться въ Дрезденѣ 20-го марта, то, судя по настроенію умовъ, которое господствовало при нѣмецкихъ дворахъ, можно было ожидать, что ими была бы принесена на алтарь отечества такая же добровольная жертва, какая была принесена Франціей 4-го августа 1789 г. Это предположеніе вполнѣ оправдывается тогдашними обстоятельствами; въ военномъ отношеніи Пруссія была достаточно сильна и нетронута, чтобы сдержать волну революціи и дать прочимъ нѣмецкимъ государствамъ въ будущемъ тѣ гарантіи порядка и законности, которыя прочія династіи въ то время готовы были принять.

Событія 18-го марта послужили доказательствомъ того, какъ опасно можетъ быть вмѣшательство грубой силы даже для достиженія той цѣли, къ которой она стремится. Однако, по утру 19-го марта еще ничего не было потеряно. Возстаніе было усмирено. Предводители его, въ числѣ которыхъ былъ знакомый мнѣ еще по университету ассесоръ Рудольфъ Шраммъ, бѣжали въ Дессау.

Если бы король подавилъ въ мартѣ мѣсяцѣ возстаніе и не далъ бы ему вновь усилиться, то послѣ паденія Австріи, императоръ Николай не создалъ бы намъ никакихъ затрудненій при выработкѣ прочной организаціи Германіи. Онъ болѣе симпатизировалъ въ началѣ Берлину нежели Вѣнѣ, хотя Фридрихъ-Вильгельмъ IV, лично, не пользовался, да

и не могъ пользоваться его симпатіей вслѣдствіе большого различія въ ихъ характерѣ.

Проѣздъ короля, 21-го марта по улицамъ Берлина, подъ знаменемъ союза студентовъ всѣхъ корпорацій, не могъ способствовать возвращенію того, что было имъ утрачено въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Король очутился не во главѣ своихъ войскъ, а во главѣ тѣхъ, кто сражался на баррикадахъ, во главѣ той своевольной толпы, угрозы которой вынудили нѣмецкихъ принцевъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, искать у него защиты. Мысль перенести засѣданія предположеннаго конгресса нѣмецкихъ принцевъ изъ Дрездена въ Потсдамъ, какъ единственное послѣдствіе мартовскихъ событій, потеряла всякій смыслъ послѣ этого недостойнаго факта.

Мягкость, съ какою Фридрихъ-Вильгельмъ IV, повинуясь непрошеннымъ и быть можетъ предательскимъ совѣтамъ окружающихъ и уступая женскимъ слезамъ, хотѣлъ покончить кровопролитное столкновеніе въ Берлинѣ, въ которомъ побѣда была на сторонѣ войска, приказавъ ему отказаться отъ одержанной имъ побѣды, имѣла для нашей дальнѣйшей политики ту невыгодную сторону, что этимъ былъ пропущенъ удобный моментъ. Другой вопросъ, долго ли побѣда была бы на сторонѣ короля, если бы онъ воспользовался успѣхомъ, одержаннымъ его войскомъ. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ бы тогда въ такомъ тяжеломъ настроеніи, въ какомъ я видѣлъ его во время второго соединеннаго ландтага.

Мое первое посѣщеніе Санъ-Суси произошло при не особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ. Я былъ въ Потсдамѣ въ первыхъ числахъ іюня, за нѣсколько дней до отставки президента министровъ Людольфа Кампгаузена, когда однажды ко мнѣ явился въ гостиницу лейбъ-егерь съ увѣдомленіемъ, что меня желаетъ видѣть король. Я отвѣчалъ, подъ впечатлѣніемъ моего тогдашняго протестующаго настроенія, что къ сожалѣнію, я не могу исполнить приказаніе его величества, такъ какъ я собираюсь домой, и жена моя, здоровье которой требуетъ большихъ заботъ, можетъ взволноваться, если я вернусь позже чѣмъ было условлено. Немного погодя явился флигель-адъютантъ Эдвинъ фонъ-Мантейфель и передалъ вторично приглашеніе короля, который прислъ меня къ обѣду и сказалъ, что король предоставляетъ въ мое распоряженіе фельдъегеря, чтобы предупредить мою жену. Дѣлать было нечего, оставалось только отправиться въ Санъ-Суси.

За обѣдомъ, кромѣ дежурныхъ кавалеровъ и дамъ, не было, сколько помнится, приглашенныхъ никого кромѣ Кампгаузена и меня. Послѣ обѣда, король повелъ меня на террасу и любезно спросилъ:

— Какъ идутъ у васъ дѣла?

— Плохо,—отвѣчалъ я, съ раздраженіемъ, которое испытывалъ со времени мартовскихъ событій.

— Я полагаю, настроеніе у васъ должно быть хорошее,—замѣтилъ король.

— Настроеніе было прекрасное, отвѣчалъ я,—но оно испортилось съ тѣхъ поръ, какъ революція была преподнесена намъ королевскими учрежденіями, за королевской печатью. У насъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что мы найдемъ защиту въ королѣ.

— Какъ вы смѣете такъ говорить? сказала королева, появившаяся въ этотъ моментъ изъ-за куста.

— Оставь насъ, Елисавета, сказалъ король,—я справлюсь съ нимъ; затѣмъ, обратясь ко мнѣ:

— Въ чемъ же собственно вы обвиняете меня?

— Въ удаленіи войскъ изъ Берлина.

— Это было сдѣлано не по моему желанію, возразилъ король.

Королева, которая могла еще разслышать то, что мы говорили, присовокупила:

— Въ этомъ король совершенно не виноватъ, онъ уже трое сутокъ не спалъ.

— Король долженъ спать, когда это нужно, возразилъ я.

Не смущаясь этимъ рѣзкимъ отвѣтомъ, король замѣтилъ:

— Впослѣдствіи всегда виднѣе какъ надобно было поступить, но какая польза въ томъ, если я сознаюсь, что я поступилъ неправильно? Упреки—плохое средство для того, чтобы возстановить пошатнувшійся престолъ; мнѣ нужна для этого помощь и дѣятельная преданность, а не критика.

Доброта, съ какой все это было сказано и съ какою все время говорилъ со мною король, побѣдила меня. Я явился къ нему въ протестующемъ настроеніи человѣка, которому было безразлично заслужить его неодобреніе, а ушелъ отъ него совершенно побѣжденный и обезоружённый.

На мое замѣчаніе, что онъ властитель страны и можетъ возстановить повсюду порядокъ, которому угрожаетъ опасность, король сказалъ, что онъ можетъ дѣйствовать не иначе, какъ на почвѣ формальнаго права: иначе монархія можетъ угрожать опасность не только внутри, но и извнѣ.

Я отвѣчалъ, что при настоящемъ положеніи, границы формальнаго права весьма неясны и что противники такъ-же мало поцеремонились бы съ нимъ какъ и 18-го марта, если бы сила была на ихъ сторонѣ; я смотрѣлъ на положеніе вещей скорѣе съ точки зрѣнія необходимости личной обороны, нежели юридической аргументаціи. Но король настаи-

валъ на томъ, что его положеніе будетъ слишкомъ неустойчиво, ежели онъ сойдетъ съ почвы законности.

Изъ многихъ разговоровъ, которыя я имѣлъ вслѣдъ за тѣмъ съ королемъ, мнѣ запомнились слѣдующія его слова:

— Я буду бороться противъ тенденцій національнаго собранія, но какъ бы я ни былъ увѣренъ въ своемъ правѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ нельзя сказать, чтобы и другіе, въ томъ числѣ толпа, также раздѣляли этотъ взглядъ; для того чтобы я могъ быть въ этомъ вполнѣ увѣренъ, надобно чтобы болѣе выяснился неправильный взглядъ національнаго собранія на такіе вопросы, въ которыхъ мое право защищаться силою оружія выразилось бы вполнѣ ясно не только для меня, но и для всѣхъ остальныхъ.

Мнѣ такъ и не удалось убѣдить короля въ томъ, что его сомнѣніе въ своемъ правѣ прибѣгнуть къ защитѣ оружія было неосновательно. Справедливость моего взгляда подтвердилась тѣмъ, что всѣ, болѣе или менѣе крупныя возстанія, подавлялись единственно военной силой.

Бывая въ Санъ-Суси, я познакомился съ нѣкоторыми лицами, пользовавшимися довѣріемъ короля въ дѣлахъ политики, съ коими я встрѣчался иногда въ его кабинетѣ. Изъ нихъ назову въ особенности генерала Леопольда фонъ-Герлаха и личнаго секретаря короля—Рауха.

Раухъ былъ человѣкъ болѣе практичный. Герлахъ, котораго болѣе мучила теоретическая сторона вопросовъ, затронутыхъ тогдашними событіями, былъ человѣкъ, благородный, въ высшемъ значеніи слова, но не такой фанатикъ какъ его братъ, президентъ Людвигъ фонъ-Герлахъ; въ частной жизни онъ былъ безпритязателенъ и безпомощенъ какъ дитя, но въ политикѣ былъ смѣлъ и способенъ къ высокимъ порывамъ, которые умѣрялись однако его флегматической натурой. Я помню, какъ мнѣ пришлось однажды высказать въ присутствіи обоихъ братьевъ, президента и генерала, свое мнѣніе по поводу приписываемой имъ непрактичности.

— Если мы увидимъ сейчасъ, всѣ трое, что на улицѣ произошелъ какой нибудь несчастный случай, сказалъ я, то господинъ президентъ произнесетъ по этому случаю остроумную рѣчь о недостаткѣ въ насъ вѣры и о несовершенствѣ нашихъ учрежденій; генералъ скажетъ безошибочно, что слѣдовало бы сдѣлать, чтобы помочь бѣдѣ, но не двинется съ мѣста.—Я одинъ спустился бы вѣроятно на улицу и позвалъ бы людей на помощь.

Таковъ былъ самый вліятельный изъ политическихъ совѣтниковъ Фридриха-Вильгельма IV, человѣкъ благородный, чуждый эгоизма, вѣрный слуга короля, но физически и умственно неспособный съ быстротою приводить въ исполненіе свои вполнѣ правильные взгляды, чему отчасти была причиною его чрезмѣрная тучность. Онъ былъ душою и тѣломъ преданъ королю, хотя не всегда раздѣлялъ его взгляды; онъ даже поплатился за свою преданность ему жизнью, когда, не взирая на вѣтеръ и

стужу, провожалъ, въ день похоронъ, тѣло короля съ обнаженною головою, держа каску въ рукѣ. Заболѣвъ рожею, онъ скончался нѣсколько дней спустя, напомнивъ своею смертью образъ тѣхъ древнихъ германцевъ, приближенныхъ королей, которые добровольно умирали вмѣстѣ съ ними.

Такимъ же какъ Герлахъ и быть можетъ еще бо́льшимъ вліяніемъ на короля пользовался въ 1848 г. Раухъ—человѣкъ даровитый, смѣлый и честный, но не получившій высокаго образованія; онъ былъ, по направленію своему, настоящій прусскій генералъ, въ лучшемъ значеніи этого слова; служа на дипломатическомъ поприщѣ онъ былъ нѣсколько разъ назначаемъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургъ. Однажды Раухъ пріѣхалъ въ Санъ-Суси съ словеснымъ порученіемъ отъ графа Бранденбурга испросить рѣшеніе короля по поводу одного важнаго дѣла. Когда король, обыкновенно нерѣшительный, не могъ дать ему окончательнаго отвѣта, Раухъ вынулъ наконецъ изъ кармана часы и взглянувъ на нихъ сказалъ:

— До отхода поѣзда остается всего двадцать минутъ; вашему величеству во всякомъ случаѣ придется сказать, долженъ ли я передать графу Бранденбургу утвердительный или отрицательный отвѣтъ, или же я долженъ сказать ему, что ваше величество не сказали ни да, ни нѣтъ.

Эти слова, сказанныя съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, которое сдерживалось военной дисциплиной, выражали смущеніе твердаго и рѣшительнаго генерала, который былъ утомленъ продолжительнымъ и безплоднымъ совѣщаніемъ.

— Ну хорошо, скажите пожалуй да, отвѣчалъ король, послѣ чего Раухъ поспѣшно удалился и быстрыми шагами направился къ станціи желѣзной дороги.

Постоявъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, какъ бы взвѣшивая послѣдствія даннаго помимо воли согласія, король обратился къ Герлаху и сказалъ:

— Этотъ Раухъ! хоть онъ и не совсѣмъ хорошо говоритъ по-нѣмецки, но у него больше здраваго смысла, чѣмъ у всѣхъ насъ, и уходя изъ комнаты онъ прибавилъ, обращаясь къ Герлаху: «а ужъ умнѣе васъ онъ всегда былъ».

Не знаю, правъ-ли былъ король въ этомъ случаѣ; Герлахъ былъ умнѣе, но Раухъ практичнѣе.

Дальнѣйшій ходъ дѣлъ не далъ возможности воспользоваться берлинскимъ національнымъ собраніемъ для обще-германскихъ цѣлей; между тѣмъ его вмѣшательство въ дѣла возростало, поэтому явилась мысль перевести собраніе въ другой городъ, чтобы хотя временно распустить его. Къ этому присоединилось затрудненіе сформировать министерство, которое взялось бы провести эту мѣру. Вообще, съ самаго

начала собранія королю было не легко подыскать министровъ, въ особенности такихъ, которые были бы согласны съ его довольно измѣнчивыми взглядами и конхъ твердость и энергія служили бы ручательствомъ, что они не откажутся отъ своихъ мѣстъ въ случаѣ какихъ-либо осложненій.

Когда графъ Бранденбургъ заявилъ о своей готовности быть президентомъ, надобно было подыскать ему подходящихъ сотрудниковъ. Въ спискѣ, представленномъ королю, стояло и мое имя; противъ него, какъ разсказывалъ мнѣ Герлахъ, была сдѣлана королемъ на полѣ помѣтка: «употребить только тогда, когда дѣло дойдетъ до штыковъ» [1]). Самъ графъ Бранденбургъ сказалъ мнѣ въ Потсдамѣ:

— Я взялъ на себя это дѣло, но я едва успѣлъ просмотрѣть газеты и совершенно незнакомъ съ вопросами государственнаго права, я иду на рискъ. Мнѣ нуженъ вожакъ, человѣкъ, которому бы я довѣрялъ и который сказалъ бы мнѣ, что́ я долженъ дѣлать. Я принимаюсь за это дѣло какъ ребенокъ, блуждая впотьмахъ; одинъ только Мантейфель подготовленъ къ этому, и я лично довѣряю ему, но онъ все еще колеблется. Если онъ захочетъ, я завтра же пойду въ собраніе, если онъ откажется—намъ придется подождать и поискать другого человѣка. Поѣзжайте въ Берлинъ и уговорите Мантейфеля.

Мнѣ пришлось уговаривать его съ 9 часовъ до полуночи, и удалось наконецъ убѣдить, послѣ того какъ я обѣщалъ увѣдомить его жену, которая находилась въ Потсдамѣ, и успокоилъ его насчетъ мѣръ, принятыхъ для личной безопасности министровъ въ зданіи театра.

9-го ноября, по утру, явился ко мнѣ назначенный военнымъ министромъ генералъ фонъ-Стротъ, присланный Бранденбургомъ, чтобы выяснить ему положеніе дѣлъ. Сдѣлавъ это по мѣрѣ возможности, я спросилъ его:

— Готовы ли вы?

Онъ отвѣчалъ мнѣ вопросомъ:

— Какъ всѣ согласились быть одѣты?

— Въ статскомъ, отвѣчалъ я.

— У меня нѣтъ статскаго платья, сказалъ онъ.

Къ назначенному часу онъ успѣлъ пріобрѣсти все, что было нужно.

---

[1]) Слова Герлаха заслуживаютъ, по моему мнѣнію, болѣе довѣрія, нежели тотъ источникъ, коимъ пользовался въ своемъ сочиненіи „Berlin und Wien“ графъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ, гдѣ онъ передаетъ (на стр. 247) эту помѣтку такъ: „Красный реакціонеръ, пахнетъ кровью; употребить п о з д н ѣ е“.

Примѣч. Бисмарка.

Для безопасности министровъ были приняты всевозможныя мѣры. Кромѣ наряда полицейскихъ, въ самомъ зданіи театра было размѣщено около тридцати лучшихъ стрѣлковъ гвардейскаго егерскаго баталіона, которые по данному сигналу должны были появиться въ залѣ и въ проходахъ и защищать министровъ, если бы имъ дѣйствительно угрожала опасность. Также были приняты мѣры, чтобы обезпечить министровъ отъ нападенія при возвращеніи изъ театра.

Мантейфель обратилъ мое вниманіе на то, что самый входъ въ зданіе театра не былъ защищенъ; я предложилъ ему устроить, чтобы солдаты были поставлены напротивъ театра, въ квартирѣ гановерскаго посланника, графа Книгаузена, который былъ въ то время въ отпуску.

Съ этой цѣлью я отправился въ ту же ночь въ военное министерство къ полковнику фонъ-Грисхейму (Griesheim), на котораго было возложено порученіе принять необходимыя мѣры безопасности; онъ выразилъ сомнѣніе по поводу того, можно ли воспользоваться для этой цѣли зданіемъ посольства. Тогда я отправился къ гановерскому повѣренному въ дѣлахъ гр. Платену, жившему въ домѣ, принадлежавшемъ гановерскому посольству, подъ Липами. Онъ былъ того мнѣнія, что оффиціальной резиденціей посольства должна считаться его квартира подъ Липами и уполномочилъ меня написать полковнику фонъ-Грисхейму, что онъ представляетъ помѣщеніе «своего отсутствующаго друга» графа Книгаузена, для политическихъ цѣлей. Поздно легши спать, я былъ разбуженъ въ 7 часовъ утра посланнымъ отъ графа Платена, который просилъ меня заѣхать къ нему. Онъ былъ, какъ оказалось, крайне раздраженъ тѣмъ, что отрядъ солдатъ, человѣкъ въ 100, вступилъ во дворъ к ъ н е м у, т. е. именно въ тотъ домъ, на который онъ указалъ какъ на помѣщеніе посольства.

Очевидно произошло недоразумѣніе. Я отправился къ Грисхейму, который отдалъ приказаніе начальнику отряда занять помѣщеніе Книгаузена, что и было исполнено когда уже совсѣмъ разсвѣло, тогда какъ прочіе дома были заняты солдатами ночью.

Врангель, вступивъ (10-го ноября) во главѣ войскъ въ Берлинъ, началъ переговоры съ милиціей и побудилъ ее къ добровольному отступленію. Я считаю это политической ошибкой; если бы произошло хоть маленькое сраженіе, то Берлинъ былъ бы взятъ штурмомъ, а не въ силу капитуляціи; положеніе правительства было бы тогда иное. То обстоятельство, что король не распустилъ немедленно національнаго собранія, но отложилъ на нѣкоторое время и, переведя его въ Бранденбургъ, сдѣлалъ попытку составить большинство, съ которымъ можно было бы придти къ соглашенію, ясно показываетъ, что, по мнѣнію короля, роль этого собранія еще не была сыграна.

III.

Вопросъ объ объединеніи Германіи.—Усмиреніе возстанія въ Баденѣ.—Парламентская сессія въ Берлинѣ.—Русскій повѣренный въ дѣлахъ во Франкфуртѣ на Майнѣ Будбергъ.—Отношенія Россіи къ Пруссіи.—Назначеніе Бисмарка сначала совѣтникомъ посольства, а потомъ посланникомъ при союзномъ Франкфуртскомъ сеймѣ.—Несостоявшееся назначеніе его посломъ въ Вѣну.—Разговоры его съ королемъ.—Вопросъ о занятіи министерскаго поста.—Бесѣды съ королемъ ганноверскимъ

Неудачи нашей политики въ 1848 г. надобно приписать не столько слабости Фридриха-Вильгельма IV, сколько лелѣянной имъ въ тайнѣ мечтѣ объ объединеніи Германіи. Король надѣялся, что ему удастся достигнуть желаемой цѣли, не нарушая своихъ легитимистскихъ традицій. Если бы Пруссія и король не желали ничего иного, кромѣ того, что они имѣли до 1848 года, если бы у короля не было никакихъ особыхъ цѣлей, для достиженія которыхъ ему нужна была извѣстная популярность, то, что мѣшало ему, когда министерство Бранденбурга упрочилось, встрѣтить революціонныя попытки въ Пруссіи тѣми же мѣрами, какими было подавлено возстаніе въ Баденѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ Пруссіи? Усмиреніе этого революціоннаго движенія доказало всѣмъ и каждому, что на армію можно было вполнѣ положиться; ландверъ исполнилъ свой долгъ по мѣрѣ силъ даже въ тѣхъ округахъ Бадена, которые считались ненадежными.

Хотя я не слѣдилъ въ то время за военными событіями такъ внимательно, какъ впослѣдствіи, но, кажется, я не ошибусь сказавъ, что для усмиренія возстанія въ Баденѣ и Пфальцѣ было употреблено болѣе кадровъ, чѣмъ слѣдовало; этого можно было бы избѣжать, двинувъ туда полевыя войска. По крайней мѣрѣ, во время Ольмюцкой конференціи, военный министръ доказывалъ мнѣ невозможность мобилизовать своевременно бо́льшую часть арміи потому, что ея кадры находились въ Баденѣ или вдали отъ мѣста стоянокъ и снабженія войска; онъ указывалъ на это какъ на одну изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ было необходимо поддержать миръ или, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько повременить войною. Если бы весною 1849 г. мы считали нужнымъ рѣшить вопросъ вооруженной силой и были бы въ состояніи мобилизовать армію, то у Фридриха-Вильгельма IV было бы вполнѣ достаточно силъ не только для того, чтобы подавить всякое революціонное движеніе въ Пруссіи и внѣ ея предѣловъ, но мы имѣли бы возможность приступить къ рѣшенію вопросовъ, возникшихъ въ 1850 г., въ смыслѣ, для насъ желательномъ.

Я и тогда былъ вполнѣ убѣжденъ, что Пруссія могла подавить своими войсками всякое возстаніе; это принесло бы тѣмъ болѣе пользы

монархіи и дѣлу національнаго объединенія, чѣмъ бо́льшее сопротивленіе правительству пришлось бы преодолѣть; всего выгоднѣе было бы побѣдить революціонеровъ въ одномъ большомъ сраженіи. Во время возстаній, происходившихъ въ Баденѣ и Пфальцѣ, довольно долго нельзя было рѣшить, къ которой сторонѣ примкнетъ баварская армія. Когда баварскій посланникъ, графъ Лерхенфельдъ пріѣхалъ, въ этотъ критическій моментъ, проститься со мною передъ отъѣздомъ въ Мюнхенъ, помнится, я сказалъ ему:

— Коль скоро и ваша армія колеблется, дай Богъ, чтобы она открыто стала противъ правительства; тогда борьба будетъ серьезная, но рѣшительная и нарывъ прорвется. Если же вы придете съ ней къ соглашенію, то гной изольется внутрь.

Лерхенфельдъ, встревоженный и удивленный моими словами, назвалъ меня легкомысленнымъ.

— Будьте увѣрены, мы справимся и съ вашими и съ нашими дѣлами, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,—сказалъ я, закончивъ нашъ разговоръ.

Онъ мнѣ не повѣрилъ, но моя увѣренность ободрила его; я и теперь думаю, что тогдашній кризисъ легче было бы покончить въ желаемомъ смыслѣ, если бы возстаніе въ Баденѣ было поддержано баварскими и виртембергскими войсками,—чего тогда именно и опасались.

Невыясненнымъ остается также вопросъ, чѣмъ руководствовался генералъ Радовицъ, стараясь вліять на короля, вводить его въ заблужденіе и помѣшать протестантской Пруссіи воспользоваться благопріятнымъ моментомъ? Я до сихъ поръ не могу рѣшить, былъ ли онъ врагомъ Пруссіи, какъ католикъ, или же онъ только старался сохранить свое положеніе у короля. Несомнѣнно, что онъ искусно поддерживалъ средневѣковыя традиціи короля и въ значительной степени былъ причиною того, что его величество, увлекаясь историческими воспоминаніями, упустилъ случай воспользоваться тогдашними обстоятельствами.

Сойдясь въ Эрфуртѣ довольно близко съ графомъ Бранденбургомъ, я убѣдился, что его прусскій патріотизмъ поддерживался главнымъ образомъ воспоминаніями о 1812 и 1813 гг., и поэтому былъ проникнутъ идеей о необходимости объединенія Германіи. Однако, у него преобладала надо всѣмъ преданность къ династіи и Пруссіи и желаніе содѣйствовать усиленію прусской власти.

Въ ноябрѣ 1850 г. я, какъ офицеръ прусскаго ландвера, былъ вызванъ въ полкъ и въ то же время, какъ депутатъ, получилъ приглашеніе явиться на предстоявшую сессію парламента. Проѣздомъ въ полкъ черезъ Берлинъ я заѣхалъ къ военному министру фонъ-Штокгаузену, съ которымъ я былъ лично въ очень хорошихъ отношеніяхъ, оказавъ ему кое-какія услуги, за которыя онъ былъ мнѣ признателенъ.

Раздраженный необходимостью явиться въ полкъ и вызывающимъ

тономъ австрійцевъ, я далъ волю моему воинственному задору. Министръ, человѣкъ пожилой и извѣстный своею храбростью, въ мужествѣ котораго никто не могъ сомнѣваться, сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

— Въ настоящую минуту мы должны всячески избѣгать разрыва съ Австріей. Мы не имѣемъ достаточно силъ, чтобы сдержать натискъ австрійцевъ даже въ томъ случаѣ, если они не будутъ подкрѣплены саксонцами. Намъ придется отдать имъ Берлинъ и мобилизовать войско въ двухъ пунктахъ, вдали отъ столицы, въ Данцигѣ и въ Вестфаліи; къ Берлину мы можемъ стянуть черезъ 14 дней около 70.000 человѣкъ, но этого недостаточно, чтобы начать войну съ тѣми силами, которыя Австрія теперь уже выставила противъ насъ. Если мы хотимъ побѣдить,—продолжалъ онъ,—намъ необходимо прежде всего выиграть время, поэтому надобно желать, чтобы предстоящія пренія въ палатѣ депутатовъ не ускорили разрыва, какъ этого можно ожидать по тону, господствующему въ прессѣ.

На этомъ основаніи министръ просилъ меня остаться въ Берлинѣ и повліять успокоительно на тѣхъ знакомыхъ мнѣ депутатовъ, которые уже съѣхались туда или вскорѣ должны были пріѣхать.

Штокгаузенъ взялъ на себя увѣдомить начальство моего полка, который находился въ Лаузицѣ, о томъ, что онъ приказалъ поручику фонъ-Бисмарку остаться въ Берлинѣ. Я отправился прежде всего къ моему земляку Гепперту, который стоялъ тогда во главѣ многочисленной партіи, которую можно было назвать правымъ центромъ и которая была готова поддерживать правительство, но считала необходимымъ защищать національную задачу Пруссіи не только принципіально, но при дѣятельномъ вмѣшательствѣ военной силы. Онъ противопоставилъ мнѣ, съ первыхъ же словъ, парламентскіе взгляды, не согласовавшіеся съ программою военнаго министра, и мнѣ пришлось доказывать ему неосновательность тѣхъ мнѣній, которыя я самъ раздѣлялъ до моего разговора съ Штокгаузеномъ. Мнѣ пришлось неоднократно и подолгу бесѣдовать съ нимъ по этому поводу.

Я высказалъ взгляды, навѣянные на меня разговоромъ съ военнымъ министромъ, въ рѣчи, произнесенной мною въ парламентѣ 3-го декабря 1850 г., въ которой я проводилъ мысль о необходимости повременить съ войною до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ достаточно къ ней подготовлены.

Въ то время, въ ноябрѣ 1850 г., въ Россіи относились къ революціонному движенію, происходившему въ Германіи, гораздо спокойнѣе, нежели въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г., въ тотъ моментъ, когда тамъ вспыхнула революція.

Я былъ очень хорошъ съ русскимъ военнымъ уполномоченнымъ,

*

графомъ Бенкендорфомъ, и вынесъ изъ интимной бесѣды съ нимъ въ 1850 г. впечатлѣніе, что революція въ Германіи и мятежи въ Польшѣ не тревожили Петербургъ, какъ вначалѣ, и не считались болѣе опасными симптомами, угрожавшими войною.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года въ Россіи смотрѣли на революцію въ Германіи и на мятежи въ польскихъ провинціяхъ, какъ на событія, послѣдствій которыхъ нельзя было предвидѣть и которыя угрожали во всякомъ случаѣ опасностью. Первый изъ русскихъ дипломатовъ, который своими донесеніями повліялъ на перемѣну этого взгляда, былъ тогдашній повѣренный въ дѣлахъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, впослѣдствіи посланникъ въ Берлинѣ, Будбергъ. Его донесенія были написаны въ сатирическомъ духѣ; пренебреженіе, съ какимъ молодой дипломатъ отзывался въ нихъ о рѣчахъ нѣмецкихъ профессоровъ и о значеніи національнаго собранія, такъ понравилось императору Николаю, что карьера Будберга была этимъ сдѣлана. Придерживаясь анти-нѣмецкой точки зрѣнія, онъ оцѣнивалъ въ своихъ донесеніяхъ политическія событія въ томъ духѣ, какой господствовалъ въ старо-прусскихъ кругахъ—въ Берлинѣ, въ которыхъ онъ прежде вращался. Можно сказать, что взгляды, которымъ онъ былъ обязанъ своей карьерой въ Петербургѣ, были по происхожденію изъ берлинскаго «казино». Съ тѣхъ поръ Россія стала придавать менѣе значенія тѣмъ послѣдствіямъ, какія могла имѣть революція, и составила себѣ болѣе ничтожное мнѣніе о нѣмецкихъ правительствахъ. Тонъ рѣчей, которыя я слышалъ въ 1850 году отъ русскаго посланника барона Мейендорфа, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и отъ его соотечественниковъ, былъ вполнѣ успокоительный, съ русской точки зрѣнія; притомъ ихъ рѣчи были проникнуты обиднымъ для меня чувствомъ личнаго доброжелательства и участія къ будущей судьбѣ дружественной Пруссіи. Ихъ разговоры произвели на меня такое впечатлѣніе, какъ-будто на Австрію смотрѣли, какъ на державу болѣе сильную и надежную, а Россію считали достаточно сильной, чтобы взять на себя рѣшеніе спора между ними.

Хотя я не былъ въ то время такъ хорошо знакомъ, какъ впослѣдствіи, со всѣми тонкостями и ухищреніями дипломатіи, но при всей моей неопытности я былъ увѣренъ въ томъ, что если бы мы желали войны и были бы къ ней готовы, то даже послѣ Ольмюцкой конференціи и послѣ Дрезденскихъ переговоровъ можно было найти поводъ къ войнѣ и всегда можно было вызвать ее, прервавъ переговоры. Штокгаузенъ какъ-то сказалъ мнѣ, что ему было необходимо имѣть шесть недѣль, чтобы приготовиться къ войнѣ; по моему мнѣнію, искусными переговорами можно было выиграть въ Дрезденѣ вдвое болѣе времени, если бы неподготовленность къ войнѣ была единственной причиной, которая заставляла бы насъ избѣгать ее.

Главная ошибка тогдашней прусской политики заключалась въ томъ, что мы надѣялись достигнуть путемъ публицистическаго, парламентскаго и дипломатическаго лицемѣрія тѣхъ результатовъ, которые могли быть достигнуты только войною или только готовностью къ ней.

Это называли «нравственной» побѣдой; мы надѣялись, что другіе сдѣлаютъ за насъ то, что мы сами не рѣшались совершить.

Когда прусское правительство рѣшилось принять участіе въ возстановленномъ, по настоянію Австріи, союзномъ сеймѣ, то генералъ Роховъ, аккредитованный въ то время въ Петербургѣ, былъ временно назначенъ посланникомъ при этомъ сеймѣ. Совѣтниками посольства были назначены я и фонъ-Грюнеръ. Передъ тѣмъ, какъ состоялось мое назначеніе, его величество и министръ Мантейфель предупредили меня о томъ, что имѣлось въ виду назначить меня, современемъ, посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Роховъ долженъ былъ пріучить меня къ дѣлу, но онъ не могъ самъ много работать и употреблялъ меня какъ редактора, не посвящая, однако, въ сущность политическихъ дѣлъ.

Предшествовавшій моему назначенію разговоръ съ королемъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Когда я отвѣтилъ односложно «да» на предложенный мнѣ министромъ Мантейфелемъ, совершенно неожиданно, вопросъ о томъ, согласенъ ли я принять мѣсто посланника при союзномъ сеймѣ, то король, узнавъ о моемъ отвѣтѣ, велѣлъ пригласить меня къ себѣ и сказалъ:

— Вы очень смѣлы, соглашаясь безъ малѣйшаго колебанія принять совершенно незнакомую вамъ должность.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я,—доказали свою смѣлость, рѣшившись предложить мнѣ это мѣсто, хотя не обязались держать меня, ежели я не оправдаю вашего довѣрія. Я самъ не могу быть увѣренъ въ томъ, не превосходитъ ли эта задача моихъ способностей, прежде нежели я ознакомлюсь съ нею ближе. Я имѣю смѣлость повиноваться, когда ваше величество имѣете смѣлость приказывать.

— Ну такъ попробуемте,—сказалъ король.

11-го мая 1851 года я пріѣхалъ во Франкфуртъ. Роховъ, человѣкъ не особенно честолюбивый и любившій болѣе всего покойную жизнь, утомленный петербургскимъ климатомъ и шумной придворной жизнью, предпочелъ бы остаться на долгое время посланникомъ во Франкфуртѣ, что вполнѣ удовлетворяло его желаніямъ и хлопотамъ въ Берлинѣ о назначеніи меня посланникомъ въ Дармштадтъ, съ тѣмъ, чтобы я былъ одновременно аккредитованъ при герцогѣ Нассаускомъ и при Франкфуртскомъ сеймѣ; пожалуй, онъ былъ бы даже не прочь помѣняться со мною и мѣстомъ посланника въ Петербургѣ. Ему нравилась жизнь на берегахъ Рейна и отношенія къ нѣмецкимъ дворамъ. Но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. 11-го іюля фонъ-Мантейфель извѣстилъ меня

о томъ, что король утвердилъ мое назначеніе посланникомъ въ союзный сеймъ.

«Само собою разумѣется,—писалъ министръ,—что г-на фонъ-Рохова нельзя уволить brusquement; поэтому я предполагаю сегодня же написать ему объ этомъ нѣсколько словъ и увѣренъ, что вы не будете имѣть ничего противъ, если я поступлю въ этомъ случаѣ сообразуясь вполнѣ съ желаніями г-на фонъ-Рохова, которому я, въ сущности, весьма благодаренъ за то, что онъ принялъ это трудное и неблагодарное назначеніе, тогда какъ нѣкоторыя другія лица, всегда все критикующія, дойдя до сути дѣла, отступаютъ отъ него. Нѣтъ надобности говорить, что подъ этимъ я не подразумѣваю васъ, такъ какъ вы идете съ нами на проломъ и кажется одни вынесете дѣло на своихъ плечахъ».

15-го іюля послѣдовало мое назначеніе посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Хотя съ Роховымъ поступили очень деликатно, но онъ былъ этимъ очень разстроенъ и выместилъ на мнѣ свои несбывшіяся желанія тѣмъ, что уѣхалъ однажды утромъ изъ Франкфурта, не предупредивъ меня о томъ и не передавъ мнѣ дѣлъ и документовъ. Узнавъ объ его отъѣздѣ стороною, я успѣлъ во-время явиться на станцію желѣзной дороги, чтобы поблагодарить его за его доброжелательное ко мнѣ отношеніе.

О моей дѣятельности на союзномъ сеймѣ писали такъ много въ офиціальныхъ и частныхъ сообщеніяхъ, что мнѣ остается сказать весьма немногое.

Я засталъ во Франкфуртѣ двухъ прусскихъ коммиссаровъ, назначенныхъ въ промежутокъ времени между двумя сеймами: оберъ-президента фонъ-Беттихера, сынъ котораго впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ и министромъ, и генерала фонъ-Пейкера, который доставилъ мнѣ впервые случай заняться изученіемъ орденовъ. Это былъ дѣльный и храбрый офицеръ, получившій спеціальное научное образованіе, которое онъ имѣлъ впослѣдствіи случай примѣнить, занимая мѣсто генералъ-инспектора военно-учебныхъ заведеній. Въ 1812 году, когда онъ служилъ въ корпусѣ Іорка, у него украли плащъ и ему пришлось совершить обратный походъ въ одномъ мундирчикѣ; у него были отморожены пальцы на ногахъ и онъ очень пострадалъ отъ холода. Несмотря на то, что онъ былъ весьма некрасивъ, этотъ умный и храбрый офицеръ получилъ руку хорошенькой графини Шуленбургъ. Замѣчательно несогласовалась съ его умомъ извѣстная его страсть къ внѣшнимъ побрякушкамъ—къ орденамъ.

Зайдя къ нему однажды утромъ, я засталъ его передъ столомъ, на которомъ были разложены заслуженные имъ на полѣ битвы ордена, коихъ стройный порядокъ былъ нарушенъ только-что полученною имъ звѣздою. Поздоровавшись со мною, онъ заговорилъ не объ Австріи или

Пруссіи, но пожелалъ узнать мое мнѣніе, съ художественной точки зрѣнія, о томъ, на какое мѣсто лучше было посадить полученную имъ звѣзду. Чувство глубокаго уваженія, съ какимъ я привыкъ съ дѣтства относиться къ этому заслуженному генералу, заставило меня совершенно серьезно обсуждать и рѣшать этотъ вопросъ прежде, нежели говорить о дѣлахъ.

Надобно сознаться, что когда я получилъ въ 1842 году первый орденъ, медаль за спасеніе, то я былъ весьма обрадованъ и даже польщенъ этимъ, такъ какъ не былъ еще пресыщенъ въ то время въ этомъ отношеніи. Состоя на государственной службѣ я утратилъ эту непосредственность впечатлѣнія; не припомню, чтобы полученіе дальнѣйшихъ орденовъ доставляло мнѣ объективное удовольствіе; я испытывалъ только субъективное чувство удовлетворенія, получая эти видимые знаки благоволенія, коими король вознаграждалъ мою преданность или коими прочіе монархи свидѣтельствовали о томъ, что я успѣвалъ въ своихъ стараніяхъ заслужить ихъ довѣріе и благосклонность. Нашъ посланникъ въ Дрезденѣ, фонъ-Іорданъ шутя отвѣчалъ на мое предложеніе уступить мнѣ одинъ изъ его многочисленныхъ орденовъ: «Je vous les cède toutes, pourvu que vous m'en laisserez une pour couvrir mes nudités diplomatiques». Въ сущности, орденъ (grand cordon) составляетъ необходимую принадлежность туалета дипломата; и если имѣешь ордена иностранныхъ дворовъ, то представляется возможность мѣнять ихъ, что для элегантныхъ дипломатовъ такъ же пріятно, какъ для женщинъ мѣнять платье. Въ Парижѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ одинъ видъ «d'un monsieur décoré» (господина, украшеннаго орденами) сдерживалъ проявленіе грубой силы толпы. Только въ Петербургѣ и въ Парижѣ я считалъ необходимымъ носить ордена; въ обоихъ этихъ городахъ въ толпѣ необходимо имѣть какой-нибудь внѣшій знакъ отличія для того, чтобы полиція и публика отнеслись къ вамъ вѣжливо. Я надѣвалъ обыкновенно лишь тѣ ордена, которые требовались обстоятельствами; мнѣ всегда казалась какой-то китайщиной та болѣзненная страсть къ накопленію орденовъ, которую я подмѣчалъ въ моихъ коллегахъ и сотрудникахъ на бюрократическомъ поприщѣ, когда я видѣлъ, какъ тайные совѣтники, которые и безъ того не знали, какъ справиться съ массою орденовъ, которая едва помѣщалась на ихъ груди, хлопотали о томъ, чтобы поскорѣе окончить какое-нибудь соглашеніе, такъ какъ имъ было необходимо получить для пополненія своей коллекціи какой-либо орденъ того государства, съ которымъ велись переговоры.

Члены палатъ, которымъ приходилось выработать въ 1849—50 гг. союзную конституцію, трудились усердно; съ 8 до 10 часовъ происходили засѣданія коммиссій, съ 10 до 4 часовъ общія засѣданія, которыя продолжались иногда до поздняго вечера, смѣняясь весьма продолжи-

тельными засѣданіями отдѣльныхъ партій, такъ что я могъ удовлетворять своей потребности къ движенію только ночью, и мнѣ случалось иногда очень поздно прохаживаться взадъ и впередъ посреди улицы «Подъ Липами», между зданіемъ оперы и Бранденбургскими воротами. Совершенно случайно я обратилъ тогда вниманіе на пользу, въ гигіеническомъ отношеніи, танцевъ, которые оставилъ съ 27-ми лѣтъ, считая это развлеченіе болѣе приличнымъ юношеству. На одномъ придворномъ балу моя хорошая знакомая попросила меня разыскать для котильона ея исчезнувшаго кавалера; а когда я не могъ этого исполнить, то она предложила мнѣ замѣнить его. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ по гладкому паркету Бѣлаго Зала, что вызвало у меня сначала головокруженіе, я танцовалъ затѣмъ съ удовольствіемъ и послѣ этого спалъ такимъ хорошимъ, здоровымъ сномъ, какого я давно не зналъ. Во Франкфуртѣ танцовали всѣ, начиная съ 65-ти-лѣтняго французскаго посланника маркиза де-Талленай; я также легко усвоилъ эту привычку, хотя участіе въ сеймѣ оставляло мнѣ достаточно времени для прогулокъ и катанья верхомъ.

Въ Берлинѣ, въ то время, когда я уже былъ министромъ, я также не отказывался танцовать по приглашенію моихъ добрыхъ знакомыхъ или въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-либо принцесса приглашала меня танцовать съ нею; но мнѣ приходилось выслушивать по этому поводу саркастическія замѣчанія короля.

— Меня упрекаютъ,—говорилъ онъ,—за то, что я избралъ въ министры человѣка легкомысленнаго. Вамъ бы не слѣдовало поддерживать этого мнѣнія танцуя.

Принцессамъ было тогда же запрещено избирать меня кавалеромъ. Любовь, которую питалъ къ танцамъ г. фонъ-Кейдель, была причиною тѣхъ затрудненій, которыя я встрѣтилъ со стороны короля къ повышенію его по службѣ. Это развлеченіе не соотвѣтствовало скромной натурѣ короля, который привыкъ соблюдать свое достоинство, избѣгая безполезныхъ внѣшнихъ проявленій, которыя могли подать поводъ къ критикѣ. Танцующій государственный дѣятель былъ, по его мнѣнію, умѣстенъ только тогда, когда онъ участвовалъ въ царскихъ почетныхъ кадрилях: быстрый темпъ вальса подрывалъ довѣріе къ разумности его совѣтовъ.

Когда я уже совершенно освоился со своимъ положеніемъ во Франкфуртѣ, послѣ того какъ я имѣлъ довольно бурныя столкновенія съ австрійскимъ посланникомъ по вопросу о флотѣ, относительно котораго онъ старался ограничить значеніе Пруссіи въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ и сдѣлать его совершенно ничтожнымъ въ будущемъ, король вызвалъ меня въ Потсдамъ и сообщилъ, что онъ рѣшилъ послать меня въ высшую дипломатическую школу, въ Вѣну, сперва временно-

исполняющимъ должность посланника, а затѣмъ преемникомъ графа Арнима, который былъ серьезно боленъ. Съ этой цѣлью король вручилъ мнѣ нижеслѣдующее рекомендательное письмо къ его величеству императору Францу-Іосифу, помѣченное 5-го іюня:

«Ваше императорское величество, прошу васъ благосклонно принять тѣ немногія строки, коими я рекомендую подателя сего собственноручнаго моего письма, г. Бисмарка-Шенгаузена, къ вашему двору. Онъ принадлежитъ къ дворянскому роду, который поселился въ нашей странѣ ранѣе, нежели мои предки, и который всегда отличался добродѣтелями, особенно ярко выразившимися въ немъ. Его смѣлымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ мы обязаны тѣмъ, что сохранили и упрочили наши владѣнія въ цвѣтущемъ состояніи, во время тяжкихъ событій послѣднихъ лѣтъ. Вашему императорскому величеству извѣстно, что г. фонъ Бисмаркъ состоитъ моимъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Такъ какъ болѣзненное состояніе моего посланника при дворѣ вашего императорскаго величества, графа фонъ Арнима, потребовало временнаго его отсутствія, а между тѣмъ отношенія, существующія между нашими дворами не позволяютъ (по моему мнѣнію) замѣнить его второстепеннымъ лицомъ, то я избралъ фонъ Бисмарка замѣстителемъ графа Арнима на время его отсутствія. Мнѣ пріятно думать, что ваше величество познакомитесь съ человѣкомъ, который пользуется у насъ уваженіемъ многихъ, но котораго многіе и ненавидятъ за его чисто дворянскую преданность престолу и за непримиримую вражду къ революціи въ самыхъ ея основахъ. Онъ мой другъ и вѣрный слуга и явится къ вамъ подъ живымъ впечатлѣніемъ моихъ принциповъ, моего образа дѣйствій, моихъ намѣреній и, прибавлю, моей любви къ Австріи и къ вашему величеству. Онъ можетъ, если окажется нужнымъ, отвѣтить вашимъ совѣтникамъ на многіе вопросы какъ никто иной и кратковременное его пребываніе въ Вѣнѣ, по истинѣ, можетъ быть обильно благими послѣдствіями, ежели чудовищныя, издавна подготовляемыя недоразумѣнія не пустили слишкомъ глубокихъ корней, отъ чего да сохранитъ насъ Господь.

«Г. фонъ Бисмаркъ ѣдетъ къ вамъ изъ Франкфурта, гдѣ всегда существовала благопріятная почва для тѣхъ происковъ, которые государства средней Германіи, мечтающія о Рейнскомъ Союзѣ, называютъ съ наслажденіемъ несогласіями между Австріей и Пруссіей и гдѣ эти происки даже нерѣдко зарождались; но онъ всегда смотрѣлъ на подобнаго рода вещи и домогательства трезвымъ и проницательнымъ взглядомъ. Я приказалъ ему отвѣтить на всѣ вопросы, которые могли бы быть предложены ему по этому поводу вашимъ величествомъ или вашими министрами такъ, какъ мнѣ самому. Если бы ваше величество пожелали получить отъ него объясненія относительно моего образа мыслей и моего

отношенія къ таможенному вопросу, то я увѣренъ, что мой образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ заслужитъ ваше уваженіе, хотя бы онъ и не имѣлъ счастья пользоваться вашимъ одобреніемъ. Пребываніе дорогого императора Николая было для меня истинною отрадою. Подтвержденіе давно лелѣянной мною надежды, что мы вполнѣ сходимся съ вашимъ величествомъ во мнѣніи относительно того, что только одинъ нашъ тройственный, непоколебимый, священный и дѣятельный союзъ можетъ спасти Европу и пошаливающее, но тѣмъ не менѣе горячо любимое отечество отъ настоящаго кризиса, преисполнило меня благодарности Богу и еще болѣе усилило мою давнишнюю любовь и преданность къ вашему величеству. Не лишайте и вы меня, дорогой другъ, того расположенія, какимъ я пользовался въ дивные дни, проведенные на берегу Тегернскаго озера; искренно желаю, чтобы ваше могущественное столь важное и необходимое для нашего общаго отечества довѣріе и ваша дружба ко мнѣ еще болѣе упрочились. Отъ всей души поручаю себя этой дружбѣ, дражайшій другъ, пребывая вашего императорскаго величества вѣрный и искренно преданный дядя, братъ и другъ».

Министерство Буоля, Баха, Бруха и т. д. относилось не особенно дружелюбно къ Пруссіи, но было любезно со мною, въ надеждѣ что за оказанное мнѣ высокое благоволеніе я буду сговорчивѣе въ дѣловыхъ переговорахъ. Офиціально, мнѣ былъ оказанъ болѣе почетный пріемъ, нежели я ожидалъ, но съ дѣловой точки зрѣнія, т. е. во всемъ что касалось таможенныхъ вопросовъ, моя миссія осталась безуспѣшной. Австрія и тогда уже стремилась къ заключенію съ нами таможеннаго союза, но я никогда не считалъ нужнымъ идти на встрѣчу этимъ желаніямъ. Общность интересовъ въ таможенныхъ вопросахъ можетъ существовать единственно при одинаковыхъ условіяхъ потребленія; интересы сѣвера и юга, востока и запада расходятся даже въ предѣлахъ нѣмецкаго Таможеннаго Союза и для того, чтобы примирить ихъ, нужно имѣть много добраго желанія, проистекающаго изъ чувства національнаго единства; разница въ потребленіи предметовъ, обложенныхъ таможенной пошлиною между Венгріей и Галиціей, съ одной стороны, и таможеннымъ союзомъ—съ другой, настолько велика, что между ними весьма трудно установить въ этомъ отношеніи какое либо соглашеніе.

При заключеніи таможеннаго договора между Германіей и Австріей, всякая раскладка была бы въ ущербъ первой изъ этихъ державъ, хотя бы цифры говорили, повидимому, не въ пользу Австріи. Цислейтанія и Трансслейтанія [1]) живутъ почти исключительно своими собственными, а не привозными произведеніями. Надобно замѣтить также, что я ни-

[1]) Т. е. собственно Австрія и Венгрія. В. В.

когда не питалъ особаго довѣрія къ мелкимъ чиновникамъ не нѣмецкаго происхожденія, которые служатъ на востокѣ

Единственный нашъ секретарь посольства въ Вѣнѣ встрѣтилъ меня съ неудовольствіемъ по той причинѣ, что онъ не былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ; онъ послалъ въ Берлинъ прошеніе объ увольненіи его въ отпускъ, который не былъ ему разрѣшенъ министромъ; но я далъ ему отпускъ своею властію. Такимъ образомъ, гановерскому посланнику, графу Адольфу Платену, съ которымъ я былъ давно въ дружескихъ отношеніяхъ, пришлось взять на себя обязанность представить меня министрамъ и ввести меня въ дипломатическій кругъ.

Бесѣдуя однажды откровенно, онъ спросилъ меня, разсчитываю ли я быть со временемъ преемникомъ Мантейфеля. Я отвѣчалъ, что пока я этого не желаю, но полагаю, что король думаетъ сдѣлать меня со временемъ министромъ, что онъ видимо подготовляетъ меня къ этому и съ этой цѣлью возложилъ на меня эту mission extraordinaire въ Австріи. Что касается меня, то я желалъ бы прослужить лѣтъ десять посланникомъ при разныхъ дворахъ, познакомиться со свѣтомъ, затѣмъ прослужить, по возможности съ отличіемъ, лѣтъ десять министромъ, а потомъ уже, поселившись въ своемъ имѣніи, обдумывать пережитое и по примѣру моего старика дяди, живущаго въ Темплинѣ, близъ Потсдама, заниматься разведеніемъ и прививкою плодовыхъ деревьевъ [1]). Этотъ шутливый разговоръ былъ переданъ фонъ Платеномъ въ Гановеръ, дошелъ до свѣдѣнія директора таможень, генерала Кленце, который велъ въ то время съ Мантейфелемъ переговоры о таможенныхъ вопросахъ и ненавидѣлъ меня какъ юнкера [2]), въ смыслѣ либеральныхъ бюрократовъ. Онъ поспѣшилъ передать Мантейфелю донесеніе фонъ Платена, искаженное въ томъ смыслѣ, будто я стараюсь смѣстить его. По возвращеніи изъ Вѣны въ Берлинъ (8 іюля) мнѣ пришлось испытать послѣдствія этихъ навѣтовъ, которыя выразились въ болѣе холодномъ отношеніи ко мнѣ моего начальника, не приглашавшаго меня болѣе останавливаться у него во время моихъ наѣздовъ въ Берлинъ. Мои дружескія отношенія къ генералу Герлаху также какъ будто нѣсколько пострадали отъ этого.

Выздоровленіе графа Арнима позволило мнѣ уѣхать изъ Вѣны; такимъ образомъ желаніе короля назначить меня преемникомъ графа не

---

[1]) Сравни письмо Бисмарка къ Мантейфелю отъ 23-го іюля 1852 г. напечатанное въ „Preussen im Bundstage“ IV, 99. Прим. издателя.

[2]) Наименованіе молодыхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, не имѣющихъ другаго титула и положенія; съ 1850-хъ годовъ слово это служитъ названіемъ реакціонной дворянской партіи сперва въ прусскомъ, затѣмъ въ обще-германскомъ парламентѣ. В В.

осуществилось. Если бы онъ не выздоровѣлъ, то я занялъ бы его мѣсто крайне неохотно. Чувствуя что я сдѣлался, вслѣдствіе пребыванія во Франкфуртѣ, persona ingrata въ Вѣнѣ, я опасался, что на меня будутъ смотрѣть тамъ какъ на элементъ враждебный, а это затруднило бы мнѣ исполненіе служебныхъ обязанностей и уронило бы меня въ мнѣніи берлинскаго двора; разумѣется это легче могло быть достигнуто придворной перепиской въ то время, когда я бы находился въ Вѣнѣ, нежели во Франкфуртѣ. Припоминаю нѣкоторые разговоры относительно Вѣны, которые я имѣлъ впослѣдствіи съ королемъ во время моихъ продолжительныхъ поѣздокъ съ нимъ съ глаза на глазъ по желѣзной дорогѣ. Въ этихъ случаяхъ я говорилъ ему обыкновенно.

— Я поѣду въ Вѣну, если ваше величество прикажете, но только не по доброй волѣ; служа во Франкфуртѣ я пріобрѣлъ нерасположеніе австрійскаго двора и, получивъ назначеніе въ Вѣну, буду чувствовать себя какъ бы отданнымъ на съѣденіе моимъ врагамъ. Каждое правительство легко можетъ повредить аккредитованному при немъ посланнику и пошатнуть его положеніе тѣми средствами, какія пускаетъ въ ходъ австрійская политика въ Германіи.

— Я не хочу приказывать, отвѣчалъ обыкновенно король на подобныя слова, вы должны отправиться туда добровольно и даже попросить меня о томъ; это будетъ высшей школою вашего дипломатическаго образованія; вы должны бы быть мнѣ благодарны за то, что я забочусь о вашемъ воспитаніи въ этомъ отношеніи; дѣлаю же я это въ увѣренности, что мои труды не пропадутъ даромъ.

Министерскій постъ также не особенно отвѣчалъ въ то время моимъ желаніямъ. Я былъ увѣренъ, что мое положеніе въ качествѣ министра прусскаго короля не будетъ прочно. Онъ видѣлъ во мнѣ человѣка имъ созданнаго и воспитаннаго и въ случаѣ какого либо разногласія въ мнѣніи у него всегда явилась бы мысль, что яйцо курицу учитъ. Для меня было совершенно ясно, что мои взгляды на задачи внѣшней политики Пруссіи не вполнѣ соотвѣтствовали взглядамъ на этотъ предметъ короля; такъ же ясно представлялись мнѣ тѣ затрудненія, которыя пришлось бы преодолѣть будучи отвѣтственнымъ министромъ монарха съ такими самодержавными поползновеніями, съ такою измѣнчивостью взглядовъ, неправильностью въ занятіяхъ и доступностью непрошенному вліянію политическихъ интригановъ. Въ числѣ ихъ были приверженцы нашихъ курфюрстовъ, которые и позднѣе, въ царствованіе строгаго Фридриха Вильгельма I, имѣли, съ задняго крыльца, доступъ къ царствующему дому.

Быть покорнымъ слугою и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственнымъ министромъ было въ то время труднѣе нежели при Вильгельмѣ I.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1853 г. мнѣ представлялась возможность за-

нять постъ министра въ Гановерѣ. Въ то время когда я окончилъ леченіе купаньемъ въ Нордернѣ, бывшій министръ Бакмейстеръ, только что вышедшій изъ министерства Шеле, спросилъ меня, соглашусь ли я быть министромъ короля Георга. Я отвѣчалъ, что могу служить въ Гановерскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ только въ томъ случаѣ, если король думаетъ идти рука объ руку съ Пруссіей; я не могу измѣнить своей преданности Пруссіи какъ мѣняютъ пару перчатокъ.

Проѣздомъ къ моей семьѣ, которая находилась въ Вилльневѣ, на берегу Женевскаго озера и куда я отправился изъ Нордерне черезъ Гановеръ, я имѣлъ случай неоднократно бесѣдовать съ королемъ. Одна изъ нашихъ бесѣдъ происходила въ нижнемъ этажѣ дворца, въ кабинетѣ, помѣщавшемся между его спальнею и спальнею королевы. Король не желалъ, чтобы всѣмъ было извѣстно о нашемъ свиданіи; между тѣмъ онъ пригласилъ меня въ тотъ день къ пяти часамъ къ обѣду. Король не спрашивалъ меня соглашусь ли я быть его министромъ, но потребовалъ чтобы я, будучи знакомъ съ дѣлами союзнаго сейма, объяснилъ ему какимъ образомъ конституція 1848 г. могла бы быть пересмотрѣна при участіи сейма. Когда я высказалъ ему свой взглядъ, то онъ попросилъ меня тутъ же изложить его письменно и мнѣ пришлось набросать въ общихъ чертахъ планъ дѣйствій въ присутствіи короля, который сидя у того же стола, на которомъ я писалъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія моей работы, осложнявшейся тѣмъ, что письменныя принадлежности, видимо рѣдко употребляемыя, были изъ рукъ вонъ плохи: чернила были густы, перо плохое, бумага груба, пропускной бумаги вовсе не было; исписанныя мною четыре страницы политическаго содержанія, съ ихъ чернильными пятнами, отнюдь не могли бы сойти за образцовое произведеніе канцелярскаго искусства. Король подписалъ бумагу въ той же комнатѣ, гдѣ онъ меня принялъ ради соблюденія тайны, которая была, впрочемъ, нарушена тѣмъ, что наша бесѣда затянулась до шестого часа и особы, приглашенныя къ обѣду къ 5 часамъ, не могли не догадаться о причинѣ опозданія. Когда часы, стоявшіе позади короля, пробили шесть, онъ вскочилъ съ мѣста и не сказавъ ни слова съ поразительной при его слѣпотѣ быстротою и увѣренностью прошелъ по комнатѣ заставленной мебелью въ смежную спальню или уборную. Я остался одинъ не получивъ никакихъ указаній. Не зная расположенія дворца, я запомнилъ только изъ разговора съ королемъ, что одна изъ трехъ дверей вела въ спальню королевы, которая въ то время была больна корью. Когда я убѣдился наконецъ, что за мною никто не придетъ, чтобы провести меня, то я вышелъ черезъ третью дверь и наткнулся на лакея, который меня не зналъ и видимо былъ встревоженъ и перепуганъ моимъ появленіемъ въ этой части дворца, но успокоился когда, судя по его акценту, я отвѣтилъ на его недоумѣ-

вающій вопросъ по англійски и потребовалъ, чтобы онъ провелъ меня къ королевскому столу.

Въ тотъ же или на слѣдующій день вечеромъ, хорошенько не помню, я имѣлъ еще разъ продолжительную аудіенцію у короля безъ свидѣтелей, во время которой я замѣтилъ съ удивленіемъ, какъ небрежно относились слуги къ слѣпому монарху. Все освѣщеніе большой комнаты состояло изъ двойнаго подсвѣчника, въ который были вставлены двѣ восковыя свѣчи съ надѣтыми на нихъ тяжелыми металлическими абажурами. Одна изъ свѣчей догорѣла, и абажуръ со страшнымъ трескомъ упалъ на полъ, но на шумъ никто не явился; въ сосѣдней комнатѣ также никого не оказалось и монарху пришлось самому указать мнѣ, гдѣ находился звонокъ. Эта небрежность слугъ особенно бросалась въ глаза, такъ какъ столъ, возлѣ котораго мы сидѣли, до того былъ заваленъ всевозможными дѣловыми и частными бумагами, что нѣкоторыя изъ нихъ падали при малѣйшемъ движеніи короля и мнѣ приходилось поднимать ихъ. Не менѣе удивительно было то обстоятельство, что слѣпой монархъ цѣлыми часами бесѣдовалъ съ постороннимъ дипломатомъ и что объ этомъ не было извѣстно его министрамъ.

Пребываніе въ Ганноверѣ напоминаетъ мнѣ одинъ случай, который до сихъ поръ остается для меня загадочнымъ. Къ прусскому комисару, назначенному въ Ганноверъ для веденія переговоровъ по таможеннымъ вопросамъ, былъ прикомандированъ изъ Берлина въ помощники консулъ Шпигельталь. Когда я упомянулъ о немъ въ разговорѣ съ моимъ добрымъ знакомымъ министромъ фонъ Шеле, какъ о прусскомъ чиновникѣ, то онъ засмѣялся и выразилъ мнѣ по этому поводу свое удивленіе, сказавъ что судя по дѣятельности Шпигельталя онъ «принялъ этого господина за австрійскаго агента». Я послалъ объ этомъ шифрованную депешу министру фонъ Мантейфелю, и совѣтовалъ ему приказать осмотрѣть на границѣ вещи этого Шпигельталя, который собирался вскорѣ ѣхать въ Берлинъ, и арестовать его бумаги. Мое ожиданіе услышать объ этомъ или прочитать въ газетахъ не сбылось, а въ концѣ октября, когда я провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ и Потсдамѣ, генералъ фонъ Герлахъ сказалъ мнѣ однажды между прочимъ:

— У Мантейфеля бываютъ иногда удивительныя фантазіи; такъ напримѣръ онъ потребовалъ недавно, чтобы консулъ Шпигельталь былъ приглашенъ къ королевскому столу и добился исполненія своего желанія, подъ угрозою отставки кабинета.

IV.

Графы Карлъ и Робертъ фонъ-деръ Гольцы.—Интриги ихъ противъ Мантейфеля.—Рудольфъ Ауерсвальдъ.—Крымская война и вліяніе ея на политику Пруссіи.—Оборонительно-наступательный союзъ Пруссіи съ Австріею.—Планъ Бисмарка о поднятіи значенія Пруссіи.—Переписка Бисмарка съ генераломъ фонъ-Герлахомъ.—Настроеніе, господствовавшее при Берлинскомъ дворѣ.—Предположеніе о разчлененіи Россіи.—Вопросъ о возстановленіи Польши.—Политическая программа О. фонъ-Бисмарка.

Въ кругахъ, составлявшихъ оппозицію прусскому правительству, для успѣха національнаго дѣла возлагали надежду на герцога Кобургскаго, а также на помощь Англіи и даже Франціи, но болѣе всего надѣялись на либеральныя стремленія нѣмецкаго народа. Выразителемъ этихъ надеждъ былъ небольшой кругъ придворной оппозиціи, который всячески старался заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ принца прусскаго. Я не считалъ этихъ господъ пустыми мечтателями, но на оборотъ относился къ нимъ серьезно.

Вліятельный и здравствующій по нынѣ (1891 г.) престарѣлый адъютантъ императора Вильгельма, графъ Карлъ фонъ деръ-Гольцъ былъ, въ свое время, изящный и весьма не глупый гвардейскій офицеръ. Пруссакъ съ головы до ногъ и царедворецъ онъ интересовался остальной Германіей лишь настолько, насколько этого требовало его положеніе человѣка придворнаго. Онъ былъ весельчакъ и страстный охотникъ, обладалъ красивой наружностью, пользовался успѣхомъ у женщинъ и ловко умѣлъ лавировать на придворномъ паркетѣ; политикой онъ не особенно интересовался, придавая ей значеніе лишь тогда, когда она была ему нужна для придворныхъ цѣлей. Онъ зналъ, что воспоминаніе объ Ольмюцѣ было наилучшимъ средствомъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ принца въ борьбѣ съ Мантейфелемъ, и пользовался случаемъ поддержать въ немъ это настроеніе.

Оппозиція встрѣтила поддержку въ лицѣ графа Роберта фонъ деръ-Гольца, человѣка весьма дѣятельнаго и способнаго, котораго Мантейфель имѣлъ однажды неосторожность обойти по службѣ. Потерявъ положеніе, графъ сдѣлался руководителемъ партіи, которая играла въ началѣ роль въ качествѣ придворной партіи, а во время регентства вошла въ составъ министерства. Она пріобрѣла вліяніе на прессу посредствомъ основаннаго ею органа «Preussische Wochenblatt», дѣятельно вербовала себѣ сторонниковъ и черпала денежныя средства изъ огромнаго состоянія Бетманъ-Гольвега и графовъ Фюрстенбергъ-Штаммгейма и Пурталеса. Выполненіе политической задачи, намѣченной этой партіей, главную цѣль которой составляло низверженіе Мантейфеля, взяли въ свои искусныя руки графы Гольцъ и Пурталесъ. Оба они отлично

говорили по французски, съ прекраснымъ акцентомъ, тогда какъ Мантейфелю приходилось пользоваться, при составленіи дипломатическихъ актовъ, услугами своихъ подчиненныхъ изъ французской колоніи въ Берлинѣ. Графъ Пурталесъ также имѣлъ столкновеніе съ президентомъ министровъ и былъ въ глазахъ короля его соперникомъ.

Можетъ быть Гольцъ и не разсчитывалъ быть непосредственнымъ преемникомъ Мантейфеля, но всячески надѣялся рано или поздно быть министромъ. Я, лично, много способствовалъ его назначенію сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Парижъ.

Рудольфъ фонъ-Ауерсвальдъ также принадлежалъ къ оппозиціи, но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1854 г., онъ пріѣзжалъ ко мнѣ во Франкфуртъ, чтобы заявить, что онъ готовъ бросить все это и, получивъ мѣсто посланника въ Бразиліи, онъ дастъ слово не вмѣшиваться болѣе въ дѣла внутренней политики.

Я совѣтывалъ Мантейфелю воспользоваться этимъ въ его личныхъ интересахъ, чтобы устранить подъ благовиднымъ предлогомъ этого умнаго и опытнаго противника, друга принца прусскаго, но его недовѣріе и антипатія къ Ауерсвальду были такъ велики, что онъ отклонилъ это назначеніе. Ауерсвальдъ остался въ Пруссіи и былъ однимъ изъ главныхъ посредниковъ между принцемъ и партіей враждебной Мантейфелю.

Графъ Робертъ Гольцъ, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ молодыхъ лѣтъ, также пріѣзжалъ во Франкфуртъ, чтобы завербовать меня въ свою партію, но я отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, по скольку оно касалось низверженія Мантейфеля, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что такъ какъ самъ Мантейфель назначилъ меня съ полнымъ довѣріемъ во Франкфуртъ, то я считалъ бы нечестнымъ воспользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы низвергнуть его до тѣхъ поръ, пока онъ не вынудитъ меня порвать съ нимъ всякую связь; тогда я объявлю ему открыто войну и объясню ея причину.

Строгое порицаніе всего, что было сдѣлано въ Ольмюцѣ, хотя въ этомъ менѣе были виноваты прусскіе уполномоченные, ведшіе переговоры, нежели неумѣлыя дѣйствія руководителей прусской политики и разъясненіе послѣдствій этой политики—таково было оружіе, которымъ Гольцъ поразилъ Мантейфеля и снискалъ расположеніе принца прусскаго. Съ его точки зрѣнія, какъ человѣка военнаго, Ольмюцкій договоръ былъ дѣломъ совершенно непонятнымъ; чувство обиды и огорченія, вызванное этимъ договоромъ, умѣрялось только военной дисциплиной и династической преданностью къ королю.

Несмотря на искреннюю преданность принца къ его русскимъ родственникамъ, которая выразилась въ горячей дружбѣ къ императору

Александру II, онъ глубоко чувствовалъ униженіе, причиненное Пруссіи императоромъ Николаемъ; это чувство росло въ немъ по мѣрѣ того, какъ онъ не одобрялъ все болѣе и болѣе политику Мантейфеля, возмущался противъ домогательствъ Австріи, и выяснялъ себѣ роль, которую должна была играть Пруссія въ вопросѣ о политическомъ объединеніи Германіи, который до тѣхъ поръ былъ ему совершенно чуждъ.

Во время Крымской войны еще болѣе усилились нападки оппозиціи на Мантейфеля. Президентъ министровъ доказалъ свое твердое желаніе избѣжать разрыва съ Австріей, когда нашей дружбѣ съ этой державой угрожала опасность. Въ то время, когда въ Австріи министромъ былъ князь Шварценбергъ, въ эпоху Крымской войны и въ то время, когда Австрія старалась заручиться содѣйствіемъ Пруссіи для проведенія своей восточной политики, наши отношенія къ ней напоминали отношенія Лепорелло къ Донъ-Жуану. Когда всѣ государства германскаго союза настаивали во Франкфуртѣ на томъ, чтобы Пруссія взяла на себя роль ихъ защитницы отъ поползновеній Австріи и западныхъ державъ, то я, какъ представитель прусской политики, не могъ не испытать чувство горечи и стыда, видя какъ мы уступали требованіямъ Австріи, которыя предъявлялись даже не въ особенно вѣжливой формѣ, и какъ мы приносили въ жертву свою собственную политику и свои самостоятельныя убѣжденія, отступая шагъ за шагомъ и, увѣренные въ своей слабости, боясь Франціи и смиряясь передъ Англіей, думали найти спасеніе, идя на буксирѣ у Австріи. Король раздѣлялъ мой взглядъ, но не рѣшался выйти изъ этого положенія, прибѣгнувъ къ энергичной политикѣ.

Когда Англія и Франція объявили 28-го марта 1854 года [1]) войну Россіи, мы заключили съ Австріей 20-го апрѣля наступательный и оборонительный союзъ, по которому Пруссія обязалась, въ случаѣ надобности, выставить въ теченіе 36-ти дней 100.000 человѣкъ, изъ коихъ треть въ восточной Пруссіи, а двѣ трети въ Познани и Бреславлѣ и увеличить, кромѣ того, армію, если бы потребовали обстоятельства, на 200.000 человѣкъ, дѣйствуя въ обоихъ случаяхъ по соглашенію съ Австріей.

3-го мая 1854 г., Мантейфель написалъ мнѣ слѣдующее обиженное письмо:

«Генералъ фонъ-Герлахъ только-что сообщилъ мнѣ, что его королевское величество приказалъ вамъ присутствовать здѣсь на совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью выяснить отношенія австро-прусскаго союза къ германскому союзу и, что генералъ уже писалъ вамъ объ этомъ.

[1]) Даты по новому стилю.

Въ виду этого высочайшаго приказанія, о которомъ мнѣ до сихъ поръ, впрочемъ, ничего не было извѣстно, я считаю необходимымъ предложить вамъ безотлагательно прибыть сюда. Принявъ во вниманіе предстоящія, въ скоромъ времени, засѣданія союзнаго сейма, я полагаю, что ваше пребываніе здѣсь не можетъ быть продолжительно».

Во время переговоровъ, происходившихъ по поводу союза, заключеннаго 20-го апрѣля, я предлагалъ королю воспользоваться случаемъ, чтобы выйти изъ положенія подчиненнаго и, какъ мнѣ казалось, недостойнаго прусской политики, и занять то положеніе, на которое давали намъ право симпатіи и желанія нѣмецкихъ государствъ, которыя хотѣли соблюдать вмѣстѣ съ нами и при нашей поддержкѣ независимый нейтралитетъ. По моему мнѣнію, этого можно было достигнуть, изъявивъ готовность исполнить предъявленное намъ Австріей требованіе, выставить войско, но при этомъ слѣдовало выставить 66.000 и даже болѣе человѣкъ не у Лиссы, а въ Верхней Силезіи, чтобы наша армія могла перейти одинаково быстро и русскую и австрійскую границы, т. е. намъ слѣдовало не стѣсняясь выставить гораздо болѣе 100.000 человѣкъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи 200.000 человѣкъ, его величество былъ бы въ тотъ моментъ властителемъ судебъ Европы, могъ бы продиктовать условія мира и занять въ Германіи положеніе вполнѣ достойное Пруссіи [1]). Франція не могла особенно угрожать нашей западной границѣ, такъ какъ ея войска были заняты въ Крыму. Армія, которой располагала Австрія, находилась въ восточной Галиціи, гдѣ она пострадала отъ болѣзней гораздо болѣе нежели отъ потерь, понесенныхъ въ сраженіяхъ. Объ арміи были пригвождены къ мѣсту 200.000 войскомъ, которое Россія выставила въ Польшѣ, какъ значилось по крайней мѣрѣ на бумагѣ, и которое, будучи двинуто въ Крымъ, рѣшило бы участь войны, если бы этому не помѣшало войско, выставленное Австріей на границѣ. Нѣкоторые дипломаты тогда же включили въ свою программу проектъ возстановленія Польши подъ покровительствомъ Австріи. Объ вышеупомянутыя арміи стояли одна противъ другой и не могли никуда двинуться, такъ что Пруссія имѣла полную возможность дать перевѣсъ любой изъ нихъ, прійдя ей на помощь. Блокада, которой могли подвергнуться наши берега со стороны Англіи, не болѣе угрожала намъ опасностью, нежели блокада, которой мы подверглись нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ со стороны Даніи, которая заперла всѣ наши порты; мы были бы вознаграждены за это, освободившись сами и освободивъ Германію отъ угрозъ австро-франкскаго союза и отъ гнета прочихъ нѣмецкихъ государствъ.

---

[1]) Сравни сказанное Бисмаркомъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ рейхстагѣ 6-го февраля 1888 г. „Politische Reden“, XII, 459. Прим. издателя.

Во время Крымской войны, престарѣлый король Виртембергскій сказалъ мнѣ однажды, бесѣдуя со мною откровенно у камина, въ Штутгардтѣ:

Мы, южно-германскія государства, не можемъ рисковать одновременно враждою Австріи и Франціи; Страсбургъ слишкомъ близокъ отъ насъ; оттуда на насъ могутъ напасть, и съ запада на насъ нападутъ скорѣе нежели подоспѣетъ помощь изъ Берлина. Если непріятель неожиданно нападетъ на Виртембергъ, и я частнымъ образомъ удалюсь въ прусскій лагерь, то вопли моихъ подданныхъ, угнетенныхъ непріятелемъ, призовутъ меня обратно; виртембергская рубашка мнѣ ближе къ тѣлу, нежели мантія союза [1]).

Безнадежность, выразившаяся въ этихъ словахъ престарѣлаго монарха, которая имѣла свое основаніе, и болѣе или менѣе озлобленное настроеніе прочихъ союзныхъ государствъ, конечно, смѣнились бы другимъ чувствомъ, если бы рѣшительныя дѣйствія Пруссіи въ верхней Силезіи доказали, что Австрія и Франція не могли оказать намъ въ это время дѣятельнаго сопротивленія, и если бы мы энергично воспользовались ихъ довольно опаснымъ и неприкрытымъ положеніемъ. Убѣжденный тонъ, какимъ я объяснялъ королю положеніе дѣлъ и могущія произойти изъ этого послѣдствія, видимо произвелъ на него впечатлѣніе; онъ благосклонно улыбнулся и сказалъ мнѣ:

— Душа моя, все это прекрасно, но это обойдется мнѣ слишкомъ дорого. Столь рѣшительныя мѣры можетъ принимать человѣкъ такого закала, какъ Наполеонъ, а не я.

Рѣшеніе нѣмецкаго союза примкнуть къ договору, заключенному Австріей и Пруссіей 20-го апрѣля 1854 г., ранѣе графа Буоля создать поводъ къ войнѣ, неудавшееся вслѣдствіе выступленія русскихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи, предложенный имъ и заключенный 2-го декабря въ тайнѣ отъ Пруссіи договоръ съ западными державами, четыре пункта Вѣнской конференціи и дальнѣйшій ходъ событій вплоть до Парижскаго мира, заключеннаго 30-го марта 1856 г., описаны Зибелемъ на основаніи архивныхъ документовъ [2]), а мое участіе во всѣхъ этихъ вопросахъ, какъ лица должностнаго, изложено въ сочиненіи «Preussen im Bundestage». О томъ же, что дѣлалось въ это время въ кабинетѣ и о разныхъ соображеніяхъ и вліяніяхъ, коими опредѣлялись дѣйствія короля, мнѣ сообщалъ тогда письменно генералъ фонъ-Герлахъ; привожу наиболѣе интересные отрывки изъ его писемъ.

Осенью 1855 г., мы придумали для этой корреспонденціи особый

[1]) Сравни сказанное Бисмаркомъ въ рѣчахъ отъ 22-го января 1864 г. и 2-го мая 1871 г. „Politische Reden“, II, 276, V, 52. Прим. издателя.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1898 года, № 1, „Друзья или недруги“.

шифръ, въ которомъ государства обозначались названіями извѣстныхъ намъ деревень, а люди Шекспировскими типами, что не было лишено нѣкотораго юмора.

24-го апрѣля 1854 г., Берлинъ.

«Мантейфель привелъ въ исполненіе рѣшеніе принятое имъ съ (фельдцейхмейстеромъ) Гессомъ и сдѣлалъ это такъ, что я могу это назвать не иначе какъ проиграннымъ сраженіемъ. Всѣ мои военныя расчеты, всѣ ваши письма, которыя доказывали самымъ неоспоримымъ образомъ, что Австрія никогда не рѣшится прійти безъ насъ къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію съ западными державами, ни къ чему не привели. Какъ бы то ни было, это рѣшеніе стало un fait accompli и намъ приходится теперь, какъ послѣ проиграннаго сраженія, собирать силы, чтобы противустать снова противнику; надобно замѣтить, что въ договорѣ, все основано на взаимномъ соглашеніи. Непремѣннымъ и весьма непріятнымъ послѣдствіемъ этого будетъ то обстоятельство, что какъ только мы станемъ настаивать на объясненіи, которое покажется намъ наиболѣе правильнымъ, насъ тотчасъ обвинятъ въ двоедушіи и нарушеніи даннаго слова. Къ этому надо приготовиться и не обращать на это вниманія; но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно стараться предупредить это теперь же, пока еще не произошло столкновенія, и выяснить въ Вѣнѣ и во Франкфуртѣ нашъ взглядъ на этотъ договоръ, ибо при теперешнемъ положеніи дѣлъ у энергичнаго, дѣятельнаго министра иностранныхъ дѣлъ руки еще не связаны. Мы дѣлаемъ всѣ шаги въ Петербургѣ самостоятельно, слѣдовательно, можемъ оставаться послѣдовательны и достигнуть во всякомъ случаѣ соглашенія и взаимности и всего того, чего не достаетъ въ договорѣ. Будберга я старался успокоить по мѣрѣ силъ; Нибуръ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ весьма усердно и дѣятельно и держитъ себя какъ всегда ловко и превосходно. Но какой толкъ зашивать эти прорѣхи; въ концѣ-концовъ все же это неблагодарная работа...»

1-го іюля 1854 г., Санъ-Суси.

«Дѣла снова страшно запутались, но пока они еще въ такомъ положеніи, что если дойдетъ до развязки, то можно ожидать благопріятнаго окончанія... Если мы не удержимъ Австрію какъ можно долѣе, то возьмемъ этимъ на душу большой грѣхъ, вызовемъ къ жизни союзъ трехъ государствъ, составляющій основу Рейнскаго союза, и дадимъ Франціи возможность распространить свое вліяніе до воротъ Берлина. Въ настоящій моментъ жители Бамберга сдѣлали попытку образовать тройственный союзъ подъ покровительствомъ Россіи, отлично понимая, что не трудно перемѣнить протекторатъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ-концовъ дѣло все-таки окончится франко-русскимъ союзомъ, если Англія не пойметь всего безумія войны и союза съ Франціей...»

Шарлоттенбургъ, 9-го августа 1854 г.

«...Въ настоящее время Мантейфель вполнѣ благоразуменъ, но полагаться на него нельзя. Мнѣ кажется, вамъ предстоитъ наставить обѣ стороны на путь истинный. Во-первыхъ, вы должны дать понять вашему другу, Прокешу [1]), что въ настоящее время намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности идти по стопамъ Австріи въ ея желаніи во что бы то ни стало воевать съ Россіей. Затѣмъ, вамъ надобно указать нѣмецкимъ государствамъ тотъ путь, по которому имъ надлежитъ идти...

«Какъ жаль, что пребываніе (короля Фридриха-Вильгельма) въ Мюнхенѣ снова возбудило въ извѣстныхъ кругахъ германскій энтузіазмъ. Мечта о нѣмецкой резервной арміи съ нимъ во главѣ дурно вліяетъ на политику. Людовикъ XIV говорилъ: l'état c'est moi. Его величество имѣетъ несравненно болѣе права сказать: l'Allemagne c'est moi» [2]).

Слѣдующее письмо, полученное мною отъ личнаго секретаря короля, Нибура, дало мнѣ болѣе ясное понятіе о настроеніи, господствовавшемъ при дворѣ.

Путтбусъ, 22-го августа 1854 г.

«Я не отрицаю добрыхъ намѣреній, хотя они направлены, по моему мнѣнію, не туда, куда нужно, и выполняются не такъ, какъ слѣдуетъ; я не отрицаю также, что мы имѣемъ право соблюдать свои интересы, хотя это совершенно противорѣчитъ тому, что я считаю правильнымъ. Но я требую правды и ясности, и отсутствіе ихъ можетъ довести меня до отчаянія. Я не могу упрекнуть нашу политику въ недостаткѣ правдивости во внѣшнихъ дѣлахъ, но она заслуживаетъ этого упрека по отношенію къ намъ самимъ. Мы очутились бы въ совершенно иномъ положеніи и не сдѣлали бы многаго, если бы сознали истинные мотивы, руководившіе нашими дѣйствіями, а не морочили бы себя тѣмъ, что дѣйствія нашей политики вытекаютъ изъ ея основныхъ принциповъ. Истинная причина того, что мы не отказались отъ участія въ конференціи, происходившей въ Вѣнѣ послѣ того, какъ англо-французскій флотъ вступилъ въ Дарданеллы, и поддерживали послѣднее время въ Петербургѣ требованія западныхъ державъ и Австріи, заключается въ ребяческомъ страхѣ, что «насъ исключатъ изъ «concert européen» и что «мы утратимъ положеніе великой державы». Нелѣпѣе этого ничего нельзя себѣ представить. Нелѣпо говорить о европейскомъ концертѣ въ то время, когда двѣ державы воюютъ съ третьей; притомъ, мы обязаны положеніемъ великой державы разумѣется не угодливости Лондона, Парижа или Вѣны, а превосходству нашего оружія. Къ этому

---

[1]) Графъ Антонъ Прокешъ (Prokesch), австрійскій дипломатъ, р. 1795 г. † 1876 г. Въ 1853 году былъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ. В. В.

[2]) Briefwechsel, стр. 181. Прим. издателя.

примѣшивается нѣкоторая раздражительность противъ Россіи, которую я вполнѣ понимаю и которой нельзя въ настоящее время поддаваться, не повредивъ этимъ себѣ.

Наши поступки не могутъ быть вполнѣ понятны, если мы не дѣйствуемъ чистосердечно, поэтому хотя мы вращаемся и не въ такихъ потемкахъ, какъ въ Вѣнѣ, гдѣ все дѣлается какъ бы съ просонья, словно Россіи война уже объявлена: но моему слабому уму все же непостижимо, какъ можно въ одно и то же время быть нейтральнымъ, взять на себя роль примирителя и вмѣстѣ съ тѣмъ стоять за предложенія въ родѣ тѣхъ, которыя были сдѣланы въ послѣднее время морскими державами».

Приводимые ниже отрывки заимствованы также изъ писемъ Герлаха.

Санъ-Суси, 13-го октября 1854 г.

«...Въ Вѣнѣ повидимому рѣшили воевать. Тамъ поняли, что нельзя болѣе оставаться въ выжидательномъ положеніи, готовыми къ бою, что это немыслимо даже со стороны финансовъ, но возвратиться вспять считаютъ опаснѣе нежели идти впередъ. Вернуть войска въ самомъ дѣлѣ не такъ-то легко и я не вижу причины, которая могла бы побудить къ этому императора. Австрія можетъ, на первыхъ порахъ, помириться съ революціонными планами западныхъ державъ, напр. съ возстановленіемъ Польши, съ безцеремоннымъ отношеніемъ къ Россіи и т. д., легче, нежели Пруссія; равно не подлежитъ сомнѣнію, что Франція и Англія скорѣе могутъ создать затрудненія Австріи въ Италіи и Венгріи, нежели намъ. Императоръ въ рукахъ своей полиціи; что это значитъ, я понялъ въ послѣдніе годы; онъ повѣрилъ, будто бы Россія подстрекнула Кошута и т. п., этимъ онъ успокоилъ свою совѣсть; чего же не въ состояніи сдѣлать полиція, то сдѣлаютъ ультрамонтане изъ ненависти къ православной церкви и къ протестантской Пруссіи. Поэтому уже поговариваютъ о королевствѣ польскомъ подъ управленіемъ австрійскаго эрцгерцога... Изъ всего этого слѣдуетъ, что надобно быть весьма на сторожѣ и готовымъ ко всему, даже къ войнѣ съ союзными Австріи западными державами, и что нѣмецкимъ князьямъ довѣрять нельзя. Дай Богъ, чтобы насъ не признали слабыми, но, положа руку на сердце, я не могу сказать, чтобы я особенно довѣрялъ тѣмъ, кто руководитъ нашей судьбою. Поэтому намъ необходимо тѣсно сплотиться [1]).

Санъ-Суси, 15-го ноября 1854 г.

«...Что касается Австріи, то ея политика выяснилась мнѣ наконецъ изъ послѣднихъ переговоровъ. Въ мои лѣта соображаешь не особенно

[1]) Briefwechsel, стр. 191. Примѣч. издателя.

быстро. Австрійская политика, по существу не ультрамонтанская, какъ воображаетъ его величество, хотя она и пользуется ультрамонтанами смотря по надобности. Австрія не преслѣдуетъ обширныхъ завоевательныхъ плановъ на Востокѣ, она не мечтаетъ объ императорской коронѣ; ея политика есть политика страха, въ основѣ котораго лежитъ затруднительное положеніе внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ въ Италіи и Венгріи, запутанное положеніе ея финансовъ, боязнь Наполеона, боязнь мести со стороны Россіи, а также боязнь Пруссіи, отъ которой ожидаютъ гораздо болѣе дурного, нежели у насъ думаютъ. Мейендорфъ говоритъ: «Мой зять Буоль—политическій прохъ, онъ боится всякой войны, но съ Франціей, разумѣется, болѣе нежели съ Россіей». Мнѣніе вполнѣ справедливое».

Потсдамъ, 4-го января 1855 г.

«Мантейфель убѣжденный бонапартистъ; припомните его поведеніе во время coup d'état и если хотите знать что-нибудь новенькое, то я скажу вамъ, что онъ написалъ Вертеру (тогда посланникъ въ Петербургѣ) слѣдующую нелѣпость: «Если мы хотимъ извлечь пользу изъ Россіи, то намъ слѣдуетъ присоединиться къ договору 2-го декабря, чтобы участвовать въ переговорахъ».

«Если переговоры, происходящіе въ Вѣнѣ, примутъ такой оборотъ, при которомъ можно будетъ разсчитывать на успѣхъ, то и насъ постараются привлечь къ участію въ нихъ и нами не пренебрегутъ съ нашими 300.000 человѣкъ войска.

«Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы пріѣхали сюда хоть на нѣсколько дней для того, чтобы оріентироваться. Я знаю по личному опыту, какъ легко выбиться изъ колеи при продолжительномъ отсутствіи. Въ виду вашихъ личныхъ свойствъ мнѣ очень трудно объяснить вамъ положеніе дѣлъ у насъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ замѣшаны люди безпринципные и на которыхъ нельзя положиться. Мнѣ всегда очень непріятно, когда его величество секретничаетъ съ Мантейфелемъ. Когда король увѣренъ въ своей правотѣ передъ Богомъ и передъ своей совѣстью, то онъ бываетъ откровеннѣе не только со мною, но и со многими другими нежели съ Мантейфелемъ. При этомъ секретничаньи является какое-то сочетаніе слабости и лукавства, съ одной стороны, и страшнаго подобострастія—съ другой, что ведетъ обыкновенно къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ [1])».

Берлинъ, 23-го января 1855 г.

«Меня весьма печалитъ бонапартизмъ, обуявшій всѣхъ и каждаго, а равно индеферентизмъ и легкомысліе, съ какими всѣ относятся къ этому надвигающемуся величайшему изо всѣхъ золъ. Неужели же такъ

[1]) Ср. Briefwechsel, стр. 216. Прим. издателя.

трудно разгадать чего собственно добивается этотъ человѣкъ? Да и въ какомъ положеніи находятся здѣсь дѣла? The king can do no wrong. Объ этомъ я молчу; Мантейфель—ярый бонапартистъ. Бунзенъ и Узедомъ—совершенно не пруссаки. Гатцфельда, который находится въ Парижѣ и женатъ на бонапартисткѣ, до того обошли, что его зять, находящійся тутъ, сравнивая Наполеона III съ Наполеономъ I, называетъ послѣдняго осломъ. Что изъ этого выйдетъ и можно ли упрекать короля, когда у него такіе слуги. О постороннихъ совѣтникахъ остается только умолчать.

«Дѣятельная, предпріимчивая анти-австрійская политика встрѣтитъ со стороны Мантейфеля еще менѣе сочувствія нежели со стороны короля, хотя въ то время, когда мы обсуждали этотъ вопросъ съ моимъ начальникомъ съ глаза на глазъ, казалось, что онъ раздѣляетъ мое негодованіе, какъ пруссака, по поводу обиднаго пренебреженія, съ какимъ относилось къ намъ министерство Буоля, Прокеша и пр. Когда же дошло до дѣла, чтобы совершить рѣшительный дипломатическій шагъ въ анти-австрійскомъ духѣ или хотя бы только отнестись къ Россіи такъ, чтобы не стать къ этой, доселѣ намъ дружественной державѣ, въ отношенія явно враждебныя, то разногласіе между королемъ и президентомъ министровъ доходило обыкновенно до того, что дѣло едва не кончалось отставкою кабинета и король угрожалъ Мантейфелю мною или графомъ Альвенслебеномъ, а однажды, зимою 1854 г., даже графомъ Пурталесомъ, который принадлежалъ къ партіи Беттманна Гольвега и имѣлъ на дѣла внѣшней политики взгляды совершенно противоположные моимъ, и едва ли могъ сойтись въ этомъ случаѣ съ графомъ Альвенслебеномъ.

«Столкновенія эти кончались обыкновенно примиреніемъ короля съ министромъ. Одинъ изъ трехъ кандидатовъ на министерскій постъ, графъ Альвенслебенъ, заявилъ во всеуслышаніе, что онъ не желаетъ принять никакой офиціальной должности при этомъ монархѣ. Король хотѣлъ послать меня къ нему въ Эрклебенъ [1]), но я отклонилъ это порученіе на томъ основаніи, что Альвенслебенъ незадолго передъ тѣмъ высказалъ мнѣ во Франкфуртѣ свое рѣшеніе въ довольно рѣзкой формѣ. Но когда мы съ нимъ увидѣлись вновь, то его недовольство прошло и онъ былъ готовъ отвѣтить на предложеніе его величества согласіемъ, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы я вступилъ въ такомъ случаѣ въ министерство вмѣстѣ съ нимъ. Но король не упоминалъ болѣе объ Альвенслебенѣ, можетъ быть потому, что вскорѣ послѣ моей поѣздки въ Парижъ (въ августѣ мѣсяцѣ 1855 г.) при дворѣ произошло ко мнѣ охлажденіе, собственно говоря со стороны ея величества королевы.

[1]) Erxleben—село недалеко отъ Магдебурга. В. В.

Графъ Пурталесъ, вслѣдствіе своего богатства, казался королю слишкомъ «независимымъ». Король находилъ, что министры, не имѣющіе своего собственнаго состоянія и живущіе однимъ содержаніемъ, болѣе способны подчиняться. Я также уклонялся по мѣрѣ возможности отъ отвѣтственнаго поста при этомъ монархѣ и всегда старался помирить его съ Мантейфелемъ, къ которому ѣздилъ съ этой цѣлью въ его имѣніе (Драндорфъ) [1]).

«При этихъ обстоятельствахъ журнальная партія, какъ ее называли, вела удивительно двойственную игру. Я помню, какими объемистыми записками обмѣнивались эти господа, которые надѣялись привлечь меня въ свою партію, познакомивъ съ содержаніемъ этихъ записокъ, въ коихъ была намѣчена цѣль, къ которой должна была стремиться Пруссія, какъ передовой боецъ Европы; цѣль эта заключалась въ расчлененіи Россіи, отнятіи у нея остзейскихъ губерній, которыя, включая Петербургъ, должны были отойти къ Пруссіи и Швеціи, и всѣхъ земель, составлявшихъ территорію польской республики въ самыхъ обширныхъ ея предѣлахъ, въ раздробленіи остальной части на Великороссію и Малороссію.

«Въ оправданіе этой программы ссылались на теорію барона Гакстгаузена (изслѣдованіе о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности о сельскихъ учрежденіяхъ Россіи), который доказывалъ, что эти три области, взаимно дополняющія другъ друга своими произведеніями, составляя одно цѣлое, дадутъ многомилліонному русскому народу перевѣсъ надъ остальною Европою».

Изъ этой теоріи дѣлали выводъ о необходимости соблюдать естественный союзъ съ Англіей, намекая на то, что если Пруссія поможетъ ей войсками противъ Россіи, то и она съ своей стороны поддержитъ прусскую политику въ такъ называемомъ «готовскомъ» смыслѣ [2]).

Будущее политическое устройство Германіи, завоеванное впослѣдствіи войсками короля Вильгельма на полѣ битвы, было совершенно вѣрно предугадано общественнымъ мнѣніемъ Англіи вмѣстѣ съ принцемъ Альбертомъ, который давалъ королю и прусскому принцу непрошенныя наставленія, и лордомъ Пальмерстономъ, который въ разговорѣ съ депутаціей радикаловъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1851 г., назвалъ

[1]) См. Politische Reden. XII, 448. Примѣч. издателя

[2]) Готовцами (Gothaer), были прозваны лица, принадлежавшія къ партіи наслѣдника престола во франкфуртскомъ парламентѣ, которые, собравшись въ іюнѣ мѣсяцѣ 1849 г. въ г. Гота, рѣшили поддерживать объединительныя стремленія Германіи и выборы въ эрфуртскій парламентъ, на которомъ была принята въ 1850 г. союзная конституція. В. В.

Англію разсудительнымъ секундантомъ всякаго народа, борющагося за свою свободу, и объявилъ, въ своихъ брошюрахъ, принца Альберта опаснымъ противникомъ своихъ освободительныхъ стремленій. Никто не чувствовалъ потребности обсудить какъ слѣдуетъ вопросъ о томъ, захочетъ ли Пальмерстонъ или какой-нибудь другой англійскій министръ, идя рука объ руку съ готовскими либералами и съ оппозиціей прусскаго двора, вызвать Европу на неравную борьбу и принести интересы Англіи въ жертву на алтарь нѣмецкихъ объединительныхъ стремленій; никто не хотѣлъ обсудить, въ состояніи ли это сдѣлать Англія, не встрѣтивъ поддержки другихъ континентальныхъ державъ, при содѣйствіи одной только прусской политики, руководимой въ Кобургскомъ духѣ; менѣе всего объ этомъ думали тѣ лица, которыя рекомендовали производить подобные эксперименты. Пробѣлы, которые замѣчались въ шаткомъ зданіи тогдашней западнической политики придворной оппозиціи, прикрывалось фразою и готовностью одобрить, ради партійныхъ интересовъ, всякую глупость. Этими ребяческими утопіями тѣшились люди несомнѣнно умные, играя въ партіи Беттманъ-Гольвега роль государственныхъ людей; они считали возможнымъ отнестись къ шестидесяти милліонамъ великорусскаго народа какъ къ caput mortuum, съ которымъ можно поступить жестоко, не создавъ этимъ союзника для всякаго будущаго врага Пруссіи и не думая, что въ случаѣ войны съ Франціей Пруссія будетъ этимъ поставлена въ необходимость прикрывать свой тылъ отъ Польши, ибо немыслимо устроить дѣла въ Пруссіи, Познани и даже Шлезвигѣ такимъ путемъ, который удовлетворилъ бы Польшу, не нарушивъ этимъ цѣлости самой Пруссіи. Эти политики не только сами мнили себя въ то время мудрецами, ихъ превозносила тататаковыми и либеральная пресса.

Изъ произведеній, украсившихъ страницы «Preussisches WochenBlatt», мнѣ запомнилась въ особенности записка, составленная, яко-бы, въ царствованіе императора Николая въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, для руководства наслѣдника престола; въ этой запискѣ были изложены, въ примѣненіи къ современному положенію, основныя черты русской политики, намѣченныя въ подложномъ завѣщаніи Петра Великаго, которое было издано въ 1810 г. въ Парижѣ, и Россіи приписывались разные злые умыслы противъ остальныхъ государствъ, съ цѣлью владычествовать надъ міромъ. Мнѣ говорили впослѣдствіи, что это сочиненіе, которое распространилось въ заграничной и преимущественно въ англійской прессѣ, было написано Константиномъ Франціомъ.

Въ то время, какъ Гольцъ и его берлинскіе сподвижники вели свое дѣло довольно ловко, примѣромъ чего можетъ служить вышеупомянутая статья, Бунзенъ, посланникъ въ Лондонѣ, имѣлъ неосторожность по-

слать, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 г., министру Мантейфелю пространную записку, въ которой онъ настаивалъ на возстановленіи Польши, расширеніи Австріи до Крыма, утвержденіи Эрнестинской линіи на саксонскомъ престолѣ и т. п. и совѣтывалъ Пруссіи содѣйствовать осуществленію этой программы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ берлинскому двору, что англійское правительство не будетъ имѣть ничего противъ того, чтобы Пруссія заняла Пріэльбскія герцогства, если она примкнетъ къ западнымъ державамъ; въ Лондонѣ же онъ далъ понять, что прусское правительство согласится на это, если ему будетъ обѣщано означенное вознагражденіе [1]). Оба эти заявленія были сдѣланы имъ безъ всякаго на то уполномочія. Когда это дошло до свѣдѣнія короля, то несмотря на всю его любовь къ Бунзену, онъ былъ этимъ крайне возмущенъ и приказалъ ему, черезъ Мантейфеля, проситься въ отпускъ; вскорѣ послѣ этого онъ былъ уволенъ въ отставку. Въ біографіи Бунзена, изданной его семьей, перепечатана упомянутая записка, съ пропускомъ наиболѣе рѣзкихъ мѣстъ, но безъ указанія на эти пропуски; тамъ же приведена, въ односторонней окраскѣ, офиціальная переписка, окончившаяся его отставкой.

Въ 1882 г. въ печати проявилось письмо принца Альберта къ барону фонъ-Штокмару, въ которомъ «паденіе Бунзена» объясняется русской интригой, и поведеніе короля изображено не согласно съ истиной; это подало поводъ обнародовать, на основаніи документовъ, полный текстъ записки и весь ходъ дѣла, впрочемъ все-таки съ нѣкоторыми ограниченіями (Deutsche Revue, 1882, стр. 152).

Принцъ прусскій не былъ посвященъ въ планы, имѣвшіе цѣлью расчлененіе Россіи. Будучи вызванъ въ Берлинъ для того, чтобы уладить недоразумѣніе, возникшее у короля съ Мантейфелемъ, я имѣлъ случай бесѣдовать съ принцемъ и изъ разговора съ нимъ выяснилъ себѣ какимъ образомъ удалось настроить его противъ Россіи и какъ могли достигнуть того, что принцъ, который, не сочувствуя либеральной и національной политикѣ короля, выражалъ свое мнѣніе до 1848 г. не выходя изъ границъ должнаго братскаго почтенія и повиновенія, началъ дѣйствовать довольно энергично въ оппозиціи правительственной политикѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ, я былъ приглашенъ къ принцу, который, дѣйствуя очевидно подъ вліяніемъ окружающихъ, выразилъ желаніе, чтобы я говорилъ съ королемъ въ антирусскомъ, западническомъ духѣ. Онъ сказалъ мнѣ:

— Вы увидите тутъ два противуположныя теченія, представителемъ одного изъ нихъ является Мантейфель, представителемъ другого, дружественнаго Россіи направленія служитъ здѣсь Герлахъ и графъ

[1]) Ср. Sybel, Die Begründung des Deutschen Reichs, II, 181.

Мюнстеръ въ Петербургѣ. Вы являетесь сюда со свѣжими взглядами; король призываетъ васъ до нѣкоторой степени въ качествѣ посредника, поэтому ваше мнѣніе можетъ быть рѣшающимъ. Умоляю васъ высказать его въ томъ смыслѣ, котораго требуетъ не только польза Европы, но и истинное, дружеское участіе къ Россіи. Она возстановила противъ себя всю Европу и въ концѣ концовъ должна будетъ покориться. Всѣ эти великолѣпныя войска (это было сказано послѣ неудачнаго для русскихъ сраженія на Альмѣ), всѣ наши друзья были бы еще живы, если бы мы взялись за дѣло какъ слѣдуетъ и принудили бы Россію къ миру. Дѣло кончится тѣмъ, что Россія, нашъ старинный другъ и союзникъ, будетъ уничтожена или ей будетъ нанесенъ большой ущербъ. Задача, возложенная на насъ Провидѣніемъ, заключается въ томъ, чтобы диктаторски предписать миръ и спасти нашего друга хотя бы противъ его воли.

Такова была роль, которую Гольцъ, Альбертъ Пурталесъ и Уздомъ придумали для Пруссіи въ своей политической программѣ, разсчитанной на сверженіе Мантейфеля и въ этомъ приблизительно смыслѣ они съумѣли навязать ее принцу; имъ не мало помогла антипатія къ Россіи принцессы, его супруги.

Желая измѣнить его взглядъ на это дѣло я сталъ доказывать, что мы не имѣемъ, лично, ровно никакой причины воевать съ Россіей и что у насъ нѣтъ въ Восточномъ вопросѣ никакихъ интересовъ, которые оправдывали бы такую войну или хотя бы необходимость принести въ жертву наши давнія, многолѣтнія дружескія отношенія къ этой державѣ и что, напротивъ, каждая побѣдоносная война съ Россіей угрожаетъ намъ, какъ ея сосѣдямъ, не только въ томъ отношеніи, что она можетъ вызвать у русскихъ желаніе отомстить за то, что мы напали на нее не имѣя къ тому ни малѣйшаго повода, но можетъ навязать намъ еще весьма затруднительную задачу, а именно—рѣшеніе польскаго вопроса въ смыслѣ сколько нибудь желательномъ для Пруссіи. Если же наши собственные интересы не только не требуютъ разрыва съ Россіей, но даже говорятъ противъ этого, то напавъ на нашего бывшаго друга и вѣрнаго сосѣда, не будучи къ тому вызваны имъ, мы сдѣлаемъ это либо изъ боязни Франціи, либо изъ желанія оказать услугу Англіи и Австріи. Мы разыграемъ въ такомъ случаѣ роль индѣйскаго вассальнаго принца, который, находясь подъ покровительствомъ Англіи, обязанъ сражаться за нее, или роль, которую игралъ корпусъ Іорка во время похода нашихъ войскъ въ 1812 г., когда весьма понятная, въ то время, боязнь Франціи заставила насъ быть ея покорной союзницей.

Мои слова задѣли принца за живое, онъ вспыхнулъ отъ гнѣва и прервавъ меня сказавъ:

— О вассалахъ и страхѣ не можетъ быть и рѣчи.

Однако онъ не прекратилъ разговоръ. Тотъ, кто пользовался его довѣріемъ и благосклонностью, могъ довольно свободно и даже нѣсколько рѣзко высказывать ему свой взглядъ. Я понялъ, что мнѣ не удастся поколебать мнѣніе, которое принцъ составилъ себѣ подъ вліяніемъ домашнихъ, Англіи и Беттманнъ-Гольвегской партіи. Вліяніе послѣдней еще могло бы быть поколеблено, но я никакъ не могъ побороть вліяніе принцессы, его супруги.

Во время Крымской кампаніи была обнаружена кража депешъ, которая продолжалась довольно долго и, если не ошибаюсь, именно была вызвана войною. Одинъ обѣднѣвшій полицейскій агентъ (Täcken) доказалъ свою ловкость нѣсколько лѣтъ тому назадъ тѣмъ, что переплывая ночью р. Шпре, онъ проникалъ въ виллу, которую занималъ въ то время графъ Берссонъ, французскій посланникъ въ Берлинѣ, и списывалъ его бумаги; этотъ человѣкъ и былъ употребленъ министромъ Мантейфелемъ, получилъ при посредствѣ подкупленныхъ слугъ доступъ къ портфелю, въ которомъ хранились получаемыя депеши и переписка, происходившая по поводу ихъ между королемъ, Герлахомъ и Нибуромъ, и снималъ съ нихъ копіи. Вознагражденный Мантейфелемъ съ чисто прусской скупостью, онъ искалъ случая примѣнить свои способности въ иномъ мѣстѣ и при посредствѣ агента Гассенкруга нашелъ себѣ дѣло у французскаго посланника Мустье и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ [1]).

Къ числу кліентовъ этого агента принадлежалъ между прочимъ президентъ полиціи, фонъ-Гинкельдей. Онъ явился однажды къ генералу Герлаху съ копіей письма, въ которомъ тотъ писалъ кому-то, по всей вѣроятности Нибуру: «Въ то время, когда король былъ въ Столпценфельсѣ съ высочайшими гостями, туда съѣхались такія-то и такія-то личности, въ числѣ ихъ былъ и Гинкельдей; въ библіи говорится, что гдѣ оселъ, туда слетаются и орлы; въ этомъ случаѣ можно бы сказать, что гдѣ орелъ, туда сбѣгаются и ослы». Гинкельдей потребовалъ у генерала по этому поводу объясненія; когда же, на вопросъ Герлаха какимъ образомъ онъ получилъ это письмо, президентъ отвѣчалъ: «Это письмо обошлось мнѣ 30 талеровъ», то генералъ воскликнулъ:

— Какая расточительность! Я написалъ бы вамъ за 30 таллеровъ десять такихъ писемъ!

Дополненіемъ къ тому, что было сказано мною офиціально по поводу участія Пруссіи въ мирныхъ переговорахъ, происходившихъ въ Парижѣ («Preussen im Bundestage», ч. II, стр. 312 - 317, 337—339, 350), служитъ слѣдующее письмо мое къ Герлаху:

---

[1]) См. „Gerlach's Denkwürdigkeiten", II, 346.

Франкфуртъ, 11-го февраля 1856 г.

«Я все еще надѣялся, что мы займемъ болѣе прочное положеніе прежде, нежели насъ рѣшатся пригласить къ участію въ конференціяхъ и что мы не измѣнимъ его, хотя бы этого приглашенія не воспослѣдовало. По моему мнѣнію, только этимъ путемъ мы и могли бы добиться того, чтобы намъ предложили принять въ нихъ участіе. По, судя по инструкціямъ, полученнымъ мною вчера, мы хотимъ, не долго думая, согласиться, съ бо́льшими или меньшими ограниченіями, на такое рѣшеніе, которое обяжетъ насъ и союзъ къ соблюденію предварительныхъ условій мирнаго договора. Если имъ удастся заручиться этимъ обѣщаніемъ съ нашей стороны, въ то время какъ западныя державы и Австрія подписали еще только «проектъ» предварительныхъ условій мира, то ради чего же съ нами будутъ няньчиться на конференціяхъ. Болѣе вѣроятія, что воспользуются, смотря по надобности, согласіемъ, которое будетъ дано нами и прочими нѣмецкими государствами на сеймѣ, въ увѣренности, что стоитъ потребовать—и мы на все согласимся. Мы слишкомъ добры для этого мира. Мнѣ неприлично критиковать рѣшенія его величества и моего начальника, когда они уже ими приняты (12-го февраля), но все мое существо, помимо воли, протестуетъ противъ этого. По полученіи упомянутой инструкціи, заставляющей насъ дѣйствовать противъ нашего желанія, я страдалъ непрерывно цѣлыхъ двое сутокъ рвотою съ желчью, а лихорадка до сихъ поръ не оставляетъ меня. Я могу сравнить свое тѣлесное и душевное состояніе только съ тѣмъ, что я испыталъ весною 1848 года; чѣмъ болѣе я обдумываю положеніе дѣлъ, тѣмъ менѣе нахожу удовлетворенія моему прусскому чувству чести. Недѣлю тому назадъ все казалось мнѣ еще твердо и прочно и я самъ просилъ Мантейфеля предоставить Австріи выборъ между двумя предложеніями, которыя мы съ ней могли бы одобрить, но я не воображалъ, что графъ Буоль отвергнетъ оба эти предложенія и предпишетъ намъ, по собственному своему усмотрѣнію, даже отвѣтъ, который намъ слѣдуетъ дать. Я надѣялся, что каковъ ни будетъ въ концѣ концовъ нашъ отвѣтъ, мы все же не попадемъ въ западню до тѣхъ поръ, пока наше участіе въ конференціяхъ не будетъ дѣломъ рѣшеннымъ.

«Такимъ ли представляется наше положеніе въ настоящій моментъ? Австрія, въ теченіе двухъ лѣтъ, четыре раза продѣлала съ нами одну и ту же штуку: она требовала, чтобы мы упустили изъ-подъ ногъ всю почву, на которой мы стояли,—и мы уступили, послѣ нѣкотораго колебанія, половину ея или около этого. Теперь дѣло идетъ о послѣдней пядн, на которой можетъ быть воздвигнуто прусское зданіе. Успѣхъ сдѣлалъ Австрію заносчивой и она требуетъ теперь не только, чтобы мы, называющіе себя великой державой и претендующіе на равноправность

съ нею, пожертвовали ей остатокъ нашего независимаго положенія, она даже предписываетъ намъ, въ какихъ именно выраженіяхъ мы должны сдѣлать это отреченіе, приказываетъ намъ дѣйствовать съ неприличной, по часамъ разсчитанной, поспѣшностью, и отказываетъ намъ въ какомъ бы то ни было вознагражденіи, которое могло бы заживить наши раны. Мы не дерзаемъ даже сдѣлать ни малѣйшей поправки въ заявленіи, которое она предписываетъ сдѣлать Пруссіи и Германіи.

«Пфордтенъ [1]) рѣшаетъ дѣло съ Австріей, полагая, что онъ впередъ можетъ разсчитывать на согласіе Пруссіи, и что если Баварія выскажетъ свое мнѣніе, то это будетъ для Пруссіи res judicata. Послѣдніе два года, при подобныхъ же обстоятельствахъ мы предъявляли, по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ, нѣмецкимъ дворамъ прусскую программу, и никто не дерзалъ принимать окончательнаго рѣшенія прежде, нежели мы придемъ къ соглашенію съ Австріей. Теперь же Баварія договаривается съ Австріей, а мы подчиняемся за одно съ Дармштадтомъ и Ольденбургомъ. Мы отдаемъ при этомъ послѣднее изъ того, что отъ насъ могутъ потребовать, а когда Австрія будетъ имѣть въ карманѣ рѣшеніе союза, включая согласіе Пруссіи, то мы увидимъ, какъ Буоль, пожимая плечами, будетъ говорить съ сожалѣніемъ о невозможности преодолѣть нежеланіе державъ допустить насъ къ участію въ конференціяхъ. На поддержку Россіи, въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, нельзя разсчитывать, ибо уныніе, которое овладѣетъ нами, когда мы промѣняемъ остатокъ нашей политики за входный билетъ на конференцію, должно быть какъ нельзя болѣе пріятно русскимъ. Кромѣ того, они, очевидно, менѣе надѣются на нашу поддержку на конференціяхъ, нежели опасаются, что мы, въ роли «посредника», будемъ поддерживать политику ихъ противниковъ. Несмотря на всю дипломатическую хитрость Бруннова, мои разговоры съ нимъ и письма изъ Петербурга, мною прочитанныя, не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

«Единственное средство добиться участія въ конференціяхъ есть и будетъ нѣкоторая сдержанность съ нашей стороны относительно нашего рѣшенія на австрійское предложеніе. Что за охота будетъ имѣть на конференціяхъ прусскаго спорщика, когда рѣшеніе союза и вмѣстѣ съ нимъ мы сами будемъ у нихъ въ карманѣ? Австрія съумѣетъ предъявить его въ то время, когда насъ тамъ не будетъ. Изъ офиціозной нѣмецкой прессы и изъ поведенія Рехберга вытекаетъ ясно, что она и теперь уже ограничиваетъ пятою статьею жалкую оговорку, сдѣланную къ австро-баварскому проекту. Намъ и союзу предоставляется право

---

[1]) Баронъ Людвигъ фонъ-Пфордтенъ (Pfordten) баварскій государственный дѣятель, род. 1811 г. † 1880 г., съ 1859—64 г.г. былъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ. В. В.

высказать свое мнѣніе относительно тѣхъ conditions particulières, которыя будутъ предъявлены воюющими сторонами; но относительно условій, предъявляемыхъ Австріей, мы лишены этого права; что же касается истолкованія четырехъ пунктовъ, то предполагается, что Пруссія и Германія заранѣе присоединятся къ мнѣнію Австріи—державы имъ покровительствующей и являющейся ихъ представительницей, и этотъ взглядъ оправдывается тѣмъ, что когда мы заявили о своемъ желаніи сдѣлать оговорку, то Баварія и Австрія отклонили ее и мы на этомъ успокоились.

«Отказавшись высказать свое рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ это своевременнымъ, мы разстроимъ всѣ эти расчеты. Пока мы будемъ держать себя такъ,—въ насъ еще будутъ нуждаться и въ насъ будутъ заискивать. Врядъ ли здѣсь сдѣлаютъ попытку произвести на насъ давленіе большинствомъ голосовъ; даже Саксонія и Баварія дѣйствуютъ въ «предположеніи», что мы согласимся на предложеніе Австріи: они уже привыкли къ тому, что мы уступаемъ въ концѣ концовъ, поэтому они и позволяютъ себѣ дѣлать подобныя предположенія. Если же у насъ хватитъ смѣлости настаивать на своемъ мнѣніи, то, вѣроятно, найдутъ нужнымъ подождать заявленія Пруссіи, прежде нежели приступить къ рѣшенію вопросовъ нѣмецкой политики. Если мы твердо рѣшимъ повременить рѣшеніемъ и заявимъ о томъ нѣмецкимъ дворамъ, то мы еще будемъ имѣть на своей сторонѣ порядочное большинство даже въ томъ случаѣ, если-бы Саксонія и Баварія душою и тѣломъ предались Буолю, чего по всей вѣроятности не случится.

«Если мы не хотимъ этого допустить, то мы должны быть готовы къ тому, что Сардинія и Турція будутъ самостоятельно обсуждать въ Парижѣ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты къ огражденію германскихъ интересовъ по обоимъ пунктамъ, принятымъ союзомъ, между тѣмъ какъ за насъ будетъ говорить Австрія. Мы не будемъ даже изъ первыхъ въ хвостѣ у Австріи, ибо графъ Буоль, дѣйствуя яко бы по полномочію Германіи, скорѣе посовѣтуется съ Пфордтомъ и Бейстомъ, нежели съ Мантейфелемъ, котораго онъ ненавидитъ, и когда ему удастся привлечь на свою сторону Саксонію и Баварію, то онъ обратитъ на противодѣйствіе Пруссіи еще менѣе вниманія послѣ рѣшенія сейма, нежели до него.

«Не лучше ли намъ предупредить подобныя случайности и въ качествѣ европейской державы вести переговоры о нашемъ участіи въ конференціяхъ непосредственно съ Франціей и Англіей, нежели дѣйствовать, какъ несовершеннолѣтній подъ опекою Австріи и быть на конференціяхъ не болѣе какъ одною изъ стрѣлъ въ колчанѣ Буоля...»

Вынесенное мною впечатлѣніе, что Австрія, по тону и по существу, относилась къ намъ пренебрежительно, какъ я и высказалъ это въ вы-

шеприведенномъ письмѣ, и убѣжденіе, что мы не должны были терпѣть этого пренебрежительнаго тона, имѣло не малое вліяніе на прусско-австрійскія отношенія въ будущемъ.

— —

V.

Вліяніе супруги принца прусскаго. — Симпатія принцессы (впослѣдствіи императрицы) Августы ко всему французскому и англійскому.—Ея антипатія ко всему русскому.—Фонъ-Шлейницъ.—Бесѣды за завтракомъ и ихъ вліяніе.—Непріязненное отношеніе двухъ дворовъ.—Королева Елисавета.—Склонность принцессы Августы къ католицизму.—Составъ главной квартиры въ Санъ-Суси.—Густавъ фонъ-Альвенслебенъ защищаетъ государственные интересы при кобленцкомъ дворѣ.

Записки, коими партія Гольца пользовалась, какъ орудіемъ борьбы противъ Мантейфеля, желая уронить его во мнѣніи короля и прусскаго принца, и которыя она распространяла посредствомъ прессы и при помощи иностранныхъ дипломатовъ, несомнѣнно вліяли извѣстнымъ образомъ на принца, въ чемъ я вполнѣ убѣдился, когда онъ сталъ доказывать мнѣ справедливость теоріи Гакстгаузена въ примѣненіи къ Россіи.

Сильнѣе всѣхъ доводовъ бетманнъ-гольвегской партіи вліяла на принца въ западническомъ смыслѣ его супруга и онъ сталъ вслѣдствіе этого въ оппозицію къ своему брату, что совершенно не согласовалось съ его военными взглядами и убѣжденіями. Принцесса Августа была вѣрна взглядамъ, усвоеннымъ ею въ молодости въ Веймарѣ, которые сводились къ тому, что все французское, а тѣмъ болѣе англійское, выше нѣмецкаго и что всѣ французы и англичане выше нѣмцевъ. Несмотря на имена Гёте, Шиллера и другихъ знаменитыхъ личностей, коими гордился Веймаръ, эта выдающаяся по своему умственному развитію столица не была свободна отъ предразсудка, тяготѣющаго до сей поры надъ нашимъ національнымъ самосознаніемъ, а именно, что всякій французъ, а тѣмъ болѣе англичанинъ въ силу своей національности и происхожденія есть существо высшее по сравненію съ нѣмцемъ и что похвала со стороны общественнаго мнѣнія Парижа и Лондона является болѣе дѣйствительнымъ доказательствомъ нашихъ личныхъ достоинствъ, нежели наше собственное сознаніе. Императрица Августа, несмотря на свой умъ и уваженіе, коимъ она пользовалась за ея всегда строгое исполненіе своего долга, никогда не могла вполнѣ отрѣшиться отъ этого предразсудка; настоящій французъ, бѣгло говорившій на своемъ языкѣ всегда внушалъ ей уваженіе, а всякій англичанинъ могъ претендовать на то, что къ нему отнесутся въ Германіи какъ къ знатной особѣ, пока

онъ не докажетъ, что онъ этого не достоинъ. Подобные взгляды преобладали въ Веймарѣ лѣтъ 70 тому назадъ, находили отголосокъ у насъ и много разъ давали себя чувствовать мнѣ въ продолженіе моей служебной дѣятельности. Желаніе принцессы прусской женить своего сына на англійской принцессѣ, вѣроятно, не мало содѣйствовало упроченію въ ней тѣхъ взглядовъ, которые Гольцъ и его друзья старались вселить ея супругу.

Во время Крымской кампаніи принцесса обнаружила антипатію ко всему русскому, которая укоренилась въ ней съ дѣтства, но ранѣе ничѣмъ особеннымъ не проявлялась. На балахъ, при дворѣ Фридриха-Вильгельма III, гдѣ я видѣлъ впервые эту молодую и красивую женщину, выбирая кавалеровъ для танцевъ, она удостоивала благосклоннаго вниманія также и русскихъ дипломатовъ и даже тѣхъ изъ нихъ, которые были болѣе склонны къ разговору, нежели къ танцамъ, и которымъ приходилось по ея желанію пробовать свое искусство на скользкомъ паркетѣ. Трудно объяснить психологически ту сильную антипатію къ Россіи, которую она выказывала впослѣдствіи. Врядъ ли это можно приписать воспоминаніямъ о событіяхъ, сопровождавшихъ кончину ея дѣда, императора Павла, скорѣе можно допустить, что на это повліяло несогласіе во взглядахъ, возникшее между великой герцогиней Веймарской, женщиной вполнѣ русской по своему происхожденію и политическимъ симпатіямъ, и ея взрослой дочерью, которая, при ея живомъ характерѣ, была не прочь играть болѣе видную и руководящую роль въ придворномъ кругу ея матери; быть можетъ причина этого заключалась также въ субъективномъ чувствѣ, которое вызывала въ ней властная личность императора Николая. Какъ бы то ни было, недоброжелательство къ Россіи, которое эта высокопоставленная личность проявляла и въ то время, когда она была королевой, а затѣмъ императрицей, нерѣдко затрудняло мнѣ достиженіе тѣхъ политическихъ цѣлей, которыя я считалъ нужнымъ преслѣдовать.

Беттманъ-гольвегская партія встрѣтила большую поддержку въ лицѣ фонъ-Шлейница, политическаго совѣтника принцессы, который въ свою очередь былъ готовъ дѣйствовать противъ Мантейфеля, будучи озлобленъ на него за то, что онъ былъ имъ смѣщенъ, по соображеніямъ служебнаго характера, съ прекраснаго поста, занимаемаго имъ въ Ганноверѣ, гдѣ онъ не выказалъ себя особенно дѣятельнымъ, и при томъ смѣщенъ при такихъ обстоятельствахъ, что ему было выдано жалованіе, какъ посланнику, когда онъ уже былъ министромъ.

За завтракомъ принцесса имѣла обыкновеніе говорить со своимъ супругомъ о цѣлахъ, подкрѣпляя свое мнѣніе письмами и газетными статьями, написанными нерѣдко съ этой цѣлью; это обыкновеніе существовало и въ то время, когда принцъ былъ уже императоромъ.

Когда я намекнулъ ему однажды, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ могли быть сочинены и присланы г. фонъ-Шлейницемъ по приказанію королевы, то мнѣ было сдѣлано по этому поводу строгое замѣчаніе. Король, какъ истый рыцарь, стоялъ за свою супругу даже и тогда, когда многое говорило противъ нея. Онъ какъ будто хотѣлъ даже запретить мнѣ думать что-либо подобное, хотя бы это и была правда.

Я никогда не считалъ посланника, аккредитованнаго при дружественной державѣ, обязаннымъ сообщать своему двору всякую подробность тревожнаго свойства; сообразно съ этимъ я поступалъ и въ Петербургѣ, гдѣ былъ удостоенъ такимъ довѣріемъ, какое я позадумался бы оказать въ Берлинѣ иностранному дипломату. При явной антипатіи къ Россіи со стороны королевы, всякое сообщеніе, способное вызвать неудовольствіе между нами и Россіей, могло повести къ ухудшенію нашихъ отношеній къ этой державѣ; имъ могли бы воспользоваться или руководствуясь антипатіей къ Россіи, или изъ желанія пріобрѣсти популярность, или наконецъ изъ симпатіи къ Англіи и убѣжденія, что доброжелательство къ ней и даже къ Франціи доказываетъ болѣе высокую степень цивилизаціи и образованія, нежели дружеское отношеніе къ Россіи.

Когда прусскому принцу было ввѣрено управленіе Рейнской провинціей и онъ переѣхалъ въ 1849 г. на постоянное жительство въ Кобленцъ, то взаимныя отношенія дворовъ Санъ-Суси и Кобленца приняли мало-по-малу характеръ тайной вражды, въ которой съ той и съ другой стороны не маловажную роль игралъ женскій элементъ, хотя со стороны королевы онъ проявлялся не въ столь рѣзкой формѣ. Королева Елисавета открыто дѣйствовала въ пользу Австріи, Баваріи и Саксоніи, что было естественнымъ результатомъ извѣстной солидарности, вызванной сходствомъ взглядовъ и родственными чувствами. Хотя королева и министръ Мантейфель не симпатизировали другъ другу, что вполнѣ объясняется несходствомъ ихъ характеровъ, однако въ критическіе моменты они оба одинаково вліяли на короля въ пользу Австріи, съ тою лишь разницею, что королева въ рѣшительный моментъ все же не выходила изъ извѣстныхъ границъ, которыя она должна была соблюдать въ интересахъ престола, какъ жена и королева. Забота о сохраненіи королевскаго достоинства проявлялась въ ней не столько желаніемъ поощрить короля къ принятію того или другого рѣшенія, сколько женственной робостью передъ послѣдствіями, какія могли повлечь ея совѣты; это заставляло ее дѣйствовать нѣсколько сдержаннѣе.

Во время пребыванія въ Кобленцѣ принцесса проявила еще одну особенность, которая имѣла вліяніе на ея политическую дѣятельность и которой она осталась вѣрна до конца жизни.

Католицизмъ, столь чуждый сѣверо-германцамъ и чисто протестант-

скому населенію Кобленца, имѣлъ особую прелесть въ глазахъ принцессы, которая вообще болѣе интересовалась всѣмъ иноземнымъ, нежели своимъ домашнимъ, будничнымъ, близкимъ. Католическій епископъ казался ей существомъ болѣе возвышеннымъ, нежели генералъ-суперинтендентъ.

Нѣкоторая склонность къ католицизму, которая замѣчалась въ ней ранѣе и отразилась, напримѣръ, въ выборѣ мужскаго персонала ея двора и прислуги, замѣтно усилилась во время ея пребыванія въ Кобленцѣ. Она стала считать себя какъ бы предназначенною самою судьбою печись объ интересахъ стариннаго епископства и его духовенства. Какой результатъ имѣло ея стараніе достигнуть популярности въ рейнскихъ провинціяхъ, видно между прочимъ изъ того, что писалъ мнѣ 9-го октября 1863 г. графъ фонъ-деръ Реке-Фольмерштейнъ, а именно, что благомыслящіе люди на Рейнѣ совѣтуютъ королю не пріѣзжать на празднество по случаю закладки собора, а прислать ея величество, которой «будетъ оказана восторженная встрѣча».

Примѣромъ энергичной поддержки, которую она оказывала католическому духовенству, служитъ тотъ фактъ, что когда при постройкѣ такъ называемой мецской желѣзно-дорожной линіи, которая должна была коснуться католическаго кладбища, духовенство возстало противъ этого, то его ходатайство, поддержанное императрицей, увѣнчалось успѣхомъ настолько, что желѣзная дорога измѣнила свое направленіе и уже возведенныя капитальныя зданія должны были вновь быть построены.

27-го октября 1877 г. статсъ-секретарь фонъ-Бюловъ писалъ мнѣ что императрица просила министра Фалька выдать одному художнику изъ ультрамонтановъ деньги на путевыя издержки, которыхъ онъ не только самъ не хотѣлъ просить, но ссылался на то, что онъ слишкомъ занятъ расписываніемъ образовъ въ Марпингенѣ, чтобы хлопотать объ этомъ [1]).

25-го января 1878 г. фонъ-Бюловъ писалъ мнѣ: «Передъ отъѣздомъ (въ Италію) кронпринцъ имѣлъ бурную сцену съ императрицей, которая требовала, чтобы онъ, какъ будущій властитель 8 милліоновъ католиковъ, посѣтилъ престарѣлаго папу. Когда, по возвращеніи изъ Италіи, кронпринцъ явился къ императору, то императрица также вышла изъ своихъ комнатъ и когда разговоръ, коснувшись положенія короля Гумберта, принялъ оборотъ, который былъ ей не по сердцу и собесѣдники умолкли, то она встала со словами: «Il paraît que je suis de trop ici» [2]), а императоръ сказалъ кронпринцу съ грустью: «Относительно этихъ вещей твоя мать все еще невмѣняема».

---

[1]) Марпингенъ, деревня Трирскаго округа рейнской провинціи. В. В.

[2]) Кажется я здѣсь лишняя.

Начальникомъ главной квартиры въ Санъ-Суси по смерти генерала Рауха былъ Леопольдъ фонъ-Герлахъ, а его помощниками, подчасъ и соперниками, были секретарь короля Нибуръ и Эдвинъ фонъ-Мантейфель, а во время Крымской кампаніи также графъ Мюнстеръ. Изъ любимцевъ короля, имѣвшихъ наиболѣе вліянія, можно назвать графа Антона Штольберга, графа Фридриха Дона и графа фонъ-деръ Гребена.

Противовѣсомъ женскому вліянію, при дворѣ принца являлся Густавъ фонъ-Альвенслебенъ, умный и твердый защитникъ государственныхъ интересовъ, старавшійся по мѣрѣ силъ примирить оба двора, хотя въ общемъ онъ и не одобрялъ правительственной политики. Онъ раздѣлялъ мое мнѣніе о необходимости рѣшить вопросъ австро-прусскаго соперничества на полѣ битвы, ибо никакое иное рѣшеніе было немыслимо. На мой вопросъ, какой можетъ быть, по его мнѣнію, исходъ перваго большого сраженія между нами и Австріей, онъ отвѣчалъ:

— Мы перепрыгнемъ черезъ нее такъ, что она только дрыгнетъ ножками.

Его увѣренный тонъ придалъ мнѣ не мало бодрости въ трудные моменты, которые мнѣ пришлось пережить въ 1864 и 1866 гг.

VI.

Политика Мантейфеля.—Отношенія его къ королю.—Положеніе Бисмарка при дворѣ.—Внутреннія реформы въ Пруссіи.—Интриги противъ Бисмарка.—Отношеніе къ нему короля и зачисленіе въ свиту.

Охлажденіе, происшедшее между мною и министромъ Мантейфелемъ послѣ моей поѣздки въ Вѣну, чему способствовали отчасти сплетни, распространяемыя Кленце и другими лицами, было причиною, что король все чаще и чаще вызывалъ меня въ Берлинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда между нимъ и министромъ возникали недоразумѣнія. Разъѣзжая между Франкфуртомъ и Берлиномъ я проѣхалъ въ годъ до 2.000 верстъ, часто не смыкая глазъ въ пути, хотя иной разъ мнѣ и удавалось хорошо уснуть. Король не только желалъ обыкновенно слышать мое мнѣніе по разнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики, но, получивъ какой нибудь проектъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ поручалъ мнѣ нерѣдко составить на него контръ-проектъ. Въ этихъ случаяхъ я разсматривалъ эти проекты вмѣстѣ съ Мантейфелемъ, который уклонялся обыкновенно отъ какихъ либо поправокъ къ нимъ. Онъ находилъ нужнымъ предупреждать желанія западныхъ державъ и угождать Австріи, тогда какъ я, не будучи особенно ярымъ защитникомъ русской политики, не видѣлъ однако причины жертвовать нашими давнишними миро-

любивыми отношеніями къ этой державѣ, когда дѣло шло о посторонпихъ интересахъ, не касавшихся Пруссіи. Если бы она стала въ непріязненныя отношенія къ Россіи, защищая совершенно чуждое намъ дѣло, то я счелъ бы это доказательствомъ нашей боязни передъ западными державами и нашего трепета передъ Англіей. Мантейфель не хотѣлъ тревожить короля, настаивая на своихъ взглядахъ; онъ не хотѣлъ также раздражать западныя державы и Австрію и, поддерживая мои, такъ называемые, русскіе взгляды, предпочиталъ стушевываться. Все это какъ нельзя лучше было извѣстно маркизу Мустье, поэтому мой начальникъ поручалъ ему иногда обратить меня на путь истинный и убѣдить въ необходимости дѣйствовать согласно съ политикой западныхъ державъ и въ этомъ смыслѣ вліять на короля. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, Мустье, увлекшись, со свойственной ему живостью, высказалъ мнѣ слѣдующую угрозу:

— La politique que vous faites, va vous conduire à Jéna [1]).

На что я отвѣтилъ:

— Pourquoi pas à Leipzig ou à Rossbach? [2])

Мустье не привыкъ, чтобы съ нимъ говорили въ Берлинѣ такимъ рѣшительнымъ тономъ; онъ замолчалъ поблѣднѣвъ отъ гнѣва. Спустя нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— Enfin, toute nation a perdu et gagné des batailles. Je ne suis pas venu pour faire avec vous un cours d'histoire [3]).

Разговоръ болѣе не вязался.

Мустье жаловался на меня Мантейфелю, который передалъ его жалобу королю, но его величество похвалилъ меня за мой отвѣтъ французу и впослѣдствіи высказалъ мнѣ это лично.

По настоянію прусскаго принца, король пользовался иногда услугами наиболѣе способныхъ личностей беттманъ-гольвегской партіи, каковыми были Гольцъ, Пурталесъ, Узедомъ. Иногда случалось, что нѣкоторыя срочныя депеши составлялись не Мантейфелемъ, а графомъ Альбертомъ Пурталесомъ и что король давалъ ихъ для просмотра мнѣ, я же, исправляя ихъ, совѣтывался въ свою очередь съ Мантейфелемъ, который посылалъ ихъ для просмотра помощнику своего секретаря, Le Coq'у; но послѣдній критиковалъ ихъ исключительно съ точки зрѣнія французской стилистики, и задерживалъ по нѣсколько дней отправку нужныхъ депешъ, оправдываясь тѣмъ, что онъ еще не нашелъ вполнѣ подходящее французское выраженіе, которое было бы не особенно ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ туманно, не особенно нерѣшительно и не

[1]) Ваша политика приведетъ васъ къ Іенѣ.

[2]) Почему же не къ Лейпцигу или Россбаху?

[3]) Разумѣется всякая нація выигрывала и проигрывала сраженія. Я пріѣхалъ сюда не съ тѣмъ чтобы проходить съ вами курсъ исторіи.

слишкомъ категорично, какъ будто все дѣло было въ этихъ мелочахъ.

Я старался какъ можно ловчѣе отдѣлаться отъ роли, которую навязывалъ мнѣ король, и добиться по мѣрѣ возможности соглашенія между нимъ и Мантейфелемъ. Когда, съ возстановленіемъ прежняго союзнаго сейма, стремленіе къ національной обособленности Пруссіи было нѣсколько ограничено, то въ Берлинѣ приступили къ внутреннимъ реформамъ, которыя его величество не рѣшался произвести ранѣе, не желая возстановлять противъ себя либераловъ прочихъ нѣмецкихъ государствъ. Цѣль этихъ реформъ и способы, которыми правительство надѣялось достигнуть ихъ, вызвали разногласіе во мнѣніяхъ между министромъ Мантейфелемъ и «небольшой, но сильной партіей», что повело къ открытой и ожесточенной борьбѣ между ними.

Во время этой борьбы не разъ обострялись отношенія короля къ Мантейфелю. Его величество просто возненавидѣлъ его и обходился съ нимъ уже не съ обычной своей вѣжливостью, а говорилъ ему всевозможныя колкости. Каковъ былъ вообще взглядъ короля на положеніе министра, показываютъ слѣдующія его слова, сказанныя о графѣ Альбертѣ Нурталесѣ, которымъ онъ стращалъ иногда Мантейфеля, какъ его возможнымъ соперникомъ.

— Онъ былъ бы для меня хорошимъ министромъ, сказалъ король, если бы у него не было лишнихъ 30.000 рейхсталеровъ дохода; въ этомъ заключается источникъ неповиновенія.

Сдѣлавшись министромъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV мнѣ пришлось бы, болѣе чѣмъ кому либо другому, испытать на себѣ послѣдствія этого взгляда, такъ какъ король смотрѣлъ бы на меня какъ на своего воспитанника на политическомъ поприщѣ и считалъ безусловное «повиновеніе» однимъ изъ необходимѣйшихъ условій моихъ роялистическихъ взглядовъ. Его удивило бы всякое самостоятельное мнѣніе, выраженное мною; такъ напримѣръ, онъ считалъ вѣроломствомъ съ моей стороны, когда я отказался отъ назначенія посланникомъ въ Вѣну, въ чемъ я убѣдился по опыту два года спустя.

Король вызывалъ меня въ Берлинъ не только для обсужденія вопросовъ внѣшней политики, но и для рѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникавшихъ въ ландтагѣ, въ который я былъ вновь избранъ 13-го октября 1851 г. по случаю моего назначенія посланникомъ.

Когда возникъ вопросъ о преобразованіи первой камеры въ палату господъ, я получилъ слѣдующее письмо отъ Мантейфеля, помѣченное 20 апрѣля 1852 года.

«Бунзенъ все болѣе и болѣе настраиваетъ короля искать поддержки въ аристократіи. Онъ утверждаетъ, будто всѣ выдающіеся государственные люди Англіи полагаютъ, что континентальныя державы Европы

раздѣлятся вскорѣ на два лагеря: а) на протестантскія государства съ конституціонной формой правленія, опирающіяся на аристократію и б) на католическія и демократическія государства съ неограниченной формой правленія. Къ послѣдней категоріи онъ относитъ Австрію, Францію и Россію. Я считаю это совершенно ошибочнымъ. Подобныхъ подраздѣленій не существуетъ. Развитіе каждаго государства идетъ самостоятельнымъ путемъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ ни католикъ, ни демократъ, но представитель неограниченной власти. Но подобныя вещи производятъ большое впечатлѣніе на его величество. Я считаю конституціонную форму правленія, провозглашающую господство большинства, менѣе всего подходящей къ протестантскому государству».

На слѣдующій день король писалъ мнѣ:

Шарлотенбургъ, 21-го апрѣля 1852 года.

«Напоминаю вамъ, любезный Бисмаркъ, что я разсчитываю на васъ и на вашу помощь при преніяхъ, предстоящихъ во второй палатѣ относительно организаціи первой, тѣмъ болѣе, что я получилъ, къ сожалѣнію изъ достовѣрнѣйшаго источника, свѣдѣніе о грязныхъ интригахъ, которыя ведутъ силотившіяся сознательно или безсознательно паршивыя овцы правой и смердящіе козлища лѣвой съ цѣлью разстроить мои планы. Это грустное зрѣлище во всѣхъ отношеніяхъ; оно можетъ довести до отчаянія и происходитъ на почвѣ такъ дорого обошедшейся ложной идеи французскаго конституціонализма. Да исправитъ это Господь. Аминь. Фридрихъ Вильгельмъ».

Я написалъ генералу Герлаху [1]), что «я одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ этой партіи. Если бы желанія его величества были мнѣ извѣстны раньше, то я могъ бы, пожалуй, пріобрѣсти нѣкоторое вліяніе; но исполнивъ повелѣніе короля въ Берлинѣ и выступивъ защитникомъ его интересовъ въ консервативной партіи обѣихъ палатъ, я пошатну тѣмъ самымъ свое положеніе въ парламентѣ, которое можетъ быть полезно королю и его правительству въ другихъ вопросахъ; явившись уполномоченнымъ короля, а не защитникомъ своихъ собственныхъ мнѣній, я могу въ два дня совершенно поколебать свое вліяніе». Поэтому я спрашивалъ, нельзя ли мнѣ будетъ уклониться отъ участія въ ландтагѣ, объяснивъ мое отсутствіе исполненіемъ порученія, возложеннаго на меня королемъ къ принцу Аугустенбургскому. Мнѣ отвѣтили, по телеграфу, чтобы я немедленно ѣхалъ въ Берлинъ, куда я и отправился во исполненіе этого приказанія 26-го апрѣля. Между тѣмъ въ Берлинѣ, стараніями консервативной партіи, было принято рѣшеніе, противорѣчившее намѣреніямъ короля; поэтому кампанія, предпринятая его величествомъ, казалась про-

[1]) Отъ 23-го апрѣля 1852 г. Сравн. съ высказаннымъ въ письмѣ къ Мантейфелю отъ того же 23-го апрѣля. (Preussen im Bundestage IV, 72).

игранной. Явившись 27-го апрѣля къ генералу фонъ-Герлаху въ занимаемый имъ флигель въ Шарлоттенбургскомъ за́мкѣ, близъ гауптвахты, я узналъ отъ него, что король сердится на меня за то, что я не сразу выѣхалъ въ Берлинъ, и утверждаетъ, что если бы я пріѣхалъ тотчасъ, то не допустилъ бы принять это рѣшеніе [1]); Герлахъ пошелъ доложить обо мнѣ королю, долго не возвращался и наконецъ пришелъ съ отвѣтомъ, что его величество не желаетъ меня видѣть, но чтобы я подождалъ. Это противорѣчивое приказаніе прекрасно характеризовало короля: онъ гнѣвался на меня и хотѣлъ показать это, отказавъ мнѣ въ аудіенціи, но въ то же время хотѣлъ обнадежить меня, что я могу въ скоромъ времени снова разсчитывать на его благоволеніе. Это былъ своего рода педагогическій пріемъ, въ родѣ того когда ученика прогоняютъ изъ класса, и затѣмъ снова впускаютъ. Мнѣ пришлось остаться какъ бы арестованнымъ въ за́мкѣ; мое безвыходное положеніе было облегчено тѣмъ, что мнѣ подали прекрасный, изящно сервированный завтракъ. Во время отсутствія изъ Берлина въ Потсдамѣ и Шарлоттенбургѣ король жилъ какъ grand seigneur въ своемъ помѣстьи. Посѣтитель получалъ въ за́мкѣ все, что полагается, въ назначенный часъ и если онъ выражалъ какое нибудь желаніе помимо этого, оно немедленно удовлетворялось. Разумѣется, хозяйство велось не по-русски, но по нашимъ понятіямъ всего было въ изобиліи и самаго лучшаго качества, хотя ни въ чемъ не замѣчалось ни малѣйшей расточительности.

Прошло не болѣе часа, когда за мною явился дежурный адъютантъ и провелъ меня къ королю; его величество принялъ меня холоднѣе обыкновеннаго, но все же гораздо милостивѣе чѣмъ я ожидалъ. Онъ разсчитывалъ, что я явлюсь въ Берлинъ по первому требованію, и надѣялся, что мнѣ удастся, до подачи голосовъ, въ 24 часа, по военному, заставить консервативную партію перемѣнить фронтъ и дѣйствовать въ томъ духѣ какъ желалъ король. Я высказалъ его величеству что онъ преувеличиваетъ мое вліяніе на партію и съ другой стороны имѣетъ слишкомъ жалкое понятіе о ея независимости. Такъ какъ мои взгляды не расходились въ этомъ случаѣ со взглядами короля, то я выразилъ готовность поддерживать ихъ передъ моими товарищами, если мнѣ будетъ дано на это время, и изложить еще разъ желанія короля въ парламентѣ. Его величество, видимо успокоенный, выразилъ свое согласіе и, отпуская меня, поручилъ мнѣ пропагандировать его проектъ. Это удалось мнѣ гораздо легче нежели я ожидалъ; оказалось, что противъ преобразованія камеры были одни руководители партіи, а не большинство, которое только подчинялось ихъ авторитету, такъ какъ это были лучшіе ораторы партіи, которые одни

[1]) Сравн. Gerlach's Dedkwürdigkeiten, I, 754, 756. Примѣч. издателя.

только и работали, освобождая прочихъ членовъ отъ трудной обязанности подробно вникать во всѣ вопросы.

Наша, довольно многочисленная партія, въ которой насчитывали кажется свыше 100 человѣкъ, слѣпо защищала политическую программу, намѣченную ея руководителями. Что касается меня, то ставъ, со времени моего пребыванія во Франкфуртѣ, въ нѣсколько враждебное положеніе по отношенію къ Австріи, т. е. вступивъ на тотъ путь, которому не сочувствовали руководители партіи, я тѣмъ самымъ оказался въ независимомъ отъ нихъ положеніи, и хотя вопросъ о преобразованіи камеры не затрогивалъ нашихъ отношеній къ Австріи, но обнаружившееся между нами разногласіе во мнѣніяхъ поколебало нѣсколько мою вѣру въ значеніе этихъ руководителей. Тѣмъ не менѣе я былъ удивленъ, что мои слова такъ быстро повліяли на большинство, когда я сталъ защищать проектъ короля и доказывать, что намъ необходимо было дѣйствовать такъ, какъ онъ хочетъ. При голосованіи большинство выразило готовность идти по пути, указанному его величествомъ.

Положеніе, которое я занялъ въ консервативной партіи, не благопріятствовало осуществленію плановъ короля относительно меня; когда же въ началѣ 1854 г. онъ заявилъ рѣшительно о своемъ намѣреніи назначить меня министромъ, то противъ этого возсталъ не только Мантейфель, но и его приближенные, изъ коихъ главными были генералъ Герлахъ и Нибуръ, которые такъ же, какъ и Мантейфель, не хотѣли дѣлить со мною вліяніе на короля и полагали, что вблизи имъ будетъ труднѣе ладить со мною, нежели издалека. Герлаха поддерживалъ въ этомъ случаѣ его братъ, президентъ, считая меня ненадежнымъ членомъ партіи. Этотъ взглядъ выразился еще болѣе ясно во время борьбы, возгорѣвшейся въ средѣ консервативной партіи и ея комитета, когда я попытался пріобрѣсти вліяніе на дѣятельность этой партіи въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, основываясь на моемъ положеніи въ качествѣ посланника союзнаго сейма и докладчика короля по дѣламъ нѣмецкихъ государствъ.

Зимою 1853—1854 г. король неоднократно вызывалъ меня въ Берлинъ и задерживалъ тамъ подолгу; вслѣдствіе этого меня легко могли причислить къ категоріи тѣхъ лицъ, которыя добивались паденія Мантейфеля, желали возстановить принца прусскаго противъ его брата, добивались для себя лично назначеній или по крайней мѣрѣ временныхъ порученій и на которыхъ король смотрѣлъ какъ на соперниковъ Мантейфеля, надѣющихся современемъ замѣстить его. Когда король заставилъ меня сыграть нѣсколько разъ по отношенію къ Мантейфелю подобную роль, поручая мнѣ составленіе контръ-проектовъ его депешъ, то я обратился однажды къ Герлаху и просилъ его исходатайствовать мнѣ позволеніе уѣхать обратно во Франкфуртъ. Герлахъ вошелъ въ ка-

бинетъ и передалъ королю мою просьбу, на что его величество закричалъ:

— Онъ долженъ, чортъ его побери, ждать, когда я прикажу ему уѣхать!

Когда Герлахъ вышелъ изъ кабинета, я сказалъ смѣясь, что отвѣтъ короля мнѣ уже извѣстенъ.

Такимъ образомъ я пробылъ еще нѣкоторое время въ Берлинѣ. Когда я собрался, наконецъ, уѣхать, то я оставилъ министру черновой набросокъ собственноручнаго письма, которое король собирался послать императору Францу-Іосифу и которое было составлено мною по повелѣнію его величества; Мантейфель долженъ былъ представить это письмо королю, обсудивъ его содержаніе вмѣстѣ со мною. Весь смыслъ письма былъ въ заключительной фразѣ; впрочемъ и помимо ея оно представляло собою тщательно обдуманный документъ, имѣвшій вполнѣ опредѣленное значеніе. Я просилъ дежурнаго флигель-адъютанта, которому передалъ копію съ этого черновика, обратить вниманіе короля на особое значеніе, которое имѣла заключительная фраза письма. Объ этой предосторожности въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не знали, и при свѣркѣ копіи съ оригиналомъ, въ за́мкѣ, оказалось, какъ я того и опасался, что мой черновикъ былъ измѣненъ въ смыслѣ, болѣе желательномъ для австрійской политики.

Во время Крымской войны и предшествовавшихъ ей переговоровъ, въ правительственныхъ кругахъ нерѣдко возгоралась борьба по поводу какой-либо фразы, сказанной въ тонѣ западныхъ державъ и Австріи либо въ русскомъ духѣ, хотя бы фраза эта и была лишена практическаго значенія.

Болѣе серьезное и важное значеніе имѣлъ вопросъ о редактированіи одного документа, которое было поручено мнѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1854 г. Король находился въ то время въ Рюгенѣ; я ѣхалъ изъ Франкфурта въ Рейнфельдъ, гдѣ находилась моя больная жена, когда одинъ изъ высшихъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства, въ Штеттинѣ, которому было поручено слѣдить, когда я проѣду черезъ этотъ городъ, передалъ мнѣ 29-го августа приказаніе короля явиться въ Пипбусъ. Я съ радостью уѣхалъ бы далѣе тайкомъ, но чиновникъ не могъ понять, какимъ образомъ у человѣка стараго прусскаго закала могло явиться желаніе избѣгнуть подобнаго приглашенія. Я отправился въ Рюгенъ, озабоченный тѣмъ, что мнѣ предстоитъ быть можетъ снова отказываться отъ министерскаго поста и что это поставитъ меня въ крайне неловкое положеніе относительно короля. Онъ принялъ меня 30-го августа милостиво и сообщилъ мнѣ о возникшемъ разногласіи въ мнѣніяхъ по поводу тѣхъ мѣръ, какія надлежало принять въ виду отступленія русскихъ войскъ изъ Придунайскихъ княжествъ. Дѣло шло о депешѣ графа Буоля отъ

10-го августа и о проектѣ отвѣтной депеши, которая была составлена Мантейфелемъ, по мнѣнію короля, до-нельзя въ австрійскомъ духѣ. Я набросалъ по приказанію его величества новый черновикъ отвѣта, который былъ имъ одобренъ и посланъ въ Берлинъ, съ повелѣніемъ отправить его, вопреки желанію министра, прежде всего графу Арниму въ Вѣну и затѣмъ уже сообщить его нѣмецкимъ правительствамъ [1]). Настроеніе короля, выразившееся въ одобреніи имъ составленнаго мною отвѣта на депешу Буоля, отразилось и въ пріемѣ, который былъ оказанъ графу Венкендорфу, прибывшему въ Питбусъ съ письмами и словеснымп порученіями, и которому я могъ сообщить извѣстіе, что англичане и французы высадились въ Крыму.

— Очень радъ этому, сказалъ онъ,—мы тамъ очень сильны.

Настало новое вѣяніе, благопріятное Россіи.

Полагая, что я исполнилъ свою обязанность, какъ дипломатъ, и получивъ въ это время неблагопріятныя вѣсти о здоровьи моей жены, я просилъ позволенія уѣхать. Мнѣ было косвенно въ этомъ отказано тѣмъ, что я былъ зачисленъ въ свиту,—знакъ высокаго благоволенія. Герлахъ предупреждалъ меня, чтобы я не придавалъ этому слишкомъ большого значенія.

— Не вообразите пожалуйста, сказалъ онъ, что вы искуснѣе насъ въ политикѣ. Въ настоящую минуту вы въ милости у короля и онъ зачисляетъ васъ въ свиту точно такъ, какъ онъ бы поднесъ букетъ дамѣ.

Я имѣлъ вскорѣ случай убѣдиться, какъ справедливы были его слова, и не разъ убѣждался въ этомъ и впослѣдствіи. Когда я продолжалъ настаивать на своемъ желаніи уѣхать и дѣйствительно уѣхалъ 1-го сентября, то императоръ разсердился и сказалъ Герлаху, что домашнія дѣла имѣютъ для меня болѣе значенія, нежели все царство; но я окончательно убѣдился, какъ серьезно было неудовольствіе его величества только во время моей поѣздки въ Парижъ и непосредственно послѣ нея. Благосклонно принятый проектъ составленной мною депеши былъ задержанъ на телеграфѣ и измѣненъ.

VII.

Бисмаркъ въ Парижѣ въ 1855 г. — Парижскіе нравы. Мнѣніе Бисмарка о Наполеонѣ III.—Взглядъ Бисмарка на политическое состояніе Европы и дипломатическое положеніе Пруссіи. — Возраженія Л. фонъ-Герлаха. — Ихъ взаимная переписка.

Лѣтомъ 1855 г. нашъ посланникъ въ Парижѣ, графъ Гацфельдтъ, пригласилъ меня посѣтить промышленную выставку; онъ думалъ, какъ

[1]) Сравн. Sybel, II, 204. Примѣч. издателя.

и многіе другіе въ то время, что я буду вскорѣ преемникомъ Мантейфеля въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Хотя король дѣйствительно имѣлъ это намѣреніе раньше, но въ интимныхъ придворныхъ кругахъ было извѣстно, что онъ уже измѣнилъ его. Графъ Вильгельмъ Редернъ, съ которымъ я встрѣтился въ Парижѣ, сказалъ мнѣ, что посланники все еще полагаютъ, что я предназначаюсь въ министры и что онъ самъ недавно такъ думалъ, но что король, видимо, перемѣнилъ мнѣніе; впрочемъ, подробно ему ничего не было извѣстно. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта перемѣна произошла послѣ моей поѣздки въ Рюгенъ.

15-го августа, день рожденія Наполеона I, былъ отпразднованъ между прочимъ тѣмъ, что по улицамъ Парижа водили русскихъ плѣнныхъ. 19-го числа пріѣхала англійская королева; въ честь ея 25-го августа былъ данъ большой балъ въ Версалѣ, на которомъ я былъ представленъ ей и принцу Альберту.

Принцъ, на видъ холодный и красивый въ своемъ черномъ мундирѣ, былъ со мною любезенъ, но въ его обращеніи проглядывала нѣкоторая недоброжелательность и любопытство, изъ чего я могъ заключить, что ему было извѣстно, что я вліялъ на короля въ смыслѣ неблагопріятномъ для западныхъ державъ.

Въ глазахъ принца я былъ реакціонеръ, сторонникъ Россіи, преслѣдовавшій цѣли абсолютистской, юнкерской политики; само собою разумѣется, что этотъ взглядъ не могъ быть результатомъ мгновеннаго впечатлѣнія, произведеннаго мною при первомъ свиданіи; и что онъ образовался раньше подъ вліяніемъ текущихъ дѣлъ и переписки. Нѣтъ ничего удивительнаго, что дочь принца Альберта, ставъ въ скоромъ времени нашей кронпринцессой, раздѣляла взглядъ своего отца и сторонниковъ герцога Кобургскаго.

Вскорѣ послѣ ея прибытія въ Германію, въ февралѣ мѣсяцѣ 1858 г. я убѣдился по собственному опыту и со словъ нѣкоторыхъ членовъ королевской семьи, что принцесса была предубѣждена противъ меня. Меня удивилъ не самый фактъ, но способъ, которымъ выражалось это предубѣжденіе въ семейномъ кругу: она мнѣ не довѣряла. Я ожидалъ, что принцесса, зная о моемъ якобы нерасположеніи къ Англіи и о томъ, что я былъ противъ подчиненія англійскому вліянію, отнесется ко мнѣ не особенно пріязненно, но судя по одному разговору, который я имѣлъ съ нею послѣ войны 1866 г., надобно было полагать, что она составила себѣ понятіе о моей личности подъ вліяніемъ иныхъ навѣтовъ; сидя однажды возлѣ меня за обѣдомъ, она сказала полу-шутя, полу-серьезно, что мое честолюбіе было бы удовлетворено только въ томъ случаѣ, если бы я былъ королемъ или по меньшей мѣрѣ президентомъ республики. Я отвѣчалъ въ томъ же шутливомъ тонѣ, что я не гожусь въ республиканцы, я выросъ въ роялистическихъ традиціяхъ моей семьи, по-

этому для моего земного счастія необходима монархія, но я благодарю Бога, что мнѣ не суждено, какъ королю, жить постоянно на показъ и что я могу быть до конца жизни вѣрноподданнымъ его величества. Я не ручаюсь, конечно, что будущее поколѣніе раздѣлитъ мой взглядъ, не потому что могутъ перевестись роялисты, а потому что можетъ не быть королей. Pour faire un civet, il faut un lièvre, et pour une monarchie il faut un roi. За неимѣніемъ короля будущее поколѣніе можетъ сдѣлаться республиканскимъ. Говоря это, я не могъ отдѣлаться отъ грусти при мысли, что престолъ долженъ былъ перейти не къ его прямому наслѣднику—носителю монархическихъ традицій. Принцесса не пожелала придать разговору серьезнаго оборота и, продолжая его въ шутливомъ тонѣ, была по обыкновенію любезна и говорила весьма интересно; ея разговоръ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто она хотѣла подразнить политическаго противника.

Первое время послѣ моего назначенія министромъ, я замѣчалъ неоднократно, во время нашихъ бесѣдъ за столомъ, что принцессѣ доставляло особенное удовольствіе раздражать мои патріотическія чувства, критикуя въ шутливомъ тонѣ нѣкоторыхъ личностей и общее положеніе дѣлъ.

На балу въ Версалѣ, о которомъ я упомянулъ выше, королева Викторія говорила со мною по-нѣмецки. Я вынесъ изъ ея разговора впечатлѣніе, что она смотрѣла на меня, какъ на человѣка выдающагося, но не симпатичнаго; однако въ ея тонѣ не чувствовалось той иронін и превосходства, которые я уловилъ въ словахъ принца Альберта. Она была со мною вѣжлива и любезна, какъ человѣкъ, который, встрѣтивъ чудака, считаетъ долгомъ быть съ нимъ любезнымъ.

За ужиномъ меня удивило, по сравненію съ Берлиномъ, то обстоятельство, что все общество было раздѣлено на три категоріи и для каждой было составлено особое меню, при чемъ тѣ особы, которыя имѣли право остаться къ ужину, получили при входѣ билетъ съ нумеромъ. На билетахъ первой категоріи было обозначено также имя дамы, которая должна была предсѣдательствовать за столомъ. Столы были накрыты человѣкъ на 15 или на 20. Я получилъ при входѣ билетъ къ столу графини Валевской; въ залѣ двѣ другія дамы-патронессы изъ дипломатическаго и придворнаго круга дали мнѣ также по билету. Очевидно, при распредѣленіи гостей не было составлено никакого опредѣленнаго плана. Какъ иностранный дипломатъ, я счелъ болѣе подходящимъ занять мѣсто за столомъ графини Валевской.

Направляясь въ зало, гдѣ я долженъ былъ ужинать, я наткнулся на одного прусскаго офицера, который былъ въ мундирѣ гвардейскаго нѣхотнаго полка; онъ велъ подъ руку даму, француженку, и горячо спорилъ съ однимъ изъ гофмейстеровъ, который не хотѣлъ пропустить

ихъ, такъ какъ у нихъ не было билетовъ. Когда офицеръ, на мой вопросъ, объяснилъ въ чемъ дѣло и сказалъ, что его дама герцогиня съ италіанскимъ титуломъ временъ Первой имперіи, то я заявилъ гофмейстеру, что билетъ этого офицера у меня и далъ ему одинъ изъ моихъ билетовъ, когда же гофмейстеръ все-таки не хотѣлъ пропустить его даму, то я далъ офицеру и второй билетъ для герцогини. «Mais vous ne passerez pas sans carte», замѣтилъ на это чиновникъ; когда я показалъ ему третій билетъ, то онъ сдѣлалъ удивленное лицо и пропустилъ насъ всѣхъ трехъ. Я посовѣтовалъ моимъ протеже не садиться за тѣ столы, которые были указаны на карточкахъ, а поискать мѣсто за другимъ столомъ; все обошлось благополучно.

Безпорядокъ былъ такъ великъ, что за нашимъ столомъ не всѣ мѣста оказались занятыми; это объясняется тѣмъ, что dames patronesses между собою не сговорились. Старикъ князь Пюклеръ (Pückler) или вовсе не получилъ билета, или не могъ найти своего стола; когда, узнавъ меня, онъ обратился ко мнѣ за разъясненіемъ, то графиня Валевская пригласила его занять одно изъ свободныхъ мѣстъ за нашимъ столомъ. Несмотря на подраздѣленіе на три категоріи, ужинъ ни по качеству блюдъ, ни по ихъ приготовленію не могъ сравниться съ тѣмъ, который предлагался посѣтителямъ на придворныхъ балахъ въ Берлинѣ, но количество слугъ было довольно велико и они прислуживали очень ловко и проворно.

Наиболѣе поразило меня то обстоятельство, что публика циркулировала въ Версальскомъ дворцѣ съ гораздо бо̀льшимъ трудомъ, нежели въ Берлинскомъ дворцѣ, хотя залы въ Версалѣ бо̀льшихъ размѣровъ, если не считать нашего Бѣлаго зала, и ихъ больше числомъ. Порядокъ былъ такъ плохъ, что лица первой категоріи, отужинавъ, шли обратно тѣмъ же путемъ, какимъ направлялись къ ужину лица второй категоріи, которые, будучи голодны, шли стремительно и выказывали при этомъ нѣкоторое отсутствіе свѣтскихъ манеръ и привычекъ, недопустимыхъ при дворѣ. Разукрашенные въ лентахъ и разодѣтые въ шитыхъ мундирахъ кавалеры и элегантныя дамы толкали другъ друга, при чемъ дѣло доходило до брани и побоевъ. У насъ въ за̀мкѣ это было бы немыслимо. Я уѣхалъ изъ Версаля подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, что несмотря на весь блескъ императорскаго двора, служба при дворѣ, воспитаніе и манеры высшаго общества стояли выше у насъ, равно въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ, нежели въ Парижѣ, и что прошли тѣ времена, когда Парижъ и французскій дворъ были школою вѣжливости и хорошаго тона. Даже этикетъ, существовавшій при маленькихъ нѣмецкихъ дворахъ, нѣсколько устарѣлый по сравненію съ тѣмъ, который соблюдался при петербургскомъ дворѣ, отличался большей представительностью, нежели дворъ императора Наполеона III. Я замѣтилъ это еще

при Людовикѣ-Филиппѣ; во Франціи положительно вошло въ моду обращать на себя вниманіе утрированной безцеремонностью и отсутствіемъ вѣжливости, въ особенности по отношенію къ дамамъ. Хотя придворные нравы въ этомъ отношеніи нѣсколько улучшились при Второй имперіи, но все же тонъ чиновнаго и придворнаго общества во многомъ уступалъ этикету, соблюдавшемуся при дворѣ трехъ великихъ восточныхъ державъ. Во времена Людовика-Филиппа и Людовика-Наполеона только въ легитимистскихъ кругахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ административнымъ міромъ, сохранился безупречный, вѣжливый и радушный тонъ; исключеніе составляли лишь молодые люди, подражавшіе парижскимъ нравамъ и перенимавшіе клубныя привычки.

Императоръ, котораго я видѣлъ въ эту поѣздку въ Парижѣ впервые, выразилъ, въ разговорѣ со мною, въ общихъ чертахъ свое желаніе поддержать дружескія отношенія къ Пруссіи. Онъ высказалъ, что эти двѣ сосѣднія державы, по своему образованію и учрежденіямъ, стоящія во главѣ цивилизаціи, должны поддерживать другъ друга. Онъ не коснулся ни словомъ затрудненій, которыя были вызваны отказомъ Пруссіи присоединиться къ политикѣ западныхъ державъ. Я чувствовалъ, что давленіе, которое производили на насъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ Англія и Австрія, съ цѣлью заставить насъ воевать вмѣстѣ съ западными державами, было гораздо энергичнѣе и грубѣе, нежели тотъ благожелательный тонъ, какимъ Наполеонъ III высказалъ мнѣ свои обѣщанія и свое желаніе поддержать согласіе между Пруссіей и Франціей. Онъ былъ гораздо снисходительнѣе къ нашимъ грѣхамъ по отношенію западныхъ державъ, нежели Англія и Австрія.

Ни въ этотъ пріѣздъ въ Парижъ, ни впослѣдствіи онъ никогда не говорилъ со мною по-нѣмецки.

Въ исходѣ сентября того же года, я убѣдился, что моя поѣздка въ Парижъ вызвала неодобреніе нѣмецкихъ дворовъ и въ особенности императрицы Елизаветы. Во время поѣздки короля на Рейнъ, по случаю постройки кёльнскаго собора, я пріѣхалъ въ Кобленцъ, и король предложилъ мнѣ и моей женѣ ѣхать въ Кёльнъ на пароходѣ вмѣстѣ съ нимъ, но королева не удостоила мою жену ни малѣйшаго вниманія ни на пароходѣ, ни въ Ремагенѣ [1]). Принцъ прусскій, замѣтивъ это, предложилъ моей женѣ руку и повелъ ее къ столу. Послѣ обѣда я просилъ позволенія вернуться во Франкфуртъ, что мнѣ и было разрѣшено.

На слѣдующую зиму, когда король сталъ относиться ко мнѣ снова милостивѣе, онъ спросилъ меня однажды, сидя за столомъ противъ меня, каково мое мнѣніе о Людовикѣ-Наполеонѣ; его вопросъ звучалъ ироніей. Я отвѣчалъ:

[1]) Ремагенъ, городъ на Рейнѣ, близъ Кобленца. В. В.

— Императоръ Наполеонъ показался мнѣ человѣкомъ умнымъ и привѣтливымъ, но онъ не обладаетъ, по моему мнѣнію, такимъ обширнымъ умомъ, какъ думаютъ тѣ, которые приписываютъ ему все, что ни дѣлается на свѣтѣ; если, напримѣръ, въ западной Азіи не выпадетъ своевременно дождя, то и это приписываютъ недоброжелательнымъ кознямъ императора. У насъ вошло въ обыкновеніе смотрѣть на него, какъ на какой-то génie du mal [1]), который только и думаетъ о томъ, какъ бы напроказничать [2]). Мнѣ кажется, онъ бываетъ радъ, когда онъ можетъ спокойно пользоваться результатомъ какого-нибудь добраго дѣла; его умъ преувеличиваютъ въ ущербъ его сердцу; въ сущности, онъ добродушенъ и имѣетъ обыкновеніе разсыпаться въ благодарности за оказанную ему услугу.

Король такъ саркастически засмѣялся моимъ словамъ, что мнѣ стало досадно и я просилъ позволенія угадать его мысли. Онъ изъявилъ на это свое согласіе; тогда я сказалъ:

— Генералъ фонъ-Каницъ читалъ въ военной академіи молодымъ офицерамъ лекціи о походахъ Наполеона I. Одинъ изъ слушателей, человѣкъ очевидно любознательный, задалъ ему вопросъ, почему Наполеонъ не совершилъ такого-то и такого движенія. Каницъ отвѣчалъ: «Да, вотъ видите, что за человѣкъ былъ Наполеонъ, онъ былъ очень добродушенъ, но глупъ, донельзя глупъ»,—разумѣется эти слова чрезвычайно насмѣшили всѣхъ присутствовавшихъ. Я боюсь, что ваше величество думаете обо мнѣ приблизительно то же, что генералъ фонъ-Каницъ думалъ о Наполеонѣ.

— Пожалуй вы правы,—отвѣчалъ король, смѣясь;—но я недостаточно знаю Наполеона III, чтобы оспаривать ваше мнѣніе, будто сердце у него лучше, нежели голова.

Я замѣтилъ по нѣкоторымъ мелочамъ, которыя имѣютъ значеніе при дворѣ, что королевѣ не понравился взглядъ, высказанный мною о Наполеонѣ.

Неудовольствіе, вызванное моимъ свиданіемъ съ Наполеономъ III, объясняется существовавшими въ то время понятіями о легитимизмѣ, въ томъ смыслѣ, какой придалъ впервые этому слову Талейранъ и въ какомъ его употребляли въ 1814 и 1815 годахъ на пользу Бурбоновъ какъ какую-то магическую формулу.

Привожу здѣсь, по этому поводу, нѣкоторые отрывки изъ моей переписки съ Герлахомъ, происходившей нѣсколько позднѣе.

---

[1]) Геній зла.

[2]) Сравненіе, сказанное Бисмаркомъ въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 8-го января 1885 г. (Politische Reden, X, 373).

Примѣч. издателя.

Франкфуртъ, 2-го мая 1857 г.

«...Несмотря на единомысліе, существующее между нами въ вопросахъ внутреннихъ, я никакъ не могу помириться съ вашими взглядами на дѣло внѣшней политики, которая заслуживаетъ, по моему мнѣнію, упрека въ томъ, что она игнорируетъ дѣйствительность.

«Вы говорите, будто я жертвую принципомъ ради человѣка [1]), который произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и внушилъ мнѣ уваженіе. Я протестую противъ этого. Онъ вовсе не произвелъ на меня такого впечатлѣнія. Вообще, я не особенно способенъ преклоняться передъ личностями и отличаюсь той особенностью, что я скорѣе вижу во всемъ недостатки, нежели достоинства. Если вамъ показалось, что мое послѣднее письмо было написано подъ болѣе живымъ впечатлѣніемъ, нежели обыкновенно, то прошу считать это не болѣе, какъ риторическимъ пріемомъ, которымъ я хотѣлъ подѣйствовать на васъ. Что же касается принципа, якобы принесеннаго мною въ жертву, то я не могу вполнѣ ясно себѣ представить, что именно вы подъ этимъ подразумѣваете, и прошу васъ разъяснить этотъ вопросъ въ одномъ изъ вашихъ послѣдующихъ писемъ, такъ какъ я не хотѣлъ бы разойтись съ вами принципіально. Если вы подразумѣваете подъ этимъ принципъ, примѣняемый къ Франціи и ея легитимизму, то, конечно, я долженъ сознаться, что вполнѣ подчиняю его моему чисто прусскому патріотизму. Франція интересуетъ меня лишь настолько, насколько она можетъ имѣть вліяніе на положеніе моего отечества; мы можемъ имѣть политическія сношенія только съ существующимъ во Франціи правительствомъ, но съ другой стороны мы не можемъ исключать его изъ нашихъ политическихъ комбинацій. Монархъ-легитимистъ, какимъ былъ Людовикъ XIV, представляетъ собою для насъ элементъ столь же враждебный, какимъ былъ и Наполеонъ I, и если бы нынѣшній преемникъ Наполеона вздумалъ отказаться отъ престола и жить какъ частный человѣкъ, то онъ не сдѣлалъ бы намъ этимъ никакого одолженія; Генрихъ V ему бы не наслѣдовалъ и хотя бы его даже посадили на вакантный престолъ, онъ бы на немъ не удержался. Какъ романтикъ, я могу пролить слезу объ его судьбѣ, какъ дипломатъ,—я былъ бы его вѣрнымъ слугою, если бы я былъ французъ; но кто бы ни стоялъ временно во главѣ французскаго правительства, оно должно смотрѣть на меня только какъ на одну изъ пѣшекъ въ шахматной игрѣ, называемой политикой, въ которой я призванъ служить только моему королю и моей странѣ.

«Съ точки зрѣнія моего понятія о долгѣ, какъ человѣка служащаго въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, я не могу оправдать ни въ себѣ, ни въ другихъ безотчетныхъ симпатій къ иностраннымъ дер-

[1]) Наполеона III.

жавамъ и лицамъ, ибо въ этомъ можетъ скрываться зародышъ измѣны монарху и странѣ, которой мы служимъ, въ особенности если эти чувства вліяютъ на дипломатическія отношенія и на согласіе между державами въ мирное время; въ этомъ случаѣ дипломатъ является уже, по моему мнѣнію, не представителемъ извѣстной политической системы, а дѣйствуетъ совершенно произвольно. Даже король не имѣетъ, по моему убѣжденію, права подчинять интересы отечества личнымъ чувствамъ любви или ненависти; если онъ это дѣлаетъ, то онъ является отвѣтственнымъ передъ Богомъ, но не передо мною, поэтому я не касаюсь этого вопроса.

«Быть можетъ, вы видите принципъ, которымъ я пожертвовалъ, по вашимъ словамъ, въ формулѣ, что всякій пруссакъ непремѣнно долженъ быть врагомъ Франціи? Изъ того, что мною сказано выше, вытекаетъ ясно, что мое отношеніе къ иностраннымъ державамъ опредѣляется не какими-либо личными антипатіями, но тою пользою или тѣмъ вредомъ, какой онѣ могутъ принести Пруссіи. Политика чувства никогда не встрѣтитъ взаимности; она составляетъ исключительную принадлежность Пруссіи; всякое иное правительство руководствуется въ своихъ поступкахъ исключительно своими собственными интересами, какъ бы оно ни старалось оправдать ихъ побужденіями правовыми или сентиментальными. Изліянія нашихъ чувствъ милостиво принимаютъ, ими пользуются, разсчитывая на нашу готовность быть полезнымъ другимъ; сообразно съ этимъ съ нами и поступаютъ, то-есть насъ даже не благодарятъ, на насъ смотрятъ только какъ на полезныхъ простяковъ, которыхъ всегда можно обойти.

«Я полагаю, вы согласитесь со мною, что мы не пользуемся, въ настоящее время, тѣмъ значеніемъ въ Европѣ, какимъ мы пользовались до 1848 года; я утверждаю даже, что значеніе Пруссіи стояло несравненно выше во весь періодъ съ 1763 — 1848 года, нежели теперь, само собою разумѣется исключая эпохи 1807—1813 г. Я нахожу, что по сравненію съ другими великими державами мы были сильнѣе до 1806 года, нежели теперь въ смыслѣ возможности вести наступательную войну; всѣ прочія державы остались въ этомъ отношеніи почти въ томъ же положеніи, тогда какъ мы стали слабѣе. Почему?—я не берусь этого рѣшать, но безъ сомнѣнія многое зависитъ отъ того, что мы не имѣемъ союзниковъ и не ведемъ дѣятельной иностранной политики, а ограничиваемся только тѣмъ, что по мѣрѣ силъ подбираемъ камни, падающіе въ нашъ садъ и отчищамъ грязь, которой насъ забрызгиваютъ. Говоря о союзахъ, я не подразумѣваю подъ этимъ союзовъ оборонительныхъ и наступательныхъ, такъ какъ миру не угрожаетъ пока опасность; я понимаю подъ этимъ возможность заключить, въ случаѣ войны, тотъ или иной союзъ, примкнуть къ той или другой группировкѣ державъ,

чѣмъ обусловливается вліяніе государствъ въ мирное время. Та держава, которая въ случаѣ войны можетъ очутиться въ слабѣйшей группѣ, должна вслѣдствіе этого быть уступчивѣе и сговорчивѣе, а держась изолированно, особнякомъ, она отказывается тѣмъ самымъ отъ всякаго вліянія, въ особенности въ томъ случаѣ, если она самая слабая изъ великихъ державъ. Союзы суть выраженіе общности цѣлей и интересовъ.

«Я не знаю даже, имѣемъ ли мы въ настоящее время въ политикѣ какія-либо опредѣленныя, ясно сознаваемыя нами, цѣли и намѣренія; что же касается нашихъ политическихъ интересовъ, то другіе постараются напомнить намъ о нихъ. Мы можемъ разсчитывать въ настоящее время только на союзъ съ тѣми государствами, чьи интересы наиболѣе сталкиваются и даже расходятся съ нашими, а именно на союзъ съ нѣмецкими государствами и съ Австріей. Если мы намѣрены этимъ ограничить нашу иностранную политику, то намъ придется помириться съ мыслью, что наше вліяніе на европейскія дѣла будетъ ограничено, въ мирное время, всего одной семнадцатой частью голоса союзнаго сейма и что въ случаѣ войны мы останемся одни во дворцѣ князей Турнъ и Таксисъ [1]) съ союзной конституціей въ рукахъ. Скажите пожалуйста, есть ли въ Европѣ хотя одинъ кабинетъ, который былъ бы такъ же, какъ вѣнскій кабинетъ, заинтересованъ своими собственными, естественными выгодами въ томъ, чтобы не только не допускать усиленія Пруссіи, но стараться, напротивъ, уменьшить ея значеніе въ Европѣ; есть ли еще одинъ кабинетъ, который преслѣдовалъ бы эту цѣль болѣе ревностно и настойчиво, который руководствовался бы, въ своей политикѣ, съ бо̀льшимъ хладнокровіемъ и цинизмомъ, только своими собственными выгодами и который показалъ бы себя намъ, Россіи и западнымъ державамъ болѣе вѣроломнымъ и ненадежнымъ союзникомъ? Развѣ Австрія стѣснялась относительно западныхъ державъ заключить какой бы то ни было союзъ, отвѣчающій ея выгодамъ и даже открыто угрожать имъ участникамъ германскаго союза? Считаете ли вы императора Франца-Іосифа человѣкомъ самопожертвованнымъ вообще и готовымъ въ особенности чѣмъ-либо поступиться для постороннихъ интересовъ, не касающихся Австріи? Видите ли вы, съ точки зрѣнія принципіальной, какую-нибудь разницу между его правительственной политикой и наполеоновской политикой? Представитель послѣдней сказалъ мнѣ въ Парижѣ, что ему—«qui fais tous les efforts pour sortir de ce système de centralisation trop tendue qui en dernier lieu a pour pivot un gend'arme—secrétaire et que je considère comme une des causes principales des malheurs de

[1]) Турнъ и Таксисъ, старинный дворянскій родъ въ Германіи и Австріи. *В. В.*

la France» [1])—очень странно видѣть, что Австрія всѣми силами стремится къ этой централизаціи. Я иду дальше и прошу васъ отвѣтить мнѣ категорически, существуетъ ли на свѣтѣ, кромѣ Австріи, какая-нибудь держава, которая менѣе хотѣла бы сдѣлать что-нибудь для Пруссіи, нежели государства германскаго союза? Въ мирное время онѣ желаютъ играть роль въ германскомъ и въ таможенномъ союзѣ, предъявлять свою верховную власть на нашей границѣ, ссорятся съ фонъ-деръ-Гейдтомъ [2]), а во время войны ихъ поведеніе обусловливается боязнью или недовѣріемъ къ намъ или къ другимъ державамъ. Самъ Богъ не въ состояніи искоренить въ нихъ это недовѣріе до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ будутъ существовать географическія карты, на которыя они могутъ бросить взглядъ. Позвольте задать вамъ еще одинъ вопросъ: неужели вы вѣрите и неужели его величество въ самомъ дѣлѣ вѣритъ, что германскій союзъ и его армія будутъ намъ помощью въ случаѣ войны? Я не говорю о войнѣ съ нами Франціи въ союзѣ съ Россіей, но о возможной войнѣ между нѣмецкими государствами, когда Германіи, Пруссіи и Австріи пришлось бы дѣйствовать каждой на свой страхъ.

«Если вы въ это вѣрите, то намъ не о чемъ болѣе говорить, значитъ наши взгляды расходятся по существу. Что даетъ вамъ право предполагать, будто великій герцогъ Баденскій или Дармштадтскій, король Виртембергскій или Баварскій разыграютъ, въ интересахъ Пруссіи и Австріи, роль Леонида, если превосходство будетъ не на сторонѣ этихъ державъ, когда никто не вѣритъ въ единодушіе и взаимное довѣріе Пруссіи и Австріи? Врядъ ли король Максимиліанъ Баварскій скажетъ Наполеону въ Фонтенебло, что императоръ перейдетъ границу Германіи или Австріи не иначе, какъ черезъ его трупъ.

«Я былъ крайне удивленъ, прочитавъ въ вашемъ письмѣ, что австрійцы утверждаютъ, будто они сдѣлали для насъ съ Невшателемъ [3]) болѣе, нежели французы. Такъ нагло можетъ врать только одна Австрія; она

[1]) Всячески старающемуся покончить съ системой излишней централизаціи, которая зиждется, въ концѣ концовъ, на жандармѣ, и которую онъ считаетъ одною изъ главныхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Францію.

[2]) Fon der Heydt, прусскій государственный дѣятель, министръ торговли съ 1848—1858 г., министръ финансовъ съ 1866—1869 г., † 1874 г. В. В.

[3]) Невшательскій кантонъ, бывшее Невшательское графство, доставшееся королю прусскому Фридриху I по наслѣдству въ 1707 г., вошелъ, въ 1815 г., въ составъ Швейцарскаго союза, оставаясь въ то же время подъ верховной властью Пруссіи, что повело ко многимъ смутамъ и столкновеніямъ. Въ 1848 году въ немъ вспыхнуло возстаніе; кантонъ хотѣлъ освободиться отъ власти Пруссіи. Въ 1856 г. роялистская партія пыталась возстановить ея власть, но эта попытка не удалась. Договоромъ, подписаннымъ великими державами 26-го марта 1858 г., окончательно была признана независимость Невшателя. В. В.

не могла бы ничего сдѣлать даже въ томъ случаѣ, если бы и хотѣла, но на самомъ дѣлѣ она даже не начинала относительно насъ никакихъ переговоровъ ни съ Франціей, ни съ Англіей.

«Австрійцы старались напротивъ того насколько возможно помѣшать намъ; они клеветали на насъ, возстановили противъ насъ Баденъ, а теперь, въ Парижѣ, были противъ насъ за-одно съ Англіей. Мнѣ передавали французы и Киселевъ, что въ отсутствіе Гацфельдта, Гюбнеръ [1]) всегда первый присоединялся къ протесту англичанъ противъ насъ во всѣхъ переговорахъ и притомъ въ самыхъ важныхъ вопросахъ; за нимъ уже выступала Франція, а за нею Россія. Да собственно говоря, съ какой стати сталъ бы кто-нибудь дѣйствовать въ нашу пользу въ Невшателѣ и защищать наши интересы? Развѣ за эту услугу отъ насъ можно было что-нибудь ожидать или развѣ былъ поводъ насъ бояться, въ случаѣ если бы намъ не угодили? Никто не имѣетъ права ожидать отъ насъ, чтобы мы стали дѣйствовать въ политикѣ, руководствуясь единственно чувствомъ справедливости или желаніемъ сдѣлать пріятное другимъ; съ своей стороны и мы не въ правѣ ожидать этого отъ другихъ.

«Если мы хотимъ дѣйствительно быть одиноки, если мы хотимъ, чтобы насъ игнорировали и чтобы къ намъ относились дурно, то я не въ силахъ помѣшать этому; если же мы хотимъ, чтобы насъ уважали, то этого нельзя достигнуть, воздвигая наше зданіе на зыбкомъ основаніи Германскаго Союза и спокойно ожидая пока оно развалится. Коль скоро всѣ убѣждены въ томъ, что часть европейской шахматной доски остается для насъ недоступной по собственной нашей винѣ или что мы связываемъ себѣ изъ принципа руку въ то время, какъ другіе работаютъ обѣими руками намъ во вредъ,—нашимъ добродушіемъ всѣ будутъ пользоваться, не выказывая намъ ни страха, ни признательности. Я вовсе не требую, чтобы мы заключили союзъ съ Франціей или составили заговоръ противъ Германіи; но по моему благоразумнѣе быть съ французами въ дружескихъ, нежели въ холодныхъ отношеніяхъ, пока они насъ не затрогиваютъ. Мнѣ хотѣлось бы только, чтобы прочіе не могли думать, что имъ можно брататься съ кѣмъ угодно, а что мы скорѣе дадимъ вырвать у себя кусокъ кожи, нежели станемъ защищать ее при помощи Франціи. Вѣжливость не обяжетъ насъ ко многому; если она будетъ имѣть результатомъ, что прочія державы не будутъ считать себя въ правѣ всегда разсчитывать на помощь Франціи противъ насъ и не будутъ думать, что мы всегда будемъ нуждаться въ помощи противъ Франціи, то этимъ уже будетъ много выиграно въ интересахъ мира;

---

[1]) Графъ Іосифъ фонъ-Гюбнеръ, австрійскій дипломатъ, посланникъ въ Парижѣ съ 1849—59 гг., † 1892 г. В. В.

если мы пренебрежемъ этимъ средствомъ и поступимъ какъ разъ наоборотъ, то почему бы намъ лучше не сократить или не уменьшить расходы на дипломатическій корпусъ, который при всемъ своемъ стараніи не можетъ достигнуть того, что король въ состояніи сдѣлать безъ малѣйшаго труда, а именно, возвратить Пруссіи достойное положеніе въ мирное время, показавъ всѣмъ и каждому, что она находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ другими державами и можетъ разсчитывать на союзъ съ ними. Съ другой стороны, его величество легко можетъ испортить всѣ труды дипломатовъ, упорствуя въ холодныхъ отношеніяхъ къ прочимъ державамъ; могу ли я настаивать на чемъ-нибудь здѣсь, да и вообще могутъ ли на чемъ-нибудь настаивать наши посланники въ другихъ мѣстахъ, когда всѣмъ извѣстно, что у насъ нѣтъ друзей и что мы разсчитываемъ на дружбу Австріи. Только въ Берлинѣ и можно говорить, не вызывая насмѣшекъ, о поддержкѣ со стороны Австріи въ какомъ-нибудь для насъ важномъ вопросѣ. Да и въ Берлинѣ я могу назвать лишь самый ограниченный кругъ лицъ, которые говорили бы безъ горечи о нашей внѣшней политикѣ. У насъ отъ всѣхъ бѣдъ одно средство: броситься на шею къ графу Буолю и излить ему наше сердечное горе. Въ мою бытность въ Парижѣ, графъ NN. потребовалъ развода со своей женою, бывшей наѣздницей цирка, когда онъ засталъ ее въ 24-й разъ на мѣстѣ преступленія въ нарушеніи супружеской вѣрности; адвокатъ, который велъ его дѣло въ судѣ, превозносилъ его какъ образецъ галантнаго и осмотрительнаго супруга, но мнѣ кажется и онъ спасуетъ передъ нашимъ великодушіемъ относительно Австріи.

«Врядъ ли наша внутренняя политика страдаетъ въ такой степени отъ своихъ собственныхъ ошибокъ, какъ отъ того тягостнаго сознанія, которое овладѣло всѣми, что мы утратили всякое значеніе за границей и что роль нашей политики чисто пассивная. Мы народъ честолюбивый, насъ огорчаетъ, когда мы не можемъ ничѣмъ отличиться; мы можемъ многое переносить терпѣливо и за многое можемъ быть благодарны тому правительству, которое доставитъ намъ значеніе за границей. Но когда приходится сознаться, что мы перевариваемъ благополучно болѣзнотворныя начала, привитыя нашему государственному организму его министрами, радѣющими о его благѣ, только благодаря устойчивости этого организма, то напрасно было бы искать утѣшенія въ дѣлахъ нашей внѣшней политики.

«Вы слѣдите за ней пристально, глубокоуважаемый другъ; можете ли вы сказать мнѣ, какую цѣль она поставила себѣ, какой планъ она выработала хоть на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ? Это настоящій rebus sic stantibus, въ которомъ никто не знаетъ, чего онъ хочетъ. Развѣ въ Берлинѣ кто-нибудь знаетъ, какія цѣли преслѣдуетъ наша политика? Неужели вы полагаете, что лица, стоящія во главѣ прочихъ государствъ,

точно также страдаютъ отсутствіемъ положительныхъ цѣлей и взглядовъ? Далѣе, можете ли вы мнѣ назвать хотя одного союзника, на котораго Пруссія могла бы разсчитывать, если бы дѣло дошло до войны, или который взялъ бы нашу сторону въ такомъ вопросѣ, какъ напр. Невшательскій, или который сдѣлалъ бы для насъ что-нибудь потому, что онъ разсчитываетъ на наше содѣйствіе или боится нашей вражды? Мы самые добродушные, самые безобидные политики, и однако намъ, въ сущности, никто не довѣряетъ; насъ считаютъ ненадежными союзниками и неопасными врагами, какъ-будто мы ведемъ себя въ дѣлахъ внѣшней политики какъ Австрія и какъ-будто мы такъ же безнадежно больны, какъ она.

«Я не говорю о настоящемъ моментѣ; но можете ли вы назвать мнѣ какой-нибудь положительный планъ (что касается отрицательныхъ, то у насъ ихъ было достаточно) или какую-нибудь цѣль, которую мы преслѣдовали бы во внѣшней политикѣ, со времени проекта Радовица о союзѣ трехъ королей? Правда, существовалъ проектъ объ устройствѣ военнаго порта въ Ядской губѣ (Jade busen) [1]), но она остается до сихъ поръ безполезной сточной ямой, что же касается таможеннаго союза, то Австрія очень любезно заставитъ насъ подписать его, такъ какъ мы не рѣшаемся на-отрѣзъ сказать нѣтъ. Я удивляюсь, что у насъ находятся еще дипломаты, у которыхъ хватаетъ смѣлости имѣть свои взгляды и въ которыхъ не угасло еще честолюбивое желаніе чѣмъ-нибудь проявить свою дѣятельность. Кажется я ограничусь скоро, подобно многимъ моимъ коллегамъ, тѣмъ, что буду исполнять свои инструкціи, буду присутствовать на засѣданіяхъ и откажусь отъ участія въ общемъ ходѣ нашей политики; этимъ я сохраню по крайней мѣрѣ здоровье и потрачу меньше чернилъ.

«Вы скажете навѣрно, что я рисую все столь мрачными красками и разсуждаю такъ съ досады, что вы не раздѣляете мой взглядъ; но чтобы прозябать такъ, какъ мы прозябаемъ, намъ право не нужна вся наша дипломатическая машина. Жареныя перепелки, которыя летятъ намъ прямо въ ротъ, и такъ насъ не минуютъ; впрочемъ, пожалуй мы и ихъ прозѣваемъ, такъ какъ врядъ ли мы успѣемъ во-время открыть ротъ, если мы въ ту минуту не будемъ зѣвать. Я желаю одного, чтобы мы не уклонялись отъ такихъ шаговъ, которые могли бы показать иностраннымъ кабинетамъ въ мирное время, что мы находимся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей, чтобы они не разсчитывали на наше содѣйствіе противъ нея и не требовали этого отъ насъ и чтобы мы имѣли возможность заключить союзъ съ любой державой, если съ нами посту-

[1]) Ядская губа въ герцогствѣ Ольденбургскомъ; въ нее впадаетъ небольшая рѣчка Яде. В. В.

нятъ недостойнымъ образомъ. Мы можемъ получить всѣ эти преимущества взамѣнъ нѣкоторой любезности съ нашей стороны и только за признакъ взаимности. Пусть мнѣ докажутъ, что это не представитъ намъ никакихъ выгодъ и что для насъ будетъ полезнѣе, чтобы иностранныя и нѣмецкія государства думали, что мы враждебно настроены противъ западныхъ державъ и нуждаемся въ союзникахъ, во временной помощи противъ нихъ и чтобы они сообразовали съ этимъ свои политическія отношенія къ намъ. Или же пусть мнѣ докажутъ, что правительство имѣетъ иныя цѣли и намѣренія, для успѣха которыхъ неудобно, чтобы наши отношенія къ Франціи казались пріязненными. Не знаю, имѣетъ ли правительство какой-либо планъ дѣйствій (который мнѣ былъ бы неизвѣстенъ), я этого не думаю; но если оно уклоняется отъ сближенія съ великой державой только потому, что оно не симпатизируетъ личности и тому положенію вещей, которое оно не въ силахъ измѣнить, и если политическія отношенія двухъ великихъ державъ опредѣляются подобными симпатіями или антипатіями, то я, какъ дипломатъ, могу сказать, что я не понимаю этого и нахожу, что если правительство будетъ держаться подобной системы дѣйствій во внѣшней политикѣ, то весь составъ дипломатическаго корпуса, не исключая консульствъ, станетъ излишнимъ и фактически будетъ упраздненъ. Вы говорите: «этотъ человѣкъ нашъ естественный врагъ, мы скоро убѣдимся въ этомъ, и онъ всегда будетъ нашимъ врагомъ». Я могъ бы это оспаривать и имѣю такое же право сказать, что «Австрія и Англія наши враги, что мы давно уже могли убѣдиться въ этомъ и что вражда Австріи болѣе естественна нежели вражда Англіи». Но я не спорю: допустимъ, что вы правы; все-таки я нахожу неблагоразумнымъ показывать наши опасенія самой Франціи и другимъ державамъ въ мирное время; по моему мнѣнію, до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ ожидаемаго вами разрыва, было бы недурно дать понять прочимъ державамъ, что мы не считаемъ войну съ Франціей неизбѣжной въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и что натянутыя отношенія къ этой державѣ не составляютъ нашу слабую струну, на которую всякій навѣрняка можетъ разсчитывать. Если наши отношенія къ Франціи будутъ холодны, то и мой сотоварищъ по союзному сейму будетъ ко мнѣ холоденъ».

Вотъ что отвѣчалъ мнѣ Герлахъ:

Берлинъ, 6-го мая 1857 г.

«Ваше письмо отъ 2-го мая доставило мнѣ, съ одной стороны, большое удовольствіе, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о вашемъ желаніи не расходиться со мною принципіально, но съ другой стороны, оно обязываетъ меня высказать вамъ мой взглядъ.

«Прежде всего надобно выяснить въ чемъ заключается самый прин-

цинъ и не ограничиваться одними отрицаніями, указывая на то, что «мы игнорируемъ дѣйствительность», что «мы исключаемъ» Францію изъ политическихъ комбинацій; нельзя также искать этого принципа въ «прусскомъ патріотизмѣ», въ томъ, что «невыгодно и полезно Пруссіи», въ «желаніи служить исключительно королю и странѣ», ибо все это само собою разумѣется.

«Мнѣ придется начать нѣсколько издалека, со временъ Карла Великаго, т. е. оглянуться лѣтъ за 1.000 назадъ. Въ то время руководящимъ принципомъ европейской политики было распространеніе христіанской вѣры. Ему повиновался Карлъ Великій воюя съ сарацинами, саксами, аварами и т. д. Его преемники воевали безо всякаго принципа и только великіе монархи среднихъ вѣковъ оставались вѣрными этому принципу. Прусская монархія возникла изъ борьбы бранденбургскихъ маркграфовъ и тевтонскаго ордена съ тѣми народами, которые не хотѣли подчиниться власти императора—представителя господствующей церкви; борьба продолжалась до тѣхъ поръ, пока не произошло раздвоенія церкви и распаденія государства. Съ тѣхъ поръ въ христіанскомъ мірѣ исчезло единство принципа, а отъ первоначальнаго принципа уцѣлѣла только идея о необходимости бороться противъ владычества турокъ. Нельзя назвать Австрію и Россію непрактичными за то, что, руководствуясь этой идеей, они воевали съ турками. Войны съ Турціей упрочили могущество этихъ державъ и если бы государства Европы остались вѣрны этому принципу и продолжали сражаться съ невѣрными, то Европа, или христіанскій міръ, оказался бы въ лучшемъ положеніи относительно Востока, откуда намъ угрожаетъ величайшая опасность. Со временъ французской революціи, когда политика рѣзко отдѣлилась отъ христіанской церкви, началась эпоха такъ называемой національной политики; куда она ведетъ—мы уже видѣли. Никогда еще прусская политика не была въ такомъ жалкомъ положеніи какъ съ 1778 г. до французской революціи; припомните субсидіи, которыя Фридрихъ II платилъ Пруссіи и которыя походили скорѣе на подать, припомните нашу ненависть къ Англіи. Въ Голландіи престижъ Фридриха II удержался до 1787 г., но Рейхенбахская конвенція [1]), которая была результатомъ отступленія отъ принципа, можетъ считаться посрамленіемъ. Войны великаго курфюрста велись въ интересахъ протестантства, а войны Фридриха Вильгельма III съ Франціей были, собственно говоря, борьбою противъ революціи. Тотъ же протестантскій характеръ имѣли силезскія войны 1740—1763 г., хотя при этомъ играли роль и національные интересы и вопросы европейскаго равновѣсія.

[1]) По этой конвенціи, заключенной въ 1790 г., Пруссія, Польша, Англія, Голландія и Австрія согласились охранять существованіе Турціи. В. В.

«Принципъ, внесенный въ европейскую политику революціей, которая обошла всю Европу, дѣйствуетъ, по моему мнѣнію, до нынѣ. Англія, которая осталась до 1815 г. вѣрна этому принципу борьбы съ революціей и не дала обморочить себя Наполеону I, достигла высшей степени могущества; Австрія, потерпѣвъ не мало пораженій, все-таки уцѣлѣла; Пруссія много пострадала отъ послѣдствій Базельскаго мира [1]) и оправилась только въ 1813—1815 г.; еще болѣе пострадала отъ него Испанія, которую онъ доканалъ. Нѣмецкія государства, по вашимъ собственнымъ словамъ, являются продуктомъ революціи и порожденнаго ею бонапартизма, дарованнымъ Германіи Вѣнскимъ конгрессомъ изъ лукавства и зависти. Если бы, руководствуясь принципомъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ отдали Бельгію Австріи, а франконскія провинціи [2]) Пруссіи, то Германія была бы въ настоящее время въ иномъ положеніи, въ особенности если бы мертворожденныя Баварія, Виртембергъ и Дармштадтъ были ограничены ихъ собственной территоріей, но въ то время принципу предпочли округленіе и т. п. чисто механическія выдумки.

«Но я надоѣлъ вамъ вѣроятно своимъ длиннымъ разсужденіемъ, поэтому перехожу къ современному положенію вещей. Неужели вы находите нормальнымъ такое положеніе, что въ настоящее время, когда Пруссія и Австрія враждуютъ между собою, Бонапартъ владычествуетъ до самаго Дессау [3]) и въ Германіи ничего не дѣлается безъ его позволенія. Развѣ союзъ съ Франціей можетъ замѣнить намъ тотъ порядокъ вещей, который существовалъ съ 1815—1848 г., когда въ нѣмецкія дѣла не вмѣшивалась никакая иноземная власть. Я вполнѣ согласенъ съ вами, что Австрія и нѣмецкія государства ничего не сдѣлаютъ для насъ, но я думаю, что и Франція, т. е. Бонапартъ, также для насъ ничего не сдѣлаетъ. Я тоже не одобряю, что у насъ относятся къ нему невѣжливо и нелюбезно; исключать Францію изъ политическихъ комбинацій—безуміе. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что надобно забыть о происхожденіи Бонапарта, пригласить его въ Берлинъ и этимъ перепутать всѣ понятія въ Пруссіи и за границей...

«Я держусь и буду держаться того мнѣнія, что необходимо бороться съ революціей. Если вы согласны съ этимъ, то конечно согласитесь и съ тѣмъ, что этотъ принципъ слѣдуетъ примѣнять на практикѣ, съ тою цѣлью, чтобы Австрія и Англія знали, чего можно ожидать отъ насъ, когда онѣ сами признаютъ необходимость этого принципа.

---

[1]) По первому Базельскому миру, заключенному между Франціею и Пруссіей 5-го апрѣля 1795 г., Пруссія потеряла свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, а по второму, заключенному Франціей и Испаніей 22-го іюня 1795 г., Франція получила между прочимъ островъ Сан-Доминго. В. В.

[2]) Баваріи.

[3]) Главный городъ герцогства Ангальтъ, на лѣвомъ берегу Мульды, притока Эльбы въ Саксоніи. В. В.

«...Еще нѣсколько словъ о нашей внѣшней политикѣ: меня ни чуть не удивляетъ и не пугаетъ то обстоятельство, что мы изолированы въ то время, когда всѣ отношенія до-нельзя перепутаны, когда Англія и Франція находятся еще въ такомъ тѣсномъ союзѣ, что у Франціи не хватаетъ духа принять мѣры безопасности противъ швейцарскихъ радикаловъ потому, что этимъ могла бы быть недовольна Англія. Между тѣмъ какъ сама Англія наводитъ страхъ, вооружая десантъ и дѣлаетъ рѣшительные шаги къ заключенію союза съ Россіей, Австрія заключаетъ союзъ съ Англіей и т. д. Что же мы должны сдѣлать, по вашему мнѣнію? не то ли, что совѣтывалъ бывшій здѣсь Plon-Plon [1]), т. е. заключить союзъ съ Франціей и Россіей противъ Австріи и Англіи? Но такой союзъ дастъ рѣшительный перевѣсъ вліянію Франціи въ Италіи, произведетъ огромный переворотъ въ этой странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ Бонапарту первенствующее значеніе въ Германіи.

«Германія находилась уже однажды подъ русско-французскимъ вліяніемъ. Съ 1801—1803 г., мы видѣли ее въ этомъ положеніи, когда секуляризировали земли, принадлежавшія епископствамъ и раздавали ихъ свѣтскимъ лицамъ по предписаніямъ, получаемымъ изъ Петербурга и Парижа. Пруссія, которая была въ то время въ хорошихъ отношеніяхъ съ обѣими державами и въ дурныхъ съ Австріей и Англіей, также получила свою долю при дѣлежѣ, но эта доля была не велика и ея вліяніе было въ то время меньше, чѣмъ когда-либо».

Не распространяясь по существу этого письма, я писалъ генералу Герлаху 11-го мая:

«...Мнѣ пишутъ изъ Берлина, что при дворѣ меня считаютъ бонапартистомъ. Это не вѣрно. Въ 1850 г. наши противники обвиняли меня въ коварной преданности Австріи и въ Берлинѣ насъ называли вѣнцами; позднѣе нашли, будто бы мы стали пахнуть юфтью и насъ прозвали казаками съ береговъ Шпре. На предлагаемый мнѣ тогда вопросъ, кто я такой: русскій или западникъ, я всегда отвѣчалъ, что я пруссакъ, и что идеалъ внѣшней политики заключается для меня въ отсутствіи предубѣжденій и въ образѣ дѣйствій вполнѣ независимомъ отъ симпатій или антипатій къ иностраннымъ государствамъ и ихъ правителямъ. Что касается другихъ государствъ, то я чувствовалъ всю жизнь симпатію къ одной только Англіи и ея обитателямъ; этому чувству я остался вѣренъ до сихъ поръ, но англичане не хотятъ нашей любви. Что же касается меня, то я готовъ двинуть наши войска безразлично противъ французовъ, русскихъ, австрійцевъ или англичанъ, лишь бы мнѣ доказали, что это требуютъ интересы здравой, строго обдуманной прусской политики. Въ мирное время и считаю неблаго-

[1]) Принцъ Наполеонъ.

разумнымъ и невыгоднымъ навлекать на себя непріятности, поддерживать ихъ, ставить на карту свободу своихъ будущихъ дѣйствій и союзовъ, жертвуя этой свободой симпатіямъ, въ которыхъ мы не встрѣчаемъ взаимности, и дѣлать изъ добродушія и въ погонѣ за похвалою такія уступки, какихъ Австрія ожидаетъ отъ насъ напр. въ настоящее время относительно Раштадта...

«Пруссія не можетъ руководствоваться въ политикѣ исключительно соображеніями о томъ, что можетъ быть полезно союзу, ибо для него несомнѣнно было бы всего выгоднѣе, чтобы мы сами и нѣмецкія государства подчинились Австріи въ отношеніи военномъ, политическомъ и торговомъ. Имѣя одного руководителя, союзъ дѣйствительно могъ бы достигнуть гораздо бо̀льшаго значенія въ военное и въ мирное время и въ случаѣ войны могъ бы въ самомъ дѣлѣ быть силою»...

Герлахъ отвѣчалъ мнѣ 21-го мая:

«...Я знаю отлично, что вы не бонапартистъ, точно также какъ мнѣ извѣстно, что большинство государственныхъ людей, не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, поклонники Бонапарта, какъ напр. Пальмерстонъ, Бахъ, Буоль и т. д. Я могу даже сказать a priori, что вамъ навѣрно попадались подобные экземпляры во Франкфуртѣ и въ Германіи, чуть было не сказалъ въ Рейнскомъ союзѣ. Уже одно ваше отношеніе къ оппозиціи въ послѣднемъ ландтагѣ снимаетъ съ васъ всякое подозрѣніе въ бонапартизмѣ. Но поэтому-то мнѣ совершенно и не понятенъ вашъ взглядъ на нашу внѣшнюю политику...

1) Можете ли вы отрицать, что Наполеонъ III, точно также какъ и Наполеонъ I, долженъ нести послѣдствія своего положенія, какъ монархъ избранный согласно плебисциту; онъ чувствуетъ это самъ такъ же хорошо, какъ это чувствовалъ Наполеонъ I.

2) Тройственный союзъ, въ составъ котораго войдутъ Франція, Россія и Пруссія, какъ слабѣйшая изъ этихъ трехъ державъ, отнесется недовѣрчиво и недоброжелательно къ Англіи и Австріи и дастъ восторжествовать «интересамъ Франціи» т. е. дастъ ей возможность владычествовать сначала въ Италіи, а затѣмъ въ Германіи.

3) Чѣмъ отличается предлагаемая вами политическая система отъ той, которую проповѣдывалъ Гаугвицъ въ 1794—1805 г.? Тогда тоже была рѣчь только объ «оборонительной системѣ». Тугутъ, Кобенцель, Лербахъ были не лучше Буоля и Баха, Австрія также была вѣроломна, на Россію можно было полагаться еще менѣе чѣмъ теперь, зато Англія была правда надежнѣе. Король, въ душѣ, также не сочувствовалъ этой политикѣ...

«Вамъ не трудно будетъ въ союзѣ съ Франціей и съ Россіей провести оборонительную систему политики—прежде это называли нейтральной политикой, которую Англія не признавала въ Восточномъ во-

просѣ; на вашей сторонѣ будетъ Мантейфель и многіе другіе (хотя его величество въ душѣ и не будетъ сочувствовать этой политикѣ, но онъ отнесется къ ней пассивно); они вамъ не измѣнятъ до тѣхъ поръ, пока продержится Бонапартъ. Но мало ли что можетъ случиться? Наполеонъ I царствовалъ 15 лѣтъ, Людовикъ Филиппъ—18, продержится ли Наполеонъ III долѣе, какъ вы думаете?»

Я отвѣчалъ слѣдующее:

Франкфуртъ, 30-мая 1857 г.

«Отвѣчая на ваши послѣднія два письма, я горюю о несовершенствѣ человѣческой рѣчи, какъ словесной, такъ и письменной; каждая попытка выяснить наше мнѣніе порождаетъ новыя недоразумѣнія. Мы не въ состояніи изобразить все свое внутреннее *я* на бумагѣ или въ словесной рѣчи; люди не могутъ воспринять тѣ отрывки мыслей, которые мы имъ излагаемъ, такъ точно какъ мы ихъ продумали и прочувствовали. Причина заключается отчасти въ несовершенствѣ нашей рѣчи, по сравненію съ мыслію, отчасти въ томъ, что факты, на которые мы ссылаемся въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія, рѣдко представляются людямъ въ одинаковомъ свѣтѣ, коль скоро одинъ изъ нихъ не расположенъ принимать взгляды другого на вѣру, безъ критической провѣрки.

«Всевозможныя помѣхи, дѣла, гости, дивная погода, собственная лѣнь, болѣзнь дѣтей и собственное недомоганіе, въ связи съ вышеприведенными соображеніями были причиною того, что у меня не хватило духа отвѣчать на вашу критику моихъ мнѣній новыми аргументами, которые разумѣется не были бы достаточно убѣдительны и имѣли бы свои слабыя стороны. Примите во вниманіе, что я только что оправляюсь отъ болѣзни и что я вышелъ сегодня первый стаканъ Маріенбада, и если наши взгляды не сходятся, повѣрьте что это касается только мелочей, но не самой сущности предмета, относительно котораго, я увѣренъ, мы съ вами сходимся.

«Я также признаю необходимымъ принципъ борьбы съ революціей, но, по моему мнѣнію, было бы несправедливо считать Людовика Наполеона единственнымъ представителемъ революціоннаго начала; точно также я считаю невозможнымъ проводить этотъ принципъ въ политикѣ такимъ образомъ, чтобы самыя ничтожныя его послѣдствія ставились выше всякихъ иныхъ соображеній, чтобы онъ былъ, такъ сказать, единственнымъ козыремъ въ игрѣ.

«Въ какомъ государствѣ не происходило нынче внутренняго броженія, имѣвшаго революціонный характеръ? Возьмите Испанію, Португалію, Бразилію, всѣ республики Америки, Бельгію, Голландію, Швейцарію, Грецію, Швецію, наконецъ Англію, опирающуюся до сихъ поръ на «славную революцію» 1688 г.; даже и тѣ права, которыя нѣмецкія

князья отвоевали частью у императора и Австріи, частью у своихъ собственныхъ государственныхъ чиновъ, не могутъ почитаться вполнѣ законными, да и мы сами не можемъ отдѣлаться отъ революціонной подкладки въ нашей внутренней политикѣ. Только многія изъ упомянутыхъ явленій случились давно и мы къ нимъ уже приглядѣлись; о нихъ можно сказать то же, что о тѣхъ чудесахъ, которыя случаются изо-дня-въ-день и которыя въ силу привычки не кажутся болѣе таковыми; но это не мѣшаетъ называть чудесными такія явленія, которыя не болѣе могутъ претендовать на это названіе нежели фактъ нашего собственнаго рожденія и многія явленія повседневной жизни.

«Придавать какому нибудь принципу первенствующее значеніе и признавать его руководящимъ можно лишь въ томъ случаѣ, если онъ оправдывается во всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ и если основное положеніе quod ab initio vitiosum, lapsu temporis convalescere nequit, остается вѣрнымъ по сравненію въ примѣненіи къ самой доктринѣ.

«Надобно замѣтить, что люди не всегда были такъ добродѣтельны, чтобы избѣгать дружественныхъ отношеній съ представителями революціонныхъ стремленій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда революціонныя попытки не были освящены давностью времени. Кромвеля называли «братомъ» и его расположенія заискивали монархи съ весьма абсолютистскими взглядами; они же заключали союзы съ генеральными штатами Голландіи прежде чѣмъ послѣдніе были признаны Испаніей. Наши предки считали Вильгельма Оранскаго и его преемниковъ въ Англіи вполнѣ законными монархами въ то время, когда Стюарты предъявляли еще свои права на престолъ, а Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки мы простили ихъ революціонное происхожденіе еще по договору, заключенному въ Гаагѣ въ 1785 г. Нынѣ царствующій португальскій король былъ у насъ въ Берлинѣ и мы породнились бы съ семействомъ Бернадотта, если бы этому не помѣшали случайныя обстоятельства. Когда же и по какимъ признакамъ всѣ эти монархи перестали быть революціонерами? Имъ прощаютъ, оказывается, ихъ незаконное происхожденіе, когда они болѣе не опасны. Я не вижу примѣра до французской революціи, чтобы какой нибудь государственный человѣкъ, при самой величайшей добросовѣстности и при самыхъ христіанскихъ воззрѣніяхъ, вздумалъ подчинять всю свою политическую дѣятельность, всѣ свои отношенія въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики принципу «борьбы съ революціей» и чтобы этотъ принципъ служилъ мѣриломъ отношеній его страны къ другимъ державамъ. Между тѣмъ нравственные принципы, провозглашенные англійской и американской революціями весьма сходны съ тѣми, которые были провозглашены революціей во Франціи, не говоря о той же массѣ пролитой крови

и о тѣхъ же безчинствахъ по отношенію къ религіи, которыя выражались такъ или иначе, смотря по національному характеру. Я не могу допустить, чтобы до 1789 г. среди политическихъ дѣятелей не было такихъ же консерваторовъ и добрыхъ христіанъ какъ мы съ вами, которые также хорошо понимали бы, въ чемъ заключается зло, и что они не могли бы признать, какъ это дѣлаемъ мы, необходимость для всякой политики одного и того же основного принципа. Къ тому же, я вовсе не нахожу, чтобы мы особенно строго примѣняли этотъ принципъ ко всѣмъ революціоннымъ явленіямъ послѣ 1789 г. кромѣ какъ къ Франціи и къ Наполеону III. Что же такого особеннаго въ немъ и во французской революціи вообще? Простое происхожденіе Бонапартовъ разумѣется имѣетъ значеніе, но мы видимъ то же въ Швеціи, гдѣ оно не влечетъ однако подобныхъ послѣдствій. Не заключается ли что-либо «особенное» именно въ семействѣ Бонапартовъ? Но вѣдь не оно же создало революцію, и революція, съ истребленіемъ всѣхъ Бонапартовъ, не была бы окончательно искоренена. Революція гораздо старше Бонапартовъ и захватываетъ гораздо большее пространство чѣмъ Францію. Если искать ея источника на землѣ, то его слѣдуетъ искать не во Франціи, скорѣе въ Англіи, а пожалуй даже въ Германіи или въ Римѣ, смотря по тому, будемъ ли мы видѣть ея причину въ послѣдствіяхъ реформаціи или римскаго католицизма или во введеніи римскаго права въ германскій міръ.

«Наполеонъ I съ успѣхомъ воспользовался революціей, прежде всего для своихъ честолюбивыхъ цѣлей, а затѣмъ старался побороть ее, но безуспѣшно, такъ какъ онъ избралъ для этого невѣрный путь; онъ съ удовольствіемъ отдѣлался бы отъ нея, воспользовавшись ея плодами. Наполеонъ гораздо менѣе способствовалъ революціи, нежели Людовикъ XIV своимъ абсолютизмомъ, Людовикъ XV—своимъ недостойнымъ правленіемъ и Людовикъ XVI—своею слабостью. Когда, подписавъ 14-го сентября 1791 г. конституцію, онъ объявилъ революцію оконченной,—конецъ былъ еще впереди. Бурбоны, не говоря уже о Филиппѣ Эгалитѣ, гораздо болѣе послужили революціи, нежели Бонапарты...

«Наполеонъ III по природѣ не завоеватель, не полководецъ, и въ случаѣ большой войны, которая ознаменовалась бы крупными побѣдами или пораженіями, взоры французской арміи, составляющей опору могущества императорской Франціи, скорѣе обратятся къ генералу, увѣнчанному лаврами, нежели къ императору. Поэтому онъ рѣшится начать войну не иначе, какъ будучи вынужденъ къ тому какою-либо опасностью, угрожающею ему внутри государства. Эта необходимость представилась бы и законному королю Франціи, если бы онъ получилъ въ свои руки бразды правленія.

«Итакъ, ни воспоминанія о завоевательныхъ стремленіяхъ дяди ны-

нѣшняго императора французовъ, ни самый фактъ нелегальнаго происхожденія его власти не даютъ мнѣ права смотрѣть на него, какъ на исключительнаго представителя революціи и какъ на исключительный объектъ борьбы съ нею. Вы говорите, многоуважаемый другъ мой, что онъ не будетъ въ состояніи удержаться у власти, если вокругъ него все не послѣдуетъ примѣру его страны; еслибы я призналъ это справедливымъ, то этого было бы достаточно, чтобы поколебать мой взглядъ. Но бонапартизмъ тѣмъ и отличается отъ республики, что ему нѣтъ надобности силою навязывать свои правительственные принципы. Даже Наполеонъ I не старался навязать свою правительственную систему тѣмъ странамъ, которыя прямо или косвенно были присоединены къ Франціи; всѣ сами соревновали въ желаніи подражать ему. Угрожать другимъ государствамъ, страшая ихъ революціей, стало за послѣдніе годы дѣломъ Англіи, и еслибы Людовикъ-Наполеонъ хотѣлъ того же, что Пальмерстонъ, то въ Неаполѣ уже давно вспыхнула бы революція. Пропагандируя революціонныя учрежденія у сосѣдей, императоръ французовъ создаетъ этимъ затрудненія самому себѣ: желая удержать власть и упрочить свою династію, и, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ недостатки современныхъ учрежденій Франціи, онъ скорѣе постарается выработать болѣе прочныя основы для своей собственной страны. Иной вопросъ, удастся-ли ему это, но во всякомъ случаѣ онъ ясно понимаетъ недостатки бонапартистской правительственной системы и опасности, которыми она угрожаетъ, такъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ и жалуется на нихъ. Нынѣшняя форма правленія во Франціи не есть что-либо произвольное, установленное Наполеономъ III и которое онъ могъ бы измѣнить; онъ нашелъ ее готовой и по всей вѣроятности это единственная форма правленія, которая долго еще будетъ существовать во Франціи.

«Съ обще-человѣческой точки зрѣнія весьма понятно, что притѣсненія и позорное угнетеніе, испытанное нашей страною отъ Наполеона I, оставили неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ всѣхъ тѣхъ, кто пережилъ эту эпоху, и что принципъ зла, который мы стараемся побороть въ образѣ революціи, олицетворяется въ ихъ глазахъ въ лицѣ того человѣка, котораго называли l'heureux soldat héritier de la révolution и въ его потомкахъ; но мнѣ кажется, что вы возводите на Наполеона III несправедливое обвиненіе, олицетворяя именно въ немъ и въ немъ одномъ революцію, противъ которой намъ слѣдуетъ бороться и, произнося противъ него такой приговоръ, какъ будто имѣть дѣло съ нимъ есть уже нѣчто безчестное.

«Я вовсе не хочу защищать личность и положеніе дѣлъ во Франціи: первой я не особенно сочувствую, а послѣднія я считаю несчастьемъ для страны; я хочу только объяснить вамъ, почему я не считаю грѣш-

нымъ или безчестнымъ войти въ болѣе близкія отношенія съ признаннымъ нами монархомъ великой державы, когда этого требуетъ ходъ политики. Я не говорю, что союзъ съ нимъ былъ бы особенно желателенъ, я говорю только, что всѣ прочія комбинаціи хуже и что желая улучшить наши шансы, мы должны сблизиться съ Франціей или хотя сдѣлать видъ, что мы съ нею сближаемся. Только этимъ путемъ мы можемъ образумить Австрію и заставить ее поступиться своимъ честолюбіемъ настолько, чтобы подумать о соглашеніи съ нами, вмѣсто того, чтобы вредить намъ; только этимъ путемъ мы и можемъ прекратить дальнѣйшее развитіе непосредственныхъ сношеній нѣмецкихъ государствъ съ Франціей. Англія также пойметъ, какъ важенъ для нея союзъ съ Пруссіей, когда она увидитъ, что она можетъ потерять ее и что Пруссія можетъ сойтись съ Франціей. Слѣдовательно, становясь даже на вашу точку зрѣнія и преклоняясь передъ Англіей и Австріей, надобно начать дѣло съ Франціи, чтобы упрочить отношенія къ этимъ державамъ.

«Вы предсказываете въ своемъ письмѣ, многоуважаемый другъ мой, что мы будемъ играть въ прусско-франко-русскомъ союзѣ самую жалкую, ничтожную роль. Я никогда не смотрѣлъ на этотъ союзъ, какъ на нѣчто для насъ особенно желательное, я смотрю на него, какъ на фактъ, который рано или поздно долженъ произойти изъ нынѣшней неурядицы и которому мы не можемъ помѣшать, слѣдовательно мы должны съ нимъ считаться и заранѣе выяснить себѣ его послѣдствія. Я прибавлю, что такъ какъ Франція добивается нашей дружбы, то, исполнивъ ея желаніе, мы могли бы устранить этотъ фактъ или повліять на него во всякомъ случаѣ настолько, чтобы намъ не пришлось вступить въ этотъ союзъ въ качествѣ «третьей» державы. Сравнительно съ великими державами мы будемъ слабѣйшіе во всякой комбинаціи, пока мы не станемъ на самомъ дѣлѣ сильны. Если нашими союзниками будутъ Австрія и Англія, то онѣ не употребятъ, конечно, своего вліянія въ н а ш у пользу; мы уже могли въ этотъ убѣдиться на Вѣнскомъ конгрессѣ. Австрія не дастъ намъ значенія въ Германіи, Англія не будетъ содѣйствовать развитію нашего торговаго или военнаго флота и смотритъ съ завистью на развитіе нашей промышленности.

«Вы проводите параллель между мною и Гаугвицомъ и тогдашней «оборонительной политикой». Но обстоятельства въ то время были совершенно иныя. Франція была тогда грозною силою, во главѣ ея стоялъ человѣкъ, опасный своими завоевательными стремленіями; на Англію, напротивъ того, можно было вполнѣ разсчитывать. Я имѣю мужество н е порицать Базельскаго мира. Съ тогдашней Австріей, съ ея Тугутомъ, Лербахомъ и Кобенцелемъ нельзя было заключать союза точно такъ же, какъ нельзя заключать его и теперь, и если мы такъ мало

получили въ 1815 г., то, по моему мнѣнію, Базельскій миръ тутъ не при чемъ; мы никакъ не могли соперничать съ интересами Англіи и Австріи, такъ какъ будучи физически слабѣе прочихъ великихъ державъ, мы никому не внушали страха. Государства Рейнскаго союза заключали гораздо «худшіе» договоры, однако ихъ дѣла на Вѣнскомъ конгрессѣ были очень хороши. Но съ нашей стороны было поразительной глупостью не воспользоваться случаемъ въ 1805 г. и не помочь другимъ державамъ сломить могущество Наполеона; намъ слѣдовало напасть на него быстро, энергично, и не отступать до послѣдней возможности. Бездѣйствовать было еще непонятнѣе, нежели принять сторону Франціи; но, упустивъ этотъ случай, намъ надобно было и въ 1806 г. во что бы то ни стало соблюдать миръ и выжидать другого благопріятнаго случая.

«Я вовсе не защитникъ «оборонительной политики», я говорю только, что мы не должны уклоняться отъ сближенія съ Франціей, котораго желаетъ эта держава, и что мы можемъ не имѣть при этомъ никакихъ наступательныхъ плановъ и не принимать на себя никакихъ обязательствъ; я утверждаю, что это дастъ намъ то преимущество, что у насъ будутъ развязаны руки и мы будемъ въ состояніи принять то или другое рѣшеніе, когда положеніе выяснится.

«Вы говорите: «Франція не сдѣлаетъ для насъ болѣе, нежели Австрія и нѣмецкія государства». Я думаю, что ни о д н а держава ничего не сдѣлаетъ для насъ, если это не будетъ соотвѣтствовать е я интересамъ. Но не слѣдуетъ забывать, что непосредственные интересы Австріи и нѣмецкихъ государствъ совершенно несовмѣстимы съ самыми жизненными вопросами Пруссіи и что между нами немыслима никакая общность въ политикѣ до тѣхъ поръ, пока Австрія не измѣнитъ свою тактику относительно насъ, чего въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшаго повода ожидать. Мы сходимся съ вами въ томъ, что Пруссія должна имѣть перевѣсъ надъ мелкими нѣмецкими государствами; но какимъ образомъ можемъ мы достигнуть этого, подчиняясь постановленіямъ союза? Имѣя всего одну семнадцатую голоса и имѣя противникомъ Австрію, многаго не достигнешь.

«Посѣщеніе Берлина Людовикомъ-Наполеономъ могло бы придать нашему голосу огромное значеніе само по себѣ, помимо тѣхъ соображеній, на которыя я указывалъ въ иномъ мѣстѣ. Уваженіе и преданность къ намъ нѣмецкихъ государствъ будутъ въ прямой зависимости отъ страха, который мы имъ внушимъ; довѣріемъ ихъ мы никогда не будемъ пользоваться; одного взгляда на карту достаточно, чтобы уничтожить его: они понимаютъ, что ихъ собственные интересы и желанія не согласуются съ общимъ направленіемъ прусской политики, что она угрожаетъ имъ опасностью, которая устраняется въ настоящее время

только безкорыстіемъ нашего августѣйшаго монарха. Посѣщеніе Берлина императоромъ французовъ не увеличило бы недовѣрія, которое всѣ и безъ того питаютъ къ Пруссіи, а могло бы повліять на образъ мыслей и настроеніе короля, за которое никто ему не благодаренъ, но коимъ всѣ пользуются для своихъ цѣлей. Въ случаѣ нужды, нѣмецкія государства съ ихъ мнимымъ «довѣріемъ» къ намъ, не выставятъ намъ на помощь ни одного человѣка, если же мы съумѣемъ внушить имъ страхъ, то весь союзъ будетъ къ нашимъ услугамъ. Мы можемъ внушить этотъ страхъ, показавъ всѣмъ и каждому, что мы находимся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей. Если это не будетъ сдѣлано теперь же, то вѣроятно долго не представится случая стать къ Франціи въ тѣ благожелательныя отношенія, которыя вы сами признаете для насъ важными, ибо теперь въ насъ тамъ заискиваютъ, чувствуютъ потребность выставить на показъ наши добрыя отношенія, желаютъ съ нами свиданія; отказъ съ нашей стороны можетъ вызвать замѣтное охлажденіе и въ другихъ дворахъ, поразивъ «le parvenu» въ самое чувствительное мѣсто.

«Предложите мнѣ какую-нибудь иную систему политики—и я готовъ обсуждать ее съ вами самымъ добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ образомъ; но, находясь въ самомъ сердцѣ Европы, мы никакъ не можемъ держаться пассивной политики, не имѣющей ни опредѣленнаго плана, ни цѣли, обо она можетъ быть намъ такъ же опасна, какъ въ 1805 г.; мы будемъ наковальней, если мы не сдѣлаемъ ни шага къ тому, чтобы стать молотомъ.

«Если мои взгляды не заслуживаютъ вашего одобренія, не произносите по крайней мѣрѣ, подъ этимъ впечатлѣніемъ, окончательнаго приговора недо мною, вспомните, что въ тяжелыя времена мы много лѣтъ трудились вмѣстѣ съ вами на одной почвѣ, насаждая на ней одни и тѣ же злаки, что со мною можно толковать и что я готовъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, если я сознаю, что они ложны.....» [1])

Получивъ отвѣтъ Герлаха, въ которомъ тотъ настаивалъ на своихъ взглядахъ Бисмаркъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на его письмо и тѣмъ продолжать эту безцѣльную переписку.

---

[1]) Bismarcks Briefe an den general L. v. Gerlach. стр. 326.
Примѣчаніе издателя.

VIII.

Предложеніе Бисмарку занять постъ министра финансовъ.—Желаніе Наполеона сблизиться съ Пруссіей на случай войны съ Австріей изъ-за Италіи.—Отвѣтъ Бисмарка на предложеніе Наполеона.—Аудіенція у короля датскаго.—Нежеланіе шлезвигъ-голштинцевъ образовать второстепенное государство.—Болѣзнь короля.—Разговоръ съ принцемъ прусскимъ.—Интриги противъ принца.—Учрежденіе регентства.—Увольненіе Мантейфеля.—Разговоръ съ принцемъ по поводу назначенія Бисмарка посланникомъ въ Петербургъ.—Письма короля Вильгельма къ Бисмарку.—Новое министерство.—Принцесса Августа.—Графъ Шверинъ.—Банкиръ Левинштейнъ въ роли австрійскаго агента.—Взяточничество въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ слѣдующемъ, 1856 г., король пожелалъ снова сблизиться со мною; Мантейфель, а быть можетъ и нѣкоторыя другія лица боялись, чтобы мое вліяніе не повредило имъ, поэтому Мантейфель предложилъ мнѣ, не пожелаю ли я управлять министерствомъ финансовъ, съ тѣмъ что онъ останется пока президентомъ министровъ и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а со временемъ помѣняется со мною мѣстами и будетъ завѣдывать министерствомъ финансовъ, а я—министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Предложеніе это было сдѣлано имъ какъ бы отъ себя лично. Хотя оно показалось мнѣ довольно страннымъ, но я не отвѣчалъ сразу отказомъ, оставивъ вопросъ открытымъ, только напомнилъ Мантейфелю, что когда я былъ назначенъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ, то газеты отнесли ко мнѣ въ шутку слова, сказанныя остроумнымъ деканомъ вестминстерскаго аббатства о лордѣ Джонѣ Русселѣ, что этотъ человѣкъ готовъ на все; онъ не откажется произвести литотомію, точно также какъ командовать фрегатомъ.

— Если бы я былъ назначенъ министромъ финансовъ, сказалъ я, то они имѣли бы еще болѣе права сказать это обо мнѣ, хотя навѣрно я былъ бы министромъ финансовъ не хуже Бодельшвинга, вся дѣятельность котораго ограничивалась подписываніемъ бумагъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ долго продолжится это временное назначеніе.

На самомъ же дѣлѣ, это предложеніе было сдѣлано мнѣ по повелѣнію короля, и когда его величество спросилъ Мантейфеля какъ я отнесся къ нему, то онъ отвѣчалъ, что «я чуть не осмѣялъ его за это».

Хотя король неоднократно предлагалъ или, лучше сказать, приказывалъ мнѣ занять мѣсто Мантейфеля, говоря: «Какой толкъ вамъ пресмыкаться на землѣ, вы должны быть министромъ», но я чувствовалъ, что это говорилось только съ цѣлью заставить Мантейфеля «повиноваться», быть покорнымъ волѣ короля; впрочемъ, если бы даже его величество говорилъ это серьезно, то я все же остался бы при своемъ

убѣжденіи, что я не могъ занимать при немъ министерскій постъ продолжительное время.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1857 г. состоялась въ Парижѣ конференція для рѣшенія спора, возникшаго между Пруссіей и Швейцаріей [1]). Императоръ Наполеонъ, имѣвшій всегда самыя точныя свѣдѣнія о томъ что происходило въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ Берлина, зналъ очевидно, что король былъ со мною въ болѣе короткихъ отношеніяхъ нежели съ прочими посланниками и имѣлъ меня неоднократно въ виду какъ кандидата на министерскій постъ. Императоръ держалъ себя во время переговоровъ со Швейцаріей весьма доброжелательно по отношенію къ Пруссіи, въ особенности по сравненію съ Австріей, и видимо считалъ себя въ правѣ разсчитывать на такое же отношеніе со стороны Пруссіи въ другихъ вопросахъ; онъ сказалъ мнѣ однажды между прочимъ, что его совершенно напрасно обвиняютъ въ томъ, будто онъ стремится къ Рейнской границѣ. Лѣвый, нѣмецкій берегъ Рейна съ его тремя милліонами жителей былъ бы, по его словамъ, не особенно надежной границей для Франціи; владѣя этимъ берегомъ, она была бы волей неволей вынуждена завоевать со временемъ также Люксембургъ, Бельгію и Голландію или по крайней мѣрѣ подчинить ихъ зависимости отъ Франціи. Такимъ образомъ пріобрѣтеніе Рейнской границы увеличило бы, рано или поздно, населеніе Франціи 10 или 11 милліонами дѣятельнаго зажиточнаго народонаселенія. Подобное усиленіе французской державы врядъ ли могло быть пріятно Европѣ и могло бы повести къ коалиціи, это пріобрѣтеніе труднѣе было бы поддержать нежели достигнуть—это было бы лишь временное пріобрѣтеніе, которое европейскія державы общими силами отняли бы со временемъ у Франціи; подобныя претензіи, напоминающія времена Наполеона I, были бы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ неумѣстны; всякій сказалъ бы, что Франція посягаетъ противъ другихъ державъ и поэтому всѣ прочія державы вооружились бы противъ нея. Быть можетъ, сказалъ Наполеонъ, онъ и подумалъ бы при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, «о маленькомъ исправленіи границъ» для удовлетворенія національнаго самолюбія, но онъ проживетъ и безъ этого. Если бы ему понадобилось воевать, то онъ бросилъ бы скорѣе всего свои взоры на Италію. Съ одной стороны, эта страна все же имѣетъ большое сходство съ Франціей, а съ другой стороны—у Франціи достаточно сухопутныхъ силъ и она одерживала достаточно побѣдъ на сухомъ пути. Для французовъ было бы гораздо интереснѣе увеличеніе морскихъ силъ. Не мечтая сдѣлать Средиземное море французскимъ озеромъ, Наполеонъ находилъ, что было бы не дурно, если бы оно было таковымъ «приблизительно». Французы по природѣ не

[1]) Относительно Невшателя. В. В.

моряки, но хорошіе сухопутные солдаты, поэтому успѣхи на морѣ гораздо болѣе льстятъ имъ. Это была, по его словамъ, единственная причина, побудившая его помочь другимъ державамъ сокрушить русскій флотъ на Черномъ морѣ, ибо Россія, располагая такимъ прекраснымъ боевымъ матеріаломъ, какой представляютъ изъ себя греческіе матросы (?), была бы для него слишкомъ опаснымъ соперникомъ на Средиземномъ морѣ. Мнѣ показалось, что говоря это императоръ былъ не вполнѣ искрененъ, что онъ сожалѣлъ объ уничтоженіи русскаго флота, старался чѣмъ нибудь оправдать результатъ этой войны, въ которую Англія была имъ вовлечена,—какъ выразился англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, подобно кораблю, не имѣющему кормчаго.

Результатомъ будущей войны могло бы быть, по мнѣнію императора, сближеніе съ Италіей и нѣкоторое подчиненіе ея Франціи, можетъ быть даже пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктовъ. Для осуществленія этой программы необходимо, говорилъ онъ,—чтобы Пруссія не относилась къ Франціи враждебно; Франція и Пруссія должны помогать другъ другу. Онъ считалъ ошибкою, что въ 1806 г. Пруссія не была на сторонѣ Наполеона, какъ прочія нѣмецкія государства. Было бы желательно, сказалъ онъ,—чтобы мы (Пруссія) округлили свои владѣнія, пріобрѣтеніемъ Ганновера и при-эльбскихъ герцогствъ, чтобы положить этимъ основаніе могуществу Пруссіи на морѣ, ибо чувствуется недостатокъ во второстепенныхъ морскихъ державахъ, которыя, соединивъ свои боевыя силы съ военнымъ флотомъ Франціи, могли бы составить противовѣсъ морскому могуществу Англіи. Это не угрожало бы опасностью этимъ государствамъ или прочимъ державамъ Европы, такъ какъ онѣ не стали бы, разумѣется, поддерживать Францію въ томъ случаѣ, если бы она вздумала преслѣдовать слишкомъ узкіе національные интересы, но принесло бы пользу въ томъ отношеніи, что могущество Англіи на морѣ было бы поколеблено. Наполеонъ желалъ обезпечить себѣ нейтралитетъ Пруссіи главнымъ образомъ на случай войны съ Австріей изъ за Италіи. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я узналъ по всѣмъ этимъ пунктамъ мнѣніе короля.

Я отвѣчалъ, что я чрезвычайно радъ, что императоръ высказалъ эти соображенія мнѣ, а не кому либо иному, во-первыхъ потому, что я вижу въ этомъ доказательство его довѣрія ко мнѣ, а во-вторыхъ потому, что изо всѣхъ прусскихъ дипломатовъ, пожалуй я одинъ рѣшусь умолчать объ этомъ, не проронивъ о слышанномъ ни слова въ Германіи и даже самому королю [1]). Я убѣдительно просилъ его отказаться

[1]) Дѣйствительно, въ донесеніяхъ къ Мантейфелю отъ 11-го и 24 апрѣля и отъ 1-го мая 1857 г. (Preussen am Bundestage IV 257, III 91, 94) не упоминается ни словомъ объ этомъ разговорѣ, точно также какъ и въ письмѣ къ

отъ этихъ мыслей, такъ какъ король Фридрихъ Вильгельмъ IV не можетъ согласиться на подобныя предложенія; если они будутъ ему переданы, то онъ несомнѣнно отвѣтитъ на нихъ отказомъ. При томъ угрожаетъ серьезная опасность, что король можетъ проговориться объ этомъ при личномъ свиданіи съ другими монархами или намекнетъ на то, передъ какимъ соблазномъ онъ устоялъ. Если бы которое нибудь изъ нѣмецкихъ государствъ сообщило неожиданно парижскому кабинету, что ему все это извѣстно, то этимъ было бы нарушено столь драгоцѣнное для Пруссіи доброе согласіе съ Франціей. «Но это была бы уже болѣе чѣмъ нескромность, это была бы измѣна!» прервалъ меня императоръ съ нѣкоторою тревогою.

— Вы поставите этимъ себя въ крайне непріятное положеніе,— замѣтилъ я.

Мои слова видимо произвели сильное впечатлѣніе на императора. Нашъ разговоръ кончился тѣмъ, что онъ поблагодарилъ меня за откровенность, а я обѣщалъ ему не передавать о томъ, что я слышалъ отъ него.

Въ томъ же (1857) году я воспользовался каникулярнымъ временемъ и перерывомъ засѣданій сейма, чтобы отправиться въ Данію и въ Швецію на охоту [1]). Въ Копенгагенѣ, я имѣлъ 6-го августа аудіенцію у короля Фридриха VII. Онъ принялъ меня въ полной парадной формѣ, съ каской на головѣ, и занималъ меня преувеличенными описаніями разныхъ происшествій, пережитыхъ имъ въ сраженіяхъ и при осадѣ крѣпостей, въ которыхъ онъ вовсе не участвовалъ. На мой вопросъ, можетъ ли, по его мнѣнію, долго просуществовать конституція (вторая, общая конституція, подписанная 2-го октября 1855 г.) онъ отвѣчалъ, что онъ поклялся отцу на его смертномъ одрѣ соблюдать ее, позабывъ въ этотъ моментъ, что, въ годъ смерти его отца (1848 г.), этой конституціи и въ поминѣ не было. Во время нашего разговора, я замѣтилъ на стѣнѣ сосѣдней галлереи, которая была вся залита солнцемъ, тѣнь женской фигуры; оказалось, что говоря все это, король имѣлъ въ виду не меня, а графиню Даннеръ, объ отношеніяхъ которой къ его величеству разсказывали много странныхъ анекдотовъ.

Я имѣлъ тогда же случай бесѣдовать со многими уважаемыми дѣятелями Шлезвигъ-Голштейна; никто изъ нихъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы образовать отдѣльное маленькое государство; «имъ пріят-

---

Герлаху отъ 11-го апрѣля 1857 г. (Briefe Bismarck's и т. д. стр. 311); но изъ соч. Gerlah's Denkwürdigkeiten (II, 521) видно, что онъ говорилъ ему объ этомъ. Примѣч. издателя.

[1]) Срав. письмо отъ 6, 9, 16—19 августа въ Bismarck Briefe (7 изд.) стр. 222. Примѣч. издателя.

нѣе чувствовать себя хоть чуточку европейцами въ Копенгагенѣ», говорили они.

Охотясь въ Швеціи 17-го августа я упалъ и сильно зашибъ себѣ голень о скалу; къ сожалѣнію я не обратилъ на этотъ ушибъ должнаго вниманія, такъ какъ я спѣшилъ въ Курляндію охотиться на лося. Возвращаясь изъ Копенгагена я пріѣхалъ 26-го августа въ Берлинъ и участвовалъ 3-го сентября на большомъ смотру, надѣвъ первый разъ бѣлый мундиръ, только что введенный тогда въ полкъ «тяжелой кавалеріи». Изъ Берлина я поѣхалъ въ Курляндію [1]).

8-го іюля, король, бывшій въ то время въ Маріенбадѣ, отправился въ Шенбруннъ для свиданія съ австрійскимъ императоромъ.

На обратномъ пути онъ заѣхалъ 13-го іюля повидаться съ саксонскимъ королемъ въ Пильницъ, гдѣ въ тотъ же день «почувствовалъ себя дурно»; придворные врачи объясняли, въ бюллетеняхъ, его болѣзнь поѣздкою, совершенной въ сильную жару; отъѣздъ изъ Пильницы былъ отложенъ на нѣсколько дней. Когда король возвратился 17-го іюля въ Санъ-Суси, то окружающіе и главнымъ образомъ Эдвинъ Мантейфель замѣтили въ немъ симптомы умственнаго переутомленія и Мантейфель всячески старался отвлекать короля отъ разговора съ посторонними лицами и прерывалъ его разговоръ. Политическія извѣстія, слышанныя королемъ отъ родныхъ въ Шенбруннѣ и Пильницѣ, подѣйствовали на него удручающимъ образомъ, а споры, возбужденные ими, крайне утомили его. Во время строевого ученія, 27-го іюля, я ѣхалъ верхомъ рядомъ съ его величествомъ и замѣтилъ во время нашего разговора, что память измѣняла ему и что онъ невполнѣ твердо управлялъ лошадью.

Состояніе его ухудшилось послѣ того какъ, провожая 6-го октября русскаго императора, на станцію Нижнесилезской желѣзной дороги, онъ ѣхалъ съ императоромъ, который очень много курилъ въ закрытомъ царскомъ салонъ-вагонѣ и пробылъ довольно долго въ атмосферѣ табачнаго дыма, который онъ не переносилъ точно такъ же какъ и запахъ сургуча [2]).

Вскорѣ, какъ извѣстно, его постигъ ударъ.

Въ высшихъ военныхъ кругахъ говорили, что подобный же случай былъ съ нимъ въ ночь съ 18-го на 19-е марта 1848 г. Врачи долго совѣщались о томъ, пустить ли ему кровь или нѣтъ, опасаясь что въ первомъ случаѣ это могло повліять на мозгъ, а во второмъ—могло угрожать опасностью жизни; по прошествіи нѣсколькихъ дней рѣшились наконецъ пустить кровь, и король пришелъ въ сознаніе.

---

[1]) Сравн. письмо изъ Кенигсберга отъ 12-го сентября 1857 г. (Bismarck-briefe, стр. 226). Примѣч. издателя.

[2]) Даже собственноручныя письма короля запечатывались не въ его присутствіи, что не всегда было удобно. Примѣч. Бисмарка.

Въ это время, когда ежеминутно можно было ожидать учрежденія регентства, принцъ прусскій совершилъ со мною, 19-го октября, большую прогулку по вновь разбитому парку и бесѣдовалъ со мною о томъ, какъ ему поступить относительно конституціи, если бы ему пришлось принять управленіе государствомъ: слѣдовало ли ему принять ее безъ измѣненій или же слѣдовало потребовать ея пересмотра. Я сказалъ, что непринятіе конституціи могло бы быть оправдано только въ томъ случаѣ, если бы было примѣнимо ленное право, въ силу котораго наслѣдникъ обязанъ исполнять постановленія отца, а не брата.

Я совѣтывалъ принцу, по соображеніямъ политическаго характера, не касаться вопроса о конституціи и не подвергать опасности внутренняго спокойствія государства, хотя бы самымъ малѣйшимъ уклоненіемъ отъ нея.—Не слѣдуетъ возбуждать опасеній, что при каждой перемѣнѣ престолонаслѣдія можетъ измѣниться система правленія, сказалъ я. Несогласіе между правительствомъ и ландтагомъ уменьшитъ значеніе Пруссіи въ Германіи и ея вліяніе на европейскія дѣла; конечно вся либеральная Германія будетъ *противъ* этого.

Изображая послѣдствія, какія можно было ожидать отъ этого шага, я руководствовался тѣми же соображеніями, какія мнѣ пришлось высказать ему въ 1866 г., а именно, что вопросъ о конституціи имѣетъ для Германіи второстепенное значеніе сравнительно съ потребностями страны и съ ея политическимъ положеніемъ, и что въ данный моментъ не представлялось настоятельной необходимости касаться этого вопроса: важнѣе всего былъ вопросъ о могуществѣ государства и о нашей внутренней сплоченности.

Вернувшись въ Сапъ Суси я замѣтилъ, что Эдвинъ Мантейфель былъ чрезвычайно встревоженъ моей продолжительной бесѣдой съ принцемъ и возможностью дальнѣйшаго моего вмѣшательства въ дѣла. Онъ спросилъ меня, почему я не возвращаюсь къ своему посту, гдѣ я могу быть весьма полезенъ при теперешнихъ обстоятельствахъ.

— Я здѣсь гораздо полезнѣе, возразилъ я [1]).

23-го октября управленіе государствомъ было поручено по высочайшему повелѣнію на три мѣсяца принцу прусскому; этотъ срокъ былъ три раза продолженъ каждый разъ на три мѣсяца и истекъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1858 г. не будучи возобновленъ. Лѣтомъ 1858 г. была сдѣлана серьезная попытка убѣдить королеву, чтобы она уговорила его величество написать на имя его брата письмо, въ которомъ говорилось бы, что его здоровье возстановилось настолько, что онъ въ состояніи

[1]) Сравн. письма Бисмарка къ Герлаху отъ 19-го декабря 1857 г. (Изд. H. Kohl'я стр. 337) и отвѣтъ Герлаха (Bismarck-Jahrbuch II. 250). Примѣч. издателя.

самъ управлять государствомъ, и благодаритъ принца за исполненіе обязанностей въ качествѣ его замѣстителя.

Принцу было дано уполномочіе управлять страною простымъ королевскимъ письмомъ, поэтому полагали, что будетъ достаточно простого письма и для того, чтобы уволить его отъ этихъ обязанностей. Предполагалось, что страною будетъ управлять, за королевской подписью, супруга его величества при содѣйствіи призванныхъ къ тому или предложившихъ свои услуги придворныхъ лицъ. Мнѣ также было словесно предложено содѣйствовать осуществленію этого плана, но я отклонилъ всякое участіе въ немъ, сказавъ что это напоминало бы гаремное управленіе. Будучи вызванъ однажды изъ Франкфурта въ Баденъ-Баденъ, я сообщилъ [1]) принцу объ этомъ планѣ, не называя его иниціаторовъ. «Въ такомъ случаѣ я подамъ въ отставку!» воскликнулъ принцъ. Я замѣтилъ, что если онъ откажется отъ должностей, занимаемыхъ имъ въ войскѣ, то это не поможетъ дѣлу, а только ухудшитъ положеніе. Предложенный планъ могъ быть осуществленъ только въ томъ случаѣ, если бы министерство было за него. Поэтому я совѣтовалъ вызвать телеграммою министра Мантейфеля, который выжидалъ въ своемъ имѣніи результата, такъ какъ планъ былъ ему извѣстенъ, и пресѣчь интригу соотвѣтствующими распоряженіями. Принцъ согласился на это. По возвращеніи во Франкфуртъ я получилъ отъ Мантейфеля слѣдующее письмо:

Берлинъ, 20-го іюля 1858 г.

«Честь имѣю увѣдомить ваше высокородіе, что я намѣренъ выѣхать въ четвергъ 22-го числа сего мѣсяца въ 7 часовъ утра отсюда во Франкфуртъ, съ тѣмъ чтобы отправиться на слѣдующій день какъ можно ранѣе въ Баденъ-Баденъ. Мнѣ было бы пріятно, если бы ваше высокородіе могли сопровождать меня. По всей вѣроятности со мною поѣдутъ моя жена и сынъ, которые находятся еще въ имѣніи, но которыхъ я ожидаю сюда завтра.

«Я не желаю, чтобы во Франкфуртѣ было извѣстно о моемъ пріѣздѣ, но я счелъ долгомъ предупредить объ этомъ ваше высокородіе».

Дальнѣйшій ходъ дѣла объ учрежденіи регентства выясняется изъ слѣдующаго письма Мантейфеля:

Берлинъ, 12-го октября 1858 г.

«Наше важное государственное дѣло наполовину окончено. Оно доставило мнѣ массу хлопотъ, заботъ и непріятностей. Не далѣе, какъ вчера я получилъ отъ Герлаха чрезвычайно колкое письмо. Онъ находитъ, что этимъ будетъ, до нѣкоторой степени, подорвана верховная власть. При всемъ моемъ желаніи, я не могу съ нимъ согласиться; вотъ какъ я смотрю на это дѣло:

---

[1]) 15-го іюля 1858 г. Примѣч. издателя.

«У насъ есть король, но онъ не въ состояніи управлять государствомъ; онъ самъ понимаетъ это и долженъ сознаться, что онъ уже болѣе года не можетъ заниматься дѣлами и что врачи, точно также какъ и онъ самъ, не могутъ даже приблизительно указать время, когда онъ будетъ въ состояніи самостоятельно управлять страною; дальнѣйшее продолженіе полномочій, данныхъ принцу, было бы неумѣстно и государству необходимо имѣть главу, который былъ бы отвѣтственъ только передъ самимъ собою; руководствуясь всѣми этими соображеніями, король повелитъ тому, кто долженъ наслѣдовать послѣ него престоломъ, исполнить то, что предписано конституціей въ подобномъ случаѣ. Тогда будутъ приведены въ исполненіе постановленія конституціи, относительно этого пункта изложенныя какъ нельзя болѣе точно и въ самомъ монархическомъ духѣ; затѣмъ регентство, по закону, должно быть утверждено ландтагомъ, что въ данномъ случаѣ можетъ быть излишне послѣ заявленія короля, но имѣетъ свое основаніе; при этомъ строго должно соблюдаться правило, чтобы опредѣленіе ландтага ограничивалось только отвѣтомъ на вопросъ: необходимо ли учрежденіе регентства? Иными словами: устраненъ ли король отъ управленія по причинамъ достаточно уважительнымъ? Не понимаю, какимъ образомъ хотятъ обойти этотъ вопросъ; во всякомъ случаѣ намъ предстоятъ еще нѣкоторыя затрудненія чисто формальнаго свойства. Такъ напр. въ конституціи не указанъ дѣловой порядокъ предусмотреннаго ею общаго собранія. Его придется еще установить; надѣюсь однако, что все это будетъ окончено дней черезъ пять; тогда принцъ принесетъ присягу и закроетъ собраніе.

«Само собою разумѣется, что въ этомъ засѣданіи не будутъ подлежать разсмотрѣнію никакія постороннія предложенія, какъ напр. относительно ассигновки денегъ. Если дѣла вамъ позволятъ, было бы очень пріятно, чтобы вы пріѣхали сюда къ ландтагу, притомъ, если возможно, до начала засѣданій. До моего свѣдѣнія дошли изумительныя предложенія крайней правой, противъ которыхъ слѣдовало бы воздѣйствовать, не только въ видахъ общей пользы, но даже въ интересахъ этихъ же господъ».

Я пріѣхалъ до открытія ландтага и въ частномъ засѣданіи нашей партіи энергично опровергъ мнѣніе тѣхъ господъ, которые были противъ утвержденія регентства, и доказывалъ необходимость утвердить его.

Когда принцъ прусскій былъ объявленъ, 26-го октября, регентомъ, Мантейфель спросилъ меня, что ему дѣлать, чтобы не быть уволеннымъ въ отставку помимо его желанія; по моей просьбѣ онъ далъ мнѣ прочесть его переписку съ регентомъ по этому поводу.

Когда я сказалъ, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ

томъ, что принцъ намѣренъ уволить его въ отставку, то мой отвѣтъ показался ему неискреннимъ, быть можетъ даже честолюбивымъ. 6-го ноября онъ былъ на самомъ дѣлѣ уволенъ и на его мѣсто былъ назначенъ князь Гогенцоллернъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1859 г. на балу у Мустье или у Кароли, графъ Штильфридъ сдѣлалъ мнѣ шутливое замѣчаніе, изъ котораго я могъ заключить, что я буду перемѣщенъ изъ Франкфурта въ Петербургъ, о чемъ неоднократно уже заходила рѣчь; его намекъ сопровождался доброжелательнымъ пожеланіемъ: Per aspera ad astra. Графъ получилъ вѣроятно эти свѣдѣнія благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ католикамъ, составлявшимъ личный штатъ принцессы, начиная отъ камергера и кончая ея камердинеромъ. Мои отношенія къ іезуитамъ были въ то время безоблачны, и графъ Штильфридъ относился ко мнѣ доброжелательно. Я понялъ его довольно прозрачный намекъ, отправился на слѣдующій день (26-го января) къ регенту и сказалъ ему откровенно, что я слышалъ, будто меня прочатъ посланникомъ въ Петербургъ, и что я позволю себѣ выразить по этому поводу мое искреннее сожалѣніе и надежду, что это назначеніе можетъ быть отмѣнено.

— Кто вамъ это сказалъ?—воскликнулъ принцъ въ отвѣтъ на мой вопросъ.

Я отвѣчалъ, что съ моей стороны было бы нескромностью назвать тѣхъ, отъ кого я это слышалъ; могу только сказать, что это извѣстіе получено мною отъ клерикальной партіи, съ которой я издавна нахожусь въ близкихъ отношеніяхъ. Я сожалѣю объ этомъ назначеніи потому, что, служа во Франкфуртѣ, я хорошо изучилъ всѣ ходы и выходы этой лисьей норы союзнаго сейма и полагаю, что могъ бы тамъ быть полезнѣе многихъ моихъ преемниковъ, которымъ придется вновь изучать крайне сложную машину, основанную на взаимныхъ отношеніяхъ ко многимъ дворамъ и министрамъ; я не въ состояніи передать имъ мою восьмилѣтнюю опытность, пріобрѣтенную при довольно затруднительныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Каждый нѣмецкій принцъ, каждый нѣмецкій министръ лично мнѣ знакомъ, точно такъ же, какъ мнѣ знакомы лично придворные круги союзныхъ резиденцій, и я пользуюсь въ союзномъ сеймѣ и при нѣмецкихъ дворахъ вліяніемъ насколько это возможно для прусскаго дипломата. Съ моимъ отъѣздомъ изъ Франкфурта этотъ благопріобрѣтенный мною и завоеванный прусской дипломатіей капиталъ будетъ утраченъ безцѣльно. Назначеніе на мое мѣсто Уседома не встрѣтитъ довѣрія нѣмецкихъ дворовъ, такъ какъ его либерализмъ сомнителенъ; его можно скорѣе назвать человѣкомъ придворнымъ, любителемъ разсказывать анекдоты, нежели государственнымъ человѣкомъ; г-жа Уседомъ своею эксцентричностью произведетъ во Франк-

фуртѣ нежелательное впечатлѣніе и поставитъ себя въ неловкое положеніе.

Регентъ сказалъ на это:

— Вотъ поэтому-то выдающіяся способности Уздома и не могутъ быть примѣнены ни въ какомъ иномъ мѣстѣ, такъ какъ его жена вездѣ поставитъ себя въ неловкое положеніе.

Что и случилось дѣйствительно не только при тѣхъ дворахъ, при которыхъ служилъ ея супругъ, но даже и въ снисходительномъ Франкфуртѣ; ея высокомѣрное отношеніе къ частнымъ лицамъ и непріятности, которыя она имъ дѣлала, кичась своимъ положеніемъ, какъ жена посланника, вызывали настоящіе скандалы. Но г-жа Уздомъ была по происхожденію англичанка и пользовалась поэтому при дворѣ, гдѣ все иностранное цѣнилось выше нѣмецкаго, такимъ вниманіемъ, какимъ не могла бы пользоваться ни одна дама-нѣмка.

Я отвѣтилъ регенту на его слова приблизительно слѣдующее:

— Слѣдовательно я сдѣлалъ ошибку, не взявъ въ жены особу столь же мало одаренную тактомъ, иначе я имѣлъ бы такъ же, какъ графъ Уздомъ, право занимать постъ, съ которымъ я свыкся.

— Я не понимаю,—замѣтилъ регентъ,—почему это васъ такъ раздражаетъ; мѣсто посланника въ Петербургѣ считалось всегда однимъ изъ высшихъ въ прусской дипломатіи и вы должны считать знакомъ высокаго довѣрія съ моей стороны, что я назначаю васъ туда.

— Коль скоро ваше королевское высочество оказываете мнѣ это довѣріе, разумѣется я долженъ молчать, но я пользуюсь правомъ свободно выражать мое мнѣніе, которое ваше королевское высочество всегда давали мнѣ, и не могу умолчать, что меня крайне тревожитъ положеніе дѣлъ и вліяніе, которое онѣ могутъ имѣть на вопросъ о германскомъ единствѣ. Уздомъ человѣкъ не спокойнаго характера, это не дѣловой человѣкъ. Онъ будетъ руководствоваться во всемъ инструкціями изъ Берлина; если графъ Шлиффенъ-Децернентъ (Schliffen-Decernent) отнесется къ этому вопросу сочувственно, то инструкціи будутъ хороши, но я не думаю во всякомъ случаѣ, чтобы Уздомъ могъ исполнить ихъ добросовѣстно.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ назначенъ во Франкфуртъ. Впослѣдствіи его образъ дѣйствій въ Туринѣ и во Флоренціи доказалъ, что я былъ правъ, высказывая объ немъ это мнѣніе. Онъ разыгрывалъ тамъ роль стратега и завзятаго заговорщика, имѣлъ сношенія съ Гарибальди и Мадзини, и гордился этимъ. Изъ страсти къ подпольнымъ интригамъ, онъ взялъ себѣ въ личные секретари человѣка, который выдавалъ себя за приверженца Мадзини, но который оказался агентомъ австрійской тайной полиціи. Уздомъ давалъ ему читать документы и далъ ему въ руки шифръ, отсутствовалъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ,

оставляя бланки, на которыхъ секретари посольства писали свои донесенія. Такимъ образомъ случалось, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ получали за его подписью донесенія о переговорахъ, которые онъ яко бы велъ съ итальянскими министрами, между тѣмъ какъ въ указанное время онъ этихъ господъ и въ глаза не видалъ. Но онъ былъ извѣстный масонъ, поэтому когда я потребовалъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 г., чтобы этотъ безполезный и сомнительной репутаціи посланникъ былъ отозванъ, то король, возведшій свою преданность къ масонамъ въ какой-то культъ, отвѣтилъ мнѣ на это рѣшительнымъ отказомъ и упорно стоялъ на своемъ, несмотря на то, что я нѣсколько дней уклонялся отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, вслѣдствіе чего я рѣшилъ наконецъ просить объ отставкѣ [1]). Перечитывая теперь, по прошествіи 20-ти слишкомъ лѣтъ, документы, относящіеся къ этому эпизоду, я невольно сожалѣю о томъ, что бывъ поставленъ въ необходимость выбирать между тѣмъ, что я считалъ полезнымъ для государства и моей любовью къ королю, я поступилъ и конечно долженъ былъ поступить такъ, какъ требовали государственные интересы. Мнѣ становится совѣстно, когда я вспомню, съ какою любезностью король отвѣтилъ на мое педантичное отношеніе къ обязанностямъ службы. Мнѣ слѣдовало принести постъ во Флоренціи въ жертву ему и его масонскимъ убѣжденіямъ. Его величество писалъ мнѣ 22-го февраля 1869 г.: «Податель сего письма (секретарь короля Верманъ) исполнилъ порученіе, возложенное вами на него. Какъ могли вы подумать, что я соглашусь на то, что вы предлагаете! Жить съ вами и сознавать, что мы вполнѣ сходимся съ вами во мнѣніяхъ, составляетъ для меня величайшее счастье. Можно ли такъ жестоко хандрить, чтобы единственный случай, когда мы разошлись съ вами во взглядахъ, заставилъ васъ сдѣлать столь рѣшительный шагъ! Когда между нами оказалось разногласіе во взглядахъ относительно способа покрытія дефицита, то вы писали мнѣ изъ Варцина, что хотя вы и не раздѣляете моего мнѣнія, но что согласившись принять постъ министра, вы поставили себѣ долгомъ подчиняться моимъ рѣшеніямъ, высказавъ предварительно свой взглядъ, какъ повелѣваетъ вамъ долгъ. Что же могло измѣнить столь благородную рѣшимость, высказанную вами всего три мѣсяца тому назадъ?

«Повторяю, между нами существуетъ разногласіе только по одному пункту, относительно Ф. на М. (Франкфурта на Майнѣ [2]). Что же касается

[1]) Срави. Bismark-Jahrbuch, I, 76.

[2]) Правительство представило 1-го февраля 1869 года ландтагу законопроектъ относительно удовлетворенія денежныхъ претензій между государственной казною и городомъ Франкфуртомъ, который прошелъ чрезъ мини-

Уздеманіи, то я еще вчера высказалъ вамъ письменно свое рѣшеніе, совершенно сходное съ вашимъ желаніемъ; домашнія дѣла уладятся. Относительно замѣщенія должностей мы были съ вами вполнѣ согласны, но нѣкоторыя лица сами на это не соглашаются. Что же заставляетъ васъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ?

«Ваше имя занимаетъ въ исторіи Пруссіи болѣе видное мѣсто, нежели имя какого бы то ни было прусскаго государственнаго дѣятеля. И я долженъ васъ лишиться? Да ни за что. Отдыхъ и молитва все уладятъ. Преданный вамъ другъ В.»

На слѣдующій день я получилъ слѣдующее письмо отъ Роона:

Берлинъ, 23-го февраля 1869 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались вчера вечеромъ, многоуважаемый другъ мой, я все время думаю о васъ и о вашемъ рѣшеніи. Оно не даетъ мнѣ покоя. Мнѣ хочется сказать вамъ еще разъ, чтобы вы написали письмо въ такомъ духѣ, чтобы имѣть возможность взять ваше рѣшеніе обратно. Быть можетъ вы его еще не отослали и можете кое-что измѣнить въ немъ. Примите во вниманіе, что полученная вчера почти нѣжная записка производитъ впечатлѣніе искренности, хотя ее и не особенно легко объяснить. Она написана въ такомъ духѣ очевидно съ намѣреніемъ, чтобы вы приняли ее не за фальшивую, а за настоящую, полновѣсную монету; примите также во вниманіе, что примѣшанная къ ней лигатура есть не что иное, какъ ложный стыдъ человѣка, который не хочетъ сознаться въ своей винѣ, а принявъ во вниманіе положеніе писавшаго записку, пожалуй и не можетъ сказать: «я поступилъ весьма несправедливо и намѣренъ исправиться».

«Вы не должны сжигать своихъ кораблей. Вы не имѣете на это права: Вы этимъ погубите себя во мнѣніи страны и Европа посмѣется надъ вами. Побужденія, руководившія вами, не будутъ поняты; всѣ скажутъ онъ отчаялся въ возможности довести дѣло до конца и поэтому ушелъ. Я не буду повторять то, что я уже говорилъ вамъ, но прошу васъ еще разъ вѣрить моей неизмѣнной и искренней преданности. Вашъ фонъ-Роонъ».

Послѣ того какъ я взялъ назадъ свою просьбу объ отставкѣ, я получилъ отъ короля слѣдующее письмо:

стерство и былъ одобренъ королемъ. Между тѣмъ франкфуртскій магистратъ добился того, что когда еще не были окончены переговоры по поводу этого законопроекта, король далъ уже свое согласіе на выдачу г. Франкфурту изъ государственнаго казначейства 2.000.000 гульденовъ въ счетъ уплаты предъявленнаго имъ иска. Сообразно съ этимъ пришлось измѣнить самый законопроектъ. Примѣч. издателя.

Берлинъ, 26-го февраля 1869 г.

«Когда, до нельзя изумленный тѣмъ, что сообщилъ мнѣ Верманъ, я писалъ вамъ 22-го числа коротенькую, но убѣдительную записку, чтобы отклонить васъ отъ намѣренія, которое могло быть для васъ пагубнымъ, я надѣялся, что, принимая окончательное рѣшеніе, вы примете во вниманіе все сказанное мною—и я не ошибся. Спасибо, сердечное вамъ спасибо за то, что вы не обманули моихъ ожиданій!

«Что касается главныхъ причинъ, заставившихъ васъ столь неожиданно подумать объ отставкѣ, то я признаю вполнѣ ихъ основательность; вы помните конечно, что предлагая вамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, вступить вновь въ управленіе дѣлами, я настоятельно просилъ васъ, чтобы вы облегчили себѣ, по мѣрѣ возможности, вашъ трудъ, чтобы вамъ не приходилось снова изнемогать подъ бременемъ работы и той массы дѣлъ, которую можно было предвидѣть. Къ сожалѣнію, вы не нашли, повидимому, возможнымъ доставить себѣ это облегченіе и мои опасенія оправдались: сверхъ ожиданія, у васъ появились даже мрачныя мысли и намѣренія. Если ваша дѣятельность нынѣ еще болѣе осложнилась, какъ вы говорите, то повѣрьте, что я сочувствую вамъ въ этомъ случаѣ болѣе чѣмъ кто либо другой. Одною изъ причинъ этого является назначеніе Зульцера [1]). Я, со своей стороны, давно уже хотѣлъ дать ему иное назначеніе и не виноватъ, если это до сихъ поръ не состоялось, тѣмъ болѣе, что Эйленбургъ наконецъ самъ въ этомъ убѣдился. Я не виноватъ также, что дѣло Узедома доставило вамъ лишнюю работу, такъ какъ его оправдательная записка, написанная не по моему желанію, требовала разъясненій съ вашей стороны. Если я не изъявилъ тотчасъ своего согласія на то, что вы мнѣ предлагали, то вѣроятно вы были къ этому подготовлены видя мое изумленіе, когда вы сообщили мнѣ о шагѣ, сдѣланномъ вами относительно Узедома. Вы сообщили мнѣ это въ половинѣ января, т. е. всего три мѣсяца спустя послѣ того какъ впечатлѣніе, произведенное эпизодомъ Ламармора [2]) нѣсколько улеглось; такъ что я не могъ еще измѣнить своего взгляда относительно пребыванія Узедома въ Туринѣ. Полученное мною, 14-го

---

[1]) Помощникъ секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Альфонсъ Ферреро, маркизъ де-Ламармора, италіанскій генералъ и государственный дѣятель, род. 1804 г. † 1878 г. Въ 1855 г. командовалъ вспомогательнымъ сардинскимъ отрядомъ, посланнымъ въ Крымъ. Въ войну 1866 г. былъ главнокомандующимъ. Послѣ потери сраженія при Кустоццѣ его ничѣмъ необъяснимое бездѣйствіе сильно возстановило противъ него общественное мнѣніе, которое обвиняло его въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ III, вслѣдствіе чего онъ отказался отъ своихъ должностей. Издалъ книгу, заключавшую въ себѣ закулисную исторію войны 1866 г. В. В.

февраля, увѣдомленіе о дѣйствіяхъ Уздома, требовавшее если не преданія его дисциплинарному взысканію, то по крайней мѣрѣ немедленнаго увольненія отъ должности, было оставлено мною нѣсколько дней безъ послѣдствій потому, что до меня дошелъ слухъ, будто Кейдель, съ вашего вѣдома, предложилъ Уздому проситься въ отставку. Однако, я спрашивалъ васъ 21-го февраля, слѣдовательно до полученія отвѣта изъ Турина, кого вы полагаете назначить туда посланникомъ, и тѣмъ самымъ далъ вамъ понять, что я предвижу, что его мѣсто будетъ вскорѣ вакантнымъ. Несмотря на это, вы сдѣлали 22-го числа рѣшительный шагъ, объясняя его тѣмъ, что онъ былъ вызванъ дѣломъ Уздома. Второю причиною вы называете то обстоятельство, что выслушавъ докладъ министра касательно Франкфурта на Майнѣ, я не пожелалъ еще разъ слышать ваше мнѣніе прежде, нежели подписать докладъ. Такъ какъ вашъ взглядъ на дѣло и мнѣніе министра были выражены какъ нельзя болѣе ясно въ законопроектѣ и пояснительной къ нему запискѣ; къ тому же мнѣ было необходимо тотчасъ сдѣлать подпись на докладѣ для представленія его палатѣ, то мнѣ казалось излишнимъ выслушивать вторично вашъ докладъ, для того чтобы выяснить мой взглядъ на дѣло. Если бы мнѣ было доложено объ этомъ прежде, нежели въ министерствѣ установился извѣстный взглядъ на вопросъ о Франкфуртѣ на Майнѣ, совершенно отличный отъ того, что мнѣ было извѣстно раньше, то при обмѣнѣ мыслей можно было бы согласовать эти противорѣчивые взгляды. Тогда явилась бы возможность избѣгнуть разногласія и недостатка единодушія, передѣлки законопроекта и т. п. на что вы совершенно справедливо сѣтуете. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите по этому поводу о трудности не нарушать правильнаго хода конституціонной машины и т. д., я не могу только согласиться съ высказаннымъ вами мнѣніемъ, будто вы и прочіе мои совѣтники не пользуетесь необходимымъ довѣріемъ. Вы сами говорите, что это первое разногласіе, возникшее между нами съ 1862 г.; неужели это доказываетъ, что я не довѣряю моимъ правительственнымъ органамъ? Никто болѣе меня не цѣнитъ того счастья, что за всѣ шесть лѣтъ пережитаго нами тревожнаго времени между нами ни разу не возникало несогласій; но мы этимъ избалованы, поэтому настоящій фактъ взволновалъ насъ болѣе чѣмъ слѣдовало.

«Можетъ ли монархъ оказывать своему первому министру болѣе довѣрія нежели я, когда я многократно писалъ вамъ частныя письма, что дѣлаю и въ настоящую минуту, касаясь въ нихъ текущихъ вопросовъ съ тою цѣлью, чтобы вы были увѣрены, что я ничего не предпринимаю тайно отъ васъ. Пославъ вамъ для прочтенія письмо генерала Мантейфеля относительно Мемельскаго дѣла [1]), такъ какъ онъ сообщилъ въ немъ

[1]) Дѣло касалось Мемель-Тильзитской желѣзной дороги.

кой какія новости и мнѣ было интересно знать ваше мнѣніе, сообщивъ вамъ письмо генерала фонъ-Бойена и газетныя вырѣзки, по поводу которыхъ я сдѣлалъ замѣчаніе, что въ нихъ дословно говорится все то, что давно уже говорю в е з д ѣ о ф и ц і а л ь н о—врядъ ли я могъ дать вамъ еще бо́льшій знакъ моего къ вамъ довѣрія. Конечно вы и сами не потребуете, чтобы я оставался глухъ къ тому, что мнѣ говорятъ съ полнымъ довѣріемъ въ извѣстные важные моменты.

«Останавливаясь на нѣкоторыхъ пунктахъ вашего письма, въ которыхъ вы указываете на причины, вызвавшія ваше теперешнее настроеніе, я оставляю другіе безо всякаго замѣчанія; остановлюсь только на вашемъ собственномъ заявленіи о томъ, что ваше теперешнее настроеніе можетъ быть названо болѣзненнымъ; вы чувствуете себя измученнымъ, утомленнымъ, вы жаждете покоя. Я понимаю это какъ нельзя лучше, ибо то же испытываю и я, но могу ли я вслѣдствіе этого отказаться отъ занимаемаго мною поста, имѣю ли я на это право? Точно также и вы не вправѣ сдѣлать это. Вы не принадлежите исключительно самому себѣ, ваша жизнь слишкомъ тѣсно связана съ исторіей Пруссіи и Германіи, съ исторіей всей Европы, чтобы вы имѣли право удалиться со сцены, которая созидалась при вашей помощи. Но чтобы имѣть возможность посвятить себя всецѣло дѣлу вами созданному, вы д о л ж н ы облегчить себѣ трудъ, и я настоятельно прошу васъ представить мнѣ по этому поводу ваши соображенія. Вамъ слѣдовало бы, напр. освободиться отъ засѣданій въ министерствѣ, когда въ нихъ не обсуждается особенно важныхъ вопросовъ. У васъ такой прекрасный помощникъ въ лицѣ Дельбрюка, что онъ могъ бы облегчить васъ въ многомъ.

«Сократите ваши доклады у меня, ограничтесь лишь самыми необходимыми и т. д. Но главное, не сомнѣвайтесь въ моемъ неизмѣнномъ довѣріи и всегдашней признательности. Вашъ Вильгельмъ».

Возвращаюсь къ моему разговору съ регентомъ. Высказавъ ему свои соображенія относительно должности посланника при союзномъ сеймѣ, я перешелъ къ общему положенію дѣлъ и сказалъ:

— У вашего королевскаго высочества во всемъ министерствѣ нѣтъ ни одного способнаго государственнаго человѣка, это все посредственности, все люди ограниченные.

— Развѣ вы считаете Бонина также человѣкомъ ограниченнымъ? спросилъ регентъ.

— Я этого не скажу, но онъ не въ состояніи держать въ порядкѣ своего собственнаго письменнаго стола, а не то что министерство.

— Да что же, вы меня считаете колпакомъ что ли? сказалъ регентъ обиженно. Я самъ буду управлять министерствами иностранныхъ дѣлъ и военнымъ. Я въ этомъ кое что понимаю.

— Въ настоящее время, сказалъ Бисмаркъ,—способнѣйшій ландратъ

не можетъ управлять округомъ не имѣя интеллигентнаго секретаря, на котораго ему приходится вполнѣ полагаться; то же самое необходимо, но въ гораздо бо̀льшей степени, прусской монархіи. Не имѣя дѣльныхъ министровъ, вы не будете довольны результатомъ своего управленія. Внутреннія дѣла интересуютъ меня гораздо менѣе, но когда я подумаю о Шверинѣ, то мною овладѣваетъ безпокойство. Онъ храбръ и честенъ, и служа въ войскѣ, отличился бы точно такъ же, какъ его предокъ, убитый подъ Прагою; надъ самыми бровями у него выдается шишка опрометчивыхъ рѣшеній, то что французы называютъ primesautier [1]), но у него нѣтъ того, что френологи называютъ шишкою разсудительности. Какъ государственный человѣкъ, Шверинъ не одаренъ способностью взвѣшивать послѣдствія, онъ скорѣе способенъ дѣйствовать сгоряча нежели идти спокойно къ достиженію намѣченной имъ цѣли.

Относительно ограниченности прочихъ лицъ, принцъ вполнѣ со мною согласился. Какъ бы то ни было, онъ старался представить мое назначеніе въ Петербургъ въ видѣ какого-то отличія; мнѣ показалось даже, какъ будто онъ былъ доволенъ тѣмъ, что непріятный и для него вопросъ о моемъ перемѣщеніи былъ упрощенъ тѣмъ, что обсужденіе его было начато по моей иниціативѣ. Регентъ простился со мною весьма милостиво, а я оставилъ его съ чувствомъ искренней преданности къ его высочеству и съ еще бо̀льшимъ презрѣніемъ къ тѣмъ лицамъ, которыя, пользуясь покровительствомъ принцессы, добивались вліянія и которымъ онъ подчинялся.

Министерство, образовавшееся при учрежденіи регентства, было создано ея высочествомъ и пользовалось ея высокимъ покровительствомъ. Впрочемъ, она не долго имѣла на этотъ кабинетъ руководящее вліяніе и скорѣе покровительствовала тѣмъ министрамъ, которые оказались непригодны для роли высшихъ руководителей государственными дѣлами. Ея покровительствомъ пользовался въ особенности графъ Шверинъ, подчинявшійся вліянію бывшаго впослѣдствіи оберъ-бургомистра г. Данцига, Винтера и другихъ сановниковъ либеральнаго лагеря. Будучи министромъ, онъ держалъ себя по отношенію къ регенту такъ независимо, что на письменныя приказанія его высочества отвѣчалъ письменно же, что онѣ не контрассигнованы. Когда регентъ былъ вынужденъ однажды министерствомъ подписать какую-то бумагу противъ своего желанія, то онъ сдѣлалъ подпись совершенно неразборчиво и расчеркнувшись сломалъ перо забрызгавъ ее. Графъ Шверинъ приказалъ перебѣлить документъ и настоялъ на томъ, чтобы подпись была сдѣлана четко. Тогда регентъ подписалъ бумагу своимъ обычнымъ почеркомъ, но скомкалъ ее и кинулъ въ уголъ; ее подняли, разгладили и присоединили къ актамъ.

[1]) Человѣкъ быстро рѣшающійся, опрометчивый.

Разсматривая мою просьбу объ отставкѣ, поданную въ 1877 г., я также могъ замѣтить, что его величество скомкалъ ее прежде нежели отвѣтить на нее.

Я былъ назначенъ 29-го января 1859 г. посланникомъ въ Петербургъ, но выѣхалъ изъ Франкфурта только 6-го марта и до 23-го марта пробылъ въ Берлинѣ. Въ это время я имѣлъ случай познакомиться на практикѣ со способомъ употребленія австрійскаго секретнаго фонда, о которомъ мнѣ было извѣстно ранѣе только по сообщеніямъ прессы. Банкиръ Левинштейнъ, который много лѣтъ имѣлъ дѣловыя сношенія съ моимъ начальникомъ и, исполняя секретныя порученія въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, былъ лично извѣстенъ руководителямъ иностранной политики и императору Наполеону, прислалъ мнѣ по-утру, въ самый день моего отъѣзда, слѣдующее письмо:

«Симъ позволяю себѣ почтительнѣйше пожелать вашему превосходительству счастливаго пути и благополучнаго исполненія возложенной на васъ миссіи, въ надеждѣ, что мы будемъ скоро имѣть удовольствіе привѣтствовать васъ здѣсь, такъ какъ ваша дѣятельность несомнѣнно можетъ быть полезнѣе въ отечествѣ нежели вдали отъ него.

«Въ наше время нужны люди, нужна энергія, въ этомъ убѣдятся здѣсь можетъ быть слишкомъ поздно. Но событія идутъ въ наше время стремительно, и я опасаюсь, что едва ли миръ долго продержится какъ бы ни старались склеить его на нѣсколько мѣсяцевъ.

«Я совершилъ сегодня маленькую денежную операцію, которая принесетъ, надѣюсь, хорошіе плоды; я буду имѣть честь сообщить вамъ позднѣе въ чемъ дѣло.

«Въ Вѣнѣ очень встревожены вашей миссіей въ Петербургъ, такъ какъ васъ считаютъ тамъ принципіальнымъ противникомъ Австріи.

«Не дурно было бы поладить съ нею, ибо рано или поздно обѣ эти державы все-таки придутъ съ нами къ соглашенію.

«Если бы ваше превосходительство, въ какихъ бы то ни было выраженіяхъ удостовѣрили меня письменно, что вы лично не предубѣждены противъ Австріи, то это принесло бы большую пользу, послѣдствія которой не могутъ быть теперь исчислены. Г. фонъ-Мантейфель всегда говоритъ, что я настойчивъ въ проведеніи какой-нибудь идеи и не успокоиваюсь до тѣхъ поръ, пока не достигну цѣли—но онъ всегда прибавляетъ, что я не честолюбивъ и не скупъ на деньги. Благодаря Бога, я могу до сихъ поръ гордиться тѣмъ, что никто не понесъ убытка отъ сношеній со мною.

«На время вашего отсутствія, я съ удовольствіемъ предлагаю вамъ свои услуги для устройства вашихъ дѣлъ здѣсь или гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Врядъ ли кто-либо иной въ состояніи повести ихъ болѣе честно и безкорыстно.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Левинштейнъ».

Б 23/III 1859.

Я ничего не отвѣтилъ на это письмо, но самъ г. Левинштейнъ посѣтилъ меня въ тотъ же день, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ на желѣзную дорогу, въ Hôtel Royal, гдѣ я остановился. Предъявивъ мнѣ въ удостовѣреніе своей личности собственноручное письмо отъ графа Буоля, онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ одномъ денежномъ предпріятіи, которое «навѣрняка дастъ мнѣ 20.000 талеровъ ежегодно». Когда я возразилъ на это, что я не располагаю свободнымъ капиталомъ, то онъ отвѣтилъ, что это дѣло не потребуетъ отъ меня денежнаго вклада, и что мое участіе въ немъ будетъ заключаться лишь въ томъ, что, состоя при русскомъ дворѣ представителемъ прусской политики, я являюсь вмѣстѣ съ тѣмъ ходатаемъ за интересы Австріи, ибо стоящіе на очереди вопросы только тогда могутъ быть рѣшены въ желаемомъ смыслѣ, если отношенія между Россіей и Австріей будутъ доброжелательныя. Мнѣ очень хотѣлось имѣть какое-нибудь письменное удостовѣреніе относительно сдѣланнаго мнѣ предложенія, чтобы представить регенту наглядное доказательство того, какъ основательно было мое недовѣріе къ политикѣ графа Буоля. Поэтому я заявилъ Левинштейну, что въ столь щекотливомъ дѣлѣ мнѣ необходимо имѣть болѣе вѣрное ручательство, нежели словесное обѣщаніе, сдѣланное имъ на основаніи нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ рукою графа Буоля, которыя онъ оставилъ при себѣ. Онъ не согласился дать мнѣ письменное обязательство, но увеличилъ предлагаемую сумму до 30.000 талеровъ. Убѣдившись, что мнѣ не удастся получить отъ него никакого письменнаго документа, я предложилъ Левинштейну оставить меня и самъ всталъ, чтобы выйти. Онъ послѣдовалъ за мною на лѣстницу, оживленно разговаривая на тему, что «не мѣшало бы вамъ одуматься; имѣть императорское правительство своимъ врагомъ не особенно пріятно» и т. д., но когда я обратилъ его вниманіе на то, что лѣстница очень крута и что физически я сильнѣе его, то онъ поспѣшилъ спуститься съ лѣстницы и уѣхалъ.

Этотъ агентъ былъ мнѣ лично извѣстенъ потому, что онъ давно уже пользовался особымъ довѣріемъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и во времена Мантейфеля исполнялъ нѣкоторыя порученія его ко мнѣ. Низшихъ служащихъ въ министерствѣ онъ задобривалъ, раздавая имъ щедрой рукой на чай.

Когда я былъ назначенъ министромъ, и отношенія Левинштейна къ министерству иностранныхъ дѣлъ были прекращены, то нѣкоторыя лица, и между прочимъ консулъ Бамбергъ въ Парижѣ дѣлалъ попытки воз-

обновить эти отношенія; этотъ консулъ неоднократно заходилъ ко мнѣ и упрекалъ меня за то, что я такъ дурно поступаю съ столь «прекраснымъ человѣкомъ», какъ Левинштейнъ, который занимаетъ такое положеніе при европейскихъ дворахъ.

Я нашелъ нужнымъ отмѣнить также нѣкоторые обычаи, укоренившіеся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Служившій много лѣтъ при министерствѣ старикъ швейцаръ, горькій пьяница, не могъ быть уволенъ безъ причины, какъ человѣкъ, состоявшій на казенной службѣ. Я заставилъ его подать прошеніе объ отставкѣ, пригрозивъ, что я притяну его въ судъ за то, что онъ «показываетъ меня за деньги», такъ какъ получая на чай, онъ впускалъ ко мнѣ всякаго. Когда онъ сталъ возражать, то я заставилъ его замолчать, сказавъ:

— Когда я былъ посланникомъ, развѣ вы не впускали меня къ г. Мантейфелю, когда я хотѣлъ—за одинъ талеръ и за два талера въ тѣ дни, когда было особенно строго приказано никого не принимать.

Моя собственная прислуга докладывала мнѣ иной разъ какія сумасшедшія деньги давалъ ей на чай Левинштейнъ. Дѣятельными агентами и взяточниками были нѣкоторые канцелярскіе служителя, опредѣленные въ министерство Мантейфелемъ и Штейницемъ; между ними былъ одинъ масонъ, человѣкъ слишкомъ извѣстный для занимаемой имъ второстепенной должности. Графъ Бернсторфъ, бывшій министромъ весьма короткое время, не могъ искоренить этого взяточничества; впрочемъ онъ былъ слишкомъ занятъ высшими дѣлами и своимъ графскимъ достоинствомъ, чтобы интересоваться этими мелочами. Я передалъ впослѣдствіи регенту со всѣми подробностями о моемъ свиданіи съ Левинштейномъ, высказалъ ему свое мнѣніе объ немъ и разсказалъ объ его отношеніяхъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ; но долженъ былъ выждать случая сдѣлать это устно, что представилось мнѣ только нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Я не разсчитывалъ, чтобы мое письменное сообщеніе объ Левинштейнѣ могло имѣть какой-либо успѣхъ, такъ какъ г. фонъ-Штейницъ покровительствовалъ ему не только у регента, но и у принцессы [1]), которая, передавая своему супругу слышанное, не имѣла обыкновенія отнестись къ дѣлу объективно, но всегда была готова взять сторону моихъ противниковъ.

---

[1]) Сравн. то, что обнаружилось при процессѣ гофрата Манхе, окт. 1891 г. Примѣчаніе Бисмарка.

IX.

Услуги, оказанныя императоромъ Николаемъ I Австріи въ 1849 г. и Пруссіи въ Ольмюцѣ.—Петербургское общество въ 1859 г.—Значеніе, которое придаютъ орденамъ въ Петербургѣ и Парижѣ.—Недружелюбное отношеніе молодаго поколѣнія даетъ себя чувствовать въ политикѣ. Отношеніе князя Горчакова къ Бисмарку.—Причины охлажденія къ нему Горчакова.—Стойкость русскаго солдата.—Донесенія Бисмарка возбуждаютъ подозрѣніе регента.—Перлюстрація писемъ въ Австріи.—Странный обычай, практиковавшійся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ.—Воспоминанія о посѣщеніи Москвы.—Болѣзнь и печальныя послѣдствія пользованія у врача-шарлатана.

Въ исторіи европейскихъ государствъ едва ли найдется еще примѣръ, чтобы монархъ великой державы оказалъ сосѣднему государству услугу, подобную той, которую оказалъ Австріи императоръ Николай. Видя опасное положеніе, въ какомъ она находилась въ 1849 г., онъ пришелъ ей на помощь съ 150.000 войскомъ, усмирилъ Венгрію, возстановилъ въ ней королевскую власть и отозвалъ свое войско, не потребовавъ за это отъ Австріи никакихъ уступокъ, никакого вознагражденія, не затронувъ даже спорнаго Восточнаго или Польскаго вопроса. Подобная же безкорыстная, дружеская услуга была оказана императоромъ Николаемъ и Пруссіи во внѣшней политикѣ во время Ольмюцкой конференціи. Еслибы даже эта услуга была вызвана не однимъ дружескимъ расположеніемъ, но и соображеніями политическаго характера, все же она превосходила все то, что одинъ монархъ сдѣлаетъ когда-либо для другого и можетъ быть объяснена только властнымъ и въ высокой степени рыцарскимъ характеромъ самодержавнаго монарха. Императоръ Николай смотрѣлъ въ то время на императора Франца-Іосифа какъ на своего преемника въ роли руководителя консервативнымъ тройственнымъ союзомъ, который былъ призванъ, по его мнѣнію, бороться съ революціей во всѣхъ ея проявленіяхъ. Своего собственнаго наслѣдника и короля Фридриха-Вильгельма онъ не считалъ подходящими для этой роли. Въ Венгріи и въ Ольмюцѣ императоръ Николай дѣйствовалъ въ убѣжденіи, что онъ, какъ представитель монархическаго принципа, предназначенъ судьбою объявить борьбу революціи, которая надвигалась съ Запада. Онъ былъ идеалистъ, и остался вѣренъ самому себѣ во всѣ пережитые имъ историческіе моменты.

Въ мое время въ петербургскомъ обществѣ было три типа людей, принадлежавшихъ къ тремъ различнымъ поколѣніямъ. Типъ знатнаго, европейски и классически образованнаго вельможи временъ Александра I вымиралъ. Къ нему можно было еще отнести Меншикова, Воронцова, Блудова, Нессельроде и по уму и образованію Горчакова, который нѣсколько уступалъ названнымъ лицамъ вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго тщеславія. Всѣ они, получивъ классическое образованіе, говорили совершенно свободно не только на французскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ и по своему образованію принадлежали къ сливкамъ европейскаго общества.

Второе поколѣніе, однихъ лѣтъ съ императоромъ Николаемъ, старалось во всемъ ему подражать: но въ своихъ разговорахъ эти лица ограничивались исключительно придворными сплетнями, бесѣдою о театрѣ, производствахъ и разныхъ происшествіяхъ въ военномъ мірѣ. Къ числу немногихъ лицъ этой категоріи, которые по своему умственному развитію приближались къ прежнему поколѣнію, принадлежали: старикъ князь Орловъ, который отличался твердымъ характеромъ, изысканной вѣжливостью обхожденія и былъ расположенъ къ Германіи; графы Адлербергъ, отецъ и сынъ, бывшій впослѣдствіи министромъ двора, и Петръ Шуваловъ, человѣкъ умный, которому не доставало только трудолюбія, чтобы играть видную роль; князь Суворовъ, болѣе другихъ симпатизировавшій намъ, нѣмцамъ. Къ типу генерала Николаевскихъ временъ, къ которому примѣшивались нѣкоторыя черты, свойственныя нѣмецкимъ буршамъ и усвоенныя имъ во время пребыванія въ нѣмецкихъ университетахъ; принадлежалъ главноуправляющій путями сообщеніями, генералъ Чевкинъ, человѣкъ въ высшей степени проницательный и остроумный, обладавшій тѣмъ особеннымъ свойствомъ ума, которымъ отличаются нерѣдко горбатые люди, который вѣчно ссорился съ княземъ Суворовымъ, хотя и считался въ числѣ его друзей, и, наконецъ, баронъ Петръ фонъ-Мейендорфъ, для меня лично самый симпатичный изъ пожилыхъ дипломатовъ. Онъ былъ въ свое время посланникомъ въ Берлинѣ и по своему образованію и утонченнымъ манерамъ принадлежалъ скорѣе къ людямъ Александровскихъ временъ. Служа въ молодости офицеромъ въ линейномъ полку, съ которымъ онъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ, Мейендорфъ обратилъ на себя вниманіе своимъ умомъ и личной храбростью и только благодаря своимъ способностямъ дошелъ до положенія государственнаго дѣятеля, мнѣніе котораго имѣло вѣсъ въ глазахъ императора Николая. Домъ Мейендорфа въ Берлинѣ и въ Петербургѣ отличался гостепріимствомъ, чему не мало способствовала его супруга, женщина въ высшей степени умная, благородная, привѣтливая, которая была блестящимъ подтвержденіемъ того факта, что въ семействѣ Буоль качества ума наслѣдственны въ женской линіи. Ея братъ, австрійскій министръ, графъ Буоль, не унаслѣдовалъ способностей, необходимыхъ для того, чтобы руководить политикой великой монархіи. Отношенія между братомъ и сестрою походили на отношенія, существовавшія между австрійской и русской политикой. Когда я былъ назначенъ въ 1852 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Вѣну, то ихъ отношенія были таковы, что г-жа Мейендорфъ, повинуясь вѣроятно инструкціямъ, полученнымъ ею отъ своего супруга, была готова облегчить мнѣ исполненіе моей миссіи, благожелательной для Австріи. Императоръ Николай хотѣлъ въ то время, чтобы между нами и Австріей установилось согласіе. Когда же, годъ или два спустя,

во время Крымской кампаніи, зашла рѣчь о моемъ назначеніи въ Вѣну, то г-жа Мейендорфъ выразила мнѣ надежду, что я буду въ Вѣнѣ и «разозлю Карла до того, что у него сдѣлается разлитіе желчи». Со стороны сестры желаніе довольно оригинальное. Какъ супруга русскаго генерала, г-жа Мейендорфъ была истой русской патріоткой; но я увѣренъ, что она и по своимъ собственнымъ взглядамъ не могла бы одобрить враждебной и неблагодарной политики, на которую графъ Буоль натолкнулъ Австрію.

Третье болѣе молодое поколѣніе петербургскаго общества значительно уступало первымъ двумъ относительно вѣжливости, манеръ и внѣшняго лоска и относилось гораздо менѣе сочувственно къ нѣмцамъ, въ особенности къ пруссакамъ.

Если кто-нибудь, не зная русскаго языка, обращался къ этимъ господамъ по-нѣмецки, то они отговаривались обыкновенно незнаніемъ этого языка и отвѣчали нелюбезно или вовсе отмалчивались и въ обращеніи со статскими не снисходили до той любезности, съ которой они относились другъ къ другу въ военномъ или чиновничьемъ кругу.

Въ Петербургѣ прислуга иностранныхъ посланниковъ носила, кромѣ присвоенной дипломатическому корпусу ливреи, въ видѣ отличія аксельбанты; это было весьма пріятно, такъ какъ иначе представители дипломатическаго корпуса, не имѣя обыкновенія носить на улицѣ мундира и орденовъ, могли имѣть весьма непріятныя столкновенія съ полиціей и съ лицами высшаго общества, подобно тому какъ зачастую подвергались на улицѣ непріятностямъ статскіе, если они не имѣли на шеѣ ордена или не были лично извѣстны полиціи, какъ лица, принадлежащія къ высшему обществу.

Въ Парижѣ, въ царствованіе Наполеона III, я наблюдалъ то же самое. Если бы мнѣ пришлось жить тамъ долѣе, то я ходилъ бы конечно по улицѣ не иначе какъ съ орденомъ въ петличкѣ, какъ французы. На одномъ изъ парижскихъ бульваровъ мнѣ пришлось однажды быть свидѣтелемъ такой сцены: во время какого-то празднества толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ не могла двинуться ни взадъ, ни впередъ вслѣдствіе того, что она попала между двумя отрядами войскъ, шедшими въ разныхъ направленіяхъ; полиція, не понимая причины этой остановки, стала усердно работать кулаками и награждать толпу столь излюбленными въ Парижѣ пинками, пока не наткнулась на господина, украшеннаго орденомъ. Красненькая ленточка, украшавшая его петлицу, подѣйствовала на полицейскихъ такъ магически, что они выслушали его возраженія и убѣдились, что толпа, которую они, не разобравъ дѣло, обвиняли въ упрямствѣ, была стиснута между двумя отрядами войскъ и слѣдовательно была не въ состояніи двинуться далѣе.

Старшій полицейскій вышелъ изъ затруднительнаго положенія, ска-

завъ шутя, указывая на отрядъ chasseurs de Vincennes, которые дефилировали ровнымъ шагомъ и на которыхъ онъ до сихъ поръ не обращалъ вниманія: «Eh bien! il faut enfoncer ça!» Публика, не исключая тѣхъ, кому досталось отъ полицейскихъ, расхохоталась; тѣ же, которые не пострадали въ свалкѣ, разошлись весьма признательные въ душѣ тому господину съ орденомъ, который спасъ ихъ своимъ присутствіемъ.

Если бы дальность разстояній не заставляла въ Петербургѣ постоянно ѣздить въ каретѣ съ лакеемъ при аксельбантѣ, то я точно такъ же считалъ бы необходимымъ выходить на улицу не иначе какъ имѣя русскій орденъ на шеѣ. Даже катаясь верхомъ въ статскомъ платьѣ, безъ конюха, и встрѣтивъ экипажъ какого-нибудь изъ высшихъ сановниковъ, которыхъ легко узнать по ливреѣ ихъ кучера, всегда могло случиться, что послѣдній окрикнетъ васъ или преградитъ вамъ путь. Кто хорошо правилъ лошадью и имѣлъ въ рукахъ хлыстъ, тотъ имѣлъ, по моему мнѣнію, полное право, въ подобномъ случаѣ, самолично расправиться съ нахаломъ. Но такъ какъ въ числѣ весьма немногихъ лицъ, катавшихся верхомъ въ окрестностяхъ Петербурга, большинство составляли купцы, нѣмцы или англичане, то они въ силу своего общественнаго положенія избѣгали непріятныхъ столкновеній и скорѣе были готовы что-либо снести, нежели обращаться съ жалобою къ властямъ. Изъ военныхъ весьма немногіе пользовались для верховой ѣзды прекрасными дорогами на островахъ или въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы; изъ офицеровъ катались верхомъ также по большей части одни нѣмцы. Всѣ старанія высшаго начальства пріохотить офицерство къ верховой ѣздѣ были напрасны. Замѣчательно, что лучшими ѣздоками между военными считались два адмирала: великій князь Константинъ Николаевичъ и князь Меншиковъ.

Не говоря объ искусствѣ верховой ѣзды, молодое поколѣніе уступало предшествовавшему, т. е. людямъ Николаевскихъ временъ, также относительно манеръ и хорошаго тона; а относительно образованія и европейскаго лоска оба они уступали старикамъ временъ Александра I. Но все же въ придворныхъ кругахъ и въ такъ называемомъ «обществѣ», а также въ аристократическихъ домахъ, подъ вліяніемъ дамскаго пола, поддерживался безусловно хорошій тонъ. Но нельзя сказать, чтобы молодые люди отличались изысканной вѣжливостью, когда съ ними приходилось сталкиваться при такихъ обстоятельствахъ, когда они были внѣ контроля придворной сферы и высшаго дамскаго круга. Была ли это реакція со стороны молодого поколѣнія противъ вліянія нѣмецкаго общества, которое было прежде довольно сильно, или причиною этого былъ упадокъ образованія въ русскомъ обществѣ по сравненію съ эпохою императора Александра I — рѣшить не берусь; быть можетъ это объ-

ясняется также вліяніемъ на молодежь парижскихъ нравовъ. Хорошія манеры и безупречно вѣжливый тонъ не составляютъ въ настоящее время отличительной черты высшаго французскаго общества, исключая Сенъ-Жерменскаго предмѣстья; я имѣлъ неоднократно случай убѣдиться въ этомъ, бывая въ обществѣ болѣе пожилыхъ мужчинъ во Франціи и дамъ всѣхъ возрастовъ во французскомъ и русскомъ обществѣ. Впрочемъ, такъ какъ мнѣ, по моему положенію въ Петербургѣ, не приходилось особенно часто сходиться съ молодымъ поколѣніемъ, то я вынесъ изъ моего пребыванія въ Россіи самое пріятное воспоминаніе, чему я обязанъ любезности придворныхъ и болѣе пожилыхъ дамъ и кавалеровъ свѣтскаго круга.

Непріязненное отношеніе къ Германіи со стороны молодого поколѣнія проявилось на политическомъ поприщѣ по отношенію ко мнѣ и другимъ лицамъ особенно рѣзко съ тѣхъ поръ, какъ мой русскій коллега князь Горчаковъ сталъ относиться и ко мнѣ со свойственнымъ ему высокомѣріемъ. Пока онъ видѣлъ во мнѣ только молодого сотоварища, въ политическомъ воспитаніи котораго онъ былъ готовъ принять участіе, до тѣхъ поръ онъ относился ко мнѣ въ высшей степени благосклонно. Желаніе оказать мнѣ довѣріе заставляло его нерѣдко переступать границы, допускаемыя дипломатами; можетъ быть онъ это дѣлалъ съ какой-либо предвзятой цѣлью, а можетъ быть имъ руководило въ этомъ случаѣ тщеславное желаніе похвастать передъ коллегой, въ преклоненіи коего передъ нимъ мнѣ удалось убѣдить его. Подобныя отношенія не могли продолжаться въ то время, когда, будучи уже прусскимъ министромъ, я не могъ долѣе поддерживать его иллюзій насчетъ его превосходства какъ частнаго человѣка и какъ государственнаго дѣятеля; какъ только я выступилъ въ болѣе самостоятельной роли прусскаго и нѣмецкаго общественнаго дѣятеля и его соперника, такъ его благоволеніе ко мнѣ обратилось мало-по-малу въ непріязнь.

Не помню, наступила ли эта перемѣна послѣ 1870 г. или я ее ранѣе не замѣчалъ. Въ первомъ случаѣ это можно объяснить причиной весьма уважительной и вполнѣ понятной со стороны русскаго канцлера, а именно несбывшимся ожиданіемъ по поводу того, что разладъ между нами и Австріей не прекратится и послѣ 1866 года. Мы охотно поддерживали въ 1870 году требованія русской политики, желая освободить ее отъ стѣснительныхъ для нея условій Парижскаго трактата относительно Чернаго моря. Эти условія были противоестественны; запрещеніе свободнаго плаванія у своихъ собственныхъ береговъ не могло быть долго терпимо такой державою, какъ Россія, ибо оно было для нея унизительно. Къ тому же наши собственные интересы не требовали, чтобы мы мѣшали Россіи употреблять избытокъ своихъ силъ на Востокѣ; мы должны радоваться тому, что на нашемъ пути и въ нашемъ историче-

скомъ развитіи находится въ Европѣ держава, съ которой наши политическіе интересы отнюдь не сталкиваются, какъ это было до сихъ поръ относительно Россіи. Съ Франціей мы никогда не можемъ жить въ мирѣ, съ Россіей у насъ никогда не будетъ повода воевать, если наши отношенія не будутъ испорчены либеральными мечтаніями или династическими недоразумѣніями.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ въ 1859 году слѣдующій случай далъ мнѣ понятіе объ одной отличительной чертѣ русскаго характера.

Ранней весною любимымъ мѣстомъ прогулокъ придворнаго общества былъ Лѣтній садъ. Императору бросилось однажды въ глаза, что на одной изъ лужаекъ стоялъ на часахъ солдатъ. На вопросъ, почему онъ тутъ стоитъ, солдатъ могъ только отвѣтить, что «такъ приказано», поэтому императоръ приказалъ своему адъютанту узнать у караульнаго офицера, почему тутъ именно поставленъ часовой, но офицеръ также не могъ этого объяснить; ему было извѣстно, что на этомъ посту зимою и лѣтомъ стоитъ часовой, но причины этого распоряженія онъ не зналъ. Это заинтересовало всѣхъ при дворѣ и объ этомъ часовомъ говорили во дворцѣ цѣлый день. Въ числѣ служителей нашелся одинъ старый слуга, состоявшій уже на пенсіи, который сообщилъ, услыхавъ этотъ разговоръ, что его отецъ, гуляя съ нимъ однажды въ Лѣтнемъ саду и проходя мимо этой лужайки, сказалъ ему:

— Посмотри, часовой все еще стоитъ и караулитъ цвѣтокъ. Императрица Екатерина увидѣла однажды на этомъ мѣстѣ раннею весною подснѣжникъ и приказала слѣдить, чтобы его не сорвали. Для этого тутъ былъ поставленъ часовой, и съ тѣхъ поръ онъ стоитъ тутъ изъ года въ годъ.

Это кажется намъ на первый взглядъ смѣшно, но, по моему мнѣнію, въ этомъ фактѣ выражается та непосредственность, та стойкость и выносливость, которыя составляютъ отличительную черту характера русскаго человѣка по сравненію съ остальными европейцами. Невольно вспоминаешь при этомъ часовыхъ, которые утонули на своемъ посту во время наводненія въ Петербургѣ въ 1825 г. и замерзли на Шипкѣ въ 1877 г.

Занимая должность посланника въ Петербургѣ во время Италіанской войны, я думалъ, что мнѣ удастся имѣть вліяніе на рѣшенія берлинскаго кабинета, такъ, какъ мнѣ это удавалось съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ то время, когда я находился во Франкфуртѣ; я не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что огромный трудъ, потраченный мною съ этой цѣлью на составленіе моихъ донесеній, не приносилъ ровно никакой пользы, такъ какъ ни собственноручныя мои донесенія, ни сообщенія, которыя посылались мною въ видѣ собственноручныхъ писемъ,

не доходили до свѣдѣнія регента или доходили до него съ такими коментаріями, которыя уничтожали весь ихъ смыслъ. Единственнымъ результатомъ всѣхъ моихъ стараній было то, что болѣзнь, которою я страдалъ въ то время, ухудшилась и что безпристрастность моихъ донесеній, въ коихъ я излагалъ взгляды императора, возбудила подозрѣніе, и въ Петербургъ былъ посланъ графъ Мюнстеръ, бывшій нѣкогда военно уполномоченнымъ въ Россіи, чтобы провѣрить справедливость всего сообщаемаго мною. Я имѣлъ возможность доказать графу, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что мои донесенія были основаны на собственноручныхъ замѣткахъ императора, дѣлаемыхъ имъ на поляхъ докладовъ, которые представляютъ ему русскіе дипломаты и которые были мнѣ показаны княземъ Горчаковымъ, и на словесныхъ сообщеніяхъ друзей, которыхъ я имѣлъ въ министерствѣ и при дворѣ. Можетъ быть собственноручныя замѣтки императора были показаны мнѣ съ умысломъ, чтобы ихъ содержаніе дошло неофиціальнымъ путемъ до Берлина.

Весьма характеренъ, въ виду тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, самый способъ, коимъ мнѣ дѣлались нерѣдко весьма важныя сообщенія. Тотъ, кто дѣлалъ мнѣ эти сообщенія, уходя, оборачивался напримѣръ въ дверяхъ и говорилъ: «Первая откровенность вынуждаетъ меня ко второй. Вы навѣрно передадите все, что я вамъ сказалъ въ Берлинъ, не пользуйтесь только для этого вашимъ шифромъ за № такимъ то, мы уже много лѣтъ имѣемъ къ нему ключъ и у насъ, разумѣется, сочли бы, что эти свѣдѣнія получены отъ меня. Прошу васъ также не бросать теперь же скомпрометированнаго шифра, но употреблять его еще въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ для самыхъ невинныхъ телеграммъ».

Для своего собственнаго успокоенія, я заключилъ тогда изъ этихъ словъ, что русскимъ былъ извѣстенъ одинъ только этотъ шифръ. Сохранить тайну шифра въ Петербургѣ было весьма трудно, такъ какъ у всякаго посольства въ числѣ низшихъ служащихъ и прислуги были русскіе люди, и тайная полиція легко могла вербовать себѣ агентовъ.

Во время войны Австріи съ Франціей, императоръ Александръ жаловался мнѣ однажды въ откровенной бесѣдѣ, на рѣзкій и даже оскорбительный тонъ, коимъ нѣмецкіе принцы критиковали русскую политику въ своихъ письмахъ къ особамъ императорскихъ фамилій.

— Всего обиднѣе, сказалъ императоръ, что господа нѣмецкіе кузены посылаютъ свои грубыя выходки по почтѣ, съ тою цѣлью, чтобы онѣ вѣрнѣе доходили до моего вѣдома.

Въ Вѣнѣ также существовалъ нѣкогда подобный обычай. Было время, до постройки желѣзныхъ дорогъ, когда лишь только прусскій курьеръ успѣвалъ переѣхать австрійскую границу, къ нему въ экипажъ

тотчасъ садился австрійскій чиновникъ, который съ поразительной ловкостью вскрывалъ при его же помощи депеши и дѣлалъ изъ нихъ выписки прежде, нежели онѣ были доставлены въ посольство въ Вѣну. Даже когда этотъ обычай уже не существовалъ, кабинеты считали болѣе цѣлесообразнымъ, въ видахъ осторожности, сноситься между собою изъ Вѣны и Петербурга простыми письмами, которыя посылались на имя тамошнихъ прусскихъ посланниковъ.

Въ бытность мою посланникомъ въ Вѣнѣ, въ 1852 г., я былъ пораженъ существовавшимъ тамъ весьма страннымъ обыкновеніемъ, а именно: если посланнику надобно было что-либо сообщить вѣнскому кабинету, то онъ долженъ былъ предъявлять австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ въ оригиналѣ инструкцію, коей онъ былъ на это уполномоченъ изъ Берлина. Этотъ обычай во всякомъ случаѣ крайне неудобный въ дѣловомъ отношеніи и при которомъ дѣятельность посланника, какъ дипломатическаго посредника, оказывалась въ сущности излишнею,—укоренился такъ глубоко, что когда я возсталъ противъ него, то правитель канцеляріи, давно уже состоявшій при посольствѣ, началъ доказывать мнѣ, что если австрійцы измѣнятъ этотъ порядокъ, существовавшій въ теченіе многихъ лѣтъ, то это можетъ возбудить подозрѣніе императорскаго кабинета въ томъ, дѣйствительно ли все сказанное мною графу Буолю соотвѣтствуетъ смыслу присланныхъ мнѣ инструкцій и слѣдовательно намѣреніямъ берлинской политики.

Чтобы обезпечить себя отъ нескромности чиновниковъ, служащихъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Вѣнѣ прибѣгали иногда къ весьма энергичнымъ средствамъ. Я имѣлъ однажды въ рукахъ секретный документъ австрійскаго правительства, изъ котораго мнѣ запомнилась слѣдующая фраза:

«Kaunitz ne sachant pas démêler, le quel de ses quatre commis l'avait trahi, les fit noyer tous les quatre dans le Danube moyennant un bateau à soupape».

Разговаривая однажды въ 1853 или 1854 г. съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, барономъ Будбергомъ, я сказалъ ему, между прочимъ, что я подозрѣваю одного чиновника въ томъ, что, исполняя возложенное на него порученіе, онъ дѣйствовалъ въ интересахъ посторонней державы. Будбергъ сказалъ мнѣ на это: «Если этотъ человѣкъ вамъ мѣшаетъ, пошлите его въ архипелагъ, мы имѣемъ тамъ вѣрное средство отдѣлаться отъ него»,—а когда я спросилъ его испуганно: «Надѣюсь, вы не хотите его утопить?» то онъ продолжалъ смѣясь: «Нѣтъ, онъ исчезнетъ въ нѣдрахъ Россіи, но такъ какъ это человѣкъ повидимому способный, то онъ появится со временемъ въ образѣ благоденствующаго русскаго чиновника».

Въ началѣ іюня 1859 г. я ѣздилъ на короткое время въ Москву. Это

было во время Италіанской войны. Въ этомъ городѣ я былъ свидѣтелемъ одного факта, который ясно показалъ мнѣ, какъ велика была въ то время ненависть русскихъ къ Австріи. Осматривая въ сопровожденіи московскаго генералъ-губернатора князя Долгорукова одну библіотеку, я увидѣлъ на груди у одного изъ служащихъ при этой библіотекѣ желѣзный крестъ; на мой вопросъ, по какому случаю онъ получилъ его, унтеръ-офицеръ отвѣчалъ: «за Кульмское сраженіе». Дѣйствительно, послѣ этого сраженія Фридрихъ-Вильгельмъ III приказалъ изготовить довольно большое число желѣзныхъ крестовъ нѣсколько измѣненнаго образца, которые раздавались русскимъ солдатамъ и были названы Кульмскимъ крестомъ. Я поздравилъ стараго служаку, который по прошествіи 46 лѣтъ выглядѣлъ еще совершенно бодрымъ; онъ отвѣтилъ мнѣ на мое привѣтствіе, что онъ и сейчасъ готовъ идти на войну, если на это послѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе. Я спросилъ его, противъ кого же онъ хотѣлъ бы воевать, противъ Италіи или противъ Австріи; на это онъ отвѣчалъ весело и бодро, вытянувшись въ струнку: «конечно противъ Австріи», а когда я замѣтилъ, что подъ Кульмомъ Австрія была другомъ Пруссіи и Россіи, а Италія нашимъ врагомъ, то унтеръ-офицеръ, стоя все въ той же почтительной позѣ, сказалъ громко и отчетливо, какъ русскіе солдаты говорятъ съ офицерами: «честный врагъ лучше невѣрнаго друга». Этотъ отвѣтъ привелъ князя Долгорукова въ такой восторгъ, что онъ заключилъ унтеръ-офицера въ свои объятія и отъ души дважды облобызалъ его. Таково было въ то время настроеніе противъ Австріи въ русскомъ войскѣ, отъ генерала до солдата.

Воспоминаніемъ о моей поѣздки въ Москву служатъ слѣдующія письма, коими я обмѣнялся съ княземъ Оболенскимъ.

Москва. 2-го іюня 1859 г.

«Посѣтивъ недавно Москву, ваше превосходительство обратили вниманіе на памятники нашей древней политической и общественной жизни. Старинныя зданія Кремля, домашняя утварь русскихъ царей, драгоцѣнныя греческія рукописи патріаршей библіотеки—обратили въ особенности ваше просвѣщенное вниманіе. Замѣчанія, сдѣланныя вашимъ превосходительствомъ по поводу этихъ историческихъ памятниковъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что обладая въ совершенствѣ познаніями дипломата вы обладаете также основательными свѣдѣніями по части археологіи. Вниманіе, съ коимъ вы отнеслись къ памятникамъ нашей отечественной старины, было для меня особенно пріятно, какъ русскому и какъ человѣку, посвящающему свои досуги археологіи. Позвольте поднести вашему превосходительству, въ воспоминаніе вашего кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ и моего пріятнаго знакомства съ вами, экземпляръ книги, содержащей описаніе «Избранія на царство и вступленія

на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича». На рисункахъ, приложенныхъ къ этому изданію, которые, не отличаясь особенно художественнымъ исполненіемъ, интересны по ихъ древности, вы увидите изображеніе тѣхъ же зданій и предметовъ, которые такъ заинтересовали васъ въ Кремлѣ. Примите и пр. кн. М. Оболенскій».

Петербургъ (іюль, 1859 г.)

«Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, еслибы, послѣ любезнаго пріема, оказаннаго мнѣ вами въ Москвѣ, я не отвѣчалъ вашему превосходительству безъ особенно уважительныхъ причинъ цѣлыхъ четыре недѣли на письмо, коимъ вы меня удостоили. Вернувшись изъ Москвы я серьезно заболѣлъ чѣмъ-то въ родѣ подагры; сильныя боли пригвоздили меня на цѣлый мѣсяцъ къ постели; а рѣдкіе просвѣты, которые оставляла мнѣ болѣзнь, были поглощены текущими дѣлами, запущенными во время моей болѣзни. Еще сегодня я не въ состояніи ходить, хотя въ общемъ чувствую себя лучше, такъ что я постараюсь исполнить приказаніе моего правительства, которое отзываетъ меня въ Берлинъ. Простите меня за эти подробности, князь, но онѣ были необходимы, чтобы объяснить вамъ мое молчаніе.

«Я надѣялся, что промедливъ отвѣтомъ, я буду имѣть возможность присоединить къ моему письму отвѣтъ, ожидаемый мною изъ Берлина, по поводу посылки, которую вы поручили мнѣ доставить его королевскому величеству. Я еще не получилъ его, но я не могу уѣхать отсюда не высказавъ вашему превосходительству, какъ я пораженъ любезностью и рѣдкимъ достоинствомъ, съ коимъ вы исполняете обязанности начальника ввѣреннаго вамъ учрежденія [1]) и представителя первопрестольной столицы, являя иностранцу примѣръ истинно русскаго гостепріимства. Роскошная книга, присланная вами, всегда будетъ драгоцѣннымъ украшеніемъ моей библіотеки; съ нею всегда будетъ связано воспоминаніе о русскомъ дворянинѣ, который умѣетъ такъ хорошо сочетать извѣстность ученаго съ достоинствами истиннаго вельможи. Примите и пр. фонъ-Бисмаркъ».

Въ іюнѣ 1859 г., не успѣвъ еще свыкнуться съ петербургскимъ климатомъ, я сдѣлалъ одну неосторожность: я отправился однажды, послѣ продолжительной ѣзды въ сильно натопленномъ манежѣ, домой безъ верхняго платья и по дорогѣ смотрѣлъ нѣкоторое время на ученье рекрутъ. На слѣдующій день у меня появился ревматизмъ во всѣхъ суставахъ, отъ котораго мнѣ пришлось долго лечиться. Однако я успѣлъ оправиться къ тому времени, когда мнѣ надобно было ѣхать въ Германію за женою; я чувствовалъ только нѣкоторую боль въ лѣвой ногѣ,

[1]) Главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

которую я повредилъ на охотѣ въ Швеціи въ 1857 г., отъ чего я не вылечился тогда окончательно. Докторъ Вальцъ, рекомендованный мнѣ передъ отъѣздомъ великой герцогиней Баденской, предложилъ прописать мнѣ противъ этой боли какое-то средство, а когда я сказалъ ему, что я не чувствую въ этомъ надобности, такъ какъ боль въ ногѣ незначительная, то онъ сталъ убѣждать меня, говоря, что она можетъ ухудшиться въ дорогѣ и что средство, которое онъ мнѣ пропишетъ, самое невинное:—это не что иное какъ пластырь, который надобно приложить на подколѣнную чашку и который, пролежавъ нѣсколько дней, самъ отвалится, оставивъ только маленькую красноту. Ничего не зная о предъидущей практикѣ этого врача, который окончилъ курсъ въ Гейдельбергѣ, я имѣлъ неосторожность послѣдовать его совѣту. Четыре часа спустя послѣ того, какъ былъ приложенъ на ночь этотъ пластырь, я проснулся отъ страшной боли и поспѣшно сорвалъ его, но не могъ вполнѣ удалить липкое вещество отъ растравленнаго колѣна. Нѣсколько часовъ спустя пріѣхалъ Вальцъ и попробовалъ удалить черную липкую массу, выскребывая ее ножичкомъ изъ раны, величиною съ ладонь. Боль была нестерпимая; удаленіе пластыря не достигло цѣли, ибо разъѣдающее дѣйствіе ядовитаго состава не прекратилось. И несмотря на рекомендацію высочайшей особы, я убѣдился въ крайнемъ невѣжествѣ и недобросовѣстности доктора Вальца. Онъ самъ сознался съ улыбкой, что въ мази было немного переложено лекарственнаго снадобья, что это ошибка аптекаря. Тогда я велѣлъ попросить изъ аптеки рецептъ, но получилъ отвѣтъ, что Вальцъ взялъ его обратно; а докторъ сказалъ мнѣ, что онъ уже его уничтожилъ. Такимъ образомъ никакъ нельзя было доказать, кто тутъ виноватъ; аптекарь объяснилъ мнѣ, что главною составною частью мази было то самое вещество, которое употребляется для приготовленія, такъ называемыхъ, обыкновенныхъ шпанскихъ мушекъ и что вещество это, насколько онъ помнитъ, было положено въ необычайно большой дозѣ. Нѣкоторыя лица спрашивали меня впослѣдствіи, не было ли это сдѣлано съ умысломъ; но я приписываю этотъ фактъ просто невѣжеству и неосторожности врача-шарлатана.

Онъ былъ назначенъ, по рекомендаціи вдовствующей великой герцогини Баденской, директоромъ всѣхъ дѣтскихъ больницъ въ Петербургѣ. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что это былъ сынъ кондитера въ Гейдельбергѣ; будучи студентомъ, онъ ничего не дѣлалъ и не выдержалъ выпускного экзамена. Его мазью была повреждена у меня вена, отъ чего я страдалъ много лѣтъ.

Желая посовѣтоваться съ германскими врачами, я поѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ моремъ изъ Штеттина въ Берлинъ; жестокія боли вынудили меня прибѣгнуть за совѣтомъ къ извѣстному хирургу Пирогову, который ѣхалъ на пароходѣ вмѣстѣ со мною; онъ хотѣлъ ампутировать мнѣ

ногу и на мой вопросъ ниже или выше колѣна, указалъ на одно мѣсто гораздо выше колѣна. Я не согласился на операцію; безуспѣшно испробовавъ въ Берлинѣ разные способы леченія, я отправился на купанье въ Наугеймъ, гдѣ пользовался подъ наблюденіемъ профессора Бенеке изъ Марбурга и поправился настолько, что могъ ходить, ѣздить верхомъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ могъ даже сопровождать принца-регента въ Варшаву, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ царемъ. Когда, на обратномъ пути въ Петербургъ, я заѣхалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ г. Бѣлову въ Гогендорфѣ, то сгустокъ крови, образовавшійся въ поврежденной венѣ и закупорившій ее, прорвался и, какъ говорили врачи, попалъ въ кровообращеніе, вызвавъ воспаленіе въ легкихъ; доктора считали мою болѣзнь смертельной, но я выздоровѣлъ, проболѣвъ весьма серьезно цѣлый мѣсяцъ. Въ началѣ марта 1860 г. я уже настолько поправился, что могъ поѣхать въ Берлинъ, гдѣ въ ожиданіи окончательнаго выздоровленія, принималъ участіе въ засѣданіяхъ палаты господъ.

Я пробылъ въ Берлинѣ весь май.

X.

Обсужденіе вопроса о назначеніи Бисмарка министромъ иностранныхъ дѣлъ.—Перемѣна въ отношеніи къ Бисмарку королевы.—Назначеніе князя Гогенлоэ временнымъ главою кабинета.—Отозваніе Бисмарка изъ Петербурга и назначеніе его въ Парижъ.—Переписка съ Роономъ.—Разговоръ съ Наполеономъ III; онъ предлагаетъ заключить союзъ съ Пруссіей.—Предложенія, сдѣланныя Наполеону Австріей.—Поѣздка на югъ Франціи.—Бисмарка вызываютъ въ Берлинъ.—Аудіенція у кронпринца.—Аудіенція въ Бабельсбергѣ.—Назначеніе Бисмарка главою кабинета.

Въ это время князь Гогенцоллернъ и Рудольфъ фонъ-Ауерсвальдъ подняли вопросъ о моемъ назначеніи министромъ иностранныхъ дѣлъ. По этому поводу во дворцѣ собрался яко бы совѣтъ, въ которомъ участвовали князь Гогенцоллернъ, Ауерсвальдъ, Шлейницъ и я. Регентъ открылъ засѣданіе, предложивъ мнѣ изложить мою политическую программу. Я изложилъ ее въ томъ духѣ, какого я держался впослѣдствіи, въ бытность мою министромъ, и сказалъ, что самымъ больнымъ мѣстомъ нашей политики я считаю ея слабость по отношенію къ Австріи, составляющую ея отличительную черту со времени Ольмюцкой конференціи и въ особенности въ послѣдніе годы, во время италіанскаго кризиса.

Если бы явилась возможность рѣшить нашъ національный вопросъ

совмѣстно съ Австріей, тѣмъ лучше. Но это возможно только тогда, если бы въ Вѣнѣ были увѣрены, что мы не побоимся въ противномъ случаѣ разрыва съ нею и войны. Будучи противникомъ Австріи, намъ легче сохранить желательное для насъ согласіе съ Россіей, нежели когда мы будемъ ея союзниками; впрочемъ, насколько я знаю петербургскій дворъ и руководящіе имъ взгляды, я и въ этомъ случаѣ не считаю это совершенно невозможнымъ. Со времени Крымской кампаніи и возстанія въ Польшѣ, Россія имѣетъ по отношенію къ намъ обязательства, которыя, если мы съумѣемъ ими воспользоваться, дадутъ намъ возможность войти въ соглашеніе съ Австріей, не нарушая этимъ дружественныхъ отношеній къ Россіи; но я боюсь, что соглашеніе съ Австріей немыслимо потому, что въ Вѣнѣ слишкомъ преувеличиваютъ свою власть и имѣютъ слишкомъ жалкое понятіе о могуществѣ Пруссіи; во всякомъ случаѣ соглашеніе это не можетъ быть достигнуто до тѣхъ поръ, пока въ Австріи не убѣдятся совершенно серьезно въ нашей готовности къ разрыву и къ войнѣ. Видя какой политики мы держались послѣдніе десять лѣтъ, въ Вѣнѣ перестали вѣрить въ возможность подобнаго исхода; тамъ свыклись съ основными пунктами Ольмюцкой конференціи, считаютъ ихъ неизмѣнными и забываютъ или не принимаютъ во вниманіе, что результатъ Ольмюцкой конвенціи объясняется главнымъ образомъ неблагопріятнымъ положеніемъ, въ какомъ мы находились во время этой конференціи вслѣдствіе разрозненія нашихъ кадровъ и того обстоятельства, что вліяніе Россіи заставило въ то время чашу вѣсовъ склониться въ пользу Австріи, тогда какъ послѣ Крымской войны ея отношеніе къ Австріи совершенно измѣнилось. Между тѣмъ австрійская политика предъявляетъ намъ и послѣ 1856 г. такія же требованія, какъ въ то время, когда императоръ Николай былъ за нее, но противъ Пруссіи. Наше безпрекословное подчиненіе австрійскимъ иллюзіямъ напоминаетъ извѣстный опытъ съ курицей, которая не двигается съ мѣста, когда вокругъ нея начертятъ кругъ мѣломъ. Увѣренность Австріи въ томъ, что графъ Буоль, пользуясь услугами прессы и располагая значительными суммами секретнаго фонда, будетъ въ состояніи поддержать фантастическія мечты австрійскаго правительства и игнорировать прочное положеніе, какое займетъ Пруссія какъ только она рѣшится пересилить боязнь, внушаемую ей чертою, очерченною мѣломъ. Для какихъ цѣлей предназначался австрійскій секретный фондъ, регенту было уже извѣстно.

Когда я изложилъ свой взглядъ, то Шлейницу было предложено сдѣлать на него возраженія. Онъ сослался при этомъ на завѣщаніе Фридриха-Вильгельма III, т. е. ловко затронулъ струну, которая всегда могла найти отголосокъ въ душѣ регента; онъ обратилъ вниманіе на недоразумѣнія и опасности, которыя могли угрожать съ Запада (изъ

Парижа) и внутри государства, если бы мы не старались поддержать добрыхъ отношеній къ Австріи, хотя и имѣли полнѣйшее основаніе претендовать на нее. Онъ выяснилъ опасность франко-русскаго союза, о которомъ уже говорили тогда въ прессѣ, и указалъ на то, что союзъ Пруссіи съ Россіей не встрѣтитъ одобренія общественнаго мнѣнія.

Весьма характерно, что едва Шлейницъ договорилъ послѣднія слова своей рѣчи, которая была произнесена имъ безъ запинки и очевидно подготовлена заранѣе, регентъ сказалъ, что въ уваженіе къ традиціямъ предковъ онъ соглашается съ мнѣніемъ министра Шлейница; на этомъ совѣщаніе безъ дальнѣйшихъ преній было окончено.

Поспѣшность, съ какою регентъ произнесъ свое рѣшеніе послѣ того, какъ министръ сказалъ свое послѣднее слово, возбудила во мнѣ подозрѣніе, что вся эта mise en scène была подготовлена и разыграна по желанію принцессы, чтобы придать для вида взглядамъ князя Гогенцоллерна и Ауерсвальда нѣкоторое значеніе, хотя въ то время она уже не сходилась съ ними и не одобряла намѣренія усилить кабинетъ моимъ присутствіемъ.

Въ политическихъ взглядахъ принцессы, которые имѣли большой вѣсъ въ глазахъ ея супруга и министра, гораздо бо̀льшую роль играли ея антипатіи, нежели какая-либо опредѣленная, ясная цѣль. Предметомъ ея антипатій была Россія, Людовикъ-Наполеонъ, съ которымъ меня подозрѣвали въ сношеніяхъ, наконецъ я самъ, за мою любовь къ независимости во мнѣніяхъ и за неоднократный отказъ защищать взгляды ея высочества у ея супруга какъ мои собственные. Лица, пользовавшіяся ея благоволеніемъ, дѣйствовали въ томъ же духѣ. Шлейницъ въ политическомъ отношеніи былъ ея креатурою; это былъ царедворецъ, вполнѣ подчиненный ей и не имѣвшій своихъ собственныхъ убѣжденій.

Князь Гогенцоллернъ, убѣдясь въ томъ, что принцесса и Шлейницъ, при ея покровительствѣ, были сильнѣе его, въ скоромъ времени фактически удалился отъ дѣлъ, хотя номинально оставался въ званіи президента министровъ до сентября мѣсяца 1862 г. Дѣлами руководилъ въ это время Ауерсвальдъ, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ все время, пока я былъ въ Берлинѣ. Онъ былъ человѣкъ весьма любезный въ обхожденіи и, какъ политическій дѣятель, обладалъ выдающими способностями; когда я былъ назначенъ два мѣсяца спустя первымъ министромъ, то онъ много помогъ мнѣ разсѣевая сомнѣнія и опасенія насчетъ будущаго нашей страны, которыя внушались кронпринцу Англіей противъ меня, какъ приверженца Россіи и которыя привели къ Данцигскому пронунціаменто. На смертномъ одрѣ [1]) Ауерсвальдъ просилъ кронпринца посѣтить его, предостерегалъ его отъ опасности,

[1]) Ауерсвальдъ скончался 15-го января 1866 г.

которую могла причинить монархіи его оппозиція, и просилъ принца держаться за меня [1]).

Лѣтомъ 1861 г. въ министерствѣ происходила ожесточенная борьба, по поводу вопроса о присягѣ новому королю, которая едва не повела къ отставкѣ кабинета.

3-го іюля король издалъ манифестъ, въ которомъ было заявлено, что не отмѣняя освященной обычаемъ присяги, но, принимая во вниманіе перемѣны, внесенныя въ конституцію въ правленіе его брата, онъ рѣшилъ замѣнить присягу торжественнымъ обрядомъ коронованія, коимъ положено начало наслѣдственной королевской власти.

По желанію министра фонъ-Шлейница я отправился 10-го іюля въ Баденъ-Баденъ, чтобы представиться королю. Онъ видимо былъ непріятно пораженъ моимъ появленіемъ, полагая вѣроятно, что я пріѣхалъ говорить съ нимъ по поводу министерскаго кризиса. Я сказалъ, что насколько мнѣ извѣстно, кризисъ разрѣшился благополучно и я пріѣхалъ только просить у него дозволенія продлить мой отпускъ до осени и присутствовать на предстоявшей коронаціи, т. е. пробыть въ Берлинѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Король любезно изъявилъ на это свое согласіе и пригласилъ меня къ обѣду.

Пробывъ августъ и сентябрь въ Рейнфельдѣ и Столпмюндѣ, я пріѣхалъ, 13-го октября, въ Кенигсбергъ, гдѣ 18-го числа совершилась коронація.

Во время коронаціонныхъ празднествъ я замѣтилъ нѣкоторую перемѣну въ отношеніи ко мнѣ королевы. Она сама пожелала говорить со мной о нѣмецкой національной политикѣ. Въ Кенигсбергѣ я видѣлъ впервые Бернсторфа министромъ; онъ, очевидно, не выработалъ еще опредѣленной политической программы, и произвелъ на меня впечатлѣніе, какъ-будто онъ хотѣлъ слышать мое мнѣніе. Королева уже много лѣтъ не была со мной такъ любезна; она, видимо, хотѣла выказать мнѣ свое благоволеніе даже въ бо̀льшей степени, нежели это соотвѣтствовало желанію короля. Однажды, въ такой моментъ, когда, въ виду церемоніала, совершенно неудобно было вести разговоръ, увидавъ меня въ толпѣ, она остановилась передо мной и завела со мной разговоръ о нѣмецкой политикѣ, и король, который велъ ее подъ руку, довольно долго не могъ прекратить этого разговора.

Король и королева держали себя въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ такъ, что можно было предположить, что они не сходятся во взглядахъ на задачи нѣмецкой національной политики; мнѣ кажется, ея

---

[1]) Сравн. Aus dem Leben Theodor von Bernhardis, VI, 227—324.
Примѣч. издателя.

величество не симпатизировала графу Бернсторфу. Король избѣгалъ говорить со мною о политикѣ, опасаясь, вѣроятно, прослыть, вслѣдствіе близкихъ отношеній ко мнѣ, реакціонеромъ. Онъ опасался этого еще въ маѣ и даже въ сентябрѣ 1862 года и считалъ меня болѣе непримиримымъ, нежели я былъ на самомъ дѣлѣ. На это вліяло, вѣроятно, воспоминаніе о критической оцѣнкѣ дарованій новаго кабинета, сдѣланной мною передъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

Назначеніе, въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года, князя Адольфа Гогенлоэ-Ингельфингена первымъ министромъ на мѣсто князя Гогенцоллерна, было своего рода министерской уловкой, сдѣланной въ расчетѣ, что это назначеніе продлится не долго. Князь былъ человѣкъ не глупый, обходительный и безусловно преданный королю; хотя онъ принималъ довольно поверхностное участіе въ дѣлахъ нашей внутренней политики, но, во всякомъ случаѣ, онъ интересовался ею болѣе, чѣмъ большинство его современниковъ, изъ числа помѣстнаго дворянства; но все же онъ ни физически, ни умственно не доросъ до того, чтобы занять постъ перваго министра въ столь тревожное время; я въ этомъ вполнѣ убѣдился, увидѣвъ его, въ маѣ 1862 года, когда онъ умолялъ меня стать какъ можно скорѣе во главѣ министерства и тѣмъ избавить его отъ мучительной обязанности, подъ бременемъ которой онъ изнемогалъ.

Я не могъ тогда исполнить его желаніе и не чувствовалъ къ тому надобности. Слѣдя за нашей парламентской политикой, я предвидѣлъ, что мнѣ будетъ сдѣлано подобнаго рода предложеніе, когда я былъ вызванъ изъ Петербурга въ Берлинъ. Не скажу, чтобы эта мысль была мнѣ пріятна или чтобы она настроила меня особенно радостно; я не былъ увѣренъ, что его величество будетъ въ состояніи противостоять, съ достаточной твердостью, вліянію, которое на него оказывали въ семьѣ; мнѣ помнится, что я переступилъ границу моего отечества въ Эйдкуненѣ далеко не съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, какъ обыкновенно. Меня тревожила мысль, что мнѣ предстоитъ трудная и отвѣтственная обязанность, и что мнѣ придется отказаться отъ пріятной, не особенно отвѣтственной, но видной должности посланника. При этомъ я не могъ знать какого рода поддержку я встрѣчу въ борьбѣ съ возраставшимъ потокомъ парламентаризма со стороны короля, его супруги, моихъ коллегъ и вообще всей страны, и какъ далеко оно будетъ простираться. Жить въ гостиницѣ, въ Берлинѣ, безъ всякаго дѣла, въ чаяніи мѣста, подобно тѣмъ посланникамъ, которые интриговали тамъ во времена Мантейфеля, не соотвѣтствовало чувству собственнаго моего достоинства. Я просилъ графа Бернсторфа выхлопотать мнѣ какое-либо назначеніе или просить объ увольненіи меня въ отставку. Графъ еще не потерялъ тогда надежду удержаться на своемъ посту; онъ предложилъ послать меня въ Парижъ и въ нѣсколько часовъ устроилъ мое назначеніе. Оно состоялось 22-го

мая, а 1-го іюня я уже вручилъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ свои вѣрительныя грамоты. На слѣдующій день я писалъ Роону [1]).

«Я прибылъ сюда благополучно, живу здѣсь какъ крыса въ пустомъ амбарѣ и вынужденъ, холодной и дождливой погодой, сидѣть дома. Вчера состоялась моя торжественная аудіенція, съ поѣздкой въ императорскихъ каретахъ и обычнымъ церемоніаломъ. Аудіенція была непродолжительна и пріятна, обошлась безъ разговоровъ о политикѣ, который отложенъ на un de ces jours, впредь до частной аудіенціи. Императрица очень хороша собою, какъ всегда. Вчера вечеромъ прибылъ фельдъегерь, но не привезъ мнѣ ничего изъ Берлина, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ депешъ изъ Даніи. Я ожидалъ письма отъ васъ. Изъ письма, полученнаго Рейссомъ отъ Бернсторфа, я вижу, что послѣдній разсчитываетъ, навѣрняка, на мое продолжительное пребываніе въ Парижѣ и на свое въ Берлинѣ, и что король ошибается, полагая, что Рейссъ готовъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше отправиться въ Лондонъ. Я не понимаю его: почему онъ не скажетъ честнымъ образомъ,—хочетъ ли онъ остаться или хочетъ уѣхать; въ томъ и въ другомъ вѣдь нѣтъ ничего постыднаго. Занимать оба поста одновременно болѣе предосудительно. Какъ только у меня будетъ что-либо сообщить, то-есть какъ только я увижу императора съ глаза на глазъ, я напишу королю собственноручно. Я все еще льщу себя надеждою, что король сочтетъ меня менѣе необходимымъ, когда онъ не будетъ видѣть меня нѣкоторое время, и что найдется какой-нибудь непризнанный до сихъ поръ государственный дѣятель, который перебьетъ у меня мѣсто, чтобы я могъ набраться здѣсь еще немного опытности. Я спокойно ожидаю, что будетъ рѣшено относительно меня. Если, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, ничего не выяснится, то я попрошу уволить меня въ отпускъ, чтобы привезти сюда жену; но въ такомъ случаѣ я долженъ быть увѣренъ, какъ долго я тутъ проживу. Ожидая каждую недѣлю, что я буду отозванъ, я не могу окончательно устроиться.

«Надѣюсь, король не вздумаетъ назначить меня министромъ безъ портфеля; на послѣдней аудіенціи объ этомъ не было рѣчи; такое положеніе не практично: ничего не говорить и все сносить, во все вмѣшиваться самовольно и всѣми быть облаяннымъ, когда захочешь высказать свое мнѣніе. Я болѣе дорожу портфелемъ, нежели званіемъ перваго министра; къ тому же мнѣ не особенно хотѣлось бы имѣть коллегу, который живетъ наполовину въ Лондонѣ. Если онъ не хочетъ совсѣмъ переселиться туда, то я согласенъ съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ, гдѣ онъ находится, и считаю не по товарищески понуждать его.

«Сердечный поклонъ вашимъ. Преданный вамъ другъ и готовый къ

[1]) Bismarckbriefe (7 изд.) 337. Примѣч. издателя.

услугамъ, хотя не вполнѣ добровольно, сотоварищъ въ борьбѣ, если это окажется нужно».

4-го іюня Роонъ писалъ мнѣ изъ Берлина [1]):

«...Въ воскресенье Шлейницъ говорилъ со мною о замѣщеніи Гогенлоэ и сказалъ, между прочимъ, что для васъ еще не настало время дѣйствовать. На мой вопросъ, кто же будетъ стоять во главѣ министерства, онъ пожалъ плечами, и когда я присовокупилъ, что ему остается, въ такомъ случаѣ, только пожалѣть себя, то онъ промолчалъ, не сказавъ ничего ни утвердительно, ни отрицательно. Васъ, конечно, не удивитъ, что это меня безпокоитъ. Поэтому я воспользовался вчера случаемъ возбудить, въ разговорѣ съ кѣмъ слѣдуетъ, вопросъ о назначеніи главы министерства и встрѣтилъ всегдашнее расположеніе къ вамъ и обычную нерѣшительность. Что прикажете дѣлать? И чѣмъ это кончится?

«У насъ нѣтъ способной правительственной партіи! Демократы, само собою разумѣется, въ счетъ не идутъ, но вѣдь огромное большинство публики состоитъ изъ демократовъ и лицъ, которые не сегодня завтра станутъ таковыми, несмотря на то, что проектъ адреса королю преисполненъ увѣреніями въ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Кромѣ нихъ существуютъ приверженцы конституціи; это небольшая группа, состоящая изъ двадцати съ чѣмъ-то человѣкъ, съ Финке во главѣ, около пятнадцати консерваторовъ, тридцать католиковъ и до двадцати поляковъ. Гдѣ же правительство найдетъ необходимую поддержку? Какая партія, кромѣ демократовъ, можетъ управлять при подобной группировкѣ, а они не могутъ, да и не смѣютъ стать во главѣ правленія. При этихъ обстоятельствахъ логика вещей требуетъ, чтобы теперешнее правительство осталось у власти, какъ бы это ни было трудно; поэтому оно должно непремѣнно усилиться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. По моему мнѣнію, съ интересами Пруссіи не особенно согласуется, чтобы графъ Бернсторфъ занималъ по прежнему два столь крупные поста. Поэтому, я буду очень доволенъ, если вы будете скоро назначены первымъ министромъ; я увѣренъ, что Бернсторфъ выйдетъ тогда вскорѣ изъ своего двойственнаго положенія и перестанетъ изображать колосса, стоящаго одной ногою въ Берлинѣ, а другою въ Лондонѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы твердо прониклись убѣжденіемъ, что вамъ слѣдуетъ принять это назначеніе, такъ какъ иначе король попадетъ въ объятія демократовъ. 11-го числа сего мѣсяца истекаетъ отпускъ Гогенлоэ. Онъ не вернется, а подастъ въ отставку. И тогда, надѣюсь, васъ вызовутъ по телеграфу. Всѣ патріоты желаютъ этого. Какъ же вы можете колебаться и маневрировать».

---

[1]) Это письмо напечатано полностью въ „Bismarck-Jahrbuch“ III, 233 и въ Roon's Denkwürdigkeiten II, 93. Примѣч. издателя.

Я отвѣчалъ:

«Парижъ, Троица [1]), 1862 года.

«Любезный Роонъ, Штейнъ (бывшій въ то время военно-уполномоченнымъ) аккуратно доставилъ мнѣ ваше письмо, которое видимо не было распечатано, такъ какъ вскрывая его, мнѣ пришлось надорвать его. Можете быть увѣрены, что я не дѣлаю никакихъ проволочекъ и увертокъ; если бы я не видѣлъ, по всѣмъ признакамъ, что Бернсторфъ не помышляетъ объ отставкѣ, то я былъ бы почти увѣренъ что мнѣ придется черезъ нѣсколько дней уѣхать изъ Парижа и отправиться черезъ Лондонъ въ Берлинъ; я и пальцемъ не пошевелилъ бы, чтобы помѣшать этому. Да и теперь я ничего для этого не предпринимаю; не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, посовѣтывать королю назначить меня на мѣсто Бернсторфа; если бы я былъ назначенъ министромъ безъ портфеля, то, считая Шлейница, у насъ было бы три министра иностранныхъ дѣлъ, изъ коихъ одинъ, въ случаѣ отвѣтственности, былъ бы всегда готовъ уйти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а другой въ Лондонъ... Впрочемъ неизвѣстность не можетъ конечно продолжаться особенно долго,—я подожду до 11 числа, тогда будетъ видно, остается ли король при рѣшеніи, принятомъ 26-го мая [2]), или же онъ намѣтилъ кого либо другого. Если до этого числа ничего не выяснится, то я напишу его величеству, что я считаю свое теперешнее назначеніе окончательнымъ и сообразно съ этимъ устрою свои домашнія дѣла въ предположеніи, что я останусь здѣсь до зимы и долѣе. Мои вещи и экипажи находятся еще въ Петербургѣ и я долженъ куда нибудь перевезти ихъ; кромѣ того у меня есть привычки добраго отца семейства и между прочимъ потребность имѣть опредѣленное мѣсто жительства, а я не имѣю его, собственно говоря, съ іюля прошлаго года, когда Шлейницъ впервые сказалъ мнѣ, что я получу другое назначеніе.

«. . . Я нашелъ нашего любезнаго сосѣда очень спокойнымъ и веселымъ; весьма доброжелательнымъ къ намъ и готовымъ обсуждать затрудненія, которыя представляетъ вопросъ о національномъ нѣмецкомъ движеніи; онъ сочувствуетъ существующимъ династіямъ, но надѣется, однако, что Пруссія успѣшно разрѣшитъ предстоящую ей великую національную задачу, чѣмъ правительство пріобрѣтетъ довѣріе и внутри государства. Красивыя слова—и только. Когда меня спрашиваютъ, почему я не устроиваюсь болѣе комфортабельно, я отвѣчаю, что въ скоромъ времени я попрошусь на нѣкоторое время въ отпускъ, чтобы съѣздить за женою.

---

[1]) 8-го или 9-го іюня Bismarck-briefe (7 изд.) 339, Roon's Denkwürdigkeiten II⁴, 95.

[2]) Въ этотъ день состоялась послѣдняя аудіенція въ Бабельсбергскомъ замкѣ передъ отъѣздомъ Бисмарка въ Парижъ. Примѣч. издателя.

«10-го іюня. Отвѣтъ его величества на адресъ производитъ прекрасное впечатлѣніе своею сдержанностью, хладнокровіемъ и отсутствіемъ раздражительности.

«Я отправляю настоящее письмо завтра утромъ съ фельдъегеремъ, который пробудетъ въ Аахенѣ до тѣхъ поръ, пока ему поручатъ доставить что нибудь изъ Берлина. Мой привѣтъ вашимъ дамамъ; мои всѣ здоровы. Искренно преданный вамъ ф. Б.»

26-го іюня императоръ пригласилъ меня въ Фонтенебло и долго гулялъ со мною. Бесѣдуя о вопросахъ, которые волновали политическій міръ въ тотъ моментъ и въ послѣдніе годы, онъ спросилъ меня неожиданно, какъ я думаю, согласился ли бы король заключить съ нимъ союзъ. Я отвѣчалъ, что король питаетъ къ нему самыя дружескія чувства и что предубѣжденіе, существовавшее нѣкогда въ нашемъ обществѣ противъ Франціи, значительно уменьшилось, но что союзы вызываются обстоятельствами, которыя опредѣляютъ ихъ польза и необходимость.

Заключеніе союза заставляетъ предполагать извѣстную причину или опредѣленную цѣль. Императоръ не соглашался съ этимъ. Нѣкоторыя державы относятся другъ къ другу дружественно, сказалъ онъ, а другія нѣтъ. Въ виду неизвѣстнаго будущаго надобно относиться къ кому нибудь съ довѣріемъ. Онъ не имѣетъ въ виду союза съ какими либо завоевательными цѣлями, но онъ находитъ, что между Пруссіей и Франціей существуетъ общность интересовъ и въ нихъ онъ видитъ залогъ дружественнаго и прочнаго согласія. Желаніе создавать событія было бы большою ошибкою; нельзя опредѣлить заранѣе какой они примутъ оборотъ и какъ велико будетъ ихъ значеніе, но въ ожиданіи ихъ можно принять нѣкоторыя мѣры, se prémunir, en avisant aux moyens pour y faire face et en profiter [1]). Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, императоръ еще болѣе развилъ мысль о «дипломатическомъ союзѣ», основанномъ на взаимномъ довѣріи и дающемъ возможность разсчитывать другъ на друга въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Затѣмъ, остановившись онъ сказалъ:

— Вы не можете себѣ представить, какія странныя предложенія сдѣланы мнѣ нѣсколько дней тому назадъ Австріей. Кажется совпаденіе вашего назначенія сюда и пріѣзда въ Парижъ г. Будберга вызвало въ Вѣнѣ паническій страхъ. Князь Меттернихъ сказалъ мнѣ, что имъ получены инструкціи такого рода, что онѣ его положительно напугали; ему даны обширнѣйшія полномочія, какія давались когда либо представителю какого нибудь монарха, для того чтобы придти со мною, во что бы то ни стало, къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ, какія могли бы

[1]) Предостеречь себя, подумавъ о мѣрахъ какія слѣдуетъ принять въ виду этихъ событій, чтобы воспользоваться ими.

быть мною затронуты. Я былъ поставленъ этимъ сообщеніемъ въ затруднительное положеніе, ибо, не говоря уже о несовмѣстимости интересовъ обоихъ государствъ, я испытываю почти суевѣрный страхъ при мысли о вмѣшательствѣ въ судьбы Австріи [1]).

Само собою разумѣется, что императоръ не могъ сказать всего этого безо всякаго основанія, хотя онъ и не предполагаетъ, конечно, что я воспользуюсь моими отношеніями къ Меттерниху, чтобы употребить во зло оказанное имъ мнѣ довѣріе. Какъ бы то ни было, согласовалось ли сказанное съ истиной или оно было преувеличено, во всякомъ случаѣ, подобное сообщеніе, сдѣланное прусскому посланнику, было неосторожностью. Еще во время моего пребыванія во Франкфуртѣ я убѣдился въ томъ, что вѣнская политика не останавливается въ нѣкоторыхъ случаяхъ ни передъ какими комбинаціями, и что она готова пожертвовать Венеціей или лѣвымъ берегомъ Рейна, если за это можно получить на правомъ его берегу союзную конституцію, съ преобладающимъ вліяніемъ Австріи надъ Пруссіей. Если противъ насъ не составилась еще въ настоящую минуту Австро-франкская коалиція, то мы обязаны этимъ не Австріи, а Франціи и не какой либо особенной любви къ намъ Наполеона, а его недовѣрію къ тому, будетъ ли Австрія въ состояніи плыть по теченію весьма сильныхъ въ то время національныхъ стремленій.

Сообщая объ этомъ королю, я не вывелъ изъ этихъ словъ въ своемъ донесеніи заключенія, что намъ слѣдуетъ искать союза съ Франціей, но что намъ нельзя полагаться на Австрію какъ на надежнаго союзника противъ Франціи и что мы не можемъ разсчитывать, чтобы она добровольно изъявила свое согласіе на улучшеніе нашего положенія въ Германіи.

Не получая никакихъ служебныхъ порученій и будучи совершенно свободенъ отъ дѣлъ, я уѣхалъ на короткое время въ Англію, а 25-го іюля предпринялъ болѣе продолжительную поѣздку на югъ Франціи. Къ этому времени относится нижеслѣдующая переписка.

«Парижъ. 15-го іюля 1862 года [2]).

«Любезный Роонъ, я сильно недоумѣваю, почему вы освѣдомлялись по телеграфу, получилъ ли я ваше письмо отъ 26-го мая. Я ничего не отвѣчалъ на него потому, что я не могъ сообщить по существу дѣла ничего новаго, а могъ только ожидать новостей отъ васъ. Съ тѣхъ поръ ко мнѣ прибылъ курьеръ, о посылкѣ коего меня извѣстили за двѣ недѣли телеграммою и въ ожиданіи котораго я вернулся

[1]) Сравн. чуть не буквально сходное съ этимъ сообщеніе, сдѣланное 28-го іюня 1862 г. Бернсторфу, которое князь Бисмаркъ не имѣлъ передъ глазами, когда онъ писалъ эти воспоминанія. (Bismarck Jahrbuch VI, 152).

[2]) Bismarck-Briefe (7 изд.) 347; Roon's Denkwürdigkeiten II⁴ 102.

изъ Англіи на 8 дней ранѣе чѣмъ слѣдовало. Онъ привезъ письмо Бернсторфа, въ отвѣтъ на мою просьбу объ отпускѣ. Въ настоящее время я здѣсь лишній, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни императора, ни одного изъ министровъ и посланниковъ. Я не совсѣмъ здоровъ; эта неопредѣленная жизнь, вѣчно на чеку не можетъ дѣйствовать особенно успокоительно на нервы. Я ѣхалъ сюда, какъ я полагалъ, дней на 10 или на 14, и вотъ уже 7 недѣль какъ я тутъ, и совершенно не знаю буду ли я здѣсь черезъ 24 часа. Я не хочу навязываться королю, живя въ какомъ то ожиданіи въ Берлинѣ; я не ѣду домой потому, что я боюсь застрять проѣздомъ черезъ Берлинъ въ отелѣ на неопредѣленное время. Я вижу изъ письма Бернсторфа [1]), что король не желаетъ до поры до времени назначить меня министромъ иностранныхъ дѣлъ и что его величество еще не рѣшилъ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли назначить меня на мѣсто Гогенлоэ; но онъ не хочетъ рѣшить этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, дозволивъ мнѣ шестинедѣльный отпускъ. Король сомнѣвается, какъ пишетъ мнѣ Бернсторфъ, могу ли я быть полезенъ въ настоящую сессію и не слѣдуетъ ли вызвать меня къ зимѣ, ежели это окажется вообще нужнымъ. Въ виду этого я возобновляю сегодня просьбу о шестинедѣльномъ отпускѣ [2]), мотивируя ее слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, я дѣйствительно нуждаюсь въ подкрѣпленіи силъ горнымъ и морскимъ воздухомъ; мнѣ необходимо запастись здоровьемъ, въ виду предстоящей мнѣ каторжной работы, а въ Парижѣ я не чувствую себя особенно хорошо при той собачьей шалопайнической жизни холостяка, которую мнѣ приходится вести. Во-вторыхъ, королю надобно дать время спокойно принять какое либо рѣшеніе, иначе его величество возложитъ отвѣтственность за послѣдствія на тѣхъ, которые будутъ понуждать его. Въ-третьихъ, Бернсторфъ не хочетъ теперь уходить въ отставку; король неоднократно просилъ его остаться и сказалъ ему, что онъ со мною вовсе не говорилъ о назначеніи меня министромъ иностранныхъ дѣлъ; а быть министромъ безъ портфеля я считаю прямо немыслимымъ. Въ-четвертыхъ, мое вступленіе въ министерство, которое могло бы показаться въ настоящее время безцѣльнымъ и преждевременнымъ, можетъ быть употреблено со временемъ какъ ловкій маневръ для того чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе.

«Мнѣ кажется, министерство возражаетъ очень твердо и спокойно на всѣ поправки къ военному бюджету, не угрожая вызвать этимъ кризиса и предоставляя палатѣ полную возможность всесторонне обсудить бюджетъ. Это будетъ окончено, я думаю, въ сентябрѣ. Затѣмъ бюджетъ,

---

[1]) Отъ 12-го іюля. Bismarck-Jahrbuch, VI, 155.

[2]) Письмо Бернсторфа отъ 15-го іюля. Bismarck-Jahrbuch, VI, 156.

Примѣч. издателя.

который правительство, по моему мнѣнію, врядъ ли будетъ въ состояніи принять, будетъ переданъ на разсмотрѣніе въ палату господъ, если правительство будетъ увѣрено, что искаженный бюджетъ будетъ ею отклоненъ. Тогда, или же до обсужденія бюджета въ палатѣ господъ, можно будетъ препроводить его для вторичнаго пересмотра въ палату депутатовъ, предпославъ ему королевское посланіе, въ которомъ будутъ изложены причины, на основаніи коихъ правительство отказывается утвердить этотъ бюджетъ. Тогда, или нѣсколько ранѣе придется можетъ быть отложить ландтагъ дней на 30. Чѣмъ болѣе затянется это дѣло, тѣмъ болѣе потеряетъ палата въ мнѣніи общества, такъ какъ сдѣлавъ ошибку и вдавшись въ мелочи она не сумѣетъ отъ нея отрѣшиться и такъ какъ у нее нѣтъ оратора, который не нагонялъ бы на публику тоски.

«Она утомится, будетъ разсчитывать на то, что правительство измучается, а уѣздные судьи начнутъ волноваться по поводу возростающихъ расходовъ по представительству. Когда она будетъ нѣсколько укрощена, почувствуетъ, что она наскучила странѣ, и будетъ усиленно разсчитывать на уступки со стороны правительства, чтобы выпутаться изъ своего ложнаго положенія, тогда, по моему мнѣнію, настанетъ моментъ показать ей, назначивъ меня министромъ, что правительство отнюдь не думаетъ отказаться отъ борьбы, но принимается за нее съ новыми силами. Увеличеніе боевыхъ силъ кабинета произведетъ можетъ быть тогда такое впечатлѣніе, на которое теперь нельзя разсчитывать.

«Все это болѣе чувствуется, чѣмъ можетъ быть доказано, и я не рискую отвѣчать, на этомъ основаніи, отказомъ на то, что повелитъ мнѣ король, но если спросятъ мое мнѣніе, то я скажу, что меня слѣдуетъ подержать еще нѣсколько мѣсяцевъ въ запасѣ.

«Быть можетъ я говорю все это впустую, быть можетъ его величество никогда не рѣшится назначить меня, ибо я не вижу, почему бы онъ могъ это сдѣлать теперь, не сдѣлавъ шесть недѣль тому назадъ.

«Но я не вижу повода глотать раскаленную пыль на мостовыхъ Парижа, зѣвать въ кафе и въ театрахъ, или снова поселиться въ Берлинѣ въ Hôtel Royal въ качествѣ политическаго диллетанта; лучше употребить это время на купанье.

«Я удивляюсь политической неспособности нашихъ палатъ; а мы вѣдь страна образованная; должно быть ужъ черезчуръ образованная. Другіе навѣрно не умнѣе нашихъ выдающихся сословныхъ представителей, но у нихъ нѣтъ этой дѣтской самоувѣренности, съ какою наши депутаты выказываютъ свою неумѣлость во всей ея наготѣ какъ нѣчто достойное подражанія. Какимъ путемъ создалась наша репутація людей робкихъ и скромныхъ? Между нѣмцами не найдется человѣка, отъ полководца до послѣдней собаки, который не считалъ бы, что онъ пони-

маетъ все лучше, нежели всѣ ученые вмѣстѣ взятые, тогда какъ въ другихъ странахъ есть не мало людей, допускающихъ мысль, что они понимаютъ въ нѣкоторыхъ вещахъ менѣе другихъ и которые держатъ себя поэтому скромно и молчатъ.

«16-ое. Я долженъ скорѣе закончить это письмо, такъ какъ мнѣ предстоитъ заняться дѣлами. Сердечный поклонъ вашимъ. Преданный вамъ ф-Б.»

Роонъ отвѣчалъ 31 августа 1862 г.:

«Любезный Бисмаркъ,

«Вѣроятно вы понимаете отчасти почему я до сихъ поръ вамъ не отвѣчалъ; я все еще не терялъ надежды, что будетъ принято наконецъ такое рѣшеніе или что наступятъ такія обстоятельства, благодаря которымъ вопросъ рѣшится быстро. Къ сожалѣнію наша болѣзнь приняла хроническій характеръ... Я удалился на нѣсколько дней отъ misère générale, воспользовавшись отъѣздомъ короля въ Д.(оберанъ) чтобы уѣхать сюда (въ Циммергаузенъ) и поохотиться на куропатокъ. Бернсторфъ, недѣли 3—4 тому назадъ твердо рѣшившійся оставить свой постъ, который становится для него слишкомъ труднымъ и доставляетъ ему много непріятностей, сказалъ мнѣ съ недѣлю тому назадъ, что быть можетъ ему придется, по окончаніи парламентской сессіи, уступить желанію короля (если онъ его выразитъ) и остаться, хотя онъ по прежнему жаждетъ покоя, т. е. переводя эти слова на человѣческій языкъ, сессія затянулась такъ долго, что окончаніе ея совпадетъ приблизительно съ разрѣшеніемъ графини отъ бремени, и поэтому путешествіе по случаю перемѣны мѣста будетъ еще менѣе удобно нежели теперь. Онъ говорилъ мнѣ еще ранѣе, что онъ можетъ согласиться на перемѣщеніе въ Лондонъ не иначе какъ ежели оно состоится въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Этотъ, непохвальный эгоизмъ съ одной стороны, и нерѣшительность короля съ другой, въ связи съ мнѣніемъ высказаннымъ фонъ-деръ Гейтомъ, что онъ согласенъ на назначеніе главы кабинета, но только отнюдь не изъ числа молодыхъ коллегъ, заставляетъ меня вернуться къ прежней мысли, что вамъ придется быть министромъ но безъ портфеля: послѣдній придетъ со временемъ самъ собою. Начать зимнюю сессію парламента въ прежнемъ неполномъ и недостаточномъ составѣ я считаю совершенно невозможнымъ и несогласнымъ съ здравымъ смысломъ; съ этимъ соглашается король и многіе другія лица. Мы должны и мы будемъ бороться.

«Объ уступкахъ и компромиссахъ нечего и думать, менѣе всего къ этому склоненъ самъ король. Поэтому навѣрно можно ожидать столкновеній, не говоря уже о запутанности въ дѣлахъ нашей внѣшней политики, въ которой и теперь замѣтны большія осложненія.—Я могу себѣ представить, любезный другъ, что все это вамъ чрезвычайно опроти-

вѣло; я сужу объ этомъ по тому, насколько мнѣ самому все это надоѣло. Но все таки я надѣюсь, что вы не сердитесь, и не забыли, что долгъ обязываетъ дворянина выручить короля, хотя бы онъ и подвергнулъ себя, какъ въ данномъ случаѣ, добровольно опасности. Но вы человѣкъ, и болѣе того, вы мужъ и отецъ семейства. Вы хотите, помимо работы, имѣть домъ и жить съ семьею. Вы имѣете на это право, c'est convenu! Поэтому вамъ необходимо какъ можно с к о р ѣ е имѣть своею собственную постель и свой письменный столъ, вамъ надобно знать гдѣ вы будете жить, въ Парижѣ или Берлинѣ, а король, насколько мнѣ извѣстно, еще не отмѣнилъ сказаннаго, что вы не должны окончательно устроиваться въ Берлинѣ. Вамъ необходимо знать, что васъ ожидаетъ впереди. Я постарался сдѣлать со своей стороны все возможное, чтобы вывести васъ изъ этой неизвѣстности—не только изъ эгоистическихъ цѣлей, но изъ патріотизма. И такъ я начинаю дѣйствовать и буду дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ не запретите ч а с т н ы м ъ образомъ дѣлать все возможное, чтобы вывести васъ изъ неизвѣстности. Послѣ моей послѣдней бесѣды съ Serenissimo, я лично заинтересованъ дѣйствовать въ вашу пользу. Я могу распространиться о вашемъ невыносимомъ положеніи, которое вызвано тѣмъ, что вы не можете окончательно устроиться въ Парижѣ. Подобные мотивы легко могутъ быть поняты и дѣйствуютъ вѣрнѣе нежели соображеніе политическаго характера. Поэтому я сдѣлаю видъ, будто я дѣйствую съ вашего согласія, и посовѣтую в р е м е н н о назначить васъ министромъ безъ порфеля, о чемъ я до сихъ поръ не заикался; иначе нельзя. Если вы этого рѣшительно не желаете, то я прошу васъ высказать мнѣ это или прикажите мнѣ молчать.

«Его величество назначилъ мнѣ аудіенцію 7 числа, проѣздомъ на крестины въ Карлсруэ. Слѣдовательно, вы успѣете еще высказать мнѣ свое неодобреніе.

«Я не намѣренъ говорить сегодня объ общемъ положеніи дѣлъ. По моему мнѣнію, катострофы въ государствѣ до весны не предвидится, а весною вы должны непремѣнно быть тутъ. Она будетъ имѣть рѣшающее значеніе для нашей будущности... Вашъ фонъ-Роонъ» [1]).

Я отвѣтилъ:

„Тулуза, 12 сентября 1862 г.

«Мои поѣздки по Пиринеямъ были причиною, что я только сегодня получилъ ваше письмо, помѣченное 31-го августа. Я ожидалъ также письма отъ Бернсторфа, который писалъ мнѣ четыре недѣли тому на-

[1]) Онъ писалъ объ этомъ Бернсторфу изъ Монпелье въ тотъ же день. Bismarsk-jahrbuch, VI 162.

задъ, что вопросъ объ измѣненіи въ личномъ составѣ министерства будетъ рѣшенъ во всякомъ случаѣ не позже сентября. Ваше письмо убѣждаетъ меня въ томъ, что неизвѣстность не кончится и къ Рождеству. Мои вещи находятся еще въ Петербургѣ и тамъ замерзнутъ, мои экипажи въ Штеттинѣ, лошади въ имѣніи близъ Берлина, моя семья въ Помераніи, а я самъ на большой дорогѣ. Я возвращаюсь теперь въ Парижъ, хотя дѣла тамъ теперь менѣе чѣмъ когда либо, но срокъ моего отпуска истекаетъ. Я хочу предложить Бернсторфу, что я съѣзжу въ Берлинъ, чтобы переговорить объ остальномъ устно. Я чувствую потребность провести нѣсколько дней въ Рейнфельдѣ, такъ какъ я не видалъ своихъ съ 8-го мая. Я долженъ непремѣнно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выяснить въ какомъ положеніи находятся дѣла. Я ничего такъ не желаю, какъ остаться въ Парижѣ, но я долженъ быть увѣренъ, что мнѣ не придется переѣзжать и устраиваться на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ; для этого мое домашнее хозяйство слишкомъ велико.

«Я не отказывался быть министромъ безъ портфеля, ежели король прикажетъ это; я говорилъ только, что считаю это нецѣлесообразнымъ. Я и теперь готовъ принять это назначеніе, но не вижу къ тому серьезнаго повода. Если бы его величество сказалъ мнѣ, что я буду назначенъ 1-го ноября, или 1-го января, или 1-го апрѣля—то я бы зналъ что дѣлать, и не сталъ бы создавать никакихъ затрудненій; я требую только, чтобы мнѣ была оказана $^1/_{100}$ того вниманія, которое такъ щедро оказываютъ Бернсторфу. Находясь въ такой неизвѣстности, я теряю всякую охоту къ дѣламъ и буду вамъ отъ всей души благодаренъ за каждую дружескую услугу, которую вы мнѣ окажете, чтобы покончить съ этой неизвѣстностью.

«Если это вскорѣ не удастся, то придется помириться съ существующимъ фактомъ и сказать себѣ, что я посланникъ короля въ Парижѣ, перевезти туда къ 1-му октября всѣхъ домочадцевъ и устроиться окончательно. Если это случится, то его величество будетъ въ правѣ уволить меня въ отставку, но не можетъ заставить меня снова переѣхать куда либо въ скоромъ времени; тогда я лучше уѣду домой въ деревню; по крайней я буду тогда знать гдѣ я живу. Живя въ одиночествѣ я возстановилъ, съ Божьей помощью, здоровье и чувствую себя несравненно лучше нежели за послѣдніе 10 лѣтъ; но о томъ что дѣлается въ нашемъ политическомъ мірѣ я ничего не слыхалъ; изъ полученнаго мною сегодня письма жены я вижу, что король былъ въ Доберанѣ, иначе я не могъ бы понять что означаетъ буква Д. въ вашемъ письмѣ. Я неслыхалъ также, что онъ ѣдетъ къ 13-му числу въ Карлсруэ. Мнѣ не удалось бы во всякомъ случаѣ застать тамъ его величество, хотя бы я туда и поѣхалъ; къ тому же я знаю по опыту, что онъ не долюбливаетъ не-

ожиданныхъ появленій: заключая изъ этого, что я дѣйствую изъ честолюбивыхъ цѣлей, отъ конхъ я весьма далекъ. Я такъ доволенъ быть посланникомъ его величества въ Парижѣ, что желалъ бы только знать навѣрно, что я сохраню этотъ постъ до 1875 года. Дайте мнѣ возможность быть увѣреннымъ въ ближайшемъ будущемъ и я назову васъ своимъ ангеломъ хранителемъ.

«Что вы подразумѣваете подъ окончаніемъ этой сессіи? Можно ли опредѣлить вполнѣ точно, не перейдетъ ли она безъ перерыва въ зимнюю сессію? возможно ли закрыть засѣданія палатъ не добившись никакого результата относительно бюджета? Я не отрицаю этой возможности, это будетъ зависѣть отъ того какъ будетъ вестись кампанія.

«Я ѣду теперь же въ Монпелье, оттуда въ Ліонъ и Парижъ. Прошу васъ писать мнѣ туда, передайте мой сердечный привѣтъ вашимъ. Преданный вамъ ф. Б.» [1]).

Въ Парижѣ я получилъ слѣдующую телеграмму, съ условною подписью:

Берлинъ, 18-го сентября.

Periculum in mora. Спѣшите.

Дядя Маврикія Геннинга.

Геннингъ было второе имя Маврикія Бланкенбурга, племянника фонъ-Роона. Хотя по смыслу телеграммы нельзя было рѣшить, вызывали ли меня по иниціативѣ Роона или по желанію короля, однако, я выѣхалъ не колеблясь.

Прибывъ въ Берлинъ 20-го сентября утромъ, я былъ приглашенъ къ кронпринцу. На его вопросъ, какого я мнѣнія о дѣлахъ, я отвѣчалъ весьма сдержанно, такъ какъ я не читалъ послѣднія недѣли нѣмецкихъ газетъ и будучи нѣсколько озлобленъ, никого не разспрашивалъ о нѣмецкихъ дѣлахъ. Я былъ не въ духѣ, потому что король обѣщалъ, что не далѣе какъ черезъ 6 недѣль мнѣ будетъ въ точности извѣстна моя будущая судьба, т. е. гдѣ именно будетъ мое постоянное мѣстожительство: въ Берлинѣ, Парижѣ или Лондонѣ; между тѣмъ прошло уже четверть года и съ наступленіемъ осени я все еще не зналъ, гдѣ я проведу зиму. Мнѣ не были такъ хорошо извѣстны обстоятельства дѣла, чтобы я могъ изложить кронпринцу свое мнѣніе въ видѣ программы моихъ будущихъ дѣйствій; кромѣ того я не считалъ себя вправѣ высказать ему свое мнѣніе прежде нежели я увижу короля. Я узналъ вскорѣ отъ Роона, какое впечатлѣніе произвела моя аудіенція на короля; онъ сказалъ ему говоря обо мнѣ: «Отъ него тоже не будетъ толку, онъ уже былъ у моего сына». Я не понялъ въ то время всего значенія этихъ словъ, такъ какъ мнѣ не было извѣстно, что король носился съ

[1]) Bismarck briefe (7 изд.) стр. 359. Примѣч. издателя.

мыслію объ отреченіи отъ престола; его величество предполагалъ, что мнѣ это извѣстно или, по крайней мѣрѣ, что я подозрѣвалъ это и поэтому старался заручиться благоволеніемъ наслѣдника престола.

На самомъ же дѣлѣ, явясь 22-го сентября на аудіенцію въ Бабельсбергъ, я былъ далекъ отъ мысли объ его отреченіи; его намѣреніе выяснилось мнѣ только тогда, когда его величество сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Я не хочу царствовать, если я не могу дѣйствовать такъ, какъ требуетъ мой долгъ передъ Богомъ, передъ моей совѣстью и моими подданными. Если же я долженъ управлять по волѣ нынѣшняго большинства ландтага и не нахожу болѣе министровъ, которые были бы согласны руководить дѣлами, не заставляя меня подчиняться и не подчиняясь сами парламентскому большинству, то я не могу царствовать, поэтому я рѣшилъ отречься отъ престола и изложилъ причины, побудившія меня къ тому въ актѣ объ отреченіи».

Король показалъ мнѣ лежавшій на его столѣ актъ отреченія, написанный имъ собственноручно; былъ ли онъ уже предъявленъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно. Его величество закончилъ разговоръ, повторивъ еще разъ, что, не имѣя надлежащихъ министровъ, онъ не можетъ управлять страною.

Я возразилъ, что его величеству извѣстно съ мая мѣсяца, что я готовъ вступить въ министерство; я увѣренъ, что Роонъ останется со мною, и не сомнѣваюсь, что намъ удастся составить кабинетъ, хотя бы прочіе члены и подали въ отставку при моемъ назначеніи. Поговоривъ еще немного о томъ, о семъ, король спросилъ, согласенъ ли я, въ случаѣ назначенія министромъ, защищать проектъ военной реорганизаціи, и когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ спросилъ еще готовъ ли я защищать его противъ большинства и его рѣшеній. Когда я и на это отвѣчалъ согласіемъ, то онъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ долгъ повелѣваетъ мнѣ попробовать продолжать борьбу вмѣстѣ съ вами, не отрекаясь отъ престола». Не знаю, уничтожилъ ли король лежавшій на столѣ актъ отреченія или сохранилъ его in rei memoriam.

Король предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ по парку. Во время этой прогулки, онъ далъ мнѣ прочесть программу, въ восемь страницъ, исписанныхъ его мелкимъ, убористымъ почеркомъ; въ ней были затронуты всѣ вопросы тогдашней правительственной политики и даже такія подробности, какъ преобразованіе окружныхъ сеймовъ. Не знаю, обсуждалась ли уже эта программа съ моимъ предшественникомъ или она была написана только съ цѣлью служить противовѣсомъ моимъ предполагаемымъ консервативнымъ наклонностямъ. Въ то время, какъ король собирался назначить меня министромъ, подобнаго рода опасенія навѣрно внушались ему его супругою, о политической проницательности которой онъ составилъ себѣ высокое мнѣніе въ то время, когда его

*

величество, будучи еще кронпринцемъ, критиковалъ правительственныя дѣйствія своего брата, но когда ему не приходилось еще дѣйствовать самому. Способность къ критикѣ была болѣе развита у принцессы нежели у ея супруга. Онъ впервые усомнился въ умственномъ превосходствѣ ея высочества въ то время, когда ему пришлось не критиковать, а дѣйствовать самостоятельно и нести отвѣтственность за свои поступки. Когда обѣимъ высочайшимъ особамъ пришлось показать себя на дѣлѣ, здравый смыслъ подсказалъ королю необходимость освободиться мало-по-малу отъ вліянія воинствующаго женскаго краснорѣчія.

Мнѣ удалось убѣдить его величество въ томъ, что тутъ дѣло шло не о консервативномъ или либеральномъ принципѣ того или другого оттѣнка, а о королевской или парламентской власти и что противодѣйствіе послѣдней надобно сломить. Я сказалъ: «при настоящемъ положеніи, если ваше величество прикажете мнѣ сдѣлать что-либо не согласное съ моимъ убѣжденіемъ, то я выскажу это откровенно, если же вы будете настаивать на своемъ, то я скорѣе погибну вмѣстѣ съ королемъ, нежели покину ваше величество въ борьбѣ съ парламентаризмомъ». Я былъ твердо убѣжденъ, что такъ именно слѣдовало поступать, ибо я считалъ въ то время отрицаніе и витійство оппозиціи пагубнымъ въ интересахъ національныхъ задачъ Пруссіи и питалъ къ Вильгельму I лично столь глубокое чувство любви и преданности, что мысль погибнуть вмѣстѣ съ нимъ казалась мнѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ вполнѣ естественнымъ и пріятнымъ концомъ жизни.

Король разорвалъ программу и хотѣлъ бросить клочки въ обрывъ, но я замѣтилъ, что исписанныя всѣмъ извѣстнымъ почеркомъ, онѣ могли попасть не въ надлежащія руки. Онъ съ этимъ согласился и сунулъ ихъ въ карманъ, сказавъ, что онъ ихъ сожжетъ. Въ тотъ же день послѣдовало мое назначеніе министромъ государственныхъ и иностранныхъ дѣлъ и временно предсѣдательствующимъ въ засѣданіяхъ кабинета, о чемъ было объявлено 23-го числа. Назначеніе меня первымъ министромъ было отложено до окончанія переписки съ княземъ Гогенцоллерномъ, который продолжалъ официально занимать этотъ постъ [1]).

---

[1]) Сравн. Kaiser Wilhelm I und Fürst Bismarck, Münchener Allg. Zeitung, 7-го окт. 1890 г.

Бисмаркъ былъ утвержденъ въ званіи перваго министра и министра иностранныхъ дѣлъ 8-го октября. Примѣч. издателя.

XI.

Отсутствіе самостоятельности и энергіи въ прусской политикѣ со временъ Фридриха Великаго.—Значеніе, которое имѣлъ польскій вопросъ.—Подчиненное положеніе Пруссіи въ царствованіе Николая I.—Услуги, оказанныя Пруссіей Россіи во время Крымской войны и польскаго возстанія.—Записываніе Пруссіи на Парижскомъ конгрессѣ.—Кто отвѣтственъ за направленіе прусской политики въ царствованіе Фридриха Вильгельма IV? — Почему Бисмаркъ не могъ быть при немъ министромъ?

Авторитетъ королевской власти страдалъ у насъ вслѣдствіе отсутствія самостоятельности и энергіи во внѣшней и главнымъ образомъ въ нашей національной политикѣ; это же было причиною укоренившагося превратнаго взгляда на армію и служащихъ въ ней и нежеланія ассигновать нужныя суммы на военныя надобности и издержки. Честолюбіе главарей парламентскихъ партій, ихъ ораторовъ и кандидатовъ на министерскіе посты поддерживалось и прикрывалось неудовольствіемъ народа. Въ нашей политикѣ, съ самой кончины Фридриха Великаго, не было опредѣленной программы, или она была плохо выбрана и еще того хуже выполнена, послѣднее относится въ особенности къ періоду съ 1786 по 1806 г., когда мы стали дѣйствовать рѣшительно безъ всякаго плана и кончили весьма печально. Въ нашей политикѣ, вплоть до французской революціи, не было ни малѣйшаго намека на какое-либо національное направленіе. Первые проблески такового, выразившіеся въ союзѣ князей [1]), въ идеѣ прусскаго королевства, въ завоеваніи и присоединеніи нѣмецкихъ земель, были строго говоря плодомъ не національныхъ, а прусскихъ партикуляристическихъ стремленій.

Въ 1786 г. всеобщій интересъ былъ сосредоточенъ не на національномъ нѣмецкомъ вопросѣ, а на пріобрѣтеніи польскихъ земель; недовѣріе, существовавшее между Пруссіей и Австріей вплоть до 1792 г., поддерживалось не столько ихъ соперничествомъ на національно-нѣмецкой почвѣ, сколько польскимъ вопросомъ. Споръ изъ-за обладанія польскихъ земель, т. е. собственно Кракова, во времена Тугута [2]) и Лербаха, привлекалъ всеобщее вниманіе болѣе нежели соперничество, возникшее во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія между Пруссіей и Австріей за преобладающую роль въ Германіи.

Національный вопросъ былъ въ то время на второмъ планѣ; Пруссія пріобрѣтала польскихъ подданныхъ, если ихъ можно считать тако-

---

[1]) Заключенномъ въ 1785 г. Фридрихомъ II противъ Австріи. В. В.

[2]) Тугутъ—австрійскій государственный дѣятель, посланникъ въ Варшавѣ въ 1787 г., род. 1734 г. † 1818 г. В. В.

выми, съ такимъ же, если даже не съ большимъ удовольствіемъ нежели нѣмцевъ. Австрія со своей стороны не колеблясь поставила вопросъ о томъ, какой результатъ будутъ имѣть совмѣстныя военныя дѣйствія противъ Франціи (лишь только у нея зародилось опасеніе, что она не будетъ имѣть прусскихъ войскъ для защиты ея польскихъ интересовъ) ежели Пруссія пошлетъ ихъ на границу Франціи. Принимая во вниманіе взгляды и способности лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ австрійской и русской политики, трудно рѣшить, могла ли Пруссія, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, принять болѣе раціональныя мѣры какъ произнести veto противъ восточной политики своихъ сосѣдей, какъ это было сдѣлано на Рейхенбахской конвенціи, заключенной 27-го іюня 1790 г. [1]). Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что это veto было не болѣе какъ вспышкою безплоднаго самолюбія, нѣчто въ родѣ французскаго prestige или желанія чѣмъ-либо проявить власть, пріобрѣтенную Фридрихомъ Великимъ; Пруссія не извлекла изъ этого акта никакой существенной пользы, а вынесла только чувство удовлетвореннаго самолюбія, что ей удалось проявить свою власть, какъ великой державы, относительно обоихъ императорскихъ правительствъ, show of power.

Если бы Австрія и Россія нашли себѣ дѣло на востокѣ, то мнѣ кажется, прямой интересъ ихъ болѣе слабаго, въ то время, сосѣда требовалъ не мѣшать имъ, а напротивъ поддерживать и поощрять ихъ стремленія, ослабляя этимъ ихъ давленіе на наши границы. Въ военномъ отношеніи Пруссія была болѣе готова къ войнѣ нежели ея сосѣди и могла бы воспользоваться этимъ, какъ она дѣлала это неоднократно впослѣдствіи, если бы, не претендуя на роль судьи между Австріей, Россіей и Портой и не принимая раньше времени сторону той или другой державы, она оставалась на сторожѣ, en vedette, какъ подобало при ея слабыхъ силахъ.

Въ подобнаго рода случаяхъ ошибка состоитъ обыкновенно въ безцѣльности и нерѣшительности, съ какою пользуются обстоятельствами. Великій курфирстъ и Фридрихъ Великій вполнѣ понимали, насколько пагубны были полумѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было взять чью-либо сторону или кому-нибудь пригрозить. До тѣхъ поръ, пока Пруссія принадлежала, по выраженію князя Меттерниха, къ числу государствъ «не насыщенныхъ» (saturirte staaten), т. е. пока она не приняла, какъ государство, такого облика, который подходилъ довольно близко къ идеѣ о нѣмецкомъ національномъ единствѣ, до тѣхъ поръ ей слѣдовало—какъ говорилъ Фридрихъ Великій,—только «быть на сторожѣ» своихъ интересовъ, а для этого, необходимо было имѣть готовое къ бою

---

[1]) Въ силу которой Пруссія, Польша, Англія, Голландія и Австрія согласились охранять неприкосновенность Турціи. В. В.

войско; не имѣя такового и не рѣшаясь активно принять сторону той или другой изъ воюющихъ сторонъ, а только заявляя при случаѣ, что она имѣетъ такъ же значеніе европейской державы, какъ напримѣръ въ Рейхенбахѣ, Пруссія не могла извлечь изъ этого никакой существенной выгоды ни въ Польшѣ, ни въ Германіи, а могла только возбудить неудовольствіе и недовѣріе къ себѣ своихъ сосѣдей.

Прислушиваясь къ сужденіямъ о той эпохѣ нѣмецкихъ шовинистовъ, и теперь еще замѣтно, какъ было польщено самолюбіе пруссаковъ ролью третейскаго судьи, которую Берлину удалось играть въ восточномъ вопросѣ; эти господа считаютъ Рейхенбахскую конвенцію кульминаціоннымъ пунктомъ политики Фридриха Великаго, съ котораго начинается упадокъ, выразившійся въ переговорахъ, происходившихъ въ Пильницѣ, въ Базельскомъ мирѣ и въ Тильзитскомъ договорѣ.

Если бы я былъ министромъ въ царствованіе Фридриха Вильгельма II, то я посовѣтовалъ бы поддержать честолюбивые виды Австріи и Россіи относительно Востока, потребовавъ въ вознагражденіе за это какія-либо матеріальныя уступки, хотя бы въ области польскаго вопроса, коимъ всѣ въ то время интересовались, и не безъ причины, до тѣхъ поръ пока мы не владѣли Данцигомъ и Торномъ, и не думали еще о національномъ объединеніи. Имѣя въ своемъ распоряженіи 100.000, или даже болѣе готоваго къ бою войска и угрожая въ случаѣ надобности привести его въ дѣйствіе и предоставить Австрію въ войнѣ съ Франціей ея собственнымъ силамъ, прусская политика могла бы при тогдашнихъ обстоятельствахъ достигнуть во всякомъ случаѣ большаго, чѣмъ дипломатическая побѣда, одержанная ею въ Рейхенбахѣ.

Многіе находятъ, что исторія Габсбургскаго дома, послѣ Карла V, представляетъ рядъ промаховъ, въ которыхъ обвиняютъ обыкновенно духовниковъ австрійскихъ императоровъ; но исторія Пруссіи за послѣдніе сто лѣтъ такъ же богата подобными промахами. Если бы Пруссія воспользовалась какъ слѣдуетъ обстоятельствами, при коихъ была заключена Рейхенбахская конвенція, то это доставило бы ей нѣкоторыя, хотя и не особенно большія выгоды для ея дальнѣйшаго государственнаго развитія; тогда она могла бы дѣйствовать въ 1805 г. болѣе энергично въ пользу Австріи и Россіи силою оружія, нежели путемъ дипломатическихъ переговоровъ, но разумѣется не безвозмездно. Условія, на коихъ Пруссія могла бы и должна была бы оказать имъ поддержку, разумѣется, не могли быть продиктованы такимъ министромъ какимъ былъ Гаугевицъ, но полководцемъ, который располагалъ бы 150.000 человѣкъ войска въ Богеміи или въ Баваріи. То что случилось въ 1806 г. post festum, могло имѣть рѣшающее значеніе въ 1805 г. Въ чемъ были виноваты въ Австріи духовные отцы, то сдѣлали въ Пруссіи личные секретари короля и честные, но ограниченные генералъ-адъютанты.

Оказывать безвозмездно такія услуги, какія прусская политика оказала Россіи при заключеніи Адріанопольскаго мира въ 1829 г. и при усмиреніи польскаго мятежа въ 1831 г., не было повода еще и потому, что берлинскому кабинету были извѣстны недоброжелательные по отношенію къ Пруссіи переговоры, происходившіе незадолго передъ тѣмъ между императоромъ Николаемъ и королемъ Карломъ X. Родственныя узы, существовавшіе между царствующими домами, были достаточно сильны, чтобы прикрывать грѣхи Россіи, но они не встрѣчали взаимности. Россія пріобрѣла безспорно, въ 1813 г., права на признательность Пруссіи; Александръ I, съ февраля мѣсяца 1813 г. вплоть до Вѣнскаго конгресса, былъ вѣренъ своему обѣщанію возстановить Пруссію въ ея status quo ante, разумѣется не забывая при этомъ русскихъ интересовъ, впрочемъ настолько, что Фридрихъ-Вильгельмъ III сохранилъ къ нему самое признательное воспоминаніе. Подобное же воспоминаніе существовало и среди нашей публики, во время моего дѣтства и до самой кончины Александра I въ 1825 г.; русскихъ великихъ князей, генераловъ и солдатъ, появлявшихся случайно въ Берлинѣ, встрѣчали съ тѣмъ же восторгомъ, съ какомъ у насъ были приняты въ 1813 г. первые казаки.

Черная неблагодарность не только не похвальна, но и не выгодна въ политикѣ точно такъ же, какъ въ частной жизни. Но вѣдь мы расквитались съ Россіей въ то время, когда она находилась въ затруднительномъ положеніи въ Адріанополѣ, въ 1829 г. и въ Польшѣ въ 1831 г., и во все царствованіе Николая I, который относился къ нѣмецкому романтизму и сантиментальности далеко не такъ благодушно какъ Александръ I, хотя онъ и поддерживалъ дружескія отношенія къ своимъ родственникамъ въ Пруссіи и былъ любезенъ съ прусскими офицерами. Въ его царствованіе мы были вассалами Россіи; въ 1831 г., когда Россія безъ насъ врядъ ли справилась бы съ Польшею, и во всѣхъ европейскихъ столкновеніяхъ, начиная съ 1831 г. и кончая 1850 г., мы всегда были готовы платиться за Россію, но въ 1848 г. государь почувствовалъ болѣе расположенія къ молодому австрійскому императору, нежели къ королю прусскому, и Россія въ качествѣ третейскаго судьи произнесла, холодно и жестко, свой приговоръ противъ Пруссіи и нѣмецкихъ національныхъ стремленій и заставила насъ расплатиться полностью за дружескія услуги, оказанныя намъ въ 1813 г., принудивъ насъ согласиться на униженіе, приготовленное намъ въ Ольмюцѣ. Во время Крымской кампаніи и польскаго возстанія 1863 г. мы много сдѣлали для Россіи, но когда въ томъ же году мы не изъявили согласія на собственноручно предъявленное намъ Александромъ II требованіе начать войну, то онъ выказалъ свое раздраженіе по этому поводу при обсужденіи Датскаго вопроса; это доказываетъ до какой степени воз-

росла требовательность Россіи, сравнительно съ тѣмъ, на что она имѣла право претендовать, и какого подчиненія она требовала отъ насъ.

Невыгода нашего положенія заключалась,во-первыхъ,въ родственныхъ чувствахъ, въ привычкѣ подчиняться, усвоенной человѣкомъ болѣе слабаго характера относительно человѣка съ твердою волею, въ ошибочномъ взглядѣ, будто императоръ Николай питалъ къ намъ тѣ же чувства какъ Александръ I и имѣлъ тѣ же права на нашу благодарность, какія Александръ I пріобрѣлъ во время войнъ за освобожденіе. Съ нравственной точки зрѣнія Пруссія не имѣла въ царствованіе императора Николая никакого повода поддерживать прежнія дружескія отношенія къ Россіи и намъ слѣдовало извлекать изъ нея такія же выгоды, какія Россія извлекала изъ оказанныхъ нами ей услугъ.

Если бы мы имѣли немного болѣе чувства собственнаго достоинства и сознанія своей силы, то въ Петербургѣ признали бы наше право на взаимныя услуги, тѣмъ болѣе, что Пруссія, несмотря на все несовершенство ея ландвера, была послѣ іюльской революціи (1830 г.) едвали не единственною изъ европейскихъ державъ, которая могла бы вступить въ борьбу съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ. Медленность, съ какою вооружалась огромная армія Россійской имперіи для борьбы съ маленькимъ возстаніемъ въ Варшавѣ, доказываетъ какъ мало заботились во время 15-лѣтняго міра объ организаціи войска не только въ Австріи, но и въ Россіи, за исключеніемъ одной лишь гвардіи и польскаго войска великаго князь Константина Павловича.

Въ подобномъ же состояніи находилась въ то время и французская, а тѣмъ болѣе австрійская армія. Послѣ іюльской революціи Австріи понадобилось болѣе года, чтобы усовершенствовать организацію войска настолько, чтобы имѣть возможность защищать свои интересы въ Италіи. Австрійская политика, руководимая Меттернихомъ, ловко съумѣла затянуть переговоры трехъ великихъ восточныхъ державъ, до тѣхъ поръ, пока ея вооруженіе не подвинулось настолько, что она могла вставить въ нихъ свое слово. Военная машина функціонировала только въ Пруссіи вполнѣ правильно, несмотря на всю ея тяжеловѣсность, и еслибы прусская политика могла дѣйствовать самостоятельно, то она имѣла бы полную возможность рѣшить вопросы, возникшіе въ Германіи и Нидерландахъ въ 1830 г. по своему собственному усмотрѣнію. Но у насъ не было самостоятельной политики начиная съ 1806 г. и до сороковыхъ годовъ; наша политика стряпалась тогда въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ. Слабыя попытки къ самостоятельности берлинскаго правительства съ 1786 по 1806 г. и съ 1842 по 1862 г. едва ли заслуживаютъ какого либо вниманія, съ точки зрѣнія прусскихъ государственныхъ интересовъ.

До 1866 г. мы могли претендовать на званіе великой державы толь-

ко cum grano salis; тѣмъ не менѣе, послѣ крымской войны мы считали нужнымъ добиваться признанія въ этомъ, низкопоклонничая на Парижскомъ конгрессѣ. Для того чтобы сознавать себя великой державой, мы считали нужнымъ получить на это аттестатъ отъ прочихъ державъ, находя, что мы еще не доросли до мѣрила, указаннаго для этого княземъ Горчаковымъ, который, говоря однажды объ Италіи сказалъ: «une grande puissance ne se reconnait pas, elle se révèle». Было время когда Европа временами признавала Пруссію великой державою, но нѣсколько лѣтъ малодушной политики низвели ее до этой жалкой роли, какую Мантейфель игралъ въ Парижѣ. Запоздалое допущеніе Пруссіи къ участію въ конференціяхъ все таки не могло поколебать ту истину, что государство, желающее быть признаннымъ великой державой, должно прежде всего само убѣдиться въ этомъ и имѣть мужество быть великой державою.

Послѣ всѣхъ униженій, которыя намъ пришлось перенести со стороны Австріи и западныхъ державъ, я считаю наше желаніе участвовать въ конгрессѣ и скрѣпить его рѣшенія своею подписью прискорбнымъ доказательствомъ отсутствія въ насъ чувства собственнаго достоинства. Положеніе, которое мы могли бы занять на Лондонской конференціи 1870 г., по вопросу о Черномъ морѣ, доказало бы справедливость этого мнѣнія, если бы Пруссія не втерлась самымъ постыднымъ образомъ на Парижскій конгрессъ. Когда Мантейфель вернулся изъ Парижа и былъ у меня 20-го и 21-го апрѣля во Франкфуртѣ, то я позволилъ себѣ выразить ему свое сожалѣніе по поводу того, что онъ не руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ victa catoni и не положилъ начала нашему независимому положенію, которое могло быть намъ весьма полезно въ виду вѣроятнаго сближенія Россіи съ Франціей, которое можно было предвидѣть по ходу событій. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ должны были знать, что императоръ Наполеонъ лелѣялъ уже тогда мысль о сближеніи съ Россіей и что въ руководящихъ кругахъ Англіи считали заключеніе мира преждевременнымъ.

Наше положеніе, было бы въ высшей степени достойно и независимо, если бы мы не старались такъ смиренно примкнуть къ Парижскому конгрессу, а отказались бы отъ всякаго участія въ немъ, не получивъ своевременно приглашенія. Если бы мы дѣйствовали сдержанно и съ чувствомъ собственнаго достоинства, то при новой группировкѣ державъ въ насъ стали бы заискивать; даже съ внѣшней стороны наше положеніе было бы достойнѣе, если бы мы не ставили вопроса о признаніи насъ великой европейской державой въ зависимость отъ нашихъ дипломатическихъ противниковъ, а руководствовались бы въ этомъ случаѣ исключительно нашимъ собственнымъ сознаніемъ, не претендуя на участіе въ переговорахъ европейскихъ державъ, которые не представ-

ляли для Пруссіи ни малѣйшаго интереса, кромѣ удовлетворенія тщеславія и участія въ дѣлахъ, ни мало не касавшихся Пруссіи, какъ это было при заключеніи Рейхенбахской конвенціи.

Современники не понимали, въ чемъ состояли промахи прусской политики въ періодъ съ 1786 по 1806 г. и съ 1842 по 1862 г. и не обвиняли въ нихъ тѣхъ, кого слѣдовало. Только съ обнародованіемъ архивныхъ документовъ и вспоминаній лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ или знавшихъ обстоятельно весь ходъ дѣлъ, общественное мнѣніе получило возможность рѣшить лѣтъ 50—100 спустя, кто былъ виновникъ сдѣланныхъ промаховъ и въ чемъ состояло уклоненіе виновныхъ отъ пути истиннаго. Фридрихъ Великій оставилъ богатое наслѣдіе: сильную власть и вѣру въ прусскую политику и въ могущество Пруссіи. Его преемники, подобно людямъ нынѣшняго новаго курса, пользовались этимъ наслѣдіемъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, не давая себѣ отчета въ недостаткахъ и ошибкахъ своей дѣятельности, являясь только эпигонами своихъ талантливыхъ предшественниковъ. Передъ Іенскимъ сраженіемъ они имѣли еще преувеличенное мнѣніе о своихъ военныхъ и политическихъ дарованіяхъ. Только послѣдовавшій за этимъ разгромъ довелъ дворъ и народъ до сознанія, что управленіе государствомъ было исполнено промаховъ и ошибокъ. Но кто въ этомъ былъ виноватъ, чьи это были ошибки, на кого падала отвѣтственность за этотъ грандіозный и неожиданный погромъ, этого до сихъ поръ нельзя установить съ точностью.

Въ неограниченной монархіи, какова была въ то время Пруссія, за ходъ политики фактически отвѣтственъ только одинъ монархъ, если онъ принимаетъ или одобряетъ какія-либо мѣропріятія, имѣющія роковыя послѣдствія; никто не можетъ сказать, сдѣлалъ ли онъ это по своей собственной иниціативѣ или подъ давленіемъ извнѣ, подъ вліяніемъ окружающихъ особъ мужскаго и женскаго пола, адъютантовъ, придворныхъ льстецовъ, политическихъ интригановъ, болтуновъ и наушниковъ. Высочайшая подпись все покрываетъ; какъ она получена—этого никто не знаетъ.

Единственнымъ исходомъ для монарха является возможность возложить отвѣтственность на министровъ, но даже въ томъ случаѣ, когда неограниченная форма правленія смѣняется конституціонною, такъ называемая отвѣтственность министровъ не есть нѣчто совершенно независимое отъ воли неотвѣтственнаго въ этомъ случаѣ монарха. Разумѣется, министръ можетъ выйти въ отставку, ежели король откажется подписать то, что онъ считаетъ нужнымъ; но, выходя въ отставку, онъ принимаетъ этимъ на себя отвѣтственность за послѣдствія, какія этотъ поступокъ можетъ имѣть относительно другихъ вопросовъ, быть можетъ гораздо болѣе серьезныхъ, нежели данный вопросъ.

Кромѣ того, такъ какъ кабинетъ является учрежденіемъ коллегіальнымъ, то дѣла рѣшаются въ немъ большинствомъ голосовъ, и министру приходится постоянно дѣлать уступки своимъ коллегамъ и входить съ ними въ компромиссы. Въ дѣлахъ же международной политики отвѣтственнымъ является въ дѣйствительности только одинъ министръ, а не анонимная коллегія, въ которой вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ. На рѣшеніе дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ нерѣдко имѣетъ вліяніе ничтожная причина, которая можетъ однако имѣть рѣшающее значеніе, зачастую оно зависитъ отъ тона или отдѣльнаго выраженія, употребленнаго въ какомъ-нибудь актѣ международной политики. При малѣйшемъ уклоненіи отъ прямой линіи, можно удалиться отъ нея настолько, что трудно будетъ попасть на прежнюю колею и вернуться къ исходной точкѣ. Соблюдаемая вездѣ служебная тайна скрываетъ отъ насъ обстоятельства, при которыхъ совершилось подобное уклоненіе отъ прямого пути; невозможность установить прагматическую связь событій бываетъ причиною, что какъ только формальная сторона дѣла обезпечена королевской подписью или утвержденіемъ парламента, глава кабинета, какъ это случалось съ моими предшественниками, начинаетъ относиться совершенно равнодушно къ самой сущности дѣла. Борьба честолюбія и запутанность дѣлъ разныхъ вѣдомствъ вызываетъ у нихъ иной разъ нервные припадки, какъ это было съ графомъ Бранденбургомъ, или ведетъ къ умственному разстройству, что также случалось.

Трудно сказать, кто отвѣтственъ за нашу политику въ царствованіе Фридриха-Вильгельма IV. Строго говоря, отвѣтственность падаетъ все же на короля, такъ какъ у него не было дѣльныхъ совѣтниковъ, которые могли бы руководить имъ и дѣлами. Онъ принималъ то или другое рѣшеніе, выслушавъ предварительно совѣты не только своихъ министровъ, но и разныхъ другихъ, болѣе или менѣе умныхъ людей, какъ-то своихъ адъютантовъ, личныхъ секретарей и другихъ царедворцевъ. Иной разъ онъ долго обдумывалъ свое рѣшеніе. Часто хуже ничего не дѣлать, нежели дѣлать плохо. У меня никогда не хватало рѣшимости воспользоваться случаемъ, чтобы сдѣлаться министромъ, хотя это представлялось мнѣ неоднократно съ 1852 по 1856 г., когда этотъ монархъ, относившійся ко мнѣ всегда очень любезно, дѣлалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ предложенія, подчасъ въ довольно рѣзкой формѣ, иной разъ даже чуть не принуждалъ меня къ тому; но я не рѣшался настаивать на томъ, чтобы онъ осуществилъ свое обѣщаніе. При его тогдашнемъ взглядѣ на меня, я не имѣлъ бы въ его глазахъ ни малѣйшаго авторитета, а его богатая фантазія оказывалась безсильною, когда ей приходилось перейти въ область практическихъ рѣшеній. Я не былъ достаточно уступчивъ, чтобы вести дѣла въ томъ духѣ, которому я не сочувствовалъ, не имѣя надежды, что у короля хватитъ выдержки и рѣшимости на-

стоять на своемъ. Онъ поддерживалъ и даже поощрялъ несогласія между своими министрами; столкновенія, происходившія между Мантейфелемъ, Бодельшвингомъ и Гейдтомъ, которые постоянно враждовали между собою, были пріятны королю и служили какъ бы вспомогательнымъ средствомъ въ той мелкой партизанской войнѣ, въ которой сталкивались вліяніе короля съ вліяніемъ его министровъ. Мантейфель совершенно сознательно терпѣлъ вмѣшательство въ дѣла королевскихъ любимцевъ: Герлаха, Рауха, Нибура, Бунзена, Эдвина Мантейфеля; его политика имѣла скорѣе оборонительный характеръ, онъ не преслѣдовалъ какой-нибудь опредѣленной цѣли; заручившись королевской подписью, онъ тотчасъ успокоивался. Однако же абсолютизмъ имѣетъ то преимущество, что монархъ сохраняетъ при немъ сознаніе отвѣтственности за свои поступки. Гораздо опаснѣе конституціонная система правленія, если она опирается на услужливый парламентъ, такъ какъ королевская власть не нуждается тогда ни въ какомъ оправданіи кромѣ указанія, что всѣ ея дѣйствія утверждены большинствомъ голосовъ.

Послѣ Крымской войны, слѣдующимъ благопріятнымъ для нашей политики моментомъ могла быть италіанская война. Я не думаю конечно, чтобы король Вильгельмъ, будучи въ 1859 году еще регентомъ, рѣшился внезапно перейти отъ своей тогдашней политикѣ къ той, которой онъ слѣдовалъ при возстановленіи Германской имперіи. Если судить о тогдашнемъ положеніи дѣлъ по тому, какъ держалъ себя министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шлейницъ при заключеніи договора съ Австріей въ Теплицѣ и когда Пруссія отказалась признать самостоятельность Италіи, то естественно можетъ возникнуть сомнѣніе, можно ли было заставить регента дѣйствовать такъ, чтобы прочія державы могли разсчитывать на помощь Пруссіи не иначе, какъ за уступки съ ихъ стороны по отношенію къ политикѣ нѣмецкаго союза.

Въ 1859 г. регентъ, подъ вліяніемъ своей супруги и прессы былъ готовъ принять участіе въ италіанской войнѣ. Случись это, война, начатая между Франціей и Австріей, превратилась бы въ франко-прусскую войну на Рейнѣ. Россія, горѣвшая еще въ то время ненавистью къ Австріи, сдѣлала бы противъ насъ только демонстрацію, Австрія же, увидавъ, что мы заняты войною съ Франціей, имѣя всѣ преимущества на своей сторонѣ, взвѣсила бы, до какихъ поръ намъ можно разрѣшить побѣду.

На шахматной доскѣ Европы Германія была въ то время тѣмъ же самымъ, чѣмъ была Польша во времена Тугута. По моему мнѣнію, намъ слѣдовало продолжать вооруженіе арміи и предъявить Австріи ультиматумъ, заявивъ что она должна либо согласиться на наши требованія въ національномъ вопросѣ, либо ожидать нападенія. Фикція вѣчной преданности «Германіи» на словахъ, а не на дѣлѣ, вліяніе

принцессы и ея министра Шлейница, преданнаго Австріи, и обычное фразерство парламента, союзовъ и прессы мѣшали регенту обсудить положеніе дѣлъ его яснымъ, здравымъ умомъ, а среди окружающихъ и ближайшихъ къ нему политическихъ дѣятелей не нашлось человѣка, который разъяснилъ бы ему всю пустоту этихъ словоизверженій и выяснилъ бы ему требованія здравой нѣмецкой политики. Регентъ и его тогдашній министръ вѣрили въ справедливость изреченія: il y a quelqu'un, qui a plus d'esprit que Monsieur de Talleyrand, c'est tout le monde. Tout le mond'y нужно однако слишкомъ много времени, чтобы стать на настоящую точку зрѣнія; обыкновенно бываетъ такъ, что моментъ, въ который это сознаніе могло бы принести пользу—упущенъ, когда tout le monde догадается, что слѣдовало сдѣлать въ данномъ случаѣ.

Вильгельму I, сначала какъ регенту, а затѣмъ какъ королю, надобно было испытать всю внутреннюю борьбу партій, надобно было убѣдиться въ томъ, что его министры не только не были въ состояніи сдѣлать его подданныхъ довольными и счастливыми, но даже не были способны повиноваться ему и осуществить тѣ цѣли, которыхъ онъ добивался при выборахъ и въ парламентѣ, ему надобно было пережить всѣ треволненія, которыя едва не заставили его отречься отъ престола въ 1862 г., ему надобно было наконецъ пережить датскій вопросъ, чтобы онъ измѣнилъ, благодаря своему здравому смыслу, тѣ взгляды которые онъ имѣлъ на монархію въ 1859 г., и сталъ бы на точку зрѣнія, какой онъ держался въ 1866 г., и чтобы онъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу.

Положеніе министра, руководившаго внѣшней политикой при тогдашнемъ крайне затруднительномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, который захотѣлъ бы вести политику холодную и расчетливую, чуждую династической сантиментальности и придворнаго византійства, чрезвычайно осложнялось побочными вліяніями; всего дѣятельнѣе и энергичнѣе сказывалось это вліяніе со стороны королевы Августы и ея министра Шлейница, затѣмъ другихъ особъ королевской фамиліи; имѣла значеніе также и родственная корреспонденція, не говоря уже объ инсинуаціяхъ со стороны враждебныхъ элементовъ при дворѣ, іезуитскихъ органовъ (Нессельроде, Штильфридъ и т. д.), разныхъ интригановъ и вліятельныхъ соперниковъ, каковыми были Гольцъ и Арнимъ, а также со стороны лицъ, не имѣвшихъ особеннаго вліянія, какъ напр. бывшихъ министровъ и членовъ парламента, жаждавшихъ пройти въ министры. Довѣріе короля не было поколеблено ко мнѣ только благодаря особому и вполнѣ искреннему расположенію его къ своему первому министру Король отправился ко дню рожденія своей супруги (30-го сентября) въ Баденъ-Баденъ, а я поѣхалъ, въ первыхъ числахъ октября, ему на

встрѣчу въ Ютербогкъ, гдѣ я ожидалъ его въ недостроенномъ и переполненномъ пассажирами третьяго класса и мастеровыми вокзалѣ, въ потемкахъ, сидя на воздухѣ, на опрокинутой тачкѣ. Я искалъ случая увидѣть его величество, желая какъ можно скорѣе успокоить его насчетъ одного выраженія, сказаннаго мною 30-го сентября въ бюджетной комиссіи, которое надѣлало много шума и было передано въ газетахъ хотя не со стенографической точностью, но все же приблизительно вѣрно.

Для людей менѣе озлобленныхъ и не столь ослѣпленныхъ честолюбіемъ, мои желанія были высказаны довольно ясно.

Пруссія,—таковъ былъ смыслъ сказаннаго мною,—не можетъ, при ея растянутомъ положеніи, какъ показываетъ бѣглый взглядъ на карту, выносить долѣе одна всю тягость вооруженія, необходимаго для спокойствія Германіи; оно должно быть распредѣлено равномѣрно на всѣхъ нѣмцевъ. Мы не достигнемъ этой цѣли рѣчами, союзами, рѣшеніями большинствомъ голосовъ, намъ не избѣгнуть серьезной борьбы, которая можетъ быть ведена только кровью и желѣзомъ. Для того чтобы обезпечить намъ въ этомъ случаѣ побѣду, депутаты должны дать королю прусскому наибольшее количество желѣза и крови, чтобы онъ могъ по своему усмотрѣнію положить ихъ на ту или другую чашу вѣсовъ. Я еще ранѣе рѣшительно высказалъ эту мысль съ трибуны въ палатѣ депутатовъ въ 1849 г. по случаю дебатовъ объ амнистіи [1]).

Роонъ, слышавшій мою рѣчь, выразилъ мнѣ на обратномъ пути изъ палаты свое неодобреніе по поводу сказаннаго мною и замѣтилъ, что онъ «не считаетъ подобныя экскурсіи въ область ума» особенно полезными для нашего національнаго дѣла.

Мною руководило желаніе добиться сочувствія депутатовъ къ энергической національной политикѣ и опасеніе возбудить въ королѣ недовѣріе ко мнѣ и къ моимъ намѣреніямъ, такъ какъ онъ всегда предпочиталъ дѣйствовать осторожно и не былъ поклонникомъ рѣшительныхъ мѣръ. Желая предупредить непріятное впечатлѣніе, которое должны были, по моимъ соображеніямъ, произвести на него отзывы прессы о моей рѣчи, я и отправился ему на встрѣчу въ Ютербогкъ.

Не малаго труда стоило мнѣ узнать у только что смѣнившейся поѣздной прислуги въ какомъ вагонѣ ѣхалъ король; онъ сидѣлъ совершенно одинъ въ простомъ купэ перваго класса. Подъ вліяніемъ свиданія съ супругою, онъ былъ мрачно настроенъ, и когда я попросилъ у него позволенія изложить событія, совершившіяся въ его отсутствіе, то онъ прервалъ меня сказавъ:

— Я отлично предвижу, чѣмъ все это кончится. Васъ обезглавятъ

[1]) Сравн. рѣчь, произнесенную 22 марта 1849 г. Politische Reden, I, 76.

на Оперной площади, въ Берлинѣ, подъ окнами моего дворца, а вслѣдъ за вами обезглавятъ меня.

Я догадался (и это подтвердили мнѣ впослѣдствіи очевидцы), что во время его восьмидневнаго пребыванія въ Баденѣ съ нимъ говорили, съ разными варіаціями, на тему: Полиньякъ, Страффордъ, Людовикъ XVI. Когда онъ умолкъ, я отвѣчалъ коротко:

— Et après, sire?

— Да, après, тогда насъ уже не будетъ въ живыхъ! — возразилъ король.

— Да, продолжалъ я, тогда насъ не будетъ въ живыхъ, но мы вѣдь все равно рано или поздно умремъ; можетъ ли быть болѣе достойная смерть? Защищая ваше величество и права моего монарха я готовъ умереть на эшафотѣ или на полѣ битвы, если и вы, ваше величество, запечатлѣете своею кровью Богомъ данныя вамъ высочайшія права. Ваше величество не должны вспоминать Людовика XVI; онъ былъ слабъ духомъ при жизни и до самой смерти, и какъ историческая личность не достоинъ подражанія. Но возьмите Карла I, онъ будетъ вѣчно достойнымъ примѣромъ; обнаживъ мечъ въ защиту своихъ правъ и проигравъ сраженіе, онъ не колебался запечатлѣть своею кровью свои королевскія права. Ваше величество не должны отступать передъ борьбою, вы не можете капитулировать, вы должны дѣйствовать рѣшительно, хотя бы это было сопряжено съ опасностью жизни.

Чѣмъ долѣе я говорилъ въ этомъ духѣ, тѣмъ болѣе король оживлялся и входилъ въ роль военнаго, готоваго защищать оружіемъ королевскую власть и отечество. Вильгельмъ былъ всегда удивительно храбръ при видѣ какой-либо внѣшней опасности, угрожавшей ему лично какъ напримѣръ на полѣ битвы или когда на его жизнь были произведены покушенія; во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ держалъ себя такъ доблестно и достойно, что воодушевлялъ своимъ примѣромъ другихъ. Это былъ идеальный типъ прусскаго офицера, который въ виду неминуемой опасности безбоязненно и самоотверженно идетъ на вѣрную смерть по первому приказанію, когда же ему приходится дѣйствовать на свой страхъ, то онъ боится порицанія со стороны начальства и другихъ людей болѣе, нежели смерти, и боязнь получить выговоръ или выслушать порицаніе парализуетъ его энергію и рѣшимость; король былъ яркимъ представителемъ этого типа. До встрѣчи со мною на желѣзной дорогѣ, сидя въ вагонѣ онъ задавалъ себѣ вопросы, въ состояніи ли онъ будетъ удержаться на томъ пути, на который онъ вступилъ со мною, въ состояніи ли онъ будетъ устоять передъ критикой супруги и передъ нападками общественнаго мнѣнія. Эти опасенія разсѣялись подъ вліяніемъ нашего разговора, и онъ взглянулъ на роль, которую ему предстояло играть при тогдашнихъ обстоятельствахъ, съ точки зрѣнія воен-

наго. Онъ почувствовалъ себя въ положеніи офицера, который долженъ защищать свой постъ не взирая на то, погибнетъ ли онъ при этомъ или нѣтъ. Это навело его на мысли, вполнѣ соотвѣтствовавшія ихъ обычному строю, и нѣсколько минутъ спустя онъ уже чувствовалъ ту увѣренность, которую онъ утратилъ въ Баденѣ, и вскорѣ даже развеселился. Жертвовать жизнью за короля и отечество—обязанность каждаго прусскаго офицера, тѣмъ болѣе короля, перваго слуги своей страны. Какъ только онъ взглянулъ на свое положеніе съ точки зрѣнія военной чести, оно представилось ему столь же яснымъ, какъ ясна для каждаго прусскаго офицера необходимость защищать ввѣренный ему, хотя, можетъ быть, потерянный постъ.

Его не угнетала болѣе мысль о возможной критикѣ его дѣйствій со стороны общественнаго мнѣнія, будущей исторіи и его супруги. Онъ почувствовалъ себя на высотѣ своего положенія, какъ первый офицеръ Прусской монархіи, который считаетъ доблестнымъ умереть при исполненіи своей служебной обязанности.

Справедливость моихъ словъ доказывается тѣмъ, что король, который былъ въ Ютербогкѣ утомленъ, раздраженъ и не въ духѣ, подъѣзжая къ Берлину сдѣлался веселъ, пришелъ, можно сказать, въ радостное боевое настроеніе, которое выразилось вполнѣ ясно при пріемѣ министровъ и служащихъ.

Хотя примѣнять къ нашимъ дѣламъ, какъ это было сдѣлано въ Баденѣ, устрашающія историческія воспоминанія было, по моему мнѣнію, не особенно честно и даже довольно фантастично, тѣмъ не менѣе наше положеніе было весьма серьезно. Нѣкоторыя передовыя газеты выражали надежду, что мнѣ придется заняться пряденіемъ шерсти на пользу государства, а 17-го февраля 1863 г. палата депутатовъ приняла большинствомъ 274 голосовъ противъ 45 проектъ личной имущественной отвѣтственности министровъ за расходы, произведенные несогласно съ основными положеніями конституціи. Мнѣ подали мысль, для спасенія моего родового имѣнія, передать его брату; эта передача въ виду возможной при перемѣнѣ престолонаслѣдія конфискаціи моего имущества, могла произвести впечатлѣніе алчности и боязни за деньги, что мнѣ было противно. Мое положеніе въ палатѣ господъ висѣло на волоскѣ.

XII.

Отношеніе династій къ національному нѣмецкому вопросу.—Перемѣна во взглядахъ Бисмарка, вызванная депешею Шварценберга.—Нѣмецкій патріотизмъ проявляется подъ видомъ преданности къ существующимъ династіямъ.—Нѣмецкій партикуляризмъ.—Составъ кабинета съ Бисмаркомъ во главѣ.—Характеристика министровъ.

Я всегда былъ увѣренъ въ томъ, что ключъ къ нѣмецкой политикѣ находится въ рукахъ нѣмецкихъ князей и представителей нѣмецкихъ

династій, а не парламента и прессы и не въ насильственныхъ дѣйствіяхъ; я остался вѣренъ этому взгляду и во время моего пребыванія во Франкфуртѣ. Общественное мнѣніе образованнаго класса, высказываясь въ парламентѣ и въ прессѣ, могло вліять на представителей этихъ династій, сдерживая или поощряя ихъ стремленія, но надобно сознаться, что оно гораздо чаще побуждало ихъ къ противодѣйствію, нежели вліяло на нихъ въ смыслѣ желательномъ для національнаго дѣла. Примкнувъ къ національному движенію, болѣе слабыя династіи думали найти въ этомъ свое спасеніе, тѣ же монархи и владѣтельные дома, которые чувствовали себя способными къ противодѣйствію, относились къ этому движенію съ недовѣріемъ, ибо стремленіе къ нѣмецкому объединенію угрожало имъ потерею независимости и усиленіемъ центральной власти или народнаго представительства. Династія, царствовавшая въ Пруссіи, могла предвидѣть, что ей придется въ концѣ концовъ играть первенствующую роль въ германской политикѣ и пріобрѣсти болѣе значительную власть и вліяніе. Можно было также предсказать, что capitis deminutio, котораго такъ опасались прочія династіи, послужитъ ей на пользу, если только эта династія не будетъ поглощена національнымъ парламентаризмомъ. Когда мои взгляды на равноправность Австріи и Пруссіи, съ коими я пріѣхалъ въ Франкфуртъ, смѣнились подъ вліяніемъ союзнаго сейма сознаніемъ необходимости ограждать Пруссію отъ нападокъ и отъ поползновеній предсѣдательствовавшей на сеймѣ державы, когда я убѣдился окончательно, что взаимныя симпатіи Австріи и Пруссіи не болѣе какъ юношеская мечта, возникшая подъ вліяніемъ школы и войнъ за освобожденіе, когда я убѣдился наконецъ, что Австрія, на содѣйствіе которой я до тѣхъ поръ разсчитывалъ, для Пруссіи не существуетъ, то во мнѣ созрѣло убѣжденіе, что, опираясь исключительно на власть союзнаго сейма, Пруссія не будетъ въ состояніи вернуть то положеніе, которое она занимала въ союзѣ до марта мѣсяца 1849 г., и что не будетъ никакой возможности преобразовать союзную конституцію, при помощи которой нѣмецкій народъ могъ бы добиться признанія за нимъ права на существованіе въ качествѣ великой европейской державы.

Въ моихъ взглядахъ совершился рѣзкій переворотъ, когда я прочиталъ въ Франкфуртѣ депешу князя Шварценберга отъ 7-го декабря 1850 г., которая до тѣхъ поръ была мнѣ неизвѣстна и въ которой онъ излагалъ обстоятельства Ольмюцкой конференціи въ такомъ видѣ, какъ будто отъ него зависѣло «унизить» Пруссію или великодушно простить ее. Мекленбургскій посланникъ фонъ-Эрценъ (von Oertzen), человѣкъ честныхъ, консервативныхъ убѣжденій, раздѣлявшій мои взгляды на дуалистическую политику, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу Шварценберговской депеши, старался успокоить меня, видя до какой степени она задѣла мой прусскій патріотизмъ. Несмотря на второстепенную и

унизительную для пруссака роль, которую мы играли въ Ольмюцѣ и Дрезденѣ, пріѣхавъ въ Франкфуртъ, я былъ еще вполнѣ на сторонѣ Австріи, но мои юношескія мечты разлетѣлись въ пухъ и прахъ, когда, ознакомившись съ офиціальными документами, я убѣдился въ томъ, что вся сущность Шварценберговской политики сводилась къ тому, чтобы «avilir puis démolir» (унизить и уничтожить). Гордіевъ узелъ нашихъ нѣмецкихъ дѣлъ не могъ быть распутанъ обѣими державами полюбовно, его можно было только разсѣчь мечемъ; надобно было во что бы то ни стало склонить прусскаго короля, а слѣдовательно и прусское войско къ тому, чтобы послужить національному дѣлу сознательно или безсознательно, независимо отъ того что мы ставили бы при этомъ на первый планъ: первенствующую ли роль Пруссіи, съ точки зрѣнія прусскаго патріотизма, или же вопросъ о германскомъ единствѣ, съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ; то и другое вело къ одной цѣли, это было для меня совершенно ясно, что я и указалъ въ засѣданіи союзнаго сейма (30-го сентября 1862 г.), употребивъ впервые выраженіе о желѣзѣ и крови, которое было впослѣдствіи такъ много разъ истолковано превратно.

Пруссія была номинально великой державою, по крайней мѣрѣ пятою изъ нихъ, достигнувъ этого положенія благодаря умственному превосходству Фридриха Великаго и утвердивъ его за собою благодаря подъему народнаго духа въ Пруссіи въ 1813 г. Трудно сказать, съумѣла ли бы дипломатія, въ лицѣ Гумбольдта и Гарденберга, и робкаго Вильгельма III воспользоваться вспыхнувшимъ во время Тильзитскаго мира національнымъ воодушевленіемъ четырехъ милліоновъ пруссаковъ и такового же, пожалуй, числа «сочувствовавшихъ» имъ лицъ въ старопрусскихъ или нѣмецкихъ земляхъ, чтобы явилась возможность осуществить хотя то искусственное переустройство Пруссіи, которое совершилось въ 1815 г., если бы этому не помогъ благородный образъ дѣйствій, коему слѣдовалъ императоръ Александръ I съ 1812 г. и до Вѣнскаго конгресса, подъ вліяніемъ Штейна и Германіи. Территоріальныя размѣры Пруссіи не соотвѣтствовали въ то время ея умственному значенію и тому участію, которое она принимала въ войнахъ съ Наполеономъ.

Нѣмецкій патріотизмъ можетъ проявиться дѣятельно и энергично только тогда, когда онъ выражается подъ видомъ преданности къ существующей династіи; хотя въ теоріи онъ и проявляется ежедневно въ парламентѣ, въ прессѣ и на разныхъ собраніяхъ, цѣмцу нужна династія, которой онъ могъ бы быть преданъ, или какой нибудь внѣшній стимулъ, который возбудилъ бы его гнѣвъ и этимъ заставилъ бы его дѣйствовать. Но дѣйствіе гнѣва, по самому существу, не можетъ быть продолжительно. У насъ всякій готовъ скорѣе доказать свой

патріотизмъ какъ пруссакъ, гановерецъ, виртембергецъ, баварецъ, гессенецъ нежели какъ нѣмецъ; въ низшемъ классѣ и въ парламентскихъ партіяхъ это будетъ долго еще такъ продолжаться. Нельзя сказать чтобы гановерская, гессенская или какая либо иная династія дѣлала что либо особенное для того чтобы снискать расположеніе своихъ подданныхъ, однако ихъ нѣмецкій патріотизмъ обусловливается въ значительной степени преданностью династіи, стоящей во главѣ ихъ. Тутъ дѣло не въ племенномъ различіи, а исключительно въ династическомъ вопросѣ.

Для того чтобы нѣмцы могли проявить любовь къ отечеству, имъ нужно имѣть монарха, на которомъ они могли бы сосредоточить свою привязанность. Если бы мы могли представить себѣ такой случай, что всѣ существующія въ Германіи династіи внезапно исчезли съ лица земли, то нельзя было бы поручиться, что при всѣхъ перипетіяхъ европейской политики, чувство нѣмецкаго національнаго единства удержало бы нѣмцевъ сплоченными хотя бы въ видѣ союзовъ какихъ либо городовъ и т. п. Утративъ то связующее звено, которое выражается въ преданности къ общему монарху, нѣмцы сдѣлались бы добычею болѣе сплоченной націи.

Изъ числа всѣхъ, исторически сложившихся національностей Германіи, наиболѣе опредѣленно выработался несомнѣнно типъ прусской національности, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, могла ли бы Пруссія существовать долгое время, какъ отдѣльное государство, если представить себѣ, что династія Гогенцоллерновъ, или какая либо иная, законно ей наслѣдовавшая династія исчезла съ лица земли. Возможно ли утверждать, что восточная и западная часть Пруссіи, т. е. жители Помераніи, Гановера, Голштиніи и Шлезвига, или жители Аахена и Кенигсберга остались бы попрежнему сплоченными и продолжали бы составлять одно цѣлое прусское государство, если бы они лишились своей царствующей династіи? Могла ли бы напримѣръ Баварія, отдѣльно взятая, существовать какъ нѣчто цѣлое, если бы Виттельбахская династія исчезла безслѣдно? Прошлое нѣкоторыхъ династій совершенно не можетъ возбудить преданности тѣхъ разнородныхъ частей, изъ коихъ сложилось ихъ государство въ историческомъ ходѣ своего развитія. У Шлезвигъ-Голштиніи напримѣръ совершенно нѣтъ династическихъ воспоминаній въ анти-готторпскомъ смыслѣ, между тѣмъ одна мысль о возможности создать вновь самостоятельный маленькій дворъ съ министрами, гофмаршалами, орденами и вести жизнь маленькаго самостоятельнаго государства за счетъ союза, вызвало въ прэльбскихъ герцогствахъ сильное партикуляристическое движеніе.

Прочія европейскія націи не нуждаются въ подобномъ объектѣ для проявленія своего патріотизма и своихъ національныхъ чувствъ. По-

ляки, венгерцы, италіанцы, испанцы, французы сохранили бы единство и сплоченность при всякой династіи и даже при отсутствіи таковой. Сѣверо-германскіе народы, шведы и датчане довольно далеки отъ династической сентиментальности; въ Англіи внѣшніе знаки почтенія, оказываемые царствующей особѣ, составляютъ признакъ хорошаго тона, и всѣ партіи, принимавшія доселѣ участіе въ управленіи страны, признаютъ необходимымъ фактическое сохраненіе королевской власти, но я не думаю, чтобы англійская нація распалась или чтобы въ ней могли проявиться какія-либо стремленія якобинскаго свойства, если бы историческій ходъ событій привелъ къ перемѣнѣ династіи или если бы британскій народъ счелъ нужнымъ или полезнымъ перейти къ республиканской формѣ правленія.

Наличность династической преданности и необходимость имѣть династію, которая сплотила бы своимъ именемъ извѣстную часть націи, составляетъ специфическую особенность нѣмецкаго государства. Различныя національности, выработавшіяся у насъ на почвѣ наслѣдственныхъ династическихъ владѣній, состоятъ по большей части изъ разнородныхъ элементовъ, коихъ сплоченность обусловливается отнюдь не единообразіемъ племеннаго происхожденія, не одинакими условіями историческаго развитія, а исключительно тѣмъ фактомъ, что они достались той или другой династіи, нерѣдко по весьма спорному праву сильнаго или по наслѣдству, въ силу родственныхъ отношеній и т. д. Каково бы ни было происхожденіе этой особенности нѣмецкаго народа, она имѣетъ результатомъ тотъ неоспоримый фактъ, что нѣмецъ всегда готовъ сражаться со своимъ же сосѣдомъ и единомышленникомъ нѣмцемъ и даже убить его, если это нужно въ силу какихъ-либо возникшихъ споровъ и недоразумѣній, ему даже вовсе непонятныхъ, и если это приказано царствующей династіей. Рѣшать вопросъ о правильности и разумности этой особенности не входитъ въ задачу германскаго государственнаго дѣятеля до тѣхъ поръ, пока она настолько сильна, что на нее можно полагаться. Трудность побороть эту особенность или игнорировать ее и проводить теоретически вопросъ о нѣмецкомъ объединеніи, не обращая вниманія на эту практическую помѣху, была нерѣдко непреодолимымъ препятствіемъ для тѣхъ, кому приходилось отстаивать, въ качествѣ первыхъ застрѣльщиковъ, мысль о нѣмецкомъ объединеніи и когда имъ пришлось воспользоваться для этого національнымъ движеніемъ 1849 и 1850 гг.

Династическіе интересы могутъ быть полезны Германіи настолько, насколько они приспособляются къ общимъ національнымъ интересамъ имперіи, съ коими они могутъ прекрасно идти рука объ руку; при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть даже гораздо удобнѣе имѣть дѣло непосредственно съ самимъ, преданнымъ имперіи, владѣтельнымъ гер-

цогомъ, нежели съ его мелкопомѣстными подданными. Но, коль скоро интересы какой-либо династіи угрожаютъ намъ новымъ раздробленіемъ и обезсиленіемъ, то этой династіи должно быть указано надлежащее мѣсто. Нѣмецкій народъ съ его національной жизнью не можетъ быть раздробленъ какъ частная собственность отдѣльныхъ княжескихъ родовъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что сказанное относится точно такъ же къ бранденбургской курфиршеской династіи, какъ къ баварской, вельфской и прочимъ династіямъ; я былъ бы безсиленъ противъ бранденбургскаго царствующаго дома, если бы мнѣ пришлось отстаивать мои національныя нѣмецкія убѣжденія насильственно, идя въ разрѣзъ со взглядами короля, но въ скрижаляхъ исторіи было начертано, что моего придворнаго таланта хватитъ на то, чтобы заручиться содѣйствіемъ его величества, а слѣдовательно и его арміей для нѣмецкаго дѣла. Мнѣ пришлось быть можетъ даже энергичнѣе бороться противъ прусскаго партикуляризма, нежели противъ партикуляризма прочихъ государствъ и династій, и эта борьба была для меня еще труднѣе, вслѣдствіе моихъ давнихъ личныхъ отношеній къ императору Вильгельму I. Но несмотря на твердость его династическихъ убѣжденій, мнѣ всегда удавалось въ концѣ концовъ добиться его согласія на такія мѣры, которыя способствовали нашему національному нѣмецкому развитію, благодаря тому, что въ рѣшительный моментъ національныя стремленія брали въ немъ верхъ, хотя при этомъ затрогивались его самыя сокровенныя династическія и партикуляристическія воззрѣнія.

Вліяніе династій всегда было сильнѣе прессы и парламента; это доказывается тѣмъ фактомъ, что съ 1866 г. всѣ союзныя государства, которыя находились въ сферѣ австрійскаго вліянія, дѣйствовали за одно съ Австріей, не взирая на національныя стремленія ихъ подданныхъ, и только тѣ изъ нихъ были за Пруссію, которымъ угрожала опасность отъ «прусскихъ пушекъ».

Среди послѣднихъ составляли исключеніе только Ганноверъ, Гессенъ и Нассау, такъ какъ они считали Австрію достаточно сильной, чтобы отразить побѣдоносно всѣ требованія Пруссіи. Имъ пришлось за это поплатиться, такъ какъ имъ не удалось доказать королю Вильгельму, что Пруссія, стоя во главѣ Сѣверо-Германскаго союза, вовсе не нуждалась въ увеличеніи своей территоріи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и въ 1866 г. матеріальная сила союзныхъ государствъ подчинялась династіямъ, а не парламентамъ, и что саксонцы, ганноверцы и гессенцы проливали кровь не за нѣмецкое объединеніе, а противъ него.

Около каждой нѣмецкой династіи концентрировались стремленія нѣмцевъ къ партикуляризму и къ образованію мелкихъ федерацій.

При распредѣленіи министерскихъ должностей, (въ то время когда

во главѣ кабинета сталъ Бисмаркъ), для замѣщенія которыхъ число кандидатовъ было довольно ограничено, первымъ былъ назначенъ министръ финансовъ Карлъ фонъ-Бодельшвингъ, братъ вышедшаго въ 1848 г. въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ Эрнста фонъ-Бодельшвинга, уже занимавшій этотъ постъ съ 1851 по 1858 г. при Мантейфелѣ. Вскорѣ оказалось, что ни онъ, ни графъ Иценплицъ (Itzenplitz), назначенный министромъ торговли, не могли руководить дѣлами своего вѣдомства. Они ограничивались тѣмъ, что скрѣпляли своею подписью все, что представляли имъ болѣе свѣдущіе ихъ помощники, стараясь по возможности согласовать противорѣчія, возникавшія между политикой короля и кабинета и мнѣніями ихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одни были либералы, а другіе держались узко чиновничьей точки зрѣнія. Весьма свѣдущіе въ дѣлахъ чины финансоваго вѣдомства были, въ душѣ, противниками новаго министерства, и смотрѣли на происшедшій конфликтъ лишь какъ на кратковременный эпизодъ въ дальнѣйшемъ либеральномъ развитіи бюрократической правительственной машины; хотя наиболѣе выдающіяся изъ этихъ господъ были люди слишкомъ порядочные, чтобы тормозить дѣятельность правительства, но все же они оказывали ему довольно чувствительное, хотя и пассивное противодѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда это не противорѣчило чувству ихъ долга. Это было причиною, что г. фонъ-Бодельшвингъ, составлявшій между нами, министрами, по своему положенію крайнюю правую, изображалъ обыкновенно, благодаря высказываемыхъ имъ взглядамъ, крайнюю лѣвую.

Министръ торговли, графъ Иценплицъ, также не могъ самостоятельно управлять министерствомъ, въ которомъ онъ былъ заваленъ работою, но плылъ по теченію туда, куда его вели подчиненные. Пожалуй для министерства торговли, въ которое входило такъ много разнообразныхъ отраслей, трудно было найти начальника, который могъ бы самостоятельно вѣдать всѣми дѣлами, но все же несомнѣнно, что графъ Иценплицъ былъ менѣе способенъ рѣшать предстоявшія ему вопросы, нежели, напр., фонъ-деръ-Гейдтъ, и въ вопросахъ технического свойства подчинялся довольно безпомощно своимъ опытнымъ въ дѣлахъ подчиненнымъ. Онъ обладалъ къ тому же мягкимъ характеромъ и не имѣлъ энергіи, необходимой для того, чтобы руководить столь обширнымъ вѣдомствомъ; онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ злоупотребленій, въ которыхъ обвиняли тогда самыхъ видныхъ дѣятелей министерства торговли и которыя весьма тревожили его, какъ честнаго человѣка; онъ былъ безсиленъ въ этомъ случаѣ, полагая, что онъ не въ состояніи обойтись безъ помощи своихъ помощниковъ, свѣдущихъ въ технической сторонѣ дѣла, къ которымъ между тѣмъ онъ относился съ большимъ недовѣріемъ.

Отъ названныхъ двухъ коллегъ я не могъ ожидать лично ровно никакой помощи, во-первыхъ, потому, что они были къ этому совершенно неспособны, а во-вторыхъ, потому, что они относились ко мнѣ слишкомъ несочувственно, какъ къ человѣку болѣе молодому и не принимавшему ранѣе участія въ дѣлахъ управленія.

Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ я засталъ г. фонъ-Ягова, но онъ вскорѣ такъ возстановилъ противъ себя своихъ коллегъ своею рѣзкостью, пустословіемъ и любовью къ безполезнымъ спорамъ, что его пришлось замѣнить графомъ Эйленбургомъ. Весьма любопытенъ одинъ эпизодъ, случившійся съ нимъ уже по уходѣ его изъ министерства, когда онъ занималъ мѣсто оберъ-президента въ Потсдамѣ. Въ переговорахъ, возникшихъ по одному весьма важному для города Берлина вопросу, Яговъ, по занимаемой имъ должности, явился посредникомъ между правительствомъ и городскими властями. Дѣло настолько не терпѣло отлагательства, что министерство предложило обербургомистру отправиться въ Потсдамъ, узнать по одному весьма важному пункту, на словахъ, мнѣніе оберъ-президента и доложить его совѣту министровъ, коего засѣданіе было назначено для этого нарочно въ тотъ же вечеръ.

Оберъ-бургомистръ провелъ у Ягова два часа, но явясь въ засѣданіе, заявилъ, что онъ ничего не можетъ доложить, такъ какъ ему не удалось сказать оберъ-президенту ни слова въ теченіе тѣхъ двухъ часовъ, которые были въ его распоряженіи между приходомъ и отходомъ поѣзда. Рискуя быть невѣжливымъ, онъ неоднократно старался перебить его и вставить свой вопросъ, но президентъ каждый разъ энергично останавливалъ его, говоря: «Позвольте, я еще не кончилъ, дайте мнѣ досказать». Это было весьма непріятно, но мы невольно разсмѣялись, припомнивъ что и съ нами бывали случаи въ этомъ родѣ.

Мой коллега по министерству земледѣлія Ф. Зельховъ не обладалъ столь обширными способностями, какія ему приписывала молва. Король предполагалъ назначить его министромъ внутреннихъ дѣлъ—постъ въ то время чрезвычайно важный. Имѣвъ продолжительную бесѣду съ Ф. Зельховымъ узнавъ ближе его образъ мыслей, и считая его неспособнымъ занимать эту должность я просилъ его величество измѣнить свое намѣреніе и назначить вмѣсто него графа Фридриха Эйленбурга. Они оба, какъ масоны были лично извѣстны королю; на нихъ остановился выборъ только въ декабрѣ, когда обнаружилось затрудненіе при сформированіи министерства. Король сомнѣвался въ томъ, чтобы графъ Эйленбургъ былъ способенъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и хотѣлъ назначить его министромъ торговли, графа Иценплица—министромъ земледѣлія, а Зельхова министромъ внутреннихъ дѣлъ. Я возразилъ на это, что по своей спеціальной подготовкѣ Эйленбургъ и Зельховъ одинаково годятся для этой должности, что имъ придется обоимъ во многомъ полагаться на

своихъ ближайшихъ помощниковъ, но что касается меня, то я придаю въ этомъ случаѣ болѣе значенія личнымъ способностямъ и смѣтливости, нежели спеціальнымъ техническимъ знаніямъ. Я соглашался съ тѣмъ, что Эйленбургъ былъ не особенно трудолюбивъ и болѣе склоненъ къ удовольствіямъ; но онъ обладалъ здравымъ смысломъ и былъ готовъ дѣйствовать рѣшительно и если бы ему, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, то необходимость защищаться и парировать удары, которые будутъ ему нанесены, заставила бы его дѣйствовать энергично. Король уступилъ, и я увѣренъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, мой выборъ былъ правильный, ибо хотя мнѣ и приходилось довольно часто и даже много страдать отъ лѣни моего друга Эйленбурга и отъ его неисполнительности, но когда на него находила охота работать, то онъ былъ для меня прекраснѣйшимъ помощникомъ и всегда дѣйствовалъ умно, хотя въ немъ и проявлялись иной разъ честолюбіе и обидчивость даже по отношенію ко мнѣ. Когда приходилось работать особенно упорно, отказываясь отъ всякихъ развлеченій и отдыха, онъ начиналъ нервничать. Какъ бы то ни было, онъ вмѣстѣ съ Роономъ были самыми дѣльными членами нашего кабинета.

Въ то время, когда я вступилъ въ должность, изъ всѣхъ моихъ будущихъ коллегъ одинъ только Роонъ понималъ истинную цѣль и смыслъ моего назначенія и предстоявшій намъ планъ дѣйствій, который онъ обсуждалъ вмѣстѣ со мною. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ самоотверженности, смѣлости и умѣніи, съ каковыми еще до вступленія моего въ министерство и впослѣдствіи при мнѣ онъ помогалъ правительству въ борьбѣ съ кризисомъ, вызваннымъ попыткою идти по новому пути. Роонъ отлично зналъ дѣла своего вѣдомства, энергично руководилъ имъ, былъ самымъ краснорѣчивымъ человѣкомъ между нами, отличался умомъ и свойственной прусскому офицеру непоколебимой честностью убѣжденій. Понимая политическіе вопросы такъ же ясно, какъ Эйленбургъ, онъ былъ послѣдовательнѣе его, болѣе увѣренъ въ себѣ и болѣе остороженъ. Въ частной жизни онъ былъ безупреченъ. Я подружился съ нимъ еще въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ въ домѣ моихъ родителей (1833 г.), занимаясь топографической съемкой; мнѣ приходилось только страдать отъ его вспыльчивости, доходившей до того, что она угрожала нерѣдко опасностью его здоровью. Въ то время, когда по причинѣ моей болѣзни онъ исполнялъ въ 1873 г. временно мои обязанности, нѣкоторые изъ моихъ недоброжелателей, какъ напримѣръ, Гарри Арнимъ и нѣкоторыя другія лица изъ молодыхъ военныхъ, которыя вели противъ меня, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, кампанію въ «Kreuzzeitung» и «Reichsglocke», старались поддѣлаться къ нему и возстановить его противъ меня. Ему недолго пришлось стоять во

главѣ кабинета; прочіе наши коллеги, видя что онъ относится къ нимъ далеко не такъ, какъ они вправѣ были ожидать и требовать какъ члены коллегіальнаго учрежденія, тѣмъ болѣе что вспыльчивость его съ лѣтами возрастала и что наши сотоварищи, какъ люди статскіе, не внушали ему ни малѣйшаго уваженія, стали просить меня, чтобы я снова занялъ свое мѣсто, и хлопотали о томъ же секретно черезъ Эйленбурга у короля, къ моему величайшему сожалѣнію, безо всякаго вѣдома съ моей стороны что вызвало со стороны Роона ко мнѣ не то чтобы враждебное отношеніе, но нѣкоторую холодность и заставило меня убѣдиться, что мой лучшій другъ и сотоварищъ не съумѣлъ устоять противъ лжи и клеветы, которую мои недоброжелатели систематически распространяли противъ меня; я поступилъ бы, вѣроятно, въ подобномъ случаѣ иначе.

Министръ духовныхъ дѣлъ и вѣроисповѣданій фонъ-Миллеръ въ служебномъ отношеніи походилъ на своего преемника фонъ-Госслера, съ тою лишь разницею, что на него имѣла большое вліяніе его энергичная супруга, любившая вмѣшиваться въ дѣла и которой онъ подчинялся, такъ какъ онъ былъ слабѣе ея характеромъ; я не замѣчалъ этого вначалѣ, но понялъ, что это такъ по впечатлѣнію, которое они произвели на меня при личномъ знакомствѣ. Я вспоминаю, что въ бытность мою въ августѣ мѣсяцѣ 1865 г. въ Гастейнѣ, мнѣ пришлось однажды, отбросивъ всякую вѣжливость, настаивать на томъ, чтобы переговорить съ г. Миллеромъ съ глаза на глазъ по поводу одного королевскаго повелѣнія; и едва удалось убѣдить его супругу оставить насъ однихъ. Подобные случаи приводили его въ дурное настроеніе духа; хотя благодаря его служебной опытности, это не вредило дѣлу, но отъ этого страдали наши личныя отношенія.

На политическіе взгляды г-жи Миллеръ имѣлъ вліяніе не ея супругъ, а ея величество: и она всегда старалась дѣйствовать въ смыслѣ желательномъ для королевы. Придворная атмосфера, чинопочитаніе, наружное проявленіе высочайшаго благоволенія нерѣдко имѣли на женъ нашихъ министровъ такое вліяніе, которое давало себя чувствовать въ политикѣ; личная политика императрицы Августы, противорѣчившая обыкновенно государственнымъ интересамъ, имѣла въ лицѣ г-жи Миллеръ услужливую пособницу, а г. Миллеръ хотя былъ человѣкъ весьма неглупый и честный, но не обладалъ достаточно твердыми убѣжденіями, чтобы не дѣлать, для поддержанія домашняго мира, но въ ущербъ государственной политикѣ, нѣкоторыхъ уступокъ, когда это не слишкомъ бросалось въ глаза.

Министръ юстиціи, графъ Липпе, вѣроятно какъ бывшій прокуроръ, имѣлъ привычку говорить самыя рѣзкія вещи съ улыбкою и съ язвительнымъ выраженіемъ своего собственнаго превосходства, чѣмъ онъ несказанно раздражалъ парламентъ и своихъ коллегъ.

Государственный вопросъ, по поводу котораго возникъ конфликтъ между правительствомъ и парламентомъ, и взглядъ, усвоенный на него кабинетомъ и заслужившій одобреніе короля, затронутъ въ письмѣ его величества къ барону фонъ-Финке, о которомъ было упомянуто въ прессѣ, но которое, на сколько мнѣ помнится, не было напечатано полностью [1]), хотя оно вполнѣ заслуживаетъ быть обнародованнымъ, такъ какъ въ немъ выразился взглядъ короля на отвѣтственность министерства.

Баронъ фонъ-Финке, посылая королю поздравительное письмо къ новому году (1863 г.), заключилъ его слѣдующими словами: «Народъ преданъ вашему величеству, но въ то же время онъ твердо стоитъ за право, которое предоставлено ему 99-ою статьею конституціи. Да предотвратитъ Господь злополучныя послѣдствія крупнаго недоразумѣнія».

Король отвѣчалъ, 2-го января 1863 г.

«Я искренне вамъ благодаренъ за ваши любезныя пожеланія къ новому году. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы не можемъ смотрѣть радостно на наступающій годъ. Но я не понимаю, почему и вы со своей стороны трубите о томъ, будто я не понимаю настроенія большинства націи; по всей вѣроятности вы не читали моего отвѣта депутаціи, явившейся ко мнѣ съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Я говорилъ неоднократно, что мое довѣріе къ народу непоколебимо, ибо я зналъ, что народъ мнѣ также довѣряетъ; но я проклинаю тѣхъ, которые хотятъ лишить меня этого довѣрія, такъ какъ ихъ планы могутъ быть осуществлены только въ томъ случаѣ, ежели это довѣріе будетъ поколеблено. Всему свѣту извѣстно, что они считаютъ пригодными для этого всѣ пути, ибо ихъ планы могутъ осуществиться только благодаря лжи и обману.

«Вы говорите даже, что народъ требуетъ исполненія § 99 конституціи. Я хотѣлъ бы знать, сколько человѣкъ знаютъ § 99 или когда-либо слышали о немъ!!! Но это, конечно, безразлично и не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ для правительства этотъ параграфъ существуетъ и оно обязано его исполнять. Но кто же виноватъ, если исполненіе этого параграфа стало немыслимо? Развѣ я не уступилъ послѣ зимней сессіи 4 милліона, къ сожалѣнію, измѣнивъ сообразно съ этимъ военный бюджетъ? Развѣ я не сдѣлалъ, къ сожалѣнію, и многія другія уступки, чтобы доказать новой палатѣ желаніе правительства придти съ нею къ соглашенію? А къ чему это повело? Къ тому, что палата депутатовъ поступила такъ, какъ будто я ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы пойти ей навстрѣчу, и требовала все но-

[1]) Оно напечатано у Л. Шнейдера, „Aus dem Leben Wilhelms I“, ч. I 194, 197.

выхъ и новыхъ уступокъ; это привело наконецъ, къ тому, что управленіе страною стало почти немыслимо. Тотъ, кто такъ пользуется своимъ правомъ, т. е. уменьшаетъ бюджетъ такъ, что вся государственная дѣятельность прекращается, того можно назвать сумасшедшимъ. Гдѣ сказано въ конституціи, что только одно правительство должно дѣлать уступки, а депутаты никогда?... Послѣ того, какъ я сдѣлалъ съ своей стороны уступки въ неслыханныхъ размѣрахъ, депутатамъ слѣдовало сдѣлать таковыя съ своей стороны. Но они ни въ какомъ случаѣ не хотѣли сдѣлать ихъ, и такъ-называемый «эпизодъ» доказываетъ ясно, какъ день, что намъ ставили одну ловушку за другой, въ которую попалъ даже вашъ двоюродный братъ Патовъ и Шверинъ, вслѣдствіе низости Bockum-Dolff'a. Для того, чтобы добиться принятія бюджета, намъ пришлось сбавить въ 1862 г. 234.000 рейхсталера, хотя самая сущность вопроса подлежала обсужденію лишь въ 1863 г.; это было напечатано; и когда я изъявилъ на это свое согласіе, тогда только Bockum-Dolff заявилъ, что съ ихъ стороны, т. е. со стороны его политическихъ друзей, эта уступка можетъ быть принята лишь въ томъ случаѣ, если въ комиссіи немедленно будетъ изъявлено согласіе на двухъ-годичный срокъ службы, и законопроектъ объ этомъ будетъ на другой же день внесенъ въ парламентъ. Когда я и на это согласился, то Bockum-Dolff осмѣялъ насъ въ прессѣ. «Можно себѣ представить, до чего доходитъ низость правительства, если оно требуетъ отъ палаты, чтобы она предложила миръ за 234.000 рейхсталеровъ!» Однако это предложеніе было сдѣлано палатою! Была ли совершена когда-либо бо́льшая гнусность съ цѣлью осрамить правительство и сбить съ толку народъ?

«Палата депутатовъ воспользовалась своимъ правомъ и уменьшила бюджетъ.

«Палата господъ воспользовалась своимъ правомъ и отвергла бюджетъ en bloc.

«Что предписываетъ въ подобномъ случаѣ конституція?

«Ничего!

«Такъ какъ палата депутатовъ воспользовалась своимъ правомъ для уничтоженія арміи и страны, то мнѣ пришлось въ виду этого «ничего» что-либо предпринять и управлять домомъ какъ хорошій отецъ семейства и впослѣдствіи дать вовсемъ отчетъ. Кто же сдѣлалъ немыслимымъ соблюденіе § 99?.. Конечно не я! Вильгельмъ».

XIII.

Отношеніе русскаго правительства къ польскому вопросу. — Мнѣніе Александра II.—Императоръ предлагаетъ Бисмарку поступить на русскую службу.—Дружественныя отношенія къ Россіи могутъ быть полезны для нѣмецкаго объединенія.—Образъ дѣйствій Австріи во время польскаго возстанія.—Трудныя стороны польскаго вопроса для Пруссіи.—Значеніе Альвенслебенской военной конвенціи.—Отношеніе Горчакова къ польскому вопросу.

Колеблясь между сочувствіемъ къ полякамъ и абсолютизмомъ, въ Петербургѣ довольно долго не знали, какъ отнестись къ польскому возстанію, которое началось одновременно съ революціей въ Италіи, имѣло съ нею несомнѣнно нѣкоторую связь и выразилось вначалѣ національнымъ трауромъ, церковными процессіями въ память событій, носившихъ патріотическій характеръ, и волненіями въ сельско-хозяйственныхъ клубахъ. Полякамъ сочувствовала та часть высшаго русскаго общества, которая мечтала о конституціи, считая обиднымъ, что русскіе, люди образованные, не имѣли тѣхъ учрежденій, которыя существуютъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, и не могли принимать участія въ обсужденіи вопросовъ внутренняго управленія. Разногласіе во взглядахъ на польскій вопросъ обнаружилось также въ высшихъ военныхъ сферахъ и повело къ извѣстному прискорбному столкновенію между варшавскимъ намѣстникомъ генераломъ графомъ Ламбертомъ и генералъ-губернаторомъ генераломъ Герстенцвейгомъ, которое окончилось загадочной смертью послѣдняго (въ январѣ 1862 г.). Я присутствовалъ при его отпѣваніи въ одной изъ лютеранскихъ церквей въ Петербургѣ. Лица, мечтавшія о конституціи, говорили какъ бы въ свое оправданіе, что русскіе не могутъ управлять поляками, которые, будучи болѣе цивилизованы, могутъ предъявить болѣе широкія требованія на участіе въ управленіи страною.

Это мнѣніе раздѣлялъ и князь Горчаковъ, коему парламентскія учрежденія могли открыть обширное поле для проявленія его краснорѣчія въ европейскомъ вкусѣ и который, жаждая популярности, былъ не въ состояніи идти противъ либеральныхъ стремленій русскаго «общества». При слушаніи дѣла Вѣры Зазуличъ (11-го апрѣля 1878 г.) онъ первый рукоплескалъ ея оправданію.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 года, когда я уѣхалъ изъ Петербурга, тамъ происходила оживленная борьба мнѣній; она продолжалась и въ то время, когда я сталъ во главѣ кабинета. При вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, я былъ того взгляда, что мятежъ, вспыхнувшій 1-го января 1863 года, затронулъ не только интересы нашихъ восточныхъ провинцій, но и гораздо болѣе важный

для насъ вопросъ о томъ, какъ отнесутся къ Польшѣ въ русскихъ правительственныхъ сферахъ: сочувственно или враждебно, будетъ ли тамъ преобладать стремленіе къ братанью съ поляками въ панславянскомъ, анти-нѣмецкомъ духѣ или возьметъ верхъ желаніе сблизиться съ Пруссіей. Говоря о своемъ желаніи сойтись съ поляками, русскіе были чистосердечнѣе ихъ; польское дворянство и духовенство не вѣрило, чтобы эти стремленія могли принести Польшѣ какую-либо пользу, и не считали единенія съ Россіей конечной цѣлью своихъ желаній. Врядъ ли хотя одинъ полякъ смотрѣлъ на примирительную политику иначе какъ на тактическій маневръ, разсчитанный на то, чтобы обмануть до поры до времени легковѣрныхъ русскихъ. Польское дворянство и духовенство отвергаетъ возможность сближенія съ русскими точно такъ же, какъ съ нѣмцами, съ послѣдними даже болѣе отчасти, вслѣдствіе антипатіи къ нѣмецкой расѣ и отчасти исходя изъ того убѣжденія, что въ государственномъ строѣ поляки скорѣе могли бы руководить русскими, нежели нѣмцами.

Вопросъ о томъ, какъ отнесется Россія къ польскому возстанію, имѣлъ первостепенное значеніе для будущаго Пруссіи, какъ германской державы. Доброжелательное къ Польшѣ отношеніе русскаго правительства могло повести къ сближенію Россіи съ Франціей, къ которому обѣ державы стремились со времени Парижскаго мира и даже раньше, а доброжелательный Польшѣ франно-русскій союзъ, о которомъ поговаривали еще до іюльской революціи, поставилъ бы тогдашнее прусское правительство въ весьма затруднительное положеніе. Намъ слѣдовало въ нашихъ собственныхъ интересахъ противодѣйствовать польскимъ симпатіямъ русскаго кабинета, хотя бы онѣ выражались въ духѣ Александра I.

Изъ откровенной бесѣды моей съ княземъ Горчаковымъ и съ самимъ императоромъ я убѣдился, что Россія была не прочь отъ братскаго сближенія съ Польшей. Императоръ Александръ, какъ онъ высказалъ мнѣ откровенно, былъ готовъ отказаться отъ нѣкоторой части Польши; по крайней мѣрѣ отъ лѣваго берега Вислы, исключая Варшавы, которая, въ качествѣ крѣпости, имѣла значеніе для военныхъ цѣлей и принадлежала, со стратегической точки зрѣнія, къ треугольнику укрѣпленій на Вислѣ; впрочемъ императоръ не особенно настаивалъ на этомъ. Польша представляла, по его словамъ, для Россіи вѣчный источникъ тревоги и опасности, которая угрожала ей со стороны Европы; обрусѣніе ея немыслимо вслѣдствіе различія вѣроисповѣданія и неспособности русской администраціи.—Вы можете онѣмечить польскія земли, говорилъ онъ, вы имѣете къ тому всѣ средства, такъ какъ нѣмецкій народъ образованнѣе польскаго. Русскій же человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ необходимаго превосходства для того, чтобы властвовать надъ поляками; Россіи слѣдуетъ ограничиться наименьшимъ количествомъ польскаго

населенія, какое допускаетъ ея географическое положеніе, т. е. принять границею Вислу и Варшаву какъ тетъ-де-понъ.

Не знаю, было ли сказанное результатомъ зрѣло обдуманнаго государемъ плана, но, по всей вѣроятности, этотъ вопросъ обсуждался имъ съ государственными людьми, ибо императоръ никогда не высказывалъ мнѣ своихъ самостоятельныхъ политическихъ плановъ. Этотъ разговоръ происходилъ въ то время, когда было уже почти рѣшено, что я буду отозванъ изъ Петербурга; превратно истолковавъ мои слова, что я весьма сожалѣю объ этомъ и охотно остался бы въ Петербургѣ, которыя были сказаны вполнѣ искренно, а не изъ простой вѣжливости, государь спросилъ, не желаю ли я поступить на русскую службу. Я отвѣчалъ на это вѣжливымъ отказомъ, но сказалъ съ особеннымъ удареніемъ, что мнѣ бы хотѣлось остаться при его величествѣ въ качествѣ прусскаго посланника. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы императоръ сдѣлалъ съ этой цѣлью какіе-либо шаги, такъ какъ для меня не было ничего привлекательнаго въ перспективѣ быть министромъ или хотя бы посланникомъ въ Парижѣ или Лондонѣ, не имѣя возможности, при новомъ направленіи нашей политики, оказывать на нее вліяніе. Я не могъ себѣ представить какимъ образомъ, служа въ Лондонѣ или Парижѣ, я могъ бы быть полезенъ странѣ и какъ я могъ бы содѣйствовать успѣху своихъ взглядовъ, между тѣмъ какъ вліяніе, коимъ я пользовался у императора Александра и его государственныхъ дѣятелей, имѣло, безъ сомнѣнія, большое для насъ значеніе. Мысль сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ была мнѣ такъ непріятна, какъ то ощущеніе, которое мы испытываемъ купаясь въ морѣ въ холодную погоду; но всѣ эти соображенія были недостаточно сильны, чтобы побудить меня энергично приняться за устройство своей судьбы или чтобы заставить меня просить о томъ императора Александра.

Когда я все-таки былъ назначенъ министромъ, то меня болѣе занимали вопросы внутренней, нежели внѣшней политики; что касается послѣдней, то подъ вліяніемъ моего недавняго пребыванія въ Россіи меня интересовали преимущественно наши отношенія къ этой державѣ, и я старался упрочить вліяніе, которое наша политика имѣла въ Петербургѣ. Для меня было совершенно ясно, что Пруссія не могла ожидать въ своей политикѣ никакой поддержки отъ Австріи въ нѣмецкомъ вопросѣ. Трудно было также предполагать, что Франція искренно будетъ желать нашего усиленія и объединенія Германіи, но это не мѣшало намъ воспользоваться въ нашихъ интересахъ временной поддержкою Наполеона III, хотя бы и основанной на его ошибочномъ расчетѣ. Мы находились относительно Россіи въ такомъ же точно положеніи, какъ относительно Англіи, поскольку наши интересы не расходились по существу съ интересами той и другой державы и были скрѣплены много-

лѣтнею дружбою. Отъ Англіи мы едва ли могли ожидать что-либо кромѣ платоническаго доброжелательства и поучительныхъ писемъ и газетныхъ статей. Помощь русскаго царя, какъ показала венгерская кампанія, могла, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть существеннѣе доброжелательнаго нейтралитета. Конечно, нельзя было разсчитывать, что онъ сдѣлаетъ что-либо подобное и для насъ, но легко могло случиться, что если бы Франція сдѣлала попытку вмѣшаться въ наши національныя дѣла, то императоръ помогъ бы намъ оградиться отъ этого вмѣшательства своимъ дипломатическимъ посредничествомъ. Доброжелательство къ намъ этого монарха, на основаніи котораго это можно было предположить проявилось и въ 1870 г., тогда какъ всѣ симпатіи нейтральной и дружественной намъ Англіи были въ то время на сторонѣ Франціи. Поэтому намъ слѣдовало, по моему мнѣнію, оберегать симпатію, которую питалъ къ намъ Александръ II, хотя ее не раздѣляли многіе его подданные и государственные сановники; ее слѣдовало оберегать по крайней мѣрѣ настолько, чтобы Россія не имѣла повода стать на сторону нашихъ враговъ. Въ то время нельзя было предвидѣть, какъ долго обстоятельства позволяютъ намъ пользоваться дружескимъ расположеніемъ царя въ нашихъ политическихъ выгодахъ. Во всякомъ случаѣ простой здравый смыслъ повелѣвалъ намъ дѣйствовать такъ, чтобы это дружеское расположеніе не перешло на сторону нашихъ враговъ, коими были поляки, всѣ сочувствующіе имъ русскіе и пожалуй даже французы. Австрія была занята въ то время главнымъ образомъ своимъ соперничествомъ съ Пруссіей на нѣмецкой національной почвѣ и легче могла справиться съ польскимъ возстаніемъ, нежели мы или Россія; несмотря на воспоминанія 1846 г. и на то, что головы польскихъ вельможъ были ею оцѣнены, католическая имперія все же пользовалась у поляковъ и у католическаго духовенства бо̀льшей симпатіей, чѣмъ Пруссія и Россія.

Примирить австро-польскія и русско-польскія желанія врядъ ли было возможно; но сочувствіе, выказанное въ 1863 г. польскому возстанію австрійской политикой и западными державами, доказываетъ, что Австрія не боялась русскаго соперничества въ возстановленной Польшѣ. Въ апрѣлѣ, іюнѣ и августѣ мѣсяцѣ 1863 года Австрія сдѣлала Россіи, совмѣстно съ Франціей и Англіей, троекратно представленія въ интересахъ Польши.

«Мы обсудили, говорилось въ нотѣ, посланной Австріей 18-го іюня, условія, при какихъ въ Царствѣ Польскомъ могутъ быть возстановлены тишина и спокойствіе, и изложили ихъ въ нижеслѣдующихъ шести пунктахъ, которые мы представляемъ на благоусмотрѣніе петербургскаго кабинета: 1) Полная и всеобщая амнистія; 2) Національное представительство съ участіемъ въ законодательныхъ работахъ и съ правомъ

фактическаго контроля. 3) Назначеніе поляковъ на государственныя должности съ такимъ расчетомъ, чтобы со временемъ образовалась особая національная администрація, могущая внушить довѣріе странѣ. 4) Полная свобода совѣсти и отмѣна всѣхъ мѣръ, стѣсняющихъ свободу католическаго вѣроисповѣданія. 5) Исключительное употребленіе польскаго языка въ дѣловыхъ сношеніяхъ въ администраціи, судопроизводствѣ и школѣ. 6) Введеніе правильной и законной системы рекрутскаго набора».

Австрія отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе Горчакова, чтобы Россія, Австрія и Пруссія соединились для обсужденія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ своихъ польскихъ подданныхъ, заявивъ, что «соглашеніе, состоявшееся между вѣнскимъ, лондонскимъ и парижскимъ кабинетами, создало между ними такую связь, которую Австрія не можетъ нарушить, вступивъ отдѣльно въ переговоры съ Россіей». Таково было положеніе дѣлъ въ то время, какъ король получилъ въ Гастейнѣ собственноручное письмо императора Александра, въ которомъ государь сообщалъ ему о своемъ намѣреніи двинуть войска въ Польшу и просилъ содѣйствія Пруссіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дружескія отношенія, существовавшія въ то время между обѣими западными державами, повліяли на предложеніе, сдѣланное императоромъ Францомъ-Іосифомъ 2-го августа, о созывѣ княжескаго сейма, но онъ ошибся въ расчетѣ и не подозрѣвалъ, что императору Наполеону наскучилъ уже польскій вопросъ и что онъ только и думалъ о томъ, какъ бы приличнымъ образомъ совершить отступленіе.

Графъ Гольцъ писалъ мнѣ 31-го августа [1]):

«Вы увидите изъ моего сегодняшняго письма, что мы находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ (дѣйствительно онъ никогда еще не былъ со мною такъ любезенъ и откровененъ, даже въ самомъ началѣ моей миссіи), что Австрія оказала намъ по отношенію къ Франціи большую услугу своимъ княжескимъ сеймомъ, и что если бы польскій вопросъ былъ рѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ, то благодаря отсутствію Меттерниха, и послѣдовавшему сегодня отъѣзду его высочайшаго друга, мы легко могли бы занять вновь такое политическое положеніе, при которомъ можно бы спокойно ожидать дальнѣйшихъ событій.

«Я не могъ отвѣтить на замѣчанія императора относительно польскихъ дѣлъ, какъ я бы того желалъ; мнѣ кажется его величество ожидалъ, что ему будетъ предложено посредничество; но инструкція, полученная мною отъ короля, заставила меня быть сдержаннымъ. Во вся-

[1]) Bismarck-Jahrbuch, V, 219.

комъ случаѣ, по моему мнѣнію, надобно ковать желѣзо, пока оно горячо; императоръ предъявляетъ въ настоящее время требованія болѣе скромныя, чѣмъ когда либо; но если Австрія захочетъ загладить неловкость, сдѣланную ею во Франкфуртѣ уступчивостью въ польскомъ вопросѣ, то надобно будетъ постараться, чтобы онъ вернулся къ прежнимъ требованіямъ. Онъ хочетъ теперь только выйти съ честью изъ этого положенія, самъ признаетъ всѣ шесть пунктовъ неудовлетворительными и готовъ смотрѣть сквозь пальцы на то, какъ они будутъ осуществляться на практикѣ; поэтому ему было бы весьма удобно, если бы его не обязали слѣдить слишкомъ строго за ихъ выполненіемъ. Судя по тому какъ дѣло шло до сихъ поръ, я боюсь только, что русскіе лишатъ насъ заслуги окончить это дѣло, сдѣлавъ безъ насъ то, что мы собирались посовѣтывать имъ.

«Поѣздка великаго князя, который очевидно еще не отозванъ, внушаетъ мнѣ большое подозрѣніе. Что будетъ, если императоръ Александръ объявитъ теперь конституцію и сообщитъ о томъ императору Наполеону собственноручнымъ любезнымъ письмомъ? Это было бы конечно лучше, нежели продолжающаяся неурядица, но для насъ оно было бы менѣе благопріятно, чѣмъ если бы мы сказали предварительно императору Наполеону: «Мы готовы посовѣтывать это государю; будешь ли ты этимъ доволенъ?»

Мы не обратили вниманія на намекъ, сдѣланный недѣли двѣ тому назадъ генераломъ Флёри одному изъ членовъ прусскаго посольства, что слѣдовало бы посовѣтывать императору Александру сдѣлать этотъ шагъ, и дипломатическій походъ трехъ державъ лопнулъ бы какъ мыльный пузырь. Планъ, предложенный графомъ Гольцемъ, показался мнѣ съ политической точки зрѣнія неправильнымъ, недостойнымъ и задуманнымъ скорѣе во французскомъ нежели въ нѣмецкомъ духѣ.

Польскій вопросъ не представляетъ для Австріи тѣхъ трудностей, какія сопряжены для насъ съ исполненіемъ требованій, предъявляемыхъ одновременно нѣмцами и поляками въ Польшѣ и въ Западной Пруссіи и съ положеніемъ Восточной Пруссіи въ случаѣ возстановленія независимости Польши. Наше географическое положеніе и смѣшеніе обѣихъ національностей въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, включая Силезію, вынуждаетъ насъ тормозить рѣшеніе польскаго вопроса; подобныя соображенія руководили нами и въ 1863 г., когда мы старались повліять въ томъ же смыслѣ на Россію. Одно время, руководясь теоріей Велепольскаго, въ Петербургѣ прочили великаго князя Константина Николаевича въ вице-короли Польши.

Военная конвенція, заключенная въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 г. въ Петербургѣ генераломъ Густавомъ Альвенслебеномъ, имѣла для Пруссіи

скорѣе дипломатическое, нежели военное значеніе [1]). Она олицетворяла собою побѣду, одержанную прусской политикой въ кабинетѣ русскаго царя надъ польскими вѣяніями, коихъ представителями были Горчаковъ, Велепольскій и другія вліятельныя лица. Она была заключена по желанію самого императора вопреки мнѣнію его министровъ. Соглашеніе военно-политическаго характера, заключенное Россіей съ нѣмцемъ, противникомъ панславизма, противъ польскаго «братскаго народа» было рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ партіи, которая сочувствовала при дворѣ Польшѣ; съ военной точки зрѣнія, эта конвенція не имѣла почти никакого практическаго значенія; русскія войска были достаточно сильны и успѣхи повстанцевъ существовали большей частью только въ довольно фантастическихъ донесеніяхъ, которыя фабриковались по заказу изъ Парижа, въ Мисловицѣ, и посылались яко бы съ границы, или съ театра военныхъ дѣйствій, или изъ Варшавы и появлялись сперва въ одной берлинской газетѣ, а затѣмъ обходили всю европейскую прессу. Конвенція эта была искуснымъ шахматнымъ ходомъ, который рѣшилъ партію, разыгрывавшуюся въ петербургскомъ кабинетѣ между приверженцами антипольскихъ монархическихъ стремленій и панславистской партіей, сочувствовавшей полякамъ.

Князь Горчаковъ смотрѣлъ на польскій вопросъ не съ монархической, а съ либеральной или, такъ сказать, съ парламентской точки зрѣнія. Онъ считалъ себя прекраснымъ ораторомъ, былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ и ему было пріятно думать, что Европа могла бы рукоплескать его краснорѣчію, если бы онъ имѣлъ возможность выказать его на трибунѣ въ Варшавѣ или въ Петербургѣ. Въ то время предполагали, что либеральныя уступки, которыя будутъ сдѣланы полякамъ, коснутся и русскихъ; поэтому всѣ русскіе, мечтавшіе о конституціи, были на сторонѣ поляковъ.

Въ то время когда общественное мнѣніе было занято у насъ польскимъ вопросомъ и конвенція, заключенная Альвенслебеномъ, возбудила непонятное негодованіе либераловъ въ ландтагѣ, мнѣ былъ однажды представленъ у кронпринца г. Гинцпетеръ. Такъ какъ этотъ господинъ видѣлъ кронпринца и его супругу ежедневно и казался мнѣ человѣкомъ консервативныхъ убѣжденій, то я завелъ съ нимъ продолжительный разговоръ и высказалъ ему свой взглядъ на польскій вопросъ, въ надеждѣ, что ему представится случай говорить въ этомъ смыслѣ съ кронпринцемъ. Нѣсколько дней спустя онъ писалъ мнѣ, что кронпринцесса спрашивала его, о чемъ я такъ долго говорилъ съ нимъ; онъ передалъ ей весь нашъ разговоръ, записалъ его и прислалъ мнѣ для исправленія.

---

[1]) Сравн. письмо Бисмарка къ генералу Бернсторфу отъ 9-го марта 1863 г. Bismarck-Jahrbuch, VI, 172.

*

Я отвѣчалъ, что долженъ отклонить его просьбу, ибо послѣ того, что онъ сообщилъ мнѣ, это имѣло бы видъ, какъ будто я высказалъ свои взгляды, да притомъ еще письменно, не ему, а кронпринцессѣ, я же могу сдѣлать это не иначе какъ словесно.

XIV.

Бисмаркъ и императоръ Фридрихъ.—Распоряженіе о печати.—Данцигская рѣчь кронпринца.—Его жалоба и отвѣтъ короля.—Бисмаркъ удерживаетъ короля отъ крайнихъ мѣръ противъ его сына.—Нескромность Times'a.—Кто былъ заподозрѣнъ въ этомъ разоблаченіи.—Разговоръ съ кронпринцемъ въ Гастейнѣ.—Вторичный протестъ кронпринца.—Несогласіе между королемъ и Бисмаркомъ.

Императоръ Фридрихъ, сынъ монарха, котораго я называю in specie своимъ монархомъ, облегчилъ мнѣ своей обходительностью и довѣріемъ, которое онъ мнѣ оказывалъ, возможность перенести на него тѣ чувства, которыя я питалъ къ его отцу. Онъ болѣе понималъ чѣмъ его отецъ, что какъ министръ, я являлся, по смыслу конституціи, отвѣтственнымъ за принимаемыя имъ рѣшенія. При исполненіи требованій внутренней и внѣшней политики, онъ былъ также менѣе стѣсненъ семейными традиціями.

Всѣ догадки по поводу того, будто бы между императоромъ Фридрихомъ и мною существовало довольно долгое время несогласіе, лишены всякаго основанія. Мимолетное недоразумѣніе между нами было вызвано только Данцигскимъ эпизодомъ. Въ виду обнародованныхъ нынѣ бумагъ Макса Дункера, я позволю себѣ быть откровеннѣе при передачѣ нѣкоторыхъ подробностей этого эпизода, нежели я сдѣлалъ бы въ иномъ случаѣ.

31-го мая 1863 г. кронпринцъ отправился въ прусскую провинцію на инспекторскій смотръ, обратившись предварительно къ королю письменно съ просьбою избѣгать всякихъ насильственныхъ мѣръ. Въ томъ самомъ поѣздѣ, въ которомъ ѣхалъ кронпринцъ, находился и оберъ-бургомистръ города Данцига, г. фонъ-Винтеръ, котораго принцъ пригласилъ въ свое купэ и котораго онъ посѣтилъ нѣсколько дней спустя въ его помѣстьи близъ Кульма. 2-го іюня кронпринцесса послѣдовала за супругомъ въ Грауденцъ; наканунѣ былъ обнародованъ королевскій указъ относительно прессы [1]), вызванный докладомъ кабинета, обнародован-

[1]) Конвенція, заключенная съ Россіей, усилила еще болѣе существовавшее уже враждебное отношеніе общества къ министерству Бисмарка, которое выразилось столь рѣзкими выходками либеральной прессы, что правительство воспользовалось правомъ, предоставленнымъ ему конституціей, и издало

нымъ одновременно. 4-го іюня, его королевское высочество отправилъ королю письмо, въ которомъ онъ выразилъ свое неодобреніе по поводу этого указа, жаловался на то, что онъ не былъ приглашенъ къ обсужденію этого вопроса въ кабинетѣ, и высказалъ свой взглядъ на свои обязанности какъ наслѣдника престола.

5-го іюня въ Данцигской ратушѣ происходилъ пріемъ городскихъ властей; на этомъ пріемѣ г. фонъ-Винтеръ высказалъ свое сожалѣніе по поводу того, что обстоятельства не позволяютъ городу выказать вполнѣ его радость по поводу пріѣзда его высочества. Кронпринцъ, въ отвѣтной рѣчи сказалъ между прочимъ слѣдующее:

— Я также весьма сожалѣю, что я пріѣхалъ сюда въ такое время, когда между правительствомъ и народомъ возникло недоразумѣніе, о чемъ я узналъ съ величайшимъ изумленіемъ. Мнѣ не были извѣстны распоряженія правительства, подавшія къ этому поводъ. Я былъ въ отсутствіи. Я не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, коими были вызваны эти распоряженія. Но мы всѣ и я въ особенности, которому лучше чѣмъ кому-либо извѣстны благородныя и отеческія намѣренія и великодушныя желанія его королевскаго величества, мы всѣ увѣрены, что Пруссія подъ скипетромъ его величества неуклонно идетъ къ той великой цѣли, къ которой предназначила ее судьба.

Экземпляры «Danziger Zeitung» (Данцигской газеты), въ коихъ описывалось происшедшее въ ратушѣ, были разосланы въ редакціи берлинскихъ и другихъ газетъ, не получавшихъ означенную газету, которая посвящена исключительно вопросамъ мѣстнаго характера. Такимъ образомъ сказанное кронпринцемъ быстро стало извѣстно повсюду и вызвало оживленные толки въ Германіи и за границею. Онъ прислалъ мнѣ изъ Грауденца энергическій протестъ противъ указа о печати и требовалъ, чтобы этотъ протестъ былъ сообщенъ кабинету, что однако не было исполнено по повелѣнію короля. 7-го іюня ему былъ посланъ строгій отвѣтъ его величества на его жалобу отъ 4-го числа. Послѣ чего кронпринцъ просилъ у отца извиненія за шагъ, который онъ счелъ дол-

---

1-го іюня 1863 г. указъ, коимъ была нѣсколько ограничена свобода прессы, но который имѣлъ цѣлью только смягчить слишкомъ задорный ея тонъ и вернуть ее на путь болѣе благопристойной и объективной полемики. Всѣ прусскіе и заграничные либералы увидѣли въ указѣ о печати несогласное съ конституціей посягательство на священную свободу прессы и громили его въ печати („Das Schweigen der Presse in Preussen“. Grenzboten, 17-го іюля 1863 г., стр. 111 и др.), а когда кронпринцъ, находившійся подъ вліяніемъ своей супруги, выразилъ публично свой протестъ противъ этого указа, то услужливая пресса поспѣшила оповѣстить весь міръ объ этомъ „событіи“, восхваляя либеральные взгляды наслѣдника престола. (См. Wegweiser durch Bismarcks „Gedanken und Erinnerungen“ von Horst Kohl. Leipzig, 1899 г.).

В. В.

гомъ сдѣлать ради своего собственнаго будущаго и ради будущаго своихъ дѣтей, и просилъ уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. 11-го числа онъ получилъ отвѣтъ короля, въ которомъ его величество прощалъ его, не упоминая ни о жалобѣ его на министра, ни о его просьбѣ объ увольненіи въ отставку, но приказывалъ ему впредь воздерживаться отъ публичнаго выраженія своихъ мнѣній.

Считая гнѣвъ короля вполнѣ законнымъ, я боялся, чтобы онъ не выразилъ своего неудовольствія какимъ-нибудь правительственнымъ или офиціальномъ актомъ. Въ интересахъ династіи, я считалъ долгомъ успокоить короля и удержать его отъ такого шага, который напоминалъ бы Вильгельма I и Кюстрина. Случай къ тому представился мнѣ 10-го іюня, когда мы ѣхали вмѣстѣ съ королемъ изъ Бабельсберга въ Новый дворецъ, гдѣ его величество производилъ смотръ учебному батальону. Чтобы не быть понятыми слугами, которые сидѣли на козлахъ, мы говорили по-французски. Мнѣ удалось смягчить гнѣвъ его величества, представивъ ему соображенія государственной важности; я доказывалъ ему, что при предстоявшей борьбѣ между королевской властью и парламентомъ, не слѣдовало оглашать розни, происшедшей въ королевской семьѣ, и что его величество, какъ король и отецъ, долженъ былъ позаботиться, чтобы интересы обѣихъ царственныхъ особъ не пострадали.

— Избѣгайте, ваше величество, всякаго рѣшенія ab irato, сказалъ я,— въ этомъ случаѣ должны имѣть рѣшающее значеніе только соображенія государственной важности.

Особенно сильное впечатлѣніе произвели на его величество мои слова, что въ столкновеніи между Вильгельмомъ I и его сыномъ симпатіи современниковъ и потомства будутъ на сторонѣ послѣдняго и что не слѣдуетъ придавать кронпринцу видъ жертвы.

Когда этотъ вопросъ былъ улаженъ, такъ сказать, съ внѣшней стороны вышеупомянутыми письмами, коими король обмѣнялся съ сыномъ, я получилъ изъ Штеттина письмо отъ кронпринца, написанное 30-го іюня, въ которомъ онъ осуждалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ всю мою политическую дѣятельность, говоря что она лишена доброжелательства и вниманія къ народу и основана на весьма сомнительномъ толкованіи конституціи; это можетъ повести къ тому, что народъ не будетъ придавать конституціи никакого значенія, что, въ свою очередь, можетъ завести насъ на путь, совершенно несогласный съ духомъ конституціи. Съ другой стороны, кабинетъ, переходя отъ одного произвольнаго истолкованія къ другому, еще болѣе произвольному, дойдетъ до того, что посовѣтуетъ королю наконецъ вовсе нарушить конституцію. Затѣмъ кронпринцъ сообщалъ мнѣ о своемъ намѣреніи просить короля уволить его отъ участія въ засѣданіяхъ кабинета до тѣхъ поръ, пока нынѣшній кабинетъ будетъ у дѣлъ.

Несмотря на это заявленіе со стороны наслѣдника престола я продолжалъ идти по тому же пути, и это было лучшимъ доказательствомъ того, что я вовсе не заботился сохранить свой министерскій постъ при перемѣнѣ престолонаслѣдія, которое могло наступить весьма скоро, однако кронпринцъ вынудилъ меня подтвердить ему это лично, во время одного разговора, о которомъ будетъ рѣчь далѣе.

Къ великому удивленію короля, 16-го или 17-го іюня въ «Times'ѣ» было напечатано: «Во время поѣздки для инспектированія войска, принцъ позволилъ себѣ высказать мнѣнія, не согласующіяся съ политикой короля, и выразить сомнѣніе въ цѣлесообразности его мѣропріятій. Самое меньшее, что онъ могъ бы сдѣлать, чтобы смыть это жестокое оскорбленіе, было взять свои слова назадъ. Король потребовалъ этого въ своемъ письмѣ къ кронпринцу присовокупивъ, что онъ будетъ лишенъ знаковъ отличія и занимаемыхъ имъ должностей, если онъ этого не сдѣлаетъ. Принцъ, какъ говорятъ, съ согласія ея королевскаго высочества принцессы, отвѣтилъ на это рѣшительнымъ отказомъ. Онъ отказался взять что либо изъ сказаннаго назадъ, просилъ уволить его отъ занимаемыхъ имъ должностей и лишить орденовъ и испрашивалъ позволенія удалиться со своей супругою и семьею въ такое мѣсто, гдѣ на него не могло бы пасть подозрѣнія, что онъ какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивается въ государственныя дѣла. Письмо это написано, какъ говорятъ, замѣчательно хорошо и принцъ можетъ похвастать тѣмъ, что супруга его не только раздѣляетъ его либеральные взгляды, но даже въ состояніи поддержать его въ столь важный и критическій моментъ жизни. Трудно себѣ представить болѣе затруднительное положеніе, нежели положеніе кронпринца и его супруги; не имѣя дѣльнаго совѣтника они находятся между двухъ огней: съ одной стороны—упрямый монархъ и недостойный кабинетъ, а съ другой—возбужденный народъ».

Кто былъ авторомъ этой статьи, такъ и не удалось узнать несмотря на все стараніе. Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ подозрѣвать въ этомъ совѣтника посольства Мейера.

Довольно обстоятельныя сообщенія, появившіяся въ «Grenzboten» и въ «Süddeutsche Post», подписанныя депутатомъ Братеромъ, были сообщены ему по всей вѣроятности однимъ второстепеннымъ нѣмецкимъ дипломатомъ [1]), который пользовался довѣріемъ кронпринца и его супруги и лѣтъ 25 спустя злоупотребилъ этимъ довѣріемъ, обнародовавъ нѣкоторые документы, довѣренные ему его высочествомъ.

Я вполнѣ увѣренъ, что объ этомъ кронпринцу ничего не было извѣстно, какъ онъ и утверждалъ самъ; я не сомнѣвался въ этомъ даже

[1]) Геффкеномъ. Примѣч. издателя.

тогда, когда я прочелъ его письмо къ Максу Дункеру отъ 14-го іюля, въ которомъ его высочество писалъ, что онъ не особенно бы удивился, если бы Бисмаркъ съумѣлъ достать копіи съ переписки, происходившей между нимъ и королемъ.

Мнѣ кажется я не ошибусь сказавъ, что въ этомъ нескромномъ сообщеніи было виновно то самое лицо, которое поддерживало кронпринца во всѣхъ его поступкахъ; нѣкоторые факты, случившіеся во время франко-прусской войны, и недавнее обнародованіе бумагъ Дункера подтверждаютъ справедливость моего мнѣнія. Если у насъ могла существовать цѣлая школа политическихъ писателей, цѣлые четверть вѣка превозносившихъ то, что они называли англійскою конституціей и о чемъ они не имѣли опредѣленнаго понятія, ставя ее какъ образецъ континентальнымъ народамъ и совѣтуя подражать ей, то весьма естественно, что кронпринцесса и ея мать не признавали своеобразный складъ прусскаго государства и отрицали возможность управлять имъ при помощи смѣнявшихся парламентскихъ партій; весьма естественно также, что изъ этой ошибки проистекла другая, а именно—опасеніе, что въ Пруссіи XIX столѣтія повторится та внутренняя борьба и возможны тѣ катастрофы, которыя Англія испытала въ XVII столѣтіи, если у насъ не будетъ введена та система управленія, которая положила конецъ этой борьбѣ. Я не могъ провѣрить, справедливо ли было полученное мною тогда извѣстіе, будто въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г. королева Августа приказала президенту Людольфу Кампгаузену, а кронпринцесса—барону фонъ-Штокмару написать критическія записки о внутреннемъ состояніи Пруссіи и представить ихъ королю; но что королева, имѣвшая въ числѣ своихъ приближенныхъ совѣтника посольства Мейера, чрезвычайно боялась за цѣлость престола, это было мнѣ давно извѣстно. Удрученное состояніе, въ какомъ король (какъ выше описано) возвращался (въ 1862 г.) изъ Бадена, куда онъ ѣздилъ ко дню рожденія своей супруги, служитъ подтвержденіемъ этого. Либеральная партія, враждовавшая съ королевской властью, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе надѣялась на побѣду и, пользуясь услугами прессы и отдѣльныхъ лицъ, не упускала случая изобразить положеніе дѣлъ въ такомъ свѣтѣ, который долженъ былъ особенно сильно подѣйствовать на женскій умъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ кронпринцъ былъ у меня въ Гастейнѣ; свободный отъ англійскаго вліянія, онъ держалъ себя этотъ разъ менѣе самостоятельно, какъ и соотвѣтствовало его характеру, отзывался почтительнѣе объ отцѣ и скромно и любезно объяснилъ свой поступокъ недостаточной политической подготовкою, малымъ знакомствомъ съ дѣлами; тономъ человѣка, признающаго себя виновнымъ, онъ объяснилъ свой поступокъ посторонними вліяніями.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда король вернулся вмѣстѣ со мною въ

Берлинъ черезъ Баденъ, а кронпринцъ проѣхалъ туда прямо изъ Гастейна, онъ снова поддался вліянію и поддался тѣмъ опасеніямъ, которыя побудили его заявить протестъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. На другой день послѣ того какъ было рѣшено распустить палату депутатовъ, онъ писалъ мнѣ:

Берлинъ, 3/IX 1863.

«Я сообщилъ сегодня его величеству тѣ взгляды, которые я изложилъ вамъ въ письмѣ изъ Путбуса (правильнѣе изъ Штеттина) и которые я просилъ васъ не передавать королю прежде нежели я самъ это сдѣлаю. Вчера въ совѣтѣ принято важное рѣшеніе; въ присутствіи министровъ я не хотѣлъ ничего возражать его величеству. Я сдѣлалъ это сегодня; я высказалъ ему свои соображенія и изложилъ ему мои серьезныя опасенія за будущее. Теперь королю извѣстно, что я самый рѣшительный противникъ министерства. Фридрихъ Вильгельмъ».

Пришлось коснуться высказанной кронпринцемъ въ письмѣ отъ 30-го іюня просьбы освободить его отъ участія въ засѣданіяхъ кабинета. Слѣдующее письмо Бодельшвинга отъ 11-го сентября 1863 г. показываетъ, каковы были въ то время отношенія между высочайшими особами:

«Неизвѣстно когда именно вы вернетесь изъ вашей поѣздки, вызванной столь печальнымъ обстоятельствомъ, писалъ онъ [1]), и буду ли я тотчасъ по вашемъ пріѣздѣ имѣть возможность говорить съ вами, поэтому сообщаю вамъ письменно, что согласно приказанію его величества, переданному мнѣ флигель-адъютантомъ, я сообщилъ адъютанту его королевскаго высочества по вашему порученію о вашемъ поспѣшномъ отъѣздѣ и о причинѣ этого отъѣзда, и просилъ его сообщить это его королевскому высочеству на тотъ случай, если ваша просьба о назначеніи вамъ аудіенціи уже была передана ему или если эта аудіенція уже была назначена. Его величество, какъ передалъ мнѣ князь Гогенлоэ, не нашелъ со своей стороны удобнымъ говорить съ кронпринцемъ о вашемъ отъѣздѣ и объ аудіенціи, которую вы спрашивали».

Король рѣшилъ, что кронпринцъ долженъ попрежнему присутствовать на засѣданіяхъ кабинета, какъ это было принято съ 1861 года, и поручилъ мнѣ извѣстить объ этомъ его королевское высочество. Кажется испрошенная съ этой цѣлью аудіенція не состоялась, такъ какъ мнѣ помнится, что я воспользовался случаемъ, когда кронпринцъ пріѣхалъ на засѣданіе кабинета, которое въ тотъ день случайно не состоялось, чтобы заговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Я спросилъ его королевское высочество, почему онъ удаляется отъ дѣлъ, коль скоро ему придется

[1]) Кончина моей тещи. Я отсутствовалъ изъ Берлина съ 6-го по 11-е число. Примѣч. Бисмарка.

по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ управлять страною; если онъ не раздѣляетъ взглядовъ правительства, то ему слѣдуетъ лучше подготовить возможность перехода отъ этихъ взглядовъ къ своимъ, нежели быть постоянно въ оппозиціи. Онъ отвѣчалъ на это весьма рѣзко въ отрицательномъ смыслѣ, предполагая вѣроятно, что этими словами я хотѣлъ обезпечить себѣ возможность служить впослѣдствіи при немъ.

Много лѣтъ я не могъ забыть того враждебнаго выраженія и того олимпійскаго высокомѣрія, съ какимъ это было сказано, и до сихъ поръ вижу закинутую назадъ голову, вспыхнувшее лицо и взглядъ, который онъ бросилъ на меня черезъ лѣвое плечо. Я подавилъ свое собственное волненіе, вспомнилъ Дона Карлоса и Альбу (актъ 2, сцена 5) и отвѣчалъ, что я сказалъ это единственно изъ преданности къ династіи, изъ желанія сдѣлать возможнымъ сближеніе его съ отцомъ, какъ требуютъ интересы страны и династіи, коимъ можетъ повредить происшедшее между ними охлажденіе. Я сдѣлалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ все отъ меня зависящее, чтобы удержать его величество отъ необдуманнаго шага, такъ какъ я считаю необходимымъ поддержать въ королевской семьѣ согласіе въ интересахъ страны и въ виду предстоящей борьбы съ парламентаризмомъ. Какъ преданный и вѣрный слуга его величества я желаю ему найти, когда онъ вступитъ на престолъ, такого же преданнаго слугу, какимъ я былъ для его отца. Я не думалъ, что онъ можетъ предположить, будто я желаю быть со временемъ при немъ министромъ. Этого никогда не будетъ.

Быстро раздражившись кронпринцъ такъ же быстро успокоился и окончилъ разговоръ весьма милостиво.

Онъ настаивалъ на своей рѣшимости не принимать болѣе участія въ засѣданіяхъ кабинета и прислалъ королю еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ записку, написанную вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ, въ которой онъ объяснялъ мотивы, руководившіе его дѣйствіями, въ такомъ тонѣ, который могъ быть принятъ за оправданіе его образа дѣйствій въ іюнѣ мѣсяцѣ. По этому поводу мы обмѣнялись съ его величествомъ нѣсколькими письмами; наша переписка завершилась слѣдующей запиской:

«Бабельсбергъ, 7-го ноября 1863.

«Прилагаю при семъ отвѣтъ моему сыну кронпринцу на его записку, написанную имъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Для того чтобы вы могли лучше оріентироваться, посылаю вамъ вновь самую записку, а равно и ваши замѣтки, коими я пользовался писавши свой отвѣтъ».

Я не снялъ копіи съ этой записки, но о содержаніи ея можно судить по моимъ замѣткамъ, сдѣланнымъ на поляхъ этой записки, которыя я привожу здѣсь:

Къ стр. 1. Требованіе, чтобы предостереженіе, высказанное

его королевскимъ высочествомъ, имѣло вліяніе на рѣшенія его величества, принимаемыя имъ по весьма зрѣломъ и всестороннемъ обсужденіи, придаетъ его положенію и опытности несоотвѣтствующее значеніе по сравненію съ положеніемъ и опытностью монарха и отца.

Никто не можетъ предположить, что его королевское высочество «причастенъ изданному королемъ указу, ибо всѣмъ извѣстно, что кронпринцъ не имѣетъ голоса въ министерствѣ и что по смыслу конституціи положеніе, какое занималъ въ прежнее время наслѣдникъ престола, въ настоящее время немыслимо».

Поэтому опроверженіе, сдѣланное въ Данцигѣ, было излишнее.

Стр. 2. Свобода дѣйствій его королевскаго высочества нисколько не стѣснена тѣмъ, что его королевское высочество присутствуетъ на засѣданіяхъ и, выслушивая мнѣніе другихъ лицъ и высказывая свое собственное, слѣдитъ за ходомъ государственныхъ дѣлъ, что составляетъ долгъ наслѣдника престола. Исполненіе этого долга, если о немъ будутъ говорить въ газетахъ, дастъ прекрасное понятіе о добросовѣстности, съ какою кронпринцъ готовится къ своему высокому и серьезному призванію.

Слова «со связанными руками» и т. п. не имѣютъ смысла.

Стр. 2. «Страна» никоимъ образомъ не можетъ отождествлять его королевское высочество съ кабинетомъ, ибо она знаетъ, что кронпринцъ не участвуетъ въ рѣшеніяхъ кабинета. Къ сожалѣнію, странѣ очень хорошо извѣстно, что кронпринцъ сталъ въ оппозицію къ правительству; каждый отецъ семейства, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, можетъ истолковать это превратно какъ стремленіе освободиться отъ авторитета отца, неуваженіе къ которому оскорбляетъ чувства народа. Ничто не могло бы въ такой степени повредить его королевскому высочеству какъ обнародованіе этой записки.

Стр. 2. Положеніе его королевскаго высочества во всякомъ случаѣ «въ высшей степени фальшивое», ибо водружать знамя оппозиціи противъ короля и отца совершенно не соотвѣтствуетъ положенію наслѣдника престола; онъ «обязанъ» выйти изъ этого положенія, и это можетъ быть достигнуто только путемъ возвращенія къ нормальному порядку вещей.

Стр. 3. Борьбы между долгомъ не предстоитъ, такъ какъ п е р в ы й долгъ является плодомъ собственной фантазіи; забота о будущемъ Пруссіи—дѣло короля, а не кронпринца; будущее рѣшитъ, была ли сдѣлана «ошибка» и съ чьей стороны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «взглядъ» его величества находится въ противорѣчіи со взглядами кронпринца, рѣшающимъ является всегда мнѣніе короля, слѣдовательно никакого конфликта не можетъ произойти. Его королевское высочество самъ при-

знаетъ, что въ нашей конституціи «нѣтъ мѣста для оппозиціи со стороны наслѣдника престола».

Стр. 4. Оппозиція въ совѣтѣ не исключаетъ повиновенія его величеству, когда подлежавшій обсужденію вопросъ рѣшенъ. Министры точно также возражаютъ его величеству, если они не согласны съ нимъ въ мнѣніи, тѣмъ не менѣе они повинуются [1]) рѣшенію короля, хотя имъ приходится выполнять самимъ то, что они оспаривали.

Стр. 4. Если его королевскому высочеству извѣстно, что министры поступаютъ согласно съ желаніемъ короля, то его королевское высочество не можетъ заблуждаться насчетъ того, что оппозиція наслѣдника престола направлена противъ царствующаго монарха.

Стр. 5. У кронпринца нѣтъ никакого повода идти противъ желанія короля; у него не можетъ быть въ этомъ случаѣ никакого оправданія, именно потому, что его королевское высочество не занимаетъ никакого служебнаго «status». Въ такомъ случаѣ каждый принцъ королевскаго дома имѣлъ бы такое же точно право считать своимъ «долгомъ» становиться въ открытую оппозицію королю въ случаѣ разногласія съ нимъ во мнѣніяхъ, дабы оградить этимъ «свои права и права своихъ дѣтей отъ послѣдствій тѣхъ ошибокъ, которыя могли бы быть сдѣланы королевскимъ правительствомъ, т. е. чтобы обезпечить себѣ престолонаслѣдіе въ духѣ Людовика Филиппа, въ случаѣ если бы король былъ свергнутъ съ престола революціей».

Стр. 5. По поводу сказаннаго главою кабинета въ Гастейнѣ слѣдовало высказаться обстоятельнѣе.

Стр. 7. Король требуетъ, чтобы кронпринцъ присутствовалъ на засѣданіяхъ не въ качествѣ королевскаго совѣтника, а для его собственнаго назиданія и для подготовленія къ его будущимъ обязанностямъ.

Стр. 7. Попытка «нейтрализовать» мѣропріятія правительства была бы равносильна объявленію борьбы правительству и мятежу.

Стр. 7. Примѣръ открытой оппозиціи со стороны наслѣдника престола и разлада въ средѣ царствующаго дома можетъ повести къ ослабленію узъ, связывавшихъ доселѣ народъ съ династіей, и поэтому можетъ быть опаснѣе всѣхъ нападокъ демократіи и подкапыванія «подъ основы монархіи».

Ежели сынъ и наслѣдникъ престола возстаетъ противъ авторитета отца и короля, то для кого же этотъ авторитетъ будетъ священнымъ? Если личное честолюбіе кронпринца можетъ быть удовлетворено тѣмъ, что онъ идетъ въ настоящее время противъ короля, то ослабленіе этихъ узъ можетъ принести въ будущемъ вредъ самому кронпринцу, когда онъ будетъ королемъ; подрывая авторитетъ нынѣшняго

[1]) Тутъ приписано рукою короля: если это не противорѣчитъ ихъ совѣсти.

правительства онъ посѣетъ дурное сѣмя для будущаго. Не можетъ быть ничего хуже такого правительства, въ которомъ существуютъ внутренній раздоръ и несогласіе; потрясеніе, вызванное кронпринцемъ, можетъ пошатнуть самыя основы зданія, въ которое онъ самъ вступитъ въ будущемъ какъ король.

Стр. 7. По смыслу конституціи, Пруссіей управляетъ король, а не министръ. Только однѣ законодательныя, а не административныя мѣры обсуждаются совмѣстно съ палатами, передъ коими министръ является представителемъ короля. Поэтому, согласно закону, министры суть *слуги* короля и признанные совѣтники его величества, а не правители Пруссіи, какъ это было до обнародованія конституціи. Прусское королевство и послѣ утвержденія конституціи нельзя сравнивать съ Бельгіей или съ Англіей: у насъ страною все еще управляетъ самъ король; онъ отдаетъ приказанія по своему усмотрѣнію, сообразуясь со смысломъ конституціи.

Стр. 8. Обнародованіе государственныхъ тайнъ не допускается закономъ. Что именно слѣдуетъ понимать подъ словомъ государственная тайна—зависитъ отъ повелѣнія короля относительно соблюденія служебныхъ тайнъ.

Стр. 8. Почему его высочество придаетъ такое большое значеніе тому, что дѣлается извѣстнымъ «за границею»? Ежели его королевское высочество высказываетъ свое мнѣніе въ совѣтѣ по своему убѣжденію, то его *совѣсть* можетъ быть покойна. Кронпринцъ не принимаетъ офиціально участія въ государственныхъ дѣлахъ и не долженъ высказывать своего мнѣнія публично; ни одинъ человѣкъ, мало-мальски знакомый съ нашими государственными учрежденіями, не выведетъ заключенія, что его королевское высочество одобряетъ дѣйствія правительства, изъ того, что его королевское высочество присутствуетъ при преніяхъ, происходящихъ въ совѣтѣ, *безъ права голоса*, слѣдовательно не имѣя возможности возражать противъ его постановленій.

Стр. 8. Вся ошибка состоитъ въ томъ, что придаютъ слишкомъ много значенія «показной» сторонѣ дѣла; главное быть и мочь, а это можетъ быть плодомъ только серьезной и обдуманной работы.

Стр. 9. Участіе его королевскаго высочества въ совѣтѣ не есть «активное» положеніе, ибо кронпринцъ не имѣетъ права голоса.

Стр. 9. Сообщенія, дѣлаемыя «должностнымъ» лицамъ, безъ соизволенія его величества противны законамъ. Его королевекое высочество вѣдь не лишенъ права свободно высказывать свое мнѣніе, напротивъ, это весьма желательно, но оно должно дѣлаться только въ совѣтѣ, гдѣ сказанное имъ только и можетъ имѣть вліяніе на рѣшенія, принимаемыя совѣтомъ. Желаніе «все объяснить странѣ» можетъ вызвать чувство удовлетвореннаго самолюбія, но легко можетъ имѣть послѣдствіемъ недо-

вольство и возмущеніе противъ власти и подготовить такимъ образомъ революцію.

Стр. 10. Присутствіе его королевскаго высочества, безъ сомнѣнія, затрудняетъ министровъ; ихъ трудъ былъ бы облегченъ, если бы его королевское высочество не присутствовалъ въ засѣданіяхъ. Но можетъ ли его величество, *не нарушая долга, отказаться отъ своего требованія*, чтобы кронпринцъ изучалъ дѣла и законы страны? не опасно ли держать будущаго короля въ невѣдѣніи государственныхъ дѣлъ, когда благо милліоновъ людей требуетъ, чтобы онъ былъ съ ними ознакомленъ?

Настоящей запиской его королевское высочество показываетъ незнаніе того обстоятельства, что участіе кронпринца въ совѣщаніяхъ никогда не было отвѣтственнымъ: онъ участвуетъ въ нихъ только для ознакомленія съ дѣлами, и отъ его королевскаго высочества никогда не могутъ требовать, чтобы онъ высказывалъ свое мнѣніе. Всѣ его разсужденія основаны на этомъ ошибочномъ взглядѣ. Если бы кронпринцъ былъ лучше знакомъ съ дѣлами, то онъ не угрожалъ бы обнародовать тайну совѣщаній, если его величество не согласится съ его мнѣніемъ, ибо это равносильно нарушенію закона и слѣдовательно уголовному преступленію. И онъ дѣлаетъ это лишь нѣсколько недѣль спустя послѣ того, какъ его королевское высочество такъ строго осудилъ обнародованіе его переписки съ его величествомъ.

Стр. 11. Вышеупомянутый упрекъ касается близко весьма многихъ; никто не приписываетъ его королевскому высочеству подобныхъ намѣреній; говорятъ только, что *другія* лица, питающія подобныя намѣренія, надѣются осуществить ихъ при пассивномъ содѣйствіи кронпринца и что ихъ безчестныя поползновенія подаютъ нынѣ болѣе чѣмъ когда либо надежду на перемѣну образа правленія.

Стр. 12. Требованіе его королевскаго высочества, чтобы его увѣдомляли своевременно о томъ, какіе вопросы будутъ подлежать обсужденію въ засѣданіяхъ, всегда признавалось правильнымъ и исполнялось какъ требованіе вполнѣ основательное; даже высказывалось желаніе, чтобы его королевское высочество самъ старался быть болѣе au courant дѣлъ чѣмъ прежде, но для этого необходимо, чтобы мѣстопребываніе кронпринца всегда было извѣстно и доступно, чтобы кронпринцъ лично былъ доступенъ министрамъ и чтобы было обезпечено соблюденіе тайны. Въ особенности необходимо, чтобы докладчики, съ которыми его королевское высочество могъ бы быть уполномоченъ обсуждать подлежащіе разсмотрѣнію государственные вопросы, были не врагами правительства, а его доброжелателями или по крайней мѣрѣ безпристрастными критиками и не состояли бы въ интимныхъ отношеніяхъ къ оппозиціи въ ландтагѣ или въ прессѣ; самое затруднительное въ этомъ случаѣ было бы соблю-

деніе тайны, въ особенности по отношенію къ иностраннымъ державамъ до тѣхъ поръ пока его королевское высочество и ея королевское высочество кронпринцесса не проникнись бы убѣжденіемъ, что въ царствующихъ домахъ ближайшіе родственники, не будучи нашими соотечественниками, часто по необходимости и по долгу заботятся о своихъ собственныхъ, а вовсе не о прусскихъ интересахъ. Тяжело, когда отношенія между матерью и дочерью, между братомъ и сестрою обусловливаются пограничной линіей, но забвеніе этого правила можетъ еще тяжелѣе отразиться на странѣ.

Стр. 12. «Послѣднее засѣданіе совѣта» (3-го числа) было не засѣданіемъ совѣта, а частнымъ засѣданіемъ, назначеннымъ его величествомъ, о которомъ министрамъ предварительно не было извѣстно.

Стр. 13. Сообщеніе записки его королевскаго высочества министрамъ придало бы ей офиціальный характеръ, котораго не могутъ имѣть мнѣнія, высказываемыя наслѣдникомъ престола.

XV.

Графъ Рехбергъ.—Какъ снискалъ Бисмаркъ его довѣріе.—Попытка дѣйствовать совмѣстно на почвѣ дуализма.—Какое вліяніе могла имѣть преобладающая роль Австріи?—Соглашеніе между Пруссіей и Австріей, вызванное опасеніемъ вмѣшательства Англіи и прочихъ европейскихъ державъ въ датскій вопросъ.—Разговоръ по поводу прусско-австрійскихъ отношеній между Бисмаркомъ и графомъ Каролн.—Плохое мнѣніе о Пруссіи въ Вѣнѣ.—Различіе характера Фридриха-Вильгельма IV и Вильгельма I.—Вѣра въ военное превосходство Австріи.—Австрія не желаетъ мирнаго дуализма.—Приглашеніе къ участію въ франкфуртскомъ княжескомъ сеймѣ.—Императоръ Францъ-Іосифъ въ Гастейнѣ.—Бисмаркъ находитъ участіе въ сеймѣ нежелательнымъ.—Король саксонскій Іоаннъ въ Баденѣ.—Впечатлѣніе, произведенное образомъ дѣйствій Пруссіи на средне-германскія государства.—Смерть короля датскаго Фридриха VII.—Блестящее начало дуалистической политики.—Бесѣда обоихъ монарховъ и ихъ министровъ въ Шенбруннѣ.—Переговоры объ участіи Австріи въ таможенномъ союзѣ.—Взглядъ на это Бисмарка.—Отставка Рехберга.—Изъ писемъ Тиле, Аебекена и Гольца.—Ненадежность и измѣнчивость австрійской дружбы.

Первые шаги къ нашему сближенію съ Австріей, которые привели къ заключенію съ нею союза въ 1879 году, были сдѣланы въ то время, когда главою кабинета и министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Рехбергъ (съ 17-го мая 1859 г. по 27-е октября 1864 г.). Такъ какъ личныя отношенія, существовавшія между нами въ то время, когда я былъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ, оказали въ этомъ случаѣ не

малую пользу, то я упомяну о двухъ эпизодахъ, происшедшихъ между нами во Франкфуртѣ.

По окончаніи одного засѣданія, во время котораго я поспорилъ съ Рехбергомъ, оставшись со мною въ залѣ, наединѣ, онъ напалъ на меня за мою несговорчивость, назвалъ меня человѣкомъ сварливымъ и задорнымъ и сослался на нѣкоторые случаи, когда я возставалъ противъ излишняго вмѣшательства въ дѣла предсѣдательствующаго на сеймѣ. Я сказалъ, что я не знаю, какъ принять его слова: какъ извѣстный дипломатическій шахматный ходъ или вполнѣ серьезно, но во всякомъ случаѣ его тонъ кажется мнѣ весьма оскорбительнымъ.

— Не можемъ же мы,—сказалъ я,—рѣшать дипломатическіе вопросы, касающіеся нашихъ государствъ, въ Бекенгеймскомъ лѣсочкѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

Онъ отвѣчалъ на это съ большою запальчивостью:

— Поѣдемте туда немедленно, я готовъ ѣхать хоть сію минуту.

Считая, что нашъ разговоръ перешелъ съ дипломатической на личную почву, я отвѣчалъ спокойно:

— Намъ не къ чему ѣхать туда; съ насъ хватитъ мѣста и тутъ, въ саду союзнаго парламента; напротивъ живутъ прусскіе офицеры, австрійцы также найдутся поблизости. Мы можемъ покончить это дѣло въ четверть часа, я попрошу у васъ только позволеніе изложить вкратцѣ сущность возникшаго между нами недоразумѣнія на бумагѣ, и надѣюсь, что вы подпишете ее вмѣстѣ со мною, такъ какъ я не хотѣлъ бы, чтобы его величество считалъ меня забіякой, который рѣшаетъ дипломатическіе вопросы поединкомъ.

Я началъ писать, а мой коллега расхаживалъ по комнатѣ взадъ и впередъ быстрыми шагами. Его гнѣвъ мало-по-малу улегся, и онъ взглянулъ спокойнѣе на положеніе, вызванное имъ самимъ. Я ушелъ, сказавъ, что пришлю къ нему г. фонъ-Эрцена, мекленбургскаго посланника, моего секунданта, чтобы условиться о дальнѣйшемъ. Эрценъ уладилъ дѣло и примирилъ насъ.

Интересно также сказать, какимъ образомъ я пріобрѣлъ довѣріе и, можно даже сказать, дружбу этого вспыльчиваго, но честнаго человѣка въ то время, когда мы уже были оба министрами. Однажды, когда я былъ у него по дѣлу, онъ вышелъ изъ комнаты, чтобы переодѣться и, уходя, передалъ мнѣ депешу, только что имъ полученную отъ своего правительства, съ просьбою прочитать ее. Ознакомившись съ ея содержаніемъ, я понялъ, что Рехбергъ ошибся и передалъ мнѣ бумагу, хотя и касавшуюся занимавшаго насъ вопроса, но предназначавшуюся для него лично, и которая несомнѣнно должна была сопровождаться другой депешей. Когда онъ вернулся, я возвратилъ ему депешу, сказавъ, что онъ ошибся, и что я забуду то, что прочелъ; дѣйствительно, я не

обмолвился ни словомъ по поводу сдѣланной имъ ошибки и не сдѣлалъ въ своихъ донесеніяхъ или въ разговорѣ ни малѣйшаго прямого или косвеннаго намека на содержаніе секретнаго документа и на его ошибку. Съ тѣхъ поръ я пользовался его полнымъ довѣріемъ.

Если бы попытка къ сближенію съ Пруссіей, сдѣланная Австріей во время министерства Рехберга, привела къ желаемой цѣли, то результатомъ ея было бы заключеніе обще-германскаго союза, основаннаго на принципѣ дуализма, то-есть къ образованію въ средней Европѣ семидесятимилліоннаго двуглаваго государства, тогда какъ Шварценбергъ, употребляя все усиліе, чтобы осуществить этотъ союзъ, хотѣлъ, чтобы во главѣ его стояла одна Австрія, и чтобы Пруссія была отодвинута въ разрядъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Послѣднею попыткою къ этому былъ княжескій сеймъ 1863 года. Если бы шварценбергская политика увѣнчалась успѣхомъ и княжескій сеймъ достигъ предположенной цѣли, то главная его роль состояла бы, по всей вѣроятности, въ уничтоженіи внутренней нѣмецкой политики, подобно тому, какъ уже было приступлено къ ревизіи конституціи въ Ганноверѣ, Гессенѣ, Люксенбургѣ, Липпѣ, Гамбургѣ и др. Подобная участь могла постигнуть и прусскую конституцію, если бы этому не помѣшалъ благородный образъ дѣйствій короля. Надобно полагать, что если бы во главѣ союза стояли двѣ равноправныя державы—Австрія и Пруссія, а этого можно было бы достигнуть благодаря моимъ личнымъ отношеніямъ къ Рехбергу, то наше внутреннее конституціонное развитіе погибло бы въ союзной реакціи и вслѣдствіе односторонняго преслѣдованія отдѣльными государствами своихъ абсолютистскихъ цѣлей; въ соперничествѣ двухъ великихъ державъ было спасеніе нашей конституціи. При дуалистической системѣ, Австрія, Пруссія и средне-германскія государства должны были бы соревновать между собою, чтобы заслужить одобреніе общественнаго мнѣнія всей націи и отдѣльныхъ государствъ; это предохранило бы нашу общественную жизнь отъ застоя. Періодъ пятидесятыхъ годовъ, когда либеральная пресса Австріи, соперничая съ Пруссіей, старалась одержать надъ нею верхъ хотя въ области фразы, даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, до какой степени борьба за преобладающую роль въ Европѣ была полезна для оживленія національныхъ чувствъ и для развитія конституціонныхъ учрежденій.

Но преобразованіе союза, при помощи княжескаго сейма 1863 года, въ томъ видѣ, какъ того желала Австрія, не оставило бы слишкомъ широкаго поля для соперничества Пруссіи и Австріи и для ихъ борьбы съ парламентаризмомъ. Преобладающая роль Австріи въ реформированномъ союзѣ была бы обезпечена большинствомъ, образовавшимся подъ вліяніемъ фантастической боязни Пруссіи и парламентаризма.

При общихъ комбинаціяхъ, то-есть при дуалистической системѣ или

при преобладаніи Австріи, значеніе Германіи, во внѣшней политикѣ, зависѣло бы отъ единодушія и сплоченности обѣихъ націй. Датскій вопросъ доказалъ ясно, что, дѣйствуя единодушно, Австрія и Пруссія представляютъ изъ себя такую силу, съ которой ни одна держава не вступитъ легкомысленно въ борьбу. Рѣшеніе этого вопроса не подвигалось впередъ до тѣхъ поръ, пока за него ратовала одна Пруссія; хотя на ея сторонѣ было общественное мнѣніе нѣмецкаго народа и всѣ средне-германскія государства, однако дѣло ограничивалось такими ничтожными мѣрами, каковы были Мальмское перемиріе и Ольмюцкая конференція; но лишь только, съ назначеніемъ министромъ Рехберга, удалось заручиться поддержкою Австріи, эти двѣ нѣмецкія державы представили изъ себя достаточно внушительную силу, чтобы удержать прочія державы отъ всякаго поползновенія вмѣшаться въ это спорное дѣло. Въ послѣднее время Англія выказывала постоянно стремленіе къ союзу съ одною изъ континентальныхъ державъ и, стараясь удовлетворить это стремленіе съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, искала союза то въ Вѣнѣ, то въ Берлинѣ, не заботясь о томъ, что, мѣняя союзниковъ, она могла подвергнуться упреку, что она покидаетъ старыхъ друзей, какъ это было во время Семилѣтней войны. Когда же обѣ нѣмецкія державы сблизились и образовали тѣсный союзъ, то Англія не нашла удобнымъ идти противъ нихъ въ союзѣ съ одною изъ державъ, могущества которыхъ она опасалась, то-есть съ Франціей или съ Россіей. Но если бы между Пруссіей и Австріей произошелъ разрывъ, то европейскія державы, съ Англіей во главѣ, навѣрно вмѣшались бы въ датскій вопросъ. Поэтому, намъ было весьма важно поддерживать доброе согласіе съ Вѣною, чтобы не вступить снова на ложный путь; въ союзѣ съ Австріей было наше спасеніе отъ нападокъ прочихъ державъ и Англіи.

4-го декабря 1862 года, я бесѣдовалъ откровенно съ графомъ Каролі [1]), съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Я сказалъ ему:

— Наши отношенія должны либо улучшиться, либо ухудшиться. Я готовъ, вмѣстѣ съ вами, сдѣлать попытку улучшить ихъ. Если это не удастся по вашей винѣ, то не разсчитывайте, что насъ можно будетъ обмануть дружескими рѣчами союзниковъ. Вамъ придется имѣть дѣло съ нами, какъ съ великой державою; никакіе параграфы Вѣнскаго договора не въ состояніи пріостановить историческаго развитія Германіи [2]).

Графъ Каролі, человѣкъ честныхъ и независимыхъ убѣжденій, ко-

---

[1]) Графъ Каролі (Károlyi) австрійскій дипломатъ, † 1889 г. В. В.

[2]) Сравн. депешу отъ 21-го января 1863 г., въ которой Бисмаркъ излагаетъ содержаніе своей бесѣды съ Каролі, происходившей 4-го и 13-го декабря 1862 г. Государственный архивъ, VIII, 55, № 1751.

Примѣч. издателя.

нечно, передалъ своему правительству, съ величайшей точностью, все то, что мы говорили съ нимъ съ глаза на глазъ. Но послѣ Ольмюца и Дрездена, когда въ Вѣнѣ упрочилось вліяніе Шварценберга, австрійцы увлеклись совершенно ошибочнымъ взглядомъ; насъ привыкли считать слабѣе и боязливѣе, чѣмъ слѣдовало, и въ вопросахъ международной политики стали придавать слишкомъ большое значеніе родственнымъ узамъ и любви, соединявшей царствующіе дома. Принявъ во вниманіе всѣ прошлыя обстоятельства, нельзя утверждать, что побѣда была бы, во всякомъ случаѣ, на нашей сторонѣ, если бы война 1866 года была объявлена уже въ 1850 году.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, вѣроятно, также легко рѣшился бы на мобилизацію войска въ 1850 году, какъ его преемникъ въ 1859 году, но врядъ ли онъ рѣшился бы объявить войну. Мы могли быть поставлены въ ложное положеніе такими уловками, къ какимъ прибѣгнулъ Гаугвицъ въ 1805 году; и хотя бы между нами не произошло настоящаго разрыва, то все же въ Австріи не обратили бы никакого вниманія на наши намеки и нашу попытку къ посредничеству.

Императоръ Вильгельмъ такъ же, какъ его братъ, находилъ нужнымъ поддерживать традиціи и упрочившіяся семейныя отношенія; но если, повинуясь чувству чести, которое находило отголосокъ въ его военныхъ и монархическихъ взглядахъ, онъ считалъ себя обязаннымъ принять, хотя скрѣпя сердце, какое-нибудь рѣшеніе, то какъ бы велика ни была опасность, можно было сказать навѣрно, что онъ не покинетъ того, кто рѣшится идти вмѣстѣ съ нимъ. Въ Вѣнѣ этой чертѣ его характера придавали слишкомъ мало значенія, полагаясь, напротивъ, слишкомъ много на вліяніе общественнаго мнѣнія, которое создавалось прежде агентами прессы и субсидіями, а въ то время поддерживалось родственниками короля и семейной перепиской.

Къ тому же, въ Вѣнѣ преувеличивали вредное вліяніе, которое могъ оказать на нашу внѣшнюю политику и наши военныя силы пронесшійся у насъ конфликтъ. Правда, многіе находили нежелательнымъ разсѣчь гордіевъ узелъ нѣмецкой политики мечемъ, какъ доказали, въ 1866 году, нѣкоторые факты, начиная съ покушенія Блинда и все то, что писалось по этому поводу въ передовыхъ органахъ [1]) и кончая публичными демонстраціями общинъ и корпорацій и результатомъ выборовъ; но эти идеи не коснулись нашего войска и ихъ дѣйствій на полѣ битвы, гдѣ собственно и былъ ключъ къ рѣшенію этого вопроса. На ходъ военныхъ дѣйствій не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія

[1]) Въ берлинскихъ эстампныхъ магазинахъ висѣла литографія, на которой это покушеніе было изображено такимъ образомъ, что чортъ ловилъ на лету предназначавшіяся для меня пули, восклицая: „онъ мой!“ (Сравн. Politische Reden X, 123. Рѣчь 9-го мая 1884 г.). Примѣч. Бисмарка.

*

даже тотъ знаменательный фактъ, что, во время первыхъ сраженій въ Богеміи, въ Берлинѣ, при участіи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ и тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Шлейница, происходили дипломатическія интриги, въ которыхъ принимали участіе даже и придворныя лица.

Если бы австрійскій кабинетъ отнесся какъ должно къ откровенному сообщенію, сдѣланному мною графу Каролн въ 1862 году, не истолковывая факты превратно, и если бы онъ измѣнилъ, сообразно съ этимъ, свою дальнѣйшую политику, стараясь сблизиться съ Пруссіей вмѣсто того, чтобы насиловать ея рѣшенія большинствомъ голосовъ, то намъ пришлось бы, по всей вѣроятности, пережить періодъ дуалистической политики или хотя бы только испробовать его. Разумѣется, никто не скажетъ, могла ли бы дуалистическая политика, при существовавшей тогда внутренней неурядицѣ, развиться мирнымъ путемъ въ смыслѣ, желательномъ для національныхъ стремленій, если бы мы были лишены опыта 1866 и 1870 годовъ. Вѣра въ военное превосходство Австріи была слишкомъ сильна въ Вѣнѣ и при средне-германскихъ дворахъ, чтобы создать какое-нибудь modus vivendi на равноправныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи. Доказательствомъ этого служатъ прокламаціи, найденныя въ ранцахъ австрійскихъ солдатъ вмѣстѣ съ новыми мундирами, въ которые они должны были облечься, вступая въ Берлинъ. Содержаніе этихъ прокламацій доказываетъ, какъ велика была увѣренность австрійцевъ въ томъ, что они вступятъ побѣдителями въ прусскія провинціи. Ихъ увѣренность въ побѣдѣ доказывается еще тѣмъ, что братъ генерала Габленца рѣшительно отказался принять мирныя условія, предложенныя пруссаками, объясняя свой отказъ финансовыми соображеніями о необходимости получить съ Пруссіи контрибуцію и выражая готовность начать переговоры о мирѣ тотчасъ послѣ перваго сраженія.

Весьма естественно, что подобныя соображенія, совершенно не соотвѣтствовавшія заявленному Австріей яко бы искреннему желанію быть во главѣ союза въ качествѣ равноправной державы, привели къ совершенно противоположному результату. Не отозвавшись, въ 1862 г., на предложеніе Пруссіи, стать вмѣстѣ съ нею во главѣ германскаго союза, Австрія выступила съ діаметрально противоположнымъ предложеніемъ, созвать во Франкфуртѣ княжескій сеймъ, коимъ король Вильгельмъ и его кабинетъ не мало были поражены въ началѣ августа, получивъ объ этомъ извѣстіе въ Гастейнѣ.

Судя по тому, что сообщаетъ Фребель [1]), который считаетъ себя

[1]) Julius Fröbel. Ein Lebenslauf. Штутгардтъ. 1891 г., II, 252, 255. Примѣч. Бисмарка.

иниціаторомъ княжескаго сейма и безъ сомнѣнія былъ посвященъ въ подготовительныя къ нему работы, планъ Австріи не былъ извѣстенъ прочимъ нѣмецкимъ князьямъ до полученія ими, 31-го іюля, приглашеніе участвовать въ сеймѣ. Но въ тайну былъ, вѣроятно, посвященъ бывшій впослѣдствіи виртембергскій министръ фонъ-Варнбюлеръ. Этотъ умный и дѣятельный дипломатъ выразилъ, лѣтомъ 1863 года, желаніе возобновить со мною знакомство, завязавшееся нѣсколько ранѣе, благодаря нашему общему другу фонъ-Бюлову-Гогендорфу. Онъ просилъ меня назначить ему свиданіе, которое, по его желанію, было облечено извѣстной таинственностью и происходило въ маленькомъ баварскомъ мѣстечкѣ, къ западу отъ Карлсбада. Я вынесъ изъ этого свиданія такое впечатлѣніе, что онъ хотѣлъ скорѣе вывѣдать мои мысли, нежели сдѣлать мнѣ какія-либо предложенія относительно нѣмецкаго національнаго вопроса. Онъ былъ въ то время чрезвычайно заинтересованъ тѣми хозяйственными и финансовыми вопросами, которые онъ помогъ мнѣ провести въ 1875 году, со свойственнымъ ему знаніемъ дѣла и настойчивостью; разумѣется, эти вопросы занимали его, преимущественно, съ точки зрѣнія обще-германской политики и таможеннаго союза.

2-го августа 1863 года, будучи въ Гастейнѣ, я сидѣлъ въ Шварценберговскомъ паркѣ, подъ сосною, на краю глубокаго оврага, образуемаго рѣкою Аахъ. Надъ моей головою находилось гнѣздо синицъ; я наблюдалъ, съ часами въ рукахъ, за тѣмъ, сколько разъ въ минуту птичка приносила своимъ птенчикамъ гусеницу или какое-либо иное насѣкомое. Наблюдая за ея оживленной дѣятельностью, я замѣтилъ по ту сторону оврага короля Вильгельма, который сидѣлъ одинъ на скамьѣ, на Шиллеровой площади. Когда настало время одѣваться къ обѣду, я отправился въ занимаемое мною помѣщеніе, гдѣ я нашелъ записочку отъ его величества, въ которой онъ писалъ мнѣ, что будетъ ожидать меня на Шиллеровой площади, чтобы переговорить о предстоявшемъ ему свиданіи съ австрійскимъ императоромъ. Я поспѣшилъ одѣться, но когда я прибылъ въ помѣщеніе, занимаемое королемъ, то оказалось, что свиданіе монарховъ уже состоялось. Если бы я не наблюдалъ такъ долго за птичкой и замѣтилъ короля ранѣе, то, быть можетъ, предложеніе, сдѣланное императоромъ, произвело бы на его величество совершенно иное впечатлѣніе.

Онъ не почувствовалъ въ первый моментъ, какъ унизительно было для Пруссіи приглашеніе участвовать въ сеймѣ. Предложеніе Австріи даже понравилось ему, можетъ быть потому, что онъ видѣлъ въ немъ элементъ солидарности царствующихъ лицъ въ борьбѣ съ парламентскимъ либерализмомъ, который доставлялъ ему уже непріятности въ Берлинѣ. Королева Елизавета, которую мы встрѣтили въ Вильдбадѣ, по пути

изъ Гастейна въ Баденъ, также настаивала на томъ, чтобы я ѣхалъ во Франкфуртъ. Я отвѣчалъ ей:

— Если король не измѣнитъ своего рѣшенія, то я отправлюсь во Франкфуртъ и буду служить ему тамъ. Но я уже не вернусь въ Берлинъ министромъ.

Мои слова, встревожили, повидимому, королеву и она болѣе не настаивала на томъ, чтобы его величество дѣйствовалъ вопреки моему совѣту.

Если бы я не старался отговорить короля ѣхать во Франкфуртъ, а согласился сопровождать его, какъ онъ того желалъ, отказавшись отъ мысли о соперничествѣ съ Австріей и началъ бы, на княжескомъ сеймѣ, вмѣстѣ съ нею, борьбу съ революціей и конституціонными стремленіями, то Пруссія осталась бы, по внѣшнему виду, тѣмъ, чѣмъ она была ранѣе и, разумѣется, имѣла бы возможность воспользоваться, подъ покровительствомъ Австріи, рѣшеніями сейма, чтобы добиться пересмотра своей конституціи подобно тому, какъ были пересмотрѣны конституціи Ганновера, Гессена, Мекленбурга, какъ это было сдѣлано въ Липпѣ, Гамбургѣ и Люксенбургѣ, но она закрыла бы себѣ этимъ путь къ національной нѣмецкой политикѣ.

Мнѣ не легко было отговорить короля отъ поѣздки во Франкфуртъ. Я приложилъ къ этому всевозможное стараніе, когда мы ѣхали съ нимъ изъ Вильдбада въ Баденъ въ открытомъ экипажѣ и, чтобы не быть понятыми прислугою, обсуждали нѣмецкій вопросъ на французскомъ языкѣ.

Когда мы пріѣхали въ Баденъ, я думалъ, что мнѣ удалось убѣдить въ этомъ его величество, но въ Баденѣ мы застали короля саксонскаго, который возобновилъ (19-го августа) приглашеніе отъ имени нѣмецкихъ князей. Его величеству не легко было противостоять этому.

Онъ повторялъ нѣсколько разъ: «30 царствующихъ особъ и король въ роли курьера». Онъ любилъ и уважалъ саксонскаго короля, которому это порученіе подходило болѣе, нежели всѣмъ прочимъ князьямъ.

Только около полуночи мнѣ удалось добиться того, чтобы король подписалъ бумагу, коей онъ отвѣчалъ на приглашеніе саксонскаго короля отказомъ. Когда я ушелъ отъ него, мы были оба въ высшей степени измучены и раздражены; мое возбужденное состояніе отразилось на разговорѣ моемъ съ саксонскимъ министромъ Бейстомъ [1]), которому я сообщилъ рѣшеніе короля. Тѣмъ не менѣе, кризисъ миновалъ и саксонскій король уѣхалъ, не видавъ болѣе моего монарха, чего я опасался.

Когда, возвращаясь изъ Баденъ-Бадена въ Берлинъ, король про-

[1]) Сравн. Бейстъ, Aus drei Viertel-Jahrhunderten. I, 332, v. Sybel II, 532

ѣхалъ (31-го августа) близъ Франкфурта, не заѣхавъ туда, и этимъ ясно подчеркнулъ свое нежеланіе принять участіе въ сеймѣ, то большинство владѣтельныхъ князей или, по крайней мѣрѣ, самые вліятельные изъ нихъ были чрезвычайно встревожены при мысли, что такимъ образомъ задуманная реформа могла повести къ тому, что они остались бы въ союзѣ съ Австріей одни и что имъ нельзя было бы прикрываться соперничествомъ обѣихъ великихъ державъ. Очевидно, Вѣнскій кабинетъ надѣялся, что союзные князья изъявятъ согласіе на предложеніе, сдѣланное сейму 17-го августа, хотя бы они остались, въ концѣ концовъ, въ преобразованномъ союзѣ съ Австріей одни, ибо иначе оставшимся во Франкфуртѣ князьямъ не было бы предложено принять планъ Австріи и осуществить его на практикѣ, несмотря на отказъ Пруссіи.

Но среднегерманскія государства не хотѣли подчиниться во Франкфуртѣ ни односторонней прусской, ни австрійской опекѣ; они хотѣли образовать нѣчто въ родѣ вліятельнаго тройственнаго союза, въ которомъ обѣ великія державы должны были бы сообразоваться съ желаніями и рѣшеніями среднегерманскихъ государствъ. На предложеніе Австріи принять рѣшеніе независимо отъ Пруссіи, они заявили, что надобно начать съ нею новые переговоры, и выразили готовность приступить къ нимъ. Этотъ отвѣтъ былъ данъ въ такой формѣ, которая могла показаться обидной вѣнскому кабинету. На графа Рехберга, съ которымъ мы разстались во Франкфуртѣ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, это произвело сильное впечатлѣніе, и онъ заявилъ, что дорога въ Берлинъ для Австріи не дальше и не затруднительнѣе, нежели для среднегерманскихъ государствъ.

Смущеніе, вызванное отказомъ Пруссіи отъ участія въ сеймѣ, было, по моему мнѣнію, главною причиною того, что вѣнскій кабинетъ вздумалъ заключить съ Пруссіей отдѣльное соглашеніе, далеко не согласовавшееся со смысломъ союзной конституціи, хотя это и соотвѣтствовало какъ нельзя лучше интересамъ Австріи, но она долго не могла рѣшиться на этотъ шагъ. Для осуществленія этого союза прежде всего было необходимо, *чтобы во главѣ министерства остался Рехбергъ.*

Если бы въ Германіи была возстановлена такимъ образомъ дуалистическая система, противъ которой ничего не имѣли прочія нѣмецкія государства, и если бы они убѣдились, что между двумя великими державами установилось честное и прочное согласіе, то передъ австро-прусскимъ союзомъ смолкли бы вожделѣнія нѣкоторыхъ германскихъ министровъ къ образованію Рейнскаго союза, которые, какъ подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Бейстъ, проявились особенно сильно въ Дармштадтѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ Франкфуртскаго сейма, скончался датскій король Фридрихъ VII (15-го ноября 1863 г.). Неудача австрій-

скихъ предложеній, отказъ союзныхъ государствъ вступить въ близкія отношенія къ Австріи заставили Вѣну снова призадуматься о преимуществахъ дуалистической политики; и вскорѣ послѣ кончины датскаго короля вопросъ этотъ былъ, повидимому, гораздо ближе къ осуществленію, нежели въ декабрѣ мѣсяцѣ 1862 года. Графъ Рехбергъ, смущенный отказомъ союзныхъ государствъ вступить въ какія-либо обязательныя отношенія къ Австріи, безъ участія Пруссіи, перемѣнилъ фронтъ, заявивъ, что Австріи легче придти къ соглашенію съ Пруссіей, нежели среднегерманскимъ государствамъ [1]). Въ то время это было вполнѣ справедливо; но дружескія отношенія къ Пруссіи могли упрочиться лишь въ томъ случаѣ, если бы Австрія отнеслась къ ней какъ къ державѣ дѣйствительно съ нею равноправной и выразила готовность вознаградить ее за поддержку, оказанную ей въ Италіи и на востокѣ, не мѣшая Пруссіи подчинить своему вліянію, по крайней мѣрѣ, государства средней Германіи. Выгода дуалистической политики подтвердилась блестящимъ образомъ совмѣстными военными дѣйствіями на берегахъ Шлея, совмѣстнымъ вступленіемъ австрійскихъ и прусскихъ войскъ въ Ютландію и совмѣстнымъ заключеніемъ, обѣими державами, мира съ Даніей. Несмотря на то, что прочія союзныя государства отнеслись къ этому факту крайне несочувственно, австро-прусскій союзъ все-таки оказался довольно сильнымъ, чтобы противостоять прочимъ великимъ державамъ, подъ эгидою которыхъ Данія бросила вызовъ всей Германіи.

Нашему дальнѣйшему соглашенію съ Австріей могли сильно повредить происки военной партіи, которая всячески убѣждала короля въ необходимости перейти границу Даніи, хотя бы и безъ согласія Австріи. Мой давнишній другъ, фельдмаршалъ Врангель, послалъ королю, по телеграфу, нешифрованную депешу, наполненную самыхъ грубыхъ ругательствъ по моему адресу; намекая на меня, онъ говорилъ о дипломатахъ, заслуживающихъ висѣлицы [2]).

Мнѣ удалось все-таки убѣдить короля, что намъ не слѣдовало ни на волосъ отступать отъ Австріи и не слѣдовало дѣйствовать такъ, чтобы въ Вѣнѣ получилось впечатлѣніе, будто Австрія согласилась дѣйствовать вмѣстѣ съ нами противъ своей воли. Добрыя отношенія, въ ко-

---

[1]) Сравн. Бейстъ, I, 336.

[2]) Вслѣдствіе этого эпизода мы были съ нимъ много лѣтъ въ холодныхъ отношеніяхъ и, встрѣчаясь при дворѣ, проходили другъ мимо друга молча; наконецъ, очутившись однажды за столомъ рядомъ, что случалось, впрочемъ, довольно часто, фельдмаршалъ сказалъ мнѣ со сконфуженной улыбкою: „Сынъ мой, развѣ ты не можешь позабыть?“ Я отвѣчалъ: „Какъ же можно забыть пережитое?“ Помолчавъ довольно долго, онъ сказалъ на это: „А развѣ ты не можешь и простить?“—„Отъ всей души“, отвѣчалъ я. Мы пожали другъ другу руку и попрежнему были друзьями. Примѣч. Бисмарка.

торыхъ я находился къ Рехбергу и Каролн, дали мнѣ возможность добиться ихъ согласія на вступленіе нашихъ войскъ въ Ютландію.

Несмотря на одержанный мною успѣхъ, дуалистической политикѣ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, 22-го августа 1864 г. въ разговорѣ, происшедшемъ между монархами въ Шенбруннѣ въ присутствіи министровъ Рехберга и меня. Я сказалъ тогда между прочимъ австрійскому императору:

— Предназначенные судьбою дѣйствовать на политическомъ поприщѣ сообща, мы лучше можемъ послужить нашимъ династическимъ и политическимъ интересамъ, заключивъ союзъ и ставъ вмѣстѣ во главѣ Германіи; это намъ всегда удастся, пока мы будемъ дѣйствовать единодушно. Если Пруссія и Австрія поставятъ себѣ задачею заботиться не только о своихъ собственныхъ интересахъ, но также и о взаимныхъ интересахъ одна другой, то союзъ обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ можетъ имѣть огромное значеніе не только для Германіи, но и для всей Европы. Австрія не заинтересована лично въ рѣшеніи датскаго вопроса, но для нея весьма важно выяснить свои отношенія къ Пруссіи. Это фактъ несомнѣнный; неужели же онъ не говоритъ въ пользу того, что Австріи лучше всего слѣдовать доброжелательной къ Пруссіи политикѣ, которая упрочила бы существующій нынѣ союзъ двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ и вызвала бы со стороны Пруссіи признательность къ Австріи? Если бы вопросъ касался пріобрѣтенія не Голштиніи, а Италіи, если бы война, которую мы вели, предоставила бы въ распоряженіе обоихъ государствъ не Шлезвигъ-Голштинію, а Ломбардію, то мнѣ не пришло бы въ голову настаивать на томъ, чтобы идти противъ желаній нашего союзника или требовать отъ него за это какое-либо равносильное вознагражденіе, если бы оно не напрашивалось само-собою. Отдать Австріи въ вознагражденіе за Шлезвигъ-Голштинію какую-нибудь старо-прусскую провинцію врядъ ли было бы возможно даже въ томъ случаѣ, если бы сами жители этой провинціи желали этого; между тѣмъ даже австрійцы, живущіе осѣдло въ Глацѣ, протестовали противъ этого присоединенія. Мнѣ кажется, голштинскій вопросъ не исключаетъ возможности выгодныхъ для той и другой стороны дружескихъ отношеній между нѣмецкими державами, и хотя они не согласуются въ данномъ случаѣ съ личными интересами Австріи, но другой разъ они могутъ коснуться ея гораздо ближе; Австріи выгодно быть этотъ разъ щедрой и доброжелательной къ Пруссіи.

Мнѣ казалось, что нарисованная мною перспектива произвела благопріятное впечатлѣніе на императора Франца-Іосифа, хотя онъ замѣтилъ, что ради удовлетворенія общественнаго мнѣнія Австріи трудно выйти изъ настоящаго положенія не получивъ никакого вознагражденія, въ то время какъ Пруссія дѣлаетъ такое крупное пріобрѣтеніе какъ

Шлезвигъ-Голштинію; однако императоръ закончилъ вопросомъ, дѣйствительно ли мы намѣрены настаивать на этомъ и хотимъ ли мы присоединить Шлезвигъ-Голштинію къ Пруссіи? Мнѣ казалось, что онъ считалъ возможнымъ уступить намъ права на земли, пріобрѣтенныя отъ Даніи, если ему былъ бы обезпеченъ за это прочный союзъ съ Пруссіей и поддержка съ ея стороны въ случаѣ подобныхъ притязаній Австріи.

Затѣмъ онъ спросилъ, дѣйствительно ли Пруссія хочетъ обратить герцогства въ прусскую провинцію или она удовлетворится извѣстными верховными правами (которыя были формулированы впослѣдствіи подъ названіемъ февральскихъ условій).

Король молчалъ; я прервалъ молчаніе, сказавъ императору:

— Мнѣ весьма пріятно, что ваше величество предложили мнѣ этотъ вопросъ въ присутствіи моего августѣйшаго монарха; это дастъ мнѣ возможность узнать мнѣніе его величества.

До тѣхъ поръ, король не выражалъ мнѣ ни устно ни письменно своихъ намѣреній относительно герцогствъ.

Вынужденный отвѣтить императору, король сказалъ смущенно и нерѣшительно, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на герцогства и поэтому не можетъ предъявлять никакихъ требованій. Этимъ заявленіемъ, которое я приписываю вліянію родственниковъ короля и придворной либеральной партіи, я былъ разумѣется совершенно обезоруженъ и не могъ предъявлять императору болѣе никакихъ требованій. Тѣмъ не менѣе я повторилъ, что по моему мнѣнію, великимъ нѣмецкимъ державамъ необходимо дѣйствовать единодушно. Рехбергомъ и мною была составлена въ этомъ смыслѣ коротенькая записка, которую монархи одобрили, но мы не коснулись въ ней вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Шлезвигъ-Голштиніи.

Дуализмъ, какъ я его понималъ, походилъ бы на нынѣшнее положеніе, съ тою лишь разницею, что Австрія, какъ наша союзница, сохранила бы нѣкоторое вліяніе на государства, образовавшія нынѣ вмѣстѣ съ Пруссіей Германскую имперію. Подобное государственное устройство, по сравненію съ прошлымъ и даже съ тогдашнимъ положеніемъ вещей, все-таки было бы шагомъ впередъ, но оно могло быть прочно до тѣхъ поръ, пока существовало довѣріе къ тѣмъ, кто былъ призванъ руководить политикой Австріи и Пруссіи.

Графъ Рехбергъ сказалъ мнѣ, когда я уѣзжалъ изъ Вѣны (26-го августа 1864 г.), что его положеніе колеблется; вслѣдствіе объясненій, данныхъ министерствомъ, и личнаго отношенія къ нему императора онъ имѣлъ основаніе думать, что его коллеги и главнымъ образомъ Шмерлингъ, постараются добиться его отставки, если ему не удастся дать Австріи увѣренность, что можно будетъ въ скоромъ времени приступить къ переговорамъ о заключеніи таможеннаго союза,

которымъ чрезвычайно интересуется императоръ. Относительно этого pactum de contrahendo я нисколько не заботился, будучи увѣренъ, что ему не удастся выторговать у меня никакихъ уступокъ, превосходящихъ границы возможнаго, ибо тутъ стояла на первомъ планѣ политическая сторона вопроса. Я считалъ таможенный союзъ съ Австріей несбыточной утопіей вслѣдствіе огромнаго различія, существующаго въ хозяйственномъ и административномъ положеніи обоихъ государствъ. Предметы, составляющіе на сѣверѣ финансовую основу таможеннаго союза, почти вовсе не употребляются въ значительной части Австро-Венгерской монархіи. Затрудненія, вызываемыя въ предѣлахъ самаго таможеннаго союза различіемъ обычаевъ и разнообразіемъ предметовъ потребленія въ сѣверной и южной Германіи, превратились бы въ непреодолимое препятствіе, если бы обѣ эти области были включены въ одну общую таможенную границу вмѣстѣ съ западной частью Австро-Венгріи.

Притомъ было бы немыслимо установить правильную норму таможеннаго обложенія, сообразно съ дѣйствительнымъ потребленіемъ предметовъ, подлежащихъ таможенной оплатѣ; всякая раскладка оказалась бы или несправедливою для таможеннаго союза или не была бы одобрена общественнымъ мнѣніемъ Австро-Венгріи. Непмѣющій никакихъ потребностей словакъ и галичанинъ, съ одной стороны, и житель Прирейнскихъ провинцій или нижне-саксонецъ—съ другой, представляютъ собою въ таможенномъ смыслѣ величины несоизмѣримыя. При томъ я не былъ увѣренъ, чтобы можно было вполнѣ положиться на исправность таможенной службы на большомъ протяженіи австрійской границы.

Убѣжденный въ невозможности заключить таможенный союзъ съ Австріей, я не колебался оказать графу Рехбергу просимую имъ поддержку, чтобы помочь ему удержаться на своемъ посту. Уѣзжая въ Біарицъ (5-го октября) я былъ увѣренъ, что король поступитъ сообразно съ высказаннымъ мною мнѣніемъ, и до сихъ поръ не понимаю, какіе мотивы руководили моими коллегами, министромъ финансовъ Карломъ фонъ-Бодельшвингомъ, министромъ торговли графомъ Иценплицемъ и Дельбрюкомъ, которые во время моего отсутствія дѣйствовали такъ энергично въ этомъ довольно чуждомъ для нихъ вопросѣ, что вслѣдствіе отказа съ нашей стороны начать переговоры съ Австріей, положеніе Рехберга пошатнулось, какъ онъ и предсказывалъ, и на его мѣсто былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Менсдорфъ, кандидатъ Шмерлинга, который вскорѣ самъ былъ вытѣсненъ реакціонерами и католиками.

Несмотря на всю свою стойкость въ вопросахъ внутренней политики, король поддавался еще тогда вліянію той доктрины, которую

проповѣдывала его супруга, а именно, что пріобрѣтеніе популярности есть лучшее средство для рѣшенія нѣмецкаго вопроса.

Вотъ что писалъ мнѣ въ Біарицъ г. фонъ-Тиле по поводу совѣщанія, происходившаго 10-го октября 1864 г., при участіи членовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и торговли.

«Сегодняшнее засѣданіе подтвердило еще разъ справедливость того, впрочемъ давно уже извѣстнаго факта, что господа спеціалисты, несмотря на всю свою виртуозность въ обсужденіи спеціальныхъ вопросовъ, которую я охотно за ними признаю, страшно невѣжественны въ политикѣ и смотрятъ, напримѣръ, на возможность перемѣны министерства въ Вѣнѣ какъ на вещь пустяшную. Иценплицъ очень не твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Мнѣ удавалось неоднократно добиться его сознанія, что 25-я статья въ концѣ-концовъ ни къ чему не обязываетъ. Но укоризненный взглядъ Дельбрюка напоминалъ ему каждый разъ его обязанность какъ спеціалиста».

Два дня спустя, 12-го октября, Абекенъ, находившійся съ королемъ въ Баденъ-Баденѣ, писалъ мнѣ, что онъ не могъ добиться согласія его величества на утвержденіе 25-й статьи; его величество боялся «шума», который поднимется въ Австріи, въ случаѣ подобной уступки; онъ сказалъ по этому поводу: «Намъ удалось бы, пожалуй, устранить министерскій кризисъ въ Вѣнѣ, но зато мы могли бы вызвать таковой въ Берлинѣ; если бы мы утвердили 25-ю статью, Бодельшвингъ и Дельбрюкъ навѣрно подали бы въ отставку».

Два дня спустя Гольцъ писалъ мнѣ изъ Парижа:

«Если положеніе Рехберга окончательно пошатнулось (въ томъ, что оно поколеблено въ глазахъ императора, я рѣшительно сомнѣваюсь), то намъ придется приготовиться з д ѣ с ь къ сообщеніямъ министерства Шмерлинга».

Чтобы судить о значеніи, какое могла имѣть для Германіи дуалистическая политика, весьма важно было рѣшить, можно ли было полагаться на то, что Австрія будетъ энергично добиваться достиженія этой цѣли. Принявъ во вниманіе, какъ быстро Рехбергъ порвалъ съ среднегерманскими государствами и заключилъ союзъ съ нами, не только безъ участія этихъ государствъ, но даже противъ нихъ, какъ только они встревожили его своимъ отказомъ примкнуть къ Австріи, можно было предвидѣть, что, въ случаѣ разногласія съ Пруссіей относительно какихъ-либо частныхъ вопросовъ, легко могла произойти новая перемѣна фронта. Я никогда не могъ пожаловаться на отсутствіе искренности въ графѣ Рехбергѣ, но онъ былъ, какъ говоритъ Гамлетъ, въ высшей степени Spleenetic and rasch, и если личнаго неудовольствія графа Буоля по поводу нелюбезнаго отношенія къ нему императора Николая было достаточно для того, чтобы австрійская политика выка-

зала извѣстную всему міру неблагодарность (nous étonnerons l'Europe par notre ingratitude) [1]), то легко могло случиться, что гораздо болѣе слабыя узы пріязни, существовавшія между мною и графомъ Рехбергомъ, могли быть порваны какими-либо непредвидѣнными обстоятельствами.

Императоръ Николай имѣлъ гораздо болѣе вѣскія причины вѣрить въ устойчивость дружескихъ отношеній Австріи нежели мы, въ эпоху датской войны. Онъ оказалъ императору Францу-Іосифу такую услугу, какую монархъ рѣдко оказываетъ сосѣднему монарху, а выгоды, которыя могъ бы доставить Австріи союзъ съ Россіей въ интересахъ монархіи и въ борьбѣ съ революціей въ Италіи и Венгріи и съ польскимъ возстаніемъ въ 1846 г., имѣли для этой державы болѣе серьезное значеніе нежели союзъ, который она могла заключить съ Пруссіей въ 1864 г.

Императоръ Францъ-Іосифъ человѣкъ высокочестный, но австро-венгерское государство сложилось изъ столь разнородныхъ элементовъ, что ихъ броженіе, отъ коихъ зависитъ устойчивость монарха, трудно предвидѣть заранѣе. Центробѣжное стремленіе отдѣльныхъ національностей, сплетеніе жизненныхъ интересовъ, которые Австріи приходилось оберегать съ точки зрѣнія нѣмецкой, италіанской, восточной и польской національности, своеволіе національнаго духа венгерцевъ и главное— неосторожность духовенства, вліяніе котораго скрещивается съ политическими мѣропріятіями, обязываютъ каждаго союзника Австріи быть осторожнымъ и не ставить интересы своихъ собственныхъ подданныхъ въ исключительную зависимость отъ австрійской политики. Устойчивость, которую она яко бы пріобрѣла во время долголѣтняго управленія Меттерниха, не можетъ долго существовать въ виду разнороднаго состава Габсбургской монархіи и тѣхъ силъ, которыя бурлятъ въ ней и совершенно не гармонируютъ съ политикой вѣнскаго кабинета до Меттерниха и послѣ него.

Хотя нельзя предвидѣть, какимъ образомъ текущія событія и общее положеніе дѣлъ могутъ повліять со-временемъ на рѣшенія вѣнскаго кабинета, тѣмъ не менѣе каждому союзнику Австріи необходимо поддерживать дружественныя отношенія къ другимъ державамъ, изъ коихъ въ случаѣ надобности могутъ возникнуть новыя комбинаціи [2]).

---

[1]) Мы удивимъ міръ своею неблагодарностью.

[2]) Припомнимъ, что несмотря на существовавшій между Германіей и Австріей оборонительный союзъ, Германія заключила въ 1887 г. съ Россіей отдѣльный договоръ. В. В.

XVIII.

При Мюнхенскомъ дворѣ.—Кронпринцъ Людовикъ.—Къ характеристикѣ короля Людовика II.—Изъ переписки короля Людовика съ Бисмаркомъ.

По пути изъ Гастейна въ Баденъ-Баденъ мы заѣхали въ Мюнхенъ; король Максимиліанъ отправился уже тогда во Франкфуртъ, предоставивъ своей супругѣ принимать гостей. Я не думаю, чтобы королева Марія, обыкновенно сосредоточенная и не особенно интересовавшаяся политикой, могла имѣть вліяніе на короля Вильгельма и на планы, коими онъ былъ заинтересованъ.

Во время нашего пребыванія въ Нимфенбургѣ, 16-го и 17-го августа 1863 г., моимъ сосѣдомъ за столомъ оба дня былъ кронпринцъ, впослѣдствіи король Людовикъ II, сидѣвшій напротивъ своей матери. Мнѣ казалось, что онъ былъ разсѣянъ и дѣлалъ усиліе, чтобы поддерживать со мною разговоръ, который не выходилъ изъ рамокъ обычной придворной болтовни. Тѣмъ не менѣе изъ всего мною слышаннаго я могъ заключить, что это была натура живая и даровитая и что онъ много думалъ о роли, предстоявшей ему въ будущемъ. Во время перерывовъ нашего разговора, онъ смотрѣлъ на потолокъ черезъ голову своей матери и опорожнивалъ нѣсколько поспѣшно свой бокалъ, который наполнялся вновь, какъ я полагаю, по приказанію его матери, довольно медленно, такъ что принцъ, опорожнивъ его, неоднократно приподнималъ пустой бокалъ надъ плечомъ; только тогда слуга нерѣшительно наполнялъ его. Онъ былъ всегда воздержанъ въ питьѣ, но мнѣ казалось, что окружающіе наводили на него тоску и что онъ хотѣлъ поддержать шампанскимъ полетъ своей фантазіи, не имѣвшей ничего общаго съ дѣйствительностью. Принцъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, хотя, къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ былъ сознаться, что мое стараніе быть для него пріятнымъ собесѣдникомъ за столомъ оказалось безполезно. Это единственный разъ въ жизни, когда я имѣлъ случай видѣть короля Людовика, но онъ относился ко мнѣ весьма благосклонно съ самаго момента своего вступленія на престолъ (что случилось довольно скоро, а именно 10-го марта 1864 г.) и до своей кончины; мы вели съ нимъ довольно дѣятельную переписку, изъ которой я вынесъ впечатлѣніе, что онъ имѣлъ какъ правитель вполнѣ ясный взглядъ на государственные вопросы и понималъ ихъ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ національныхъ интересовъ, хотя его заботы были направлены главнымъ образомъ на сохраненіе федеративнаго принципа государственныхъ учрежденій и конституціонныхъ привилегій его страны. Припоминаю только одинъ его проектъ, который былъ

совершенно неосуществимъ съ политической точки зрѣнія и выяснился для меня во время переговоровъ, происходившихъ въ Версалѣ; принцъ хотѣлъ, чтобы роль предсѣдательствующей въ союзѣ нѣмецкой имперіи переходила наслѣдственно по-очереди къ прусскому и къ баварскому королевскому дому. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ осуществить на практикѣ эту совершенно непрактичную мысль обсуждался нѣсколько преждевременно при переговорахъ съ баварскими уполномоченными въ Версалѣ; выводы, къ которымъ они пришли, упредили событія, такъ какъ ими были выработаны въ общихъ чертахъ права, коими долженъ былъ пользоваться предстательствующій въ союзѣ монархъ, т. е. тѣ права, коими пользуется въ настоящее время король прусскій по отношенію къ своему союзнику, королю баварскому, между тѣмъ какъ тогда не было еще и рѣчи объ императорскомъ титулѣ.

Привожу здѣсь нѣкоторыя письма, коими мы обмѣнялись съ королемъ Людовикомъ и которыя могутъ служить матеріаломъ для болѣе правильной характеристики этого несчастнаго монарха, представляя также интересъ и сами по себѣ.

Версаль, 27-го ноября 1870 г.

Всепресвѣтлѣйшій, великодержавный король, всемилостивѣйшій монархъ, прошу ваше королевское величество принять изъявленіе моей благоговѣйной признательности за милостивыя сообщенія, сдѣланныя мнѣ графомъ Голнштейномъ, по повелѣнію вашего величества. Признательность, которую я питаю къ вашему величеству, вызвана не только моими личными чувствами, она имѣетъ болѣе глубокое основаніе, такъ какъ мое служебное положеніе даетъ мнѣ возможность оцѣнить великодушныя намѣренія вашего величества, благодаря которымъ вы содѣйствовали въ началѣ и при окончаніи этой войны объединенію и могуществу Германіи. Но благодарить пресвѣтлѣйшій баварскій царствующій домъ за патріотическую политику вашего величества и за геройство вашего войска не составляетъ мою обязанность, это долгъ исторіи и нѣмецкаго народа. Я могу только увѣрить ваше величество, что я до конца жизни буду искренно преданъ и признателенъ вашему величеству и всегда почту за счастье, если мнѣ удастся оказать вашему величеству какую-либо услугу. При обсужденіи вопроса о титулѣ нѣмецкаго императора я позволилъ себѣ передать графу Голнштейну небольшую записку, при изложеніи которой мною руководила моя преданность къ нѣмецкимъ царствующимъ династіямъ; я говорю въ ней: нѣмецкій императоръ—вашъ общій соотечественникъ, король прусскій—вашъ сосѣдъ, которому не подобаетъ подъ этимъ именемъ пользоваться правами, основанными на добровольной передачѣ ему своихъ правъ

нѣмецкими князьями и царствующими домами. Я полагаю, что титулъ нѣмецкаго императора облегчитъ возможность предоставить ему право предсѣдательствовать въ союзѣ; исторія учитъ насъ, что самыя вліятельныя княжескія династіи Германіи, включая Пруссію, никогда не считали существованіе избраннаго имъ императора мѣшающимъ ихъ собственному положенію въ Европѣ. ф.-Бисмаркъ.

Гогеншвангау, 2-го декабря 1870 г.

Любезный графъ!

Я вижу съ особеннымъ удовольствіемъ, что несмотря на ваши многочисленныя и нетерпящія отлагательства занятія, вы нашли время выразить мнѣ чувства васъ одушевляющія.

Приношу вамъ за это мою искреннюю благодарность, ибо я высоко цѣню дружеское расположеніе человѣка, на котораго вся Германія взираетъ съ гордостью.

Мое письмо къ вашему королю, моему любезному и высокоуважаемому дядюшкѣ, будетъ получено имъ завтра утромъ. Отъ всего сердца желаю, чтобы мое предложеніе было принято сочувственно королемъ, прочими членами союза, которымъ я также писалъ, и всей націей; меня радуетъ сознаніе, что благодаря положенію, занимаемому мною въ Германіи, я могъ въ началѣ и при окончаніи этой достославной войны сдѣлать рѣшительный шагъ на пользу нашего національнаго дѣла. Я надѣюсь, что Баварія сохранитъ и впредь свое положеніе, такъ какъ оно вполнѣ согласуется съ честной и прямодушной союзной политикой и вѣрнѣе всего можетъ помѣшать пагубной централизаціи.

То, что вы сдѣлали для нѣмецкой націи, велико, безсмертно, и я могу сказать безъ лести, что вамъ принадлежитъ самое почетное мѣсто въ ряду великихъ дѣятелей нашего вѣка. Да продлитъ Господь вашу жизнь на много, много лѣтъ, чтобы вы могли дѣйствовать на благо и процвѣтаніе нашего общаго отечества. Примите искренній привѣтъ, любезный графъ, съ коимъ я пребываю вашъ искренній другъ Людовикъ.

Версаль, 24-го декабря 1870 г.

Всепресвѣтлѣйшій король, всемилостивѣйшій монархъ!

Милостивое письмо вашего величества, переданное мнѣ графомъ Голнштейномъ, даетъ мнѣ смѣлость выразить вашему величеству благодарность за милостивое содержаніе этого письма и вмѣстѣ съ тѣмъ принести вашему величеству поздравленіе съ наступающимъ Новымъ годомъ. Едва ли Германія питала когда-либо такую увѣренность въ томъ, что новый годъ принесетъ ей осуществленіе ея національныхъ

желаній. Когда эти надежды осуществятся, когда объединенная Германія достигнетъ того, что она будетъ въ состояніи своими собственными силами обезпечить себѣ миръ въ надежныхъ границахъ, не стѣсняя вмѣстѣ съ тѣмъ свободнаго развитія отдѣльныхъ членовъ союза, то рѣшающій голосъ, который ваше величество имѣли въ преобразованіи нашего общаго отечества, навѣки стяжаетъ благодарность нѣмецкаго народа и никогда не будетъ забытъ исторіей.

Ваше величество совершенно справедливо предполагаете, что я также не ожидаю ничего добраго отъ централизаціи, но зато я вижу, что самая подходящая къ нѣмецкому духу форма государственнаго устройства состоитъ въ поддержаніи правъ, обезпеченныхъ союзной конституціей отдѣльнымъ членамъ союза, и нахожу вмѣстѣ съ тѣмъ, что она есть самая лучшая порука противъ тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ праву и порядку при свободномъ развитіи современной политической жизни. Враждебность, съ какою вся республиканская партія въ Германіи отнеслась къ иниціативѣ вашего величества и союзныхъ князей относительно возстановленія императорскаго достоинства, доказываетъ, что это вполнѣ согласуется съ интересами консервативной монархіи.

Прошу ваше величество милостиво вѣрить тому, что я почту себя счастливымъ, если успѣю сохранить всемилостивѣйшее расположеніе вашего величества. ф.-Бисмаркъ.

Гогеншвангау, 31-го іюля 1874 г.

Любезный князь!

Мнѣ было бы не только чрезвычайно интересно, но и весьма пріятно побесѣдовать съ вами и лично выразить вамъ, любезный князь, чувства глубокаго уваженія, которыя я къ вамъ питаю. Гнусное покушеніе [1]), благодаря Бога неудавшееся, повліяло, какъ я узналъ съ истиннымъ сожалѣніемъ, очень плохо на ваше драгоцѣнное здоровье и на ходъ вашего леченья, такъ что я не рѣшаюсь просить васъ пріѣхать ко мнѣ въ горы, гдѣ я живу въ настоящее время.

Отъ всего сердца благодарю васъ за ваше послѣднее письмо, которое меня искренно обрадовало. Я вполнѣ надѣюсь на васъ и вполнѣ увѣренъ, что вы употребите, какъ вы сказали моему министру ф.-Пфрецшнеру, все свое вліяніе, чтобы въ основу новаго порядка вещей въ Германіи былъ положенъ федеративный принципъ. Да сохранитъ Господь вашу драгоцѣнную жизнь на много лѣтъ! Ваша смерть точно такъ же, какъ и кончина глубокоуважаемаго императора Вильгельма, была бы большимъ несчастьемъ для Германіи и для

[1]) Кульмана, 13-го іюля 1874 г.

Баваріи. Съ самыми искренними пожеланіями, любезный князь, остаюсь съ особымъ почтеніемъ и глубокимъ довѣріемъ вашъ искренній другъ Людовикъ.

Киссингенъ, 10-го августа 1874 г.

Всепресвѣтлѣйшій король и всемилостивѣйшій монархъ. Уѣзжая изъ Киссингена я не могу еще разъ не принести вашему величеству мою глубочайшую благодарность за всѣ милости, оказанныя мнѣ вашимъ величествомъ, въ особенности—за ваше милостивое письмо отъ 31-го числа.

Я глубоко осчастливленъ довѣріемъ, которое ваше величество высказали мнѣ въ этомъ письмѣ, и всегда буду стараться заслужить его; порукою этого служатъ не одни мои личныя чувства. Ваше величество можете вполнѣ разсчитывать и на тѣ ручательства, которыя вытекаютъ изъ самой сущности нашей конституціи, которая зиждется на федеративныхъ основахъ, утвержденныхъ союзными договорами, такъ что ее нельзя нарушить, не нарушивъ тѣмъ самымъ и этихъ договоровъ. Въ этомъ заключается различіе имперской конституціи отъ конституціонныхъ учрежденій всякой иной страны. Права вашего величества составляютъ нераздѣльную часть имперской конституціи и основываются поэтому на такомъ же законномъ основаніи, какъ всѣ государственныя учрежденія имперіи. Порукою въ томъ, что объединительныя стремленія не могутъ быть искажены или пріувеличены, служитъ для Германіи Союзный Совѣтъ, а для Баваріи—ея почетное представительство въ Союзномъ Совѣтѣ. Ваше величество вполнѣ можете быть увѣрены въ томъ, что конституціонныя права, утвержденныя договорами, будутъ строго соблюдаться и тогда, когда я не буду болѣе имѣть честь служить имперіи въ званіи канцлера. Съ чувствомъ глубокаго уваженія пребываю вашего величества всеподданнѣйшій слуга ф.-Бисмаркъ.

Фридрихсруэ, 2-го іюня 1876 г.

Ваше величество, какъ пишетъ мнѣ баронъ Вертеръ, милостиво предоставили и въ настоящемъ году въ мое распоряженіе экипажъ изъ придворной конюшни вашего величества для поѣздки въ Киссингенъ. Надѣюсь, что я буду имѣть возможность послѣдовать совѣту врачей и поѣхать въ это лѣто для пользованія туда, гдѣ я нашелъ исцѣленіе два года тому назадъ, какъ ваше величество изволили милостиво выразиться въ высочайшемъ повелѣніи вашемъ отъ 29-го апрѣля.

Въ Турціи дѣла принимаютъ угрожающій оборотъ и могутъ потребовать усиленной дѣятельности дипломатіи; но Германія, изо всѣхъ европейскихъ державъ, находилась всегда въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ Восточному вопросу и будетъ въ состояніи

довольно долго или во всякомъ случаѣ гораздо долѣе другихъ державъ не вмѣшиваться въ распри, вызванныя этимъ вопросомъ. Поэтому я не теряю надежды побывать въ Киссингенѣ нѣсколько недѣль спустя и почтительно прошу ваше величество благосклонно принять мою всенижайшую благодарность за вашу заботливость и за оказанную мнѣ милость. ф.-Бисмаркъ.

Бергъ, 18-го іюня 1876 г.

Я искренно радъ, что надежда посѣтить Киссингенъ, выраженная въ достоуважаемомъ письмѣ вашемъ отъ 2-го числа сего мѣсяца, оправдалась.

Отъ души привѣтствую васъ въ моей странѣ и льщу себя пріятной надеждой, что ваше столь драгоцѣнное для имперіи здоровье будетъ возстановлено цѣлебнымъ источникомъ Баваріи.

Дай Богъ, чтобы исполнилось желаніе всѣхъ нѣмецкихъ князей, чтобы миръ не былъ нарушенъ и чтобы вы, любезный князь, могли такимъ образомъ воспользоваться необходимымъ для васъ отдыхомъ отъ многотрудныхъ занятій и волнующихъ васъ заботъ.

Цѣлуя руку княгинѣ и посылая вамъ, любезный князь, самый сердечный привѣтъ, остаюсь всегда вамъ доброжелательный и искренно преданный другъ Людовикъ.

Киссингенъ, 5-го іюля 1876 г.

....Къ сожалѣнію политика не даетъ мнѣ покоя, столь необходимаго при пользованіи водами, тѣмъ болѣе, что безплодные труды дипломатовъ вызваны не дѣйствительной опасностью, угрожающей миру или по крайней мѣрѣ Германіи, а общимъ тревожнымъ состояніемъ и безпокойствомъ. Само собою разумѣется, эти труды не могутъ быть плодотворны до тѣхъ поръ, пока война, происходящая въ Турціи, не приведетъ къ какому-нибудь результату: чѣмъ бы она ни кончилась, соглашеніе между Россіей и Англіей всегда будетъ возможно при нѣкоторой искренности съ той и съ другой стороны, такъ какъ Россія не стремится овладѣть Константинополемъ (и до тѣхъ поръ, пока она не будетъ къ этому стремиться). Гораздо труднѣе будетъ примирить со-временемъ интересы Австро-Венгріи и Россіи; впрочемъ, между обоими императорскими дворами существуетъ до сихъ поръ согласіе, и я надѣюсь заслужить высочайшее одобреніе вашего величества, считая поддержаніе этого согласія главною задачею нѣмецкой дипломатіи. Германія была бы поставлена въ весьма затруднительное положеніе, если бы ей пришлось выбирать между этими двумя державами, которыя связаны столь тѣсными узами дружбы. Принимая какъ основной принципъ нашей политики, что Германія можетъ добровольно принять

*

участіе въ какой-либо войнѣ не иначе, какъ для защиты исключительно своихъ собственныхъ нѣмецкихъ интересовъ, я увѣренъ, что я поступаю совершенно согласно со взглядами вашего величества и всѣхъ нѣмецкихъ князей. Смѣю думать, что пока турецкій вопросъ не выходитъ изъ предѣловъ Турціи, онъ не затрогиваетъ такихъ насущныхъ интересовъ Германіи, изъ-за которыхъ ей стоило бы обнажить мечъ; точно также между Россіей и одной или двумя изъ западныхъ державъ можетъ возгорѣться война, отнюдь не возбуждая сочувствія Германіи настолько, чтобы она пожелала принять участіе въ этой войнѣ.

Наше положеніе было бы гораздо затруднительнѣе въ случаѣ разногласія между Австріей и Россіей, но я надѣюсь, что свиданіе обоихъ монарховъ въ Рейхштадтѣ послужитъ къ упроченію ихъ дружбы. Къ счастью, императоръ Александръ желаетъ мира и признаетъ, что въ виду волненій, происходящихъ въ южно-славянскихъ государствахъ, положеніе Австріи затруднительнѣе и сложнѣе, нежели положеніе Россіи, и настойчиво требуетъ какого-нибудь рѣшенія. Со стороны Россіи затронуты въ этомъ случаѣ только интересы внѣшней политики, для Австріи же дѣло идетъ о ея внутреннихъ и самыхъ жизненныхъ интересахъ. ф.-Бисмаркъ.

Гогенштаугау, 16-го іюля 1876 г.

Вѣсть о благопріятномъ ходѣ вашего леченія доставило мнѣ величайшее удовольствіе. Многократно благодарю васъ за это радостное извѣстіе и отъ души надѣюсь, что непріятныя послѣдствія, происшедшія отъ излишняго употребленія Киссингенскихъ водъ, также вскорѣ исчезнутъ.

Вы меня чрезвычайно обязали, любезный другъ, изложивъ мнѣ такъ ясно современное политическое положеніе. Я пораженъ дальновидностью политическихъ взглядовъ, высказанныхъ вами при обсужденіи вопроса о положеніи Германіи по отношенію къ треволненіямъ, происходящимъ за границею въ настоящее время и угрожающимъ ей въ будущемъ; нѣтъ надобности говорить, что ваши энергическія старанія, направленныя къ поддержанію мира, вызываютъ во мнѣ самое искреннее сочувствіе и безграничное довѣріе. Отъ души желаю, любезный князь, чтобы старанія нѣмецкой политики увѣнчались успѣхомъ и чтобы признательность нѣмецкихъ князей и династій застала васъ здоровымъ и бодрымъ.

Къ этому искреннему пожеланію присоединяю самый сердечный привѣтъ и увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубочайшемъ довѣріи, съ коимъ, любезный князь, я остаюсь вашъ искренній другъ Людовикъ.

Киссингенъ, 27-го іюня 1879 г.

....Я не могъ избѣжать множества занятій во время моего леченія, такъ какъ рейхстагъ дѣлалъ по вопросу о моемъ замѣстителѣ всевозможныя затрудненія, съ которыми здоровье не позволяло мнѣ въ то время бороться, и я былъ вынужденъ контрасигнировать бумаги даже находясь въ отпуску.

Это одно изъ средствъ, коими большинство рейхстага старается добиться учрежденія того поста, который оно понимаетъ подъ названіемъ «отвѣтственнаго имперскаго министра», противъ чего я постоянно борюсь не для того, чтобы быть единственнымъ министромъ, но для того, чтобы охранить конституціонныя права союзнаго совѣта и его высокихъ довѣрителей. Министерствамъ, учрежденія которыхъ у насъ добиваются, могли бы быть даны права только въ ущербъ этимъ послѣднимъ и мы вступили бы тогда на путь централизаціи, который едва ли повелъ бы въ будущемъ ко благу Германіи. По моему мнѣнію, конституція не только даетъ моимъ коллегамъ по союзному совѣту право открыто поддерживать меня въ борьбѣ противъ введенія подобныхъ имперскихъ министерствъ и выяснить, что я защищаю не только единовластіе канцлера, но и права союзниковъ и министерскія права союзнаго совѣта,—это составляетъ, по моему мнѣнію, даже ихъ политическій долгъ. Я полагаю, что высказавъ это Пфрецшнеру (Pfretzschner), я поступилъ согласно со взглядами вашего величества и увѣренъ, что представитель вашего величества на союзномъ совѣтѣ облегчитъ мнѣ, вмѣстѣ со своими сотоварищами, борьбу съ парламентомъ, который настаиваетъ на учрежденіи отвѣтственныхъ министерствъ.

Если выборъ вашего величества палъ, какъ я слышалъ, на г. ф.-Рудгарта, то, судя по всему, что говорилъ мнѣ о немъ Гогенлоэ, я долженъ почтительнѣйше благодарить васъ за это назначеніе и полагаю, что я буду въ состояніи говорить съ нимъ вполнѣ откровенно не только о внутреннихъ, но и о внѣшнихъ дѣлахъ имперіи, что по отношенію къ представителю вашего величества весьма важно для меня лично и въ служебномъ отношеніи. Наше положеніе по отношенію къ прочимъ державамъ таково же, въ настоящее время, какимъ оно было и зимою; все еще есть надежда, что война насъ не коснется. Довѣріе Россіи къ тому, что она можетъ положиться въ дѣлахъ политики на насъ, какъ на своихъ сосѣдей, увеличилось; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась также и надежда, что намъ удастся избѣжать такихъ событій, противъ которыхъ Австрія была бы вынуждена протестовать въ виду своихъ собственныхъ интересовъ. Мы стараемся по прежнему поддерживать дружескія отношенія, существующія между двумя имперіями, и наши старанія довольно успѣшны. Наши дружескія отношенія къ Англіи отъ этого до сихъ поръ не пострадали; пущенный при тамошнемъ дворѣ политическими интриганами слухъ,

будто Германія подумываетъ о завоеваніи Голландіи, могъ быть принятъ на вѣру только въ высшихъ дамскихъ кружкахъ; клеветники не устаютъ, но тѣ, которые имъ вѣрятъ, кажется уже устали. При такомъ положеніи дѣлъ, внѣшняя политика имперіи всецѣло можетъ устремить свое вниманіе на вулканъ, который за послѣдніе 300 лѣтъ такъ часто угрожалъ Германіи своими изверженіями съ Запада. Я не придаю значенія увѣреніямъ, которыя доходятъ до насъ оттуда, но не могу посовѣтывать Имперіи ничего иного, какъ только ожидать возможнаго нападенія хорошо вооружившись и съ оружіемъ въ рукахъ. Фонъ-Бисмаркъ.

Бергъ, 7-го іюля 1897 г.

...Пользуюсь случаемъ, любезный князь, сказать вамъ, что я былъ чрезвычайно взволнованъ послѣднее время извѣстіемъ о предполагаемомъ выходѣ вашемъ въ отставку. При личномъ довѣріи, которое я питаю къ вамъ, и при моемъ довѣріи къ федеративной основѣ вашей политической дѣятельности, это событіе заставило бы меня сильно скорбѣть за себя лично и за мою страну.

Къ моей величайшей радости, этого не случилось и я отъ души желаю, чтобы Имперія и преданная ей Баварія долго еще могли пользоваться вашей мудрой и энергичной дѣятельностью. Примите, любезный князь, также мою искреннюю благодарность за сообщаемое вами радостное извѣстіе о надеждахъ на поддержаніе мира; и за то, что вы обнадеживаете меня, что фонъ-Рудгартъ, посланникъ, назначенный мною въ Берлинъ, будетъ принятъ вами благосклонно и съ полнымъ довѣріемъ. Ваше отношеніе къ всплывающему время отъ времени вопросу объ учрежденіи отвѣтственныхъ министерствъ, доказываетъ, что мы имѣемъ въ васъ надежнаго защитника правъ союзныхъ князей; мнѣ доставили большое успокоеніе ваши слова, что вы видите благо Германіи не въ централизаціи, которая будетъ достигнута учрежденіемъ подобныхъ министерствъ. Будьте увѣрены, что я употреблю всѣ силы къ тому, чтобы обезпечить вамъ, въ борьбѣ за сохраненіе конституціонныхъ основъ, самую чистосердечную и энергичную поддержку моихъ представителей на союзномъ сеймѣ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, присоединятся и уполномоченные прочихъ князей [1]). Людовикъ.

Киссингенъ, 12-го августа 1878 г.

Позволяю себѣ повергнуть къ стопамъ вашего величества мою почтительнѣйшую благодарность за милостивое приказаніе, данное и въ нынѣшнемъ году королевской придворной конюшнѣ на время моего пребыванія здѣсь, и за милостивыя слова, переданныя мнѣ министромъ фонъ-Пфрецшнеромъ по высочайшему повелѣнію вашего величества

[1]) Рудгартъ этого не оправдалъ. Примѣч. Бисмарка.

На конгрессѣ рѣшено слѣдовать такой политикѣ, которую ваше величество признали въ всемилостивѣйшемъ письмѣ вашемъ вполнѣ цѣлесообразной для блага Германіи. Миръ для насъ обезпеченъ, опасность разрыва между Австріей и Россіей устранена и наши отношенія къ обѣимъ дружественнымъ сосѣднимъ державамъ обезпечены и упрочены. Я радуюсь въ особенности тому, что намъ удалось внушить вѣнскому кабинету и населенію австрійской имперіи довѣріе къ нашей политикѣ, возникшее такъ недавно. Руководя впредь внѣшней имперской политикой въ указанномъ смыслѣ, я надѣюсь заслужить высочайшее одобреніе вашего величества и, согласно съ этимъ, постараюсь повліять на Порту и на прочія державы, чтобы облегчить, по мѣрѣ возможности, вмѣшательствомъ дипломатіи, трудную задачу, которую Австрія взяла на себя, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно.

Гораздо сложнѣе, въ настоящую минуту, задачи внутренней политики. Со смертью кардинала Франши, въ ожиданіи инструкцій изъ Рима, мои переговоры съ нунціемъ не подвигаются ни на волосъ, а въ инструкціяхъ, которыя привезъ архіепископъ новокесарійскій, требовалось фактическаго, не обусловленнаго договорами, возстановленія въ Пруссіи status quo ante 1870 года. Подобныя уступки, съ той и съ другой стороны, немыслимы. Папа, фактически, не имѣетъ возможности ничѣмъ вознаградить насъ съ своей стороны; партія центра, а также враждебная правительству пресса и польская партія, не послушаютъ его, хотя бы его святѣйшество и вздумалъ приказать имъ поддержать правительство. Хотя силы, сосредоточенныя въ центрѣ, борятся въ настоящее время подъ знаменемъ папы, но сами по себѣ онѣ враждебны правительству и будутъ таковы, хотя бы онѣ не могли долѣе прикрываться знаменемъ католицизма; ихъ связь съ прогрессивной партіей и съ соціалистами, основанная на враждѣ къ государству, не зависитъ отъ спора о церковныхъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ, въ Пруссіи избирательные округа, изъ которыхъ пополняется центръ, включая сюда дворянъ Вестфаліи и Верхней Силезіи, коими руководятъ іезуиты и коихъ они съ умысломъ плохо воспитываютъ, были, подъ вліяніемъ демократическихъ принциповъ, въ оппозиціи правительству и до возникновенія спора о церковныхъ дѣлахъ. При такихъ обстоятельствахъ, папскій престолъ не можетъ предложить намъ никакого равносильнаго вознагражденія за тѣ уступки, какихъ онъ отъ насъ требуетъ, такъ какъ онъ не располагаетъ, въ настоящее время, вліяніемъ іезуитовъ на германскія дѣла. Безсиліе папы, безъ ихъ поддержки, выказалось особенно ясно при вторичныхъ выборахъ, когда католики, вопреки желанію папы, подавали голоса за соціалистическихъ кандидатовъ и др. Муфангъ, въ Майнцѣ, отказался публично принять на себя какія-либо обязательства въ этомъ отношеніи. Переговоры, ведущіеся здѣсь съ нунціемъ, ограни-

чатся тѣмъ, что мы постараемся кое-что вывѣдать другъ у друга. Я вынесъ изъ нихъ такое впечатлѣніе, что пока нѣтъ возможности придти къ какому-либо заключенію; но, по моему мнѣнію, все-таки надобно стараться, чтобы они не были прерваны, этого желаетъ, кажется, и нунцій. Въ Римѣ, очевидно, полагаютъ, что мы болѣе нуждаемся въ поддержкѣ, нежели это есть на самомъ дѣлѣ, и преувеличиваютъ помощь, которую они, при самомъ добромъ желаніи, могутъ оказать намъ въ парламентѣ. Новые выборы въ рейхстагѣ перемѣстили центръ тяжести послѣдняго гораздо болѣе въ сторону правой, нежели мы ожидали. Перевѣсъ либераловъ уменьшился и притомъ гораздо значительнѣе, нежели показываютъ цифры. Предлагая распустить парламентъ, я былъ увѣренъ, что избиратели болѣе сочувствуютъ правительству, нежели депутаты; и результатъ выборовъ былъ тотъ, что многіе депутаты, избранные вновь, несмотря на ихъ оппозицію правительству, могли добиться избранія, только давъ слово поддерживать правительство. Если они не сдержатъ своего слова и намъ придется снова распустить парламентъ, то они потеряютъ довѣріе избирателей и болѣе не будутъ избраны. Послѣдствіемъ обострившихся отношеній либеральной партіи и центра къ депутатамъ будетъ, по моему мнѣнію, бо́льшая сплоченность союзныхъ правительствъ. Возрастающая опасность со стороны соціалъ-демократіи, увеличеніе, съ каждымъ годомъ, опасной разбойничьей шайки, обитающей, вмѣстѣ съ нами, въ большихъ городахъ, отказъ со стороны большинства рейхстага помочь правительству въ борьбѣ съ угрожающей ему опасностью, заставятъ, въ концѣ концовъ, нѣмецкихъ князей, ихъ правительства и всѣхъ приверженцевъ государственнаго порядка сплотиться для самозащиты, которую демагогическія нападки ораторовъ и прессы не въ состояніи будутъ побѣдить до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ дѣйствовать единодушно и рѣшительно, какъ въ настоящее время. Цѣль нѣмецкой имперіи—защита закона; при образованіи существующаго нынѣ союза князей и городовъ, дѣятельность парламента считалась только средствомъ для достиженія цѣлей союза, а не абсолютною его цѣлью. Я надѣюсь, что дѣйствія рейхстага избавятъ союзныя правительства отъ необходимости примѣнить на практикѣ послѣдствія этого законоположенія. Но я не увѣренъ, что большинство избраннаго нынѣ рейхстага будетъ выразителемъ лояльно и монархически настроеннаго большинства нѣмецкихъ избирателей. Если этого не будетъ, то явится снова необходимость распустить парламентъ; я не думаю, однако, чтобы къ этой мѣрѣ пришлось прибѣгнуть нынѣшнюю осень. Если правительству придется обратиться снова къ избирателямъ, то вопросъ о хозяйственной и финансовой реформѣ, если только онъ будетъ правильно понятъ народомъ, явится прекраснымъ орудіемъ въ рукахъ союзныхъ правительствъ; но для этого онъ долженъ обсуждаться въ парламентѣ,—

а этого не можетъ быть ранѣе зимней сессіи. Необходимость увеличить доходы, повысивъ косвенные налоги, сознается всѣми союзными государствами и была единогласно признана ихъ министрами въ Гейдельбергѣ. Несогласіе съ этимъ парламентскихъ теоретиковъ не встрѣтитъ, въ концѣ концовъ, сочувствія производительной массы населенія.

Всепокорнѣйше прошу, ваше величество, отнестись съ благосклоннымъ вниманіемъ къ этому краткому очерку современнаго положенія дѣлъ и не лишать меня впредь высочайшей милости вашего величества... Фонъ-Бисмаркъ.

Бергъ, 31-го августа 1878 г.

Отъ всей души благодарю васъ за крайне интересное изображеніе современнаго политическаго положенія, которое вы были такъ любезны прислать мнѣ изъ Киссингена, намѣтивъ въ вашемъ письмѣ и тѣ цѣли, къ которымъ направлены, въ будущемъ, ваши обширные политическіе планы. Искренно желаю, чтобы Киссингенъ и вторичное леченіе поддержали ваши исполинскія силы, необходимыя для осуществленія этихъ плановъ; онѣ понадобятся вамъ уже въ ближайшей сессіи рейхстага. Да послужитъ ваша дѣятельность попрежнему на благо нѣмецкихъ государствъ и да сохранитъ васъ Господь на многія лѣта для всѣхъ тѣхъ, кому дорого благо Германіи! Я также твердо надѣюсь, что союзныя правительства всегда будутъ дѣйствовать единодушно и въ полномъ согласіи въ тѣхъ случаяхъ, когда придется бороться съ опасностью, угрожающею отъ соціалъ-демократовъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать княгинѣ чувство моего особаго уваженія и передать мой поклонъ вашему сыну, графу Герберту.

Еще разъ отъ души благодарю васъ, любезный князь, за ваше въ высокой степени интересное письмо, доставившее мнѣ огромное удовольствіе, и прошу васъ вѣрить въ совершенное уваженіе и довѣріе, съ какимъ остаюсь вашъ искренній другъ Людовикъ.

Гогеншвангау, 29-го іюля 1879 г.

Любезный князь, фонъ-Бисмаркъ! Съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ отъ души поздравить васъ съ успѣхомъ, коимъ увѣнчались происходившія въ рейхстагѣ пренія относительно представленнаго вами обширнаго финансоваго проекта. Надобно было обладать вашей необыкновенной энергіей и силой, чтобы одержать побѣду надъ массою эгоистическихъ интересовъ, которые препятствовали осуществленію вашихъ проектовъ. Нѣмецкія государства вновь обязаны вамъ признательностью и будутъ съ новыми силами стремиться къ достиженію матеріальнаго благосостоянія, составляющаго необходимую основу государственной жизни.

Искренно желаю, чтобы пребываніе въ Киссингенѣ дало вамъ воз-

можность вполнѣ отдохнуть отъ трудовъ и заботъ, испытанныхъ послѣднее время. Къ этому искреннему пожеланію присоединяю увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ коимъ пребываю вашъ искренній другъ Людовикъ.

Киссингенъ, 4-го августа 1879 г.

Ваше величество весьма осчастливили меня милостивыми словами, коими вы меня удостоили въ высочайшемъ письмѣ вашемъ отъ 29-го іюля. Я особенно признателенъ вамъ за то, что вы милостиво обратили вниманіе на затрудненія, которыя союзныя правительства встрѣчаютъ при проведеніи реформъ со стороны партійныхъ страстей и частныхъ интересовъ.

Врядъ ли, въ ближайшемъ будущемъ, удастся, по моему мнѣнію, достигнуть бо̀льшаго въ хозяйственныхъ вопросахъ, касающихся покровительства нѣмецкому труду и промышленности; придется выждать практическаго результата того, что уже достигнуто, а результатъ этотъ можетъ сказаться только на слѣдующій годъ, такъ какъ принятое парламентомъ рѣшеніе—повременить введеніемъ ввозныхъ пошлинъ, снова дало чужимъ краямъ возможность наводнить нѣмецкій рынокъ безпошлинными произведеніями. Ожидаемое отъ этого благотворное вліяніе на поднятіе нашего матеріальнаго благосостоянія можетъ дать себя почувствовать только по истеченіи будущаго года.

Что касается финансовъ, то мнѣ кажется, что намъ придется, въ одно изъ ближайшихъ засѣданій рейхстага, снова сдѣлать попытку отыскать, для союзныхъ правительствъ, новые источники дохода; хотя прежніе доходы и покрываютъ дефицитъ нашего бюджета, но ихъ не хватитъ на то, чтобы *преобразовать* прямые налоги и оказать помощь нуждающимся волостнымъ правленіямъ.

Результатъ, къ которому привела дѣятельность союзныхъ правительствъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ въ политическомъ отношеніи моимъ ожиданіямъ и нанесъ, видимо, серьезный ударъ неправильной группировкѣ и составу нашихъ политическихъ партій. Центръ впервые принялъ положительное участіе въ законодательныхъ работахъ Имперіи.

Долго ли это будетъ продолжаться,—покажетъ будущее. Весьма возможно, что если соглашеніе съ Римомъ не состоится, то эта партія займетъ прежнее отрицательное и оппозиціонное положеніе. Надежды на соглашеніе съ Римомъ съ прошлаго года, какъ видно, не особенно увеличились. Нѣкоторую надежду подаетъ лишь тотъ фактъ, что папскій нунцій Якобини заявилъ послу, князю Рейсу, желаніе приступить къ переговорамъ, на что онъ получилъ полномочія изъ Рима. Какъ велики эти полномочія, мнѣ покуда неизвѣстно, но я обѣщалъ нунцію видѣться съ нимъ, какъ онъ того желаетъ, въ Гастейнѣ и начать переговоры.

Послѣдняя сессія рейхстага заставитъ, я полагаю, національ-либеральную партію распасться на монархическую и прогрессистскую, то-есть республиканскую партію. Попытка бывшаго президента фонъ-Форкенбека подчинить законодательную власть имперіи непосредственному контролю нѣмецкаго союза городовъ и зажигательныя рѣчи Ласкера и Рихтера по адресу неимущихъ классовъ, ясно обнаружили революціонныя стремленія этихъ депутатовъ, такъ что приверженцы монархическаго образа правленія не могутъ имѣть съ ними болѣе ничего общаго въ своей политической дѣятельности. Планъ союза городовъ, съ его сословными депутатами въ рейхстагѣ, выработанъ «союзниками» по образцу союза французскихъ провинціальныхъ городовъ 1792 года. Этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ нѣмецкомъ народѣ, но онъ показываетъ, что и въ нашихъ прогрессистскихъ депутатахъ были черты, напоминавшія депутатовъ конвента.

Наши революціонеры вербуются почти исключительно изъ у ч е н а г о пролетаріата, коимъ сѣверная Германія богаче южной. Это ученые, высокообразованные господа, у которыхъ нѣтъ недвижимаго имущества, нѣтъ профессіи или опредѣленныхъ доходовъ, и которые существуютъ на содержаніе, получаемое или на государственной или общественной должности, или работая въ прессѣ, зачастую занимаясь тѣмъ и другимъ одновременно; въ рейхстагѣ они составляютъ болѣе половины депутатовъ, между тѣмъ какъ среди избирателей они составляютъ незначительный процентъ. Эти-то господа и составляютъ революціонный элементъ и руководятъ прогрессивной и національ-либеральной партіей и прессой. Разсѣять ихъ партію—составляетъ, по моему мнѣнію, самую важную задачу консервативной политики, а преобразованіе хозяйственныхъ вопросовъ составляетъ основу, при помощи которой правительство можетъ довольно близко подойти къ достиженію этой цѣли.

Почтительнѣйше благодарю ваше величество за выраженныя вами всемилостивѣйшія пожеланія относительно благополучнаго исхода моего леченія, которое, судя по всѣмъ признакамъ, навѣрно принесетъ пользу моему здоровью, сильно пошатнувшемуся прошлую зиму. Успѣху леченія много способствуютъ удобства, коими я пользуюсь благодаря милостивому вниманію вашего величества и которыя даютъ мнѣ возможность пользоваться цѣлебнымъ воздухомъ окрестныхъ лѣсовъ. Превосходныя лошади придворной конюшни вашего величества даютъ мнѣ возможность безъ труда посѣщать прелестныя окрестности Кисингена, что особенно пріятно при увеличивающейся съ лѣтами слабости въ ногахъ. Прошу ваше величество милостиво принять мою всенижайшую благодарность за это удовольствіе и за отличіе, которое мнѣ доставляетъ пользованіе имъ. Фонъ-Бисмаркъ.

Киссингенъ, 7-го августа 1879 г.

Зная, что ваше величество живо интересуетесь нашими переговорами съ Римомъ, я осмѣливаюсь представить на высочайшее воззрѣніе вашего величества копіи съ нижеслѣдующихъ документовъ:

1) Съ письма папы къ его императорскому величеству отъ 30-го мая.

2) Съ отвѣта на это письмо отъ 21-го іюня.

3) Съ письма папы къ его императорскому величеству отъ 9-го іюля, на которое еще не послѣдовало отвѣта. Фонъ-Бисмаркъ.

Бергъ, 18-го августа 1879 г.

Любезный другъ! Искренно благодарю васъ за ваши письма отъ 4-го и 7-го числа сего мѣсяца, въ которыхъ вы сообщаете мнѣ такъ много интереснаго о партіяхъ и объ отношеніяхъ къ Риму, и которыя доставили мнѣ большое удовольствіе. Переговоры, которые вы ведете съ Римомъ, уже увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ замѣтное улучшеніе нашихъ отношеній къ римской куріи несомнѣнно повліяло на центръ и черезъ него на успѣхъ вашей финансовой реформы. Да увѣнчаются и въ другихъ отношеніяхъ успѣхомъ ваши энергичныя старанія создать большую консервативную партію. Я искренно желаю, любезный князь, чтобы здоровье и силы позволили вамъ осуществить ваши великія и несомнѣнно важныя задачи; поэтому мнѣ было весьма пріятно узнать изъ вашего письма, что пребываніе въ Киссингенѣ обѣщаетъ отличные плоды.

Будьте увѣрены, любезный князь, въ совершенномъ уваженіи и довѣріи, съ коими я остаюсь по-прежнему вашъ искренній другъ Людовикъ.

Бергъ, 1-го сентября 1880 г.

Любезный князь! Пожеланія, которыя вы были такъ любезны высказать мнѣ по случаю моего двойного праздника и 700 лѣтняго юбилея моего дома, доставили мнѣ истинное удовольствіе. Отъ всей души благодарю васъ за вашу испытанную преданность, которая такъ драгоцѣнна для меня и для моей страны, и на которую я вполнѣ полагаюсь и впредь. Въ виду сердечныхъ отношеній, существующихъ между вами, славнымъ и великимъ канцлеромъ и мною, мнѣ было пріятно узнать, что и предки мои имѣли причины уважать и отличать ваше семейство. Благопріятныя вѣсти, которыя вы сообщаете мнѣ, любезный князь, о своемъ здоровьи, весьма радуютъ меня, и я повторяю еще разъ, что мнѣ пріятно слышать, что баварскій источникъ поддерживаетъ изумительную энергію, которую вы употребляете на благо нѣмецкихъ государствъ. Я узналъ изъ вашего письма съ особеннымъ удовольствіемъ, что вы вполнѣ увѣрены въ томъ, что миръ не будетъ нарушенъ, и благода-

ренъ вамъ за обѣщаніе прислать мнѣ записку о политическомъ положеніи дѣлъ.

Примите, любезный князь, вмѣстѣ съ вашей семьей, увѣреніе въ искренней моей симпатіи и глубокомъ уваженіи, съ какимъ я остаюсь всегда вашъ искренній другъ Людовикъ.

Гогеншвангау, 10-го августа 1881 г.

Любезный князь! Благополучный исходъ вашего леченія въ Киссингенѣ осуществилъ самыя искреннія мои желанія; я надѣюсь, что необходимый отдыхъ успокоитъ также невралгическія боли, которыя все еще васъ не оставляютъ, какъ я узналъ, съ большимъ сожалѣніемъ, изъ вашего письма. Я прочелъ съ живѣйшимъ интересомъ описаніе внутренняго и внѣшняго положенія государства, которое вы изложили въ столь драгоцѣнномъ для меня вашемъ письмѣ, и пораженъ вашей изумительной дѣятельностью въ той и другой сферѣ. Меня радуетъ ваша надежда на поддержаніе мира и твердость, съ какою вы отражаете поползновенія парламентскаго большинства къ управленію страною, поползновенія, которыя обнаруживаются въ настоящее время и въ Баваріи, хотя по иному поводу. Я постараюсь, чтобы цѣль, которой они добиваются и которая несовмѣстима съ монархическимъ принципомъ и можетъ вызвать безконечныя волненія и неудовольствія, осталась недостигнутою. Меня живо интересуютъ предстоящіе выборы. Если бы они и не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, я все-таки увѣренъ, что вы съумѣете, съ обычной своей настойчивостью, выработать такія финансовыя и хозяйственныя мѣры, которыя необходимы для обезпеченія благосостоянія нѣмецкихъ государствъ и въ особенности положенія рабочихъ; въ искреннемъ содѣйствіи моего правительства вы можете быть вполнѣ увѣрены. Съ другой стороны, любезный князь, я убѣжденъ, что, проводя свои обширные планы, вы будете охранять федеративный принципъ, на которомъ зиждется имперія и самостоятельность отдѣльныхъ государствъ. Меня весьма порадовало извѣстіе, что вы находитесь въ предѣлахъ Баваріи. Надѣюсь, что вы еще много и много лѣтъ будете посѣщать ее, и прошу васъ, любезный князь, принять вмѣстѣ съ самыми искренними моими пожеланіями увѣреніе во всегдашнемъ, съ моей стороны, особомъ довѣріи и совершенномъ уваженіи, съ какимъ я остаюсь навсегда вашъ искренній другъ Людовикъ.

Бергъ, 27-го августа 1881 г.

Любезный князь! Отъ всего сердца благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ поздравленіемъ ко дню моего рожденія. Это поздравленіе, точно такъ же, какъ и все содержаніе уважаемаго письма вашего, служитъ новымъ доказательствомъ вашего дружескаго ко мнѣ

расположенія, которое глубоко радуетъ меня, и на которое я вполнѣ полагаюсь.

Искренно желаю вамъ наслаждаться, во время пребыванія въ Варцинѣ, полнѣйшимъ спокойствіемъ и хорошей погодой и, пользуясь добрымъ здоровьемъ, приступить, согласно вашему желанію, къ выполненію вашихъ обширныхъ плановъ.

Посылая вамъ и вашей семьѣ привѣтъ, остаюсь, любезный князь, съ особымъ уваженіемъ, вашъ искренній другъ Людовикъ.

Замокъ Бергъ, 2-го сентября 1883 г.

Любезный князь. Драгоцѣнное письмо, которое вы были такъ любезны прислать мнѣ изъ Киссингена, доставило мнѣ большое удовольствіе. Принося вамъ, любезный князь, глубокую благодарность за высказанныя въ немъ пожеланія, я не хочу упустить случая сказать вамъ, что я прочелъ съ величайшимъ интересомъ приложенную къ вашему письму записку о современномъ политическомъ положеніи. Къ величайшему моему удовольствію, я вывелъ изъ нея заключеніе, что въ настоящее время нѣтъ серьезныхъ признаковъ, угрожающихъ европейскому миру. Хотя положеніе дѣлъ въ Россіи и большое количество войска, выставленнаго ею на западной границѣ, могутъ возбудить нѣкоторое опасеніе, но я надѣюсь, что благодаря согласію, существующему между Германіей и Австріей, которое служитъ порукою, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, и благодаря вашей мудрой и дальновидной политикѣ, удастся избѣжать войны, и мирныя намѣренія русскаго императора, высказанныя имъ недавно по случаю торжественной коронаціи въ Москвѣ, одержатъ, въ концѣ концовъ, верхъ. Примите, любезный князь, вмѣстѣ съ искренней моей благодарностью за ваши всегда пріятныя для меня письма, изъявленіе моей сердечной радости по поводу того, что ваше, къ сожалѣнію, давно уже разстроенное здоровье, начало немного поправляться подъ вліяніемъ цѣлебныхъ водъ Киссингена и пользованія опытнаго врача. Искренно желаю, чтобы оно какъ можно скорѣе возстановилось, и чтобы Германія долго еще пользовалась тѣмъ спокойствіемъ, какое внушаетъ ей довѣріе къ энергіи и осмотрительности ея великаго государственнаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возобновляю увѣреніе въ искреннемъ почтеніи и неизмѣнномъ расположеніи, которыя я всегда питаю къ вамъ, любезный князь. Посылаю вамъ искренній привѣтъ и остаюсь навсегда вашъ искренній другъ Людовикъ.

Эльмау, 27-го сентября 1883 г.

Любезный князь фонъ-Бисмаркъ! Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 19-го числа сего мѣсяца; горячо благодарю васъ, любезный князь, за ваши сообщенія и за присланный, вмѣстѣ съ тѣмъ,

документъ, полученный изъ Петербурга. Я прочелъ то и другое съ живѣйшимъ любопытствомъ, съ какимъ я отношусь впрочемъ ко всему, что я получаю отъ васъ. Всего пріятнѣе для меня было, конечно, извѣстіе, что вы понемногу поправляетесь; отъ души желаю, чтобы здоровье ваше вполнѣ возстановилось. Это даетъ мнѣ надежду, что, освѣжившись и возстановивъ свои силы, вы снова будете въ состояніи посвятить ихъ осуществленію высокихъ задачъ вашей государственной дѣятельности, и я спокойно ожидаю дальнѣйшаго хода политическихъ событій. Что касается, въ частности, отношеній Германіи къ Россіи, то я съ удовольствіемъ заключаю изъ донесенія генерала фонъ-Швейница, что нѣтъ причины сомнѣваться въ искренномъ миролюбіи русскаго императора и его канцлера. Этотъ успокоительный фактъ, въ связи съ согласіемъ, упрочившимся, къ счастью, между Германіей и Австріей, и которое, судя по вашимъ словамъ, нынѣ вполнѣ обезпечено, что меня искренно радуетъ, еще болѣе укрѣпляетъ во мнѣ надежду на упроченіе мира.

Примите, любезный князь, вмѣстѣ съ моими искренними пожеланіями вамъ полнѣйшаго выздоровленія, увѣреніе въ особомъ почтеніи, съ какимъ я остаюсь вашъ искренній другъ Людовикъ.

XIX.

Разногласіе, возникшее между Бисмаркомъ и фонъ-деръ-Гольцомъ по поводу Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса.—Письмо Бисмарка къ Гольцу.—Взглядъ канцлера на необходимость присоединенія герцогствъ.—Возведеніе Бисмарка въ графское достоинство.—Отношенія къ Ганноверу.—Выдумка вельфской партіи.—Опроверженіе гессенскаго принца.—Значеніе сѣверо-восточнаго канала.—Противодѣйствіе этому проекту со стороны Мольтке.

Моимъ преемникомъ въ Парижѣ былъ назначенъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ, занимавшій, съ 1855 года, послѣдовательно, постъ посланника въ Аѳинахъ, въ Константинополѣ и въ Петербургѣ. Я ожидалъ, что эта должность дисциплинируетъ его и что, перейдя отъ писательской дѣятельности къ служебной, онъ сдѣлается практичнѣе и разсудительнѣе, и, наконецъ, что назначеніе на самый важный, въ то время, постъ прусской дипломатіи удовлетворитъ его честолюбіе, но мое ожиданіе оправдалось только отчасти. Въ исходѣ 1863 года мнѣ пришлось имѣть съ нимъ переписку по дѣламъ службы; хотя у меня сохранились, къ сожалѣнію, только одни отрывки этихъ писемъ, но они представляютъ интересъ, рисуя тогдашнее положеніе дѣлъ и служа къ уясненію послѣдующихъ событій.

Берлинъ, 24-го декабря 1863 г.

...Что касается датскаго вопроса, то нельзя допустить, чтобы король имѣлъ двухъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, то-есть, чтобы при обсужденіи теперешняго животрепещущаго вопроса самый важный постъ занималъ противникъ министерской политики. Я переношу всякое противорѣчіе, если оно исходитъ изъ такого компетентнаго источника, каковъ вашъ; но я не могу ни съ кѣмъ раздѣлять офиціально обязанность королевскаго совѣтника въ этомъ вопросѣ, и если бы его величество потребовалъ этого, то мнѣ пришлось бы выйти въ отставку. Я сказалъ это королю при чтеніи одного изъ вашихъ послѣднихъ донесеній; его величество нашелъ мой взглядъ правильнымъ; я не могу отступиться отъ него. Никто не ожидаетъ отъ васъ такихъ донесеній, которыя были бы только отраженіемъ министерскихъ взглядовъ; но ваши донесенія не могутъ быть названы таковыми въ обыкновенномъ смыслѣ; они имѣютъ характеръ министерскихъ докладовъ; вы совѣтуете въ нихъ королю слѣдовать совершенно иной политикѣ, чѣмъ та, которая одобрена имъ совмѣстно съ министерствомъ и которой онъ слѣдуетъ вотъ уже четыре недѣли. Рѣзкая, чтобы не сказать враждебная критика того, что рѣшено совѣтомъ, не можетъ, никоимъ образомъ, быть названа донесеніемъ посланника, а является какъ бы новой министерской программой. Эти противорѣчивые взгляды, не принося никакой пользы, могутъ, во всякомъ случаѣ, принести вредъ, наведя на сомнѣнія и вызвавъ нерѣшительность, а по моему мнѣнію, всякая политика, какова бы она ни была, лучше нерѣшительности.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, что «весьма простой самъ по себѣ вопросъ прусской политики» затемняется пылью, которая поднята датскимъ вопросомъ и туманными очертаніями, которыя онъ принимаетъ. Весь вопросъ въ томъ,—великая ли мы держава или же мы нѣмецкое союзное государство, и надлежитъ ли намъ, въ качествѣ первой, имѣть монархическую форму правленія, или же нами будутъ управлять профессора, уѣздные судьи и провинціальные болтуны, что можетъ быть прилично только во второмъ случаѣ. Погоня за «призракомъ популярности» въ Германіи, которая занимаетъ насъ съ сороковыхъ годовъ, поколебала наше положеніе въ Германіи и въ Европѣ; намъ не удастся возстановить его, если мы вздумаемъ плыть по теченію, надѣясь въ то же время направлять его; мы вѣрнѣе достигнемъ цѣли, ставъ твердо на свои собственныя ноги и будучи сперва великой державой, а потомъ уже союзнымъ государствомъ. Австрія, во вредъ намъ, всегда понимала это, и несмотря на разыгрываемую ею комедію нѣмецкихъ симпатій, она не откажется, ради нихъ, отъ союзовъ съ прочими европейскими державами, если таковыя у нея имѣются. Если мы зайдемъ, по ея понятіямъ, слишкомъ далеко, то она не отвернется отъ насъ

сразу, что тѣхъ двадцати процентовъ нѣмецкаго народонаселенія, которые въ ней насчитываютъ, будетъ недостаточно для того, чтобы заставить ее идти вмѣстѣ съ нами, вопреки ея собственнымъ интересамъ. Она покинетъ насъ въ извѣстный моментъ и съумѣетъ стать на надлежащій путь въ европейской политикѣ, какъ только мы свернемъ съ него. Политика Шмерлинга, подражаніе которой казалось вамъ идеаломъ прусской политики, потерпѣла фіаско. Наша политика, противъ которой вы такъ горячо возставали весною, оказалась пригодной въ польскомъ вопросѣ, тогда такъ политика Шмерлинга принесла Австріи горькіе плоды. Развѣ нельзя считать величайшей побѣдой, что Австрія, два мѣсяца спустя послѣ испробованной ею реформы, радуется, когда объ этой реформѣ болѣе не говорятъ, и пишетъ вмѣстѣ съ нами тождественныя ноты своимъ бывшимъ друзьямъ и вмѣстѣ съ нами же съ угрозою объявляетъ своему любимому дѣтищу, большинству союзнаго сейма, что она не позволитъ ему руководить собою? Мы добились лѣтомъ уничтоженія Брегенцской коалиціи. Австрія приняла нашу программу, которую она публично осмѣивала въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года; она ищетъ союза съ Пруссіей, готова принять нашу помощь, и если мы отвернемся отъ нея въ настоящую минуту, то министерство падетъ. До сихъ поръ не бывало, чтобы вѣнской политикой руководили такъ en gros et en détail [1]) изъ Берлина. Кромѣ того, въ насъ заискиваетъ Франція; Флёри предлагаетъ болѣе, нежели король можетъ дать; въ Лондонѣ и въ Петербургѣ нашъ голосъ имѣетъ такой вѣсъ, какого онъ не имѣлъ за послѣднія 20 лѣтъ; и все это достигнуто не болѣе, какъ восемь мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ вы предсказывали, что мы будемъ совершенно изолированы вслѣдствіе нашей польской политики. Ежели мы отвернемся теперь отъ великихъ державъ и кинемся въ объятія провинціальной политики, запутавшейся въ сѣтяхъ союзной демократіи, то мы поставимъ этимъ монархію въ самое жалкое положеніе со стороны внѣшней и внутренней политики. Мы пойдемъ тогда на буксирѣ вмѣсто того, чтобы идти во главѣ; и намъ придется опираться на такіе элементы, которыми мы не въ состояніи руководить, которые неизбѣжно отнесутся къ намъ враждебно, и отъ воли которыхъ мы должны будемъ зависѣть.

Вы полагаете, что въ «нѣмецкомъ общественномъ мнѣніи», въ камерахъ, въ газетахъ и т. п. есть сила, которая можетъ поддержать насъ или можетъ помочь намъ въ нашей союзной политикѣ. Я считаю это величайшей ошибкой, праздною мечтою. Наша сила не въ камерахъ, не въ прессѣ, а въ вооруженной силѣ и въ политикѣ, соотвѣтствующей достоинству великой державы.

[1]) Въ общемъ и въ частностяхъ.

Вы преувеличиваете значеніе датскаго вопроса; васъ подкупаетъ то, что этотъ вопросъ сдѣлался лозунгомъ демократіи, которая руководитъ прессой и союзомъ и съумѣла раздуть этотъ самъ по себѣ ничтожный вопросъ. Годъ тому назадъ кричали о двухгодичномъ срокѣ службы, восемь мѣсяцевъ тому назадъ кричали о Польшѣ, теперь кричатъ о Шлезвигъ-Голштиніи. Припомните, какимъ казалось вамъ положеніе Европы лѣтомъ?

Вы предвидѣли для насъ всевозможныя опасности и говорили о неудовлетворительности нашей политики; развѣ всѣ эти опасности исчезли со смертью датскаго короля?...

Вы говорите о 70-ти-милліонномъ государствѣ съ милліономъ солдатъ, которое, будучи сплочено, можетъ противостоять Европѣ; слѣдовательно, вы предполагаете, что Австрія душою и тѣломъ будетъ предана политикѣ, которая доставитъ Пруссіи первенство; однако, вы не довѣряете государству, въ которомъ находится 35 изъ этихъ 70-ти милліоновъ? Я также не довѣряю ему; но я нахожу, что̀ намъ все-таки слѣдуетъ поддерживать согласіе съ Австріей; настанетъ ли когда-нибудь часъ разлуки и кто будетъ этому виною,—покажетъ будущее. Вы спрашиваете: когда же намъ придется воевать и на что̀ намъ такая армія? А изъ вашихъ собственныхъ донесеній видно, что Франція собирается воевать весною, а въ Галиціи подготовляется возстаніе. Россія вооружила 200.000 человѣкъ болѣе, нежели ей нужно для усмиренія Польши; между тѣмъ, у нея нѣтъ денегъ для фантастическихъ вооруженій; слѣдовательно, по всей вѣроятности, она ожидаетъ войны; я также ожидаю войны и революціи.

Вы говорите, что намъ лично не угрожаетъ война; я никакъ не могу согласовать это съ вашими собственными донесеніями за послѣдніе три мѣсяца. Я вовсе не боюсь войны; напротивъ, я отношусь равнодушно къ революціонерамъ или консерваторамъ, вообще ко всякой фразѣ; можетъ быть, вы скоро убѣдитесь, что война входитъ также въ мою программу; но я считаю путь, коимъ вы хотите вызвать ее, несогласнымъ съ здравой политикой...

Лондонскій договоръ былъ, по вашему мнѣнію, революціоннымъ; трактаты, заключенные въ Вѣнѣ, были въ десять разъ революціоннѣе и въ десять разъ несправедливѣе относительно князей, сословій и государствъ; европейское право создается европейскими трактатами, но если мы станемъ прикладывать къ нимъ мѣрку справедливости и нравственности, то, пожалуй, всѣ они окажутся никуда не годными.

Если бы вы находились здѣсь, то я увѣренъ, что вы бы скоро убѣдились въ несостоятельности той политики, которую вы рекомендуете мнѣ и которую вы называете «высоко патріотичной», такъ что ради нея вы готовы отказаться отъ дружбы со мною. Я могу только сказать

на это: la critique est aisée [1]); нѣтъ ничего легче, какъ, угождая толпѣ, порицать правительство, въ особенности если оно успѣло раздражить своихъ тайныхъ враговъ; если событія докажутъ, что правительство было право, то о порицаніи забудутъ; если же оно потерпитъ фіаско въ такихъ вещахъ, которыхъ человѣкъ не въ силахъ предотвратить и предвидѣть, то можно будетъ гордиться тѣмъ, что мы предсказывали, что правительство заблуждается. Я весьма цѣню вашу политическую проницательность, но и себя не считаю дуракомъ; вы назовете это, пожалуй, самообольщеніемъ. Можетъ быть, вы будете лучшаго мнѣнія о моемъ патріотизмѣ и о моемъ умѣ, если я скажу вамъ, что я уже двѣ недѣли настаиваю на предложеніяхъ, высказанныхъ вами въ одномъ изъ вашихъ донесеній. Мнѣ удалось, съ нѣкоторымъ трудомъ, заручиться согласіемъ Австріи на созваніе Голштинскихъ сословій, если на этомъ удастся настоять во Франкфуртѣ...

Быть можетъ, мы увидимъ еще нѣкоторые факты, согласные съ вашей программой; но могу ли я, не стѣсняясь, высказывать вамъ свои сокровенныя мысли, когда вы объявили мнѣ, на политическомъ поприщѣ, войну и откровенно высказываете намѣреніе бороться съ нынѣшнимъ министерствомъ и съ его политикой; иначе говоря, устранить его? Я говорю это, основываясь единственно на вашемъ собственномъ письмѣ, не обращая вниманія на сплетни и на то, что мнѣ передаютъ по поводу вашихъ словесныхъ и письменныхъ заявленій относительно меня. Какъ министръ, я обязанъ быть вполнѣ откровененъ съ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ, если отъ этого не страдаютъ государственные интересы. Столкновенія, которыя на моемъ мѣстѣ каждому приходится имѣть съ министрами и съ совѣтниками короля, съ палатами, съ прессой, съ иностранными дворами, не должны осложняться тѣмъ, что дисциплина, которая должна бы существовать въ моемъ вѣдомствѣ, смѣняется соперничествомъ между министромъ и посланникомъ, и что мнѣ приходится возстановлять необходимое въ служебномъ отношеніи согласіе при помощи писемъ. Я рѣдко имѣю возможность писать такъ много, какъ сегодня, въ сочельникъ, когда всѣ служащіе въ отпуску и никому, кромѣ васъ, я не написалъ бы и четвертой доли этого письма. Я дѣлаю это потому, что не рѣшаюсь писать вамъ оффиціально и черезъ канцелярію въ такомъ высокомѣрномъ тонѣ, въ какомъ написаны ваши донесенія.

Я не надѣюсь убѣдить васъ, но полагаюсь на вашу служебную опытность и на ваше безпристрастіе и надѣюсь, вы согласитесь со мною, что въ политикѣ должно существовать единство, и что она не должна уклоняться съ пути, намѣченнаго министерствомъ и королемъ. Если вы

[1]) Критиковать легко.

хотите ее измѣнить и свергнуть министерство, то вамъ слѣдуетъ дѣйствовать здѣсь, въ прессѣ и во главѣ оппозиціи; тогда и я соглашусь съ вами, что когда идетъ борьба между патріотизмомъ и дружбою, то главную роль долженъ играть патріотизмъ [1]).

Всѣ измѣненія, которыя были возможны въ датскомъ вопросѣ, сулили для герцогствъ нѣкоторое улучшеніе въ ихъ тогдашнемъ положеніи, и сводились, въ концѣ концовъ, къ присоединенію герцогствъ къ Пруссіи, что̀ я и высказалъ въ совѣтѣ тотчасъ послѣ кончины Фридриха VII. Я напомнилъ королю, что всѣ его предки, не исключая его брата, дѣлали для государства какія-либо земельныя пріобрѣтенія; Фридрихъ-Вильгельмъ IV присоединилъ къ Пруссіи Гогенцоллернъ и Ядскую губу; Фридрихъ-Вильгельмъ III—Прирейнскія провинціи; Фридрихъ-Вильгельмъ II—Польшу; Фридрихъ II—Силезію и т. д. и т. д.; я совѣтывалъ ему идти по ихъ стопамъ. Въ протоколѣ того засѣданія, въ которомъ это было сказано, мои слова были пропущены. Когда я освѣдомился о причинѣ у тайнаго совѣтника Костенобля, которому было поручено составленіе протоколовъ, то онъ сказалъ, что король предполагалъ, что мнѣ будетъ пріятнѣе, если эти слова не будутъ включены въ протоколъ; кажется, его величество предполагалъ, что эти слова были сказаны мною подъ вліяніемъ лишней рюмки вина, выпитой за завтракомъ, и что я буду радъ, если объ нихъ не будетъ болѣе рѣчи. Я настоялъ, однако, на томъ, чтобы они были включены въ протоколъ, что̀ и было исполнено. Слушая мою рѣчь, кронпринцъ возвелъ руки къ небу, какъ бы сомнѣваясь въ томъ, что я говорилъ въ здравомъ разсудкѣ; мои коллеги выслушали мои слова молча»...

14-го (26-го) августа 1865 года была заключена Гастейнская конвенція; воспоминаніемъ о ней служитъ нижеслѣдующее письмо короля [2]):

Берлинъ, 15-го сентября 1865 г.

Сегодня совершается актъ занятія герцогства Лауенбургскаго; онъ является результатомъ моей правительственной дѣятельности, которую вы поддерживали со столь удивительной и необычайной дальновидностью и проницательностью.

Въ тѣ четыре года, въ теченіе которыхъ вы стоите во главѣ управленія страны, Пруссія заняла положеніе, достойное ея прошлой исторіи и обѣщающее ей дальнѣйшую счастливую и славную будущность.

Желая вознаградить васъ за выдающіяся заслуги, за которыя я такъ часто имѣлъ случай выражать вамъ мою признательность, я жа-

[1]) Сравн. Bismarck-Jahrbuch, V, 232. Отвѣтъ Гольца на это письмо съ замѣтками на него, сдѣланными на поляхъ рукою Бисмарка, см. въ Bismark Jahrbuch, 238. Примѣч. издателя.

[2]) Bismark Jahrbuch. VI, 203.

лую васъ, съ вашимъ нисходящимъ потомствомъ, въ графское достоинство; это отличіе всегда будетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ высоко я цѣнилъ вашу дѣятельность на пользу отечества. Вамъ доброжелательный король Вильгельмъ.

Переговоры, происходившіе между Берлиномъ и Вѣною и между Пруссіей и прочими нѣмецкими государствами послѣ Гастейнской конвенціи и до начала австро-прусской войны, извѣстны по обнародованнымъ нынѣ документамъ. Въ государствахъ южной Германіи борьба съ Пруссіей отошла на задній планъ, когда произошелъ взрывъ нѣмецкихъ патріотическихъ чувствъ; въ Шлезвигъ-Голштиніи; всѣ тѣ, которые не добились осуществленія своихъ желаній, начали мириться съ новымъ порядкомъ вещей, одна только вельфская партія [1]) продолжала чернильную войну по поводу событій 1866 г.

Невыгодное устройство, которое Пруссія получила на Вѣнскомъ конгрессѣ въ награду за старанія и за все ею сдѣланное, могло быть терпимо только въ одномъ случаѣ, если мы могли быть вполнѣ увѣрены въ преданности тѣхъ государствъ прежняго германскаго союза временъ Семилѣтней войны, которыя были втиснуты между обѣими частями монархіи. Я старался, энергично черезъ графа Платена [2]), обезпечить намъ содѣйствіе Ганновера и могъ уже надѣяться, что мнѣ удастся, по крайней мѣрѣ, заключить съ нимъ договоръ, которымъ былъ бы обезпеченъ нейтралитетъ Ганновера, когда графъ Платенъ пріѣхалъ въ Берлинъ 21-го января 1866 г. съ цѣлью вести со мною переговоры о бракѣ ганноверской принцессы Фридерики съ нашимъ юнымъ принцемъ Альбрехтомъ; намъ удалось добиться согласія на этотъ бракъ нашихъ дворовъ; оставалось только устроить личное свиданіе между молодыми людьми и убѣдиться, какое впечатлѣніе они произведутъ другъ на друга, когда въ мартѣ или въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Ганноверѣ, подъ самымъ пустяшнымъ предлогомъ, начали созывать резервы. Это было результатомъ посторонняго вліянія на короля Георга со стороны его своднаго брата, австрійскаго генерала князя Сольмса, который, пріѣхавъ въ Ганноверъ, совершенно перевернулъ короля, преувеличивъ въ своихъ описаніяхъ силы австрійскаго войска, которыя доходили, по его словамъ, до 800.000 человѣкъ, совершенно готовыхъ къ бою; въ случаѣ преданности Австріи онъ обѣщалъ ему даже, какъ я слышалъ изъ секретнаго ганноверскаго источника, территоріальное увеличеніе, по крайней мѣрѣ, въ видѣ Минденскаго округа. На мой оффиціальный запросъ о причинахъ вооруженія ганноверскихъ войскъ мнѣ

[1]) Такъ называлась партія, возникшая послѣ захвата Ганновера Пруссіей въ 1866 г., которая стремилась къ возстановленію ганноверскаго царствующаго дома. В. В.

[2]) Сравн. Politische Reden, IV, 137.

отвѣтили, что, вслѣдствіе хозяйственныхъ соображеній, осенніе маневры будутъ произведены весною. Это звучало почти насмѣшкой [1]).

14-го іюня я видѣлся, въ Берлинѣ, съ гессенскимъ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и совѣтовалъ ему отправиться съ экстреннымъ поѣздомъ въ Кассель, чтобы обезпечить нейтралитетъ курфиршества гессенскаго или хотя бы его войска, повліявъ, въ этомъ смыслѣ, на курфирста или даже дѣйствуя помимо его. Принцъ не хотѣлъ ѣхать съ экстреннымъ поѣздомъ; я доказывалъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ опоздаетъ и не успѣетъ предотвратить войну между Пруссіей и Гессеномъ и обезпечить этимъ дальнѣйшее существованіе курфиршества. Въ случаѣ побѣды Австріи, онъ могъ бы, конечно, предъявить свои права и даже получить въ награду какія-нибудь прусскія земли; но если бы побѣда осталась на нашей сторонѣ послѣ того, какъ онъ отказался соблюдать нейтралитетъ, то курфиршеству не сдобровать; гессенскій престолъ все же стоилъ экстреннаго поѣзда. Принцъ сказалъ мнѣ на прощанье:

— Навѣрно, мы съ вами еще встрѣтимся въ жизни, а 800.000 храбраго австрійскаго войска тоже что-нибудь да стоютъ.

6-го и 8-го іюля король прусскій, въ самомъ дружескомъ тонѣ, обратился къ курфирсту съ предложеніемъ заключить союзъ съ Пруссіей и отозвать свои войска изъ непріятельскаго лагеря, но эта попытка также осталась безъуспѣшною.

Наслѣдный принцъ Аугустенбургскій, отказавшись отъ исполненія такъ-называемыхъ февральскихъ условій, также упустилъ благопріятный моментъ.

Въ появившихся, въ 1890 году, воспоминаніяхъ Даммера [2]), вельфская партія пустила слѣдующую выдумку: авторъ записокъ передаетъ, будто бы наслѣдный принцъ гессенскій самъ говорилъ ему, что на аудіенціи у короля Вильгельма онъ принялъ на себя требуемыя отъ него обязательства, а король обѣщалъ утвердить его въ его владѣтельныхъ правахъ и сказалъ, что это дѣло будетъ окончательно улажено первымъ министромъ на слѣдующій день, и будто бы на слѣдующій день я явился къ принцу, но сказалъ ему, что экипажъ ждетъ меня у подъѣзда, и что я долженъ немедленно ѣхать въ Біаррицъ къ императору Наполеону и поэтому прошу принца оставить въ Берлинѣ уполномоченнаго, а на слѣдующій день принцъ былъ немало удивленъ, прочитавъ въ берлинскихъ газетахъ, что онъ отклонилъ предложенія, сдѣланныя ему Пруссіей.

Это нелѣпая выдумка. Переговоры, происходившіе съ гессенскимъ

[1]) Сравн. Sybel IV, 439. Примѣч. 1. Примѣч. издателя.

[2]) Erinnerungen und Erleibnisse des General-Major Dammers (Hannover, 1890), стр. 94.

принцемъ, изложены Зибелемъ [1]) въ его исторіи на основаніи документовъ; я могу добавить къ этому кое-что по моимъ воспоминаніямъ и по сохранившимся у меня бумагамъ.

Король не приходилъ съ принцемъ ни къ какому соглашенію; я никогда не былъ у принца и никогда не говорилъ ему ни о Біаррицѣ, ни о Наполеонѣ; я уѣхалъ 1-го октября 1864 года въ Баденъ, оттуда 5-го числа поѣхалъ въ Біарриць; 30-го сентября 1865 года я отправился прямо изъ Берлина въ Біарриць, а въ 1863 году я вовсе не былъ въ Біаррицѣ. Я разговаривалъ съ принцемъ два раза; къ нашему первому разговору (18-го ноября 1863 г.) относится слѣдующее письмо [1]):

Гота, 11-го декабря 1863 г.

Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ съ нѣсколькими строками, вызванными статьею, появившеюся въ № 282 «Kreuzzeitung» (отъ 3-го декабря), о которой я узналъ только сейчасъ. Въ этой статьѣ говорится, между прочимъ, обо мнѣ, будто я сказалъ одному изъ депутатовъ, что «г. Бисмаркъ не принадлежитъ къ числу моихъ друзей».

Я не могу припомнить точно сказанныхъ мною словъ, такъ какъ тутъ идетъ дѣло о случайномъ выраженіи, сказанномъ мною въ разговорѣ. Весьма возможно, что я выразилъ свое сожалѣніе по поводу того, что взглядъ вашего превосходительства относительно шлезвигъ-голштинскаго вопроса не согласуются съ моимъ, какъ я откровенно высказалъ это вамъ самимъ во время моего послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ. Но я вполнѣ увѣренъ, что я не могъ произнести словъ, переданныхъ газетою, такъ какъ я твердо поставилъ себѣ за правило строго отдѣлять все политическое отъ личнаго. Поэтому я искренно сожалѣю, что подобное извѣстіе могло проникнуть въ печать.

Я особенно считалъ долгомъ высказать это вамъ, такъ какъ я не могу не признать лояльности вашего образа дѣйствій, съ какимъ ваше превосходительство заявили мнѣ въ Берлинѣ, что хотя вы лично и убѣждены въ моемъ правѣ и признаете справедливымъ, что я стараюсь добиться своихъ правъ, но что въ виду союзовъ, заключенныхъ Пруссіей, и общаго положенія дѣлъ, вы не можете дать мнѣ никакихъ обѣщаній.

Примите и пр. Фридрихъ.

...Одинъ изъ проектовъ, объ осуществленіи котораго я много хлопоталъ, находится нынѣ [3]), послѣ многихъ проволочекъ, на пути къ осуществленію: я говорю о сѣверо-восточномъ каналѣ, соединяющемъ Нѣмецкое море съ Балтійскимъ. Заботясь объ интересахъ германскаго

---

[1]) Т. III, 337.

[2]) Bismark-Jahrbuch, V, 256.

[3]) Т. е. въ то время, когда писались эти воспоминанія, въ 1891—92 гг.

флота, который могъ развиться только подъ покровительствомъ Пруссіи, я, да впрочемъ не я одинъ, придавалъ большое значеніе прорытію этого канала и обладанію укрѣпленными конечными его пунктами. Мысль прорыть перешеекъ, раздѣляющій эти моря, и сдѣлать, такимъ образомъ, возможнымъ сосредоточеніе морскихъ силъ была плодомъ необыкновеннаго увлеченія флотомъ, которое охватило общество въ 1848 году; но къ этой мысли охладѣли, когда мы пріобрѣли право располагать этой территоріей. Стараясь оживить интересъ къ этому проекту, я встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны кронпринца, предсѣдательствовавшаго въ коммиссіи національной обороны, фактическимъ руководителемъ которой былъ графъ Мольтке. Онъ доказывалъ въ засѣданіи рейхстага, 23-го іюня 1873 г. [1]), что каналъ будетъ приносить пользу только лѣтомъ, и что его значеніе въ военномъ отношеніи весьма сомнительно; за тѣ 40—50 милліоновъ талеровъ, которые онъ обойдется, лучше соорудить второй флотъ. Доводы, которые противопоставлялись мнѣ, когда я старался добиться на это сооруженіе согласія короля, не имѣли значенія по существу, а играли роль только благодаря вліянію, какимъ пользовались у его величества военныя лица. Всѣ эти доводы сводились къ тому, что столь дорогое сооруженіе потребуетъ для своей защиты, въ военное время, такого огромнаго количества войска, которое мы не въ состояніи будемъ, безъ ущерба, отдѣлить отъ сухопутной арміи. Предполагали, что если бы Данія присоединилась къ непріятельскому десанту, то для защиты канала пришлось бы имѣть наготовѣ 60.000 человѣкъ. Я возражалъ на это, что хотя бы канала и не существовало, во всякомъ случаѣ намъ пришлось бы прикрывать Киль и его окрестности, Гамбургъ и дорогу въ Берлинъ.

Обремененный массою дѣлъ и занятый борьбою, которую мнѣ пришлось вести въ семидесятыхъ годахъ по разнообразнымъ вопросамъ, я не имѣлъ ни времени, ни силъ побороть противодѣйствіе, которое мнѣ оказывали названныя лица. Я приписываю его скорѣе всего военному честолюбію, съ которымъ мнѣ пришлось бороться въ 1866, 1870 и въ послѣдующіе годы; эта борьба доставила мнѣ наиболѣе огорченій.

Стараясь убѣдить короля въ пользѣ этого проекта, я ставилъ ему на видъ не столько интересы торговли, какъ болѣе близкія его сердцу соображенія военнаго характера. Военный флотъ Голландіи имѣетъ то преимущество, что онъ можетъ пользоваться каналами, прорытыми внутри страны, которые доступны самымъ большимъ судамъ. Для насъ же необходимость въ такомъ каналѣ увеличивается существованіемъ датскаго полуострова и распредѣленіемъ нашего флота на двухъ моряхъ. Если бы нашъ флотъ, въ полномъ боевомъ составѣ, могъ, совер-

[1]) Moltke's Reden, Werke VII, 25.

шенно неожиданно, произвести нападеніе изъ Кильской гавани, изъ устья Эльбы или, въ случаѣ удлиненія канала, изъ Ядской губы, то непріятель, блокирующій наши берега, долженъ бы имѣть въ каждомъ изъ этихъ морей эскадру, равносильную всему нашему флоту. Руководствуясь этими соображеніями, я находилъ, что сооруженіе канала могло быть полезнѣе для обороны нашихъ береговъ, нежели употребленіе потребныхъ на его постройку денегъ на возведеніе крѣпостей и постройку новыхъ судовъ, для снабженія коихъ войскомъ и экипажемъ мы не располагали достаточнымъ количествомъ людей. Мое желаніе было, чтобы каналъ, начинаясь у нижняго теченія Эльбы, былъ продолженъ къ востоку такъ, чтобы устье Везера, Ядская губа и можетъ быть даже устье Эмса могли служить пунктами выхода для флота [1]), за которыми непріятелю, блокирующему наши берега, пришлось бы зорко слѣдить. Продолженіе канала въ западномъ направленіи обошлось бы сравнительно дешевле, нежели прорыть пологую почву Голштиніи.

Въ виду возможной блокады со стороны Франціи, для насъ было бы полезно обезпеченіе Гельголанда нейтралитетомъ Англіи; французская эскадра не могла бы, въ такомъ случаѣ, имѣть тамъ депо угля, но была бы вынуждена возвращаться за нимъ время отъ времени и при томъ въ довольно короткіе промежутки во французскія гавани или разсылать взадъ и впередъ довольно большое число транспортныхъ судовъ. Теперь же [2]) намъ надобно собственными силами защищать эту скалу, если мы не хотимъ, чтобы, въ случаѣ войны, французы основались на ней. Не знаю, какіе мотивы повліяли, въ 1885 году, на коммиссію національной обороны, ослабивъ ея противодѣйствіе этому проекту; быть можетъ, графъ Мольтке убѣдился, наконецъ, въ томъ, что мысль о союзѣ Германіи съ Даніей, съ которой онъ носился, неосуществима.

---

[1]) Такимъ образомъ, по проекту Бисмарка, сѣверо-восточный каналъ былъ бы исходнымъ пунктомъ цѣлой системы каналовъ, которые соединили бы Киль съ устьями Эльбы, Везера, Яде и Эмса. В. В.

[2]) Гельголандъ пріобрѣтенъ отъ Англіи въ 1890 г., во время министерства графа Каприви, въ обмѣнъ за одну изъ прекраснѣйшихъ нѣмецкихъ колоній въ восточной Африкѣ. В. В.

XXX.

Въ главной квартирѣ въ Рейхенбергѣ.—Неудовольствіе военныхъ по поводу вмѣшательства Бисмарка.—Телеграмма Наполеона III.—Взглядъ Мольтке на войну съ Франціей.—Бисмаркъ настаиваетъ на заключеніи мира.—Военный совѣтъ въ Черпагора.—Желанія территоріальныхъ пріобрѣтеній со стороны короля прусскаго.—Категорическія требованія, предъявленныя Каролін.—Перемиріе.—Переговоры съ Каролн и Бенедетти о заключеніи мира.—Военный совѣтъ 23 іюля.—Записка Бисмарка.—Вынужденное согласіе короля.—Внутреннее положеніе Пруссіи послѣ войны.—Причины, побуждавшія Бисмарка оттягивать войну съ Франціей.—Его взглядъ на вѣроятное отношеніе къ Пруссіи прочихъ державъ.—Эпизодъ 1863 г.: предложеніе императора Александра II.—Отвѣтъ, на которомъ настаивалъ Бисмаркъ.—Его болѣзнь.

30 іюня 1866 г. вечеромъ, его величество прибылъ съ главной квартирой въ Рейхенбергъ. Въ этомъ городѣ, съ 28.000 жителей, находилось 1.800 плѣнныхъ австрійцевъ и всего 500 обозныхъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями старой системы; а саксонская кавалерія стояла всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, могла прискакать въ одну ночь въ Рейхенбергъ и захватить въ плѣнъ короля и всю главную квартиру, о нахожденіи которой въ Рейхенбергѣ всѣмъ и каждому было извѣстно изъ телеграммъ. Я обратилъ на это вниманіе короля и вслѣдствіе этого предостереженія солдатамъ было приказано по одиночкѣ незамѣтнымъ образомъ пробраться въ замокъ, гдѣ помѣстился король. Военные были недовольны моимъ вмѣшательствомъ; чтобы доказать имъ, что я не заботился о с в о е й безопасности, я выѣхалъ изъ замка, гдѣ его величество приказалъ мнѣ помѣститься, и поселился въ городѣ. Это былъ первый поводъ къ неудовольствію, которое питали по мнѣ впослѣдствіи лица военнаго вѣдомства и которое поддерживалось ихъ завистью къ положенію, которое я занималъ у его величества; во время войны 1866 г. точно такъ же, какъ и во время франко-прусской войны, это неудовольствіе возрасло еще болѣе.

Послѣ битвы подъ Кёниггрецомъ, наше положеніе было таково, что намъ слѣдовало согласиться на предложеніе Австріи начать переговоры о мирѣ; это было не только возможно, но даже необходимо, такъ какъ иначе намъ угрожало вмѣшательство со стороны Франціи.

Въ ночь съ 4-го на 5-го іюля въ Горзицѣ [1]) была получена адресованная на имя его величества телеграмма отъ императора Наполеона, въ которой послѣдній сообщилъ королю объ уступкѣ ему императоромъ Францомъ Іосифомъ Венеціи и о его просьбѣ о посредничествѣ. Блистательный успѣхъ, одержанный прусскими войсками, вынуждалъ Наполеона

[1]) Horricz, какъ пишетъ главный штабъ, выговаривается Horsitz.
Примѣч. Бисмарка.

выйти изъ его безучастнаго положенія [1]). Вмѣшательство Франціи было вызвано нашей побѣдою; до тѣхъ поръ Наполеонъ разсчитывалъ, что мы будемъ побиты и вынуждены прибѣгнуть къ его помощи. Если бы мы воспользовались побѣдою подъ Кёниггрецомъ, какъ должно, если бы генералъ ф.-Этцель дѣйствовалъ рѣшительно и мы преслѣдовали бы энергично разбитаго непріятеля нашей, нетронутой еще, кавалеріей, присылка генерала ф.-Габленца въ прусскую главную квартиру имѣла бы вѣроятно результатомъ не только заключеніе перемирія, но повела бы къ выработкѣ основъ будущаго мира, такъ какъ съ нашей стороны предъявлялись въ то время чрезвычайно умѣренныя требованія и король былъ съ этимъ согласенъ. Австрія, со своей стороны, признавала эти требованія вполнѣ справедливыми и была готова оставить намъ въ союзники всѣхъ бывшихъ членовъ германскаго союза, но униженныхъ и съ урѣзанными владѣніями. Его величество отвѣчалъ императору Наполеону, по моему совѣту, уклончиво, однако отказался отъ заключенія перемирія, а равно отъ какихъ-либо гарантій относительно будущихъ мирныхъ условій.

Я предложилъ впослѣдствіи генералу ф.-Мольтке, въ Никольсбургѣ, вопросъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы Франція приняла участіе въ войнѣ. Онъ отвѣчалъ: я сталъ бы дѣйствовать оборонительно противъ Австріи, ограничилъ бы военныя дѣйствія Эльбской линіей и тѣмъ временемъ велъ бы войну съ Франціей.

Эти слова еще болѣе убѣдили меня въ необходимости настаивать на томъ, чтобы миръ былъ заключенъ не иначе, какъ при сохраненіи территоріальной неприкосновенности Австрійской имперіи. Если бы Франція вмѣшалась въ войну, то намъ пришлось бы или немедленно заключить миръ съ Австріей на весьма выгодныхъ для нея условіяхъ и быть можетъ даже заключить съ нею союзъ, чтобы напасть совмѣстно на Францію, или какъ можно скорѣе парализовать ея силы, напавъ на нее и поддерживая въ то же время волненіе въ Венгріи и пожалуй въ Богеміи, а до поры до времени дѣйствовать оборонительно противъ Франціи, а не противъ Австріи, какъ полагалъ Мольтке. Я былъ увѣренъ, что война съ Франціей, которую Мольтке хотѣлъ вести сначала, надѣясь быстро съ нею покончить, будетъ не такъ легка и что если у Франціи не было достаточно силъ, чтобы вести наступательную войну, за то когда ей пришлось бы вести оборонительную войну, въ своей собственной странѣ, то умудренная опытомъ она оказалась бы въ скоромъ времени достаточно сильною, чтобы затянуть военныя дѣйствія; такъ что если бы намъ пришлось перенести войну на французскую территорію, имѣя въ тылу враждебную намъ Австрію и Южную Германію, то мы не

[1]) См. текстъ у Шнейдера, I, 253. Примѣч. издателя.

могли бы, пожалуй, вести съ успѣхомъ оборонительныхъ дѣйствій противъ Австріи на Эльбѣ. Въ виду этого я рѣшилъ употребить всевозможное стараніе, чтобы заключить какъ можно скорѣе миръ.

Принявъ участіе въ войнѣ, Франція могла послать въ то время въ Германію не болѣе шестидесяти тысячъ войска, но и этого подкрѣпленія союзной южно-германской арміи было бы достаточно, чтобы возстановить въ ней единодушіе и заставить ее дѣйствовать энергичнѣе, подъ командою французовъ, которые приняли бы вѣроятно начальство надъ арміей. Во время перемирія въ одной баварской арміи было, какъ говорили, до 100.000 человѣкъ; если присоединить къ этому прочія нѣмецкія войска, состоявшія изъ превосходныхъ, мужественныхъ солдатъ, и 60.000 французовъ, то на юго-западѣ образовалась бы 200.000-ная армія, подъ начальствомъ энергичныхъ французскихъ офицеровъ, которые замѣнили бы прежнихъ робкихъ командировъ, страдавшихъ отсутствіемъ единодушія; мы не могли бы противупоставить этой арміи, движущейся къ Берлину, равносильнаго войска, не ослабивъ этимъ себя противъ Австріи. Майнцъ былъ занятъ союзными войсками, подъ командою баварскаго генерала графа Рехберга; если бы французы вступили туда, то ихъ не легко было бы заставить удалиться изъ этой крѣпости.

Опасаясь вмѣшательства Франціи, въ то время когда нельзя еще было предсказать, удастся ли намъ устранить его путемъ дипломатическихъ переговоровъ, я рѣшился посовѣтовать королю сдѣлать воззваніе (Appell) къ венгерскому народу. Если бы Наполеонъ рѣшилъ принять участіе въ войнѣ, а намѣренія Россіи оставались невыясненными, и тѣмъ временемъ холера усилилась бы въ нашемъ войскѣ, то наше положеніе сдѣлалось бы столь затруднительнымъ, что для своего спасенія намъ пришлось бы воспользоваться всякимъ средствомъ, которое предоставило бы намъ національное движеніе не только въ Германіи, но даже въ Венгріи и въ Богеміи [1]).

12 іюля въ походной канцеляріи въ Чернагора (Czernahora) состоялся военный совѣтъ, или совѣтъ генераловъ, какъ военные называли его,—я придерживаюсь для краткости общепонятнаго перваго названія, которое употребляетъ также Роонъ [2]), хотя фельдмаршалъ Мольтке и утверждаетъ въ статьѣ, переданной имъ 9 мая 1881 г. профессору ф. Трейчке (Treitschke), что въ обѣихъ войнахъ (1866 и 1870 гг.) ни разу не собиралось военнаго совѣта [3]).

---

[1]) Сравн. сказанное въ рѣчи 16 января 1874 г. Politische Reden, VI, 140. Примѣч. издателя.

[2]) Въ письмѣ къ своей супругѣ 7 февраля 1871 г. (Denkwürdigkeiten III[4] 297). Примѣч. Бисмарка.

[3]) Сравн. Moltke, Gesammelte Schriften, III, 415.

Въ 1866 г. меня приглашали, когда мнѣ позволяло время, на эти совѣщанія, происходившія подъ предсѣдательствомъ короля сначала въ опредѣленные сроки, а затѣмъ съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками. Въ засѣданіи, о которомъ я говорю, обсуждался вопросъ о томъ, какъ намъ дѣйствовать впредь по отношенію къ Австріи; я нѣсколько запоздалъ на засѣданіе, и король объяснилъ мнѣ, что существовало предположеніе овладѣть укрѣпленіями флоридсдорфской линіи, чтобы открыть путь на Вѣну и что въ виду тамошнихъ сильныхъ укрѣпленій необходимо подвезти пушки изъ Магдебурга, для доставки конхъ на мѣсто потребуется 14 дней. Пробивъ въ крѣпостной стѣнѣ брешь, крѣпость предполагали взять приступомъ, при чемъ вѣроятный уронъ съ нашей стороны исчисляли около 2.000 человѣкъ. Король предложилъ мнѣ высказать свое мнѣніе. Первое соображеніе, пришедшее мнѣ въ голову, состояло въ томъ, что мы не могли терять 14 дней, не рискуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что вѣроятность французскаго вмѣшательства значительно этимъ увеличится. Я высказалъ свои опасенія.

Мы не можемъ терять 14 дней въ выжидательномъ положеніи; это можетъ усилить вліяніе Франціи. Затѣмъ я поставилъ вопросъ, слѣдуетъ ли намъ вообще штурмовать флоридсдорфскія укрѣпленія, нельзя ли намъ обойти ихъ. Сдѣлавъ небольшой поворотъ влѣво, мы могли бы двинуться къ Пресбургу и перейти въ этомъ мѣстѣ Дунай съ меньшимъ затрудненіемъ. Въ такомъ случаѣ либо австрійцы были бы вынуждены принять сраженіе въ невыгодной для нихъ позиціи, къ югу отъ Дуная, обратившись фронтомъ къ востоку, либо имъ пришлось бы отступить въ Венгрію; въ послѣднемъ случаѣ [1]) Вѣна могла бы быть взята безъ боя. Король велѣлъ подать себѣ карту и одобрилъ мое предложеніе; къ выполненію этого плана было приступлено, какъ мнѣ казалось, весьма неохотно, но все же онъ выполненъ.

Въ виду нашихъ дальнѣйшихъ отношеній къ Австріи, мнѣ казалось необходимымъ избѣгнуть, по мѣрѣ возможности, всякихъ непріятныхъ воспоминаній, если это могло быть сдѣлано безъ ущерба для нашей нѣмецкой политики. Побѣдоносное вступленіе прусскаго войска въ Вѣну было бы, разумѣется, пріятнымъ воспоминаніемъ для нашихъ военныхъ, но для нашей политики въ этомъ не было никакой надобности; австрійцы были бы этимъ оскорблены, лично такъ же, какъ если бы имъ пришлось уступить намъ какое-нибудь исконное ихъ владѣніе, что, не представляя для насъ крайней необходимости, осложнило бы безо всякой пользы въ будущемъ наши взаимныя отношенія. Я былъ увѣренъ, что намъ придется воевать въ будущемъ для того, чтобы за-

[1]) Подобное же положеніе было подъ Парижемъ въ 1870 году
Примѣч. Бисмарка.

щищать то, что мы пріобрѣтемъ въ эту кампанію, такъ же точно, какъ Фридриху Великому пришлось вести болѣе кровопролитную семилѣтнюю войну, отстаивая пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ въ двѣ первыя силезскія войны. Хотя бы мы и сдѣлали Наполеону тѣ маленькія уступки, коихъ онъ ожидалъ отъ насъ за свой нейтралитетъ, но послѣдовательный ходъ историческихъ событій говорилъ ясно, что вслѣдъ за войною съ Австріей намъ придется воевать съ Франціей. Трудно было также предсказать, какъ отнесется къ намъ Россія, когда она поняла бы ясно, къ какому усиленію могло повести въ будущемъ національное объединеніе Германіи. Нельзя предвидѣть, съ кѣмъ намъ придется воевать въ будущемъ, чтобы удержать сдѣланныя нами пріобрѣтенія, но, во всякомъ случаѣ, для насъ имѣло весьма важное значеніе, будетъ ли вражда нашихъ враговъ непримирима и могутъ ли зажить раны, нанесенныя нами имъ и ихъ самолюбію. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, я считалъ необходимымъ, изъ политическихъ видовъ, не только не поощрять мысли о торжественномъ вступленіи нашихъ войскъ въ Вѣну; но даже препятствовать этому. При томъ положеніи, въ какомъ мы находились въ то время, политическія соображенія требовали, побѣдивъ непріятеля, не задавать себѣ вопроса, сколько изъ него можно выжать сока, но стараться получить только то, что было необходимо, по соображеніямъ политическаго характера. Я полагаю, что неудовольствіе, вызванное моимъ образомъ дѣйствій въ военныхъ кружкахъ, было послѣдствіемъ ихъ узкихъ сословныхъ взглядовъ и интересовъ, вліяніе которыхъ я никакъ не могъ допустить на обще-государственную политику и на будущее государства.

Когда пришлось наконецъ принять какое-нибудь рѣшеніе, въ виду телеграммы, полученной отъ императора Наполеона, 4 іюля, то король набросалъ слѣдующій проектъ мирныхъ условій: преобразованіе союзнаго сейма подъ главенствомъ Пруссіи, пріобрѣтеніе Шлезвигъ-Голштиніи, австрійской Силезіи, пограничной полосы Богеміи, восточной Фрисландіи, замѣщеніе враждебныхъ намъ монарховъ Ганновера, Гессена, Мейнингена и Нассау ихъ наслѣдниками. Позднѣе имъ были высказаны и нѣкоторыя другія желанія, возникшія въ умѣ его величества отчасти самостоятельно, отчасти подъ постороннимъ вліяніемъ. Онъ хотѣлъ присоединить къ Пруссіи нѣкоторыя части Саксоніи, Ганновера, Гессена и въ особенности Ансбахъ и Байрейтъ.

Обсуждая вопросъ о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ земель отъ Австріи и Баваріи, я руководствовался соображеніемъ, будутъ ли жители этихъ мѣстностей, въ случаѣ войны, вѣрны королю прусскому по удаленіи прусскихъ войскъ и властей, будутъ ли они повиноваться получаемымъ отъ него приказаніямъ? Я не могъ поручиться, что населеніе

этихъ мѣстностей, сроднившееся съ австрійскими и баварскими порядками и нравами, могло быть предано династіи Гогенцоллерновъ.

...Когда рѣчь зашла объ австрійской Силезіи, то я привелъ тѣ же соображенія, на которыя я указывалъ, обсуждая вопросъ о присоединеніи франкскихъ княжествъ; не говоря уже о томъ, что это была одна изъ преданнѣйшихъ провинцій австрійской монархіи, большинство ея населенія составляли славяне, то же можно было сказать и относительно богемскихъ владѣній: Рейхенберга, Эгерталя, Карлсбада, которыя король хотѣлъ сохранить по настоянію принца Фридриха-Карла. Впослѣдствіи, Каролы категорически отказался отъ всякихъ территоріальныхъ уступокъ и не согласился даже отдать намъ небольшаго округа Браунау, о которомъ я завелъ рѣчь, такъ какъ онъ былъ нуженъ намъ для желѣзной дороги. Я предпочелъ отказаться и отъ этого округа, сколь скоро пріобрѣтеніе его угрожало затянуть переговоры о заключеніи мира и дѣлало болѣе вѣроятнымъ вмѣшательство Франціи.

Заявленное королемъ желаніе сохранить западную Саксонію, Лейпцигъ, Цвикау и Хемницъ, чтобы имѣть сообщеніе съ Байрейтомъ, вызвало отказъ со стороны Кароли; онъ заявилъ рѣшительно, что онъ обязанъ обезпечить цѣлость Саксоніи, какъ conditio sine qua non мирныхъ условій. Эта разница въ отношеніи къ союзникамъ объясняется личными отношеніями къ королю саксонскому и поведеніемъ саксонскихъ войскъ послѣ Кёниггрецкаго сраженія, которыя представляли изъ себя при отступленіи самый свѣжій, бодрый отрядъ.

Прочія нѣмецкія войска сражались храбро, но они вступили въ бой поздно и не принесли особенно существенной пользы; въ Вѣнѣ держались даже не совсѣмъ справедливаго взгляда, что союзники, т. е. собственно баварцы, и виртембергцы не оказали достаточной помощи.

Въ сочиненіи, изданномъ главнымъ штабомъ, отмѣчено подъ 21-мъ іюля:

«Въ Никольсбургѣ начались нѣсколько дней передъ тѣмъ переговоры, съ цѣлью заключенія пятидневнаго перемирія. Главная цѣль его была—выиграть время для дипломатіи. [1])».

Я задалъ вопросъ Мольтке, считаетъ ли онъ сраженіе, которое мы собирались дать близъ Пресбурга опаснымъ или сомнительнымъ. До тѣхъ поръ наша слава была незапятнана. Если можно было разсчитывать навѣрняка на благопріятный исходъ сраженія, то слѣдовало дать его и начать перемиріе полднемъ позднѣе; послѣ побѣды наше положеніе

[1]) Въ виду возможнаго вмѣшательства со стороны Франціи положеніе военнаго начальства было опаснѣе, нежели положеніе дипломатіи.
Примѣч. Бисмарка.

во время переговоровъ было бы, разумѣется, гораздо выгоднѣе. Въ противномъ случаѣ лучше было отказаться отъ этого предпріятія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что считаетъ исходъ сраженія сомнительнымъ и что это предпріятіе вообще весьма рискованное; впрочемъ, во время войны все опасно. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, я рѣшилъ совѣтовать его величеству заключить перемиріе такъ, чтобы непріязненныя дѣйствія были прекращены въ воскресенье 22-го числа послѣ полудня и могли быть возобновлены лишь послѣ полудня 27-го числа. Генералъ фонъ-Франзеки получилъ 22-го числа въ $7^1/_2$ часовъ утра извѣщеніе о наступающемъ въ тотъ же самый день перемиріи и приказаніе сообразовать съ этимъ свои дѣйствія. Поэтому сраженіе, которое онъ велъ подъ Блуменау, должно было прекратиться въ 12 часовъ дня.

Тѣмъ временемъ мною были выработаны совмѣстно съ Кароли и Бенедетти условія, на которыхъ возможно было заключить миръ; Бенедетти, благодаря бездѣятельности нашей военной позиціи въ тылу арміи, удалось проѣхать въ ночь съ 11-го на 12-е іюля въ Цвиттау, и онъ появился передо мною совершенно неожиданно, когда я былъ еще въ постели. Онъ заявилъ, какъ основное требованіе Наполеоновской политики, что увеличеніе Пруссіи не болѣе какъ на 4 милліона душъ въ Сѣверной Германіи и сохраненіе нами линіи Майна, какъ границы съ юга, не вызоветъ вмѣшательства со стороны Франціи. Несомнѣнно, онъ надѣялся образовать изъ южно-германскихъ государствъ союзъ, подъ покровительствомъ Франціи. Австрія выступала изъ германскаго союза и была готова признать всѣ измѣненія, которыя король былъ намѣренъ ввести въ сѣверной Германіи, съ условіемъ сохраненія неприкосновенности Саксоніи. Эти условія заключали въ себѣ все, что намъ было нужно: свободу дѣйствій въ Германіи.

Руководствуясь вышеприведенными соображеніями, я твердо рѣшилъ сдѣлать изъ принятія австрійскихъ предложеній государственный вопросъ. Положеніе было крайне затруднительно: рѣшительно всѣ генералы были противъ прекращенія побѣдоносной войны, а король въ то время охотнѣе выслушивалъ совѣты военныхъ и охотнѣе принималъ ихъ совѣты, нежели мои; въ главной квартирѣ я былъ единственный человѣкъ, на которомъ, какъ на министрѣ, лежала политическая отвѣтственность и который, въ виду совершающихся событій, долженъ былъ имѣть свое собственное мнѣніе и принять какое-либо рѣшеніе, не имѣя возможности сослаться впослѣдствіи на какой-либо авторитетъ, въ видѣ коллегіальнаго рѣшенія или высочайшаго повелѣнія. Я не могъ предвидѣть, какъ и всякій иной человѣкъ, какъ сложатся обстоятельства въ будущемъ и каковъ будетъ, въ зависимости отъ этого, приговоръ свѣта, но изъ всѣхъ присутствующихъ я одинъ

по закону былъ обязанъ имѣть свое мнѣніе, высказывать его и настаивать на немъ.

23-го іюля, подъ предсѣдательствомъ короля, собрался военный совѣтъ, на которомъ предстояло рѣшить, слѣдуетъ ли при данныхъ обстоятельствахъ заключить миръ или продолжать войну. Во вниманіе къ мучительной болѣзни, которою я страдалъ, совѣщаніе было назначено въ моей комнатѣ. Я былъ на этомъ совѣщаніи единственнымъ представителемъ гражданскаго вѣдомства, носившимъ мундиръ. Я высказалъ мнѣніе, что мы должны заключить миръ на предложенныхъ Австріей условіяхъ; но остался при этомъ мнѣніи одинъ; король присоединился къ большинству военныхъ. Мои нервы не выдержали впечатлѣній, съ которыми мнѣ приходилось бороться день и ночь, я всталъ и молча удалился въ сосѣднюю спальню, гдѣ со мною сдѣлалась сильная истерика. Я еще не успѣлъ успокоиться, какъ военный совѣтъ разошелся. Тогда я принялся за работу, рѣшивъ изложить письменно причины, которыя, по моему мнѣнію, вынуждали насъ заключить миръ; я просилъ короля, если онъ не пожелаетъ принять моего совѣта, за который отвѣтственность падетъ на меня, освободить меня, въ случаѣ продолженія войны, отъ обязанности министра. Съ этой запиской [1]) я отправился на слѣдующій день къ королю на устный докладъ. Въ передней я засталъ двухъ полковниковъ съ рапортами о появленіи въ ихъ частяхъ холеры; изъ числа ихъ солдатъ только половина была способна къ службѣ [2]). Эти ужасающія цифры еще болѣе утвердили меня въ моемъ намѣреніи поставить вопросъ о нашемъ согласіи на предложенія Австріи въ зависимость съ вопросомъ о существованіи кабинета. Помимо соображеній политическаго характера, я опасался, что если военныя дѣйствія будутъ перенесены въ Венгрію, то холера быстро усилится, вслѣдствіе климата этой страны, который мнѣ былъ хорошо извѣстенъ. Тамошній климатъ, въ особенности въ августѣ мѣсяцѣ, гибеленъ; недостатокъ воды, селенія и принадлежащія къ нимъ земли разбросаны на разстояніи нѣсколькихъ квадратныхъ миль одно отъ другаго, къ тому же обиліе въ это время года сливъ и дынь. Грознымъ примѣромъ и предостереженіемъ служилъ мнѣ нашъ походъ 1792 г. въ Шампаньи, откуда насъ вынудили отступить не французы, а кровавый поносъ.

Я совѣтовалъ королю прекратить войну и излагалъ въ своей докладной запискѣ соображенія политическаго и военнаго характера, которыя говорили противъ ея продолженія.

Намъ не слѣдовало слишкомъ уязвлять и озлоблять Австрію и возбуждать въ ней особенно сильную жажду реванша; намъ слѣдовало

[1]) Напечатана частью у Зибеля, V, 294. Примѣч. Бисмарка.

[2]) Во время кампаніи 6.427 человѣкъ погибло отъ эпидеміи. Примѣч. Бисмарка.

напротивъ обезпечить себѣ возможность вступить съ нашимъ теперешнимъ противникомъ со временемъ въ дружественныя отношенія; австрійская имперія представляла, какъ бы то ни было, одну изъ шашекъ на шахматной доскѣ Европы; возобновить съ нею дружественныя отношенія было такимъ шахматнымъ ходомъ, который намъ слѣдовало себѣ обезпечить. Если бы мы нанесли Австріи серьезный ущербъ, то она сдѣлалась бы союзницей Франціи и каждаго изъ нашихъ противниковъ. Желанію отомстить Пруссіи она принесла бы въ жертву даже свои антирусскіе интересы.

Съ другой стороны, я не могъ себѣ представить, какое собственно устройство земель, входящихъ въ составъ австрійской монархіи, могло бы быть нами одобрено въ будущемъ, въ случаѣ распаденія этой монархіи, вслѣдствіе народныхъ возстаній въ Венгріи, или въ славянскихъ земляхъ, или въ томъ случаѣ, если бы она очутилась надолго въ зависимомъ положеніи. Что можно бы помѣстить на то мѣсто Европы, которое было занято до тѣхъ поръ австрійской монархіей отъ Тироля до Буковины? Новыя государства, образовавшіяся на этомъ пространствѣ, были бы, конечно, революціоннаго характера. Нѣмецкія провинціи Австріи ни въ цѣломъ, ни въ частности не могли намъ быть полезны, мы не могли усилить Пруссію пріобрѣтеніемъ такихъ провинцій, какъ австрійская Силезія или часть Богеміи; нѣмецкая часть Австріи не могла слиться съ Пруссіей, Вѣной нельзя было бы управлять изъ Берлина, какъ страною подвластной.

Если бы мы рѣшили продолжать войну, то военныя дѣйствія, вѣроятно, были бы перенесены въ Венгрію. Если бы мы перешли Дунай у Пресбурга, то австрійская армія не могла бы защитить Вѣну, но врядъ-ли она отступила бы къ югу, гдѣ она могла очутиться между прусскимъ и италіанскимъ войскомъ.

Впрочемъ, судя по свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ о Венгріи, можно было предположить, что веденіе войны въ этой мѣстности не могло быть успѣшно и съ военной точки зрѣнія, и что успѣхи, которые тамъ могли быть нами достигнуты, не соотвѣтствовали бы одержаннымъ побѣдамъ, и, слѣдовательно, могли только уменьшить нашъ престижъ—не говоря о томъ, что продолженіе войны могло подать поводъ къ вмѣшательству со стороны Франціи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, намъ слѣдовало принять рѣшеніе какъ можно скорѣе, прежде нежели Франція успѣла бы оказать на Австрію воздѣйствіе дипломатическимъ путемъ.

Король не могъ ничего возразить противъ этого, но заявилъ, что изложенныхъ мною причинъ недостаточно; однако, онъ самъ не формулировалъ своихъ желаній. Одно было ясно—его требованія возросли съ 4-го іюля.

— Не можетъ же главный виновникъ остаться безнаказаннымъ, мы могли бы скорѣе простить обманутыхъ имъ, — говорилъ онъ, настаивая на вышеупомянутыхъ территоріальныхъ уступкахъ со стороны Австріи.

— Намъ не для чего разыгрывать роль судьи,—возразилъ я на это,— намъ слѣдуетъ дѣйствовать въ духѣ нѣмецкой политики; Австрія въ ея соперничествѣ съ нами заслуживаетъ наказанія не болѣе, нежели мы за наше соперничество съ Австріей; наша задача заключается въ томъ, чтобы положить начало, или основаніе національному единству Германіи подъ главенствомъ короля прусскаго.

Перейдя къ вопросу о нѣмецкихъ государствахъ, король выразилъ желаніе сдѣлать различныя пріобрѣтенія, урѣзавъ владѣнія своихъ противниковъ. Я повторилъ, что не наше дѣло брать на себя роль правосудія, наше дѣло проводить свою политику и прибавилъ, что мнѣ не хотѣлось бы, чтобы владѣнія будущихъ германскихъ союзниковъ были искалѣчены и чтобы ихъ царствующія династіи и народонаселеніе, по свойственной людямъ слабости, пожелали вернуть то, что̀ имъ нѣкогда принадлежало, съ посторонней помощью. Подобные союзники были бы ненадежны.

Требованія, высказанныя его величествомъ, обусловливались, какъ мнѣ казалось, его желаніемъ не прерывать побѣдоносное шествіе арміи, которое было ему внушено военными лицами. Противодѣйствіе, которое, согласно своимъ убѣжденіямъ, я считалъ себя обязаннымъ оказать желанію его величества—продолжать войну и воспользоваться въ вышесказанномъ смыслѣ побѣдами, раздражило короля до такой степени, что дальнѣйшій разговоръ между нами сдѣлался немыслимъ; полагая, что мой совѣтъ не будетъ принятъ, я вышелъ изъ комнаты, съ намѣреніемъ просить короля разрѣшить мнѣ, въ качествѣ военнаго, вступить въ мой полкъ. Вернувшись въ свою комнату, я былъ въ такомъ настроеніи, что мнѣ пришла на умъ мысль, не лучше ли мнѣ было бы броситься изъ окна, съ четвертаго этажа, и я даже не обернулся, услыхавъ, что кто-то отворилъ дверь, хотя я могъ предположить, что вошелъ кронпринцъ, мимо комнаты котораго я проходилъ, идя къ себѣ по корридору.

Я почувствовалъ, что онъ положилъ мнѣ руку на плечо, и сказалъ

— Вы знаете, что я былъ противъ войны, вы считали ее необходимой и отвѣтственны за нее. Если вы теперь убѣждены, что цѣль достигнута и что намъ слѣдуетъ заключить миръ, я готовъ помочь вамъ и поддержать ваше мнѣніе у отца.

Онъ отправился къ королю и вернулся полчаса спустя также спокойно и дружелюбно настроенный.

*

— Отецъ согласился, — сказалъ онъ, — но это стоило не малаго труда.

Давъ свое согласіе, король начерталъ карандашемъ на поляхъ одной изъ послѣднихъ записокъ, мною поданныхъ ему, слѣдующія слова:

«Такъ какъ мой первый министръ покидаетъ меня въ виду непріятеля и я не въ состояніи здѣсь замѣстить его, то я обсудилъ этотъ вопросъ съ моимъ сыномъ, и такъ какъ онъ присоединился къ мнѣнію перваго министра, то я вынужденъ, къ моему величайшему прискорбію, покориться необходимости и послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ арміей, принять этотъ постыдный миръ».

Мнѣ кажется, я передаю написанное императоромъ слово въ слово, хотя я и не имѣю въ настоящее время передъ глазами документа, о которомъ идетъ рѣчь; во всякомъ случаѣ смыслъ его словъ переданъ мною вполнѣ точно; не смотря на рѣзкія выраженія, употребленныя королемъ, его слова были для меня радостнымъ событіемъ, которое прекратило крайне натянутое и невыносимое для меня положеніе. Я съ радостью принялъ согласіе короля на все, что я считалъ необходимымъ съ точки зрѣнія политики, не обращая вниманія на крайне нелестную форму, въ какой это согласіе было выражено. Въ глазахъ короля главную роль играли въ то время соображенія военнаго характера; желаніе продолжать такъ блистательно начатую войну было въ немъ, пожалуй, сильнѣе всѣхъ политическихъ и дипломатическихъ соображеній.

Вышеупомянутая замѣтка, сдѣланная королемъ на поляхъ моей докладной записки, оставила во мнѣ только крайне тягостное воспоминаніе о страшномъ волненіи, которое мнѣ пришлось причинить моему престарѣлому монарху, чтобы добиться того, что я считалъ необходимымъ въ интересахъ моего отечества, если мнѣ суждено было сохранить постъ отвѣтственнаго министра.

Какъ этотъ, такъ и подобные ему случаи не оставляли во мнѣ иныхъ воспоминаній, кромѣ глубокой грусти по поводу того, что мнѣ приходилось такъ огорчать столь искренно мною любимаго монарха, короля Вильгельма.

Въ Берлинѣ я занялся урегулированіемъ отношеній Пруссіи ко вновь пріобрѣтеннымъ ею провинціямъ и къ прочимъ сѣверо-германскимъ государствамъ и старался уяснить себѣ настроеніе иностранныхъ державъ и ихъ вѣроятныя отношенія къ намъ въ будущемъ. Наше внутреннее положеніе казалось мнѣ, да вѣроятно и не мнѣ одному, чѣмъ-то временнымъ, неустановившимся... Я былъ увѣренъ, что при дальнѣйшемъ нашемъ національномъ развитіи, какъ интенсивномъ, такъ и экстенсивномъ, за Майнъ, война съ Франціей будетъ неизбѣжною и что намъ слѣдуетъ это имѣть въ виду при обсужденіи всѣхъ нашихъ

внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній. Людовикъ-Наполеонъ не только не видѣлъ никакой опасности для Франціи въ нѣкоторомъ увеличеніи Пруссіи въ сѣверной Германіи, но онъ считалъ это даже средствомъ, мѣшающимъ національному объединенію и развитію Германіи; онъ полагалъ, что прочіе члены союза будутъ такимъ образомъ болѣе нуждаться въ защитѣ Франціи. Ему былъ памятенъ Рейнскій союзъ, онъ хотѣлъ помѣшать образованію единой Германской имперіи и полагалъ, что это ему удастся; онъ не зналъ настроенія тогдашняго нѣмецкаго общества и судилъ о положеніи вещей по воспоминаніямъ своего дѣтства и по дипломатическимъ донесеніямъ, которыя были основаны единственно на взглядахъ отдѣльныхъ министровъ и династій.

Я былъ увѣренъ, что онѣ утратятъ свое значеніе, что вопросъ объ объединеніи Германіи составляетъ лишь вопросъ времени, что сѣверогерманскій союзъ былъ только первымъ шагомъ на пути къ нему и что намъ слѣдовало какъ можно скорѣе положить предѣлъ враждебнымъ къ намъ отношеніямъ Франціи, а быть можетъ и Россіи, желанію Австріи отомстить намъ за 1866 г. и партикуляристическимъ стремленіямъ самого короля. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что намъ придется воевать съ Франціей прежде, нежели совершится объединеніе Германіи. Меня очень занимала въ то время мысль не допустить этой войны до тѣхъ поръ, пока наша армія, благодаря введенію въ Германіи прусскаго воинскаго устава, не могла бы быть усилена не только войсками Ганновера, Гессена и Голштиніи, но и южно-германскихъ государствъ, на что̀ я могъ разсчитывать, въ силу нашихъ отношеній къ этимъ государствамъ. Принимая во вниманіе успѣхи, одержанные французами во время крымской и италіанской кампаній, я считалъ войну съ Франціей опасной и даже преувеличивалъ въ своемъ умѣ эту опасность, представляя себѣ, что Франція можетъ выставить болѣе значительное количество войска и что царствующій въ ней порядокъ и ея организація стоятъ выше, нежели это оказалось въ 1870 г. Храбрость французскихъ солдатъ и подъемъ національнаго духа и оскорбленнаго самолюбія оказались такими, какъ я представлялъ ихъ себѣ, обсуждая вопросъ о возможномъ перенесеніи войны въ предѣлы Франціи и припоминая событія 1814 и 1792 г.г. и войны за испанское наслѣдство, въ началѣ прошлаго столѣтія, когда вступленіе непріятельскихъ войскъ во Францію производило дѣйствіе, напоминающее суетню, которая поднимается въ муравейникѣ, когда его встревожатъ палкою.

Я никогда не представлялъ себѣ войну съ Франціей дѣломъ легкимъ, независимо отъ тѣхъ союзниковъ, которыхъ она могла бы имѣть, отъ желанія Австріи отплатить намъ и отъ необходимости для Россіи сохранить европейское равновѣсіе. Слѣдовательно, мое стараніе оття-

нуть эту войну до тѣхъ поръ, пока вліяніе нашего новаго воинскаго устава и обученіе войска не распространилось бы на всю Германію, было вполнѣ естественно; цѣль, которую я имѣлъ въ виду, далеко еще не была достигнута въ 1867 г., когда возникъ Люксембургскій вопросъ. Каждый годъ отсрочки усиливалъ наше войско 100.000 хорошо обученыхъ солдатъ.

Но, обсуждая съ королемъ вопросъ объ удовлетвореніи Пруссіи за военныя издержки и обсуждая въ прусскомъ ландтагѣ вопросъ о конституціи, я понималъ, что намъ было необходимо не дать иностраннымъ государствамъ возможность заподозрить существовавшія или предстоявшія намъ внутреннія затрудненія, что намъ надобно было показать всѣмъ наше единодушное стремленіе къ національному объединенію, тѣмъ болѣе, что нельзя было предугадать, кто будетъ союзникомъ Франціи въ ея будущей войнѣ противъ насъ. Переговоры, которые Франція и Австрія вели въ Зальцбургѣ, и попытки къ сближенію, сдѣланныя ими тамъ и въ другихъ мѣстахъ послѣ 1866 г., могли увѣнчаться успѣхомъ благодаря стараніямъ Бейста; уже самый фактъ, что этому недовольному министру Саксоніи было предложено стать во главѣ австрійской политики, заставлялъ предполагать, что Австрія помышляетъ объ отомщеніи.

Трудно было предсказать, какъ будетъ держать себя Италія, въ случаѣ давленія на нее со стороны Франціи, послѣ того какъ она высказала въ 1866 г. такую покорность Наполеону; генералъ Говоне, съ которымъ я велъ переговоры весною 1866 г., чрезвычайно испугался, когда я высказалъ ему свое желаніе, чтобы онъ сдѣлалъ запросъ своему правительству, можно ли, не взирая на неудовольствіе Наполеона, разсчитывать, что Италія будетъ вѣрна заключенному договору? Онъ сказалъ мнѣ, что ежели онъ предложитъ подобный вопросъ, то итальянское правительство въ тотъ же день телеграфируетъ въ Парижъ, спрашивая: «что̀ слѣдуетъ на него отвѣтить?»

Судя по тому, какъ держала себя Италія во время войны, я не могъ разсчитывать и на ея общественное мнѣніе, не только по причинѣ личной дружбы Виктора-Эммануила съ Людовикомъ-Наполеономъ, но и въ виду обнародованнаго Гарибальди сочувствія къ нему италіанскаго народа. Не я одинъ, но и общественное мнѣніе Европы считало возможнымъ союзъ Италіи съ Франціей и съ Австріей.

Трудно было ожидать, что Россія окажетъ дѣятельную поддержку подобной коалиціи. Вліяніе, оказанное мною во время Крымской кампаніи на Фридриха Вильгельма IV, которому я совѣтовалъ отнестись сочувственно къ Россіи, снискало мнѣ благоволеніе императора Александра; его довѣріе ко мнѣ возросло въ то время, когда я былъ посланникомъ въ Петербургѣ. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ

Горчакова въ Петербургскомъ кабинетѣ возникло сомнѣніе на счетъ того, не будетъ ли чрезмѣрное усиленіе Пруссіи опасно для Россіи? Эти соображенія начали мало-по-малу брать верхъ надъ дружественными чувствами императора къ королю Вильгельму и признательностью за нашу политику во время польскаго возстанія въ 1863 г. Если вѣрить сообщенію, сдѣланному Друэнъ-де-Люисомъ графу Фицтуму ф.-Экштэдтъ [1]), то Горчаковъ предлагалъ императору Наполеону въ іюлѣ мѣсяцѣ 1866 г. протестовать совмѣстно противъ уничтоженія германскаго союза, но получилъ отказъ. Императоръ Александръ, застигнутый врасплохъ, послѣ посылки Мантейфеля въ Петербургъ, согласился одобрить въ общихъ чертахъ подписанныя въ Никольсбургѣ предварительныя условія; ненависть, которую русское общество питало со времени Крымской войны къ Австріи, была удовлетворена ея пораженіемъ, но этому противорѣчили интересы Россіи; къ этому присоединялось вліяніе царя въ Германіи и угрожающее положеніе со стороны Франціи.

Если бы противъ насъ образовалась коалиція съ Франціей во главѣ, то я допускалъ, что мы могли бы разсчитывать, быть можетъ, на помощь со стороны Россіи, но не иначе, какъ если бы мы потерпѣли пораженіе и ежели бы Россіи предстояло рѣшить, можетъ ли она терпѣть сосѣдство побѣдоносной франко-австрійской коалиціи. Неудобство подобнаго сосѣдства могло еще увеличиться въ томъ случаѣ, если бы, вмѣсто враждебнаго папскому престолу италіанскаго королевства, самъ папа сдѣлался третьимъ членомъ коалиціи съ двумя католическими великими державами. Пока намъ не угрожала подобная опасность, вслѣдствіе пораженія прусскихъ войскъ, до тѣхъ поръ я считалъ невѣроятнымъ, чтобы Россія могла быть недовольна, если бы коалиція державъ, обладающая болѣе значительной сравнительно съ нами арміей, поубавила нѣсколько выгоды, пріобрѣтенныя нами съ 1866 г.

Со стороны Англіи мы не могли ожидать активной помощи противъ императора Наполеона, хотя ей и нужна сильная, дружественная континентальная держава съ сильной арміей; при обоихъ Питтахъ эта потребность выражалась стремленіемъ сблизиться сначала съ Пруссіей, потомъ съ Австріей, а при Пальмерстонѣ и Кларендонѣ—сближеніемъ съ Франціей. Для англійской политики необходимо либо entente cordiale (дружеское согласіе) съ Франціей, либо сильный союзникъ противъ нея. Конечно, Англія не прочь замѣнить союзъ съ Австріей союзомъ съ болѣе сильной Пруссіей и Германіей; въ томъ положеніи, въ какомъ мы находились осенью 1866 г., мы могли, разумѣется, разсчитывать съ ея

[1]) „Лондонъ, Гастейнъ и Садова“. Штуттгардъ 1890 г. стр. 248. Примѣчаніе Бисмарка.

стороны на платоническое доброжелательство и на поучительныя газетныя статьи; но ея отвлеченныя симпатіи врядъ-ли выразились бы активной помощью на морѣ и на сушѣ. Событія 1870 г. доказали, что эта оцѣнка была справедлива. Въ Лондонѣ ходатайствовали за Францію передъ сѣверо-германскимъ союзомъ съ такою поспѣшностью, которая во всякомъ случаѣ не могла быть намъ пріятна, и во все время войны Англія ни разу не скомпрометтировала себя ради насъ, рискнувъ французской дружбою; напротивъ.

Руководствуясь этими соображеніями, я рѣшилъ сообразовать съ ними всѣ мои дѣйствія въ области нашей внутренней политики.

...Я поставилъ себѣ главною цѣлью обезпечить намъ самостоятельность во внѣшнихъ сношеніяхъ и рѣшилъ, что для достиженія этой цѣли слѣдуетъ не только фактически устранить всякій разладъ или всякое несогласіе внутри государства, но что надобно и вида не подать за границей и въ Германіи, что таковые существуютъ. Я былъ увѣренъ, что если мы будемъ независимы во внѣшнихъ сношеніяхъ, то мы будемъ въ состояніи свободно идти по пути нашего внутренняго развитія и будемъ въ состояніи устроиться либерально или реакціонерно, какъ мы признаемъ нужнымъ и желательнымъ, и наконецъ, что намъ слѣдуетъ отсрочить рѣшеніе всѣхъ вопросовъ внутренней политики до тѣхъ поръ, пока мы не обезпечимъ себѣ извнѣ возможность достигнуть нашихъ національныхъ цѣлей. Я былъ увѣренъ, что намъ удастся сообщить королевской власти нужную силу для того, чтобы пустить въ ходъ нашу государственную машину, если мы только завоюемъ себѣ право жить самостоятельной жизнью великой націи.

Въ 1863 г. королю представлялся случай прекратить внутренній конфликтъ и покончить вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ ударомъ съ нѣмецкимъ вопросомъ. Во время польскаго возстанія императоръ Александръ собственноручнымъ письмомъ предлагалъ королю заключить союзъ съ Россіей. На нѣсколькихъ листахъ, исписанныхъ мелкимъ, сжатымъ почеркомъ императора, онъ излагалъ свои мысли подробно, нѣсколько высокопарнымъ тономъ, который не вполнѣ соотвѣтствовалъ его стилю; въ общемъ смыслѣ, письмо напоминало слова Гамлета:

Whether't is nobler in the mind, to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them?

Перефразируя эти слова, выходило, что императору надоѣли козни западныхъ державъ, Австріи и Польши, и онъ рѣшилъ обнажить мечъ, чтобы покончить съ ними; обращаясь къ дружбѣ короля и къ ихъ общимъ интересамъ, императоръ предлагалъ ему дѣйствовать сообща.

въ болѣе широкомъ, такъ сказать, смыслѣ Альвенслебенской конвенціи, заключенной въ февралѣ мѣсяцѣ того же года.

Съ одной стороны королю было трудно отвѣчать отказомъ близкому родственнику и ближайшему другу, а съ другой не легко было подвергать страну риску большой войны, которая могла угрожать опасностью государству и династіи. Движимый тѣми же чувствами, которыя склоняли его ѣхать во Франкфуртъ на княжескій сеймъ изъ сознанія своей солидарности съ прочими старинными княжескими домами, онъ поддался искушенію отозваться на призывъ своего любимаго племянника и поступить согласно съ семейными традиціями, связывавшими россійскій и прусскій царствующіе дома, но это повело бы неизбѣжно къ разрыву съ нѣмецкими владѣтельными домами.

Въ моемъ докладѣ королю, который продолжался нѣсколько дней, я не выставлялъ той стороны вопроса, которая могла имѣть значеніе для нашей внутренней политики, такъ какъ я не думалъ, чтобы мы подвинулись хоть на іоту къ осуществленію нашей національной задачи, объявивъ въ союзѣ съ Россіей войну Австріи и всѣмъ противникамъ, съ которыми намъ пришлось воевать въ 1866 г. Во Франціи нерѣдко прибѣгаютъ къ войнѣ, какъ къ средству преодолѣть внутреннія затрудненія; въ Германіи это могло бы принести пользу только въ томъ случаѣ, если бы война велась въ цѣляхъ національнаго объединенія, но для этого нужно бы прежде всего, чтобы мы вели ее безъ помощи Россіи, къ которой общественное мнѣніе весьма неблагоразумно относится до сихъ поръ крайне несочувственно. Нѣмецкое національное единство должно было выработаться безъ посторонней помощи, своей собственной внутренней силой. Кромѣ того, внутренній конфликтъ, волновавшій короля до моего вступленія въ министерство до такой степени, что онъ рѣшилъ даже отречься отъ престола, не вліялъ болѣе на его рѣшенія, съ тѣхъ поръ какъ онъ нашелъ министровъ, которые были готовы проводить его политику открыто, безо всякихъ увертокъ и уловокъ. Онъ убѣдился со временемъ, что, въ случаѣ революціи, побѣда останется на сторонѣ престола; запугиванія королевы и министровъ также утратили свою силу.

Но я не скрывалъ въ своемъ докладѣ, что союзъ съ Россіей былъ бы, по моему мнѣнію, на первыхъ порахъ силенъ въ военномъ отношеніи.

Географическое положеніе трехъ большихъ восточныхъ державъ таково, что каждая изъ нихъ очутится со стратегической точки зрѣнія въ невыгодномъ положеніи, если на нее нападутъ двѣ другія державы, хотя бы она имѣла союзницей въ западной Европѣ Англію или Францію. Особенно невыгодно было бы положеніе Австріи, въ случаѣ нападенія на нее Россіи и Германіи, если бы она осталась изолирован-

ною; выгоднѣе всего могло бы быть положеніе Россіи въ случаѣ войны съ Австріей и Германіей; но и она могла очутиться въ началѣ войны въ затруднительномъ положеніи, въ случаѣ концентрическаго движенія обѣихъ нѣмецкихъ державъ къ Бугу.

Въ случаѣ войны съ обѣими сосѣдними имперіями, Австрія можетъ очутиться, въ силу своего географическаго положенія и этнографическаго состава, въ весьма невыгодномъ положеніи потому, что едва-ли къ ней своевременно могла подоспѣть помощь со стороны Франціи, которая могла бы возстановить равновѣсіе. Но если бы ей пришлось имѣть съ самаго начала дѣло съ коалиціей, составленной противъ нея Россіей и Германіей, и если бы враждебный ей союзъ былъ нарушенъ заключеніемъ мира между тремя императорами или ослабленъ пораженіемъ Австріи, то перевѣсъ оказался бы рѣшительно на сторонѣ союзныхъ Германіи и Россіи.

Допустивъ, что арміи всѣхъ трехъ великихъ державъ будутъ сражаться одинаково храбро и будутъ находиться одинаково подъ командою искусныхъ полководцевъ, все же территоріальный составъ отдѣльныхъ государствъ дастъ перевѣсъ русско-германскому союзу, если онъ будетъ упроченъ съ самаго начала. Впрочемъ всѣ разсчеты на военные успѣхи и увѣренность въ нихъ сами по себѣ весьма сомнительны, тѣмъ болѣе, если держава, на которую разсчитываютъ, не однородна по своему составу, а основана на союзахъ.

Въ составленномъ мною проектѣ отвѣтнаго письма, который былъ длиннѣе самаго письма императора Александра II, было обращено вниманіе на то, что наша совмѣстная война съ западными державами, въ силу географическихъ условій и страстнаго желанія Франціи пріобрѣсти Прирейнскія провинціи, неизбѣжно перейдетъ въ концѣ концовъ въ франко-прусскую войну; если эта война будетъ начата по иниціативѣ Россіи и Пруссіи, то наше положеніе относительно Германіи этимъ ухудшится; Россія, будучи болѣе удалена отъ театра военныхъ дѣйствій, пострадаетъ менѣе, Пруссіи же придется продовольствовать не только свое собственное войско, но и русскія войска, и Россія очутится такимъ образомъ у длиннаго плеча рычага (если память мнѣ не измѣняетъ, я употребилъ именно это выраженіе) и хотя бы мы одержали побѣду, она будетъ въ состояніи предписать намъ, подобно тому, какъ было на Вѣнскомъ конгрессѣ и даже съ бо́льшимъ правомъ, условія, на какихъ мы должны будемъ заключить миръ, точно такъ, какъ Австрія могла бы предписать намъ въ 1859 г. условія мира съ Франціей, если бы мы воевали тогда съ этой державою и съ Италіей.

Я не помню точнаго текста моего черновика, хотя я и перечитывалъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по случаю недоразумѣній, возникшихъ у насъ съ русскимъ кабинетомъ; я радовался тогда, что я

имѣлъ достаточно силъ написать собственноручно такой длинный черновикъ письма, вполнѣ разборчивымъ для короля почеркомъ. Само собою разумѣется, что эта работа не была особенно полезна при моемъ лѣченіи въ Гастейнѣ; хотя король не смотрѣлъ на этотъ вопросъ такъ, какъ я, съ точки зрѣнія національныхъ германскихъ интересовъ, однако онъ не поддался искушенію положить въ союзѣ съ Россіей насильственно конецъ высокомѣрію австрійской политики и большинства ландтага и пренебреженію, съ какимъ они относились къ прусской монархіи. Если бы онъ согласился на предложеніе Россіи, то при быстротѣ нашей мобилизаціи, при многочисленности русскаго войска въ Польшѣ и при тогдашней слабости Австріи въ военномъ отношеніи, мы побѣдили бы ее по всей вѣроятности при помощи неуспокоившейся еще тогда Италіи или безъ ея помощи прежде, нежели Франція успѣла бы оказать ей дѣятельную поддержку.

Если бы мы могли разсчитывать, что послѣдствіемъ этой побѣды будетъ союзъ трехъ императоровъ и снисходительное отношеніе къ Австріи, то мой взглядъ на положеніе дѣлъ могъ бы быть названъ ошибочнымъ. Но такъ какъ интересы Россіи и Австріи на востокѣ расходятся, то на это нельзя было разсчитывать; трудно было даже предположить, чтобы побѣдоносные союзники, Россія и Пруссія, отнеслись къ Австріи съ тою снисходительностью, съ какою отнеслась къ ней Пруссія въ 1866 г., имѣя въ виду возможное сближеніе съ нею въ будущемъ; это совершенно не согласовалось бы съ интересами русской политики. Я опасался поэтому, что, въ случаѣ побѣды, мы не сойдемся съ Россіей относительно дальнѣйшей судьбы Австріи и что сама Россія, при дальнѣйшихъ успѣхахъ въ войнѣ съ Франціей, захочетъ держать Пруссію у своей западной границы въ положеніи державы, постоянно нуждающейся въ ея помощи; менѣе всего можно было разсчитывать на помощь Россіи при проведеніи нашей національной политики подъ главенствомъ Пруссіи.

Тильзитъ, Эрфуртъ, Ольмюцъ и другія историческія воспоминанія говорили: vestigia terrent.

Словомъ сказать, я не довѣрялъ Горчаковской политикѣ и находилъ, что мы не могли полагаться на нее съ такою увѣренностью, какъ на политику Александра I въ 1813 г., до тѣхъ поръ пока въ Вѣнѣ не былъ выясненъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Польши и Саксоніи и пока не было выяснено, можетъ ли Германія, въ случаѣ войны съ Франціей, разсчитывать на прикрытіе независимо отъ того, какое положеніе займетъ Россія, и пока Страсбургъ не сдѣлается союзной крѣпостью. Таковы были многочисленныя соображенія, которыя мнѣ было необходимо высказать королю, чтобы онъ могъ принять какое-либо

рѣшеніе, основываясь на представленныхъ мною доводахъ, и одобрилъ бы сущность представленнаго мною черновика отвѣтнаго письма.

Велико было искушеніе для монарха, который то и дѣло подвергался нападкамъ прогрессивной партіи и давленію не только со стороны австрійской дипломатіи въ сферѣ національныхъ вопросовъ по поводу франкфуртскаго княжескаго сейма, но и со стороны трехъ великихъ союзныхъ державъ: Англіи, Франціи и Австріи касательно польскаго вопроса.

Тотъ фактъ, что король не подчинилъ съ 1863 г. политическихъ соображеній своимъ глубоко уязвленнымъ чувствамъ монарха и пруссака, свидѣтельствуетъ, какъ сильно было въ немъ развито чувство національной чести и здравое сужденіе въ политикѣ.

...Борьба, которую мнѣ пришлось вынести предъидущую зиму (1865 г.) съ королемъ, который не хотѣлъ вести войны, и во время кампаніи съ военными, которые видѣли передъ собою только одну Австрію и не принимали въ соображеніе прочихъ державъ Европы; затѣмъ борьба, выдержанная мною съ королемъ при заключеніи мира, дотого измучили меня, что мнѣ былъ необходимъ отдыхъ и покой. 26-го сентября я поѣхалъ къ своему двоюродному брату, графу Бисмаркъ-Болену въ Карлсбургъ, а отъ него, 6-го октября, въ Путбусъ, гдѣ я опасно заболѣлъ въ гостинницѣ. Князь и княгиня Путбусъ оказали мнѣ любезное гостепріимство, помѣстивъ меня въ павильонѣ, уцѣлѣвшемъ возлѣ сгорѣвшаго замка. Когда прошелъ первый, серьезный приступъ болѣзни, я снова занялся дѣлами, ведя переписку съ Савиньи.

XXI.

Кандидатура принца Гогенцоллерна на испанскій престолъ.—Эпизодъ 1870 г.—Какъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ Бисмаркъ.—Пассивное отношеніе къ нему Испаніи.—Требованія, предъявленныя французскимъ посланникомъ въ Эмсѣ.—Рѣшимость Бисмарка выйти въ отставку.—Несогласныя съ конституціей дѣйствія короля прусскаго.—Обѣдъ у Бисмарка 13-го іюля 1870 г.—Депеша изъ Эмса. Новая редакція этой депеши.—Впечатлѣніе, произведенное ею на Мольтке.

2-го іюля 1870 г. испанское министерство рѣшило предложить престолъ наслѣдному принцу Леопольду Гогенцоллерну. Хотя это былъ вопросъ собственно внутренней политики Испаніи, однако онъ послужилъ поводомъ къ войнѣ между двумя посторонними государствами. Казалось бы, Франціи трудно было найти основательный поводъ, чтобы вмѣ-

шаться въ право Испаніи избрать себѣ короля, но такъ какъ въ Парижѣ хотѣли воевать съ Пруссіей, то поводъ къ войнѣ былъ найденъ искусственно въ имени Гогенцоллерна, которое само по себѣ не представляло для Франціи ничего болѣе угрожающаго, нежели имя всякаго инаго нѣмецкаго принца. Въ Испаніи и въ Германіи могли даже предположить, что принцъ Леопольдъ, въ силу своихъ личныхъ и семейныхъ связей, скорѣе будетъ въ Парижѣ persona grata, нежели многіе нѣмецкіе принцы.

Какъ теперь помню, въ ночь послѣ Седанской битвы, послѣ объѣзда, совершеннаго королемъ, я проѣзжалъ, когда уже вполнѣ стемнѣло, съ нѣсколькими офицерами, около Седана, по дорогѣ въ Доншери; на вопросъ, не помню кого именно изъ моихъ спутниковъ, я разговорился о приготовленіяхъ къ войнѣ и сказалъ между прочимъ, что я предполагалъ, что принцъ Леопольдъ будетъ для императора Наполеона желательнымъ сосѣдомъ въ Испаніи и что онъ даже отправится туда чрезъ Парижъ, чтобы узнать ближе желанія французской политики, такъ какъ это было бы одно изъ первыхъ условій управленія имъ Испаніей.

— Мы были гораздо болѣе въ правѣ опасаться тайнаго соглашенія между Испаніей и Франціей, нежели возлагать надежду на возстановленіе испанско-нѣмецкаго, враждебнаго Франціи союза, сказалъ я; испанскій король не можетъ вести политику противорѣчащую испанскимъ интересамъ; принявъ же испанскую корону, принцъ сдѣлался бы самъ испанцемъ.

Къ моему величайшему изумленію, я услыхалъ, позади себя, въ потемкахъ, энергичное возраженіе со стороны принца Гогенцоллерна, о присутствіи котораго я не подозрѣвалъ; онъ энергично протестовалъ противъ того, что въ немъ можно было заподозрѣть симпатіи къ Франціи. Этотъ протестъ, высказанный на Седанскомъ полѣ битвы офицеромъ-нѣмцемъ и принцемъ изъ дома Гогенцоллерновъ, былъ вполнѣ понятенъ; я могъ только отвѣтить ему, что, ставъ королемъ Испаніи, принцъ не могъ бы руководствоваться иными интересами, кромѣ испанскихъ, а они требовали для упроченія новаго королевства, чтобы онъ относился съ уваженіемъ къ своему могущественному сосѣду за Пиренеями. Я извинился передъ принцемъ за высказанное мною мнѣніе въ его присутствіи, о которомъ мнѣ не было извѣстно.

Я забѣжалъ нѣсколько впередъ, упомянувъ объ этомъ эпизодѣ, но онъ объясняетъ мой взглядъ на кандидатуру принца Гогенцоллерна. Я смотрѣлъ на нее какъ на вопросъ, касавшійся единственно Испаніи, и отнюдь не Германіи, хотя мнѣ и было пріятно сознаніе, что на испанскомъ престолѣ могъ возсѣдать принцъ изъ дома Гогенцоллерновъ, и хотя я старался взвѣсить всѣ послѣдствія, какія это событіе могло имѣть, съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ интересовъ, что́ соста-

вляетъ обязанность всякаго министра иностранныхъ дѣлъ, когда въ другомъ государствѣ совершается событіе подобной важности. Меня интересовалъ вопросъ не столько о политическихъ, сколько объ экономическихъ выгодахъ, которыя могъ намъ доставить возсѣдающій на испанскомъ престолѣ король нѣмецкаго происхожденія. Я надѣялся, что принцъ, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, внесетъ въ Испанію успокоеніе и упрочитъ его, и я не имѣлъ ни малѣйшаго повода не желать этого испанцамъ. Испанія принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ странъ, которыя по своему географическому положенію и политическимъ интересамъ не имѣютъ повода дѣйствовать въ ущербъ нѣмецкой политикѣ; принимая во вниманіе ея производство и потребленіе, эта страна можетъ вести дѣятельныя экономическія сношенія съ Германіей. Для насъ было выгодно имѣть въ испанскомъ правительствѣ дружественный намъ элементъ, поэтому нѣмецкой политикѣ не было ни малѣйшаго повода препятствовать избранію принца на испанскій престолъ; развѣ бы она сочла таковымъ опасеніе, что этимъ будетъ недовольна Франція. Дружественное отношеніе испанской дипломатіи могло быть намъ полезно въ случаѣ дальнѣйшаго экономическаго развитія Испаніи, котораго она и достигла впослѣдствіи, но я не допускалъ возможности, чтобы въ случаѣ войны съ Франціей, которая была рано или поздно неизбѣжна, испанскій король, при всемъ своемъ желаніи, проявилъ свои симпатіи къ Германіи, напавъ на Францію или хотя бы выставивъ противъ нея свои войска; образъ дѣйствій Испаніи послѣ объявленія войны, которой мы были обязаны уступчивости нѣмецкихъ князей, доказалъ, что мои предположенія были справедливы... Никакое испанское правительство, а тѣмъ болѣе король иноземнаго происхожденія не могъ бы, изъ любви къ Германіи, двинуть ни одного полка къ Пиренеямъ.

Съ политической точки зрѣнія я относился къ этому вопросу довольно равнодушно. Князь Антонъ Гогенцоллернъ еще болѣе былъ готовъ покончить его мирнымъ путемъ. Въ мемуарахъ его величества короля Румынскаго переданы не совсѣмъ вѣрно нѣкоторыя подробности относительно участія, которое принимало министерство въ рѣшеніи этого вопроса. Совѣта министровъ, который, по словамъ автора этихъ мемуаровъ, происходилъ будто бы во дворцѣ, не было вовсе. Князь Антонъ жилъ во дворцѣ гостемъ короля и пригласилъ его и нѣсколькихъ министровъ къ себѣ на обѣдъ; за столомъ вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, сколько помнится, вовсе не былъ затронутъ. Я не нахожу нужнымъ опровергать слова герцога де-Грамона, который доказываетъ [1]),

---

[1]) Gramont. „La France et la Prusse avant la guerre". Paris 1872, стр. 21. Замѣчаніе Бисмарка.

что я ничего не сдѣлалъ, чтобы отклонить предложеніе Испаніи. Я не помню точныхъ выраженій моего письма къ маршалу Приму, о которомъ герцогу говорили; если я самъ редактировалъ его, чего я также не помню, то врядъ-ли я назвалъ бы кандидатуру принца Гогенцоллерна «une excellente chose» [1]), но совершенно вѣрно, что я считалъ ее «opportune» [2]), не «à un moment donné» [3]), а принципіально и въ мирное время. При томъ я былъ увѣренъ, что внукъ Мюрата, къ которому благоволили при французскомъ дворѣ, снищетъ странѣ расположеніе Франціи.

Вначалѣ, вмѣшательство Франціи касалось только Испаніи, а не Пруссіи; подтасовка Наполеоновской политики, при помощи которой этотъ вопросъ превратился въ прусскій, не могла быть ничѣмъ оправдана съ точки зрѣнія международнаго права и доказала своимъ вызывающимъ тономъ, что Франція рѣшила придраться къ намъ и была готова воспользоваться для этого всякимъ подходящимъ предлогомъ. Я считалъ вмѣшательство Франціи оскорбительнымъ, полагалъ, что Испанія относется къ нему какъ къ нанесенной ей обидѣ и что оскорбленное самолюбіе заставитъ ее протестовать противъ этого вмѣшательства.

Впослѣдствіи, когда дѣло приняло такой оборотъ, что Франція, вмѣшавшись въ испанскія дѣла и посягнувъ на испанскую независимость, стала угрожать войною намъ, я ожидалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, что, вслѣдъ за объявленіемъ Франціей войны намъ, Испанія объявитъ войну Франціи. Я не думалъ, что столь гордая нація будетъ спокойно смотрѣть изъ-за Пиренеевъ, какъ нѣмцы сражаются на животъ и на смерть съ французами за независимость Испаніи и за ея право свободно избирать себѣ короля. Честолюбивые испанцы, дѣйствовавшіе столь энергично въ вопросѣ о Каролинскихъ островахъ, отступились отъ насъ въ 1870 г. По всей вѣроятности, въ обоихъ случаяхъ имѣли рѣшающее значеніе симпатіи и международныя связи республиканскихъ партій.

На первый же вопросъ, по поводу кандидатуры принца Гогенцоллерна, который былъ предложенъ намъ Франціей, безъ малѣйшаго къ тому права съ ея стороны, наше министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣчало, 4-го іюля, согласно съ истиною, что министерству объ этомъ ничего не извѣстно. Выходило такъ, что его величество смотрѣлъ на вопросъ о принятіи принцемъ Леопольдомъ испанскаго престола какъ на вопросъ чисто семейный, не касавшійся ни Пруссіи, ни сѣверо-германскаго союза, въ которомъ дѣло шло лишь о личныхъ отношеніяхъ

[1]) Прекрасной вещью.
[2]) Умѣстной.
[3]) На извѣстный моментъ данный.

военнаго вождя къ нѣмецкому офицеру и главы не прусскаго королевскаго дома, а рода Гогенцоллерновъ къ лицамъ, носящимъ фамилію Гогенцоллернъ.

Но во Франціи старались найти такой поводъ къ войнѣ съ Пруссіей, который не имѣлъ бы національной окраски, и нашли таковой на династической почвѣ въ появленіи претендента на испанскій престолъ изъ дома Гогенцоллерновъ. Преувеличенное мнѣніе о военномъ превосходствѣ Франціи и ошибочное представленіе о національномъ духѣ Германіи были причиною, что цѣлесообразность этого повода не была достаточно хорошо взвѣшена и обсуждена.

Подъемъ нѣмецкаго національнаго духа, который обнаружился вслѣдъ за объявленіемъ войны съ Франціей, подобно бурному потоку, разрушающему всѣ плотины, былъ для французской политики явленіемъ неожиданнымъ; французы не забыли о существованіи Рейнскаго союза, возлагали на него надежды и дѣйствовали сообразно съ этимъ; ихъ надежды поддерживались поведеніемъ нѣкоторыхъ министровъ западныхъ нѣмецкихъ государствъ и вліяніемъ ультрамонтановъ, которые надѣялись, что побѣды Франціи, gesta Dei per Francos, облегчатъ при помощи католической Австріи дальнѣйшіе успѣхи Ватикана въ Германіи.

Разсчитывая на превосходство своихъ силъ, Франція ссздала, такъ сказать, искусственно, поводъ къ войнѣ и вмѣсто того, чтобы обвинить Испанію за ея, какъ говорили, антифранцузскій выборъ короля, она придралась къ нѣмецкому принцу, который согласился исполнить желаніе испанцевъ, избравшихъ подходящаго для нихъ короля, который, по ихъ мнѣнію, долженъ бы быть въ Парижѣ persona grata, и къ королю прусскому, который имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ этому чисто испанскому вопросу только потому, что онъ носилъ одну фамилію съ принцемъ и былъ общаго съ нимъ нѣмецкаго происхожденія. Уже самый фактъ, что французскій кабинетъ позволилъ себѣ потребовать у Пруссіи объясненія по поводу кандидатуры принца и въ такой формѣ, которая вслѣдствіе истолкованія французскихъ газетъ имѣла характеръ настоящей угрозы, можно назвать дерзостью, которая не позволяла намъ, по моему мнѣнію, уступить хоть на іоту. Обидный тонъ, какимъ были предъявлены требованія Франціи, усугублялся не только вызывающимъ тономъ французской прессы, но и преніями, происходившими въ парламентѣ, и отношеніемъ къ этимъ манифестаціямъ министерства Оливье-Грамонъ.

Слова, сказанныя Грамономъ въ засѣданіи законодательнаго корпуса 6-го іюля:

«Мы не думаемъ, чтобы уваженіе къ правамъ сосѣдняго народа обязывало насъ терпѣть, чтобы посторонняя держава посадила своего принца на престолъ Карла V.... Этого не случится, мы въ этомъ убѣж-

дены.... Въ противномъ случаѣ, мы... съумѣемъ безъ колебанія и слабости исполнить свой долгъ»—были уже сами по себѣ угрозою, сказанную чуть не съ мечемъ въ рукахъ.

Я рѣшился отправиться 12-го іюля изъ Варцина въ Эмсъ, чтобы ходатайствовать у его величества о созывѣ рейхстага для обсужденія вопроса о мобилизаціи арміи. Когда я проѣзжалъ въ открытомъ экипажѣ черезъ Буссовъ, мой другъ, престарѣлый священникъ Мулертъ, стоя у дверей своего дома, дружески раскланялся со мною; я отвѣчалъ ему воинственнымъ возгласомъ, изъ котораго онъ понялъ, что война, по моему мнѣнію, близка. Въѣхавъ во дворъ моей берлинской квартиры, я не успѣлъ еще выйти изъ экипажа, какъ мнѣ подали телеграммы, изъ коихъ было видно, что король, не смотря на угрозы Франціи и на оскорбленія, высказанныя въ ея парламентѣ и въ прессѣ, продолжалъ лично вести переговоры съ Бенедетти, а не отнесся къ нему, какъ слѣдовало, холодно и сдержанно и не указалъ ему обратиться къ его министрамъ. Во время обѣда, на которомъ присутствовали Мольтке и Роонъ, изъ Парижскаго посольства было получено извѣстіе, что принцъ Гогенцоллернъ отказался отъ своей кандидатуры, чтобы устранить поводъ къ войнѣ, которой намъ угрожала Франція. Моею первою мыслію было подать въ отставку, такъ какъ, послѣ оскорбительнаго и вызывающаго образа дѣйствій Франціи, я видѣлъ въ этомъ вынужденномъ отреченіи униженіе Германіи, за которое я, какъ министръ, не хотѣлъ быть отвѣтственнымъ.

Чувство національнаго самолюбія, оскорбленнаго этимъ вынужденнымъ отказомъ принца, было во мнѣ такъ сильно, что я уже рѣшилъ послать въ Эмсъ просьбу объ отставкѣ. Я считалъ, что это униженіе передъ Франціей и ея хвастливыми демонстраціями было хуже униженія, испытаннаго нами въ Ольмюцѣ; послѣднее всегда можно извинить предшествовавшими историческими событіями и нашей, въ то время, неподготовленностью къ войнѣ. Франція могла счесть отреченіе принца за отрадный результатъ своихъ домогательствъ и быть довольной сознаніемъ, что одной угрозы войною, хотя бы эта угроза носила характеръ оскорбленія и насмѣшки, и одного повода къ войнѣ противъ Пруссіи достаточно для того, чтобы заставить ее отступить даже въ томъ случаѣ, когда она права, и что сѣверо-германскій союзъ не обладаетъ достаточною силою, чтобы защитить національную честь и независимость противъ наглыхъ притязаній Франціи. Я былъ крайне опечаленъ, такъ какъ я не видѣлъ никакого средства исправить страшный вредъ, который робкая политика могла нанести нашему національному дѣлу, не прибѣгая для этого къ какимъ-либо насильственнымъ или искусственнымъ мѣрамъ. Я видѣлъ, что война была неизбѣжна и что мы не могли съ честью избѣжать ея. Я телеграфировалъ своимъ въ

Варцинъ, чтобы они не укладывали вещей, не уѣзжали, что я вернусь черезъ нѣсколько дней. Я не думалъ, что миръ будетъ нарушенъ такъ скоро, но такъ какъ я не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность за дѣйствія, коими этотъ миръ былъ купленъ, то я рѣшилъ не ѣздить въ Эмсъ и просилъ графа Эйленбурга отправиться туда вмѣсто меня и объяснить его величеству мой взглядъ на дѣло. Въ томъ же смыслѣ я говорилъ и съ военнымъ министромъ фонъ-Роономъ: мы получили отъ Франціи оплеуху и своей уступчивостью были поставлены въ такое положеніе, что если бы мы объявили войну, которая одна могла смыть нашъ позоръ, то насъ могли бы назвать людьми придирчивыми, забіяками. Мое положеніе было невыносимо главнымъ образомъ потому, что король, поддаваясь угрозамъ Франціи, четыре дня подъ рядъ принималъ на водахъ въ аудіенціи французскаго посланника и подвергалъ свою августѣйшую особу безсовѣстнымъ махинаціямъ этого иностраннаго дипломата, не обращаясь къ содѣйствію своихъ министровъ.

Король, вслѣдствіе своей страсти заниматься лично государственными дѣлами, поставилъ себя въ такое положеніе, за которое я не могъ принять отвѣтственности на себя. По моему мнѣнію, его величество долженъ былъ уклониться въ Эмсѣ отъ всякихъ переговоровъ дѣловаго характера съ французскимъ уполномоченнымъ, который не былъ равенъ ему по званію, и повелѣть ему обратиться за разъясненіемъ, куда слѣдуетъ, въ Берлинъ, къ министрамъ, которые дѣлали бы королю доклады въ Эмсъ или сносились бы съ нимъ письменно, если бы было найдено необходимымъ затянуть переговоры. Хотя его величество и уважалъ обыкновенно самостоятельность отдѣльныхъ вѣдомствъ, но въ немъ было слишкомъ сильно развито желаніе если не рѣшать, то обсуждать лично всѣ важные вопросы; поэтому онъ не могъ воспользоваться какъ бы слѣдовало услугами министровъ, чтобы отдѣлаться отъ назойливыхъ и неудобныхъ вопросовъ и требованій. Вліянію королевы, жившей въ близъ лежавшемъ Кобленцѣ, слѣдуетъ приписать, что король не уклонился на первыхъ же порахъ отъ беззастѣнчивыхъ требованій Бенедетти. Ему было 73 года, онъ былъ миролюбивъ и не желалъ подвергать риску лавры, которые онъ стяжалъ въ 1866 г.; но когда онъ былъ свободенъ отъ женскаго вліянія, то имъ руководило всегда чувство чести и сознаніе того, что онъ преемникъ Фридриха Великаго и прусскій офицеръ. Мнѣ передавали, будто королева Августа со слезами на глазахъ умоляла своего супруга, передъ его отъѣздомъ изъ Эмса въ Берлинъ, избѣжать войны и помнить о Іенѣ и Тильзитѣ. Я считаю это весьма правдоподобнымъ, до слезъ включительно.

Рѣшивъ выйти въ отставку, не смотря на упреки, которые мнѣ пришлось выслушать по этому поводу отъ Роона, я пригласилъ его и Мольтке отобѣдать со мною 13-го числа и изложилъ имъ за столомъ

мои взгляды и намѣренія. Они были оба весьма взволнованы и косвенно упрекали меня въ томъ, что я пользовался эгоистично тою легкостью, съ какою я могъ, сравнительно съ ними, выйти въ отставку. Я доказывалъ, со своей стороны, что я не могъ принести въ жертву политикѣ свое самолюбіе и что они, какъ люди военные, не имѣя права свободно располагать своими поступками, могутъ держаться иной точки зрѣнія нежели отвѣтственный министръ иностранныхъ дѣлъ.

Во время нашего разговора, мнѣ сообщили, что получена и разбирается шифрованная депеша изъ Эмса, за подписью тайнаго совѣтника Абекена. Когда мнѣ подали наконецъ уже разобранную телеграмму, то оказалось, что она была составлена и подписана Абекеномъ по повелѣнію его величества; я прочелъ эту телеграмму своимъ гостямъ [1]), и она повергла ихъ въ такое уныніе, что они окончательно потеряли аппетитъ. Перечитавъ телеграмму вторично, я остановился на словахъ, коими его величество уполномочивалъ меня сообщить это новое требованіе Бенедетти и отвѣтъ короля нашимъ посланникамъ и органамъ прессы. Я предложилъ Мольтке нѣсколько вопросовъ, желая знать его мнѣніе о состояніи нашихъ вооруженій, а именно: сколько времени потребуется для ихъ окончанія, при возникшей такъ внезапно перспективѣ войны. Онъ отвѣчалъ, что если война неизбѣжна, то, по его мнѣнію, намъ не выгодно оттягивать ее; хотя бы мы и оказались вначалѣ не достаточно сильны, чтобы защитить отъ нападенія французовъ земли,

---

[1]) Поданная въ Эмсѣ 13-го іюля 1870 г. въ 3 ч. 50 м. п. п. и полученная въ Берлинѣ въ 6 ч. 9 м., телеграмма была слѣдующаго содержанія:

„Его величество пишетъ мнѣ: „графъ Бенедетти встрѣтилъ меня на прогулкѣ и потребовалъ отъ меня, въ концѣ концовъ, самымъ настойчивымъ образомъ, чтобы я уполномочилъ его немедленно телеграфировать, что я обязываюсь никогда впредь (für alle Zukunft) не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллерновъ, если бы они вернулись къ ней. Я отвѣчалъ ему отказомъ, высказаннымъ въ довольно рѣзкомъ тонѣ, такъ какъ à tout jamais никто не можетъ и не долженъ принимать на себя подобныхъ обязательствъ. Само собою разумѣется, я сказалъ ему, что я не получалъ еще никакихъ извѣстій и что такъ какъ онъ получаетъ сообщенія изъ Парижа и Мадрида раньше меня, то онъ видитъ, что мое правительство не причастно этому дѣлу". Послѣ этого разговора его величество получилъ письмо отъ князя. Такъ какъ его величество говорилъ графу Бенедетти, что онъ ожидаетъ извѣстій отъ князя, то, принявъ во вниманіе предъявленное графомъ вышеупомянутое требованіе, е. к. в. рѣшилъ, по совѣту моему и графа Эйленбурга, не принимать болѣе графа Бенедетти, но послалъ сказать ему чрезъ адъютанта, что его величество получилъ отъ князя подтвержденіе извѣстія, уже полученнаго Бенедетти изъ Парижа, и ничего болѣе не имѣетъ сказать посланнику. Его величество предоставляетъ на усмотрѣніе вашего превосходительства, слѣдуетъ ли сообщить объ этомъ новомъ требованіи Бенедетти и объ отказѣ на него со стороны короля нашему посланнику и органамъ прессы".

лежащія на лѣвомъ берегу Рейна, во всякомъ случаѣ наша боевая готовность очень скоро превзойдетъ таковую Франціи, тогда какъ нѣсколько времени позже это преимущество можетъ уменьшиться; онъ находилъ вообще, что для насъ было выгоднѣе не медлить, а начать войну какъ можно скорѣе. Я находилъ, со своей стороны, что въ виду образа дѣйствій Франціи національное самолюбіе требовало настоятельно, чтобы мы съ нею воевали; не удовлетворивъ этого справедливаго чувства, мы утратили бы, на пути къ нашему національному развитію всѣ преимущества, пріобрѣтенныя нами въ 1866 г., и вызванный нашими военными побѣдами подъемъ національнаго духа, выразившійся въ готовности южныхъ государствъ заключить съ нами союзы, могъ ослабнуть.

Руководствуясь тѣми же соображеніями психологическаго свойства, подъ вліяніемъ которыхъ я желалъ, въ 1864 г., во время войны съ Даніей, чтобы въ дѣло были посланы первыми не старо-прусскіе, а вестфальскіе баталіоны, не имѣвшіе ранѣе случая доказать своей храбрости подъ предводительствомъ Пруссіи, я былъ увѣренъ, что пропасть, образовавшаяся съ теченіемъ времени между сѣверомъ и югомъ Германіи въ силу историческихъ событій, различія привычекъ и національнаго характера, могла изгладиться скорѣе всего въ томъ случаѣ, если бы мы вели совмѣстно національную войну противъ сосѣда, который нѣсколько сотъ лѣтъ относился къ намъ враждебно...

Эти и тому подобныя соображенія убѣдили меня окончательно, что мы могли избѣжать войны не иначе, какъ пожертвовавъ нашимъ прусскимъ самолюбіемъ и довѣріемъ націи.

Убѣдившись въ этомъ, я воспользовался сообщеннымъ мнѣ Абекеномъ позволеніемъ короля обнародовать содержаніе его телеграммы и сократилъ ее, въ присутствіи моихъ гостей; кое-что вычеркнувъ изъ нея, но не прибавивъ къ ней ни слова и ничего не измѣнивъ, я сообщилъ ей слѣдующую редакцію:

«Послѣ того, какъ извѣстіе объ отреченіи наслѣднаго принца Гогенцоллернскаго оффиціально было сообщено французскому императорскому правительству испанскимъ королевскимъ правительствомъ, французскій посланникъ предъявилъ въ Эмсѣ его королевскому величеству требованіе уполномочить его телеграфировать въ Парижъ, что его королевское величество обязывается никогда впредь не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллернскихъ принцевъ, если они вернутся къ ней. Послѣ этого его королевское величество отказался принять еще разъ французскаго посланника и приказалъ дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имѣетъ ничего болѣе сообщить посланнику».

Совершенно иное впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести

сокращенный текстъ телеграммы по сравненію съ тѣмъ, какое производилъ оригиналъ, зависѣло не отъ болѣе энергичныхъ выраженій, а лишь отъ формы, въ которой они были высказаны и которая придавала этому сообщенію видъ чего-то рѣшительнаго, тогда какъ въ редакціи Абекена телеграмма производила впечатлѣніе отрывочнаго сообщенія о происходящихъ въ Берлинѣ и не оконченныхъ переговорахъ. Когда я прочелъ моимъ гостямъ телеграмму въ сокращенной редакціи, то Мольтке замѣтилъ: «такъ-то она звучитъ совсѣмъ иначе; прежде она звучала барабаннымъ боемъ къ сдачѣ, теперь она звучитъ фанфарой въ отвѣтъ на сдѣланный вызовъ». Я присовокупилъ:

«Если, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, я сообщу немедленно этотъ текстъ телеграммы, въ которой ничего не измѣнено и не добавлено, въ газеты и по телеграфу во всѣ наши посольства, то объ этомъ будетъ сегодня же извѣстно въ Парижѣ, гдѣ она произведетъ на гальскаго быка впечатлѣніе краснаго платка, не только своимъ содержаніемъ, но и самымъ способомъ ея распространенія. Мы должны драться, если не хотимъ безъ боя принять на себя роль побѣжденнаго. Но результатъ во многомъ будетъ зависѣть отъ того, какое впечатлѣніе произведетъ у насъ и на другія державы самый способъ возникновенія войны; весьма важно, чтобы получилось впечатлѣніе, что мы оскорблены: французское высокомѣріе и раздражительность помогутъ намъ въ этомъ, если мы предадимъ европейской гласности, безъ содѣйствія рейхстага, что мы относимся къ явнымъ угрозамъ Франціи безъ боязни».

Высказанныя мною соображенія привели обоихъ генераловъ въ столь веселое и радостное настроеніе, что ихъ веселость меня поразила. Они снова почувствовали аппетитъ и стали весело болтать.

Роонъ сказалъ: «Господь милостивъ, онъ не дастъ посрамить насъ».

Мольтке до такой степени вышелъ изъ своего обычнаго равнодушнаго состоянія, что, смотря съ самымъ веселымъ видомъ на потолокъ и позабывъ свою обычную сдержанность, онъ ударилъ себя въ грудь и сказалъ:

«Если мнѣ суждено еще предводительствовать нашимъ войскомъ въ эту войну, то я ничего не имѣю противъ, чтобы по окончаніи ея этотъ старый кащей (die alte Carcasse) полетѣлъ къ чорту».

Онъ былъ тогда слабѣе, нежели впослѣдствіи, и сомнѣвался, будетъ ли онъ въ состояніи вынести тягости похода.

Не только въ этомъ случаѣ, но и въ началѣ богемской войны, я видѣлъ, какъ страстно онъ желалъ приложить къ дѣлу свои военно-стратегическія способности и познанія. Въ обоихъ случаяхъ мой военный сотоварищъ по службѣ выходилъ изъ своего обычнаго холоднаго и молчаливаго состоянія и бывалъ веселъ, оживленъ и даже, можно сказать, радостенъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1866 г., когда я пригласилъ его къ себѣ однажды ночью, чтобы спросить его, нельзя ли ускорить выступленіе войскъ на 24 часа, онъ отвѣчалъ на мой вопросъ утвердительно и былъ обрадованъ возможностью ускорить войну. Его готовность воевать и содѣйствовать исполненію тѣхъ мѣропріятій, какія я признавалъ нужными съ политической точки зрѣнія, была для меня большой помощью въ обоихъ случаяхъ....

Вполнѣ естественно, что въ штабѣ арміи не только молодые, энергичные офицеры, но и опытные стратеги чувствуютъ потребность употребить въ дѣло храброе войско, находящееся подъ ихъ командою, и доказать свою собственную способность руководить имъ и увѣковѣчить ее въ исторіи. Можно бы пожалѣть о томъ, если бы этотъ воинственный духъ исчезъ въ войскѣ; сдерживать его въ границахъ, насколько того требуетъ мирное преуспѣяніе народовъ, составляетъ обязанность тѣхъ, кто стоитъ во главѣ политики, а не военныхъ лицъ.

XXII.

Неудовольствіе „полубоговъ“ противъ Бисмарка.—Разговоръ, подслушанный Бисмаркомъ въ дорогѣ.—Необходимость взаимодѣйствія военнаго начальства и дипломатіи въ военное время.—Положеніе пруссаковъ подъ Парижемъ.—Опасенія и тревоги Бисмарка.—Старанія графа Бейста вызвать вмѣшательство державъ.—Настроеніе Италіи и Россіи.—Недоброжелательство Горчакова къ Бисмарку и къ Пруссіи.—Его тщеславіе.—Горчаковъ на Берлинскомъ конгрессѣ.—Графъ Кутузовъ.—Недостатокъ осадныхъ орудій и перевозочныхъ средствъ подъ Парижемъ.—Вліяніе, оказанное на главную квартиру въ интересахъ „гуманности“.

Неудовольствіе, которое питали противъ меня въ высшихъ военныхъ сферахъ послѣ войны съ Австріей, продолжалось и во время франко-прусской войны, но поддерживалось не Мольтке и Роономъ, а «полубогами», какъ называли въ то время высшихъ чиновъ главнаго штаба, и давало себя чувствовать мнѣ и чиновникамъ моего вѣдомства во время кампаніи даже въ вопросахъ о продовольствіи и расквартированіи войска [1]); оно проявилось бы вѣроятно еще въ болѣе сильной степени, если бы неизмѣнная свѣтская вѣжливость графа Мольтке не служила ему противовѣсомъ. Во время кампаніи Роонъ не могъ оказать мнѣ никакой помощи какъ другъ и сослуживецъ; напротивъ, впо-

[1]) Сравн. оффиціальное письмо Бисмарка къ Роону отъ 10-го августа 1870 г., помѣщенное въ изд. Poschinger'a „Bismarck Portefeuille“, II, 189; примѣч. издателя.

слѣдствіи въ Версалѣ онъ самъ нуждался въ моей поддержкѣ, чтобы заставить окружающихъ короля согласиться съ его доводами.

Еще передъ отъѣздомъ въ Кёльнъ я узналъ, совершенно случайно, что въ самомъ началѣ войны было рѣшено не приглашать меня на военныя совѣщанія. Я могъ заключить это изъ разговора генерала Подбѣльскаго съ Роономъ, нечаянно подслушаннаго мною, такъ какъ онъ происходилъ въ сосѣднемъ съ моимъ купэ, а въ перегородкѣ, которая насъ раздѣляла, какъ разъ надъ моимъ сидѣньемъ, находилось большое отверстіе. Первый громко высказалъ свое удовольствіе по поводу того, что «этотъ разъ приняты мѣры къ тому, чтобы ничего подобнаго не могло случиться». Прежде нежели поѣздъ тронулся со станціи, я слышалъ вполнѣ достаточно, чтобы понять, что именно генералъ подразумѣвалъ сравнивая, «тогдашнее» положеніе съ теперешнимъ; онъ намекалъ на мое участіе въ военныхъ совѣщаніяхъ во время богемской кампаніи и въ особенности на тотъ фактъ, что движеніе войска пришлось направить вмѣсто Вѣны на Пресбургъ.

О существованіи уговора, о которомъ я могъ догадаться по его словамъ, я убѣдился вскорѣ на дѣлѣ; меня не только не приглашали, какъ въ 1866 г., на военныя совѣщанія, но даже было принято за правило держать отъ меня въ строгой тайнѣ всѣ военные планы и мѣропріятія. Существовавшее въ нашихъ должностныхъ кружкахъ соперничество между лицами отдѣльныхъ вѣдомствъ имѣло послѣдствіемъ столь очевидный вредъ для общаго хода дѣлъ, что находившійся въ главной квартирѣ по дѣламъ Краснаго Креста графъ Эбергардъ Штольбергъ, искренній патріотъ, къ сожалѣнію преждевременно скончавшійся и съ которымъ я былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, обратилъ вниманіе короля на то, что исключать его отвѣтственнаго политическаго совѣтника отъ участія въ совѣщаніяхъ совершенно немыслимо. По свидѣтельству графа, его величество отвѣтилъ на это, что «во время богемской кампаніи меня приглашали обыкновенно на совѣщанія, но случалось, что мое мнѣніе рѣшительно шло въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства; неудивительно, что это раздражало прочихъ генераловъ и что они желаютъ сами вѣдать дѣла своего вѣдомства». Во всякомъ случаѣ, вліяніе, которое предоставилъ мнѣ король въ 1866 г., противорѣчило военнымъ традиціямъ, коль скоро первому министру надлежало занимать лишь то мѣсто, на которое давалъ ему право его мундиръ штабъ-офицера кавалерійскаго полка, который онъ носилъ въ войскѣ; въ 1870 г. я такъ-таки и былъ забойкотированъ военными, какъ сказали бы теперь.

Если выразить теорію, примѣненную ко мнѣ главнымъ штабомъ, которой яко бы учитъ военная наука, такимъ образомъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ получаетъ право выражать свое мнѣніе только тогда,

когда военное начальство найдетъ своевременнымъ запереть храмъ Януса, то мы можемъ въ самомъ изображеніи двуликаго Януса видѣть указаніе на то, что правительство всякаго воюющаго государства должно обращать свои взоры не только на театръ военныхъ дѣйствій, но и на другія отрасли управленія.

Задача военнаго начальства—истребленіе непріятельскаго войска; цѣль войны—добиться мира силою оружія на условіяхъ, соотвѣтствующихъ политикѣ, которую преслѣдуетъ государство. Обсудить и намѣтить цѣль, которая должна быть достигнута войною, разсмотрѣть вмѣстѣ съ монархомъ разные вопросы, касающіеся во время войны до этой цѣли,—есть задача политики; то или другое рѣшеніе этихъ вопросовъ должно вліять на самый способъ веденія войны, который всегда будетъ зависѣть отъ того, желало ли правительство достигнуть именно того результата, который достигнутъ войною, или чего-то бо́льшаго, хотѣло ли оно получить какія-либо зе́мельныя пріобрѣтенія или нѣтъ.

Еще болѣе значенія имѣетъ въ этомъ случаѣ вопросъ, захотятъ ли прочія державы помочь противнику дипломатическимъ путемъ или войскомъ и какіе имъ будутъ руководить при этомъ мотивы; могутъ ли лица, считающія подобное вмѣшательство желательнымъ, разсчитывать, что имъ удастся достигнуть своей цѣли при иностранныхъ дворахъ, какая произойдетъ группировка заинтересованныхъ сторонъ, если дѣло дойдетъ до конференціи или конгресса, можно ли опасаться, что вмѣшательство нейтральныхъ державъ поведетъ къ новой войнѣ? Для того, чтобы рѣшить, какой моментъ благопріятенъ для начала мирныхъ переговоровъ, нужно имѣть такія свѣдѣнія относительно положенія европейскихъ государствъ, коими военныя лица обыкновенно не обладаютъ, и получать извѣстія такого рода, которыя бываютъ имъ обыкновенно недоступны. Переговоры, происходившіе въ Никольсбургѣ въ 1866 г., доказываютъ, что вопросъ о войнѣ и мирѣ подлежитъ и въ военное время компетенціи отвѣтственнаго перваго министра и не можетъ быть рѣшенъ одними военными спеціалистами; компетентный же въ этомъ дѣлѣ министръ можетъ подать королю дѣльный совѣтъ только тогда, когда ему извѣстны положеніе дѣлъ и намѣренія военнаго начальства въ данный моментъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ упоминается о проектѣ раздробленія Россіи, который проповѣдывала нѣмецкая пресса и который съ чисто дѣтскимъ простодушіемъ былъ изложенъ Бунзеномъ въ запискѣ, представленной имъ министру Мантейфелю. Допустивъ немыслимый въ то время случай, что король увлекся бы этой утопіей и что прусскія войска и ихъ тогдашніе вѣроятные союзники оказались бы въ этой войнѣ побѣдителями, намъ предстояло бы еще рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, а именно: было ли для насъ желательно дальнѣйшее пріобрѣ-

теніе польскихъ земель и польскаго населенія, слѣдовало ли отодвинуть границу конгрессовой Польши далѣе на востокъ, подальше отъ Берлина, было ли бы для насъ удобнѣе, если бы Варшава находилась въ рукахъ поляковъ, нежели русскихъ. Все это вопросы чисто политическаго свойства и врядъ-ли кто-либо станетъ отрицать, что то или другое ихъ рѣшеніе могло бы имѣть огромное вліяніе на ходъ и направленіе военныхъ дѣйствій и на ихъ продолжительность и что взаимодѣйствіе дипломатіи и стратегіи было необходимо въ совѣтѣ короля.

Хотя я и не протестовалъ въ Версалѣ противъ того, что моего мнѣнія не спрашивали въ вопросахъ чисто военныхъ, тѣмъ не менѣе, какъ первый министръ, я былъ отвѣтственъ за то, чтобы мы извлекли всевозможную пользу изъ нашего военнаго положенія и нашихъ отношеній къ иностраннымъ державамъ и являлся, по смыслу конституціи, отвѣтственнымъ совѣтникомъ короля въ вопросѣ: требовало ли положеніе военныхъ дѣлъ какихъ-либо дипломатическихъ шаговъ, или же было полезно не допускать вмѣшательства другихъ державъ. Я старался получить свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣлъ, необходимыя для того, чтобы составить себѣ понятіе о политическомъ положеніи, поддерживая съ этой цѣлью дружественныя отношенія съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами, которыя состояли при главной квартирѣ и собирались въ Hôtel des Reservoirs; эти титулованные господа имѣли гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и планахъ, нежели отвѣтственный министръ иностранныхъ дѣлъ, и передавали мнѣ иногда весьма цѣнныя сообщенія, предполагая, что они, само собою разумѣется, не составляли для меня тайны; Руссель, англійскій корреспондентъ, состоявшій при главной квартирѣ, былъ въ общемъ лучше меня освѣдомленъ относительно этихъ плановъ; и я черпалъ изъ этого полезнаго источника многія свѣдѣнія.

Въ военномъ совѣтѣ только Роонъ защищалъ тотъ взглядъ, котораго держался и я, а именно, что намъ слѣдовало какъ можно скорѣе окончить войну, если мы не хотѣли допустить вмѣшательства нейтральныхъ державъ и конгресса; онъ доказывалъ необходимость дѣйствовать противъ Парижа наступательно съ тяжелой артиллеріей, что не согласовалось съ системой выморенія осажденныхъ голодомъ, которую высокопоставленныя особы женскаго пола считали болѣе гуманною. При нашемъ незнакомствѣ съ системою продовольствія города Парижа, не было возможности опредѣлить, сколько времени потребовала бы эта мѣра [1]). Осаждающіе не только не подвигались ни на шагъ впередъ,

[1]) Мольтке писалъ своему брату 22-го сентября, что онъ надѣется стрѣлять въ исходѣ октября зайцевъ въ Крезо. (Moltke, „Gesammelte Werke“, V, 198). Примѣч. Бисмарка.

но едва-ли не отступали назадъ, и мы не могли точно разсчитать, какъ пойдутъ дѣла въ провинціи, до тѣхъ поръ пока не получили бы точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находится южная армія и Бурбаки. Мы не знали долго, дѣйствуетъ ли она противъ нашей соединительной линіи съ Германіей или она могла появиться у нижняго теченія Сены. Мы теряли подъ Парижемъ ежемѣсячно до двухъ тысячъ человѣкъ, не пріобрѣтая у осажденныхъ ни пяди земли, и затягивали до безконечности тотъ періодъ, въ теченіе котораго наши войска могли подвергнуться разнымъ случайностямъ, вслѣдствіе неожиданныхъ неудачъ на полѣ битвы и болѣзней, въ родѣ напримѣръ холеры, разразившейся подъ Вѣною въ 1866 г. Съ политической точки зрѣнія меня тревожила болѣе всего проволочка военныхъ дѣйствій, такъ какъ я опасался вмѣшательства нейтральныхъ державъ. Чѣмъ долѣе затянулась бы война, тѣмъ болѣе становилось вѣроятнымъ, что тайное недоброжелательство и измѣнчивыя симпатіи какой-либо державы, встревоженной нашими успѣхами, заставятъ ее рѣшиться на дипломатическое вмѣшательство и что къ ней присоединятся другія или даже всѣ прочія державы. Хотя Тьеръ, во время своей поѣздки въ октябрѣ мѣсяцѣ «не могъ найти Европы», но открытіе этой державы могло быть сдѣлано при каждомъ нейтральномъ дворѣ и даже въ Америкѣ, на почвѣ республиканскихъ симпатій, и при томъ по самому ничтожному поводу, который одинъ кабинетъ могъ подать другому, предложивъ ему, напримѣръ, вопросъ, не угрожаетъ ли опасность европейскому равновѣсію, или выказавъ то человѣколюбивое лицемѣріе, съ коимъ парижскую крѣпость ограждали отъ серьезной осады. Если бы всѣ тѣ, которые относились къ намъ враждебно, и наши не особенно искренніе и доброжелательные друзья, которыхъ было довольно при каждомъ дворѣ, успѣли во время нашихъ продолжительныхъ и не слишкомъ энергичныхъ дѣйствій подъ Парижемъ, выражавшихся словами: «подъ Парижемъ нѣтъ ничего новаго», достигнуть соглашенія между остальными державами или хотя бы между двумя изъ нихъ, и сдѣлали бы намъ предостереженіе или предложили бы намъ какой-либо вопросъ, внушенный якобы человѣколюбіемъ, то нельзя сказать, какъ скоро подобный шагъ могъ повести къ общему, на первыхъ порахъ дипломатическому вмѣшательству нейтральныхъ державъ. Національ-либеральные парламентскіе дѣятели писали другъ другу въ августѣ мѣсяцѣ 1870 года, «что слѣдуетъ безусловно отклонить всякое постороннее вмѣшательство при заключеніи мира», но они не говорили, возможно ли помѣшать этому иначе, какъ быстрымъ взятіемъ Парижа.

Графъ Бейстъ (въ своихъ запискахъ) самъ позаботился указать, какъ «честно, хотя и безуспѣшно» онъ старался устроить «коллектив-

ное посредничество нейтральныхъ державъ» [1]). Онъ напоминаетъ, что уже 28-го сентября онъ поручилъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, а 12-го октября австрійскому посланнику въ Петербургѣ доказывать и проводить мысль, что только при коллективномъ шагѣ можно разсчитывать на успѣхъ; а два мѣсяца спустя, онъ велѣлъ сказать Горчакову. «Le moment d' intervenir est peut-être venu» [2]). Онъ воспроизводитъ депешу, посланную имъ въ Берлинъ графу Вимпфену 13-го октября, въ критическое для насъ время, за 14 дней до капитуляціи Меца, которая была прочитана графомъ во всеуслышаніе [3]). Въ этой депешѣ онъ упоминаетъ о запискѣ, въ которой я указывалъ въ началѣ октября [4]) на послѣдствія, какія могло повлечь за собою противоборство Парижа съ его двухъ-милліоннымъ населеніемъ, если бы оно продолжилось до наступленія недостатка съѣстныхъ припасовъ, и говоритъ совершенно справедливо, что моею цѣлью въ этомъ случаѣ было снять всякую отвѣтственность съ прусскаго правительства.

«Предпославъ это»,—продолжаетъ онъ,—«я не могу не высказать своего опасенія по поводу того, что, передъ судомъ исторіи, часть этой отвѣтственности падетъ со временемъ на нейтральныя державы, если онѣ будутъ смотрѣть съ безмолвнымъ равнодушіемъ на угрожающую неслыханную опасность. Поэтому я предлагаю вашему превосходительству, когда съ вами заведутъ рѣчь объ этомъ, выразить откровенно наше сожалѣніе по поводу того, что при такомъ положеніи дѣлъ, когда прусское королевское правительство предвидитъ катастрофу, на которую указано въ вышеупомянутой запискѣ, оно выказываетъ тѣмъ не менѣе самое рѣшительное стремленіе устранить всякое вмѣшательство постороннихъ державъ.... Не заботы о собственныхъ интересахъ заставляютъ Австро-Венгерское правительство сожалѣть, что при томъ положеніи, въ которомъ находятся дѣла, нейтральныя державы не оказываютъ никакого воздѣйствія въ пользу мира. Но оно не можетъ одобрить и рекомендовать какъ это сдѣлалъ недавно Петербургскій кабинетъ, полнѣйшее невмѣшательство со стороны непричастной къ этому дѣлу Европы. Оно считаетъ, напротивъ того, своею обязанностью заявить, что оно вѣритъ еще въ общность интересовъ европейскихъ державъ и предпочло бы заключеніе мира, при безпристрастномъ вмѣшательствѣ нейтральныхъ державъ, дальнѣйшему истребленію нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ».

---

[1]) „Aus Drei Viertel-Jahrhunderten". Stuttgart 1887. Theil II, стр. 361, 395. Примѣч. Бисмарка.

[2]) Быть можетъ, державамъ пора вмѣшаться.

[3]) Удивительно, что графъ Вимпфенъ счелъ нужнымъ прочесть эту инструкцію; въ ней указывалось только, чтобы онъ въ извѣстномъ случаѣ высказался въ этомъ смыслѣ. Примѣч. Бисмарка.

[4]) 4-го октября.

О томъ, какого рода было бы это «безпристрастное вмѣшательство», графъ Бейстъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія: mitiger les exigences du vainqueur, adoucir l'amertume des sentiments qui doivent accabler le vaincu [1]). Едва-ли такой прекрасный знатокъ французской исторіи и французскаго національнаго характера, какъ графъ Бейстъ, могъ думать, что послѣ испытаннаго ими пораженія французы могли бы питать къ намъ менѣе озлобленія, если бы нейтральныя державы заставили насъ удовольствоваться болѣе незначительными результатами.

Вмѣшательство державъ могло имѣть цѣлью только урѣзать намъ, нѣмцамъ, на конгрессѣ цѣну побѣды. Эта опасность волновала меня день и ночь и возбудила во мнѣ желаніе ускорить заключеніе мира, чтобы имѣть возможность сдѣлать это безъ вмѣшательства нейтральныхъ державъ. Зная, первенствующую роль которую играетъ во Франціи столица, можно было предсказать, что намъ это не удастся до тѣхъ поръ, пока мы не возьмемъ Парижа. До тѣхъ поръ покуда Парижъ держался, руководящія сферы въ Турѣ и Бордо и провинціяхъ врядъ-ли перестали бы питать надежду на перемѣну счастья, которое могло наступить вслѣдствіе новыхъ levées en masse, какъ это было въ сраженіи при Лизенѣ (Lisaine), или вслѣдствіе того, что «Европа была бы наконецъ найдена» или отъ тумана, какой нагоняли при дворѣ на умы нѣмцевъ, т. е. собственно нѣмецкихъ дамъ, англійскія или, лучше сказать, западныя громкія слова: «цивилизація, гуманность»,—до тѣхъ поръ иностранныя державы, черпавшія свои свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи болѣе изъ французскихъ, нежели изъ нѣмецкихъ донесеній, имѣли возможность оказать французамъ содѣйствіе при заключеніи мира. Поэтому моя задача состояла въ томъ, чтобы окончить войну съ Франціей прежде, нежели нейтральныя державы пришли бы къ соглашенію относительно воздѣйствія на насъ въ интересахъ мира, подобно тому какъ въ 1866 г. намъ было необходимо заключить миръ съ Австріей прежде, нежели Франція успѣла бы воздѣйствовать на южно-германскія государства.

Нельзя было сказать, какое рѣшеніе было бы принято въ Вѣнѣ и во Флоренціи, если бы при Вёртѣ, Спихернѣ, Марсъ-ля-Турѣ успѣхъ оказался на сторонѣ французовъ, и если бы мы одержали менѣе блистательныя побѣды. Во время помянутыхъ сраженій меня посѣщали италіанскіе республиканцы, которые были убѣждены, что король Викторъ Эммануилъ былъ намѣренъ помочь императору Наполеону; они желали помѣшать этому, опасаясь, чтобы осуществленіе этихъ намѣреній не повело къ усиленію обидной для ихъ національнаго чувства

[1]) Умѣрить требованія побѣдителя, облегчить горечь тѣхъ чувствъ, которыя должны удручать побѣжденнаго. Депеша графу Хотену отъ 12-го октября, Бейстъ, II, 397.

зависимости Италіи отъ Франціи. Еще въ 1868 и 1869 г.г. мнѣ приходилось выслушивать отъ италіанцевъ, принадлежавшихъ не только къ республиканскому лагерю, подобныя враждебныя Франціи выходки, въ коихъ рѣзко обнаруживалось ихъ неудовольствіе по поводу первенствующей роли этой державы. Я говорилъ господамъ италіанцамъ въ то время и впослѣдствіи въ Гомбургѣ (въ Пфальцѣ), во время движенія нашихъ войскъ во Францію, у насъ не было никакихъ доказательствъ, чтобы, италіанскій король намѣревался простереть свою дружбу къ Наполеону до того, чтобы напасть на Пруссію; совѣсть не позволяла мнѣ взять на себя инціативу разрыва, который послужилъ бы для Италіи оправданіемъ и предлогомъ относиться къ намъ враждебно. Если бы разрывъ произошелъ по винѣ Виктора Эммануила, то республиканскія стремленія тѣхъ подданныхъ его, которые не одобряли подобной политики, не помѣшали бы мнѣ совѣтовать королю, моему монарху, поддержать недовольныхъ италіанцевъ деньгами и оружіемъ, въ которомъ они нуждались. Я считалъ войну, таковую, какъ она была, слишкомъ серьезной и опасной, чтобы, въ случаѣ сомнительнаго оборота дѣлъ, не воспользоваться чьимъ бы то ни было содѣйствіемъ, такъ какъ отъ этой войны зависѣла не только наша національная будущность, но и наше государственное существованіе.

Если бы было необходимо предупредить наше пораженіе и защитить нашу національную самостоятельность, то я счелъ бы возможнымъ воспользоваться услугами италіанскихъ республиканцевъ, точно такъ же, какъ въ 1866 г., послѣ полученія телеграммы Наполеона, посланной 4-го іюля, и въ случаѣ его вмѣшательства, я не задумался бы прибѣгнуть къ содѣйствію возстанія въ Венгріи. Вожделѣнія италіанскаго короля и графа Бейста, смолкнувшія послѣ нашихъ первыхъ блистательныхъ побѣдъ, могли возродиться, если бы мы простояли слишкомъ долго передъ Парижемъ, тѣмъ болѣе, что мы никоимъ образомъ не могли разсчитывать, что столь для насъ важный факторъ, какъ руководящія сферы Англіи, отнесутся къ намъ съ симпатіей, на которую можно было бы вполнѣ положиться и которая проявилась бы хотя дипломатическимъ путемъ.

Въ Россіи, нѣкоторымъ ручательствомъ служило намъ чувство дружескаго расположенія императора Александра II къ своему дядѣ и антипатіи, съ какимъ онъ относился къ Франціи, но оно значительно уменьшалось французоманіей князя Горчакова и его соперничествомъ со мною. Въ виду этого, судьба благопріятствовала намъ въ томъ, что положеніе дѣлъ давало намъ возможность оказать Россіи услугу относительно Чернаго моря. Подобно тому, какъ неудовольствіе русскаго двора по поводу упраздненія ганноверскаго престола, вызванное родственными связями, которыя имѣла въ Россіи королева Марія, было

смягчено территоріальными и финансовыми уступками, сдѣланными въ 1866 г. родственникамъ русской царствующей династіи въ Ольденбургѣ, такъ точно и въ 1870 г. представилась возможность оказать услугу не только царствующей династіи, но и всему русскому государству относительно безразсудныхъ, съ политической точки зрѣнія, и поэтому недолговѣчныхъ постановленій, коими было ограничено право Россіи свободнаго пользованія берегами Чернаго моря. Это было самое неудачное постановленіе Парижскаго трактата; немыслимо долгое время препятствовать стомилліонному народу пользоваться естественнымъ правомъ верховнаго владычества надъ его собственными берегами. Пользованіе тѣми правами, какія были предоставлены въ Россіи иностраннымъ государствамъ, было для великой державы въ концѣ концовъ невыносимымъ униженіемъ. Это была въ нашихъ рукахъ заручка для поддержанія добрыхъ отношеній къ Россіи.

На предложеніе, сдѣланное мною въ этомъ смыслѣ князю Горчакову, съ цѣлью узнать его мнѣніе, онъ отозвался крайне неохотно. Его личное недоброжелательство было сильнѣе сознанія его долга передъ Россіей. Онъ не хотѣлъ принять отъ насъ никакого одолженія, онъ хотѣлъ отчужденія Россіи отъ Германіи и благодарности со стороны Франціи. Для того, чтобы мое предложеніе было принято въ Петербургѣ, мнѣ пришлось обратиться къ содѣйствію честнаго и всегда доброжелательнаго къ намъ русскаго военноуполномоченнаго, графа Кутузова. Съ моей стороны не будетъ несправедливостью по отношенію къ князю Горчакову, если я скажу, основываясь на нашихъ сношеніяхъ съ нимъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, что его личное соперничество со мною имѣло въ его глазахъ гораздо болѣе значенія, нежели интересы Россіи: его тщеславіе и зависть, по отношенію ко мнѣ, были сильнѣе его патріотизма.

Весьма характеристичны для болѣзненнаго тщеславія Горчакова нѣкоторыя фразы, вырвавшіяся у него случайно въ разговорѣ со мною, во время его пребыванія въ Берлинѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1876 г. Онъ говорилъ о своемъ утомленіи и о желаніи выйти въ отставку и сказалъ: «Je ne puis cependant me présenter devant Saint-Pierre au ciel sans avoir présidé la moindre chose en Europe» [1]). Я предложилъ ему послѣ этого предсѣдательствовать на конференціи дипломатовъ, которая имѣла только оффиціозный характеръ, на что онъ изъявилъ согласіе. Не будучи ничѣмъ занятъ въ то время, когда онъ произносилъ, какъ предсѣдательствующій на этой конференціи, длинную рѣчь, я написалъ, слушая ее, карандашемъ на листкѣ бумаги: pompons, pompo.

[1]) Не могу же я явиться на небо Святому Петру, нигдѣ не предсѣдательствовавъ ни разу въ Европѣ

pomp, pom, po. Мой сосѣдъ, лордъ Одо Руссель, выхватилъ у меня этотъ листокъ и спряталъ его.

Въ продолженіе того же разговора Горчаковъ сказалъ слѣдующее: «Si je me retire, je ne veux pas m'éteindre comme une lampe qui file, je veux me coucher comme un astre» [1]). Судя по этимъ выраженіямъ, не удивительно, что онъ не былъ удовлетворенъ своимъ участіемъ въ Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 г., на который императоръ назначилъ главнымъ уполномоченнымъ не его, а графа Шувалова, такъ что право голоса со стороны Россіи принадлежало ему, а не князю Горчакову.

Горчаковъ самъ настоялъ у императора на своемъ назначеніи членомъ конгресса; это удалось ему благодаря тому, что въ Россіи принято оказывать особое уваженіе заслуженнымъ государственнымъ дѣятелямъ, занимавшимъ высшія должности. Онъ старался на конгрессѣ, чтобы уступки, сдѣланныя Россіей, не повліяли, по возможности, на его популярность въ отечествѣ, въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей»; поэтому, подъ предлогомъ болѣзни, онъ не принималъ участія въ тѣхъ засѣданіяхъ конгресса, на которыхъ обсуждался вопросъ о подобныхъ уступкахъ, въ которыхъ стояли на очереди подобные вопросы, но при этомъ старался, чтобы его видѣли здоровымъ въ окнахъ квартиры, которую онъ занималъ въ нижнемъ этажѣ Подъ Липами. Ему хотѣлось сказать впослѣдствіи передъ русскимъ «обществомъ», что онъ не виноватъ въ уступкахъ, сдѣланныхъ Россіей: недостойный эгоизмъ въ ущербъ своей странѣ.

Кромѣ того, миръ, заключенный Россіей, и послѣ конгресса былъ одинъ изъ самыхъ выгодныхъ, если не безусловно самый выгодный изъ всѣхъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ ею когда-либо по окончаніи войны съ Турціей. Непосредственныя пріобрѣтенія были сдѣланы Россіей въ Малой Азіи: Батумъ, Карсъ и т. д., а если Россія дѣйствительно находила согласнымъ съ своими интересами освободить отъ турецкаго ига Балканскія государства, исповѣдывавшія греческую религію, то и въ этомъ отношеніи война имѣла результатомъ преуспѣяніе православнаго элемента и весьма значительное уменьшеніе турецкаго владычества. Разница между предварительными, Игнатьевскими условіями мира, заключеннаго въ Санъ-Стефано, и тѣми, которыя были выработаны конгрессомъ, была незначительна съ политической точки зрѣнія; это доказала легкость, съ которою Южная Болгарія отпала отъ Турціи и была присоединена къ Сѣверной Болгаріи. Даже и помимо этого, всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіей въ эту войну и присужденныя ей конгрессомъ, были блестящѣе тѣхъ, которыя были утверждены вначалѣ.

Во время Берлинскаго конгресса, нельзя было предвидѣть, что, от-

[1]) Если я выйду въ отставку, я не хочу угаснуть, какъ лампа, которая мерцаетъ, я хочу закатиться, какъ свѣтило.

давая Болгарію племяннику русской государыни, принцу Баттенбергу, Россія тѣмъ самымъ отдаетъ ее въ ненадежныя руки. Принцъ Баттенбергскій былъ русскимъ кандидатомъ на болгарскій престолъ; въ виду его родственныхъ отношеній къ императорскому дому, можно было предполагать, что отношенія эти будутъ прочны и продолжительны. Императоръ Александръ III объяснилъ измѣну своего двоюроднаго брата его польскимъ происхожденіемъ: «Польская мать» было его первое восклицаніе, когда онъ узналъ, что его двоюродный братъ своимъ поведеніемъ обманулъ его ожиданія.

Негодованіе Россіи, по поводу результата Берлинскаго конгресса, было явленіемъ, противорѣчащимъ всякой справедливости и здравому смыслу и возможнымъ только при столь мало доступной народу прессѣ, какова была русская пресса въ вопросахъ внѣшней политики и при давленіи, которое легко можетъ быть оказано на нее. Вліяніе, которое имѣлъ въ Россіи Горчаковъ, подстрекаемый злобою и завистью къ своему бывшему сотруднику, германскому имперскому канцлеру, и поддерживаемый своими французскими единомышленниками, было достаточно сильно, чтобы пустить въ русской прессѣ, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, нотку негодованія по поводу того ущерба, который Россія потерпѣла на Берлинскомъ конгрессѣ, вслѣдствіе коварства Германіи. Между тѣмъ, на Берлинскомъ конгрессѣ Россіей не было выражено ни одного желанія, которое не было бы поддержано и проведено Германіей, иной разъ путемъ энергическаго воздѣйствія на перваго министра Англіи, хотя послѣдній былъ боленъ и лежалъ въ постели. Вмѣсто того, чтобы быть признательнымъ за это, нашли болѣе соотвѣтствующимъ цѣлямъ русской политики поработать подъ руководствомъ пресыщеннаго жизнью, но все еще до болѣзненности тщеславнаго князя Горчакова и «Московскихъ Вѣдомостей», надъ дальнѣйшимъ отчужденіемъ Россіи и Германіи, что̀ не соотвѣтствовало интересамъ ни той, ни другой изъ этихъ великихъ сосѣднихъ державъ. Намъ нечего завидовать другъ другу и нечего пріобрѣтать другъ у друга, въ чемъ бы мы могли имѣть надобность. Нашимъ взаимнымъ отношеніямъ могутъ повредить только личное недоброжелательство, какое существовало напр. у Горчакова и какое питаютъ къ намъ въ Россіи лица высшаго военнаго круга, преклоняющіяся передъ всѣмъ французскимъ, или неудовольствіе между монархами, подобно тому, которое возникло напримѣръ передъ Семилѣтней войною, вслѣдствіе язвительныхъ замѣчаній Фридриха Великаго относительно русской императрицы. Поэтому личныя отношенія, существующія между монархами обѣихъ странъ, имѣютъ огромное значеніе для мирныхъ отношеній этихъ двухъ сосѣднихъ государствъ, которыя не могутъ быть нарушены столкновеніемъ ихъ интересовъ; поводомъ къ столкно-

венію могутъ послужить только личныя неудовольствія руководящихъ ими государственныхъ людей.

Подчиненные Горчакова по министерству говорили о немъ: «Il se mire dans son encrier» [1]). Большая часть горчаковскихъ депешъ, и при томъ самыя содержательныя писаны не имъ, а Жомини, весьма искуснымъ редакторомъ. Онъ былъ сынъ одного швейцарскаго генерала, принятаго на русскую службу императоромъ Александромъ. Въ депешахъ, писанныхъ подъ диктовку Горчакова, было болѣе риторическаго краснорѣчія, тогда какъ депеши Жомини имѣли болѣе практическій характеръ. Диктуя, онъ имѣлъ обыкновеніе принимать извѣстную позу, сказавъ предварительно: «écrivez!» [2]) и если писавшій подъ диктовку понималъ свою обязанность какъ должно, то ему слѣдовало, при особенно хорошо округленныхъ фразахъ, бросить удивленный взглядъ на своего начальника, который былъ къ этому весьма чувствителенъ. Горчаковъ владѣлъ съ одинаковымъ совершенствомъ русскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ языками.

Графъ Кутузовъ былъ генералъ честный и честолюбивый. Въ началѣ, благодаря своей знаменитой фамиліи, онъ занималъ въ Петербургѣ видное положеніе, служа въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку; но не пользовался благоволеніемъ императора Николая; и когда государь, какъ мнѣ разсказывали въ Петербургѣ, закричалъ ему однажды во фронтѣ: «Кутузовъ, ты не умѣешь ѣздить, я переведу тебя въ пѣхоту», то онъ вышелъ въ отставку и вступилъ въ ряды войска только въ Крымскую кампанію, занимая незначительную должность; въ царствованіе Александра II онъ продолжалъ службу въ арміи и, наконецъ, былъ назначенъ военно-уполномоченнымъ въ Берлинъ, гдѣ своей честностью и добродушіемъ пріобрѣлъ немало друзей. Въ франко-прусскую войну онъ сопровождалъ короля прусскаго въ качествѣ русскаго флигель-адъютанта; быть можетъ, несправедливая оцѣнка его кавалерійскихъ способностей, сдѣланная императоромъ Николаемъ, повліяла на него, задѣвъ его самолюбіе, такъ что онъ совершалъ впослѣдствіи за королемъ и его свитою всѣ переѣзды верхомъ, проѣзжая нерѣдко верстъ 50—70 въ день. О его добродушіи и простотѣ свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, бывшій на охотѣ въ Вустергаузенѣ. Онъ разсказывалъ однажды въ присутствіи короля, что его предки происходили изъ принадлежащей нѣкогда Пруссіи части Литвы и перешли въ Россію, подъ именемъ Куту, на что графъ Фрицъ Эйленбургъ замѣтилъ, съ обычнымъ своимъ остроуміемъ: «Послѣдній слогъ: s o f f [3]) вы пріо-

[1]) Онъ любуется собою, смотрясь въ чернильницу.
[2]) Пишите.
[3]) Пьянство.

брѣли, слѣдовательно, въ Россіи»,—всеобщій взрывъ хохота, въ которомъ принялъ искреннее участіе самъ Кутузовъ.

Помимо весьма добросовѣстныхъ сообщеній, которыя посылалъ въ Россію этотъ почтенный генералъ, великій герцогъ Саксонскій велъ собственноручно правильную переписку съ императоромъ Александромъ II и сообщалъ ему самыя вѣрныя свѣдѣнія. Великій герцогъ относился ко мнѣ всегда чрезвычайно благосклонно и былъ въ Петербургѣ посредникомъ дружественныхъ отношеній между обоими кабинетами.

Возможность европейскаго вмѣшательства была для меня источникомъ тревоги и возбуждала мое нетерпѣніе, по поводу затянувшейся осады. Въ такомъ положеніи, каково было наше подъ Парижемъ, при наилучшихъ предводителяхъ войска и величайшей его храбрости, въ военное время всегда возможна перемѣна счастья вслѣдствіе всевозможныхъ случайностей; наше положеніе между сильною численностью арміей осажденныхъ и военными силами, находившимися въ провинціи, за численностью и мѣстомъ нахожденія которыхъ трудно было услѣдить, представляло богатое поле для таковыхъ случайностей, хотя подъ Парижемъ наши войска и были ограждены съ запада, съ сѣвера и съ востока Франціи. Не было никакой возможности предвидѣть, какъ подѣйствуютъ на здоровье нѣмецкихъ войскъ тягости необычайно суровой зимы. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, нельзя сказать, чтобы съ моей стороны было пустымъ страхомъ, если меня мучила во время безсонныхъ ночей забота о томъ, что послѣ столь крупныхъ побѣдъ наши политическіе интересы могли серьезно пострадать, вслѣдствіе слишкомъ медленнаго хода нашихъ военныхъ дѣйствій подъ Парижемъ. Приближалась историческая развязка вѣковой борьбы, происходившей между сосѣдними народами, и можно было опасаться, что она будетъ зависѣть отъ личнаго, преимущественно женскаго вліянія сильнаго не политическими соображеніями, а тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производятъ до сихъ поръ на нѣмецкіе умы слова «гуманность и цивилизація», занесенныя къ намъ изъ Англіи; во время Крымской войны намъ также проповѣдывали изъ Англіи, что мы обязаны поднять оружіе за турокъ, ради «спасенія цивилизаціи».

Наиболѣе важные въ 1870 г. вопросы можно было обсуждать, какъ вопросы чисто военные, и ухватиться за этотъ предлогъ, чтобы лишить меня права участвовать въ обсужденіи ихъ; между тѣмъ отъ того или иного рѣшенія этихъ вопросовъ зависѣла возможность дипломатическихъ переговоровъ и, ежели бы результатъ франко-прусской войны былъ менѣе благопріятенъ для Германіи, то эта большая война съ ея побѣдами и воодушевленіемъ народа не имѣла бы тѣхъ послѣдствій, какія она могла имѣть для нашего національнаго объединенія.

Я всегда былъ увѣренъ, что побѣда надъ Франціей должна была предшествовать возстановленію нѣмецкой имперіи и если бы намъ не удалось довести ее этотъ разъ до желаемаго конца, то намъ предстояло бы еще разъ воевать прежде, нежели мы могли бы довершить наше объединеніе.

Нельзя предположить, чтобы остальные генералы, руководствуясь чисто военной точкою зрѣнія, могли быть несогласны съ Роономъ; наше положеніе между превосходившей насъ численностью арміей осажденныхъ и французскими войсками, находившимися въ провинціи, было опасно съ стратегической точки зрѣнія; трудно было разсчитывать, что намъ удастся сохранить его, если бы мы не воспользовались имъ какъ базисомъ, для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Желаніе какъ можно скорѣе покончить войну было также сильно въ военныхъ кругахъ въ Версалѣ, какъ тревога, которую испытывали въ Германіи по поводу медленнаго хода осады. Не принимая даже въ разсчетъ возможности заболѣваній и непредвидѣннаго отступленія, вслѣдствіе какого-нибудь несчастія или понесенной нами неудачи, невольно приходилъ на умъ рядъ мыслей, которыя меня тревожили, и возникалъ вопросъ, не будетъ ли поколеблено впечатлѣніе, произведенное на политическій міръ и на нейтральныя державы нашими быстрыми и славными побѣдами, нашимъ кажущимся бездѣйствіемъ и слабостью подъ Парижемъ, и не ослабнетъ ли воодушевленіе, подъ вліяніемъ котораго, какъ въ горнилѣ, могло быть отлито наше національное единство.

Сраженія подъ Орлеаномъ и Дижономъ были для насъ побѣдоносны, благодаря геройской храбрости войскъ, на которой не всегда можно основывать стратегическіе разсчеты. При одной мысли, что подъемъ духа, благодаря которому наше болѣе малочисленное войско, несмотря на снѣгъ, морозъ и недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, одержало побѣду надъ превосходной численностью французской арміей, могъ быть парализованъ какой-либо случайностью,—каждый начальникъ, полагающійся не на однѣ только счастливыя случайности, долженъ былъ придти къ убѣжденію, что намъ слѣдовало прекратить, какъ можно скорѣе, наше неопредѣленное положеніе, ускоривъ бомбардировку Парижа.

Но для этого намъ не доставало, какъ и въ іюлѣ 1866 г. передъ Флоридсдорфскими линіями, повелѣнія и осадныхъ орудій; ихъ доставка не шла вровень съ успѣхами нашего войска; наши желѣзнодорожныя средства оказались недостаточны въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ линія была повреждена или совершенно уничтожена, какъ близъ Ланьи.

Во всякомъ случаѣ, при помощи бывшаго въ нашемъ распоряженіи желѣзнодорожнаго парка, можно было подвезти тяжелыя орудія и тя-

желые снаряды, безъ которыхъ нельзя было начать бомбардировку, гораздо скорѣе, нежели это было сдѣлано. Но, какъ говорили мнѣ служащіе, до 1.500 подводъ были нагружены провіантомъ для подачи, какъ можно скорѣе, помощи парижанамъ, когда они сдадутся, и эти 1.500 подводъ не могли быть употреблены для перевозки орудій. Парижане отказались впослѣдствіи взять свиное сало, коимъ были нагружены эти подводы, и оно было передано, уже послѣ моего отъѣзда изъ Франціи, нашимъ войскамъ и употреблено ими въ пищу съ отвращеніемъ, такъ какъ оно пролежало слишкомъ долго въ складахъ.

Такъ какъ приступить къ бомбардировкѣ нельзя было до тѣхъ поръ, пока мы не имѣли наготовѣ необходимаго количества снарядовъ, чтобы производить ее дѣятельно и непрерывно, то, за непмѣніемъ желѣзнодорожнаго подвижнаго состава, приходилось пріобрѣсти довольно большое количество запряжекъ, а для этого требовалось израсходовать цѣлый милліонъ. Мнѣ не понятно, чтобы въ этомъ случаѣ могло возникнуть малѣйшее колебаніе, коль скоро это было необходимо для военныхъ цѣлей. Я считалъ большимъ шагомъ впередъ, когда Роонъ, нервно измученный и истомленный, сообщилъ мнѣ однажды, что на него лично возложена отвѣтственность и что ему предложили вопросъ, полагаетъ ли онъ возможнымъ доставить орудія въ непродолжительномъ времени; онъ выразилъ при этомъ сомнѣніе, можно ли это будетъ исполнить. Я просилъ его тотчасъ приступить къ выполненію возложенной на него задачи и выразилъ готовность выдать какую бы то ни было потребную для этого сумму денегъ изъ союзной кассы, если ему надобно будетъ купить тѣ 4.000 лошадей, которыя по его приблизительному разсчету были нужны для подвоза орудій. Онъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія; бомбардировка Монтъ Аврона, которой ожидали въ нашемъ лагерѣ съ такимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ и которая была встрѣчена съ такою радостью, была результатомъ оборота дѣла, которому мы были обязаны, главнымъ образомъ, Роону. Въ дѣлѣ перевозки и установки орудій ему оказалъ съ величайшей готовностью помощь князь Крафтъ Гогенлоэ.

Если задать себѣ вопросъ, что̀ заставляло прочихъ генераловъ оспаривать мнѣніе Роона, то трудно будетъ подыскать основательную причину медленности, съ какою принимались мѣры, которыя были осуществлены въ концѣ года. Дѣйствовать медленно было неблагоразумно и опасно съ военной и съ политической точки зрѣнія, а быстрое и энергическое веденіе войны до осады Парижа доказываетъ, что причину этого промедленія слѣдовало искать въ чемъ-нибудь другомъ, а не въ нерѣшительности нашего военнаго начальства. Мысль, что Парижъ нельзя было штурмовать какъ всякую иную крѣпость, хотя онъ и былъ укрѣпленъ и представлялъ для непріятеля самый

сильный бульверкъ, дошла въ нашъ лагерь изъ Англіи окольнымъ путемъ черезъ Берлинъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ «Мекка цивилизаціи» и съ другими словами, употребительными въ общественномъ кодексѣ Англіи и выражающими гуманныя чувства, проявленія которыхъ на дѣлѣ Англія ожидаетъ отъ прочихъ державъ, но которыя она сама далеко не всегда выказываетъ по отношенію къ своимъ противникамъ. Нашимъ руководящимъ сферамъ была внушена изъ Лондона мысль, что Парижъ слѣдовало принудить къ сдачѣ не бомбардировкою, а голодомъ. Насколько послѣднее средство болѣе человѣчно, объ этомъ можно еще поспорить; не извѣстно также, обнаружились ли бы всѣ ужасы коммуны, если бы голодъ не подготовилъ дикаго проявленія анархіи. Не будемъ также доискиваться, руководили ли Англіей одни гуманныя чувства, когда она ратовала за вымореніе осажденныхъ голодомъ, и не имѣла ли она при этомъ также политическихъ разсчетовъ. Англіи не было ни съ экономической, ни съ политической точки зрѣнія, ни малѣйшей надобности оберегать насъ или Францію отъ убытка и ослабленія, которое могла причинить намъ война. Во всякомъ случаѣ затянувшаяся слишкомъ долго осада и самая война увеличивали опасность, что плоды нашихъ побѣдъ будутъ уменьшены. Конфиденціальныя свѣдѣнія, получаемыя мною изъ Берлина, свидѣтельствовали, что пріостановка военныхъ дѣйствій возбуждала въ компетентныхъ кругахъ тревогу и недовольство, и что поговаривали, будто королева Августа вліяетъ на своего августѣйшаго супруга, въ своихъ письмахъ, совѣтуя ему быть гуманнымъ. Когда я намекнулъ королю на подобные слухи, то это вызвало съ его стороны бурный взрывъ гнѣва; онъ не сказалъ, что эти слухи неосновательны, но рѣзко воспретилъ высказывать подобное неудовольствіе противъ королевы.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что всякое измѣненіе въ ходѣ военныхъ дѣйствій дѣлалось большею частью не по иниціативѣ короля, а главнаго штаба арміи или главнокомандующаго войсками кронпринца. Весьма естественно, что этотъ кругъ былъ доступенъ англійскому вліянію, которое высказывалось въ дружественной формѣ: кронпринцесса, покойная супруга Мольтке, супруга начальника главнаго штаба, впослѣдствіи фельдмаршала, графа Блументаля и супруга старшаго въ то время штабнаго офицера фонъ-Готтберга были англичанки по происхожденію.

Причины, вслѣдствіе которыхъ осада Парижа затянулась и которыя свѣдущіе люди обходятъ молчаніемъ, сдѣлались предметомъ обсужденія въ печати послѣ обнародованія въ 1891 г. въ «Deutsche Revue» бумагъ графа Роона [1]). Въ статьяхъ, появившихся въ опроверженіе

[1]) Отдѣльное изданіе, т. III[4]. 243.

всего изложеннаго Роономъ, умалчивается о вліяніи Берлина и Англіи, а равно и о томъ фактѣ, что 800, а по другимъ свѣдѣніямъ 1.500 воловъ стояли въ теченіе нѣсколькихъ недѣль нагруженные съѣстными припасами; всѣ эти статьи, за исключеніемъ одной анонимной газетной статьи, обходятъ также молчаніемъ вопросъ, позаботилось ли военное начальство своевременно о доставкѣ осадныхъ орудій. Я не нашелъ нужнымъ что-либо измѣнить въ моихъ предъидущихъ замѣткахъ, написанныхъ до появленія означенныхъ статей въ «Deutsche Revue» [1]).

[1]) Плодомъ войны было в о с т а н о в л е н і е и м п е р а т о р с к а г о т и т у л а и основаніе Германской имперіи, объявшей собою всѣ германскія государства на началахъ федеративнаго союза. Описанію борьбы, которую Бисмарку пришлось вынести, чтобы принудить короля принять этотъ титулъ, посвящены слѣдующія страницы его воспоминаній, которыя мы передаемъ болѣе сжато, опуская подробности и соображенія, представляющія интересъ исключительно для нѣмецкой публики. (См. также: Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen v. Kohl).

Бисмаркъ зналъ, какое обаяніе имѣлъ для нѣмцевъ титулъ императора, напоминавшій имъ былое величіе, и считалъ принятіе этого титула королемъ прусскимъ, одновременно съ увеличеніемъ сѣверо-германскаго союза, политической необходимостью. Король Вильгельмъ былъ противъ этого и въ силу своихъ династическихъ чувствъ желалъ гораздо болѣе возвысить значеніе Прусскаго королевства, а кронпринцъ подчинялся вліянію политическихъ мечтателей, опасавшихся, что вмѣстѣ съ принятіемъ императорскаго титула придется возвратиться къ преданіямъ „римской имперіи“ съ ея антинаціональной политикой; поэтому онъ выражалъ желаніе, чтобы титулъ короля прусскаго былъ замѣненъ титуломъ „короля Германіи“, которому были бы подчинены всѣ прочіе владѣтельные князья и короли, лишившись своихъ королевскихъ и княжескихъ титуловъ. Бисмарку пришлось довольно долго бороться противъ взглядовъ короля и кронпринца. Нельзя сказать, осталась ли бы побѣда на его сторонѣ, и удалось ли бы ему осуществить идею объ объединеніи Германіи, если бы онъ не обратился за содѣйствіемъ къ баварскому королю. Бисмаркъ послалъ ему съ графомъ Голштейномъ черновикъ письма къ королю прусскому, въ которомъ баварскій король заявлялъ, что онъ можетъ сдѣлать обѣщанныя, но еще не ратифицированныя уступки только германскому императору, а не королю прусскому. Это письмо баварскаго короля было для Бисмарка сильнымъ аргументомъ, чтобы побѣдить упорство короля. Новое препятствіе возникло въ желаніи, выраженномъ королемъ называться не просто германскимъ императоромъ, а императоромъ Германіи. Король не соглашался ни на какіе доводы Бисмарка, доказывавшаго, что этотъ титулъ, подъ которымъ подразумѣвалось бы право короля на владѣніе всѣми нѣмецкими землями помимо Пруссіи, фактически не могъ быть допущенъ; еще 17-го января 1871 г. король заявилъ свою волю принять только титулъ императора Германіи. Великій герцогъ Баденскій обошелъ это затрудненіе, провозгласивъ 18-го января Hoch и м п е р а т о р у Вильгельму, не упоминая подробнаго его титула. Императоръ выразилъ свое неудовольствіе Бисмарку тѣмъ, что въ день провозглашенія императоромъ, чѣмъ онъ былъ въ значительной степени обязанъ дѣятельности своего перваго министра, онъ не подалъ ему руки, а протянулъ ее генераламъ, стоявшимъ позади канцлера. В. В.

XXIII.

Попытка заручиться содѣйствіемъ папы не удается.—Подарокъ Виктора-Эммануила.—Надежды, которыя возлагала римская курія на побѣду Франціи.—Взглядъ Бисмарка на возстановленіе монархіи во Франціи.—Приверженность императрицы Августы къ католицизму.—Комедія, разыгранная Гонто-Бироном и княземъ Горчаковымъ въ 1875 г.—Тщеславіе князя Горчакова.—Отзывъ о немъ императора Александра II.—Вліяніе князя Горчакова на переписку императора.—Письмо Бисмарка къ императору Вильгельму отъ 13-го августа 1875 г.

Съ 5-го по 9-е ноября (1870 г.) я велъ въ Версалѣ переговоры съ графомъ Ледоховскимъ, архіепископомъ Познанскимъ и Гнезенскимъ, которые касались территоріальныхъ интересовъ папскаго престола. По поговоркѣ: «рука руку моетъ», я предложилъ ему, въ доказательство дружественныхъ отношеній, существовавшихъ между нами и папою, повліять на французское духовенство и склонить его содѣйствовать заключенію мира, такъ какъ меня все еще тревожила мысль, что вмѣшательство нейтральныхъ державъ могло уменьшить плоды нашихъ побѣдъ. Ледоховскій и архіепископъ Руанскій, кардиналъ Боннехозе, сдѣлали въ этомъ смыслѣ попытку съ цѣлью повліять на нѣкоторыхъ членовъ высшаго духовенства, но получили, по ихъ словамъ, холодный отказъ, изъ чего я заключилъ, что папа либо не имѣлъ достаточно власти, либо не хотѣлъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ.

Вначалѣ казалось, что если бы счастье измѣнило намъ на полѣ битвы, то самымъ опаснымъ изъ всѣхъ элементовъ, между которыми происходила борьба въ Италіи, былъ бы для насъ италіанскій король. Впослѣдствіи же, республиканская партія, руководимая Гарибальди, которая предлагала намъ въ началѣ войны поддержку въ томъ случаѣ, если бы король взялъ сторону Наполеона, показала себя на полѣ битвы какимъ-то театральнымъ, а не боевымъ войскомъ и оскорбляла своими дѣйствіями наши военные взгляды. Нѣчто среднее между этими двумя элементами составляли симпатіи, которыя образованный классъ въ Италіи питалъ къ стремленіямъ нѣмецкаго народа, и инстинктъ самого италіанскаго народа, который оказался настолько силенъ и практиченъ, что могъ заставить правительство заключить тройственный союзъ съ бывшимъ противникомъ Австріи. Принявъ открыто сторону папы и поддерживая его территоріальныя притязанія, мы были бы вынуждены порвать съ національной италіанской партіей. Обезпечило ли бы это намъ поддержку папы въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ и въ какой степени—еще подлежитъ сомнѣнію.

Въ самый разгаръ культуркампфа въ сентябрѣ (22—26) мѣсяц

1873 г. въ Берлинъ пріѣхалъ король Викторъ-Эммануилъ [1]). Я узналъ чрезъ г. Кейделя, что король заказалъ для меня осыпанную брильянтами табакерку, стоимостью въ 50—60.000 франковъ, что̀ превышало въ шесть или восемь разъ стоимость обычныхъ, въ такихъ случаяхъ, подарковъ, и поручилъ графу Лонэ (Launay) передать ее мнѣ отъ его имени. Я узналъ также, что Лонэ показывалъ эту табакерку и говорилъ о ея стоимости жившему въ сосѣднемъ съ нимъ домѣ баварскому посланнику барону Перглеръ фонъ-Пергласъ, который былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ нашими противниками по культуркампфу. Значительная стоимость предназначеннаго мнѣ подарка могла, слѣдовательно, подать поводъ видѣть въ этомъ нѣкоторую связь съ сближеніемъ Италіи съ Германской имперіей, о которомъ хлопоталъ въ то время италіанскій король. Когда я высказалъ императору свое сомнѣніе по поводу того, удобно ли мнѣ было принять этотъ подарокъ, то онъ вообразилъ сначала, что я считалъ для себя унизительнымъ принять табакерку съ портретомъ короля, и это было въ его глазахъ нарушеніемъ традицій, къ которымъ онъ привыкъ.

— Я не подумалъ бы отказаться отъ этого подарка,—сказалъ я,—если бы цѣнность его не представляла собою ничего выдающагося. Но въ данномъ случаѣ, при оцѣнкѣ этого факта, главную роль игралъ бы не портретъ монарха, а брильянты, которые могутъ быть проданы. Принимая во вниманіе положеніе, въ какомъ находится наша борьба съ католическимъ духовенствомъ, мнѣ надобно избѣгать всякаго повода къ клеветѣ, въ особенности при томъ, что фонъ-Пергласу извѣстна несоотвѣтственная обстоятельствамъ и слишкомъ высокая цѣнность табакерки, что̀, конечно, обратитъ на себя вниманіе общества.

Императоръ согласился съ моими доводами и окончилъ разговоръ словами:

— Вы правы, не принимайте табакерки [2]).

[1]) Съ цѣлью упрочить отношенія между Италіей и Пруссіей, ослабѣвшія послѣ событій 1866 г. Такъ какъ ультрамонтане, само-собою разумѣется, видѣли въ этомъ сближеніи Италіи съ Германской имперіей ударъ, нанесенный папѣ, то Бисмарку надобно было избѣгать всего, что̀ могло подать противникамъ поводъ къ гнусной клеветѣ. В. В.

[2]) Иначе смотрѣлъ на подарокъ въ видѣ табакерки, осыпанной брильянтами, князь Горчаковъ. Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ (1872 г.) его величество спросилъ меня: „Что бы мнѣ дать князю Горчакову? у него все есть, даже портретъ, не дать ли ему бюстъ или табакерку, осыпанную брильянтами?“ Я привелъ противъ табакерки нѣкоторыя соображенія, основанныя на положеніи и богатствѣ князя; императоръ согласился со мною. Затѣмъ я постарался въ откровенной бесѣдѣ узнать желаніе самого князя и услышалъ въ отвѣтъ: „Пусть онъ мнѣ дастъ хорошую табакерку съ хорошими, крупными камнями“. Я передалъ это его величеству и былъ нѣсколько сконфуженъ моимъ плохимъ знаніемъ людей; мы посмѣялись, и Горчаковъ получилъ табакерку. Примѣч. Бисмарка.

Когда я довелъ черезъ г. фонъ-Кейделя свой взглядъ до свѣдѣнія графа Лонэ, то табакерка была замѣнена весьма краспвымъ и схожимъ портретомъ короля съ слѣдующей собственноручной его подписью:

Al Principe Bismarck Berlino 26. Settembre 1873.
Affezionatissimo cugino
Vittorio Emanuele.

Но король все-таки пожелалъ дать мнѣ болѣе существенное доказательство своего благоволенія, замѣнивъ предположенный первоначально подарокъ другимъ предметомъ, одинаковой цѣнности, но не столь удобнымъ для продажи, и я получилъ, въ придачу къ лестной подписи подъ портретомъ, чрезвычайно большую и красивую алебастровую вазу, упаковка и перевозка которой доставила мнѣ не мало хлопотъ въ то время, когда мнѣ пришлось поспѣшно очистить казенную квартиру для моего преемника.

По моему мнѣнію, римская курія, точно такъ же, какъ большая часть политическихъ дѣятелей, считала, послѣ 1866 г., войну между Франціей и Германіей неизбѣжной и предполагала, что Пруссія будетъ побѣждена. Допуская вѣроятность этой войны, папа предполагалъ, конечно, что побѣда Франціи надъ протестантской Германіей дастъ ему возможность распространить свое вліяніе на внѣ-католическій міръ. Зная, какъ императорская Франція и императрица Евгенія въ особенности относились въ то время къ папѣ, было естественно предположить, что если бы французскія войска вступили побѣдоносно въ Берлинъ, то при заключеніи мира Франція не оставила бы безъ вниманія интересовъ католической церкви въ Пруссіи, точно такъ же, какъ русскій императоръ пользовался обыкновенно мирными договорами для того, чтобы оказать покровительство своимъ единовѣрцамъ на востокѣ. Весьма возможно, что папская власть нѣсколько усилилась бы послѣ побѣды Франціи и что развязка религіозной борьбы, которая, по мнѣнію католическихъ писателей, должна рѣшиться «на пескахъ бранденбургскаго маркграфства», приблизилась бы вслѣдствіе этого къ своему осуществленію. Желаніе императрицы Евгеніи, чтобы французская политика отличалась воинствующимъ духомъ, имѣло, по всей вѣроятности, нѣкоторую связь съ ея преданностью католической церкви и папѣ. Хотя требованія этой политики и личное отношеніе Людовика-Наполеона къ національному движенію, происходившему въ Италіи, не допускали, чтобы императоръ и императрица оказали папѣ какія-либо крупныя услуги Италіи, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ случаѣ побѣды французскихъ войскъ, императрица захотѣла бы доказать святому отцу чѣмъ-нибудь свою преданность и постаралась бы по мѣрѣ возможности

вознаградить его за ущербъ, нанесенный папскому престолу въ Италіи по винѣ Наполеона.

Если бы послѣ мира, заключеннаго во Франкфуртѣ [1]), во главѣ французскаго правительства, будь оно монархическое или республиканское, стояла католическая партія, то врядъ-ли удалось бы такъ долго избѣжать войны. Тогда можно было опасаться, что сосѣднія державы, съ которыми намъ предстояло вести войну, т. е. Франція и Австрія, сблизились бы на почвѣ католицизма и объявили бы намъ совмѣстно войну; а такъ какъ въ Германіи, точно такъ же, какъ въ Италіи, было весьма мало элементовъ, въ коихъ религіозное чувство преобладало надъ національнымъ, то это еще болѣе могло способствовать укрѣпленію союза этихъ двухъ католическихъ державъ. Трудно сказать, нашли ли бы мы союзниковъ для борьбы съ ними; во всякомъ случаѣ, Россія, присоединившись къ этимъ державамъ, могла обратить австро-франкскій дружественный союзъ въ могучую коалицію, какъ это случилось въ Семилѣтнюю войну, или могла бы держать насъ въ зависимости страхомъ, что подобная коалиція можетъ образоваться и такимъ образомъ произвести на насъ дипломатическое давленіе.

Въ случаѣ возстановленія католической монархіи во Франціи, въ ней усилилось бы желаніе отомстить намъ въ союзѣ съ Австріей. Поэтому, я находилъ, что содѣйствовать возстановленію въ этой странѣ монархической власти было несовмѣстно съ интересами Германіи и съ нашимъ желаніемъ упрочить миръ, и мнѣ пришлось вступить въ борьбу съ защитниками идеи возстановленія французской монархіи. Это разногласіе во взглядахъ отразилось на моихъ личныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему французскому посланнику Гонто-Бирону и къ нашему, въ то время, посланнику въ Парижѣ, графу Гарри Арниму. Первый дѣйствовалъ въ духѣ легитимистско-католической партіи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію; послѣдній разсчитывалъ на легитимистскія симпатіи императора, чтобы уронить въ его глазахъ мою политику и сдѣлаться моимъ преемникомъ. Гонто, ловкій и свѣтскій дипломатъ, потомокъ стариннаго рода, нашелъ поддержку въ лицѣ императрицы Августы, съ одной стороны вслѣдствіе ея симпатіи къ католикамъ и къ центру, съ которымъ правительство вело борьбу, а съ другой—вслѣдствіе того, что онъ былъ французъ—качество, имѣвшее при нѣмецкихъ дворахъ, во дни юности императрицы, когда еще не существовали желѣзныя дороги, такое обаяніе, какъ слово англичанинъ. Вся домашняя прислуга императрицы говорила по-французски, ея чтецъ,

[1]) Между Франціей и Германіей въ 1871 г. В. В.

французъ Жераръ [1]), былъ принятъ въ интимномъ кругу императорской фамиліи и былъ посвященъ въ тайны семейной переписки. Все иноземное, за исключеніемъ русскаго, имѣло для императрицы такую же притягательную силу, какъ для многихъ нѣмецкихъ провинціаловъ. При прежнихъ путяхъ сообщенія и продолжительности путешествій, всякій иностранецъ, въ особенности англичанинъ или французъ, считался при нѣмецкихъ дворахъ интереснымъ гостемъ; о положеніи, которое онъ занималъ на родинѣ, не справлялись; чтобы быть принятымъ ко двору, достаточно было пріѣхать издалека и быть иностранцемъ. По той же причинѣ, въ чисто протестантскихъ кружкахъ появленіе католика возбуждало тогда особый интересъ.

Во времена Фридриха-Вильгельма III, всякій католикъ считался интересной новинкой. Школьные товарищи относились къ нему безъ всякаго недоброжелательства и смотрѣли на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ на иноземный продуктъ; при этомъ казалось чрезвычайно интересно, что съ нимъ нельзя говорить о Варѳоломеевской ночи, о кострахъ и Тридцатилѣтней войнѣ.

Въ домѣ профессора Савиньи, женатаго на католичкѣ, дѣтямъ, съ наступленіемъ 14-ти-лѣтняго возраста, предоставлялся свободный выборъ вѣроисповѣданія; всѣ они приняли протестантскую религію отца, за исключеніемъ моего сверстника, бывшаго впослѣдствіи посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Во время нашего студенчества онъ говорилъ однажды о мотивахъ, которые руководили имъ при выборѣ религіи, и указалъ, между прочимъ, на сильное впечатлѣніе, производимое католическимъ богослуженіемъ; къ тому же быть католикомъ, по его словамъ, гораздо благороднѣе, «протестантомъ можетъ быть всякій глупый мальчишка».

Отношеніе къ католикамъ измѣнилось за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ вслѣдствіе того, что политическое и экономическое развитіе сблизило между собою всевозможныя народности не въ одной только Европѣ. Въ настоящее время одно названіе католика не возбуждаетъ болѣе уваженія въ берлинскихъ кружкахъ и не производитъ даже ни малѣйшаго впечатлѣнія. Одна императрица Августа осталась вѣрна впечатлѣніямъ, усвоеннымъ ею въ молодости. Духовное лицо католическаго вѣроисповѣданія было въ ея глазахъ чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, но

[1]) Принятый императрицею, вѣроятно, по рекомендаціи Гонто, онъ велъ дѣятельную переписку съ Гамбеттою, которая послѣ смерти послѣдняго попала въ руки г-жи Адамъ и послужила матеріаломъ для сочиненія „La Société de Berlin“. По возвращеніи въ Парижъ, Жераръ руководилъ одно время оффиціозною прессою, затѣмъ былъ секретаремъ посольства въ Мадридѣ, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Римѣ и въ 1890 г. посланникомъ въ Черногоріи.
Примѣч. Бисмарка.

сравненію съ человѣкомъ такого же званія и занимающимъ одинаковое положеніе въ протестантской церкви. Ей казалось интереснѣе расположить къ себѣ француза или англичанина, нежели своего соотечественника; одобреніе католика было для нея пріятнѣе таковаго со стороны ея единовѣрцевъ. Гонто-Бирону, при его знатномъ происхожденіи, не стоило труда создать себѣ положеніе при дворѣ; благодаря своимъ связямъ, онъ имѣлъ доступъ къ самому императору.

Вслѣдствіе довѣрія императрицы къ Гонто-Бирону и протекціи нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ ней католиковъ, только и могъ случиться тотъ, по истинѣ безобразный, фактъ, что императрица взяла себѣ, въ лицѣ Жерара, въ чтецы французскаго тайнаго агента.

Для французской политики и для французскаго посланника въ Берлинѣ было, само собою разумѣется, весьма выгодно имѣть въ семейномъ кругу императорской фамиліи человѣка подобнаго Жерару. Онъ совершенно не умѣлъ скрывать своего тщеславія, одѣвался по послѣдней парижской модѣ, слишкомъ эксцентрично для Берлина, но это нисколько не вредило ему при дворѣ. Любовь ко всему иноземному и въ особенности къ парижскимъ типамъ оказывалась сильнѣе любви къ простотѣ.

Дѣятельность Гонто, при его желаніи сослужить службу Франціи, не ограничилась однимъ Берлиномъ. Онъ отправился въ 1875 г. въ Петербургъ, съ цѣлью подготовить тамъ, вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ, тотъ ловкій маневръ, который, во время предстоявшаго посѣщенія Берлина императоромъ Александромъ, долженъ былъ убѣдить весь міръ, что одинъ Горчаковъ явился защитникомъ безоружной Франціи противъ нѣмцевъ, которые собирались напасть на нее и которыхъ онъ схватилъ за руку, закричавъ: «Quos ego!» [1]). Съ этой цѣлью онъ и сопровождалъ императора въ Берлинъ.

Не знаю, у кого зародилась первоначально эта мысль; если ее подалъ Гонто-Бирономъ, то, при извѣстномъ тщеславіи Горчакова, его зависти ко мнѣ и при томъ, что мнѣ часто приходилось оказывать противодѣйствіе его поползновеніямъ къ присвоенію себѣ чрезмѣрной власти, эта мысль пала на благопріятную почву.

Я былъ вынужденъ сказать Горчакову въ откровенной бесѣдѣ: «Вы относитесь къ намъ не такъ, какъ слѣдовало бы къ дружественной державѣ, а какъ къ слугѣ, который является не достаточно проворно на зовъ (comme un domestique, qui ne monte pas assez vite, quand on a sonné)». Горчаковъ пользовался тѣмъ, что онъ имѣлъ болѣе обширную власть, нежели посланникъ, графъ Редернъ, и заступившіе его мѣсто повѣренные въ дѣлахъ, и когда приходилось вести какіе-либо пере-

[1]) Я васъ! ужъ я вамъ задамъ!

говоры, то онъ любилъ дѣлать сообщенія нашему представителю въ Петербургѣ, но не поручалъ въ то же время русскому посланнику въ Берлинѣ вести таковые же переговоры со мною. Я считаю клеветою слышанную мною отъ русскихъ инсинуацію, будто бы причиною подобнаго образа дѣйствій было то обстоятельство, что въ бюджетѣ министерства иностранныхъ дѣлъ на телеграммы ассигновывалась круглая сумма, и поэтому Горчаковъ предпочиталъ, чтобы его сообщенія дѣлались на нѣмецкій счетъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а не на русскія деньги. Хотя скупость его не подлежитъ сомнѣнію, но я ищу объясненія этого факта въ области политики. Горчаковъ былъ даровитый, блестящій ораторъ и любилъ показать себя таковымъ иностраннымъ дипломатамъ, аккредитованнымъ въ Петербургѣ. Онъ говорилъ одинаково краснорѣчиво на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; и я съ удовольствіемъ слушалъ иногда по цѣлымъ часамъ его академическія рѣчи, когда я былъ посланникомъ (въ Петербургѣ) и впослѣдствіи его коллегою. Онъ особенно любилъ имѣть слушателями иностранныхъ дипломатовъ, въ особенности молодыхъ повѣренныхъ въ дѣлахъ изъ интеллигенціи, въ глазахъ которыхъ впечатлѣніе, производимое его ораторскимъ искусствомъ, усиливалось тѣмъ виднымъ положеніемъ, которое онъ занималъ какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Этимъ путемъ желанія Горчакова доходили до меня въ такой формѣ, которая напоминала изреченіе: «Roma locuta est» [1]).

Въ своихъ частныхъ письмахъ я жаловался ему на своеобразную форму, въ какой происходили наши дѣловыя сношенія, и на тонъ, какимъ дѣлались его сообщенія, и просилъ его не видѣть болѣе во мнѣ его ученика на дипломатическомъ поприщѣ, каковымъ я охотно считалъ себя въ Петербургѣ, и помириться съ мыслію, что я сталъ его отвѣтственнымъ коллегою, руководящимъ политикою моего монарха и большой имперіи.

Въ 1875 г., когда нашъ посланникъ въ Петербургѣ былъ въ отпуску и обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ исполнялъ секретарь посольства, г. фонъ-Радовицъ, бывшій тогда посланникомъ въ Аѳинахъ, былъ назначенъ въ Петербургъ en mission extraordinaire (чрезвычайнымъ посланникомъ) для того, чтобы дѣловыя сношенія могли съ внѣшней стороны вестись на одинаковыхъ, равныхъ условіяхъ. Выказанное Радовицомъ твердое намѣреніе не подчиняться вліянію Горчакова возбудило къ нему со стороны князя столь сильное нерасположеніе, что петербургскій кабинетъ весьма долго относился къ нему недружелюбно, несмотря на то, что онъ былъ женатъ на русской.

Роль «вѣстника мира» (Friedensengel), которая могла какъ нельзя

[1]) Такъ сказалъ Римъ.

лучше удовлетворить самолюбіе Горчакова, произведя въ Парижѣ впечатлѣніе, коимъ онъ болѣе всего дорожилъ, была подготовлена въ Берлинѣ Гонто-Бирономъ; есть основаніе думать, что его разговоры съ графомъ Мольтке и Радовицомъ, которые приводились впослѣдствіи въ доказательство нашихъ воинственныхъ стремленій, были искусно вызваны имъ для того, чтобы представить Европѣ картину Франціи, которой угрожала опасность съ нашей стороны и которую охраняла Россія. Пріѣхавъ въ Берлинъ 10-го мая 1875 г., Горчаковъ издалъ помѣченную изъ этого города циркулярную депешу, начинавшуюся словами: «Maintenant, слѣдовательно, подъ давленіемъ Россіи, la paix est assurée» [1]), какъ будто это не было раньше. Одинъ изъ европейскихъ монарховъ, извѣщенный объ этомъ фактѣ, случайно далъ мнѣ прочесть текстъ этой депеши.

Я энергично укорялъ за это князя Горчакова и сказалъ ему, что некрасиво вскочить неожиданно на плечи друга, который ничего не подозрѣваетъ и относится довѣрчиво, и выкидывать у него за спиною злостныя штуки, это не по-дружески; подобные поступки между нами, министрами, руководящими политикой страны, могутъ послужить во вредъ обѣимъ монархіямъ и государствамъ. Если ему хочется, чтобы его прославляли въ Парижѣ, то не къ чему портить для этого наши отношенія къ Россіи; я готовъ со своей стороны помочь ему въ этомъ случаѣ и даже могу велѣть выбить въ Берлинѣ пятифранковыя монеты съ надписью: «Gortchakoff protège la France» [2]); можно бы также устроить въ германскомъ посольствѣ спектакль и показать его французскому обществу въ видѣ ангела-хранителя, въ бѣломъ одѣяніи, съ крыльями, освѣщеннаго бенгальскимъ огнемъ и съ подобной же надписью вокругъ.

Онъ притихъ, слушая мои язвительныя насмѣшки, оспаривалъ факты, относительно которыхъ у меня имѣлись несомнѣнныя доказательства, но не высказалъ при этомъ своей обычной самоувѣренности и краснорѣчія, изъ чего я могъ заключить, что онъ не былъ увѣренъ, одобритъ ли русскій императоръ его поступокъ. Моя догадка оправдалась, когда я сталъ откровенно жаловаться императору Александру на недобросовѣстный поступокъ Горчакова; государь согласился по существу со всѣмъ мною сказаннымъ; но, куря папиросу и смѣясь, ограничился совѣтомъ не придавать слишкомъ большаго значенія этой «vanité sénile» [3]). Какъ бы то ни было, высказанное этими словами неодобреніе не было никогда заявлено достаточно громогласно для того, чтобы опровергнуть легенду о намѣреніи, которое мы будто бы имѣли въ 1875 г. напасть на Францію.

[1]) Теперь миръ обезпеченъ.
[2]) Горчаковъ покровительствуетъ Франціи.
[3]) Старческое тщеславіе.

Я былъ далекъ отъ этого намѣренія въ то время и впослѣдствіи и скорѣе былъ бы готовъ противодѣйствовать ему, нежели стараться ни съ того, ни съ сего начать войну, единственнымъ поводомъ которой было бы не дать Франціи опомниться и собраться съ силами. Война, объявленная при подобныхъ обстоятельствахъ, поставила бы, по моему мнѣнію, Европу, въ концѣ-концовъ, въ невыносимое положеніе, и вызвала бы, вѣроятно, соглашеніе между Россіей, Австріей и Англіей вслѣдствіе ихъ недовѣрія къ новой, еще не окрѣпшей, имперіи, которое выразилось бы активнымъ противодѣйствіемъ ей и заставило бы ее вступить на тотъ путь, на которомъ первая и вторая французская имперія дошла до погибели, слѣдуя воинствующей политикѣ и добиваясь преобладающей роли и значенія. Европа увидѣла бы въ нашихъ поступкахъ злоупотребленіе пріобрѣтенной нами силой, и всѣ, не исключая тѣхъ элементовъ, которые составляютъ оппозицію въ самой Германіи, отнеслись бы къ намъ враждебно. Послѣ поразительныхъ успѣховъ, одержанныхъ нашими войсками, мирный характеръ нашей политики много содѣйствовалъ тому, что иностранныя державы и внутренніе противники правительства примирились съ вновь возникшей могущественной сѣверогерманской державой гораздо скорѣе, нежели можно было ожидать, и смотрѣли на ея дальнѣйшее развитіе и преуспѣяніе съ благоволеніемъ, видя въ ней отчасти временно новаго стража европейскаго мира.

Съ нашей точки зрѣнія казалось весьма страннымъ, что русскій императоръ, отзываясь о своемъ канцлерѣ пренебрежительно, предоставлялъ ему въ то же время всецѣло управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и, слѣдовательно, имѣть вліяніе на посольства, чѣмъ онъ и пользовался. Ясно сознавая, какъ заблуждался иногда его министръ, руководясь личными побужденіями, императоръ не подвергалъ, однако, черновые наброски собственноручныхъ его писемъ къ императору Вильгельму, которые предоставлялъ ему Горчаковъ, той строгой критикѣ, какая была необходима для того, чтобы не получилось впечатлѣнія, будто доброжелательное къ намъ настроеніе императора Александра стушевывалось передъ требованіями и угрозами, которыя предъявлялъ намъ Горчаковъ. Императоръ имѣлъ мелкій, изящный почеркъ, и самый процессъ письма не составлялъ для него ни малѣйшаго труда; хотя длинныя и весьма обстоятельныя письма, коими монархи обмѣнивались другъ съ другомъ, были писаны императоромъ отъ начала до конца собственноручно, однако, судя по ихъ слогу и содержанію, мнѣ казалось всегда, что они писались по черновикамъ, набросаннымъ Горчаковымъ, точно такъ, какъ мнѣ приходилось составлять черновые отпуски отвѣтныхъ писемъ нашего императора. Такимъ образомъ, хотя собственноручная корреспонденція, въ которой монархи подвергали обсужденію самые важные политическіе вопросы и высказывали по

поводу ихъ свое авторитетное мнѣніе, производилась безъ требуемой конституціей контрассигновки министровъ, но, допустивъ, что высочайшіе корреспонденты точно придерживались черновиковъ, можно сказать, что ихъ переписка велась при участіи министровъ, хотя лицо, составлявшее черновое письмо, не могло въ этомъ быть увѣрено, ибо переписанное на-чисто оно или вовсе не проходило чрезъ его руки или вручалось ему запечатаннымъ.

Какъ далеко зашла интрига, въ которой принимали участіе Гонто-Бирон и Горчаковъ, видно изъ моего письма къ императору, изъ Варцина, отъ 13-го августа 1875 г.:

«Милостивое письмо вашего величества посланное изъ Гастейна 8-го числа сего мѣсяца, получено мною съ благоговѣйной признательностью; прежде всего я порадовался тому, что лѣченіе приноситъ пользу вашему величеству, несмотря на дурную погоду въ Альпахъ. Честь имѣю снова приложить при семъ письмо королевы Викторіи; было бы весьма интересно знать, когда именно ея величество высказалась болѣе опредѣленно о происхожденіи тогдашнихъ слуховъ относительно войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что королева считала эти слухи вполнѣ достовѣрными, иначе ея величество не сослалась бы на нихъ вторично и вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство не сдѣлало бы, на основаніи этихъ слуховъ, столь важные и враждебные, по отношенію къ намъ шаги. Не знаю, найдете ли ваше величество удобнымъ поймать королеву Викторію на словѣ, такъ какъ ея величество утверждаетъ, будто «ей легко доказать, что ея опасенія не преувеличены». Впрочемъ, было бы весьма важно узнать, откуда получены въ Виндзорѣ такія, «въ высшей степени ложныя свѣдѣнія». Указаніе на нѣкоторыхъ лицъ, коихъ ваше величество должны считать «представителями» правительства, даетъ право понимать подъ этимъ графа Мюнстера. Онъ могъ, разумѣется, такъ же, какъ графъ Мольтке, высказать отвлеченно свой взглядъ, что было бы полезно произвести своевременно нападеніе на Францію, хотя я объ этомъ ровно ничего не знаю и это никогда ему не поручалось. Можно утверждать, что, если бы Франція была увѣрена, что она ни при какихъ обстоятельствахъ не подвергнется нападенію, то это плохо послужило бы интересамъ мира. Нынѣ, точно такъ же, какъ и въ 1867 г., когда возникъ Люксембургскій вопросъ, я ни за что не посовѣтывалъ бы вашему величеству объявить Франціи войну только потому, что противникъ можетъ объявить ее намъ со временемъ, будучи лучше подготовленъ и вооруженъ; пути Господни неисповѣдимы. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ давать противнику увѣренность, что мы ни въ какомъ случаѣ не предупредимъ нападенія съ его стороны. Поэтому я не сталъ бы порицать Мюнстера, если бы онъ сказалъ что-либо въ этомъ смыслѣ, и это еще

не давало англійскому правительству права сдѣлать извѣстные шаги, на основаніи словъ, сказанныхъ посланникомъ частнымъ образомъ, и sans nous dire gare, требовать, чтобы прочія державы произвели на насъ давленіе. Слѣдовательно, столь серьезное и недружелюбное отношеніе къ намъ заставляетъ предполагать, что королева Викторія имѣла, помимо словъ, сказанныхъ графомъ Мюнстеромъ случайно и коимъ я никогда не вѣрилъ, еще какія-либо причины вѣрить нашимъ воинственнымъ замысламъ. Лордъ Рассель увѣряетъ, что онъ всегда твердо поддерживалъ увѣренность въ наши миролюбивыя намѣренія. А ультрамонтане и ихъ друзья, напротивъ, обвиняли насъ, тайно и явно въ прессѣ, въ томъ, будто мы собирались вскорѣ объявить войну, и французскій посланникъ, который вращается въ этихъ сферахъ, передалъ ихъ вранье въ Парижъ, какъ достовѣрное извѣстіе. Но и этого, въ сущности, было бы недостаточно для того, чтобы королева Викторія повѣрила, какъ она подтверждаетъ еще разъ въ письмѣ отъ 20-го іюня, тѣмъ ложнымъ слухамъ, которые ваше величество сами опровергли. Я слишкомъ мало знаю характеръ королевы, чтобы утверждать, могли ли слова «легко доказать» быть сказаны только съ цѣлью замаскировать сдѣланное слишкомъ поспѣшно заявленіе, вмѣсто того, чтобы сознаться откровенно въ своей ошибкѣ.

«Прошу ваше величество простить мнѣ, если интересы спеціалиста заставили меня, послѣ трехмѣсячнаго молчанія, распространиться по поводу этого уже покончennаго вопроса».

XXIV.

Запросъ по поводу нейтралитета Германіи.—Положеніе военно-уполномоченнаго при русскомъ дворѣ.—Отвѣтъ Бисмарка.—Сближеніе Россіи съ Австріей.—Положеніе Горчакова на Берлинскомъ конгрессѣ.—Обвиненіе Германіи въ слишкомъ платонической любви къ Россіи.—Ожиданія Россіи.—Письмо императора Александра II.—Переписка графа Шувалова и Бисмарка по вопросу о союзѣ.—Вредное вліяніе, которое могутъ имѣть необдуманныя донесенія посланниковъ.—Бисмаркъ склоняется въ пользу тройственнаго союза.

Осенью 1876 г. была получена мною въ Варцинѣ шифрованная телеграмма отъ нашего военно-уполномоченнаго генерала Вердера изъ Ливадіи, который требовалъ, по порученію императора Александра, чтобы мы заявили, намѣрены ли мы соблюдать нейтралитетъ въ случаѣ войны Россіи съ Австріей. Отвѣчая на этотъ вопросъ, надобно было принять во вниманіе, что шифръ Вердера не былъ тайною въ императорскомъ дворцѣ. Я зналъ по опыту, что даже въ домѣ нашего по-

сольства въ Петербургѣ не было возможности сохранить шифръ въ тайнѣ, какъ бы тщательно его ни запирали; единственнымъ средствомъ было какъ можно чаще мѣнять его. Я былъ увѣренъ, что все то, что я телеграфирую въ Ливадію, дойдетъ до свѣдѣнія императора. Самый фактъ, что этотъ вопросъ былъ предложенъ такимъ путемъ, былъ уже до извѣстной степени нарушеніемъ служебныхъ традицій. Когда одинъ кабинетъ хочетъ предложить другому подобнаго рода вопросъ, то самый правильный для этого путь, чтобы посланникъ старался разузнать то, что ему нужно, въ откровенной бесѣдѣ или чтобы сами монархи выяснили это при личномъ свиданіи. Припоминая недоразумѣнія, происшедшія между императоромъ Николаемъ и Сеймуромъ, русская дипломатія могла убѣдиться, какъ не удобно бываетъ обращаться съ запросомъ къ представителю той державы, отъ которой желаютъ что-либо узнать. Обыкновеніе Горчакова дѣлать намъ запросы по телеграфу не чрезъ русскаго представителя въ Берлинѣ, а черезъ германскаго посланника въ Петербургѣ, вынуждало меня со своей стороны дѣлать нашимъ представителямъ въ Россіи чаще, нежели посланникамъ при другихъ дворахъ, замѣчаніе, что обязанность ихъ состоитъ не въ томъ, чтобы передавать намъ желанія и требованія русскаго кабинета, а въ томъ, чтобы быть истолкователями нашихъ желаній въ Россіи. Велико можетъ быть для дипломата искушеніе упрочить свое положеніе въ служебномъ кругу и въ обществѣ предупредительностью къ правительству, при которомъ онъ аккредитованъ; еще опаснѣе, если иностранный министръ съумѣетъ заинтересовать нашего агента въ своихъ желаніяхъ и убѣдить его въ ихъ цѣлесообразности прежде, нежели послѣдній узнаетъ причины, по которымъ исполненіе этихъ желаній и содѣйствіе имъ несвоевременно для его собственнаго правительства.

Тотъ фактъ, что германскій военно-уполномоченный при русскомъ дворѣ предложилъ нашему правительству, по повелѣнію русскаго императора, во время моего отсутствія изъ Берлина, политическій вопросъ чрезвычайной важности въ категорической формѣ телеграммы, противорѣчилъ не только всѣмъ вообще, но даже и русскимъ обычаямъ. Я никакъ не могъ добиться измѣненія крайне неудобнаго для меня обычая, что наши военно-уполномоченные въ Петербургѣ посылали свои донесенія не такъ, какъ всѣ прочіе, чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, но самому императору въ видѣ собственноручныхъ писемъ. Этотъ обычай укоренился вслѣдствіе того, что Фридрихъ-Вильгельмъ III приблизилъ къ русскому императору перваго военно-уполномоченнаго въ Петербургѣ, бывшаго коменданта Кольберга, Лукаду. Военно-уполномоченный конечно сообщалъ въ своихъ письмахъ все то, что русскій императоръ говорилъ ему относительно

политики въ своихъ откровенныхъ бесѣдахъ при дворѣ; при этомъ онъ нерѣдко узнавалъ гораздо болѣе, нежели Горчаковъ говорилъ нашему посланнику; «прусскій флигель-адъютантъ», какъ его называли при дворѣ, видѣлъ императора чуть не каждый день, во всякомъ случаѣ гораздо чаще, нежели Горчаковъ; государь бесѣдовалъ съ нимъ не объ однихъ военныхъ дѣлахъ и передавалъ черезъ него нашему монарху не однѣ семейныя новости. Центръ тяжести дипломатическихъ переговоровъ, которые велись между нашими кабинетами, находился зачастую, напр. во времена Рауха и Мюнстера, въ донесеніяхъ военно-уполномоченнаго, а не аккредитованнаго при русскомъ дворцѣ германскаго посланника. Но такъ какъ императоръ Вильгельмъ имѣлъ обыкновеніе сообщать мнѣ, впрочемъ иногда довольно поздно, свою переписку съ военно-уполномоченнымъ въ Петербургѣ и не принималъ окончательныхъ рѣшеній въ политическихъ дѣлахъ, не сообщивъ о томъ, кому слѣдуетъ изъ должностныхъ лицъ, то все неудобство этихъ непосредственныхъ сношеній съ Петербургомъ ограничивалось тѣмъ, что я узнавалъ слишкомъ поздно новости, заключавшіяся въ этихъ донесеніяхъ. Когда императоръ Александръ избралъ, вѣроятно по совѣту князя Горчакова, г. Вердера посредникомъ для того, чтобы предложить намъ этотъ щекотливый вопросъ, то это вполнѣ противорѣчило обычаю, установившемуся между нами въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Горчаковъ старался, въ то время, доказать русскому императору, что моя преданность къ нему и мои симпатіи къ Россіи были не искренни или по крайней мѣрѣ «платоничны», и поколебать его довѣріе ко мнѣ, что̀ со временемъ ему и удалось.

Прежде нежели отвѣтить на запросъ, сдѣланный Вердеромъ по существу, я попытался отвѣтить уклончиво и тѣмъ оттянуть время, и сослался на то, что я не могу отвѣтить на подобный вопросъ, не имѣя на то высочайшаго соизволенія; когда же отъ меня вторично и настойчиво требовали отвѣта, то я посовѣтовалъ сдѣлать объ этомъ оффиціально, но въ конфиденціальной формѣ запросъ министерству иностранныхъ дѣлъ чрезъ русскаго посланника въ Берлинѣ. Многократныя напоминанія, которыя я получалъ по телеграфу отъ Вердера, отрѣзали мнѣ наконецъ путь къ отступленію. Между тѣмъ я просилъ его величество отозвать телеграммою въ главную квартиру г. Вердера, которымъ злоупотребляли въ Ливадіи и который не умѣлъ отъ этого защититься, и воспретить ему принимать на себя впредь подобныя политическія порученія, такъ какъ дѣло касалось въ данномъ случаѣ русской, а не германской дипломатіи. Императоръ не исполнилъ моей просьбы, а такъ какъ императоръ Александръ, основываясь на нашихъ личныхъ отношеніяхъ, просилъ меня наконецъ чрезъ русскаго посланника въ Берлинѣ высказать по этому поводу мое собственное мнѣніе,

то я не могъ долѣе уклоняться отъ отвѣта на этотъ нескромный вопросъ. Я просилъ посланника фонъ-Швейница, срокъ отпуска коего истекалъ, побывать у меня въ Варцинѣ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, чтобы получить отъ меня инструкціи. Швейницъ пробылъ у меня съ 11-го по 13-е октября. Я поручилъ ему какъ можно скорѣе отправиться черезъ Петербургъ въ Ливадію, мѣстопребываніе императора Александра и двора. Смыслъ инструкціи, данной мною фонъ-Швейницу, былъ таковъ, что для насъ необходимо прежде всего поддержать дружественныя отношенія между великими монархами, которыя могутъ болѣе потерять, если ихъ коснется революція, нежели въ томъ случаѣ, если имъ придется вести между собою войну. Если дружественныя отношенія между Россіей и Австріей, къ нашему прискорбію, не мыслимы, то мы можемъ допустить, чтобы наши друзья проигрывали и выигрывали другъ у друга сраженія, но не можемъ допустить, чтобы одному изъ нихъ было нанесено сильное пораженіе и чтобы онъ пострадалъ настолько, что его независимое положеніе было этимъ поколеблено и онъ потерялъ бы голосъ въ Европѣ. Это заявленіе, которое Горчаковъ заставилъ своего монарха вынудить у насъ, чтобы доказать ему платоническій характеръ нашей любви, имѣло послѣдствіемъ, что русская гроза перенеслась изъ восточной Галиціи на Балканы и что Россія, прервавъ съ нами переговоры, начала таковые съ Австріей, насколько я помню сначала въ Пештѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ заключенъ договоръ въ Рейхштадтѣ, гдѣ императоръ Александръ и Францъ-Іосифъ встрѣтились 8-го іюля 1876 г. Австріи было предъявлено требованіе, чтобы эти переговоры велись втайнѣ отъ насъ. Эта конвенція [1]), а вовсе не Берлинскій конгрессъ, была главною причиною, что Австрія владѣетъ Босніей и Герцеговиной; она же обезпечила русскимъ нейтралитетъ Австріи во время войны съ Турціей.

Такъ какъ русскій кабинетъ обезпечилъ Австріи, въ силу Рейхштадтской конвенціи, Боснію за ея нейтралитетъ, то изъ этого можно заключить, что г. Убри не сказалъ намъ правду, утверждая, что турецкая кампанія будетъ не болѣе какъ une promenade militaire (военная прогулка), занятіемъ для trop plein войска и предлогомъ для полученія бунчуковъ и георгіевскихъ крестовъ; Босніи была бы за это слишкомъ дорогою цѣною. По всей вѣроятности, въ Петербургѣ разсчитывали, что Болгарія, отпавъ отъ Турціи, останется надолго въ зависимости отъ Россіи. Но это предположеніе не оправдалось бы вѣроятно и въ томъ случаѣ, если бы условія Санъ-Стефанскаго мира были выполнены безъ всякихъ ограниченій. Чтобы не быть отвѣтственнымъ

[1]) Заключенная 15-го (3-го) января 1877 г. Примѣчаніе издателя.

передъ своимъ народомъ за эту ошибку, постарались, не безъ успѣха, взвалить вину за неблагопріятный исходъ войны на германскую политику, на «невѣрность» нѣмецкаго друга. Это было недобросовѣстно; мы никогда не обѣщали ничего кромѣ доброжелательнаго нейтралитета; насколько наши намѣренія были честны, видно изъ того, что наше довѣріе и доброжелательство въ Россіи не было поколеблено тѣмъ, что отъ насъ потребовали держать въ тайнѣ условія Рейхштадтской конвенціи; мы отозвались съ полною готовностью на желаніе Россіи созвать конгрессъ въ Берлинѣ, когда оно было сообщено мнѣ въ Фридрихсруэ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Желаніе русскаго правительства созвать конгрессъ для заключенія мира съ Турціей доказывало, что она не чувствовала себя, въ военномъ отношеніи, достаточно сильной, чтобы довести дѣло до войны съ Англіей и съ Австріей, коль скоро ею былъ упущенъ благопріятный моментъ для занятія Константинополя. Отвѣтственность за неудачи русской политики падаетъ безъ сомнѣнія на князя Горчакова и на его болѣе молодыхъ и энергичныхъ сотрудниковъ, но во всякомъ случаѣ его нельзя считать свободнымъ отъ всякой отвѣтственности. Какъ велико было вліяніе, коимъ кн. Горчаковъ пользовался у императора Александра, разумѣется, съ русской точки зрѣнія, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ принималъ, какъ представитель Россіи, участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ, вопреки желанію монарха, которое было ему извѣстно. Когда, пользуясь званіемъ канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ, онъ сталъ появляться въ засѣданіяхъ конгресса, то получилось слѣдующее курьезное положеніе: начальствующее лицо—канцлеръ и подчиненный ему по министерству, посланникъ Шуваловъ фигурировали рядомъ, но уполномоченнымъ лицомъ Россіи являлся въ дѣйствительности не канцлеръ, а посланникъ.

Этотъ, по моимъ наблюденіямъ неоспоримый фактъ можетъ быть подтвержденъ только документами русскихъ архивовъ, хотя можетъ статься, что и въ нихъ не найдется этому доказательствъ; во всякомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ, что единство политическихъ дѣйствій не обезпечено и при неограниченномъ образѣ правленія, съ единой главою, обладающей неограниченной властью, какова власть русскаго императора; это единство существуетъ скорѣе въ Англіи, гдѣ первый министръ и получаемыя имъ донесенія подлежатъ критикѣ общества, тогда какъ въ Россіи только императоръ, смотря по его проницательности и знанію людей, можетъ судить, кто изъ его докладчиковъ и подданныхъ, дѣлающихъ ему донесенія, ошибается или обманываетъ его и кто говоритъ правду. Я не хочу этимъ сказать, что текущія дѣла министерства иностранныхъ дѣлъ ведутся въ Лондонѣ лучше, нежели въ Петербургѣ, но что англійское правительство рѣже, нежели русское, бываетъ вынуж-

дено исправлять ошибки своихъ подчиненныхъ, умалчивая о нихъ. Правда, лордъ Пальмерстонъ сказалъ 4-го апрѣля 1856 г. въ нижней палатѣ съ проніей, которая, вѣроятно, не была понята большинствомъ членовъ, что подборъ предъявленныхъ парламенту документовъ относительно Карса потребовалъ, вѣроятно, особой тщательности и вниманія со стороны лицъ, занимавшихъ не второстепенныя, а высшія должности въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Синяя книга о Карсѣ, выкинутыя депеши сэра Александра Бурнеса изъ Афганистана и донесенія посланниковъ о происхожденіи ноты, которая была предложена въ 1854 г. султану Вѣнской конференціей къ подписи вмѣсто Меншиковской, свидѣтельствуютъ о легкости, съ какою въ Англіи могутъ быть обмануты парламентъ и пресса. Такъ какъ архивы министерства иностранныхъ дѣлъ оберегаются въ Лондонѣ тщательнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, то это даетъ право предполагать, что въ нихъ можно найти доказательства еще другихъ тому подобныхъ фактовъ.

Во время дипломатическихъ переговоровъ, происходившихъ по поводу исполненія постановленій Берлинскаго конгресса, въ Петербургѣ ожидали, что мы будемъ безъ дальнѣйшихъ околичностей поддерживать и проводить всѣ русскія требованія вопреки австрійскимъ и англійскимъ, даже безъ предварительнаго соглашенія по этому поводу между Берлиномъ и Петербургомъ. Когда-я намекнулъ сначала, а затѣмъ потребовалъ рѣшительно, чтобы намъ были высказаны желанія русскаго правительства конфиденціально, но совершенно опредѣлено, то мое заявленіе было обойдено молчаніемъ. Получалось такое впечатлѣніе, какъ будто князь Горчаковъ ожидалъ отъ меня, какъ дама отъ своего поклонника, чтобы я отгадывалъ желанія русскихъ и отстаивалъ ихъ; а Россія не хотѣла сама высказать ихъ и тѣмъ принять на себя за нихъ отвѣтственность. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было думать, что мы вполнѣ понимали интересы и намѣренія Россіи и считали возможнымъ дать русской политикѣ, добровольно, доказательство нашей дружбы, не вредя нашимъ собственнымъ интересамъ, и тогда намъ случалось выслушивать за это вмѣсто ожидаемой благодарности одно брюжжаніе и неодобреніе; намъ заявляли, будто мы сдѣлали не то и не въ той степени, какъ ожидалъ нашъ русскій другъ. Подобный результатъ получался и тогда, когда не могло быть сомнѣнія, что мы поступали согласно съ его желаніемъ. Все это доказывало преднамѣренную недобросовѣстность не только по отношенію къ намъ, но и къ императору Александру, которому германская политика могла показаться вслѣдствіе этого безчестной и не внушающей довѣрія. «Votre amitié est trop platonique» [1]),—сказала императрица Марія (Александровна) наше-

[1]) Ваша дружба слишкомъ платоническая.

му посланнику съ упрекомъ. Строго говоря, дружба одного кабинета великой державы къ другому всегда должна быть до извѣстной степени платонической; ибо ни одна великая держава не можетъ предоставить себя исключительно къ услугамъ другой. Ей всегда приходится имѣть въ виду не только настоящія, но и будущія свои отношенія къ прочимъ державамъ и по возможности избѣгать съ ними принципіальной вражды. Это относится въ особенности къ Германіи, съ ея центральнымъ положеніемъ, открытымъ нападенію съ трехъ сторонъ.

Ошибки въ кабинетской политикѣ великихъ державъ не наказываются сейчасъ, но безвредными онѣ никогда не бываютъ. Историческая логика еще точнѣе въ своихъ ревизіяхъ, чѣмъ всѣ наши контрольныя камеры. При выполненіи постановленій конгресса, Россія ожидала и требовала, чтобы германскіе комиссары, при мѣстныхъ о томъ переговорахъ на Востокѣ, при разногласіяхъ между русскими и другими націями, соглашались въ общемъ съ русскими. Въ разныхъ вопросахъ объективное рѣшеніе могло быть для насъ, конечно, довольно безразличнымъ; для насъ дѣло шло лишь о томъ, чтобы договорныя постановленія честно исполнялись и чтобы наши отношенія къ другимъ великимъ державамъ не разстраивались, вслѣдствіе партійнаго отношенія къ мѣстнымъ вопросамъ, не затрогивающимъ германскихъ интересовъ. Страстная горечь рѣчи всѣхъ русскихъ органовъ, дозволенное цензурою наускиваніе русскаго народнаго настроенія противъ насъ заставляли насъ считать благоразумнымъ не лишаться симпатій, которыя мы еще могли имѣть у другихъ державъ.

При этомъ положеніи пришло еще собственноручное письмо императора Александра, которое, помимо всего уваженія къ пожилому другу и дядѣ, въ двухъ мѣстахъ содержало опредѣленныя угрозы войною, въ формѣ, обычной въ международныхъ дѣлахъ,—приблизительно такого содержанія: если германскій голосъ не согласится присоединиться къ русскому, то миръ между нами не можетъ длиться [1]). Это заявленіе

[1]) Приводимъ самый текстъ этого собственноручнаго весьма интереснаго письма императора Александра (напечатаннаго въ изданномъ профессоромъ Kohl: „Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen", 1899), изъ котораго убѣждаемся, что смыслъ его переданъ Бисмаркомъ не вполнѣ точно: въ письмѣ императора не было и рѣчи о нарушеніи мира со стороны Россіи, въ немъ напоминались только обязанности Германіи, какъ доброй сосѣдки къ Россіи, оказавшей ей историческую услугу. Это письмо имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи возникновенія тройственнаго союза.

„Царское Село, 3-го (15-го) августа 1879 г.

„Дорогой дядя и другъ, я хочу еще письменно поблагодарить васъ за ваше доброе письмо, отъ 27-го іюля, и Августу за присылку, отъ васъ обоихъ, прелестной медали, въ память вашей золотой свадьбы, на которой обстоятельства, къ сожалѣнію, не позволили мнѣ присутствовать, о чемъ я заранѣе думалъ съ удовольствіемъ.

было повторено дважды, въ весьма рѣзкихъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Я заключаю, что князь Горчаковъ принималъ участіе въ составленіи этого письма, изъ того, что при свиданіи 6-го сентября 1879 г. съ корреспондентомъ орлеанистскаго «Soleil», Людовикомъ Пейрамонъ (Peyramont) онъ сдѣлалъ по адресу Франціи горячее признаніе въ любви. Слѣдующіе два факта подтвердили мое предположеніе: въ октябрѣ мѣсяцѣ, одна дама, изъ берлинскаго общества, помѣщавшаяся въ «Hôtel de l'Europe» въ Баденъ-Баденѣ, въ сосѣднемъ съ княземъ Горчаковымъ номерѣ, слышала, какъ онъ говорилъ: «J'aurais voulu faire la

---

„Мнѣ пріятно слышать, что вы хорошо перенесли всѣ утомительныя церемоніи; надѣюсь, что лѣченіе въ Гастейнѣ дастъ вамъ новыя силы, чтобы перенести трудности предстоящихъ вамъ военныхъ смотровъ.

„Смерть генералъ-адъютанта Рейтерна, который имѣлъ честь состоять послѣдніе годы при вашей особѣ и къ которому вы относились столь милостиво, огорчила васъ, по всей вѣроятности, точно такъ же, какъ меня. Я постараюсь найти ему замѣстителя, который былъ бы пріятенъ вамъ, и не упущу предварительно заручиться вашимъ согласіемъ, когда этотъ выборъ будетъ мною сдѣланъ. Ободряемый дружбою, которую вы не переставали мнѣ оказывать, позвольте мнѣ поговорить съ вами, съ полною откровенностью, объ одномъ щекотливомъ дѣлѣ, постоянно меня занимающемъ. Дѣло идетъ о дѣйствіяхъ различныхъ германскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Турціи, которые съ нѣкотораго времени, къ несчастью, держатъ себя враждебно относительно Россіи, что находится въ совершенномъ противорѣчіи съ традиціями дружественныхъ отношеній, которыя болѣе чѣмъ столѣтіе руководили политикой нашихъ обоихъ правительствъ и вполнѣ согласовались съ нашими общими интересами. Это убѣжденіе у меня не измѣнилось; я держусь его вполнѣ и льщу себя надеждою, что оно раздѣляется и вами. Но свѣтъ судитъ на основаніи фактовъ. Какъ же объяснить себѣ эти дѣйствія германскихъ агентовъ, все болѣе и болѣе становящіяся намъ враждебными, на Востокѣ, гдѣ, по словамъ самого князя Бисмарка, Германія не имѣетъ собственныхъ интересовъ, которые ей приходилось бы охранять, тогда какъ мы имѣемъ тамъ интересы весьма серьезные. Мы только-что окончили славную войну, которая не имѣла въ виду какихъ-либо завоеваній, но единственно улучшеніе судьбы христіанъ въ Турціи. Мы только-что доказали это, очистивъ провинціи, которыя послѣ войны были заняты нами, но мы желаемъ, чтобы послѣдствія, добытыя цѣною нашей крови и нашихъ денегъ, не были мертвыми буквами. Дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы привести въ исполненіе постановленія Берлинскаго конгресса, но это должно быть сдѣлано добросовѣстно. А между тѣмъ турки, поддерживаемые своими друзьями англичанами и австрійцами, которые располагаются твердою ногою въ двухъ турецкихъ провинціяхъ, занятыхъ ими въ мирное время, чтобы никогда ихъ не возвращать ихъ законному монарху,—постоянно возбуждаютъ споры относительно разныхъ частностей, которыя имѣютъ большую важность какъ для болгаръ, такъ и для храбрыхъ черногорцевъ. Точно также поступаютъ и румыны относительно Болгаріи. Эти споры должны разрѣшаться большинствомъ европейскихъ коммиссаровъ. Коммиссары Франціи и Италіи почти по всѣмъ вопросамъ присоединяются къ нашимъ, тогда какъ коммиссары Германіи, ка-

guerre, mais la France a d'autres intentions» [1]). А 1-го ноября, парижскій корреспондентъ «Times'a» могъ сообщить своей газетѣ, что передъ свиданіемъ въ Александровѣ царь писалъ императору Вильгельму, жалуясь на образъ дѣйствій Германіи, и сказалъ, между прочимъ, слѣдующую фразу: «Канцлеръ вашего величества позабылъ обѣщанія данныя въ 1870 г.» [2]).

Въ виду направленія, принятаго русской прессой, постоянно возроставшаго возбужденія русскаго народа и массы войска, которое стягивалось у прусской границы, было бы легкомысліемъ не придавать значенія серьезности положенія и угрозамъ императора, обращеннымъ

жется, получили нароль поддерживать всегда мнѣнія австрійцевъ, которыя намъ систематически враждебны, и это по вопросамъ, не интересующимъ Германію ни въ какомъ отношеніи, но для насъ очень важнымъ.

„Простите мнѣ, дорогой дядя, откровенность моихъ словъ, основанныхъ на фактахъ; но я считаю своимъ долгомъ обратить ваше вниманіе на печальныя послѣдствія, которыя это можетъ породить въ нашихъ добрососѣдскихъ отношеніяхъ, раздраживъ наши націи одна противъ другой, какъ это уже начинаетъ дѣлать печать обѣихъ странъ. Я вижу въ этомъ работу нашихъ общихъ враговъ, тѣхъ самыхъ, которые не могли переварить союзъ трехъ императоровъ. Вы припомните, что мы съ вами не разъ объ этомъ уже говорили, и какъ я былъ счастливъ, когда убѣждался, что наши мнѣнія на этотъ счетъ были одинаковы. Я вполнѣ понимаю, что вы желаете сохранить ваши хорошія отношенія къ Австріи, но я не понимаю, какой интересъ можетъ имѣть Германія жертвовать таковыми къ Россіи. Достойно ли истинно государственнаго человѣка бросать на вѣсы личную ссору, когда дѣло идетъ объ интересахъ двухъ великихъ государствъ, какъ бы созданныхъ для того, чтобы жить въ добромъ согласіи и изъ коихъ одно оказало другому въ 1870 г. такую услугу, которую вы, по вашимъ собственнымъ словамъ, никогда не забудете. Я не позволилъ бы себѣ объ этомъ напомнить вамъ, но обстоятельства становятся слишкомъ серьезны, чтобы я могъ скрыть передъ вами опасенія, которыя меня озабочиваютъ, и послѣдствія которыхъ могутъ быть пагубны для нашихъ обѣихъ странъ. Да сохранитъ насъ отъ этого Господь и наставитъ васъ!

„Здоровье моей жены внушало намъ послѣднее время серьезныя опасенія. Дай Богъ, чтобы воздухъ родной страны послужилъ ей на пользу.

„Не сердитесь на меня, дорогой дядя, за содержаніе этого письма и вѣрьте чувствамъ неизмѣнной преданности и искренняго расположенія вашего искренно преданнаго племянника и друга Александра". В. В.

[1]) Я хотѣлъ бы воевать, но Франція имѣетъ иныя намѣренія.

[2]) Корреспондентъ „Times'a", г. Оппертъ изъ Бловица въ Богеміи, вѣроятно, охотно взялся распространить это извѣстіе, сообщенное ему, надо полагать, Горчаковымъ, такъ какъ онъ былъ сердитъ на меня со времени конгресса. По желанію Биконсфильда, который хотѣлъ, вѣроятно, сдѣлать ему удовольствіе, я выхлопоталъ ему орденъ Короны 3-й ст. Онъ былъ недоволенъ этимъ знакомъ отличія, который, съ прусской точки зрѣнія, былъ весьма значителенъ, отказался отъ него и выразилъ желаніе получить тотъ же орденъ 2-й ст. Прим. Бисмарка.

къ столь уважаемому имъ некогда другу. Поѣздка, которую императоръ Вильгельмъ совершилъ 3-го сентября 1879 г., по совѣту фельдмаршала фонъ-Мантейфеля въ Александрово, для того, чтобы лично отвѣтить успокоительнымъ образомъ на угрозу, высказанную его племянникомъ письменно, противорѣчила моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ насчетъ того, какъ слѣдовало поступить въ этомъ случаѣ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ намъ пришлось отказаться отъ мысли сблизиться съ Россіей помимо Австріи, по тѣмъ же причинамъ, которыя заставили насъ отказаться отъ предложенія [1]) прекратить осложненія, возникшія въ 1863 г., заключивъ союзъ съ Россіей. Не знаю, какъ велики были полномочія, данныя графу Петру Шувалову передъ началомъ послѣдней турецкой кампаніи и во время Берлинскаго конгресса, чтобы обсуждать со мною вопросъ о русско-германскомъ союзѣ; онъ былъ аккредитованъ при лондонскомъ, а не при берлинскомъ дворѣ, но, благодаря его личнымъ отношеніямъ ко мнѣ, имѣлъ возможность обсудить со мною откровенно, во время его кратковременнаго пребыванія въ Берлинѣ, проѣздомъ черезъ этотъ городъ, и во время конгресса, всѣ выгоды, которыя могъ представить этотъ союзъ.

Въ началѣ февраля 1877 г., я получилъ отъ него длинное письмо изъ Лондона; привожу здѣсь мой отвѣтъ на это письмо и возраженіе на него графа Шувалова [2]):

[1]) Сдѣланнаго Пруссіи императоромъ Александромъ II, о чемъ было говорено выше.

[2]) Поводомъ къ отвѣтному письму Бисмарка послужило нижеслѣдующее письмо графа Шувалова, помѣщенное во французскомъ оригиналѣ въ „Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen“; приводимъ текстъ этого письма, такъ какъ оно служитъ къ уясненію послѣдующихъ двухъ писемъ, приведенныхъ Бисмаркомъ въ его воспоминаніяхъ.

„Лондонъ, 3-го февраля 1877 г.:

„Любезный князь, позвольте выразить вамъ мою искреннюю и живѣйшую благодарность за доказательство вашей доброй памяти и доброжелательства, которыя графъ Мюнстеръ неоднократно передавалъ мнѣ.

„Я считаю также долгомъ увѣрить васъ въ безполезности тѣхъ стараній, которыя могли бы быть испробованы съ цѣлью заставить меня отказаться отъ убѣжденій, которыя слишкомъ твердо упрочились во мнѣ, чтобы ихъ можно было когда-либо поколебать.

„Я всегда думалъ, что тѣсный союзъ нашихъ двухъ имперій представилъ бы такое огромное „количество“ силъ, что никакая держава отдѣльно или въ союзѣ съ другой державою не могла бы съ успѣхомъ бороться противъ этой силы, которая будетъ держать такимъ образомъ на чеку всю остальную Европу.

„Когда въ Берлинѣ, были положены, въ 1872 г., первыя основы тройственнаго союза, я видѣлъ, съ своей стороны, въ третьей державѣ лишь молодую вѣтвь, привитую къ могучему и прочному стволу нашей старинной

Берлинъ, 15-го (3-го) февраля 1877 г. [1]).

«Любезный графъ, благодарю васъ за ваше любезное письмо; я премного обязанъ графу Мюнстеру за то, что онъ такъ прекрасно истолковалъ, въ данномъ случаѣ, чувства, создавшія между нами, съ самаго перваго нашего знакомства, связь, которая переживаетъ политическія отношенія, доставившія намъ нынѣ случай вступить въ сношенія. Воспоминаніе о моихъ бесѣдахъ съ вами будетъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ, какія оставитъ во мнѣ моя оффиціальная дѣятельность.

«Какова бы ни была политическая будущность обоихъ нашихъ

дружбы; я ничего не имѣю противъ того, чтобы эта новая вѣтвь разрослась, пусть только она не поглотитъ въ свою пользу всѣ соки самаго дерева.

„Словомъ, я думаю, что главная цѣль союза, который будетъ заключенъ между нашими двумя державами, должна состоять въ томъ:

„Чтобы Россія не дозволила и не потерпѣла образованія коалиціи противъ Германіи, если таковая образуется на западѣ, и чтобы Германія отплатила намъ тѣмъ же на востокѣ.

„Если бы Европа была убѣждена въ этомъ фактѣ, то многихъ осложненій можно было бы избѣжать въ будущемъ.

„Питая, любезный князь, издавна эти убѣжденія, я всегда сожалѣлъ о томъ, что во время настоящаго кризиса соглашеніе между тремя дворами не оказалось особенно прочнымъ. Наше соглашеніе не проявилось ничѣмъ на дѣлѣ и даже на словахъ.

„Если бы Англія вѣрила въ это соглашеніе, то она держалась бы болѣе твердой политики по отношенію къ Турціи.

„Если бы Порта была убѣждена въ немъ, то она не упорствовала бы въ своемъ упрямствѣ и сопротивленіи.

„Наконецъ, если бы три имперіи, образовавшія это соглашеніе, сами тысячу разъ не усумнились въ немъ, то все давно бы уже уладилось.

„Простите, любезный князь, за это маленькое изложеніе моихъ политическихъ убѣжденій, въ которомъ вы вовсе не нуждаетесь. Хотя вы и не католическій священникъ, но я чувствую потребность исповѣдаться передъ вами.

„Примите, любезный князь, увѣреніе въ моемъ искреннемъ почтеніи и совершенной преданности. Шуваловъ“.

[1]) Отвѣтное письмо Бисмарка приведено въ его воспоминаніяхъ по черновику, сохранившемуся въ Фридрихсруэ; профессоръ Kohl, наблюдавшій за изданіемъ этихъ воспоминаній, не могъ своевременно достать оригинала этого письма; впослѣдствіи же онъ получилъ точную копію съ него отъ г. Дальтона, которому помянутое письмо было подарено самимъ графомъ Шуваловымъ; мы находимъ его въ изданномъ этимъ профессоромъ „Wegweiser durch Bismarck's Gedenken und Erinnerungen“. Сличая обѣ редакціи письма, мы видимъ, что послѣдняя нѣсколько разнится отъ первоначальнаго наброска, въ особенности въ заключительной части; въ виду несомнѣннаго историческаго значенія, которое представляетъ это письмо, мы воспроизводимъ ниже конецъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было получено графомъ Шуваловымъ, отмѣчая соотвѣтственныя мѣста, въ которыхъ встрѣчается нѣкоторое разногласіе противъ первоначальной редакціи письма. В. В.

государствъ, участіе, которое я принималъ въ событіяхъ прошлаго, оставитъ во мнѣ пріятное воспоминаніе, что относительно необходимости для нихъ союза я всегда раздѣлялъ взглядъ достойнѣйшаго изъ государственныхъ людей, среди вашихъ соотечественниковъ. До тѣхъ поръ, пока я буду занимать мое теперешнее мѣсто, я буду неизмѣнно вѣренъ традиціямъ, руководившимъ мною въ теченіе 25-ти лѣтъ, которыя вполнѣ сходны, въ принципѣ, съ мыслями, высказанными въ вашемъ письмѣ, относительно услугъ, которыя Россія и Германія могутъ оказать и взаимно оказывали другъ другу болѣе столѣтія, при чемъ отъ этого не страдали личные интересы ни той, ни другой изъ этихъ державъ [1]). Это убѣжденіе руководило мною въ 1848, 1854 и 1863 гг., а равно и при настоящемъ положеніи, и мнѣ удалось склонить къ нему огромное большинство моихъ соотечественниковъ, но его легче будетъ, пожалуй, уничтожить, нежели было создать его, въ особенности, если мои преемники не будутъ съ такою же твердостью, какъ я, держаться традицій, не имѣя за собою въ этомъ случаѣ опыта, и если у нихъ не всегда хватитъ самоотверженности отказаться отъ самолюбія, которое необходимо для того, чтобы подчинять внѣшнюю сторону дѣла его сущности и личную щепетильность крупнымъ интересамъ монархіи [2])

---

[1]) Въ окончательной редакціи письма въ этомъ мѣстѣ прибавлена фраза: „Два сосѣднія европейскія государства, которыя болѣе столѣтія не чувствовали потребности враждовать между собою, должны бы заключить изъ этого, что между ними не существуетъ разнородныхъ интересовъ“.

[2]) Съ этого мѣста начинается разногласіе между обѣими редакціями письма; приводимъ его конецъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было послано графу Шувалову:

„Я испыталъ это на себѣ, но я не обращаю вниманія на маленькія штуки, которыя игралъ со мной мой бывшій другъ и петербургскій наставникъ, и на „запгрыванія“ съ Парижемъ со стороны его и Орлова. Стараго пройдоху моего закала трудно провести ложными опасеніями, но такъ ли отнесутся къ этому канцлеры, которые будутъ моими преемниками и которымъ я не могу завѣщать моего хладнокровія и моей опытности? Быть можетъ, покажется легче ввести въ заблужденіе ихъ политическія сужденія, при помощи услужливыхъ газетъ, недоброжелательныхъ отзывовъ и частныхъ писемъ, которыя распространяютъ въ публикѣ. Германскій министръ, которому намекнутъ на возможность образовать коалицію, пользуясь идеею о реваншѣ, испуганный при мысли о своемъ одиночествѣ, можетъ сдѣлать попытку предохранить себя, принявъ неосторожныя и даже пагубныя обязательства, которыя впослѣдствіи будутъ трудно выполнимы. Въ союзѣ двухъ имперій столько силы и безопасности, что онъ могъ бы быть скомпрометтированъ со временемъ, безъ всякаго политическаго повода, только по желанію какого-нибудь государственнаго дѣятеля, который любитъ перемѣны или находитъ французовъ любезнѣе нѣмцевъ; въ этомъ я готовъ вполнѣ согласиться съ нимъ, не подчиняя этому, однако, политику моей страны. До тѣхъ поръ, пока я буду руководить дѣлами, вамъ будетъ трудно отдѣлаться отъ нашего

Стараго пройдоху моего закала не легко провести ложными опасеніями; я умѣю, въ интересахъ моего монарха и страны, забывать непріятности, которыя, за послѣдніе два года, мнѣ не стѣснялись причинять съ вашей стороны; я не обращаю вниманія на заигрыванія (flirtation), которыми занимаются въ Парижѣ мой бывшій петербургскій другъ и наставникъ, и мой молодой парижскій другъ (Орловъ), но, быть можетъ, вамъ легче удастся сбить съ толку политическіе взгляды тѣхъ канцлеровъ, которые меня замѣнятъ, давъ имъ понять, какъ это дѣлалось послѣдніе три года со мною, что вамъ легко создать коалицію, взявъ въ основу идею реванша. Я не могу завѣщать моему преемнику хладнокровія, съ какимъ я смотрю на возможность этой коалиціи. Съ помощью услужливыхъ газетъ, которыя говорятъ въ угрожающемъ тонѣ, и парижскихъ заигрываній въ фельетонахъ и письмахъ къ дамамъ, занимающимся политикою, будетъ не особенно трудно сбить съ толку германскаго министра, устрашеннаго мыслію объ его одиночествѣ, во избѣжаніе котораго онъ будетъ готовъ принять на себя неблагоразумныя обязательства, которыя окажутся со временемъ трудно выполнимы.

«Въ всякомъ случаѣ этого не будетъ со мною, ибо, какъ только я успѣю, худо или хорошо, удовлетворить требованія сейма, который откроется 22-го числа и продлится всего нѣсколько недѣль, я отправлюсь на воды и болѣе не возвращусь къ дѣламъ. Я имѣю свидѣтельство факультета, что я «untauglich», оффиціальный терминъ, дающій право на отставку, и который выражаетъ въ данномъ случаѣ только печальную истину.

«Но мнѣ придется предварительно отвѣтить на послѣднюю загадку вашей политики; я плохой отгадчикъ, мнѣ надобно разъяснить тай-

---

союза, но это не будетъ долго продолжаться. Мое здоровье быстро ухудшается. Я постараюсь принять участіе въ засѣданіяхъ сейма, который откроется черезъ нѣсколько дней и можетъ продлиться не болѣе нѣсколькихъ недѣль. Тотчасъ послѣ закрытія сейма, я отправляюсь на воды и болѣе не вернусь къ дѣламъ. Я имѣю свидѣтельство отъ факультета, что я никуда не годенъ (untauglich), техническій терминъ, дающій право выйти въ отставку, и который, въ данномъ случаѣ, выражаетъ лишь печальную истину.

„Если Господь позволитъ мнѣ пользоваться нѣсколько лѣтъ отдыхомъ въ частной жизни, то я прошу у васъ, любезный графъ, позволенія продолжать дружественныя отношенія, которыя я имѣлъ случай завязать, благодаря моей оффиціальной дѣятельности, а покуда прошу васъ принять увѣренія въ тѣхъ чувствахъ, съ коими я остаюсь искренно вамъ преданный фонъ-Бисмаркъ.

„Прошу васъ извинить меня за то, что я замедлилъ отвѣтомъ; недѣли двѣ мнѣ было очень трудно писать, я чувствовалъ въ рукѣ какія-то судороги, которыя и теперь еще не прошли, какъ вы увидите по моему почерку. Я не хотѣлъ, однако, чтобы это письмо было написано постороннею рукою“.

ную мысль, которую я видимо плохо понялъ. Когда мнѣ не говорятъ, чего отъ меня хотятъ и требуютъ, то я легко могу не попасть въ точку и заслужить упрекъ въ томъ, что я поощряю турокъ, говоря о мирѣ, или быть заподозрѣннымъ, что я предательски понуждаю къ войнѣ. Мнѣ только-что пришлось подвергнуться цѣлому граду подобныхъ разнорѣчивыхъ обвиненій, и я не хочу подвергаться имъ вновь, не имѣя кормчаго и даже маяка, указывающаго мнѣ гавань, въ которую вы желали бы войти. Бисмаркъ».

Лондонъ, 25-го февраля 1877.

«Любезный князь, я глубоко тронутъ вашимъ прекраснымъ письмомъ, но я чувствую искреннее расканіе при мысли, какого труда вамъ стоило писать его и какъ много драгоцѣннаго времени (говоря о вашемъ) оно у васъ отняло.

«Это письмо будетъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей политической карьеры, и я завѣщаю его моему сыну.

«Отсутствуя болѣе года изъ Берлина и Петербурга, я поддался овладѣвшимъ мною сомнѣніямъ.

«Я подумалъ, что то, что̀ с у щ е с т в о в а л о—быть можетъ, б о л ѣ е н е с у щ е с т в у е т ъ. Вы даете мнѣ доказательство противнаго, я радъ этому отъ чистаго сердца, какъ истинно русскій человѣкъ.

«Если бы я не нашелъ въ васъ, любезный князь, по-прежнему человѣка, который никогда не измѣняетъ ни своихъ политическихъ убѣжденій, ни своего доброжелательства къ друзьямъ,—то на этотъ разъ я продалъ бы свои русскіе фонды, какъ вы хотѣли это сдѣлать три года тому назадъ, потому что были слишкомъ высокаго мнѣнія обо мнѣ.

«Я снялъ копію съ нѣкоторыхъ мѣстъ вашего письма и послалъ ихъ императору. Я знаю, что ему доставитъ удовольствіе прочесть ихъ. Всякій разъ какъ ему приходилось имѣть дѣло н е п о с р е д с т в е н н о съ вами, это имѣло самый хорошій и полезный результатъ; прочесть то, что̀ вы пишете человѣку, котораго вы удостоиваете названіемъ друга,—для императора равносильно, какъ будто онъ находится съ вами въ непосредственныхъ отношеніяхъ.

«Излишне говорить, что я пропустилъ все, что̀ относится къ Горчакову, такъ какъ я принимаю ваши намеки на него, какъ доказательство вашего довѣрія къ моей скромности.

«Хотя я плохо освѣдомленъ (по весьма понятной причинѣ) о томъ, чего желаютъ въ Петербургѣ, однако я считаю возможнымъ отсрочку войны и разоруженіе.

«Носится слухъ, что скоро будетъ заключенъ миръ съ Сербіей и Черногоріей. Великій визирь написалъ Деказу и Дерби письма съ заявленіемъ, что султанъ обѣщаетъ немедленно совершить всѣ реформы

требуемыя конференціей. Европа будетъ просить насъ дать Турціи на это время. Неужели же это благопріятный моментъ для того, чтобы объявить войну и еще болѣе возстановить противъ насъ Европу? Личныя дѣла настоятельно требуютъ моего отъѣзда въ Россію; я намѣренъ просить о кратковременномъ отпускѣ, лишь только у насъ будетъ принято какое-либо рѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ.

«Надѣюсь, любезный князь, что вы позволите мнѣ повидаться съ вами проѣздомъ въ Берлинъ—я чрезвычайно желаю этого.

«Надѣюсь, вы извините меня за это длинное письмо, въ виду того, что вамъ не придется впрочемъ отвѣчать на него ни слова.

«Примите еще разъ, любезный князь, мою горячую благодарность за вашу «Kindness» (доброту) и за ваше письмо, противъ котораго я могу сдѣлать только одно возраженіе, а именно по поводу того, что́ вы говорите, къ сожалѣнію, о своемъ здоровьи.—Господь сохранитъ его, я увѣренъ, какъ онъ сохраняетъ все то, что́ полезно милліонамъ людей и нужно для осуществленія великихъ и обширныхъ плановъ.

«Будьте увѣрены, любезный князь, что вы всегда найдете во мнѣ болѣе чѣмъ почитателя, число коихъ велико и безъ меня, но человѣка, искренно и отъ всего сердца вамъ преданнаго. Шуваловъ».

Графъ Шуваловъ еще до конгресса коснулся въ разговорѣ со мною вопроса о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ Россіи съ Германіей и поставилъ вопросъ категорически. Я обсуждалъ съ нимъ вполнѣ откровенно всѣ выгоды и затрудненія, которыя представлялъ для насъ этотъ союзъ, и прежде всего выборъ между Австріей и Россіей въ случаѣ, ежели тройственный союзъ восточныхъ державъ оказался бы непрочнымъ. Графъ сказалъ, во время разговора, между прочимъ: «vous avez le cauchemar des coalitons» [1]), на что́ я отвѣтилъ: «nécessairement» [2]). Самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ этого былъ, по его словамъ, прочный, непоколебимый союзъ съ Россіей, ибо, если эта держава будетъ исключена изъ числа противниковъ, могущихъ образовать противъ насъ коалицію, то не можетъ быть такой комбинаціи, которая угрожала бы нашему существованію.

Я согласился съ этимъ, но высказалъ опасеніе, какъ бы германская политика, считая возможнымъ только союзъ съ Россіей и уклоняясь по ея желанію отъ сближенія съ прочими государствами, не очутилась по отношенію къ ней въ неравномъ положеніи, такъ какъ географическое положеніе Россіи и ея неограниченный образъ правленія дастъ ей возможность гораздо легче нарушить союзъ, нежели могли бы это сдѣлать мы, и такъ какъ сохраненіе традицій русско-

[1]) Вы бредите коалиціями.
[2]) Разумѣется.

прусскаго союза зависитъ исключительно отъ воли одного человѣка, т. е. отъ личныхъ симпатій царствующаго въ Россіи императора. Наши отношенія къ Россіи основаны главнымъ образомъ на личныхъ отношеніяхъ между обоими монархами и зависятъ отъ того, въ какомъ духѣ эти отношенія поддерживаются искусными царедворцами и дипломатами, а равно и отъ взгляда представителей обѣихъ державъ. Мы видѣли примѣры, что благодаря искусству такихъ военно-уполномоченныхъ, каковыми были генералы Раухъ и гр. Мюнстеръ, взаимныя отношенія оставались весьма дружественны, въ то время, когда прусскими посланниками въ Петербургѣ были лица довольно безпомощныя, и обѣ стороны имѣли полное основаніе быть недовольны другъ другомъ. Мы видѣли также, что такіе несдержанные и раздражительные представители Россіи, какъ напр. Будбергъ и Убри, будучи чѣмъ-нибудь недовольны, производили своимъ поведеніемъ въ Берлинѣ и своими донесеніями такое впечатлѣніе, которое могло имѣть весьма опасное вліяніе на взаимныя отношенія полутораста милліоновъ обѣихъ націй.

Я припоминаю, что въ бытность мою посланникомъ въ Петербургѣ, кн. Горчаковъ, коего неограниченнымъ довѣріемъ я еще пользовался въ то время, заставляя меня иной разъ ожидать пріема, давалъ мнѣ просматривать нераспечатанныя и еще непрочитанныя имъ донесенія изъ Берлина, и я бывалъ пораженъ, видя изъ этихъ донесеній, съ какимъ недоброжелательствомъ мой бывшій другъ Будбергъ готовъ былъ жертвовать существовавшими отношеніями ради своей раздражительности по поводу какого-нибудь факта, случившагося въ обществѣ, и даже изъ простой потребности сказать какую-нибудь остроту на счетъ взаимныхъ отношеній при берлинскомъ дворѣ и въ министерствѣ. Его донесенія представлялись конечно для прочтенія императору, при томъ безо всякихъ комментаріевъ и доклада; замѣтки, которыя императоръ дѣлалъ на поляхъ этихъ донесеній и которыя Горчаковъ давалъ мнѣ иногда просматривать, при дальнѣйшей дѣловой корреспонденціи, служили несомнѣннымъ доказательствомъ того, какъ сильно невѣрныя донесенія Будберга и Убри вліяли на доброжелательнаго къ намъ императора Александра II, который выводилъ изъ нихъ заключеніе не объ ошибочности сужденій его представителей, но о томъ, что политика Берлина была недальновидна и недоброжелательна. Давая мнѣ читать эти нераспечатанныя донесенія и кокетничая такимъ образомъ своимъ довѣріемъ, Горчаковъ говорилъ обыкновенно: «Vous oubliierez ce que vous ne deviez pas lire» [1]), въ чемъ, разумѣется, я давалъ слово, послѣ того какъ мною были просмотрѣны въ сосѣд-

[1]) Вы забудете то, что вамъ не слѣдовало читать.

ней комнатѣ депеши, и я держалъ слово, пока находился въ Петербургѣ, такъ какъ я не считалъ своей задачею ухудшать отношенія между нашими дворами, жалуясь на представителя русскаго двора въ Берлинѣ, и опасался, что мои сообщенія послужатъ весьма некстати поводомъ для придворныхъ интригъ и происковъ.

Вообще, было бы желательно, чтобы нашими представителями при дружественныхъ дворахъ были такіе дипломаты, которые, не вмѣшиваясь самовластно въ общую политику своей страны, старались бы по возможности поддерживать дружественныя отношенія между заинтересованными государствами, умалчивая о мелкихъ неудовольствіяхъ и сплетняхъ, и удерживались бы отъ желанія выказать свое остроуміе, обращая предпочтительно вниманіе на наиболѣе важную сторону дѣла. Я не показывалъ зачастую своему монарху донесенія нашихъ представителей при нѣмецкихъ дворахъ потому, что они скорѣе обнаруживали желаніе сообщить что-нибудь пикантное или передать какія-либо непріятныя слова или факты и пускаться въ ихъ оцѣнку, нежели заботились о томъ, чтобы улучшить и поддержать отношенія между дворами, когда это необходимо и даже составляетъ въ Германіи постоянную задачу нашей политики. Я считалъ себя въ правѣ не сообщать изъ Петербурга и Парижа того, что могло безцѣльно произвести у насъ непріятное впечатлѣніе, или годилось болѣе для сатирическаго разсказа. Ставъ министромъ, я принялъ за правило не представлять подобныхъ донесеній на высочайшее воззрѣніе. Въ обязанность посланника, аккредитованнаго при дворѣ великой державы, не входитъ механически писать донесенія обо всѣхъ, доходящихъ до его слуха, глупыхъ рѣчахъ и злостныхъ намекахъ. Всякій посланникъ, а тѣмъ болѣе германскій дипломатъ при любомъ нѣмецкомъ дворѣ не долженъ писать донесеній вродѣ тѣхъ, которыя посылались въ Петербургъ Будбергомъ и Убри изъ Берлина, и Балабинымъ изъ Вѣны, въ разсчетѣ, что они, какъ произведенія остроумныя, будутъ прочитаны съ удовольствіемъ и вызовутъ снисходительную улыбку; напротивъ, онъ долженъ воздерживаться отъ наущеній и сплетень до тѣхъ поръ, пока отношенія дружественны или должны быть таковыми.

Если смотрѣть на дѣло съ чисто формальной стороны, то можно бы, пожалуй, считать правильнымъ, чтобы посланникъ сообщалъ откровенно все то, что доходитъ до его свѣдѣнія, предоставляя министру умолчать о томъ, о чемъ онъ хочетъ, и обратить вниманіе на то, что онъ найдетъ нужнымъ. Насколько это удобно на практикѣ, будетъ зависѣть, конечно, отъ личности министра. Такъ какъ я считалъ себя не менѣе дальновиднымъ г. фонъ-Шлейница и принималъ болѣе глубокое и добросовѣстное участіе въ судьбѣ нашей страны, нежели онъ, то я считалъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ не доводить до его свѣ-

дѣнія тѣхъ вещей, которыя могли послужить въ его рукахъ орудіемъ происковъ и интригъ при дворѣ въ духѣ той политики, которая не согласовалась съ политикою короля.

Сдѣлавъ это отступленіе, я возвращаюсь къ переговорамъ, которые велъ во время турецкой войны съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Я высказалъ ему, что если бы мы принесли наши отношенія къ прочимъ державамъ въ жертву для того, чтобы упрочить союзъ съ Россіей, то если бы наши отношенія къ Франціи и Австріи обострились вслѣдствіе ихъ страстнаго желанія реванша, мы могли очутиться при нашемъ географическомъ положеніи въ опасной зависимости отъ Россіи. Ея миролюбивыя отношенія къ державамъ, которыя не могутъ существовать безъ ея покровительства, также имѣли извѣстныя границы, въ особенности при такой политикѣ, какова была политика князя Горчакова, напоминавшая мнѣ что-то азіатское. Онъ опровергалъ зачастую всякія возраженія политическаго характера аргументомъ: «l'Empereur est fort irrité» [1]), на что я отвѣчалъ обыкновенно съ иронією: «Eh, le mien donc!» [2]). Шуваловъ замѣчалъ на это: «Gortschakoff n'a aucune influence» [3]); вообще, онъ обязанъ тѣмъ, что онъ остается еще, уваженію, которое императоръ имѣетъ къ его лѣтамъ и прежнимъ заслугамъ. По какому поводу могло бы возникнуть серьезное недоразумѣніе между Россіей и Пруссіей? Между ними не существуетъ вопроса, достаточно важнаго для того, чтобы подать къ этому поводъ.

Съ послѣднимъ я вполнѣ согласился, но напомнилъ объ Ольмюцѣ и Семилѣтней войнѣ, и сказалъ, что недоразумѣніе можетъ возникнуть по какому-нибудь пустяшному поводу, даже по вопросу чисто формальнаго свойства; между русскими и помимо Горчакова найдутся люди, которые не будутъ смотрѣть на друга, какъ на лицо равноправное, и сообразно съ этимъ относиться къ нему; что касается меня лично, то я не щепетиленъ относительно внѣшнихъ формальностей, но теперешняя Россія предъявляетъ не только съ формальной стороны, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ чисто Горчаковскія притязанія.

Я отклонилъ и этотъ разъ мысль о «выборѣ» между Австріей и Россіей и защищалъ союзъ трехъ императоровъ или по крайней мѣрѣ необходимость заботиться о сохраненіи между ними мира.

---

[1]) Императоръ очень сердитъ.

[2]) А мой-то!

[3]) Горчаковъ не имѣетъ никакого вліянія.

XXV.

Цѣль задуманнаго первоначально Бисмаркомъ тройственнаго союза.—Можно ли было ожидать новой войны съ Франціей.—Враждебное отношеніе князя Горчакова къ германской политикѣ.—Популярность въ Германіи союза съ Австріей.—Свиданіе Бисмарка съ графомъ Андраши въ Гастейнѣ.—Письмо Бисмарка къ баварскому королю.—Отвѣтное письмо короля.—Встрѣча, оказанная Бисмарку по пути въ Вѣну.—Несочувствіе императора Вильгельма къ союзу съ Австріей.—Его письмо по поводу этого союза къ императору Александру II и отвѣтъ императора.—Взглядъ Бисмарка на необходимость союза съ Австріей.—Возможность осложненій въ будущемъ.—Возможность сближенія Австріи съ Франціей, въ случаѣ возстановленія французской монархіи.—Разговоръ императора Александра III съ Бисмаркомъ.

Тройственный союзъ, котораго я старался достигнуть первоначально, тотчасъ послѣ заключенія Франкфуртскаго мира, и относительно котораго я пытался узнать взгляды Петербурга и Вѣны, еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 г., когда я былъ въ Мо (Meaux), былъ бы союзомъ трехъ императоровъ, съ заднею мыслью, что къ нему присоединится монархическая Италія: цѣлью этого союза было бы противодѣйствовать той борьбѣ, которая могла возникнуть, какъ я опасался, подъ какимъ бы то ни было видомъ, между двумя обозначившимися въ Европѣ направленіями, призванными Наполеономъ республиканскимъ и казацкимъ, и которыя я могъ бы назвать, сообразно съ нынѣшними понятіями, съ одной стороны системою порядка, основанною на монархической основѣ, а съ другой—соціальной республикой, въ которой антимонархическій государственный строй то медленно, то скачками идетъ къ своей погибели, до тѣхъ поръ, пока обманутый въ своихъ ожиданіяхъ народъ, видя созданный имъ невыносимый порядокъ вещей, не ощутитъ, наконецъ, желанія насильственнымъ путемъ вернуться къ монархическому правленію въ образѣ имперіи.

Избѣжать этого circulus vitiosus и не дать современному поколѣнію и его потомству вступить въ него составляетъ, по моему мнѣнію, задачу, которая должна бы быть ближе къ сердцу монархіямъ, еще полнымъ жизненныхъ силъ, нежели соперничество за преобладающее вліяніе на разноплеменныя національности, населяющія Балканскій полуостровъ. Если монархическія правительства не понимаютъ необходимости быть тѣсно сплоченными для поддержанія государственнаго и общественнаго порядка и готовы скорѣе потакать шовинистскимъ наклонностямъ своихъ подданныхъ, то можно опасаться, что предстоящая намъ интернаціональная, революціонная и соціальная борьба будетъ еще опаснѣе и что монархическому принципу будетъ еще труднѣе одержать надъ нею побѣду. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для предупрежде-

нія этой борьбы я считалъ послѣ 1871 г. тройственный союзъ императоровъ, къ которому надобно было всѣми силами стараться притянуть Италію. Свиданіе трехъ императоровъ, состоявшееся въ Берлинѣ въ 1872 г., поѣздка, въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, моего императора въ Петербургъ, пріѣздъ италіанскаго короля въ сентябрѣ того же года въ Берлинъ и посѣщеніе германскаго императора Вѣны въ октябрѣ мѣсяцѣ дали мнѣ надежду на успѣхъ и на то, что этотъ успѣхъ будетъ продолжителенъ. Эта надежда нѣсколько омрачилась впервые въ 1875 г., благодаря проискамъ князя Горчакова, который распространилъ ложное извѣстіе, будто бы мы имѣли намѣреніе напасть на Францію, не давъ ей заживить свои раны.

Въ то время, когда возникъ люксембургскій вопросъ (1867 г.), я былъ рѣшительнымъ противникомъ предупредительныхъ войнъ (Präventivkriege), т. е. такихъ наступательныхъ войнъ, которыя мы вздумали бы вести только потому, что можно было предположить, что намъ придется вести ихъ впослѣдствіи, когда непріятель будетъ болѣе подготовленъ къ нимъ и лучше вооруженъ. По мнѣнію нашихъ военныхъ, въ 1875 г. мы побѣдили бы, по всей вѣроятности, Францію, но нельзя было сказать съ такою же вѣроятностью, что прочія державы остались бы нейтральны. Ужъ если меня тревожила ежедневно опасность европейскаго вмѣшательства, передъ началомъ переговоровъ, которые должны были происходить въ Версалѣ, то если бы мы объявили войну Франціи съ единственной цѣлью не дать ей опомниться, то кажущаяся гнусность этого поступка была бы для Англіи прекраснымъ поводомъ пустить въ ходъ ея гуманныя фразы, а для Россіи—перейти отъ политики, которой руководила личная дружба обоихъ императоровъ, къ той, которой требуютъ ея трезвые государственные интересы, имѣвшіе рѣшающее значеніе въ 1814 и 1815 гг., когда дѣло шло объ уменьшеніи французской территоріи. Вполнѣ понятно, что для русской политики существуетъ извѣстная граница, далѣе которой она не можетъ допустить, чтобы значеніе, которымъ Франція пользуется въ Европѣ, было уменьшено.

Мнѣ кажется, что эта граница достигнута Франкфуртскимъ миромъ; можетъ быть, въ Петербургѣ не такъ ясно давали себѣ въ этомъ отчетъ въ 1870 и 1871 гг., какъ пять лѣтъ спустя. Едва-ли петербургскій кабинетъ могъ представить себѣ совершенно ясно во время нашей войны съ Франціей, что по окончаніи этой войны онъ будетъ имѣть сосѣдомъ столь сильную, объединенную Германію. Я полагалъ въ 1875 г., что на берегахъ Невы уже начали сомнѣваться въ томъ, удобно ли было дать дѣлу зайти такъ далеко, не вмѣшиваясь въ него. Искренняя дружба и уваженіе Александра II къ своему дядѣ покрывали непріятное чувство, которое уже испытывали въ то время въ пра-

вительственныхъ сферахъ. Если бы мы вздумали возобновить тогда войну только для того, чтобы не дать больной Франціи оправиться, то послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ конференцій, созванныхъ съ цѣлью предупредить столкновеніе, наше военное начальство очутилось бы во Франціи, по всей вѣроятности, въ такомъ же положеніи, въ какомъ я боялся очутиться въ Версалѣ, если бы осада (Парижа) затянулась. Война окончилась бы тогда не заключеніемъ мира между воюющими сторонами, а конгрессомъ, какъ въ 1814 г., при участіи побѣжденной Франціи и подъ руководствомъ какого-нибудь новаго Талейрана, быть можетъ, при такомъ же недоброжелательствѣ, какое питали къ намъ тогда.

Я опасался еще въ Версалѣ, чтобы участіемъ Франціи на лондонскихъ конференціяхъ, гдѣ обсуждали статьи парижскаго мира, касавшіяся Чернаго моря, не воспользовались съ такою же смѣлостью, какую выказалъ Талейранъ въ Вѣнѣ, для того, чтобы пристягнуть франко-германскій вопросъ къ тѣмъ, которые подлежали обсужденію по программѣ. Поэтому, несмотря на многія ходатайства, я пустилъ въ ходъ всевозможныя внѣшнія и внутреннія вліянія, чтобы не допустить Фавра къ участію въ этихъ конференціяхъ.

Нельзя утверждать, что Франція, въ случаѣ нашего нападенія на нее въ 1875 г., дѣйствительно оказала бы намъ такое слабое сопротивленіе, какъ полагали наши военные, если припомнимъ, что при заключеніи, 3-го января 1815 г., договора между Франціей, Англіей и Австріей,—Франція, изнуренная двадцати-лѣтними войнами и занятая еще непріятельскими войсками, была готова выставить 150.000 войска тотчасъ и 300.000 впослѣдствіи, въ случаѣ заключенія коалиціи противъ Пруссіи и Россіи. Тѣ 300.000 старослужащихъ солдатъ, которые были у насъ въ плѣну, возвратились во Францію и, кромѣ того, могло случиться, что Россія перестала бы соблюдать относительно насъ тотъ доброжелательной нейтралитетъ, какого она держалась въ 1815 г.; и мы могли бы имѣть въ ней непріятельскую державу у насъ въ тылу. Изъ циркулярной депеши, разосланной Горчаковымъ въ маѣ мѣсяцѣ 1875 г. ко всѣмъ русскимъ посланникамъ, видно, что русская дипломатія считала тогда уже необходимымъ противодѣйствовать нашему яко бы желанію нарушить миръ.

За этимъ эпизодомъ послѣдовало стараніе русскаго канцлера поколебать наши и въ особенности лично мои хорошія отношенія къ императору Александру, которое выразилось между прочимъ въ томъ, что онъ (какъ разсказано въ предыдущей главѣ) вынудилъ меня черезъ посредство генерала Вердера отвѣчать отказомъ на предъявленный намъ вопросъ о нейтралитетѣ въ случаѣ войны Россіи съ Австріей. Тотъ фактъ, что русскій кабинетъ обратился послѣ этого непосред-

ственно и при томъ по секрету къ вѣнскому кабинету, ознаменовалъ собою такую фазу горчаковской политики, которая не была благопріятна моему стремленію къ образованію монархически-консервативнаго тройственнаго союза.

Графъ Шуваловъ былъ вполнѣ правъ, говоря, что меня, какъ кошмаръ, преслѣдовала мысль о коалиціяхъ. Мы вели побѣдоносныя войны противъ двухъ великихъ державъ Европы; для насъ было важно обставить дѣло такъ, чтобы хотя одинъ изъ могущественныхъ противниковъ, съ которыми намъ пришлось воевать, не поддался искушенію отомстить намъ въ союзѣ съ прочими державами. Для того, кто знакомъ съ исторіей и съ характеромъ французскаго народа, будетъ ясно, что о Франціи въ этомъ случаѣ не могло быть рѣчи; если было возможно заключить секретный договоръ въ Рейхштадтѣ безъ нашего вѣдома и согласія, то не было ничего невозможнаго въ возобновленіи коалиціи между Франціей, Австріей и Россіей, заключенной нѣкогда Кауницомъ, коль скоро въ Австріи у кормила правленія оказались бы сочувствующіе этому элементы, которые до тѣхъ поръ не заявляли о своемъ существованіи.

Поощряя союзъ съ Франціей, мысль о которомъ носилась въ воздухѣ, во времена графа Бейста и Зальцбургскаго свиданія съ Людовикомъ-Наполеономъ въ августѣ 1867 г., или о сближеніи съ Россіей, выразившемся въ секретномъ договорѣ, заключенномъ въ Рейхштадтѣ, эти элементы могли подыскать такія соображенія, которыя оживили бы прежнее соперничество и прежнее стремленіе Австріи играть первенствующую роль въ Германіи, бывшее однимъ изъ двигателей австрійской политики.

Какую поддержку могла бы ожидать Германія въ такомъ случаѣ отъ Англіи,—это вопросъ, на который я не берусь отвѣтить, ссылаясь только на исторію Семилѣтней войны и Вѣнскаго конгресса; скажу только, что если бы не побѣды, одержанныя Фридрихомъ-Великимъ, то Англія, весьма вѣроятно, гораздо ранѣе перестала бы защищать интересы короля прусскаго.

Въ виду этого положенія дѣлъ, становилось необходимымъ сдѣлать попытку, чтобы предупредить образованіе враждебной Германіи коалиціи, обезпечивъ наши отношенія хотя бы къ о д н о й изъ великихъ державъ союзнымъ договоромъ. Предстояло выбирать только между Австріей и Россіей, такъ какъ англійская конституція не допускаетъ заключенія союзовъ на опредѣленный срокъ, союзъ же съ Италіей не могъ служить достаточнымъ противовѣсомъ противъ коалиціи трехъ остальныхъ великихъ державъ даже въ томъ случаѣ, если бы будущая политика и внутреннее устройство Италіи были совершенно независимы не только отъ Франціи, но даже отъ Австріи. Только вышеупо-

мянутый союзъ могъ предупредить образованіе коалиціи; другаго выбора не оставалось.

Союзъ съ Россіей былъ, въ моихъ глазахъ, сильнѣе въ матеріальномъ отношеніи. Вначалѣ я считалъ его также болѣе надежнымъ, такъ какъ традиціи династической дружбы, общность монархическаго чувства самосохраненія и отсутствіе коренныхъ разногласій въ политикѣ были, по моему мнѣнію, надежнѣе измѣнчивыхъ вліяній, которыя имѣло общественное мнѣніе на венгерское, славянское и католическое населеніе габсбургской монархіи.

Вполнѣ надежнымъ на долгое время нельзя было считать ни одинъ изъ этихъ союзовъ, ни династическій союзъ съ Россіей, ни народныя симпатіи къ нѣмцамъ со стороны венгерцевъ. Если бы въ Венгріи имѣли рѣшающее значеніе трезвыя политическія соображенія, то этотъ храбрый и независимый народъ держался бы всегда того взгляда, что, будучи затерянъ, подобно маленькому островку среди необъятнаго моря славянскаго населенія, при своей незначительной численности, онъ можетъ обезпечить себѣ независимое существованіе, только опираясь на нѣмецкій элементъ въ Австріи и Германіи. Но Кошутовскій эпизодъ и притѣсненія, которымъ подвергался въ Венгріи преданный имперіи нѣмецкій элементъ, а равно и нѣкоторые другіе симптомы указывали на то, что самонадѣянность венгерскихъ гусаръ и адвокатовъ бываетъ въ критическіе моменты сильнѣе ихъ самообладанія и политическихъ соображеній.

Къ заботамъ будущихъ отношеній Австріи и Германіи присоединялась также забота о томъ, что мы не придавали достаточнаго значенія тѣмъ политическимъ фактамъ, вслѣдствіе которыхъ нѣмецкій элементъ утратилъ въ Австріи преданность къ династіи и ту руководящую роль, которая выпала ему на долю въ ходѣ историческаго развитія. Нѣкоторое опасеніе за будущность австро-германскаго союза внушалъ также вопросъ о вѣроисповѣданіи, воспоминаніе о вліяніи, которое имѣли духовники императорской фамиліи, возможность возобновленія прежнихъ отношеній къ Франціи на почвѣ католицизма, въ случаѣ, если бы во Франціи совершилась соотвѣтственная перемѣна въ образѣ правленія и въ принципахъ правительственной власти. Нѣтъ ни малѣйшей возможности предсказать, какъ скоро подобная перемѣна можетъ произойти во Франціи.

Ко всему этому присоединялась еще польская сторона австрійской политики. Мы не можемъ требовать отъ Австріи, чтобы она отказалась отъ того оружія, которое она имѣетъ противъ Россіи, поддерживая польскій элементъ въ Галиціи. Политика, приведшая въ 1846 г. къ тому, что австрійскіе чиновники оцѣнивали головы польскихъ повстанцевъ, была возможна потому, что Австрія отплатила за выгоды, доставленныя

ей Священнымъ союзомъ трехъ восточныхъ державъ, соотвѣтственнымъ поведеніемъ въ польскомъ и восточномъ вопросахъ, какъ бы внеся этимъ свою ленту въ общее дѣло. Если бы союзъ трехъ восточныхъ державъ продолжалъ свое существованіе, то Австрія могла бы поставить на первый планъ свои отношенія къ русинамъ; если же бы этотъ союзъ распался, то, въ случаѣ войны съ Россіей, ей было бы удобно имѣть въ своемъ распоряженіи польское дворянство.

Связь Галиціи съ австрійской монархіей вообще слабѣе той связи, которая существуетъ между Познанью и западно-прусскими провинціями и коренной Пруссіей. Эта австрійская провинція, открытая нападенію съ востока, прилѣплена къ Австріи искусственно съ внѣшней стороны пограничныхъ Карпатъ; Австрія могла бы прекрасно обойтись безъ нея, получивъ въ вознагражденіе 5 или 6 милліоновъ поляковъ и русинъ въ Дунайскомъ бассейнѣ. Подобные проекты, въ которыхъ шла рѣчь объ обмѣнѣ Галиціи на провинціи съ румынскимъ и южно-славянскимъ населеніемъ и о возстановленіи Польши съ эрцгерцогомъ во главѣ, высказывались во время Крымской кампаніи и въ 1863 г. лицами компетентными и некомпетентными въ этомъ вопросѣ. Что же касается старо-прусскихъ провинцій, то онѣ не отдѣлены отъ Познани и западной Пруссіи никакой естественной границей, и ихъ потеря была бы незамѣнима. Поэтому, при обсужденіи предварительныхъ условій военнаго союза между Германіей и Австріей, особенно сложнымъ представляется вопросъ о будущей судьбѣ Польши.

Въ виду этихъ соображеній, угрожающее письмо императора Александра II (1879 г.) [1]) вынудило меня принять рѣшительныя мѣры для нашей обороны и для обезпеченія нашей независимости отъ Россіи.

Почти что всѣ партіи относились (у насъ) сочувственно къ союзу съ Австріей; сочувствіе консервативной партіи было обусловлено историческими традиціями, относительно которыхъ можно сказать, что врядъ-ли онѣ показались бы нынѣ основательными съ точки зрѣнія именно консервативной партіи. Но фактъ тотъ, что большинство этой партіи въ Пруссіи считаетъ сближеніе съ Австріей соотвѣтствующимъ ея цѣлямъ, несмотря на то, что оба правительства соперничали иногда между собою въ либерализмѣ. Консервативный ореолъ, окружающій Австрію, пересиливалъ въ глазахъ весьма многихъ членовъ этой партіи впечатлѣніе, которое производили прошлыя и продолжающіяся отчасти до нынѣ поползновенія этой державы къ либерализму, и ея стремленіе къ сближенію съ западными державами и преимущественно съ Франціей. Еще болѣе вѣскими соображеніями руководились католики, находя полезнымъ союзъ съ этой католической по преимуществу

[1]) Помѣщенное въ предъидущей главѣ. В. В.

великой державой. Для національ-либераловъ союзный договоръ, утвержденный между вновь возникшей Германской имперіей и Австріей, казался вѣрнымъ средствомъ для достиженія неосуществимыхъ мечтаній 1848 г., при чемъ ихъ не смущали препятствія и затрудненія, которыя стояли на пути этому союзу не только въ Австріи и объединенной Германіи, но и въ самой Австро-Венгерской монархіи. Такимъ образомъ, на нашей парламентской почвѣ, исключая соціалъ-демократовъ, которые вообще никогда не одобряютъ дѣйствій правительственной политики, большинство не только не было противъ союза съ Австріей, но многіе относились даже къ нему весьма сочувственно.

Традиціи международнаго права со временъ священной римской имперіи и германскаго союза также были приноровлены въ теоріи къ тому, чтобы между Германіей и Габсбургской монархіей существовалъ союзъ, въ силу котораго средне-европейскія государства были обязаны, въ теоріи, къ взаимопомощи. На практикѣ же ихъ политическая солидарность проявлялась въ прежнее время довольно рѣдко; тѣмъ не менѣе Европѣ и въ частности Россіи все-таки можно было поставить на видъ, что прочный союзъ между Австріей и нынѣшней Германской имперіей не составляетъ новости въ исторіи международнаго права. Впрочемъ, вопросы о популярности этого союза въ Германіи и о международномъ правѣ стояли въ моихъ глазахъ на второмъ планѣ; я считалъ, что имъ можно было воспользоваться только какъ вспомогательнымъ средствомъ для осуществленія намѣченной цѣли. На первомъ планѣ стоялъ для меня вопросъ о томъ, слѣдовало ли приступить немедленно къ исполненію этой идеи и много ли твердости пришлось бы мнѣ проявить для того, чтобы побороть противодѣйствіе, которое, по всей вѣроятности, оказалъ бы этому проекту императоръ Вильгельмъ, руководствуясь болѣе сердечными чувствами, нежели соображеніями политическаго свойства. Причины, побуждавшія насъ, при тогдашнемъ политическомъ положеніи, искать союза съ Австріей, были, по моему мнѣнію, столь настоятельны, что я стремился бы къ достиженію этого союза даже и тогда, когда бы общественное мнѣніе было противъ него.

Когда императоръ Вильгельмъ отправился въ Александрово (3-го сентября), то я уже подготовилъ свиданіе въ Гастейнѣ съ графомъ Андраши, которое и состоялось 27-го и 28-го августа.

Когда я изложилъ ему положеніе дѣлъ, то онъ вывелъ изъ моихъ словъ слѣдующее заключеніе: «Естественнымъ противовѣсомъ франко-русскому союзу долженъ быть австро-германскій союзъ». Я замѣтилъ, что онъ формулировалъ такимъ образомъ вопросъ, для обсужденія котораго я устроилъ наше свиданіе, и мы безъ труда пришли съ нимъ къ соглашенію относительно предварительныхъ условій оборонительнаго

союза, на случай нападенія со стороны Россіи на одного изъ союзниковъ; но мое предложеніе распространить дѣйствіе этого союза на другія государства, которыя могли бы напасть на насъ, не встрѣтило сочувствія со стороны графа.

Получивъ не безъ труда отъ его величества право приступить оффиціально къ переговорамъ, я рѣшилъ ѣхать для этого обратно черезъ Вѣну.

Передъ отъѣздомъ изъ Гастейна я написалъ, 10-го сентября, слѣдующее письмо Баварскому королю:

Гастейнъ, 10-го сентября 1879 г.

«Ваше величество были нѣкогда столь милостивы выразить мнѣ высочайшее ваше удовольствіе по поводу моихъ стараній поддержать мирныя и дружественныя отношенія Германской имперіи къ обѣимъ сосѣднимъ великимъ державамъ—къ Австріи и Россіи. Послѣдніе три года эта задача становилась все болѣе и болѣе трудною по мѣрѣ того, какъ русская политика подпадала вліянію частью воинствующихъ, частью революціонныхъ тенденцій панславизма. Уже въ 1876 г. намъ было неоднократно предъявлено изъ Ливадіи требованіе заявить и какъ бы связать себя обѣщаніемъ на счетъ того, намѣрена ли Германская имперія сохранить нейтралитетъ въ случаѣ войны Россіи съ Австріей.

«Уклониться отъ этого заявленія не удалось, и военная гроза, поднявшаяся въ Россіи, перенеслась на Балканы. Крупные успѣхи, достигнутые русской политикой вслѣдствіе этой войны даже послѣ конгресса, не охладили, къ сожалѣнію, раздраженія русской политики въ той степени, какъ это было бы желательно для миролюбивой Европы. Стремленія Россіи по-прежнему неспокойны и не отличаются миролюбіемъ; вліяніе панславистскаго шовинизма на взгляды императора Александра увеличилось. Графа Шувалова, къ сожалѣнію, постигла, кажется, серьезная немилость, и Берлинскій конгрессъ, дѣло рукъ графа, кажется, осужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоромъ.

«Самый вліятельный министръ, если таковой имѣется въ настоящее время въ Россіи—военный министръ Милютинъ. По его требованію, нынѣ, послѣ заключенія мира, когда Россіи никто не угрожаетъ, начаты громадныя вооруженія, и несмотря на матеріальныя жертвы, коихъ потребовала война, численность русской арміи увеличена ими въ мирное время на 56.000, а въ случаѣ мобилизаціи численность западной арміи увеличится почти на 400.000 человѣкъ. Эти вооруженія могутъ быть направлены только противъ Австріи или Германіи, и количество войскъ, стягиваемое въ царствѣ Польскомъ, соотвѣтствуетъ этому на-

значенію. Военный министръ заявилъ также откровенно технической коммиссіи [1]), что Россіи надобно готовиться къ войнѣ «съ Европою».

«Несомнѣнно, что императоръ Александръ, не желая вести войну съ Турціей, былъ однако вынужденъ объявить ее подъ давленіемъ панславянской партіи; вліяніе этой партіи между тѣмъ увеличилось настолько, что волненіе умовъ, кроющееся за нею, производитъ на императора нынѣ болѣе сильное впечатлѣніе и кажется ему опаснѣе, нежели прежде; поэтому, можно опасаться, что ей удастся также получить подпись императора Александра для дальнѣйшихъ воинственныхъ предпріятій на западѣ. Затрудненія, которыя Россія можетъ встрѣтить на этомъ пути со стороны Европы, не могутъ особенно устрашить такого министра, какъ Милютинъ или какъ Маковъ, если справедливы опасенія русской консервативной партіи, что либеральная партія, стараясь втянуть Россію въ разорительныя войны, хочетъ этимъ достигнуть не столько побѣды ея надъ прочими державами, сколько государственнаго переворота. Я не могу отдѣлаться при этомъ отъ мысли, что въ будущемъ и быть можетъ даже въ очень недалекомъ будущемъ, миру будетъ угрожать опасность со стороны Россіи, и при томъ со стороны ея одной. Попытки, которыя, судя по нашимъ донесеніямъ, были сдѣланы послѣднее время Россіей съ цѣлью узнать, встрѣтитъ ли она, въ случаѣ объявленія войны, поддержку со стороны Франціи и Италіи, привели, разумѣется, къ отрицательному результату. Италія оказывается безсильной, а Франція заявила, что она не хочетъ теперь воевать и не чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы начать наступательную войну противъ Германіи въ союзѣ съ одной Россіей.

«При такомъ положеніи, Россія предъявила намъ въ послѣднее время требованія, имѣющія тотъ смыслъ, что мы должны окончательно сдѣлать выборъ между Россіей и Австріей, приказавъ нѣмецкимъ членамъ коммиссіи по восточнымъ дѣламъ, въ сомнительныхъ вопросахъ, подавать голосъ вмѣстѣ съ Россіей, тогда какъ, по нашему мнѣнію, въ этихъ вопросахъ наиболѣе правильное истолкованіе постановленій конгресса сдѣлано большинствомъ, образованнымъ Австріей, Англіей и Франціей, и Германія подала поэтому голосъ вмѣстѣ съ ними, такъ что Россія составляла одно меньшинство иногда вмѣстѣ съ Италіей, а иногда и безъ нея. Хотя эти вопросы, какъ напримѣръ о положеніи моста подъ Силистріей, объ уступленной Турціи конгрессомъ военной дорогѣ въ Болгаріи, объ управленіи почтъ и телеграфовъ и пограничные споры относительно нѣкоторыхъ деревень, сами по себѣ весьма незначительны, по сравненію съ мирными отношеніями между великими державами, тѣмъ не менѣе требованіе Россіи, чтобы мы присоединили въ этомъ

[1]) Которой предстояло выполнить извѣстныя постановленія Берлинскаго договора 13-го іюля 1878 г. Примѣч. Бисмарка.

случаѣ свой голосъ не къ Австріи, а къ Россіи, сопровождалось не однимъ, а много разъ недвусмысленными угрозами въ особенности относительно послѣдствій, которыя нашъ отказъ могъ имѣть для международныхъ отношеній обѣихъ странъ. Этотъ странный фактъ, совпавшій при томъ съ отставкой графа Андраши [1]), разумѣется, могъ вызвать опасеніе, что между Россіей и Австріей состоялось, быть можетъ, тайное соглашеніе, направленное во вредъ Германіи. Но это опасеніе ни на чемъ не основано. Австрія, видя треволненія русской политики, испытываетъ такое же непріятное чувство, какъ и мы, и готова, повидимому, войти съ нами въ соглашеніе для того, чтобы отразить совмѣстно возможное нападеніе со стороны Россіи. Я считалъ бы существенной гарантіей для европейскаго мира и для спокойствія Германіи, если бы Германская имперія заключила съ Австріей договоръ, который имѣлъ бы цѣлью заботиться впредь, какъ и доселѣ, о сохраненіи мира съ Россіей, но въ то же время имѣлъ бы въ виду оказать помощь другъ другу, въ случаѣ если бы которая-либо изъ державъ подверглась все-таки нападенію.

«Будучи такимъ образомъ обезпечены, обѣ державы могли бы впредь, такъ же, какъ и доселѣ, посвятить свои силы укрѣпленію тройственнаго союза. Германская имперія, будучи въ союзѣ съ Австріей, не нуждалась бы въ союзѣ съ Англіей, и при миролюбивой политикѣ обѣихъ великихъ имперій европейскій миръ охранялся бы двухъ-милліоннымъ войскомъ. Исключительно оборонительный характеръ этого союза двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ не имѣлъ бы ни для кого вызывающаго характера, такъ какъ для международнаго права они взаимно обезпечивали другъ друга уже во время существованія Германскаго союза съ 1815 г., слѣдовательно, въ теченіе 50 лѣтъ.

«Если этотъ союзъ не будетъ заключенъ, то Австрію нельзя будетъ обвинить, ежели она, подъ давленіемъ русскихъ угрозъ и не будучи увѣрена въ Германіи, сама будетъ искать, въ концѣ концовъ, случая сблизиться съ Франціей или съ Россіей. Въ послѣднемъ случаѣ, Германія, при ея отношеніяхъ къ Франціи, была бы совершенно изолирована на континентѣ. Если же Австрія сблизится съ Франціей и съ Англіей, какъ въ 1854 г., то Германіи останется только заключить союзъ съ Россіей и, если она не захочетъ остаться изолированной, то

---

[1]) 14-го августа императоръ Францъ-Іосифъ принялъ въ принципѣ отставку графа Андраши, но не увольнялъ его окончательно отъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока ему не былъ избранъ преемникъ. Графъ съумѣлъ остаться еще нѣкоторое время при исполненіи своихъ обязанностей, чтобы довести до конца дѣло о союзѣ съ Германіей. 8-го октября было объявлено объ увольненіи его въ отставку и о назначеніи его преемникомъ Гаймерле.

Примѣч. Бисмарка.

ей придется идти вмѣстѣ съ Россіей по ошибочному и, какъ мнѣ кажется, опасному пути ея внѣшней и внутренней политики.

«Если Россія заставитъ насъ выбрать между ею и Австріей, то, заключивъ союзъ съ Австріей, мы вступимъ, по моему мнѣнію, на путь мирный и консервативный, въ союзѣ же съ Россіей мы вступили бы на путь крайне ненадежный.

«Зная политическіе взгляды вашего величества, я смѣю надѣяться, что ваше величество раздѣляете высказанное мною мнѣніе, и былъ бы счастливъ получить подтвержденіе этого.

«Трудности задачи, которую я себѣ намѣтилъ, велики сами по себѣ, но онѣ значительно увеличиваются тѣмъ, что мнѣ приходится обсуждать такой обширный и многосторонній вопросъ отсюда, письменно, и что мнѣ приходится дѣлать все собственными силами, тогда какъ я окончательно переутомленъ. Мнѣ и безъ того уже пришлось въ интересахъ моего здоровья продлить мое пребываніе здѣсь, но я надѣюсь послѣ 20-го числа сего мѣсяца отправиться обратно черезъ Вѣну. Если до тѣхъ поръ не удастся, по крайней мѣрѣ принципіально, придти къ какому-нибудь положительному результату, то я боюсь, что теперешній благопріятный моментъ будетъ упущенъ, а, въ виду выхода Андраши въ отставку, трудно сказать, представится ли онъ когда-либо вновь.

«Считая долгомъ почтительнѣйше изложить вашему величеству мой взглядъ на положеніе и политику Германской имперіи, прошу ваше величество всемилостивѣйше принять во вниманіе тотъ фактъ, что графъ Андраши и я обязались взаимно держать въ тайнѣ вышеизложенный проектъ и что до сихъ поръ только ихъ величествамъ обоимъ императорамъ извѣстно о намѣреніи ихъ первыхъ министровъ заключить между ними договоръ».

Для полноты привожу отвѣтъ короля и мое письмо на него:

Бергъ, 16-го сентября 1879 г.

«Любезный князь Бисмаркъ! Я узналъ съ искреннимъ сожалѣніемъ изъ вашего письма отъ 10-го числа сего мѣсяца, что дѣйствію Киссингенскихъ и Гастейнскихъ водъ мѣшаютъ ваши усиленныя и утомительныя занятія дѣлами. Я прочиталъ съ живѣйшимъ интересомъ сдѣланное вами обстоятельное изложеніе современнаго положенія политическихъ дѣлъ и приношу вамъ за это живѣйшую благодарность. Если бы между Германской имперіей и Россіей дѣло дошло до такихъ осложненій, которыя могли бы вызвать войну, то столь глубоко прискорбная перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ державъ доставила бы мнѣ величайшее огорченіе, но я все еще питаю надежду, что дѣлу удастся придать другой оборотъ, оказавъ воздѣйствіе на его величество, россійскаго императора, въ интересахъ мира. Во всякомъ случаѣ

ваши старанія заключить тѣсный союзъ между Германской имперіей и Австро-Венгріей всегда встрѣтятъ съ моей стороны полнѣйшее сочувствіе и самыя искреннія пожеланія, чтобы они увѣнчались успѣхомъ.

«Пожелавъ вамъ возвратиться на родину съ новыми силами, повторяю вамъ увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ какимъ я всегда пребываю вамъ искренній другъ Людовикъ».

Гастейнъ, 19-го сентября 1879 г.

«Милостивое письмо вашего величества отъ 16-го числа сего мѣсяца я получилъ съ благоговѣйной признательностью и съ удовольствіемъ убѣдился изъ него, что ваше величество одобряете мои старанія сблизиться съ Австро-Венгріей. Что касается отношеній къ Россіи, то я всепокорнѣйше позволю себѣ замѣтить, что намъ не угрожаетъ непосредственно опасность такихъ осложненій, которыя могли бы повести къ войнѣ и которыя глубоко огорчили бы также и меня не только съ политической точки зрѣнія, но даже лично; но опасность эта значительно увеличилась бы въ томъ случаѣ, если бы Франція захотѣла идти рука объ руку съ Россіей. Пока этого нѣтъ, наша политика, согласно съ намѣреніями его императорскаго величества, приложитъ все стараніе къ тому, чтобы поддержать и упрочить мирныя отношенія имперіи къ Россіи, оказавъ воздѣйствіе на его величество императора Александра. Переговоры, происходящіе съ Австріей относительно заключенія болѣе тѣснаго союза, имѣютъ вполнѣ миролюбивую, оборонительную цѣль, а также поддержаніе добрососѣдскихъ отношеній.

«Предполагая выѣхать изъ Гастейна завтрашній день, я разсчитываю быть въ Вѣнѣ въ воскресенье.

«Принося вашему величеству всенижайшую благодарность за милостивое участіе къ моему здоровью, честь имѣю быть, съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего величества всепокорнѣйшій слуга ф.-Бисмаркъ».

Сознаніе, которое я испытывалъ во время длинной поѣздки изъ Гастейна черезъ Зальцбургъ и Линцъ, что я находился на чисто нѣмецкой землѣ и среди нѣмецкаго населенія, усугублялось привѣтливымъ отношеніемъ ко мнѣ публики на станціяхъ. Въ Линцѣ толпа народа была такъ велика и такъ возбуждена, что, опасаясь вызвать этимъ въ вѣнскихъ кружкахъ какія-либо недоразумѣнія, я задернулъ въ вагонѣ занавѣски, не отвѣчалъ на дружественныя демонстраціи и уѣхалъ далѣе, никому не показываясь. Въ Вѣнѣ, на улицахъ было замѣтно подобное же настроеніе; привѣтствія густой толпы народа были такъ единодушны, что такъ какъ я былъ въ статскомъ то мнѣ пришлось ѣхать до гостиницы почти все время съ обнаженной головою, что было не особенно пріятно, и все время, пока я жилъ въ гостиницѣ, я не могъ показаться у окна, не вызвавъ дружелюбныхъ демонстрацій

со стороны тѣхъ лицъ, которыя или ожидали или случайно проходили мимо. Эти внѣшніе знаки вниманія увеличились еще болѣе, послѣ того какъ императоръ Францъ-Іосифъ сдѣлалъ мнѣ честь посѣтить меня. Всѣ эти факты доказывали несомнѣнно, что населеніе столицы и тѣхъ нѣмецкихъ провинцій, по которымъ я проѣзжалъ, желало, чтобы тѣсная дружба съ вновь возникшей нѣмецкой имперіей явилась залогомъ будущаго обѣихъ великихъ державъ. Я не сомнѣвался, что подобныя симпатіи существовали и въ Германской имперіи, на югѣ болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, среди консервативной партіи болѣе, нежели среди оппозиціи, въ западныхъ католическихъ провинціяхъ болѣе, нежели на протестантскомъ востокѣ, идя на встрѣчу узамъ кровнаго родства. Тридцатилѣтняя война, возникшая на религіозной почвѣ, политическая борьба, породившая Семилѣтнюю войну и дипломатическое соперничество, не прекращавшееся со смерти Фридриха Великаго до 1866 г., не могли подавить этого родственнаго чувства, хотя нѣмецъ склоненъ вообще сражаться болѣе энергично со своимъ соотечественникомъ, нѣмцемъ, если къ тому представится случай, нежели съ иностранцемъ.

Быть можетъ, населенная славянами Чехія, врѣзавшаяся клиномъ между нѣмецкими землями, отдѣливъ исконно нѣмецкое населеніе австрійской монархіи отъ его сѣверо-западныхъ соотечественниковъ, не допускала тѣхъ столкновеній, какія возникаютъ зачастую между сосѣднимъ одноплеменнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, подчиненнымъ власти двухъ различныхъ владѣтельныхъ лицъ, и укрѣпила національное чувство нѣмецкихъ обитателей Австріи, которое было скрыто, но не заглушено окончательно пылью, поднятою этой вѣковой борьбою.

Я былъ принятъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ весьма благосклонно и встрѣтилъ съ его стороны полнѣйшую готовность заключить съ нами союзный договоръ. Чтобы добиться на это согласія моего всемилостивѣйшаго монарха, я проводилъ еще въ Гастейнѣ ежедневно часть предназначеннаго для моего лѣченія времени за письменнымъ столомъ, стараясь доказать ему, что намъ необходимо ограничить число коалицій, которыя могутъ образоваться противъ насъ; я доказывалъ также, что вѣрнѣйшимъ къ этому способомъ можетъ быть союзъ съ Австріей. Говоря правду, я не особенно разсчитывалъ на то, что дѣловая сторона моихъ переговоровъ могла повліять на убѣжденія его величества, основанныя не столько на политическихъ соображеніяхъ, сколько на чувствѣ. Заключеніе союза, который по своей воинственной, хотя и оборонительной цѣли все-таки выражалъ недовѣріе къ племеннику и другу, съ которымъ онъ только-что обмѣнялся еще разъ со слезами и вполнѣ чистосердечно увѣреніями дружбы,—слишкомъ противорѣчило рыцарскимъ взглядамъ, съ коими императоръ смотрѣлъ на свои отношенія къ своему родственнику и другу. Я нимало не сомнѣвался въ томъ, что императоръ Але-

ксандръ относился къ нему въ свою очередь съ такою же безупречною честностью и съ такимъ же искреннимъ чувствомъ; но я зналъ, что онъ не обладалъ тою вѣрностью политическаго сужденія и тѣмъ трудолюбіемъ, которыя могли бы защитить его отъ тайныхъ происковъ окружающихъ лицъ, и что онъ не отличался такою откровенностью и довѣрчивостью въ личныхъ отношеніяхъ, какими отличался мой монархъ. Прямота, съ какою дѣйствовалъ всегда императоръ Николай, не была унаслѣдована его пріемникомъ, обладавшимъ характеромъ болѣе мягкимъ: сынъ легче поддавался женскому вліянію, нежели отецъ. Между тѣмъ единственнымъ залогомъ для поддержанія прочныхъ дружескихъ отношеній съ Россіей служитъ личность царствующаго монарха, и коль скоро она не представляетъ такой гарантіи, какую представляла собою личность Александра I, выказавшаго въ 1813 г., на томъ же престолѣ, такую преданность прусскому королевскому дому, на которую не всегда можно разсчитывать, то на союзъ съ Россіей нельзя полагаться въ той степени, какъ это можетъ быть намъ нужно.

Уже въ прошломъ столѣтіи было довольно опасно разсчитывать на принудительную силу какого-нибудь союзнаго договора въ томъ случаѣ, когда измѣнялись обстоятельства, при которыхъ этотъ союзъ былъ заключенъ, а въ настоящее время для правительства большой монархіи почти немыслимо употребить свои военныя силы для оказанія помощи дружественной державѣ, коль-скоро народъ этого не одобряетъ. Поэтому текстъ какого-нибудь союзнаго договора, коимъ государство обязуется начать, въ извѣстномъ случаѣ, войну, не представляетъ нынѣ тѣхъ гарантій, какія подобные договоры представляли въ то время, когда велись кабинетскія войны, съ 30 -60.000 войска; едва-ли въ настоящее время мыслима такая «семейная война», какую велъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, защищая интересы своего зятя въ Голландіи, и врядъ-ли нынѣ можно бы найти поводъ къ такой войнѣ, какую Николай I велъ въ Венгріи въ 1849 г. Тѣмъ не менѣе текстъ вполнѣ яснаго и зрѣло обдуманнаго договора не можетъ не вліять на дипломатію въ такіе моменты, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вызвать войну или избѣжать ея. Даже правительства, наиболѣе склонныя къ софистикѣ и насилію, не любятъ безцѣльно нарушать даннаго слова, если ихъ не принуждаетъ къ этому force majeure ихъ очевидныхъ интересовъ.

Всѣ доводы и соображенія, которые я представлялъ въ своихъ письмахъ королю, находившемуся въ Баденѣ, изъ Гастейна, Вѣны и наконецъ изъ Берлина, не оказали желаемаго дѣйствія. Для того чтобы получить согласіе императора на проектъ союзнаго договора, выработаннаго мною и Андраши и который былъ одобренъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ предположеніи, что онъ будетъ также принятъ

императоромъ Вильгельмомъ, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ крайне непріятному для меня средству, поставивъ кабинетскій вопросъ, на что́ я получилъ согласіе моихъ коллегъ. Такъ какъ я былъ слишкомъ утомленъ усиленной дѣятельностью за послѣднее время и перерывомъ лѣченія въ Гастейнѣ, чтобы совершить поѣздку въ Баденъ-Баденъ, то туда отправился графъ Стольбергъ; несмотря на серьезное противодѣйствіе со стороны его величества, ему удалось благополучно окончить это дѣло. Императоръ не былъ убѣжденъ политическими доводами, но обѣщалъ ратификовать договоръ только потому, что онъ ненавидѣлъ перемѣну въ личномъ составѣ министерства. Кронпринцъ съ самаго начала относился сочувственно къ союзу съ Австріей, но онъ не имѣлъ вліянія на отца.

Императоръ, со своимъ обычнымъ благородствомъ, счелъ долгомъ откровенно объяснить русскому императору [1]), что если бы ему вздумалось

[1]) Въ нижеслѣдующемъ письмѣ, которое не приведено въ „Воспоминаніяхъ Бисмарка“, но напечатано въ „Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen“, оттуда оно здѣсь заимствуется.

„Берлинъ, 4-го ноября (23 октября) 1879 г.

Императору Александру, моему любезному племяннику и другу.

Сердечная дружба, соединяющая насъ уже столь долгіе годы и диктовавшая намъ политику, основанную на этихъ чувствахъ, налагаетъ на меня обязанность написать вамъ въ то время, когда я пересылаю вамъ меморандумъ, представляющій результатъ словесныхъ объясненій между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши въ Гастейнѣ и Вѣнѣ. Послѣдній прибылъ въ Гастейнъ, чтобы дать объясненія по поводу причинъ, вызвавшихъ его увольненіе отъ дѣлъ, коими онъ руководилъ столь отмѣннымъ образомъ, что снискало ему довѣріе всей Европы. Предметомъ переговоровъ обоихъ канцлеровъ были отношенія, возникшія между Германіею и Австріею, вслѣдствіе событій 1848 года. Судьба оружія рѣшила, что впредь Пруссія будетъ стоять во главѣ объединенной Германіи. Послѣ того, какъ германскій союзъ пересталъ существовать, потеряли реальное значеніе и трактаты, соединявшіе Австрію съ возстановленною Германіею. Несмотря на это, однако, союзъ между Австріею, Пруссіею и германскими государствами существуетъ въ общественномъ мнѣніи Германіи, которое стремится воплотить его въ нравственномъ единеніи обѣихъ имперій, въ миротворномъ духѣ которыхъ видятъ ручательство поддержанія мира въ Европѣ. Я не говорю уже о мудрости, съ которою вы столь могущественно способствовали сохраненію этого мира вопреки частнымъ войнамъ, театромъ которыхъ Европа была въ послѣднія 20 лѣтъ.

„Отставка графа Андраши, своею личностью поддерживавшаго ходъ сказанныхъ событій, могла имѣть тяжкія послѣдствія, кто бы ни былъ его преемникомъ, ибо довѣріе не передается по наслѣдству. Оба канцлера, такимъ образомъ, пришли къ соглашенію, чтобы восполнить посредствомъ новаго единенія между Германіею и Австріею пустоту, образовавшуюся съ прекращеніемъ германской федераціи, которая въ теченіе полвѣка была представительницею союза Пруссіи, Австріи и германскихъ монарховъ. Это соглашеніе изложено въ прилагаемомъ при семъ меморандумѣ.

малось напасть на одну изъ сосѣднихъ державъ, то ему предстояло бы воевать съ обоими сосѣдями; онъ не хотѣлъ, чтобы императоръ Александръ думалъ ошибочно, что онъ могъ бы воевать съ одной только Австріей. Эта заботливость казалась мнѣ излишней, такъ какъ петербургскій кабинетъ могъ понять изъ нашего отвѣта на вопросъ, предложенный намъ изъ Ливадіи, что мы не дадимъ погубить Австрію, слѣдовательно, нашимъ договоромъ съ Австріей не было создано новаго положенія, а было только узаконено прежде существовавшее.

Возобновленіе Кауницкой коалиціи, если бы она оставалась тѣсно сплоченной и вела бы свои войны искусно, угрожало бы Германіи хотя не отчаянной, но во всякомъ случаѣ весьма серьезной опасностью, предотвратить которую было бы задачею нашей внѣшней политики. Если бы сплоченность союзныхъ Австріи и Германіи и единообразіе ихъ государственнаго устройства были такъ же прочно обезпечены, какъ въ Россіи и во Франціи, взятыхъ въ отдѣльности, то я не думалъ

Я ласкаю себя мыслію, что принципы, изложенные въ этомъ важномъ актѣ, будутъ вами одобрены, и что вы соблаговолите придать значеніе возстановленію соглашенія трехъ императоровъ, оказавшаго Европѣ съ 1873 г. столько важныхъ услугъ. Я не безъ удовольствія замѣтилъ, что, послѣ нашего свиданія въ Александровѣ, печать нашихъ странъ успокоилась; однако же, я встрѣтилъ въ одной московской газетѣ статью, открыто говорящую о панславистской войнѣ противъ Германіи, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, при чемъ генералъ-губернаторъ не арестовалъ этой газеты, хотя онъ имѣлъ полное право это сдѣлать по своимъ полномочіямъ. Я боюсь нигилистической партіи, которая въ одинъ голосъ съ панславизмомъ держитъ враждебныя рѣчи противъ сосѣднихъ странъ для того, чтобы пользоваться всякимъ конфликтомъ для своихъ разрушительныхъ плановъ. Если бы эти революціонные планы могли своимъ давленіемъ привести къ тому, чтобы увлечь за собою или компрометтировать правительство въ его политическихъ сношеніяхъ, то, не могу отъ васъ скрыть, дорогой мой племянникъ, что при этомъ встрѣтилась бы солидарность противодѣйствія въ сосѣднихъ странахъ. Угрожающая рѣчь въ связи съ такимъ бросающимся въ глаза увеличеніемъ вашей арміи послѣ успѣховъ славной войны, которая, казалось бы, должна была обезпечить миръ, держитъ Европу въ тревогѣ, тогда какъ откровенное выраженіе вашей миротворной воли могло бы утишить безпокойство и опять привести умы на добрый путь.

Вотъ, дорогой племянникъ, то, что я хотѣлъ вамъ высказать съ прямотою и довѣріемъ, которыя вамъ извѣстны. Но я долженъ еще присовокупить къ этому мое, вполнѣ личное сожалѣніе по поводу досаднаго совпаденія нашего дружественнаго свиданія съ дѣйствіями, которыя были ускорены вслѣдствіе непредвидѣнной отставки графа Андраши и обстоятельствъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Вамъ уже извѣстно, что я имѣлъ огромное удовольствіе видѣться съ императрицею и высказать ей искренно мои горячія пожеланія ей здоровья, которое, благодаря Бога, какъ мнѣ кажется, лучше, нежели я ожидалъ. Вильгельмъ".

бы, что нападеніе одной изъ сосѣднихъ великихъ державъ могло бы угрожать нашему существованію, хотя бы Италія и не участвовала въ тройственномъ союзѣ. Но если антинѣмецкое настроеніе обнаружится въ Австріи на національной и религіозной почвѣ съ большею по сравненію съ прежнимъ силою, и если къ этому присоединятся искушенія со стороны Россіи и ея предложенія въ области восточной политики, какъ это было во время Екатерины II и Іосифа II, если вожделѣнія Италіи будутъ угрожать австрійскимъ владѣніямъ на берегу Адріатическаго моря и если намъ надобно будетъ считаться съ ея военными силами такъ же точно, какъ во времена Радецкаго, то борьба, которую я считаю возможною въ будущемъ, будетъ для насъ весьма не равная. Нечего и говорить, насколько опаснѣе было бы положеніе Германіи, если представить себѣ, что, съ возстановленіемъ монархіи во Франціи, Австрія, желая стереть съ лица земли событія 1866 г., при дружескихъ отношеніяхъ обѣихъ державъ къ римской куріи, перейдетъ въ лагерь на-

---

Императоръ Александръ II отвѣчалъ на это письмо:

„Ливадія, 2-го (14-го) ноября 1879 г.

Дорогой дядя и другъ! Не могу довольно благодарить васъ за ваше письмо отъ 4-го ноября, только-что мною полученное. Приложивъ къ нему текстъ меморандума, подписаннаго въ Вѣнѣ, вы дали мнѣ новое доказательство вашего сердечнаго ко мнѣ довѣрія и предчувствовали потребность моего сердца устранить изъ нашихъ отношеній малѣйшую тѣнь сомнѣнія.

Несомнѣнно, что путешествіе князя Бисмарка въ Вѣну, сопровождавшееся заключеніемъ помянутаго акта, какъ казалось, служило въ нѣкоторомъ родѣ противовѣсомъ нашему свиданію въ Александровѣ и могло произвести тягостное впечатлѣніе, которое могло ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе. Мое личное довѣріе этимъ не поколеблено, и я счастливъ, что могу нынѣ констатировать, что эта политическая сдѣлка не содержитъ въ себѣ ровно ничего противнаго моимъ желаніямъ. Она стремится къ тому чтобы упрочить могущество великой Германіи, объединенію которой я радовался, и старается исполнить мирнымъ образомъ постановленія Берлинскаго договора, точное соблюденіе которыхъ составляло всегда основу моей политики.

Я присоединяюсь поэтому всецѣло къ принципамъ, изложеннымъ въ меморандумѣ, который вы мнѣ сообщили; присоединяясь такимъ образомъ къ соглашенію, установившемуся между Германіей и Австріей, я съ удовольствіемъ вижу въ немъ возвратъ къ тому совершенному согласію трехъ императоровъ, которое, какъ вы замѣтили вполнѣ справедливо, оказало Европѣ величайшія услуги.

Вамъ не безъизвѣстно, впрочемъ, дорогой дядя, что я былъ готовъ идти на встрѣчу этому согласію; вамъ должны такъ же быть извѣстны мои стараніе достигнуть его полнѣйшей общностью взглядовъ между нами. Желая облегчить вызванныя имъ сношенія и назначая моего теперешняго посланника въ Берлинѣ на другую должность, я рѣшилъ замѣнить его г. Сабуровымъ, коего задача выяснилась во время его послѣднихъ свиданій съ княземъ Бисмаркомъ. Если этотъ выборъ будетъ вами одобренъ, соблаговолите

шнхъ противниковъ. Эти пессимистическія мысли, не выходящія впрочемъ изъ предѣловъ возможнаго и оправдываемыя прошлымъ, побудили меня поднять вопросъ о томъ, не лучше ли было бы заключить между Германской имперіей и Австро-Венгріей такой органическій союзъ, который не былъ бы временнымъ, какъ обыкновенные договоры, но былъ бы включенъ въ законодательство обѣихъ имперій и могъ бы быть расторгнутъ не иначе, какъ новымъ законодательнымъ актомъ

Такой союзъ въ теоріи представляется весьма надежнымъ; но оказался ли бы онъ таковымъ въ дѣйствительности при дальнѣйшемъ ходѣ событій, подлежитъ сомнѣнію, если припомнимъ, что государственное устройство священной римской имперіи, налагавшее въ теоріи несравненно болѣе обязательствъ, не могло обезпечить сплоченности нѣмец-

---

извѣстить меня о томъ; надѣюсь, что Сабуровъ окажется достойнымъ того довѣрія, которымъ я желалъ бы, чтобы были отмѣчены сношенія нашихъ двухъ государствъ.

Въ этомъ отношеніи не могу передъ вами, дорогой дядя, скрыть, какъ я сожалѣю, что вы могли приписать характеръ угрозы ряду военныхъ мѣръ, вызванныхъ необходимостью преобразованія моей арміи. Я думалъ, что мои словесныя объясненія вмѣстѣ съ разъясненіями моего военнаго министра Милютина, имѣвшаго честь вамъ ихъ сдѣлать въ Александровѣ, достаточно уже показали мирный характеръ всѣхъ этихъ мѣръ для того, чтобы окончательно разъяснить этотъ вопросъ. Не менѣе сожалѣю, что вы могли допустить, будто панславистскія и другія тенденціи, дающія себя знать въ публицистикѣ, могутъ оказывать давленіе на мое правительство. Невѣрное мнѣніе какого-либо писателя, будь это даже представитель болѣе или менѣе распространеннаго кружка его единомышленниковъ, никогда не пріобрѣтаетъ въ Россіи значенія политической программы. Поэтому, если случается, что какая-либо выходка печати ускользаетъ отъ контроля моего правительства, то это бываетъ именно потому, что сознаніе имъ своей силы лишаетъ все подобное всякой важности. Что до разрушительныхъ стараній нигилистической партіи, то вы знаете, что я не поколебался прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ мѣрамъ для борьбы съ нею, какъ только обстоятельства показали необходимость этого. И эти мѣры не остались безъ результатовъ. Вы можете видѣть въ этомъ доказательство того, что моя твердая воля не потерпитъ никогда ни малѣйшаго покушенія, которое могло бы компрометтировать порядокъ и миръ. Мнѣ остается, мой дорогой дядя, надѣяться, что эти увѣренія, исходя отъ меня, будутъ въ состояніи разсѣять ваши сомнѣнія.

Я былъ весьма радъ слышать, что назначеніе моего флигель-адъютанта, полковника П. Долгорукаго военно-уполномоченнымъ при вашей особѣ вами одобрено; рекомендуя его вашей благосклонности, я надѣюсь, что онъ съумѣетъ заслужить ее.

Позвольте выразить вамъ мою благодарность за милостивый пріемъ, оказанный вами моимъ сыновьямъ.

Императрица была очень рада видѣть васъ при проѣздѣ черезъ Оосъ. Ея здоровье оставляетъ, къ сожалѣнію, желать многаго.

Вѣрьте, любезный дядя, чувствамъ неизмѣнной преданности и искренняго расположенія преданнаго вамъ племянника и друга Александра".

кой націи и что мы не могли подыскать для опредѣленія нашихъ отношеній къ Австріи такой формулы союзнаго договора, въ которой крылась бы болѣе прочная связующая сила, нежели въ прежнихъ союзныхъ договорахъ, послѣ заключенія которыхъ Кениггрецкое сраженіе, въ теоріи, было немыслимо. Прочность договоровъ, заключаемыхъ между великими державами, условна, коль скоро имъ приходится выдержать испытаніе въ «борьбѣ за существованіе». Ни отъ одной великой державы нельзя ожидать, чтобы она принесла свое существованіе въ жертву на алтарь союзныхъ договоровъ, если ей придется выбирать между тѣмъ и другимъ. Ultra posse nemo obligatur не можетъ быть уничтожено никакими договорными статьями; точно также никакими статьями договора не можетъ быть обезпечено точное и серьезное его исполненіе, коль скоро личные интересы договаривающихся сторонъ не будутъ долѣе соотвѣтствовать тексту заключеннаго договора. Поэтому, если дѣла европейской политики примутъ такой оборотъ, что Австро-Венгрія будетъ видѣть свое спасеніе въ анти-нѣмецкой политикѣ, то съ ея стороны можно будетъ ожидать такого же самопожертвованія при соблюденіи договоровъ, какое она выказала во время крымской кампаніи, когда ей приходилось уплатить долгъ признательности, который былъ важнѣе всякаго политическаго договора...

Опасность, которой могутъ угрожать нашему союзу съ Австріей попытки, дѣлаемыя съ цѣлью заключить союзъ между Россіей и Австріей, какъ это было во времена Іосифа II и Екатерины II или при заключеніи Рейхштадтской конвенціи, и таинственность, съ какою это дѣлается, можетъ быть парализована до нѣкоторой степени только въ томъ случаѣ, если, строго соблюдая наши обязательства по отношенію къ Австріи, мы будемъ въ то же время твердо помнить, что дорога изъ Берлина въ Петербургъ ничѣмъ не ограждена. Мы должны заботиться о томъ, чтобы миръ между сосѣдними имперіями не былъ нарушенъ, въ этомъ состоитъ наша задача. Намъ удастся обезпечить будущее царствующей въ Италіи четвертой большой династіи лишь настолько, насколько намъ удастся поддержать согласіе между тремя имперіями, и либо ограничить честолюбіе нашихъ двухъ восточныхъ сосѣдокъ, либо удовлетворить его по обоюдному соглашенію. То и другое не только необходимо для насъ съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія, ибо въ противномъ случаѣ намъ самимъ угрожала бы опасность, но охраненіе монархическаго элемента въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ и при ихъ помощи въ Римѣ составляетъ даже непремѣнную задачу Германіи, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ сохраненію государственнаго порядка у насъ самихъ.

Договоръ, заключенный нами съ Австріей для взаимной защиты въ случаѣ нападенія со стороны Россіи, всѣмъ извѣстенъ. Но о заключеніи

этими державами подобнаго же оборонительнаго союза противъ Франціи не извѣстно. Союзъ, заключенный между Германіей и Австріей, не представляетъ такой гарантіи, въ случаѣ войны съ Франціей, которая можетъ скорѣе всего угрожать Германіи, какъ въ случаѣ войны со Россіей, которая угрожаетъ Австріи болѣе, нежели Германіи. Между Германіей и Россіей не существуетъ такого различія интересовъ, которое неизбѣжно привело бы къ столкновенію и разрыву. Напротивъ, одинакіе интересы въ польскомъ вопросѣ и вліяніе давнишней династической солидарности въ противуположность революціоннымъ стремленіямъ составляютъ основу для общихъ дѣйствій въ политикѣ обоихъ кабинетовъ. Она нѣсколько ослабла вслѣдствіе того, что общественное мнѣніе цѣлыхъ десять лѣтъ было сбито съ толку русской прессою, которая возбуждала и поддерживала въ читающей публикѣ искусственно ненависть ко всему нѣмецкому; царствующей династіи приходится съ этимъ считаться, если императоръ желаетъ поддерживать съ Германіей дружественныя отношенія. Впрочемъ, едва-ли русская публика настроена къ Германіи болѣе враждебно, нежели чехи въ Богеміи и Моравіи и словаки въ тѣхъ земляхъ, которыя входили нѣкогда въ составъ Германскаго союза, и поляки въ Галиціи. Словомъ, остановивъ свой выборъ предпочтительно на союзѣ съ Австріей, а не съ Россіей, я не закрывалъ глаза на сомнѣнія, которыя затрудняли мнѣ этотъ выборъ. Я всегда считалъ и до сихъ поръ считаю необходимымъ поддерживать добрососѣдскія отношенія къ Россіи, несмотря на то, что нами заключенъ оборонительный союзъ съ Австріей, такъ какъ мы не можемъ быть вполнѣ гарантированы, что избранная нами комбинація не потерпитъ фіаско; напротивъ, мы будемъ въ состояніи сдерживать антинѣмецкія вожделѣнія Австро-Венгріи только до тѣхъ поръ, пока наши отношенія къ Петербургу будутъ хороши и пока между нами и Россіей не образуется пропасти, чрезъ которую нельзя будетъ перекинуть моста. Вѣнское правительство въ состояніи будетъ сдерживать враждебные или чуждые германскому союзу элементы только до тѣхъ поръ, пока этой непоправимой пропасти не существуетъ. Если же между нами и Россіей возникнетъ рознь и наступившее охлажденіе будетъ казаться непоправимымъ, то въ Вѣнѣ, разумѣется, возрастутъ требованія, которыя она сочтетъ себя въ правѣ предъявить къ своему германскому союзнику. Во-первыхъ, она потребуетъ расширить casus foederis, который, согласно обнародованному тексту союзнаго договора, заключенъ только для защиты въ случаѣ нападенія на Австрію со стороны Россіи, и во-вторыхъ, она потребуетъ, вѣроятно, замѣнить означенный casus foederis защитою австрійскихъ интересовъ на Балканахъ и на востокѣ, что̀ наша пресса уже пробовала дѣлать и довольно успѣшно. Вполнѣ естественно, что̀ народы, обитающіе въ Дунайскомъ бассейнѣ, имѣютъ по-

требности и планы, которые не укладываются въ нынѣшнихъ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи; германская имперская конституція намѣтила путь, слѣдуя которому, Австрія могла бы примирить политическіе и матеріальные интересы ея подданныхъ, обитающихъ между восточной границей Румыніи и Каттарскимъ заливомъ. Но въ задачи Германской имперіи не входитъ жертвовать жизнью и кровью своихъ подданныхъ ради осуществленія желаній ея сосѣдки. Сохраненіе цѣлости и независимости Австро-Венгерской монархіи, какъ великой державы, необходимо для Германіи ради соблюденія европейскаго равновѣсія, и для этого можно со спокойной совѣстью пожертвовать, въ случаѣ надобности, миромъ страны. Но кромѣ этого въ Вѣнѣ не должны предъявлять къ союзнику такихъ требованій, которыхъ не имѣли въ виду при заключеніи союза.

Миръ между Германіей и Россіей едва-ли можетъ быть нарушенъ инымъ путемъ кромѣ какъ искусственнымъ подзадориваніемъ или честолюбивыми выходками русскихъ или нѣмецкихъ военныхъ лицъ вродѣ Скобелева, которые изъ желанія отличиться хотѣли бы, чтобы Россіи пришлось воевать прежде, нежели они состарятся. Общественное мнѣніе Россіи и русская пресса должны быть чрезвычайно недальновидны и лживы, чтобы думать и предполагать, что, при заключеніи оборонительнаго союза съ Австріей и затѣмъ съ Италіей, германской политикой руководили завоевательныя стремленія. Лживость была скорѣе всего польско-французскаго происхожденія, а недальновидность русскаго происхожденія. Польско-французская партія ловко одерживала, на почвѣ русскаго легковѣрія и невѣжества, побѣду надъ недостаткомъ таковой ловкости съ нашей стороны, въ чемъ, смотря по обстоятельствамъ, кроется сила или слабость нѣмецкой политики. Честная и прямодушная политика въ большинствѣ случаевъ выгоднѣе прежнихъ хитросплетеній, но для ея успѣха необходима извѣстная доля личнаго довѣрія, которое легче утратить, нежели пріобрѣсти.

Никто не можетъ предвидѣть будущей судьбы Австріи въ такой степени, какъ это необходимо для заключенія съ нею прочнаго и органическаго договора. Тѣ факторы, которые играютъ роль въ ея развитіи, такъ же разнообразны, какъ самый составъ ея населенія; къ ихъ жгучему и порой разлагающему дѣйствію присоединяется неуловимое вліяніе, которое можетъ имѣть на руководящія сферы религіозный элементъ, смотря по тому, усиливается или падаетъ вліяніе Рима. Не только панславизмъ и Болгарія или Боснія, но также вопросы: сербскій, румынскій, польскій, чешскій и пожалуй даже италіанскій вопросъ въ Трентино, Тріестѣ и на далматинскомъ берегу могутъ явиться центромъ и исходнымъ пунктомъ не только австрійскаго, но даже европейскаго

кризиса, который затронетъ германскіе интересы настолько, насколько Германская имперія будетъ тѣсно связана съ Австріей.

Въ Богеміи разладъ, существующій между нѣмцами и чехами, проникъ мѣстами въ армію такъ глубоко, что въ нѣкоторыхъ полкахъ офицеры той и другой національности не знакомятся другъ съ другомъ и даже не ѣдятъ вмѣстѣ. Опасность тяжелой и серьезной войны угрожаетъ Германіи скорѣе на западной границѣ, такъ какъ французы выказываютъ склонность къ воинственнымъ замысламъ и къ завоеваніямъ, воспитанную въ нихъ монархами, со временъ императора Карла V, для достиженія ими владычества внутри государства и внѣ его.

Мы легче можемъ заручиться помощью Австріи въ случаѣ войны съ Россіей, нежели для войны съ Франціей, коль скоро соперничество этихъ двухъ державъ въ Италіи, въ которой они хозяйничали, утратило тотъ характеръ, какой оно имѣло прежде. Если бы во Франціи была возстановлена монархическая и католическая монархія, то можно бы надѣяться, что ей удастся возстановить такія отношенія къ Австріи, которыя существовали во время Семилѣтней войны и Вѣнскаго конгресса до возвращенія Наполеона съ Эльбы, и которыя угрожали во время польскаго возстанія въ 1863 г., во время Крымской кампаніи и чуть было не осуществились во времена графа Бейста съ 1866 по 1870 гг. въ Зальцбургѣ и Вѣнѣ. Въ случаѣ возстановленія монархіи во Франціи, взаимная симпатія двухъ католическихъ великихъ державъ, не ослабляемая болѣе ихъ соперничествомъ изъ-за Италіи, могла бы вызвать въ предпріимчивыхъ политическихъ дѣятеляхъ желаніе оживить снова эти симпатіи.

Высказывая свое сужденіе объ Австріи, мы дѣлаемъ и теперь ошибку, не допуская возможности той враждебной политики, какую преслѣдовали Тугутъ, Шварценбергъ, Буоль, Бахъ и Бейстъ. Не можетъ развѣ повториться, въ другомъ направленіи, политика неблагодарности, возведенной въ принципъ, которой хвастался Шварценбергъ по отношенію къ Россіи, та политика, которая подготовила намъ затрудненія 1792—1795 гг. въ то время, когда наши войска стояли въ полѣ вмѣстѣ съ войсками Австріи, которая бросила насъ на произволъ судьбы для того, чтобы быть достаточно сильной въ польскихъ дѣлахъ, старалась навязать намъ войну съ Россіей, что̀ ей едва и не удалось, въ то время когда мы, въ качествѣ ея союзниковъ, сражались за Германскую имперію съ Франціей, и чуть не довела на Вѣнскомъ конгрессѣ дѣло до войны между Россіей и Пруссіей. Всѣ попытки, которыя дѣлаются съ цѣлью вступить на этотъ путь, не удаются въ настоящее время благодаря личной честности и порядочности императора Франца-Іосифа и, хотя этотъ монархъ уже не такъ молодъ и неопытенъ, какъ въ то время, когда, поддавшись вліянію личнаго озлобленія графа Буоля про-

тивъ императора Николая, онъ рѣшился произвести политическое давленіе на Россію, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Виллагоса; но это гарантія, такъ сказать, чисто личная; она можетъ исчезнуть вмѣстѣ съ перемѣною монарха, и тогда могутъ вновь пріобрѣсти вліяніе тѣ элементы, которые неоднократно проповѣдывали политику соперничества. Любовь къ Германской имперіи галиційскихъ поляковъ и ультрамонтанскаго духовенства скоро проходяща и носитъ характеръ оппортунизма, точно такъ же, какъ непрочно убѣжденіе австрійцевъ въ пользѣ союза съ Германіей сравнительно съ тѣмъ презрѣніемъ, какое чистокровный венгерецъ питаетъ къ швабу. Въ Венгріи и въ Польшѣ до сихъ поръ живы симпатіи къ Франціи; возстановленіе католической монархіи во Франціи могло бы оживить среди духовенства габсбургской монархіи тѣ стремленія, которыя выразились въ эпоху съ 1866 по 1870 г. въ общности дипломатическихъ дѣйствій съ Франціей и въ болѣе или менѣе созрѣвшихъ проектахъ союза съ этой державою. Порукою, что этого не случится, служитъ, какъ я уже сказалъ, только личность нынѣшняго императора австрійскаго и короля венгерскаго; но предусмотрительная политика должна предвидѣть всевозможныя случайности, которыя могутъ произойти въ имперіи.

Возможность соперничества между Вѣною и Берлиномъ изъ-за русской дружбы можетъ повториться такъ же, какъ это случилось во время Ольмюцкой конференціи и при заключеніи Рейхштадтскаго договора, когда политикой руководилъ чрезвычайно благоволившій къ намъ графъ Андраши.

Въ виду этого для насъ весьма важно, что интересы Австріи и Россіи не одинаковы на Балканскомъ полуостровѣ и что между Россіей и Германіей не существуетъ такихъ крупныхъ интересовъ, которые могли бы повести къ разрыву и къ войнѣ. Но, при существующемъ въ Россіи государственномъ строѣ, это преимущество можетъ исчезнуть и въ настоящее время вслѣдствіе личныхъ неудовольствій и неискусной политики, такъ же легко, какъ легко язвительные отзывы и остроты Фридриха Великаго заставили императрицу Елисавету присоединиться къ австро-французскому союзу, заключенному противъ насъ. Въ настоящее время при обоихъ дворахъ также распускаютъ достаточно много клеветы, которой пользовались въ то время для науськиванья Россіи, но мы можемъ оберегать достоинство и независимость Россіи, не вызывая ея обидчивости и не вредя ея интересамъ. Неудовольствіе и озлобленіе, вызываемыя безъ всякой нужды, также точно могутъ повліять въ настоящее время на ходъ историческихъ событій, какъ во времена императрицы Елисаветы и англійской королевы Анны. Но событія, вызванныя ими, вліяютъ нынѣ на благосостояніе и на будущую судьбу народовъ сильнѣе, нежели 100 лѣтъ тому назадъ. Коалиція Россіи, Ав-

стріи и Франціи, въ родѣ той, которая образовалась противъ Пруссіи во время Семилѣтней войны, въ связи съ нѣкоторыми династическими неудовольствіями, такъ же опасна для нашего существованія, и въ настоящее время и въ случаѣ побѣды съ ея стороны, можетъ имѣть еще болѣе серьезныя послѣдствія. Было бы прямо неблагоразумно и даже безсовѣстно разрушить изъ-за личныхъ счетовъ тотъ мостъ, который обезпечиваетъ намъ возможность сближенія съ Россіей.

Мы можемъ и должны честно оберегать союзъ съ австро-венгерской монархіей; это соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ, историческимъ традиціямъ Германіи и общественному мнѣнію нашего народа.

Но вліянія и силы, подъ давленіемъ которыхъ можетъ сложиться въ будущемъ политика вѣнскаго кабинета, сложнѣе нашихъ вслѣдствіе разнороднаго состава народонаселенія Австріи, его различныхъ стремленій, вліянія духовенства и соблазна, который представляетъ для придунайскихъ странъ просторъ Балканскихъ горъ и Чернаго моря.

Мы не должны бросать Австрію, но мы не должны также упускать изъ вида, что вѣнская политика можетъ добровольно и даже недобровольно отвернуться отъ насъ. Если нѣмецкая политика хочетъ честно выполнить свой долгъ, то она должна обсудить все то, что мы могли бы предпринять въ подобномъ случаѣ, но обсудить это слѣдуетъ прежде, нежели эти событія наступятъ; и при томъ не въ зависимости отъ личныхъ симпатій или неудовольствій, но руководствуясь единственно объективнымъ взглядомъ на національные интересы.

Я всегда старался не только обезпечить насъ отъ нападенія со стороны Россіи, но также успокоить общественное мнѣніе Россіи и поддержать въ ней вѣру въ безвредный характеръ нашей политики. Благодаря личному довѣрію ко мнѣ императора Александра III, мнѣ удавалось, до самаго выхода моего въ отставку, ослаблять недовѣріе, которое въ Россіи и за границей неоднократно пытались возбудить въ государѣ, искажая съ этой цѣлью факты, что дѣлалось иногда также благодаря тайнымъ происканъ здѣшнихъ военныхъ лицъ. Несмотря на ложь, распространенную относительно Берлинскаго конгресса, и несмотря на то, что императору было извѣстно о договорѣ, заключенномъ съ Австріей, онъ выказалъ мнѣ свое благоволеніе, когда я впервые увидѣлъ его по вступленіи на престолъ на Данцигскомъ рейдѣ и во время нашихъ послѣднихъ встрѣчъ; это благоволеніе выразилось еще яснѣе въ Скерневицахъ, въ Берлинѣ и было основано на его довѣріи ко мнѣ. Впечатлѣніе, произведенное беззастѣнчиво смѣлой интригою съ подложными письмами, которыя были подброшены государю въ Копенгагенѣ, было разсѣяно простымъ опроверженіемъ съ моей стороны. Точно также, во время нашего свиданія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1889 г., мнѣ удалось разсѣять сомнѣнія, внушенныя ему въ Копенгагенѣ, за исключе-

ніемъ одного, а именно относительно того, останусь ли я министромъ. Императоръ, очевидно, былъ освѣдомленъ лучше меня, когда онъ предложилъ мнѣ вопросъ, увѣренъ ли я въ прочности своего положенія у молодаго императора.

Я отвѣчалъ то, что я думалъ въ то время,—что я увѣренъ въ довѣріи ко мнѣ императора Вильгельма II и не думаю, что я могъ бы быть когда-либо уволенъ въ отставку противъ моего желанія, такъ какъ благодаря моей многолѣтней опытности въ службѣ и довѣрію, которое я снискалъ въ Германіи и при иностранныхъ дворахъ, его величество имѣетъ въ моемъ лицѣ такого слугу, котораго ему трудно будетъ замѣнить. Императоръ высказалъ совершенное свое удовольствіе по поводу моей увѣренности, хотя, повидимому, онъ не раздѣлялъ ея безусловно.

Международная политика представляетъ собою элементъ крайне неустойчивый, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ окрѣпнуть, но при перемѣнѣ политической атмосферы возвращается въ свое первобытное состояніе. Clausula rebus sic stantibus принимается, при заключеніи политическихъ договоровъ, коими обусловливается дальнѣйшій образъ дѣйствій державъ, безмолвно. Тройственный союзъ представлялъ собою такое стратегическое положеніе, которое намъ слѣдовало занять въ виду опасностей, угрожавшихъ намъ въ моментъ его заключенія, и которое при тогдашнихъ обстоятельствахъ было намъ доступно.

Время отъ времени этотъ союзъ былъ продолженъ; быть можетъ, удастся продолжить его еще долѣе; но никакой договоръ, заключенный между великими державами, не вѣченъ; было бы неблагоразумно смотрѣть на него какъ на нѣчто надежное при всевозможныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ въ будущемъ измѣнить отношенія, нужды и взгляды, подъ вліяніемъ которыхъ этотъ союзъ былъ заключенъ. Онъ имѣетъ значеніе извѣстной стратегической позиціи, занятой нами въ европейской политикѣ, сообразно съ тѣмъ, каково было ея положеніе въ моментъ заключенія этого договора; но онъ такъ же точно не представляетъ собою незыблемаго фундамента, который не можетъ быть разрушеннымъ ни при какихъ обстоятельствахъ, какъ и всѣ предъидущіе тройственные и четверные союзы прошлаго вѣка и въ особенности какъ священный и германскій союзы, и не избавляетъ насъ отъ необходимости быть вѣчно на-сторожѣ!

XXVI.

Отсутствіе повода къ войнѣ между Германіей и Россіей.—Вѣроятная причина сосредоточенія войскъ на западной границѣ.—Стремленіе Россіи къ Босфору.—Воздерживаться отъ вмѣшательства въ восточный вопросъ есть самая вѣрная политика для Германіи. — Сохраненіе мира составляетъ главный ея интересъ.—Идеалъ, къ которому стремился Бисмаркъ послѣ объединенія.—Неудача русской „освободительной политики“ на Балканскомъ полуостровѣ.—Неблагодарность освобожденныхъ народовъ.—Обезпеченіе Чернаго моря отъ иноземнаго вторженія составляетъ одну изъ главныхъ задачъ русской политики.

Опасность внѣшнихъ войнъ, опасность того, что ближайшій къ намъ на западной границѣ сосѣдъ можетъ такъ же точно вывести въ бой красное знамя, какъ сто лѣтъ назадъ трехцвѣтное, была во времена Шнебеле (1887 г.) и Буланже, существуетъ еще и теперь. Вѣроятность войны на два фронта, со смертью Каткова и Скобелева, нѣсколько уменьшилась: нельзя утверждать, что нападеніе на насъ Франціи вызоветъ непремѣнно Россію въ поле противъ насъ, точно такъ же, какъ нападеніе со стороны Россіи—Францію; но миролюбіе Россіи зависитъ не отъ одного настроенія умовъ, но болѣе отъ техническихъ вопросовъ вооруженія на морѣ и на сушѣ. Если Россія, по ея убѣжденію, будетъ «готова» со своимъ вооруженіемъ, родомъ своего пороха и численностью своего Черноморскаго флота, то тонъ, въ которомъ разыгрываются нынѣ варіаціи русской политики, легко можетъ сдѣлаться болѣе свободнымъ.

Трудно допустить, чтобы Россія, окончивъ свои вооруженія, воспользовалась ими для того, чтобы безъ дальнѣйшихъ околичностей и въ разсчетѣ на французскую помощь напасть на насъ. Германская война такъ же мало принесетъ Россіи непосредственныхъ выгодъ, какъ русская война Германіи, самое большее, если относительно военной контрибуціи, русскій побѣдитель оказался бы въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ германскій, да и то онъ только-только вернулъ бы свои издержки. Мысль о пріобрѣтеніи провинцій восточной Пруссіи, высказанная впервые во время Семилѣтней войны, съ трудомъ найдетъ теперь приверженцевъ.

Ужъ если Россія не можетъ поладить съ нѣмецкой частью населенія своихъ балтійскихъ провинцій, то трудно предположить, что ея политика будетъ направлена къ увеличенію этого считаемаго опаснымъ меньшинства столь крупнымъ придаткомъ, какова восточная Пруссія. Столь же мало заманчивымъ кажется русскому государственному человѣку умноженіе польскихъ подданныхъ царя, пріобрѣтеніемъ Познани и восточной Пруссіи. Если разсматривать Германію и Россію отдѣльно,

то трудно найти съ той и съ другой стороны какой-либо поводъ, который могъ бы оказаться побуждающимъ къ войнѣ или хотя бы оправдывающимъ ее. Собственно для удовлетворенія воинственныхъ наклонностей или для предотвращенія опасности отъ незанятыхъ войскъ, можно пожалуй начать войну на Балканскомъ полуостровѣ, но германо-русская война слишкомъ тяжеловѣсна для того, чтобы та или другая сторона воспользовалась ею лишь какъ средствомъ занятія арміи и ея офицеровъ.

Я не думаю также, чтобы Россія, когда она будетъ готова, безъ дальнѣйшихъ причинъ напала на Австрію и думаю посейчасъ, что, выставляя войска на западной границѣ, она не имѣла при этомъ никакихъ агрессивныхъ намѣреній противъ Германіи, но имѣла въ виду только свою защиту, въ случаѣ, если бы ея дѣйствія противъ Турціи вызвали противодѣйствіе западныхъ державъ. Когда Россія будетъ считать себя достаточно вооруженной, для чего ей нужно имѣть извѣстное количество судовъ на Черномъ морѣ, то, я думаю, что петербургскій кабинетъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано при заключеніи Ункіаръ-Искелесскаго договора въ 1833 г., предложитъ султану гарантировать ему его положеніе въ Константинополѣ и въ оставшихся въ его владѣніи провинціяхъ, если онъ предоставитъ за это Россіи ключъ къ русскому дому, т. е. къ Черному морю, дозволивъ ей запереть Босфоръ. Что Порта согласится на русскій протекторатъ въ этой формѣ—это не только возможно, но, если дѣло будетъ ведено ловко, даже вѣроятно. Султанъ могъ еще думать въ прежнія времена, что соперничество европейскихъ державъ можетъ служить ему гарантіей противъ Россіи. Охранять Турцію было для Англіи и Австріи нѣкоторымъ образомъ традиціонною политикою; но гладстоновскія заявленія отняли у султана эту опору не только въ Лондонѣ, но и въ Вѣнѣ, ибо нельзя предполагать, чтобы вѣнскій кабинетъ бросилъ въ Рейхштадтѣ традиціи меттерниховскаго времени (Инспланти, непріязненное отношеніе къ освобожденію Греціи), если бы онъ по-прежнему былъ увѣренъ насчетъ поддержки Англіи. Чары признательности къ императору Николаю были уже разсѣяны Буолемъ во время Крымской войны; а на Парижскомъ конгрессѣ поведеніе Австріи тѣмъ явственнѣе вернулось къ старому меттерниховскому направленію, что оно не было смягчено даже финансовыми отношеніями этого государственнаго человѣка къ русскому императору, а напротивъ, было усилено обидою, нанесенною самолюбію графа Буоля. Австрія 1856 года не отреклась бы ни отъ Англіи, ни отъ Порты, даже цѣною Босніи, если бы на нее не оказала разлагающаго дѣйствія неискусная англійская политика. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ мало вѣроятія, чтобы султанъ разсчитывалъ на такую же помощь и защиту со стороны Англіи или Австріи, какую можетъ обѣщать

ему Россія, не жертвуя своими интересами и какую она на самомъ дѣлѣ можетъ оказать ему благодаря своему сосѣдству.

Если Россія, когда она будетъ достаточно готова для того, чтобы въ случаѣ надобности напасть на султана и на Босфоръ на морѣ или на сушѣ, предложитъ султану, лично и при томъ конфиденціально, обезпечить его положеніе въ сералѣ и во всѣхъ провинціяхъ, не только по отношенію къ иностраннымъ державамъ, но и относительно его собственныхъ подданныхъ, за уступку съ его стороны довольно сильнаго укрѣпленія и за дозволеніе держать извѣстное число войскъ у сѣвернаго входа въ Босфоръ,—то это предложеніе будетъ для него большимъ искушеніемъ. Но, допустивъ, что султанъ по своему собственному убѣжденію или подъ чужимъ вліяніемъ отвергнетъ русское предложеніе, въ такомъ случаѣ новый черноморскій флотъ можетъ получить назначеніе заблаговременно овладѣть на Босфорѣ позиціею, въ которой Россія, по ея убѣжденію, нуждается для того, чтобы владѣть ключемъ отъ своего дома.

Какъ бы ни протекла эта фаза предполагаемой мною русской политики, во всякомъ случаѣ она приведетъ къ тому, что Россія, какъ и въ іюлѣ 1853 г., возьметъ себѣ кое-что въ видѣ залога и будетъ выжидать, не попытается ли кто-нибудь—и кто именно,—отнять у нея занятое ею.

Первымъ шагомъ русской дипломатіи, послѣ этихъ издавна подготовленныхъ дѣйствій, легко можетъ быть—осторожное зондированіе въ Берлинѣ относительно того, могутъ ли Австрія или Англія разсчитывать на поддержку Германіи въ случаѣ, если бы онѣ вздумали съ оружіемъ въ рукахъ противиться дѣйствіямъ Россіи. На этотъ вопросъ, по моему убѣжденію, безусловно слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Я думаю, что для Германіи было бы полезно, если бы русскіе тѣмъ или инымъ путемъ, физической силою или при помощи дипломатіи, укрѣпились въ Константинополѣ и если бы имъ пришлось защищать его. Тогда мы не были бы болѣе въ такомъ положеніи, когда Англія, а при случаѣ и Австрія извлекаютъ изъ насъ пользу, какъ изъ гончей собаки, натравливая насъ противъ русскихъ стремленій къ Босфору; мы могли бы выждать, произведетъ ли Россія нападеніе на Австрію, съ коимъ наступилъ бы и для насъ casus belli.

Для австрійской политики также было бы полезнѣе не поддаваться вліянію венгерскаго шовинизма до тѣхъ поръ, пока Россія не займетъ извѣстнаго положенія на Босфорѣ и этимъ значительно не обострить своихъ отношеній къ прочимъ державамъ, а именно къ Англіи и даже къ Италіи и Франціи, и не увеличитъ этимъ для себя надобности войти въ полюбовное соглашеніе (à l'amiable) съ Австріею. Если бы я былъ австрійскимъ министромъ, то я не препятствовалъ бы русскимъ идти

на Константинополь, но заключилъ бы съ ними союзъ только тогда, когда они уже двинули бы свои войска. Участіе Австріи въ турецкомъ наслѣдствѣ можетъ быть улажено только по взаимному соглашенію съ Россіей, и австрійская часть наслѣдства окажется тѣмъ больше, чѣмъ долѣе въ Вѣнѣ съумѣютъ выжидать, поощряя русскую политику къ дѣйствію. Относительно Англіи положеніе современной Россіи можетъ, пожалуй, улучшиться, если она будетъ обладать Константинополемъ, относительно же Австріи и Германіи, оно будетъ менѣе опасно до тѣхъ поръ, пока ея войска будутъ стоять въ Константинополѣ. Мы не повторили бы тогда ошибки, сдѣланной Пруссіей въ 1855 г., когда она допустила, чтобы Австрія, Англія и Франція провели и обманули ее и когда она была столь унизительнымъ для нея образомъ допущена къ участію въ конгрессѣ, и заслужила въ качествѣ европейской державы une mention honorable.

Если на запросъ Россіи,—можетъ ли она разсчитывать на нашъ нейтралитетъ, въ случаѣ нападенія на нее другихъ державъ, вслѣдствіе ея успѣшнаго движенія къ Босфору, въ Берлинѣ отвѣтятъ, коль скоро Австріи не будетъ при этомъ угрожать опасность, отрицательно или даже угрожающимъ образомъ, то Россія прежде всего пойдетъ по тому же пути, по какому она шла въ 1876 г. въ Рейхштадтѣ, и она снова попытается пріобрѣсти въ союзницы Австрію.

Поле, на коемъ Россія можетъ дѣлать выгодныя предложенія, весьма обширно, не только на востокѣ на счетъ Турціи, но и въ Германіи—на нашъ счетъ. Въ виду подобныхъ соблазновъ, прочность нашего союза съ Австро-Венгріею будетъ зависѣть не только отъ буквы договора, но также въ извѣстной степени отъ характера личностей и отъ политическихъ и вѣроисповѣдныхъ теченій, которыя будутъ въ то время играть въ Австріи первенствующую роль. Если русской политикѣ удастся склонить на свою сторону Австрію, то противъ насъ образуется такая же коалиція, какъ въ Семилѣтнюю войну, ибо Францію всегда можно имѣть противъ насъ, такъ какъ ея интересы на Рейнѣ важнѣе таковыхъ на востокѣ и на Босфорѣ.

Во всякомъ случаѣ и въ будущемъ не только военныя вооруженія, но и правильный политическій взглядъ будетъ необходимъ для того, чтобы благополучно провести германскій государственный корабль среди коалиціонныхъ теченій, которыя могутъ быть намъ опасны по нашему географическому положенію и нашей предыдущей исторіи. Любезностями и разсчетливыми подачками дружественнымъ державамъ мы не предотвратимъ опасности, коей можетъ быть чревато будущее, но только увеличимъ алчность нашихъ теперешнихъ друзей и ихъ разсчеты на испытываемое нами тревожное чувство. Я опасаюсь, что на избранномъ нами нынѣ пути наша будущность будетъ принесена въ жертву

разнымъ мелкимъ и скоропреходящимъ настроеніямъ минуты. Прежніе монархи смотрѣли болѣе на способности, чѣмъ на повиновеніе своихъ совѣтниковъ. Если повиновеніе будетъ единственнымъ критеріемъ, то отъ монарха придется требовать такой универсальности дарованій, которой не удовлетворилъ бы самъ Фридрихъ Великій, хотя въ его время политика была менѣе трудна, какъ въ военное, такъ и въ мирное время.

Наше значеніе и наша безопасность были бы тѣмъ болѣе обезпечены, чѣмъ болѣе мы уклонялись бы отъ споровъ, которые не касаются насъ лично, и чѣмъ холоднѣе мы относились бы къ попыткамъ задѣть наше тщеславіе и воспользоваться имъ, каковыя попытки дѣлались во время Крымской войны англійскою прессою и англійскимъ дворомъ и тѣми лицами при нашемъ собственномъ дворѣ, которыя встрѣчали поддержку въ Англіи и которыя такъ искусно стращали насъ тѣмъ, что мы можемъ потерять право на званіе великой державы, что г. Мантейфель подвергъ насъ въ Парижѣ большому униженію для того, чтобы быть допущеннымъ къ подписанію договора, не имѣть ничего общаго съ которымъ было бы для насъ весьма полезно. Германія сдѣлала бы и въ настоящее время большую глупость, вздумавъ вмѣшаться въ восточные вопросы, лично ея не касающіеся, прежде другихъ, болѣе заинтересованныхъ въ этомъ державъ. Подобно тому, какъ во время Крымской войны были моменты, когда болѣе слабая Пруссія, рѣшивъ вооружить свои войска, могла повліять на заключеніе мира въ смыслѣ желательномъ для Австріи и могла бы даже придти къ скорѣйшему соглашенію съ Австріей относительно германскихъ дѣлъ,—точно такъ же и Германія, если она съумѣетъ не вмѣшиваться въ будущемъ въ споры, порождаемые восточнымъ вопросомъ, можетъ лучше воспользоваться своимъ преимуществомъ, какъ держава наименѣе въ нихъ заинтересованная, чѣмъ долѣе она воздержится отъ вмѣшательства въ эти споры, хотя бы ея выгода состояла только въ болѣе продолжительномъ пользованіи миромъ. Въ случаѣ движенія русскихъ на Константинополь Австріи, Англіи и Италіи придется занять извѣстную позицію прежде, нежели Франціи, такъ какъ послѣдняя не имѣетъ на востокѣ такихъ жгучихъ интересовъ и ей придется обсуждать ихъ всегда въ зависимости отъ германскаго пограничнаго вопроса. Въ случаѣ русско-восточнаго кризиса, Франція не будетъ въ состояніи вести новую «западническую» политику или угрожать Англіи изъ дружбы къ Россіи, безъ предварительнаго соглашенія съ Германіей или не порвавъ съ нею всякія сношенія.

Преимущество германской политики, заключающееся въ томъ, что она не заинтересована непосредственно въ восточномъ вопросѣ, нѣсколько ослабляется невыгоднымъ центральнымъ и открытымъ поло-

женіемъ Германской имперіи, съ ея растянутыми во всѣ стороны границами, и тою легкостью, съ какою возникаютъ противъ нея коалиціи. При этомъ Германія представляетъ собою, быть можетъ, единственную великую державу Европы, которую нельзя соблазнить тѣми цѣлями, какія могутъ быть достигнуты только побѣдоносными войнами. Наши интересы требуютъ поддержанія мира, тогда какъ наши континентальные сосѣди, всѣ безъ исключенія, имѣютъ либо тайныя, либо всѣмъ извѣстныя желанія такого рода, которыя могутъ быть достигнуты только войною.

Сообразно съ этимъ намъ и надлежитъ вести нашу политику, т. е. намъ слѣдуетъ по возможности не допускать войны или ограничить ее, намъ слѣдуетъ обезпечить себѣ въ карточной игрѣ, которую ведетъ Европа, послѣдній ходъ и не допускать, чтобы терпѣніе, или желаніе сдѣлать кому-либо одолженіе въ ущербъ своей собственной странѣ, либо тщеславіе или вызовъ, брошенный намъ дружественной державою, могли заставить насъ преждевременно перейти изъ выжидательнаго положенія къ дѣйствію.

Наша сдержанность, само-собою разумѣется, не можетъ имѣть цѣлью напасть со свѣжими силами на одного изъ нашихъ сосѣдей или возможныхъ противниковъ въ то время, когда прочіе ослабѣютъ. Напротивъ, мы должны стараться ослабить неудовольствіе, вызванное тѣмъ, что мы доросли до положенія настоящей великой державы и употреблять наши военныя силы честнымъ и миролюбивымъ образомъ для того, чтобы убѣдить міръ, что германская гегемонія въ Европѣ полезнѣе, безпристрастнѣе и менѣе опасна для свободы другихъ (державъ), нежели гегемонія Франціи, Россіи или Англіи. Уваженіе правъ другихъ державъ, что̀ было упущено изъ вида Франціей въ то время, когда она играла первенствующую роль, и что̀ доступно Англіи лишь настолько, насколько это не затрогиваетъ ея интересы, будетъ облегчено для Германской имперіи и ея политики, съ одной стороны, объективностью нѣмецкаго характера, съ другой—тѣмъ фактомъ, въ которомъ нѣтъ съ нашей стороны ни малѣйшей заслуги, а именно, что мы не нуждаемся въ непосредственномъ увеличеніи нашей территоріи, и не могли бы этого сдѣлать, не усиливъ противуправительственныхъ элементовъ въ нашей собственной странѣ. Идеаломъ, къ которому я стремился послѣ того, какъ совершилось наше объединеніе въ предѣлахъ возможнаго, было заслужить довѣріе не только второстепенныхъ европейскихъ государствъ, но и великихъ державъ, для того, чтобы германская политика, справившись съ injuria temporum, съ разрозненностью націи, могла жить въ справедливости и мирѣ.

Для того, чтобы вызвать это довѣріе, необходимо прежде всего дѣйствовать честно, откровенно и въ примирительномъ духѣ въ случаѣ какихъ-либо столкновеній или внутреннихъ осложненій. Я слѣдовалъ

этому правилу, подавляя свои личныя чувства въ такихъ случаяхъ, каковы были эпизоды со Шнебеле (въ апрѣлѣ 1887 г.), съ Буланже и Кауфманомъ (въ сентябрѣ 1887 г.), съ Испаніей въ вопросѣ о Каролинахъ, съ Соединенными Штатами въ вопросѣ о Самоа, и полагаю, что мы и въ будущемъ будемъ имѣть случай доказать, что мы миролюбивы и довольствуемся малымъ. Стоя во главѣ министерства, я трижды подавалъ совѣтъ объявить войну, а именно съ Даніей, съ Богеміей и съ Франціей, но всякій разъ я взвѣшивалъ предварительно, принесетъ ли намъ война, если она будетъ побѣдоносная, такую награду за побѣду, которая стоила бы тѣхъ жертвъ, какихъ требуетъ каждая война и которыя въ настоящее время несравненно тяжелѣе, нежели въ прошломъ столѣтіи. Если бы я предвидѣлъ, что по окончаніи которой-либо изъ этихъ войнъ мы будемъ затрудняться, придумывая такія условія мира, какія были бы для насъ желательны, то едва-ли я счелъ бы необходимымъ принести подобныя жертвы до тѣхъ поръ, пока не были бы затронуты наши матеріальные интересы. Я никогда не смотрѣлъ на международные споры, которые могутъ быть рѣшены только при помощи народной войны, съ точки зрѣнія геттингенскаго студенчества (des göttinger Commenls) и личнаго честолюбія, но всегда взвѣшивалъ послѣдствія, какія война могла имѣть для утвержденія права нѣмецкаго народа нести, наравнѣ съ прочими великими державами Европы, самостоятельную политическую жизнь, насколько намъ это возможно на основаніи нашихъ самобытныхъ національныхъ производительныхъ силъ.

Традиціонная русская политика, основывающаяся частью на общности вѣры, частью на узахъ кровнаго родства, мысль «освободить» румынъ, болгаръ, православныхъ, а при случаѣ и римско-католическихъ сербовъ, живущихъ подъ разными наименованіями по обѣимъ сторонамъ австро-венгерской границы, отъ турецкаго ига и тѣмъ привязать ихъ къ Россіи, не оправдалась на дѣлѣ.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что всѣ эти племена въ отдаленномъ будущемъ будутъ насильственно привлечены къ русской системѣ, но что одно освобожденіе еще не въ состояніи превратить ихъ въ приверженцевъ русскаго могущества, это доказало прежде всего греческое племя. Его считали съ чесменскихъ временъ (1770) опорнымъ пунктомъ Россіи, и русская политика, повидимому, не измѣнила своихъ цѣлей во время турецкой войны 1806—1812 гг. Для насъ безразлично, пользовались ли дѣйствія гетеристовъ [1]) во время возстанія, организованнаго Ипсиланти, на сторонѣ котораго были сим-

[1]) Гетерія — тайный союзъ для освобожденія грековъ отъ турецкаго ига. В. В.

патіи запада, также единодушнымъ сочувствіемъ различныхъ партій, которыя смѣпялись въ Россіи со временъ Аракчеева вплоть до декабристовъ, во всякомъ случаѣ первенцы русской освободительной политики, греки, принесли разочарованіе Россіи, хотя оно не было еще особенно сильно. Греческая освободительная политика со времени наваринскаго сраженія перестала и въ глазахъ русскихъ быть дѣломъ исключительно русскимъ. Но прошло много времени до тѣхъ поръ, пока русскій кабинетъ сдѣлалъ изъ этого факта надлежащіе выводы. Россія продолжала освобождать и продѣлала съ румынами, сербами и болгарами тѣ же самые опыты, какъ и съ греками. Всѣ эти племена охотно принимали русскую помощь для освобожденія ихъ отъ турокъ, но, какъ только они становились свободными, они не выказывали никакой склонности брать царя въ преемники султану. Я не знаю, раздѣляютъ ли въ Петербургѣ убѣжденіе, что «единственный другъ» царя, князь черногорскій, будетъ приверженцемъ Россіи только до тѣхъ поръ, пока онъ разсчитываетъ получить за это вознагражденіе деньгами или войскомъ, что̀ ему до нѣкоторой степени извинительно въ виду его отдаленнаго и изолированнаго положенія, но въ Петербургѣ должно быть извѣстно, что «владыка» былъ готовъ, да, пожалуй, и теперь еще не прочь стать во главѣ балканскихъ народовъ, въ качествѣ подвластнаго Турціи коннетабля, если бы эта идея была принята Портою благосклонно и встрѣтила бы съ ея стороны поддержку настолько, что она могла бы принести пользу Черногоріи.

Если въ Петербургѣ пожелаютъ вывести заключенія изо всѣхъ испытанныхъ до сихъ поръ неудачъ, чтобы воспользоваться ими на практикѣ, то для Россіи было бы естественно ограничиться менѣе фантастическими успѣхами, достижимыми при помощи ея полковъ и пушекъ. Поэтичная историческая картина, рисовавшаяся воображенію императрицы Екатерины въ то время, когда она дала своему внуку имя Константинъ, не можетъ быть названа практичною. Освобожденные народы не благодарны, но требовательны, и я думаю, что въ наше реалистическое время русская политика будетъ руководствоваться, при обсужденіи восточныхъ вопросовъ, соображеніями болѣе техническаго, нежели фантастическаго свойства.

Для того, чтобы увеличить свои силы на Востокѣ, ея первая практическая потребность заключается въ обезпеченіи Чернаго моря. Если удастся запереть Босфоръ посредствомъ загражденія его орудіями и торпедами, то южный берегъ Россіи будетъ защищенъ еще лучше, чѣмъ балтійское побережье, которому даже превосходныя силы англо-французскаго флота не могли причинить особеннаго вреда въ Крымскую кампанію.

Таковы могутъ быть соображенія петербургскаго кабинета, если

онъ поставитъ себѣ цѣлью сначала запереть Черное море и подкупить съ этой цѣлью султана расположеніемъ, деньгами или силою. Если Порта воспротивится дружественному сближенію съ Россіею и противъ угрозъ дѣйствовать силою обнажитъ мечъ, то Россія подвергнется, вѣроятно, нападенію съ другой стороны, и на такой случай разсчитано, по моему мнѣнію, сосредоточеніе войскъ на западной границѣ. Если удастся достигнуть закрытія Босфора мирнымъ путемъ, то очень можетъ быть, что державы, которыя сочтутъ, что имъ наносится этимъ ущербъ, будутъ до поры до времени сидѣть смирно, ибо каждая изъ нихъ будетъ выжидать почина другой и рѣшенія, какое приметъ Франція. Наши интересы совмѣстимы болѣе, нежели интересы другихъ державъ, съ тяготѣніемъ русскаго могущества на югъ; можно даже сказать, что оно играетъ имъ въ руку. Мы можемъ долѣе, нежели другіе, выжидать, пока будетъ развязанъ новый узелъ, затянутый Россіей.

XXVII.

Послѣдняя болѣзнь и кончина Вильгельма I.—Полученное императоромъ воспитаніе.—Отличительныя черты его характера.—Оппозиція, которую императрица Августа оказывала правительственной политикѣ. — Ея вліяніе на императора. — Заботы Вильгельма о сохраненіи семейнаго мира. — Личное отношеніе Бисмарка къ Вильгельму I.—Письма Вильгельма I къ Бисмарку. — Послѣднее письмо къ канцлеру императрицы Августы.—Отношеніе Бисмарка къ кронпринцу Фридриху-Вильгельму.—Письмо къ Бисмарку императора Фридриха III.

Около 1875 г. умственныя способности императора стали замѣтно слабѣть, онъ съ трудомъ усвоивалъ чужую рѣчь и излагалъ свои мысли; говоря и слушая, онъ терялъ нить разговора. Достойно вниманія, что послѣ покушенія Нобелинга въ его здоровьи совершилось замѣтное улучшеніе. Моменты забывчивости, подобные описаннымъ, болѣе не повторялись, императоръ сталъ держать себя непринужденнѣе, живѣе и мягче. Когда я выразилъ ему мое удовольствіе по поводу того, что его здоровье настолько поправилось, то онъ сказалъ, шутя: «Нобелингъ зналъ лучше врачей, что мнѣ было нужно сильное кровопусканье». Послѣдняя его болѣзнь была непродолжительна; она началась 4-го марта 1888 г. Въ 8-мъ часовъ утра я бесѣдовалъ послѣдній разъ съ императоромъ, когда онъ былъ еще въ сознаніи, и я добился того, что онъ разрѣшилъ мнѣ обнародовать подписанный имъ уже 17-го ноября 1887 г. приказъ, коимъ принцъ Вильгельмъ назначался, въ случаѣ надобности, заступающимъ мѣсто короля въ тѣхъ случаяхъ, когда его величество сочтетъ это необходимымъ. Императоръ выразилъ надежду, что я сохраню свое положеніе и буду служить его

преемникамъ; при этомъ онъ какъ будто былъ озабоченъ мыслью, что между мною и императоромъ Фридрихомъ не будетъ согласія. Я старался успокоить его, насколько вообще было умѣстно говорить съ умирающимъ о томъ, что его преемники и я будемъ дѣлать послѣ его кончины. Затѣмъ, вспомнивъ про болѣзнь своего сына, онъ потребовалъ отъ меня обѣщанія быть полезнымъ его внуку моей опытностью и продолжать служить ему, если ему суждено, какъ казалось, вскорѣ стать во главѣ управленія. Я изъявилъ свою готовность служить его преемникамъ такъ же ревностно, какъ ему самому. Единственный его отвѣтъ на это было слабое рукопожатіе; затѣмъ наступилъ бредъ, мысли императора до того были заняты его внукомъ, что ему казалось, будто принцъ, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1886 г. уѣхалъ въ Брестъ-Литовскъ для свиданія съ царемъ, сидѣлъ на моемъ мѣстѣ возлѣ его кровати; обращаясь ко мнѣ неожиданно на ты, онъ сказалъ: «Съ русскимъ императоромъ ты долженъ всегда находиться въ дружескихъ отношеніяхъ, съ нимъ не слѣдуетъ ссориться». Послѣ довольно долгаго молчанія галлюцинація исчезла, онъ отпустилъ меня, сказавъ: «я еще вижу васъ». Онъ могъ бы видѣть меня еще разъ, когда я навѣстилъ его послѣ полудня и затѣмъ 9-го числа въ 4 часа по полуночи, но врядъ-ли онъ тогда узналъ меня среди многочисленныхъ присутствовавшихъ; 8-го числа, поздно вечеромъ, къ нему вернулась еще разъ полная ясность сознанія и способность ясно и связно говорить съ лицами, окружавшими его смертное ложе въ его узкой спальнѣ. То былъ послѣдній проблескъ этого сильнаго и доблестнаго ума. Онъ испустилъ духъ въ 8 часовъ 30 минутъ.

При Фридрихѣ-Вильгельмѣ III только кронпринцъ получилъ воспитаніе, соотвѣтствовавшее наслѣднику престола; второму сыну короля дано было исключительно военное образованіе. Естественно, что все военное всегда ему было ближе къ сердцу, нежели статскія дѣла; я находилъ даже, что военный мундиръ, который я носилъ для того, чтобы не переодѣваться по нѣсколько разъ въ день, придавалъ мнѣ въ его глазахъ болѣе вѣса. Среди лицъ, которыя могли имѣть вліяніе на его развитіе въ бытность его кронпринцемъ, на первомъ планѣ стояли военные, не игравшіе роли въ политикѣ, затѣмъ генералъ фонъ-Герлахъ, который много лѣтъ былъ его адъютантомъ и не принималъ участія въ это время въ политической жизни; это былъ способнѣйшій изъ его адъютантовъ, съ того момента, когда было учреждено регентство. Принцъ Вильгельмъ такъ глубоко сознавалъ свою неподготовленность къ дѣламъ управленія, что онъ работалъ день и ночь, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ. Занимаясь государственными дѣлами, онъ работалъ дѣйствительно въ высшей степени серьезно и добросовѣстно, читалъ всѣ входящія бумаги, а не только тѣ, которыя его интересовали, изучалъ

трактаты и законы для того, чтобы выработать себѣ самостоятельное мнѣніе. Онъ никогда не читалъ романовъ и вообще тѣхъ книгъ, которыя, не касались его обязанностей, какъ монарха, не курилъ, не игралъ въ карты; на охотѣ въ Вюстергаузенѣ, когда собравшееся общество отправлялось послѣ обѣда въ ту комнату, въ которой собиралась «табачная коллегія» Фридриха Вильгельма I, императоръ, не желая стѣснять присутствующихъ, приказывалъ подать себѣ длинную голландскую глиняную трубку, затягивался нѣсколько разъ и оставлялъ ее поморщившись. Во Франкфуртѣ, когда онъ былъ еще принцемъ прусскимъ, войдя однажды во время бала въ комнату, гдѣ велась азартная игра, онъ сказалъ мнѣ: «я хочу также попробовать хоть разъ счастье, но у меня нѣтъ съ собою денегъ, одолжите мнѣ», такъ какъ и я не имѣлъ обыкновенія носить при себѣ деньги, то его выручилъ графъ Теодоръ Стольбергъ. Принцъ поставилъ нѣсколько разъ по талеру, проигралъ и удалился.

Единственный отдыхъ, который онъ позволялъ себѣ послѣ трудоваго дня, было провести вечеръ въ театрѣ; но и тутъ я имѣлъ право, какъ министръ, зайти въ его ложу, въ экстренномъ случаѣ дѣлать ему доклады въ маленькой аванъ-ложѣ и подносить къ подписи бумаги. Хотя онъ очень дорожилъ ночнымъ отдыхомъ и жаловался на дурно проведенную ночь, если просыпался раза два, и на безсонницу, если онъ просыпался ночью три раза, но я ни разу не подмѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго неудовольствія, когда мнѣ случалось разбудить его ночью раза 2 или 3 для того, чтобы какъ можно скорѣе узнать его рѣшеніе по какому-нибудь вопросу.

Помимо прилежанія, къ которому побуждало его глубокое сознаніе долга, онъ обнаруживалъ при исполненіи обязанностей регента много природнаго здраваго смысла, common sense. Нѣкоторою помѣхою при обсужденіи дѣлъ была его преданность къ монархическимъ, военнымъ и мѣстнымъ традиціямъ; каждое отступленіе отъ нихъ, каждый шагъ на новомъ пути, вынужденный ходомъ событій, былъ для него затруднителенъ, онъ смотрѣлъ на подобныя уклоненія какъ на что-то непозволительное и недостойное. Привязываясь къ окружающимъ его лицамъ и къ предметамъ, которые онъ употреблялъ, онъ былъ также точно стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не легко отдѣлывался отъ полученныхъ имъ впечатлѣній и всегда думалъ о томъ, что бы сдѣлалъ или какъ бы поступилъ въ подобныхъ случаяхъ его отецъ. Особенно въ франко-прусскую войну онъ часто проводилъ параллель между ходомъ войнъ за освобожденіе.

Въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ вліяніе супруги заставляло его иногда уклоняться отъ этого традиціоннаго принципа, а неспособность его министровъ и поспѣшныя и неумѣлыя дѣйствія либеральной парла-

ментской партіи во время конфликта пробудили въ немъ энергію и рѣшимость, въ которой онъ былъ воспитанъ какъ прусскій принцъ и офицеръ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не обращалъ вниманія на опасности, которыя могли угрожать на томъ пути, на который онъ вступалъ. Если онъ былъ убѣжденъ, что долгъ и честь или то и другое вмѣстѣ повелѣвали ему дѣйствовать такъ или иначе, то онъ вступалъ на избранный путь, не обращая вниманія на опасности, коимъ онъ могъ подвергнуться въ политикѣ точно такъ же, какъ и на полѣ битвы. Онъ былъ неустрашимъ, но королева поддавалась страху; а желаніе поддержать домашній миръ было въ его величествѣ настолько сильно, что съ нимъ приходилось считаться, тогда какъ парламентскія грубости и угрозы вліяли на него только въ томъ смыслѣ, что удвоивали его настойчивость и рѣшимость имъ противодѣйствовать. Эту особенность его характера министры и ихъ парламентскіе единомышленники никогда не принимали въ соображеніе. Графъ Шверинъ до такой степени не понялъ характера этого монарха, человѣка неустрашимаго, чисто военнаго закала, что онъ считалъ возможнымъ застращать его высокомѣріемъ и отсутствіемъ вѣжливости. Это подорвало вліяніе тогдашняго министерства, либераловъ и Бетманъ-гольвегской партіи, содѣйствовало переходу власти въ руки Роона и заставило князя Гогенцоллерна и Ауерсвальда желать моего вступленія въ министерство. Королева и Шлейницъ помѣшали этому въ то время, когда я находился весною 1860 г. въ Берлинѣ, но недоразумѣнія, происходившія между королемъ и его министрами, окончательно подорвали ихъ взаимныя отношенія, и они уже не могли быть болѣе возстановлены.

Принцесса Августа держалась, въ царствованіе Фридриха Вильгельма IV, взглядовъ противуположныхъ правительственной политикѣ; министровъ, назначенныхъ во время регентства, она считала с в о и м ъ министерствомъ. Она всегда чувствовала какую-то потребность противодѣйствовать правительственному направленію ея зятя и впослѣдствіи ея супруга, покровительствовала то той, то другой партіи, но всегда оказывалось, что она поддерживала именно ту партію, которая въ данный моментъ была въ оппозиціи съ министерствомъ. Если правительственная политика носила консервативный характеръ, то въ домашнемъ кругу королевы отличали и поощряли либераловъ и ихъ стремленія; если императорское правительство, въ своихъ заботахъ объ упроченіи вновь созданной имперіи, вступало на либеральный путь, то она начинала благоволить консервативнымъ и преимущественно католическимъ элементамъ, кои императрица поддерживала, впрочемъ, по преимуществу, такъ какъ въ царствованіе протестантской династіи они часто и даже въ большинствѣ случаевъ составляли оппозицію. Въ тѣ моменты, когда наша внѣшняя политика могла идти съ Австріей

рука объ руку, къ Австріи относились недружелюбно, ея чуждались; когда же нашей политикѣ угрожало столкновеніе съ Австріей, королева защищала ея интересы и являлась ея защитницею; такъ было до самаго начала войны 1866 г. Въ то время какъ на границѣ Богеміи начались уже военныя дѣйствія, въ Берлинѣ, подъ покровительствомъ ея величества и при посредствѣ фонъ-Шлейница продолжались сношенія и переговоры весьма сомнительнаго свойства. Съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, а онъ былъ назначенъ министромъ королевскаго двора, г. фонъ-Шлейницъ сталъ играть роль какъ бы министра королевы, доставляя ея величеству матеріалъ для критики и для ея воздѣйствія на короля. Съ этой цѣлью онъ воспользовался связями, какія успѣлъ завести въ то время, когда былъ моимъ предмѣстникомъ, путемъ частной корреспонденціи, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ настоящую сѣть дипломатическихъ донесеній. Я убѣдился въ этомъ случайно, когда нѣкоторыя изъ этихъ донесеній, по содержанію коихъ можно было заключить о существованіи цѣлаго ряда подобныхъ сообщеній, были доставлены мнѣ по ошибкѣ фельдъегеря или почты; они до такой степени походили на оффиціальныя донесенія, что меня поразили только нѣкоторыя ссылки въ текстѣ; тогда я розыскалъ конвертъ, въ которомъ были присланы донесенія, извлекъ его изъ корзины съ бумагами, куда онъ былъ брошенъ, и прочелъ на немъ адресъ г. фонъ-Шлейница. Къ числу чиновниковъ, съ которыми онъ поддерживалъ подобныя сношенія, принадлежалъ, между прочимъ, нѣкій консулъ, о которомъ Роонъ писалъ мнѣ 25-го января 1864 г., что онъ состоитъ на жалованьи у Друэнъ-де-Люиса и пишетъ подъ именемъ Зигфельда статьи для «Mémorial Diplomatique», въ которыхъ защищалась между прочимъ оккупація рейнскихъ провинцій Наполеономъ и проводилась параллель между нею и нашей оккупаціей Шлезвига.

Когда мнѣ пришлось однажды навѣстить разсерженнаго и заболѣвшаго вслѣдствіе этого императора рано утромъ, чтобы пожаловаться ему на демонстрацію, устроенную при дворѣ въ пользу центра, то я засталъ его въ постели; возлѣ него сидѣла императрица въ такомъ туалетѣ, который заставлялъ предполагать, что она спустилась только тогда, когда было доложено о моемъ пріѣздѣ. На мою просьбу дозволить мнѣ переговорить съ императоромъ съ глазу-на-глазъ, она удалилась, но тутъ же за дверью, которая не была ею плотно притворена, она сѣла на стулъ и старалась своими движеніями дать понять мнѣ, что она все слышитъ. Эта, уже не первая, съ ея стороны попытка застращать меня не заставила меня отказаться отъ намѣренія сдѣлать докладъ императору. Въ тотъ же день, вечеромъ, я былъ на собраніи во дворцѣ. Ея величество заговорила со мною такимъ тономъ, который

заставилъ меня предположить, что императоръ передалъ ей мою жалобу. Разговоръ принялъ такой оборотъ, что я просилъ императрицу пощадить пошатнувшееся здоровье ея супруга и не подвергать его разнорѣчивымъ политическимъ вліяніямъ. Это, по придворнымъ традиціямъ, неожиданное заявленіе съ моей стороны произвело изумительное дѣйствіе.

Я ни разу не видѣлъ императрицу Августу въ послѣдніе годы такою красавицею, какъ въ этотъ моментъ; она выпрямилась во весь ростъ, глаза ея сверкнули и загорѣлись такимъ блескомъ, какъ мнѣ ни раньше, ни послѣ не приходилось видѣть. Императрица прекратила разговоръ, отошла отъ меня и сказала, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ придворныхъ, съ которымъ я былъ близокъ:

— Нашъ всемилостивѣйшій имперскій канцлеръ сегодня очень не милостивъ.

Многолѣтній опытъ далъ мнѣ возможность судить довольно вѣрно о томъ, когда императоръ оспаривалъ предложенія, которыя я считалъ долгомъ дѣлать ему, руководствуясь только своимъ собственнымъ сужденіемъ, или же желаніемъ поддержать семейный миръ. Въ первомъ случаѣ, я могъ обыкновенно надѣяться, что мы придемъ къ соглашенію, если я съумѣю выждать, пока императоръ не освоится съ вопросомъ, благодаря своему ясному уму; или не велитъ представить его на обсужденіе въ совѣтъ министровъ. Въ такихъ случаяхъ споръ, происходившій между нами, не сходилъ съ дѣловой почвы. Совершенно иначе обстояло дѣло, если король не соглашался съ мнѣніемъ министерства потому, что обсуждаемый вопросъ, по иниціативѣ ея величества, подвергся уже предварительному обсужденію во время завтрака и если ей удалось добиться въ извѣстномъ смыслѣ согласія короля, даннаго хотя бы съ большимъ раздраженіемъ. Въ подобный моментъ, когда король, подъ вліяніемъ написанныхъ ad hoc писемъ и газетныхъ статей, высказывалъ поспѣшныя заключенія въ духѣ антиминистерской политики, ея величество закрѣпляла обыкновенно одержанную ею побѣду, выражая сомнѣніе, въ состояніи ли будетъ король настоять на высказанномъ имъ мнѣніи «противъ Бисмарка». Въ тѣхъ случаяхъ, когда его величество не соглашался со мною не по своему личному убѣжденію, а только подчиняясь женскому вліянію, я догадывался объ этомъ потому, что его доводы были не основательны и не логичны. Въ такихъ случаяхъ, императоръ, не находя въ концѣ концовъ ничего болѣе возразить мнѣ, заканчивалъ обыкновенно обсужденіе вопроса словами: «Тьфу пропасть! ну, такъ я васъ прошу». Я понималъ тогда, что я имѣлъ дѣло въ этомъ случаѣ не съ императоромъ, а съ его супругою.

Всѣ враги, которыхъ я весьма естественно пріобрѣлъ въ разныхъ сферахъ во время моей политической борьбы и при моихъ служебныхъ

отношеніяхъ, въ своей ненависти ко мнѣ нашли такую общую, связующую ихъ силу, которая была сильнѣе, нежели ихъ взаимное расположеніе другъ къ другу. Они отказались на-время отъ своей вражды, чтобы послужить тому, кто питалъ ко мнѣ еще болѣе непріязненныя чувства. Центромъ, вокругъ котораго группировались эти враждебныя мнѣ лица, была императрица Августа, которая не обращала вниманія ни на лѣта, ни на здоровье своего супруга, когда дѣло шло о томъ, чтобы поставить на своемъ.

Во время осады Парижа, точно такъ же, какъ впослѣдствіи, императору часто приходилось выдерживать борьбу, съ одной стороны, между своимъ здравымъ смысломъ и чувствомъ долга, а съ другой — между желаніемъ охранить семейный миръ и женскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла политики. Рыцарскія чувства, которыя онъ питалъ къ ней, какъ къ императрицѣ, къ своей супругѣ, миѳическія чувства, которыя онъ питалъ къ ней, какъ къ коронованной особѣ, огорченіе, которое причиняло ему нарушеніе семейнаго мира и согласія и привычекъ повседневной жизни, создавали мнѣ такія помѣхи, преодолѣть которыя мнѣ было иногда труднѣе, нежели разрушить преграды, которыя создавали иностранныя державы или враждебныя мнѣ партіи; вслѣдствіе моей сердечной привязанности къ императору, это обстоятельство значительно усиливало раздраженіе, возбуждаемое во мнѣ борьбою, которую я считалъ долгомъ вести, отстаивая свои убѣжденія.

Императоръ чувствовалъ это и въ послѣдніе годы жизни не скрывалъ отъ меня своихъ семейныхъ отношеній, совѣтовался со мною, какъ дѣйствовать и въ какой формѣ, чтобы сохранить домашнее спокойствіе, не вредя государственнымъ интересамъ; «горячая голова», такъ называлъ императоръ въ откровенной бесѣдѣ свою супругу, подъ вліяніемъ чувствъ, въ которомъ смѣшивались досада, уваженіе и любовь; эти слова сопровождались такимъ жестомъ, который означалъ приблизительно: «я ничего не могу подѣлать». Я находилъ это названіе весьма мѣткимъ. Когда намъ не угрожало непосредственно никакой опасности, то императрица была бодра, мужественна, повиновалась высшему чувству долга, но, гордая сознаніемъ своего королевскаго достоинства, она не допускала иной власти, кромѣ своей собственной.

Вліяніе, которое принцъ прусскій, въ бытность регентомъ и впослѣдствіи императоромъ, оказывалъ не только на лицъ военныхъ, но и на политическихъ дѣятелей, подчинявшихся его взглядамъ и желаніямъ, объясняется твердыми и благородными свойствами его характера, которыя были у него скорѣе врожденны, нежели привиты воспитаніемъ. Выраженіе «царственное благородство» весьма подходитъ къ его личности. Тщеславіе можетъ побуждать монарха дѣйствовать и трудиться

на благо своихъ подданныхъ. Фридрихъ Великій не былъ чуждъ ему; его первый подвигъ былъ вызванъ желаніемъ достигнуть славы. У императора Вильгельма I не было этого тщеславія; за то онъ чрезвычайно боялся справедливаго суда современниковъ и потомства. Сознавая свое царственное достоинство, онъ подумалъ бы: если человѣкъ осмѣливается хвалить меня въ глаза, слѣдовательно, онъ имѣетъ право также порицать меня въ глаза. Ни того, ни другаго онъ не допускалъ.

Монархъ и парламентъ поняли и научились уважать другъ-друга въ продолженіе той тяжелой внутренней борьбы, которую имъ пришлось вынести; честность, сознаніе своего королевскаго достоинства и самоувѣренное спокойствіе короля снискали ему въ концѣ-концовъ уваженіе противниковъ; самъ король, благодаря высоко развитому въ немъ чувству чести, могъ справедливо оцѣнить положеніе той и другой стороны. Преобладающею его чертою была справедливость не только по отношенію къ своимъ друзьямъ и слугамъ, но также и въ борьбѣ съ врагами. Онъ былъ джентльменомъ на тронѣ, человѣкомъ благороднымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не поддался бы искушенію воспользоваться своей верховной властью для того, чтобы поступить не такъ, какъ повелѣвалъ ему долгъ; всѣ его поступки во внутренней и внѣшней политикѣ подчинялись всегда принципамъ дворянина старой закваски и истаго прусскаго офицера. Онъ считалъ долгомъ держать данное слово не только по отношенію къ монархамъ, но и по отношенію къ своимъ слугамъ, до послѣдняго камердинера. Если ему случалось, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, слишкомъ горячо оберегать свое королевское достоинство и свой долгъ, то онъ умѣлъ быстро овладѣть собою и оставался всегда «королемъ съ головы до ногъ», при томъ королемъ справедливымъ и доброжелательнымъ и истинно военнымъ человѣкомъ, преисполненнымъ чувства чести, котораго одна мысль о достоинствѣ прусскаго офицера могла удержать на должномъ пути.

Императоръ былъ способенъ раздражиться, но во время спора раздраженіе спорившаго не сообщалось ему; въ такихъ случаяхъ, онъ ласково прекращалъ разговоръ. Вспышки гнѣва, подобныя той, какая случилась въ Версалѣ, когда онъ отказывался принять императорскій титулъ, случались весьма рѣдко. Если онъ бывалъ рѣзокъ съ людьми, къ которымъ онъ благоволилъ, какъ напримѣръ къ графу Роону и ко мнѣ, то это значило, что либо его раздражалъ самый предметъ разговора, либо онъ находился подъ вліяніемъ посторонняго частнаго разговора и былъ вынужденъ отстаивать взглядъ, который въ сущности былъ невыполнимъ. Графъ Роонъ относился къ подобнымъ вспышкамъ гнѣва, какъ военный, выслушивающій передъ фронтомъ незаслуженный по его мнѣнію выговоръ начальства, но это страшно дѣйствовало на его

нервы и впослѣдствіи на его здоровье. На меня же взрывы императорскаго гнѣва, которыхъ мнѣ приходилось рѣже быть свидѣтелемъ, нежели Роону, дѣйствовали не раздражающимъ, а успокаивающимъ образомъ.

Я выработалъ себѣ такой взглядъ, что монархъ, удостоивавшій меня такимъ довѣріемъ и благоволеніемъ, какъ Вильгельмъ I, представляетъ для меня, въ моменты своего гнѣва, такую непреодолимую силу, съ которой я не въ состояніи бороться, подобно вѣтру, морю или явленію природы, которому я долженъ подчиняться; это отношеніе вытекало изъ моей личной привязанности къ императору Вильгельму I.

Въ отношеніи къ нему у меня почти не существовало обидчивости, онъ могъ обойтись со мною очень дурно, не вызвавъ во мнѣ раздраженія; я не могъ почувствовать себя имъ оскорбленнымъ, точно такъ же, какъ въ родительскомъ домѣ. Это не мѣшало тому, что, не встрѣчая при обсужденіи политическихъ и дѣловыхъ вопросовъ, со стороны монарха сочувствія или наталкиваясь на предвзятое мнѣніе, исходившее отъ ея величества или отъ придворныхъ интригановъ духовнаго лагеря или отъ франмасоновъ, я поддавался нервному возбужденію, вызванному непрестанной борьбою, и оказывалъ ему пассивное противодѣйствіе, о которомъ нынѣ, при болѣе спокойномъ состояніи духа, я сожалѣю и скорблю, точно такъ, какъ мы испытываемъ грусть по смерти отца, при воспоминаніи о какихъ-либо случайныхъ размолвкахъ съ нимъ.

Благодаря его чистосердечію, искреннему доброжелательству къ окружающимъ и сердечной любезности, проистекавшей изъ сознанія его высокаго положенія, ему легко удавались такія вещи, которыя доставляли не мало труда конституціоннымъ монархамъ и министрамъ. Повторяющіяся изъ года въ годъ обращенія къ народу тѣхъ монарховъ, конхъ конституціонныя учрежденія считаются образцовыми, доставляютъ богатый матеріалъ для публичныхъ рѣчей, но Леопольдъ бельгійскій и Людовикъ Филиппъ, при всей ихъ находчивости, истощили конституціонную фразеологію, и германскій монархъ едва-ли могъ бы увеличить письменно или печатно кругъ употребительныхъ въ этихъ случаяхъ выраженій. Мнѣ самому никакая работа не была такъ непріятна и трудна, какъ составленіе подходящихъ для тронныхъ рѣчей фразъ и тому подобныхъ обращеній къ публикѣ. Когда императору Вильгельму случалось самому редактировать прокламаціи или писать собственноручно письма, то, хотя они и грѣшили иной разъ противъ правилъ грамматики, но въ нихъ всегда было что-то подкупающее и нерѣдко даже воодушевляющее. Онѣ трогали теплотою чувства и вселяли увѣренность, что король не только требовалъ преданности къ себѣ, но что онъ и самъ былъ преданъ народу.

Il était de relation sûre; монархъ душою и тѣломъ, онъ представлялъ собою одну изъ тѣхъ царственныхъ личностей, которыя обладаютъ болѣе качествами сердца, нежели ума; чѣмъ объясняется преданность не на животъ, а на смерть, которую выказываютъ иногда ихъ германскіе слуги и приверженцы.

Одну изъ особенностей людей, глубоко преданныхъ монархическому принципу, составляетъ то, что они въ тѣхъ случаяхъ смотрятъ на себя какъ на слугъ монарха даже, когда они чувствуютъ себя въ силахъ вліять на его рѣшенія. Самъ король похвалилъ однажды (1865 г.) моей женѣ ловкость, съ какою я умѣлъ угадывать его намѣренія и даже, какъ онъ присовокупилъ послѣ короткой паузы, руководить ими. Эта оцѣнка не мѣшала однако сознанію, что онъ былъ властитель, а я его слуга, хотя и полезный, но покорный и преданный.

Это сознаніе не покидало его и въ то время, когда, обсуждая въ весьма возбужденномъ состояніи просьбу объ отставкѣ, поданную мною въ 1877 г., онъ сказалъ: «Неужели же я долженъ осрамить себя на старости лѣтъ? Если вы меня покинете, это будетъ измѣна». Даже и при такихъ обстоятельствахъ онъ слишкомъ высоко цѣнилъ свое королевское достоинство и отличался слишкомъ здравымъ сужденіемъ, чтобы испытать ко мнѣ малѣйшее чувство зависти. Какъ царь, онъ чувствовалъ, что онъ не только могъ мириться съ тѣмъ, что у него былъ слуга, пользовавшійся уваженіемъ и властью, но что это даже возвышало его. Онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы испытать чувство землевладѣльца, который не терпитъ у себя въ деревнѣ богатаго и независимаго крестьянина. Удовольствіе, съ какимъ онъ разрѣшилъ почтить меня по случаю моего 50-ти лѣтняго юбилея [1]) въ 1885 г. и принялъ участіе въ празднествахъ, которыя были устроены не по его приказанію, выставили благородный характеръ этого монарха передъ публикой и потомствомъ въ истинномъ свѣтѣ. Празднованіе состоялось не по его повелѣнію, но съ его дозволенія, и онъ съ радостью принялъ въ немъ участіе. Онъ не испыталъ ни малѣйшей зависти къ своему подданному и слугѣ, его ни на минуту не покидало сознаніе, что онъ монархъ, точно такъ же, какъ самыя преувеличенныя почести не подавили во мнѣ сознанія, что я слуга этого монарха, и это сознаніе радовало меня

Нижеслѣдующія письма живѣе всякихъ словъ рисуютъ характерныя черты императора.

Берлинъ, 13-го января 1870 г.

«Къ сожалѣнію, я позабылъ до сихъ поръ передать вамъ медаль въ честь побѣды, которую слѣдовало, строго говоря, прежде всего по-

[1]) По желанію императора, оно было соединено съ празднованіемъ 70-тилѣтія моего рожденія. Примѣч. Бисмарка.

лучить вамъ, поэтому посылаю ее вмѣстѣ съ симъ, какъ доказательство вашей всемірно-исторической дѣятельности. Вашъ Вильгельмъ».

Я написалъ королю въ тотъ же день:

«Приношу вашему величеству почтительнѣйшую и глубочайшую благодарность за милостивое пожалованіе мнѣ медали въ честь побѣды, и за почетное мѣсто, отведенное мнѣ вашимъ величествомъ на этомъ историческомъ памятникѣ. Воспоминаніе о событіи, которое эта медаль сохранитъ потомству, пріобрѣтаетъ для меня и для моихъ близкихъ особое значеніе, благодаря милостивымъ строкамъ, коими ваше величество сопровождали пожалованіе мнѣ медали. Для самолюбія моего весьма лестно, что потомство увидитъ мое имя подъ крыльями королевскаго орла, указывающаго Германіи ея будущіе пути, но для сердца моего еще болѣе дорого сознаніе, что съ Божіимъ благословеніемъ я служу монарху, унаслѣдовавшему престолъ отъ предковъ, къ которому я питаю чувства искренней любви и преданности, и заслужить одобреніе коего составляетъ для меня самую желанную награду».

Берлинъ, 21-го марта 1871 г.

«Съ открытіемъ, сего числа, перваго, по возстановленіи Германской имперіи, германскаго рейхстага, начинается его оффиціальная дѣятельность. Исторія Пруссіи и ея судьбы давно уже заставляли предполагать возможность событія, которое совершилось нынѣ, когда она призвана стать во главѣ вновь основанной имперіи. Пруссія не столько обязана этимъ величиѣ своей территоріи и своему могуществу, хотя то и другое одинаково возрасли, какъ ея умственному развитію и организаціи ея войска. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ моя страна достигла съ изумительной быстротою того блестящаго состоянія, какимъ она пользуется нынѣ. Съ этимъ періодомъ совпадаетъ дѣятельность, къ которой вы были призваны мною 10 лѣтъ тому назадъ. Весь міръ свидѣтель того, въ какой степени вы оправдали довѣріе, съ какимъ вы были призваны мною къ этой дѣятельности. Вашимъ совѣтамъ, вашей предусмотрительности, вашей неутомимой дѣятельности Пруссія и Германія обязаны всемірно-историческому событію, которое воплощается сегодня въ моей столицѣ.

«Хотя награда за эту дѣятельность въ вашемъ собственномъ сознаніи, но все же я вынужденъ и считаю долгомъ публично выразить вамъ вѣчную благодарность отечества и мою собственную. Возвожу васъ поэтому въ княжеское, Прусской имперіи, достоинство, съ тѣмъ, чтобы оно переходило по наслѣдству къ старшему члену вашей семьи въ мужскомъ поколѣніи.

«Я желалъ бы, чтобы вы видѣли въ этомъ отличіи вѣчную признательность вашего императора и короля Вильгельма».

Берлинъ, 2-го марта 1872 г.

«Мы празднуемъ сегодня первую годовщину заключенія славнаго мира, одержаннаго нами благодаря мужеству и самоотверженію войска, но который, благодаря вашей предусмотрительности и энергіи, привелъ къ такимъ послѣдствіямъ, коихъ нельзя было предвидѣть! Еще разъ отъ всего сердца приношу вамъ сегодня искреннюю благодарность, которая уже была выражена мною ранѣе желѣзомъ и благородными металлами. Недостаетъ еще одного металла—бронзы. Поэтому предоставляю вамъ сегодня на память предметъ изъ этого металла, при томъ въ видѣ той вещи, которую вы заставили смолкнуть годъ тому назадъ; я приказалъ препроводить къ вамъ, по вашему собственному выбору, нѣсколько орудій, взятыхъ у непріятеля, съ тѣмъ, чтобы вы поставили ихъ въ вашемъ имѣніи въ вѣчное воспоминаніе оказанныхъ вами мнѣ и отечеству высокихъ услугъ! Вамъ искренно преданный и признательный Вильгельмъ».

Кобленцъ, 26 іюля 1872 г.

«28-го числа сего мѣсяца вы будете справлять радостный семейный праздникъ, который Господь, по своей милости, ниспослалъ вамъ. Я не могу и даже не имѣю права не принять участія въ этомъ праздникѣ, и прошу васъ и княгиню, вашу супругу, принять мои искреннія и горячія благопожеланія по случаю этого радостнаго дня. Вы вознесете молитвы ко Всевышнему за то, что при всѣхъ благахъ, излитыхъ на васъ Провидѣніемъ, семейное счастіе было для васъ всегда высшимъ благомъ. Но благодарственныя молитвы мои и всѣхъ насъ идутъ далѣе; мы благодаримъ Бога за то, что онъ поставилъ васъ въ столь важный моментъ подлѣ меня и тѣмъ открылъ моему правительству такіе пути, которые далеко превзошли все, что можно было предвидѣть и ожидать. Вы также вознесете благодарность Господу за то, что онъ даровалъ вамъ возможность совершить такія выдающіяся дѣла. Трудясь и оканчивая свой трудъ, вы находили всегда дома отдыхъ и спокойствіе, и это поддерживало васъ при исполненіи вашихъ многотрудныхъ обязанностей. Мое всегдашнее желаніе сохранить и подкрѣпить васъ для этихъ трудовъ; я радъ видѣть изъ вашего письма, переданнаго мнѣ гр. Лендорфомъ, и слышать отъ него лично, что вы будете теперь думать болѣе о себѣ, нежели о бумагахъ.

«На память о вашей серебряной свадьбѣ вамъ будетъ передана ваза, изображающая признательную Borussia (Пруссію); хотя матеріалъ, изъ котораго она сдѣлана, весьма хрупокъ, но каждый ея осколокъ долженъ выражать то, чѣмъ Пруссія обязана вамъ за то, что вы подняли ее на высоту, на которой она нынѣ стоитъ. Вамъ искренно преданный и благодарный король Вильгельмъ».

Кобленцъ, 6-го ноября 1878 г.

«Вамъ было суждено въ теченіе четверти вѣка, благодаря вашей предусмотрительности, мудрости и смѣлости, возвратить Европѣ миръ и поддержать его, а затѣмъ выступить, вооружившись закономъ, на защиту Германіи противъ врага, который угрожалъ гибелью всѣмъ государственнымъ устоямъ. Когда эти міровыя событія были поняты и оцѣнены всѣми благонамѣренными людьми, то вамъ было воздано за нихъ должное, и я имѣлъ возможность засвидѣтельствовать вамъ мою признательность за первое изъ помянутыхъ событій—за Берлинскій конгрессъ, теперь же я считаю долгомъ выразить вамъ также публично мою благодарность за смѣлость, съ какою вы защищали законныя права. Законъ [1]), о которомъ я говорю, и обнародованіе котораго было вызвано прискорбнымъ для моего сердца событіемъ, долженъ обезпечить нѣмецкимъ государствамъ, а слѣдовательно и Пруссіи, ихъ теперешнее законное существованіе.

«Въ знакъ моей признательности за выдающіяся за слуги, оказанныя вами моей Пруссіи, я препровождаю вамъ при семъ орденъ, составленный изъ знаковъ ея могущества: короны, скипетра и меча, къ которымъ я велѣлъ присоединить орденскіе знаки Краснаго орла 1 ст., который вы постоянно носите.

«Мечъ свидѣтельствуетъ о храбрости и предусмотрительности, съ какими вы умѣете поддерживать мой скипетръ и мою корону.

«Да ниспошлетъ вамъ Провидѣніе силы еще много лѣтъ служить на пользу моего правительства и на благо отечества съ присущимъ вамъ патріотизмомъ. Вамъ искренно преданный и признательный Вильгельмъ».

Берлинъ, 1-го апрѣля 1879 г.

«Къ сожалѣнію, я не могу высказать вамъ мои пожеланія, къ сегодняшнему дню, лично, ибо хотя мнѣ и позволено выѣхать сегодня первый разъ, но не разрѣшено еще подниматься по лѣстницамъ.

«Прежде всего, желаю вамъ здоровья, такъ какъ отъ него зависитъ всякая дѣятельность, вы же проявляете ее, въ настоящее время, съ необычайною энергіей; это доказываетъ, что дѣятельность поддерживаетъ, въ свою очередь, здоровье. Да продолжится она и впредь къ благу отечества, въ тѣсномъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ.

«Пользуюсь сегодняшнимъ днемъ, чтобы произвести вашего зятя, графа Ранцау, въ чинъ совѣтника при посольствѣ (Legationsrath), полагая, что это доставитъ вамъ удовольствіе.

«Посылаю вамъ также снимокъ съ портрета моего великаго предка,

---

[1]) Законъ 21-го октября 1878 г. противъ угрожавшихъ общественному спокойствію стремленій соціалъ-демократовъ. Примѣч. Бисмарка.

великаго курфирста, на память о сегодняшнемъ днѣ; отъ души желаю, чтобы мы еще много лѣтъ праздновали его. Вамъ признательный Вильгельмъ».

На Рождествѣ, 1883 года, императоръ подарилъ мнѣ снимокъ съ памятника въ Нидервальдѣ, къ которому былъ прикрѣпленъ листокъ слѣдующаго содержанія:

Къ Рождеству.

1883 г.

«Послѣдній камень возведеннаго вами политическаго зданія; празднество, особенно близко касавшееся васъ, и на которомъ вы, къ сожалѣнію [1]), не могли присутствовать. В.».

Берлинъ, 1-го апрѣля 1885 г.

«Любезный князь! По всей Германіи и во всемъ нѣмецкомъ народѣ обнаружилось искреннее желаніе засвидѣтельствовать вамъ, по случаю 70-ти-лѣтняго дня вашего рожденія, тотъ фактъ, что воспоминаніе обо всемъ, сдѣланномъ вами для величія отечества, живо въ сердцахъ благодарныхъ гражданъ; я также чувствую искреннюю сердечную потребность выразить вамъ сегодня, какъ искренно меня радуетъ, что въ народѣ сказалась эта потребность выразить вамъ его признательность и уваженіе. Это радуетъ меня, такъ какъ эта благодарность по истинѣ и вполнѣ вами заслужена; мнѣ пріятно видѣть, что подобное настроеніе охватило массу народа, ибо когда онъ отдаетъ должное истинному и великому и отдаетъ дань уваженія и прославляетъ заслуги своихъ дѣятелей, то это дѣлаетъ ему честь въ настоящемъ и подаетъ надежду на будущее.

«Принять участіе въ этомъ празднествѣ составляетъ для меня и для моей семьи истинную отраду; прилагаемымъ при семъ снимкомъ (императорской прокламаціи въ Версалѣ) мы хотимъ выразить вамъ чувства признательности, одушевлявшія насъ при этомъ, ибо онъ изображаетъ одинъ изъ величайшихъ моментовъ въ исторіи дома Гогенцоллерновъ, о которомъ нельзя вспомнить, не припомнивъ, одновременно, и о вашихъ заслугахъ.

«Вамъ извѣстно, любезный князь, что я всегда буду питать къ вамъ величайшее довѣріе, самое искреннее расположеніе и самую горячую признательность! Поэтому я повторяю внастоящемъ письмѣ лишь то, что я уже много разъ говорилъ вамъ, и полагаю, что это изображеніе докажетъ отдаленнѣйшимъ вашимъ потомкамъ, что вашъ императоръ и король и его семейство вполнѣ понимали, чѣмъ они были вамъ обязаны.

«Съ этими мыслями и чувствами я заканчиваю эти строки. На вѣки вамъ благодарный и искренно преданный императоръ и король Вильгельмъ».

---

[1]) По причинѣ болѣзни. Прим. Бисмарка.

Берлинъ, къ 23-му сентября 1887 г.

«Вы празднуете, любезный князь, 23-го сентября сего года день, въ который, 25 лѣтъ тому назадъ, я призвалъ васъ на службу въ министерство и затѣмъ назначилъ васъ его главою. Выдающіяся заслуги, оказанныя вами отечеству еще ранѣе, при исполненіи самыхъ разнообразныхъ и важныхъ порученій, дали мнѣ право возложить на васъ эти обязанности. Исторія послѣдней четверти текущаго столѣтія доказываетъ, что, остановивъ свой выборъ на васъ, я не ошибся.

«Вы были яркимъ примѣромъ искренней любви къ отечеству, неутомимой дѣятельности, для которой вы нерѣдко жертвовали своимъ здоровьемъ; вы неутомимо слѣдили за осложненіями, возникавшими въ мирное и въ военное время, и направляли ихъ къ хорошему концу; вы вели пруссаковъ къ почестямъ и славѣ и доставили имъ такое положеніе во всемірной исторіи, о которомъ никто не могъ мечтать; такая дѣятельность даетъ мнѣ полное право начать день 25-ти-лѣтняго юбилея, 23-го сентября, благодарственной къ Господу Богу молитвою за то, что онъ поставилъ васъ подлѣ меня, чтобы совершить Его волю на землѣ.

«Приношу вамъ, за все это, еще разъ благодарность, которую я неоднократно высказывалъ вамъ на словахъ и на дѣлѣ.

«Отъ всего, преисполненнаго благодарностью, сердца желаю вамъ счастья и отъ души желаю, чтобы вы долго еще могли служить своими силами на благо престола и отечества. Вѣчно вамъ благодарный король и другъ Вильгельмъ».

«P. S. Въ воспоминаніе объ истекшихъ 25-ти годахъ посылаю вамъ изображеніе того зданія, въ которомъ мы приступили къ обсужденію и къ выполненію столь важныхъ задачъ, которыя поведутъ, надо полагать, къ чести и къ благу Германіи. В.».

Послѣднее письмо отъ императора получено мною 23-го декабря 1887 года. По сравненію съ предъидущими, по слогу этого письма и по почерку, было замѣтно, что императору, послѣдніе три мѣсяца, стало гораздо труднѣе излагать свои мысли устно и письменно; но это не мѣшало ясности его мыслей, не мѣшало ему проявлять отеческую заботливость о чувствахъ своего больнаго сына и о надлежащемъ образованіи своего внука.

Было бы ошибкою, при передачѣ этого письма, что-либо измѣнить въ немъ.

Берлинъ, 23-го декабря 1887 г.

«Прилагаю при семъ указъ о производствѣ вашего сына въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ просьбою передать этотъ указъ вашему сыну—это удовольствіе, котораго я не хочу лишать васъ. Я полагаю, что онъ порадуетъ троихъ: васъ, вашего сына и меня!

«Пользуюсь случаемъ, чтобы объяснить вамъ, почему я до сихъ поръ ничего не отвѣчалъ на ваше предложеніе познакомить моего внука, принца Вильгельма, ближе съ государственными дѣлами, въ виду плохаго состоянія здоровьяго моего сына.

«Въ принципѣ, я вполнѣ согласенъ съ вами, что это необходимо, но выполненіе этого плана весьма затруднительно; вамъ извѣстно, конечно, что принятое мною, по вашему совѣту, вполнѣ естественное, само по себѣ, рѣшеніе, чтобы мой внукъ В. подписывалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ это невозможно, текущія бумаги гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, присовокупляя подъ своею подписью слова «по высочайшему повелѣнію», чрезвычайно раздражило кронпринца, словно въ Берлинѣ уже думаютъ о томъ, какъ бы замѣнить его! Обсудивъ этотъ вопросъ болѣе хладнокровно, мой сынъ, вѣроятно, успокоится. Еще труднѣе было бы ему помириться съ этимъ, узнавъ, что его сыну предоставлено еще большее участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и что при немъ назначенъ даже состоять статскій адъютантъ (civil adjutant), какъ я называлъ, въ свое время, моихъ докладчиковъ. Но тогда дѣла находились совершенно въ иномъ положеніи; такъ какъ король, мой отецъ имѣлъ причины назначить замѣстителя тогдашняго кронпринца и хотя уже давно можно было предположить, что престолъ перейдетъ ко мнѣ, но объявленіе о томъ послѣдовало лишь тогда, когда мнѣ исполнилось 44 года, когда мой братъ назначилъ меня сразу членомъ государственнаго совѣта, съ титуломъ принца прусскаго. При моемъ тогдашнемъ положеніи было необходимо содѣйствіе опытнаго дѣловаго человѣка для того, чтобы подготовлять меня каждый разъ къ участію въ засѣданіяхъ министерства. Въ то же время я получалъ ежедневно политическія депеши послѣ того, какъ послѣднія, судя по наложеннымъ на нихъ печатямъ, проходили черезъ 4—5—6 рукъ! Слѣдовательно, если назначить къ моему внуку государственнаго сановника, какъ вы предлагаете, единственно для собесѣдованія, то это не можетъ быть объяснено необходимостью подготовлять его, какъ меня, съ извѣстной цѣлью, и это, безъ сомнѣнья, раздражило бы вновь еще болѣе моего сына, чего, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ избѣгать. Поэтому предлагаю вамъ, чтобы былъ сохраненъ прежній способъ изученія дѣлъ и ознакомленія съ государственнымъ устройствомъ, то-есть, чтобы это было возложено на отдѣльныя министерства; быть можетъ, эту обязанность можно будетъ распространить еще на два министерства, подобно тому, какъ это было нынѣшнюю зиму, когда мой внукъ добровольно сталъ посѣщать министерство иностранныхъ дѣлъ и министерство финансовъ, а съ новаго года это можно сдѣлать обязательнымъ, присоединивъ къ этому, пожалуй, министерство внутреннихъ дѣлъ, при чемъ моему внуку могло бы быть разрѣшено въ (не разобрано) случаяхъ

знакомиться съ дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ. Это продолженіе уже установившагося обычая можетъ менѣе раздражить моего сына, хотя, если припомните, онъ противъ этого сильно возставалъ.

«Прошу васъ высказать ваше мнѣніе по этому поводу.

«Желая всѣмъ вамъ пріятныхъ праздниковъ, остаюсь вамъ признательный Вильгельмъ».

«Прилагаемый при семъ Patent будьте любезны контрасигновать прежде, нежели передать его по назначенію. В.».

Императрица Августа рѣдко дѣлала приписки въ письмахъ императора ко мнѣ; ея послѣднее письмо, диктуя которое, она вѣроятно вспоминала о нашей борьбѣ, такъ же точно, какъ я вспоминалъ о ней, читая его, было слѣдующаго содержанія:

«Писано подъ диктовку.

Баденъ-Баденъ, 24-го декабря 1888.

«Любезный князь! Обращаясь къ вамъ съ этими строками, я исполняю этимъ, по окончаніи столь важнаго года въ моей жизни, долгъ признательности. Вы служили вѣрою и правдою нашему незабвенному императору и исполнили мою просьбу своими попеченіями о его внукѣ Вы выказали мнѣ участіе въ горькія минуты моей жизни, поэтому, передъ наступленіемъ новаго года, я считаю долгомъ еще разъ поблагодарить васъ и сказать вамъ, что мы разсчитываемъ и впредь на вашу помощь при превратностяхъ нашего тревожнаго времени. Я собираюсь тихо отпраздновать наступленіе новаго года въ семейномъ кругу и посылаю дружескій привѣтъ вамъ и вашей супругѣ. Августа».

Подпись сдѣлана собственноручно, но почеркъ далеко не похожъ на тотъ твердый почеркъ, коимъ императрица писала раньше.

Весьма многіе думали ошибочно, что при переходѣ престола отъ императора Вильгельма къ императору Фридриху должна была произойти перемѣна министерства. Лѣтомъ 1848 г. я имѣлъ впервые случай познакомиться съ 17-ти-лѣтнимъ тогда кронпринцемъ и видѣть съ его стороны доказательство личнаго довѣрія ко мнѣ. Довѣріе это иногда колебалось (до 1866 г.), но онъ выразилъ его рѣшительно и открыто въ Гастейнѣ въ 1863 г. Во время войны 1866 г., въ особенности въ то время, когда мнѣ пришлось вести въ Никольсбургѣ борьбу съ королемъ и съ высшимъ военнымъ начальствомъ, коимъ я доказывалъ своевременность заключенія мира, кронпринцъ удостоивалъ меня своего довѣрія, независимо отъ разногласія въ нашихъ политическихъ принципахъ и взглядахъ. Съ разныхъ сторонъ, не исключая крайней правой, были сдѣланы попытки поколебать это довѣріе, и для этого были пущены въ ходъ всевозможные прописки и выдумки, не имѣвшіе

впрочемъ особеннаго успѣха; для того чтобы разстроить ихъ, достаточно было личнаго объясненія между кронпринцемъ и мною.

Когда состояніе здоровья Вильгельма I внушало, въ 1885 году, серьезныя опасенія, кронпринцъ пригласилъ меня въ Потсдамъ и спросилъ, останусь ли я на службѣ въ случаѣ, если престолъ перейдетъ къ другому монарху. Я отвѣчалъ, что я готовъ остаться подъ двумя условіями: чтобы власть не была въ рукахъ парламента и чтобы въ политикѣ не было иностранныхъ вліяній. «Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!» сказалъ кронпринцъ, сдѣлавъ соотвѣтственное движеніе рукою.

Со стороны его супруги я не могъ разсчитывать на таковое же благоволеніе; естественная, врожденная ея любовь къ родинѣ выразилась на первыхъ же порахъ въ стараніи перетянуть, при извѣстной группировкѣ европейскихъ державъ, центръ тяжести Пруссіи и Германіи на сторону ея отечества, каковымъ она никогда не переставала считать Англію; понимая, насколько расходятся интересы обѣихъ азіатскихъ державъ, Англіи и Россіи, она желала, чтобы, въ случаѣ разрыва между ними, Германія оказалась на сторонѣ Англіи. Это разногласіе во взглядахъ, проистекавшее отъ различія національностей, послужило поводомъ къ объясненіямъ между ея императорскимъ высочествомъ и мною. Она всегда имѣла на своего мужа большое вліяніе, которое усиливалось съ годами до тѣхъ поръ, пока онъ не вступилъ на престолъ. Однако и она находила, что при перемѣнѣ монарха меня слѣдовало сохранить въ интересахъ династіи.

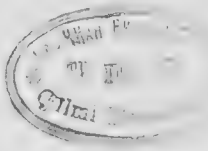
Я не намѣренъ, да это было бы и немыслимо, опровергать всѣ пущенныя въ ходъ легенды и злостныя выдумки. Но въ виду того, что разсказъ о томъ, будто бы кронпринцъ, по возвращеніи изъ Эмса, въ 1887 г., подписалъ актъ, коимъ, въ случаѣ кончины своего отца, онъ отказывался отъ престола въ пользу принца Вильгельма, приведенъ въ одномъ англійскомъ сочиненіи, то я хочу засвидѣтельствовать, что въ этомъ разсказѣ не было и тѣни правды. Также точно невѣрно, будто наслѣдникъ престола, страдающій неизлѣчимой болѣзнію, не можетъ по нашимъ законамъ наслѣдовать престолъ, какъ это думали нѣкоторыя лица въ 1887 г. Но былъ моментъ, когда я счелъ долгомъ вступиться за права больнаго, исторія болѣзни коего касается исключительно медицинской науки. Пользовавшіе его врачи рѣшили, въ исходѣ мая 1887 г., захлороформировавъ кронпринца, произвести у него извлеченіе гортани, не предупредивъ его о томъ.

Я возсталъ противъ этого, потребовалъ, чтобы это было сдѣлано не иначе, какъ съ вѣдома паціента, и такъ какъ дѣло шло о наслѣдникѣ престола, то чтобы на это было получено согласіе и главы семейства. Императоръ, узнавъ объ этомъ отъ меня, запретилъ дѣлать операцію безъ согласія его сына.

Изъ частныхъ писемъ ко мнѣ императора Фридриха привожу здѣсь одно, какъ образчикъ его образа мыслей и выраженій, а также какъ опроверженіе выдумки, будто я былъ «врагъ арміи».

«Шарлоттенбургъ, 25-го марта 1888 г.

«Я вспоминаю вмѣстѣ съ вами, любезный князь, протекшія сегодня 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вы вступили въ ряды войска, и отъ души радуюсь, что тогдашній егерь гвардіи можетъ оглянуться съ чувствомъ такого удовлетворенія на истекшіе полвѣка. Я не буду пускаться сегодня въ пространныя разглагольствованія относительно государственныхъ заслугъ, которыя навсегда связали ваше имя съ нашей исторіей. Но я долженъ упомянуть объ одной: всякій разъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы улучшить благосостояніе войска, его вооруженіе и его боевую готовность, вы всегда были готовы за это бороться и настаивать на этомъ. Поэтому войско благодарно вамъ за полученныя имъ благодѣянія и вѣчно будетъ признательно за нихъ вамъ, со своимъ военноначальникомъ во главѣ, который всего нѣсколько дней тому назадъ былъ призванъ занять это мѣсто послѣ кончины того, который всегда и всею душою заботился о благосостояніи войска. Вамъ доброжелательный Фридрихъ».



КОНЕЦЪ.

5p